ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

Алексей Карпов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вниманию читателей предлагается первая полноценная биография князя Юрия Владимировича Долгорукого (ум. 1157). Он вошел в историю не только как основатель Москвы, но и как выдающийся политик и государственный деятель своего времени, создатель Суздальского княжества — государственного ядра будущей Великороссии. Личность князя и его многообразная деятельность — взаимоотношения с другими князьями, войны, церковная политика, строительство городов, дипломатические контакты с Византией и Степью — прослеживаются автором на основании скрупулезного анализа сохранившихся источников.

- Алексей Карпов
  -
  - Часть первая.
    - ПЕРВЫЙ ПУТЬ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО
    - МОНОМАШИЧ
    - «ГЮРГЕВА МАТИ»
    - «АЕПИНА ДЩЕРЬ»
    - СУЗДАЛЬ ИЛИ РОСТОВ?
    - БОЛГАРСКИЙ ПОХОД
    - СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
    - МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ
  - Часть вторая.
    - ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ МЕНА
    - «РАЗДРАСЯ ЗЕМЛЯ РУССКАЯ»
    - НОВГОРОДСКИЕ ДЕЛА
    - В ЛОНЕ СЕМЬИ
    - КАЗНЬ БОЯРИНА КУЧКИ
    - ДОЛГАЯ РУКА
    - ОЛЬГОВО ПЛЕМЯ
    - ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ — КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ
  - Часть третья.
    - ЛЕСНАЯ ЗЕМЛЯ

        - «ПРИДИ КО МНЕ, БРАТЕ, В МОСКОВ»
        - УБИЙСТВО ИГОРЯ
        - «МИР СТОИТ ДО РАТИ, А РАТЬ ДО МИРА»
        - ЦЕРКОВНАЯ СМУТА
        - ВТОРЖЕНИЕ
        - «ВСЕХ НАС СТАРЕЙ ОТЕЦ ТВОЙ»: ПЕРВОЕ КИЕВСКОЕ КНЯЖЕНИЕ
        - РАССТАНОВКА СИЛ: УГРЫ И ЛЯХИ, КНЯЗЬ ВЛАДИМИРКО ГАЛИЦКИЙ И ДРУГИЕ
        - ПОХОД НА ВОЛЫНЬ
        - «…А С НАМИ НЕ УМЕЕТ ЖИТИ»: БЕГСТВО ИЗ КИЕВА
        - «НЕ ИДЕТ МЕСТО К ГОЛОВЕ, НО ГОЛОВА К МЕСТУ»: ВТОРОЕ КНЯЖЕНИЕ
        - КИЕВСКИЕ ДУУМВИРЫ
        - ПОБОИЩЕ НА РУТЕ
        - ЗАРЕВО НАД ГОРОДЦОМ
    - Часть четвертая.
        - «И ОТВЕРЗ ЕМУ БОГ РАЗУМНЕЙ ОЧИ…»
        - КИДЕКША
        - ПЕРЕЯСЛАВЛЬ НОВЫЙ
        - ЮРЬЕВ-ПОЛЬСКОЙ. ДМИТРОВ
        - ЧЕРНИГОВСКАЯ ВОЙНА
        - «СИЙ ЛИ КРЕСТЕЦ МАЛЫЙ?»: СМЕРТЬ ВЛАДИМИРКА ГАЛИЦКОГО
        - МОР
        - ПОСЛЕ ИЗЯСЛАВА
    - Часть пятая.
        - ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ
        - «И БЫСТЬ ТИШИНА В РУСЬСТЕИ ЗЕМЛИ»
        - ВЛАДИМИРСКАЯ ИКОНА: ПУТЬ НА СЕВЕР
        - ПРОКЛЯТИЕ МИТРОПОЛИТА КОНСТАНТИНА
        - КРЕПОСТЬ НА БОРОВИЦКОМ ХОЛМЕ
        - СНОВА ВОЙНА
        - «БЫСТЬ КОТОРА ЗЛА В ЛЮДЯХ…»
        - ПОСЛЕДНИЙ ПИР ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО
        - P. S. О СУДЬБЕ ОСТАНКОВ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КНЯЗЯ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ДОЛГОРУКОГО
    - СПИСОК КАРТ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161

- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205

- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249

- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293

- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337

- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364

Алексей Карпов
ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК
1178
(978)

«Молодая гвардия», 2006

Часть первая.
РОСТОВ И СУЗДАЛЬ
1096-1132

ПЕРВЫЙ ПУТЬ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

Княжеские челны рассекали речную гладь, устремляясь на север. Ветер едва шевелил распущенные паруса, и гребцам приходилось работать с полным напряжением сил. Каждый взмах веслами, каждое движение тел давались с трудом. Пот ручьями стекал по спинам гребцов, от усталости ломило в глазах. Но нельзя было и подумать о том, чтобы хоть на мгновенье выпустить весло из рук, расправить затекшие члены, смахнуть пот со лба. С каждым взмахом веслами, с каждым движением тел, с каждым выдохом цель становилась ближе. Река отдавала свое пространство людям. Челны, ни на минуту не замедляя свой бег, все так же стремились на север.

В первом челне плыл мальчик, ради которого и затеяно было путешествие. Богатые одежды и пурпурный плащ свидетельствовали о его княжеском происхождении. Мальчика сопровождал мужчина, одетый как воин. По возрасту он годился мальчику в отцы и был его «кормильцем», то есть воспитателем, «дядькой»-наставником, приставленным к нему отцом. Мальчика звали Георгием. (В древней Руси в обычной жизни это имя произносилось как Гюрги, иногда Дюрги; отсюда — Юрий. Именно так — в соответствии с современным произношением — мы и будем называть героя нашей книги.) Он был шестым сыном переяславского князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Отец отправил его на княжение в Ростов и Суздаль и приставил к нему своего воеводу — тоже Георгия, сына знаменитого варяга Шимона, некогда приставленного к отцу Владимира Мономаха князю Всеволоду Ярославичу самим Ярославом Мудрым.

И мальчик, и воевода пристально вглядывались вдаль. Несомненно, одна и та же мысль владела ими: что ждет их впереди? что сулит им плавание? Но мальчик в силу возраста не мог задумываться об этом всерьез — он ждал от путешествия лишь новых впечатлений, всеобщего внимания, подарков. На воеводу же Георгия ложился огромный груз ответственности за все, что должно было случиться с ними — и на их пути к цели, и в той земле, куда им предстояло добраться. Мальчику — если не случится ничего непредвиденного — суждено было стать князем — пускай пока что лишь по названию, но не по сути. Воеводе же до совершеннолетия княжича предстояло править отдаленной от Киева Ростовской землей, исполняя волю всесильного Мономаха, но не забывая о том, что наступит время, мальчик вырастет, и ему, воеводе, придется исполнять уже его волю.

Челны плыли в Ростовскую, или Залесскую, землю, как

называли ее в южной Руси. Их путь шел вверх по Днепру — до Смоленска и далее через систему волоков к реке Вазузе, притоку Волги. Это был кружной, дальний путь, но он считался самым надежным и безопасным. К тому же большая часть пути проходила по владениям Мономаха.

Принадлежал Мономаху и Смоленск — главный город в земли кривичей. Через Смоленск проходили торговые пути из Киева в самые разные страны: и в богатый Новгород на Волхове, и за море, в Варяжскую землю, и во враждебный Мономаху Полоцк. Через Смоленск же лежал путь на Волгу. По ней можно было проплыть в «Болгары» и «Хвалисы» и далее по Каспийскому («Хвалисскому») морю — в сказочные страны Востока, откуда на Русь с давних пор привозили серебро и разные диковинные товары.

Владимир Мономах бывал в Смоленске немногим реже, чем в родном Переяславле. Ездил сюда и один, с дружиной, и вместе с семьей. 7 марта 1100 года, «на средохрестие» (то есть в среду четвертой, срединной, недели Великого поста), князь вместе с епископом Симеоном заложил в Смоленске каменную церковь Пресвятой Богородицы — «епискупью», как называет ее летописец. Можно думать, что Мономах намеревался открыть в Смоленске новую епископскую кафедру, а может быть, даже перенести сюда центр Переяславской епархии. Этот город был вторым по значению в его владениях. Посвященный Божьей Матери каменный храм превращал Смоленск в один из главных духовных центров Руси.

Почти напротив Смоленска, в устье реки Смядыни, стояла еще одна церковь. Она была поставлена на месте гибели святого князя Глеба Владимировича. Братья-страстотерпцы Борис и Глеб, сыновья великого Владимира, Крестителя Руси, принявшие мученическую смерть от своего брата Святополка Окаянного в 1015 году, почитались на Руси как святые чудотворцы, небесные заступники княжеского рода и всей Русской земли. Путь княжича Юрия и его «дядьки»-воеводы начался от Переяславля, стольного города Владимира Мономаха, — можно сказать, от самого места гибели старшего из братьев, святого Бориса, убитого посланцами Святополка на берегу реки Альты, близ Переяславля. С молитвы на крови святого Бориса началось это путешествие, молитвою на крови святого Глеба продолжилось. К этому времени на Смядыни близ Смоленска уже существовал монастырь во имя святых страстотерпцев, в котором путешественники непременно должны были отстоять молебен.

Спустя несколько дней, выйдя на Волгу, они миновали еще одно памятное место, трагически связанное с именем святого

Глеба. Согласно преданию, близ устья реки Тверцы, на месте будущего великого русского града Твери, под князем Глебом споткнулся и подломил ногу конь, знаменуя близкую гибель святого. (Позднее на этом месте будет построен еще один монастырь во имя святых Бориса и Глеба.) Здесь Глеб пересел в ладью, чтобы продолжить свой крестный путь. Здесь же могли сойти с ладей и княжич Юрий и его спутники. Но скорее всего они продолжили плавание по Волге. Подчиняясь теперь уже течению реки (отчего плыть стало намного легче), путешественники добрались до устья другого волжского притока — Нерли. Далее можно было продолжать плавание по Волге до города Ярославля, основанного дедом Владимира Мономаха Ярославом Мудрым, и подняться вверх по течению реки Которосли до самого Ростовского озера (озера Неро), или же плыть вверх по Нерли Волжской и оттуда добираться к истокам реки Сары, впадающей в то же Ростовское озеро. Можно было, наконец, пересесть на коней и двигаться к Ростову сухим путем. Наверное, именно так они и поступили,

…Сколько еще раз в своей жизни придется князю Юрию совершать путешествие из Ростова или Суздаля к Киеву и обратно из Киева к Суздалю или Ростову?! Но, удивительное дело, путь на юг всегда будет казаться ему много легче. Едва ли это можно объяснить только тем, что, спускаясь к Киеву по Днепру, он мог воспользоваться силой течения — река как будто сама несла его челны туда, куда ему было нужно. Наверное, дело в другом. Юг манил Юрия. Он видел свою будущность в Киеве, на «златом» киевском престоле, на котором некогда восседали его знаменитые предки — пращур Владимир, прадед Ярослав, дед Всеволод, отец Владимир Мономах. Залесская же земля, в которой ему предстояло править и которая в конце концов и обессмертит его имя, казалась ему захолустьем, окраиной, не достойной его честолюбивых замыслов. И потому возвращение на север всякий раз давалось ему мучительно, воспринималось как поражение… Но все это будет после. Пока же княжич Юрий вместе со своим многоопытным «дядькой»-наставником совершал свое первое путешествие из Киева к Ростову.

С этого путешествия и начинается известная нам биография князя Юрия Владимировича Долгорукого. Самое раннее упоминание о нем содержится, по всей видимости, в Патерике киевского Печерского монастыря, в Слове о создании «Великой» Печерской церкви Пресвятой Богородицы, принадлежащем перу епископа Владимиро-Суздальского Симона, жившего в XIII веке. Слово это повествует о варяге Шимоне, воеводе князя Всеволода Ярославича: в благодарность за предсказанное ему спасение в

битве с половцами на реке Альте в 1068 году Шимон пожертвовал монастырю золотое латинское Распятие, которым позднее была «размерена» «Великая» Печерская церковь. «И сей Симон (этим именем был наречен варяг Шимон после принятия православия. — *А.К.)* первым положен был в той церкви, — рассказывается в Патерике, — С той поры сын его Георгий великую любовь имел к святому тому месту. И был послан Владимиром Мономахом в Суздальскую землю тот Георгий; дал же ему на руки (Владимир. — *А.К.)* и сына своего Георгия…»[{1}]

Из слов «на руки» вовсе не обязательно следует, что Юрий был совсем уж младенцем, которого приходилось держать на руках. Но слова эти свидетельствуют о том, что он не достиг еще совершеннолетия (то есть, в соответствии с представлениями древней Руси, возраста двенадцати-тринадцати лет) и не был готов к самостоятельному княжению, а потому нуждался в «кормильце», каковым и стал для него воевода Георгий.

Мы не знаем точно, когда было совершено это путешествие. Но с большой долей вероятности можно предполагать, что описываемые события происходили после 1097 года (этим годом датируется Любечский съезд князей, который закрепил Ростовскую и Суздальскую землю за Владимиром Мономахом) и ранее 1108 года, когда, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, князь Юрий совершит новое путешествие в Ростов — на этот раз вместе с отцом и юной супругой.

* * *

Ростовская земля в то время едва оправилась от разорительной междоусобной войны, в которую были вовлечены старшие братья Юрия Долгорукого.

В самом начале 1096 года сын Владимира Мономаха Изяслав выступил из Курска и занял Муром, захватив посадника князя Олега Святославича Черниговского, своего двоюродного дяди и к тому же крестного отца. В апреле сам Владимир Мономах в союзе с другим своим двоюродным братом, Святополком Изяславичем Киевским, начал войну против Олега. В начале июня, после тридцатитрехдневной осады Стародуба (в нынешней Брянской области) Олег был вынужден сдаться. Однако, отправленный князьями в Смоленск, к своему родному брату Давыду (в то время ненадолго занявшему смоленский престол), он нарушил крестное целование и возобновил военные действия — теперь против сына Мономаха Изяслава. В битве у Мурома 6 сентября 1096 года

Изяслав погиб, а его войско разбежалось. Летописец, в целом настроенный не слишком благожелательно к Олегу, на сей раз не стал осуждать его, но возложил вину за случившееся на самого Изяслава, ибо Муром по праву принадлежал Олегу, был его *«отчиной»:* Изяслав «надеяся на множество вой; Олег же надеяся на правду свою, яко прав бе в семь Олег»[2]. Да и сам Мономах позднее в письме к Олегу признал вину своего сына: «Да не выискывати было чюжего, ни мене в сором, ни в печаль ввести. Научиша бо и (его. — *А.К.)* паропци (отроки, слуги. — *А.К.)*…»[3]

Однако Олег не ограничился восстановлением своей власти над Муромом. По взятии города, свидетельствует летописец, он схватил ростовцев, суздальцев и белозерцев и двинулся к Суздалю. «И шед Суждалю, и суждалци дашася ему. Олег же, омирив город, овы изъима, а другыя расточи и именья их огья, иде Ростову, и ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городом, и дани поча брати».

Но Ростовская земля принадлежала Мономаху, и никаких законных прав на нее Олег не имел. Старший сын Мономаха Мстислав, княживший в Новгороде, предложил Олегу мир, обещая выступить посредником в переговорах с отцом. Олег отказался и, более того, заявил о своих притязаниях уже на Новгород. Его передовые части во главе с младшим братом Ярославом выступили за Волгу и встали на реке Медведице — левом притоке Волге, то есть фактически уже в пределах Новгородской земли. Сюда же были направлены и «данщики» Олега (сборщики дани).

В ответ Мстислав с новгородцами начал против Олега военные действия. Его воевода Добрыня Рагуилович захватил «данщиков» Олега и напал на Медведице на «сторожу» (передовые части, охранение) его брата Ярослава. При получении известия об этом Олег вместе с Ярославом отступил к Ростову. «Мстислав же приде на Волгу, и поведаша ему, яко Олег вспятился к Ростову, и Мстислав поиде по нем». Олег отступил еще дальше, к Суздалю, и, «слышав, яко идет по нем Мстислав… повеле зажещи Суждаль город». Суздаль выгорел полностью, уцелело только подворье киевского Печерского монастыря с церковью Святого Димитрия. Олег бежал обратно к Мурому, а Мстислав вступил в Суздаль.

И вновь Мстислав предлагает Олегу мир, требуя только возвращения ростовской дружины, захваченной Олегом. К этому же времени относится знаменитое письмо Владимира Мономаха Олегу Черниговскому. Князь прощает убийцу своего сына («суд от Бога ему пришел, а [не] от тебе… Дивно ли, оже мужь умерл в полку? Ти лепше суть измерли и роди наши») и предлагает ему

забыть о прежних обидах: «Да еже начнеши каятися Богу, и мне добро сердце створиши… то и волость възмешь с добром, и наю сердце обратиши к собе, и лепше будем, яко и преже: несмь ти ворожбит, ни местьник».

Слова Мстислава и обещания его отца как будто подействовали: Олег согласился на мир — но притворно, «с лестью», по выражению летописца. 21 февраля 1097 года, в «Федорову субботу» (субботу 1-й недели Великого поста), Мстислав, по-прежнему пребывающий в Суздале, получил известие о том, что Олег со своими полками стоит на Клязьме — всего в нескольких верстах от него. Понадеявшись на мирные договоренности, Мстислав даже не выставил «сторбжу» и распустил часть войск. «Но Бог весть избавляти благочестивыя своя от льсти, — пишет по этому поводу летописец. — Олег же установився на Клязьме, мня, яко, бояся его, Мстислав побегнеть; к Мстиславу же собрашася дружина в ть день и в другыи: новгородци, и ростовци, и белозерци. Мстислав же ста пред градом, исполчив дружину, и не поступи ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олга». Спустя четыре дня к Мстиславу подошла подмога, посланная отцом: половецкая рать во главе с младшим братом Мстислава Вячеславом; вместе с ней Мономах прислал свой стяг, который давно уже наводил ужас на его врагов. 27 февраля 1097 года в битве на Кулачице, на самой окраине сожженного Суздаля{4}, войска Мстислава одержали решительную победу: «и бысть брань крепка, и нача одолати Мстислав, и виде Олег, яко поиде стяг Володимерь, нача заходити в тыл его, и, убоявъся, побеже Олег, и одоле Мстислав». Преследуемый сыном Мономаха, Олег бежал в Муром, затем в Рязань, но Мстислав занял оба эти города, заключил мир с муромцами и рязанцами и освободил пленников, захваченных Олегом, Однако добивать поверженного врага не стал. «И посла к Олгови, глаголя: “Не бегай никаможе, но пошлися к братьи своей с молбою, не лишать тя Русьскые земли, и аз пошлю к отцю молится о тебе”. Олег же обещася тако створити».

Так закончилась эта война. Мстислав вернулся к Суздалю и оттуда отправился в свой Новгород. Он вез с собой останки брата Изяслава, первоначально погребенного в муромском монастыре Святого Спаса. Перенесенные в Новгород, они были положены в соборной церкви Святой Софии.

Одним из итогов этой войны стал созыв Любечского съезда князей осенью 1097 года. Принятая на нем знаменитая формула: «кождо да держить отчину свою» — стала основой всего политического устройства Руси. В соответствии с этой формулой подтверждались отчинные права Мономаха не только на

Переяславль, но и на Ростовскую и Суздальскую землю.

* * *

Ростов, куда был направлен Юрий, — один из древнейших городов Руси. Летопись впервые упоминает о нем под 862 годом — в знаменитой легенде о призвании варягов. Назван Ростов и в тексте договора, заключенного с греками князем Олегом Вещим в 907 году, — причем в числе тех городов, где сидят на княжении «великие князья», подвластные Олегу.

Здесь находился древний центр мерян — финно-угорского племени, вошедшего в состав Древнерусского государства. Вплоть до XII—XIII веков в Ростове существовал особый «Чудской конец» — квартал города, заселенный «чудью» — мерянами. Но, судя по названию, Ростов возник преимущественно как славянский город.

Вскоре после Крещения Руси, в 90-е годы X века, князь Владимир Святославич направил на княжение в Ростов одного из своих старших сыновей — Ярослава. Затем, когда Ярослав был переведен в Новгород, его место занял святой Борис.

По завещанию Ярослава Мудрого (1054 год), Северо-Восточная Русь («Ростов, Суждаль, Белоозеро, Поволожье») досталась Всеволоду{5}. Какое-то очень короткое время здесь княжил и Владимир Мономах. Однако в течение почти всего XI века Ростовская земля не имела своего князя.

Правда, Ростов был центром самостоятельной епархии, возникшей, как можно думать, еще в первой половине XI века (точное время ее образования неизвестно). Это была прежде всего миссийная епархия, предназначенная для проповеди Слова Божия среди инородной Руси. Дело это было очень трудным. Известно, что первые ростовские епископы — Феодор и Иларион — вынуждены были покинуть Ростов, не стерпев закоренелого язычества его обитателей. Подлинным просветителем Ростовской земли стал святитель Леонтий, деятельность которого пришлась на 50—60-е годы XI века. Житие Леонтия рассказывает о том, с какими трудностями столкнулся святой, поучая людей в христианской вере. В конце концов язычники «устремились… на святую его главу, помышляя его изгнать и убить». Епископ Владимиро-Суздальский Симон, один из авторов Патерика Киево-Печерского монастыря, сообщает о гибели епископа от рук язычников: «Его же невернии много мучивше, бивше (убили. — *А. /Г.*), и се третий гражданинь бысть Рускаго мира… венчася от Христа, его же ради пострада»{6}. С закоснелым язычеством местных жителей пришлось столкнуться и преемнику Леонтия на

ростовской кафедре святителю Исайе, умершему после 1089 года. Но и в XII, и в первой половине XIII века часть жителей Ростова по-прежнему открыто поклонялась языческим богам. Из Жития еще одного ростовского подвижника, преподобного Авраамия, основателя ростовского Богоявленского монастыря, узнаем о том, что в Ростове, на «Чудском конце», стоял идол языческого бога Велеса. По преданию, Авраамий сокрушил его тростью святого Иоанна Богослова и основал на этом месте православную обитель{7}. Княжеская власть по возможности не вмешивалась в религиозную жизнь местного населения, особенно неславянского, играя роль своего рода гаранта социальной и религиозной стабильности и обеспечивая относительно мирное сосуществование язычников и христиан.

В исторической литературе распространено мнение, согласно которому в 90-е годы XI века, при Владимире Мономахе, ростовская кафедра была закрыта и возобновлена лишь к середине следующего столетия{8}. Однако это едва ли так. Во всяком случае, епископ Симон определенно называл среди епископов — постриженников киевского Печерского монастыря, суздальского (ростовского?) епископа Ефрема, который, судя по упоминанию летописцев, был современником и сотрудником князя Владимира Всеволодовича и вместе с ним принимал участие в строительстве церквей в Суздале{9}. Оставался ли он на кафедре и в первые годы княжения здесь Юрия Долгорукого, неизвестно. Если оставался, то скорее всего именно его можно считать духовником юного княжича и его наставником в основах православной веры.

Карта 1. Общая схема русских княжеств XII века (по И. А. Голубцову).

Около 1095 года (или, может быть, несколько раньше) Владимир Мономах перевел в Ростов своего старшего сына Мстислава, княжившего в Новгороде. Однако ростовское княжение Мстислава оказалось очень недолгим. В самом начале следующего года он вернулся в Новгород, а вскоре последовали те события, о которых шла речь выше. Наверное, без особой боязни ошибиться можно предположить, что кровавая междоусобица в Ростовской и Суздальской земле, неожиданные

претензии на нее со стороны князя Олега Черниговского, та легкость, с которой он захватил главные города края, а также обнаружившаяся возможность угрозы Новгороду со стороны Суздаля и Ростова и заставили Владимира Мономаха позаботиться о том, чтобы в Северо-Восточной Руси был свой собственный князь, его сын, пускай еще и ребенок.

МОНОМАШИЧ

Отец Юрия Долгорукого, князь Владимир (в крещении Василий) Всеволодович Мономах, по праву может быть назван одним из самых выдающихся государственных деятелей средневековой Руси.

Он родился в 1053 году и был единственным из внуков Ярослава Мудрого, о чьем рождении сообщил летописец. Его появление на свет действительно стало событием незаурядным, выходящим за рамки одной только русской истории. Отец Владимира, переяславский князь Всеволод Ярославич, четвертый из известных летописи сыновей Ярослава Мудрого, получил в жены не просто одну из иностранных принцесс, но византийскую царевну, дочь правящего в Византии императора Константина IX Мономаха. (Этот брак положил конец русско-византийской войне 1043 года.) Родовое имя императора Константина перешло к русскому князю. Так Владимир оказался внуком сразу двух могущественных правителей — Руси и Византии. Позднее киевский митрополит грек Никифор напишет, обращаясь к Владимиру — тогда уже киевскому князю — и имея в виду его необычное происхождение: «Его же Бог… из утробы освяти и помазав, от царьские и княжьские крови смесив…» А сам Владимир, будучи владетельным князем, закажет на своей печати исполненную гордости надпись на греческом языке: «Печать Василия, благороднейшего архонта Руси, Мономаха».

Такой родословной не мог похвастаться никто из русских князей. Происхождение отца выделяло князей Мономашичей из сонма прочих русских правителей, ставило их на недосягаемую для остальных высоту.

По собственным словам Мономаха, его княжеское «тружение» началось с тринадцатилетнего возраста, когда отец стал поручать ему самостоятельные походы и «ловы» (охоты). «Первое к Ростову идох сквозе вятиче, посла мя отецъ», — писал он в своем знаменитом «Поучении», составленном для сыновей{10}. Даже в конце жизни этот полный опасности путь через не подчинявшуюся русским князьям Вятичскую землю представлялся ему настоящим подвигом, и он с очевидной гордостью вспоминал о нем. В последующие годы он княжил в Смоленске, Берестье (нынешнем Бресте), Владимире-Волынском, Турове и наконец в Чернигове, куда был посажен отцом, когда тот стал киевским князем. Он много воевал — то с половцами, то с торками, то с полоцким князем Всеславом Брячиславичем, то с непокорными вятичами. В 1075 году вместе со своим двоюродным братом

Олегом Святославичем Владимир совершил поход против чехов в помощь польскому князю Болеславу II — этот поход принес русским князьям известность не только на Руси, но и в Европе. В состав войска Мономаха нередко входили и половецкие отряды, действовавшие порой с чрезвычайной жестокостью. Так, в 1084 году вместе с половцами Владимир совершил очередной карательный поход против князя Всеслава и, взяв Минск, полностью перебил или угнал в полон его население: «изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины», как он сам писал в «Поучении».

В годы киевского княжения Всеволода Ярославича (1078—1093) Владимир становится по существу соправителем отца. Он принимает участие во всех его важнейших политических акциях, осуществляет на практике политику отца, а нередко и сам решает судьбы отдельных княжеств и их правителей. По его собственным словам, за эти пятнадцать лет он до ста раз совершал стремительные переезды из Чернигова в Киев, умудряясь преодолевать 130 верст, разделявших два города, всего лишь за день.

После смерти Всеволода 13 апреля 1093 года в руках Владимира оказалась реальная власть над Киевом. Однако принцип наследования отцовских владений еще далеко не утвердился в Русской земле. Права на Киев принадлежали всему Ярославову роду, ибо Киев воспринимался не столько как *«отчина»,* сколько как *«дедина»* русских князей. Старшим же среди внуков Ярослава Мудрого считался двоюродный брат Владимира Мономаха князь Святополк Изяславич, княживший в то время в Турове.

Летопись так передает размышления Владимира: «Аще сяду на столе отца своего, то имам рать съ Святополком взята, яко есть стол преже от отца его был». «Размыслив», Владимир послал за Святополком в Туров, а сам ушел обратно в Чернигов. Святополк стал киевским князем.

Этот добровольный уход из Киева открыл черную полосу в жизни Владимира Мономаха — полосу жесточайших неудач, безвозвратных утрат и горьких разочарований. Но случилось так, что именно в этот тяжелейший для себя период Владимир сумел утвердить свой нравственный и политический авторитет в русском обществе, стать не просто одним из наиболее влиятельных, но, несомненно, самым влиятельным среди всех русских князей — во всяком случае, именно таким изображает его летописец.

24 апреля 1093 года Святополк вступил в Киев. А уже спустя несколько дней началась новая большая война с половцами,

принесшая много несчастий и княжескому семейству, и всему населению Руси. 26 мая, в самый праздник Вознесения Господня, в битве на реке Стугне (правом притоке Днепра) у Треполя Владимир и Святополк потерпели сокрушительное поражение от половцев. Виновником случившегося киевский летописец называет князя Святополка Изяславича, который отказался прислушаться к увещеваниям Мономаха и заключить мир с половцами. Расплачиваться же за его гордыню и скупость (ибо одной из причин отказа от мира было нежелание платить половцам положенное в таких случаях вознаграждение) пришлось всей Русской земле. Владимир пережил тогда и личную драму. При отступлении, во время переправы через реку Стугну, на его глазах утонул его родной брат Ростислав. Владимир хотел спасти брата, но едва не утонул сам. По словам летописца, он вернулся в Чернигов «печален зело», с остатками дружины, «мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша».

Нашествия 1093 года и трех последующих лет стали самыми страшными в истории домонгольской Руси. После долгой осады половцам удалось взять город Торческ — важную крепость на реке Роси, населенную в основном торками, подвластными киевскому князю, а также какие-то иные, не названные летописцем города. Полностью разорена была значительная территория, в том числе окрестности Киева; население уведено в плен или перебито. Летописец с горечью писал о бедствиях «христианского рода», рисуя едва ли не апокалиптические картины: «Сотвори бо ся плачь велик в земли нашей, опустеша села наша и городи наши, быхом бегаючи пред врагы нашими». И далее — вызывающее острую жалость описание мучений сотен русских пленников, уведенных в рабство: «Стражюще, печални, мучими зимою, оцепляеми, в алчи, и в жажи, и в беде, опустневше лици, почерневше телесы, незнаемии страною, языком испаленым, нази ходяще и боси ногы имуще сбодены терньем…» Мир с половцами был заключен лишь в следующем году, причем для того, чтобы его добиться, Святополку пришлось взять в жены дочь половецкого хана Тугоркана.

В нашествие 1093 года Чернигов не пострадал. Однако злоключения Владимира еще далеко не закончились. Права на Чернигов предъявил его двоюродный брат и прежний союзник и друг князь Олег Святославич. Чернигов был городом его отца, и Олег не в первый раз пытался захватить его силой, отстаивая свое право на владение «отчиной». Летом 1094 года князь Олег Святославич начал войну за Чернигов, вновь — уже в третий раз за шестнадцать лет — «наведя» на Русь половцев.

И Владимир опять уступил. По его собственным словам,

добровольно ушел из Чернигова после восьмидневной осады города: «съжаливъси хрестьяных душъ, и сел горящих, и манастырь». Позднее он образно вспоминал о том, как в самый день памяти горячо почитаемого им святого Бориса (24 июля) с небольшой дружиной, с женами и детьми, вышел из Чернигова и вынужден был ехать сквозь половецкие полки, ожидавшие поживы; «и облизахутся на нас, акы волци… [и] Бог и святыи Борис не да им мене в кориcть, неврежени доидохом Переяславлю».

Казалось бы, вот еще одно жестокое поражение Мономаха — поражение и военное, и политическое, и моральное. Но, удивительное дело, в итоге Владимир выиграет, а не проиграет. Признав отчинные права Олега на Чернигов, он укрепился в Переяславле — городе, в котором ему предстояло княжить в течение девятнадцати лет, до перехода на княжение в Киев в 1113 году. Главное же заключалось в том, что он уступил не силе (хотя и силе тоже), но праву, и тем самым избавился от возможных упреков в несправедливом владении тем или иным княжеским столом. Именно эта его моральная *безупречность* и сделает его в определенном смысле неуязвимым в политическом отношении и принесет ему вполне ощутимые дивиденды.

Первые годы переяславского княжения Владимира Мономаха оказались особенно трудными из-за голода и постоянных половецких нападений. После стугнинской катастрофы и гибели брата Владимир, кажется, изменил свое отношение к половцам и стал сторонником более решительных действий против них. Переломным стало событие, произошедшее в феврале 1096 года, на второй год его пребывания в Переяславле, когда сюда для мирных переговоров с князем явились два половецких военачальника — Итларь и Кытан. Дружина уговорила князя напасть на половцев и убить их. И вопреки своим первоначальным намерениям, поддавшись на уговоры и подавив голос собственной совести, Владимир решился нарушить им же данное слово. Впрочем, летописец сумел найти весомый аргумент для того, чтобы оправдать князя. «Нету ти в том греха, — передает он слова, обращенные к Владимиру дружиной, — да они всегда к тобе ходяче роте (то есть дав клятву. — *А.К.)* губять землю Русьскую и кровь хрестьянску проливают бесперестани». Так интересы Русской земли и «христианского рода» перевесили в глазах Владимира все прочие аргументы, в том числе его же крестное целование.

Убийство послов стало прологом к успешному походу на половцев, который Владимир совершил совместно со Святополком в конце февраля — марте 1096 года. Князья

выступили за Голтав (город и река в Переяславской земле) и подвергли опустошению половецкие становища (вежи): «и взяста веже, [и] полониша скоты, и коне, вельблуды, и челядь, и приведоста и в землю свою». Это первый отмеченный летописью успех русских после стугнинской катастрофы. По крайней мере три его составляющие будут приносить победы русским князьям и впоследствии, во время русско-половецких войн в XII веке. Это, во-первых, согласованные действия князей, во-вторых, их наступательный, а не оборонительный характер, перенесение войны в Половецкую степь и, в-третьих, удачный выбор времени года для начала похода: как оказалось, именно в конце зимы — весной половецкие вежи были наиболее уязвимы из-за отсутствия кормов для лошадей. Так первый совместный успех Владимира и Святополка предопределил их будущие победы.

Но победы эти пришли не сразу. Половецкие нашествия 90-х годов XI века были оборотной стороной княжеских усобиц, раздиравших Русскую землю, когда князья, по выражению автора позднейшего «Слова о полку Игореве», «мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше». Автор «Слова» писал так о князе Олеге Святославиче — «Гориславиче», как он его называл, — но слова его могут быть отнесены к большинству князей того времени, не исключая самого Мономаха. Начиная в 1096 году войну с Олегом в союзе с киевским князем Святополком Изяславичем, Владимир Мономах, по всей вероятности, думал не только о том, чтобы отомстить Олегу за его дружбу с «погаными» (Олег укрыл у себя и отказался выдать князьям сына убитого Мономахом Итларя), но и о возвращении отнятого у него Чернигова. Война эта, как мы уже знаем, закончилась победой Мономаха и Святополка, выгнавших-таки Олега из Чернигова и вынудивших его сдаться. Но она слишком дорого стоила Руси. В то время как князья осаждали Олега в Стародубе в мае-июне 1096 года, их собственные города подверглись опустошительному нашествию половцев: дважды были разорены окрестности Переяславля; половецкий хан Боняк едва не захватил Киев — половцы сожгли ближние к Киеву монастыри, в том числе Печерский, а также княжеский двор Всеволода Ярославича на Выдубицком холме; сотни киевлян были уведены в плен. Да и Олег не счел себя побежденным и начал новую войну — с сыновьями Мономаха. О результатах этой войны — гибели Изяслава Владимировича под Муромом и победе Мстислава и Вячеслава у Суздаля — мы уже знаем.

Любечский съезд князей осенью 1097 года положил конец войне. Князья признали неприкосновенность «отчинных» владений; Владимиру достались «отчий» Переяславль, города Северо-Восточной Руси, а также Смоленск.

Как оценить итоги съезда лично для Владимира Мономаха? На этот вопрос трудно ответить однозначно. В соответствии с принятыми на съезде договоренностями Владимир Мономах окончательно утрачивал всякие права на Чернигов, который признавался совместным владением князей Святославичей, прежде всего двух старших — Давыда и Олега; третий их брат, Ярослав, получил Муром, также признанный «отчиной» Святославичей, (Отныне у Олега и Давыда будет одна волость на двоих, причем имя Олега всегда будет следовать после имени его брата. Это можно расценивать как его личное поражение, как следствие неудачной для него войны с Мономахом. Но бескомпромиссная борьба Олега за Чернигов принесла ощутимые плоды: отныне этот город будет навсегда закреплен за черниговскими князьями — потомками Олега и Давыда.) Более того, в соответствии с любечскими установлениями Владимир Мономах не мог претендовать и на Киев, который провозглашен был «отчиной» Святополка Изяславича.

Означало ли это ущемление интересов Владимира Мономаха? Внешне все выглядит именно так. Но если учесть, что съезд был созван по инициативе самого Мономаха, что он находился на гребне своих политических и военных успехов и только что одержал решительную победу над своим самым сильным и самым последовательным противником, то принятые в Любече решения предстают в ином свете. Принцип «отчинности» и разделения волостей между князьями обосновывался в Любече необходимостью прекращения княжеских усобиц и защитой Русской земли от половецких набегов. («Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? — говорили князья друг другу. — А половци землю нашю несуть розно и ради суть, оже межю нами рати. Да ноне отселе имемся в едино сердце и блюдем Рускые земли…») Но именно это Владимир и провозглашал в качестве своей главной политической цели; именно об этом он и писал в своем знаменитом письме Олегу, предлагая ему мир. Княживший в Переяславле, на самой границе Русской земли и Степи, он отчетливее, чем кто бы то ни было из русских князей, осознавал пагубность княжеских раздоров и более других был заинтересован в совместной борьбе с половцами.

Казалось, он нашел принципиально новый способ решения княжеских конфликтов: не силой оружия, а путем княжеских переговоров, путем созыва общекняжеских съездов («снемов») и принятия на них совместных решений, скрепленных крестным целованием. И это можно рассматривать не только как важнейший политический результат съезда, но и как успех лично им проводимой политики.

Любечский съезд, несомненно, стал одним из важнейших событий русской истории XI—XII веков. Однако случилось так, что принятые на нем решения не выдержали и малейшего испытания временем, оказались совершенно нежизнеспособными. В начале ноября 1097 года, спустя всего несколько дней после того, как князья покинули Любеч, в Киеве был злодейски ослеплен один из участников съезда князь Василько Ростиславич Теребовльский — ослеплен людьми великого князя Киевского Святополка Изяславича и владимиро-волынского князя Давыда Игоревича, оклеветавшего Василька в глазах Святополка. Это преступление — доселе неслыханное на Руси — взорвало с таким трудом достигнутый мир и привело к новой кровопролитной междоусобной войне, похоронившей любечские установления.

Весть о совершенном злодеянии потрясла Владимира. Весной 1098 года он встретился в Городце на Днепре с князьями Давыдом и Олегом Святославичами. В уста Владимиру летописец вкладывает слова, исполненные хотя и несколько запоздалого, но праведного гнева и искренней тревоги за будущее родной страны — по его выражению, нож, которым был поражен Василько, вонзился не в одного теребовльского князя, но во всех русских князей: «…Да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскеи земьли и в нас, в братьи, оже вверже[н] в ны ножь. Да еще сего не правим, то болшее зло встанеть на нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши половци, пришедше, возмуть земьлю Русьскую».

Последовавший за этим поход на Киев иногда объясняют желанием Мономаха самому занять киевский стол. Однако источники не дают оснований для такого предположения. Выступая против Святополка, Мономах и его двоюродные братья Святославичи выполняли одно из условий Любечского договора («Да аще кто отселе на кого будет, то на того будем вси и крест честный»).

Войны со Святополком удалось избежать. По условиям договора, заключенного при посредничестве мачехи Мономаха, вдовы князя Всеволода Ярославича, и киевского митрополита Николая, Святополк должен был сам наказать Давыда Игоревича как главного виновника случившегося и либо схватить его, либо выгнать из Владимира-Волынского. В дальнейших событиях междоусобной войны Владимир не принимал непосредственного участия. А события эти развивались по нарастающей, и политические союзы противоборствующих сторон менялись с пугающей быстротой. В апреле 1099 года, после семинедельной осады, Святополк занял Владимир-Волынский, изгнав Давыда в Польшу. Но вместо того чтобы довольствоваться выполнением

взятого на себя обязательства, он начал войну против несчастного Василька Ростиславича и его брата Володаря, князя Перемышльского. В битве на Рожне поле (у Звенигорода Галичского) Святополк был разбит войсками Василька и Володаря и бежал во Владимир, К тому времени Ростиславичи заключили союз с Давыдом Игоревичем. В войну оказались втянуты венгры, поляки и половцы. В союзе с половецким ханом Боняком Давыд Игоревич сумел вернуть себе Владимир-Волынский, причем во время одной из осад на стенах города погиб сын Святополка Мстислав. События этой войны не украсили никого из участвовавших в ней князей. Каждый думал лишь о собственной выгоде или о личном отмщении и готов был вступать в союз с кем угодно и против кого угодно.

Долгожданный мир был заключен в августе 1100 года на съезде князей в Витичеве на Днепре. Святополк, Владимир и Давыд и Олег Святославичи приговорили лишить Давыда Игоревича Владимира-Волынского, передав ему взамен Бужский Острог (Бужск). Кроме того, Святополк, которому отошел главный город Волынской земли, передал Давыду в качестве компенсации несколько других городов, а Владимир и Давыд с Олегом — по 100 гривен. Надо полагать, это была плата за принятие совместного решения, за отказ от любечских соглашений, скрепленных их крестным целованием…

Историки единодушны в оценке роли Владимира Мономаха в создании новой политической системы Русского государства, основанной на «отчинном» владении землями. Главный инициатор созыва Любечского и Витичевского съездов, он более всех радел о единстве русских князей, о прекращении междоусобных войн. Кажется, именно вмешательство Мономаха предотвратило новую войну, которая готова была вспыхнуть сразу же после Витичевского съезда: в Витичеве князья приговорили лишить владений и потерявшего зрение и вследствие этого ставшего недееспособным теребовльского князя Василька Ростиславича, однако Василько и его брат решительно воспротивились такому повороту. Есть основания полагать, что именно с этими событиями связано появление «Поучения» Владимира Мономаха детям своим, за которое князь, по его собственным словам, взялся «на далечи пути», после встречи с послами от «братии», которые явились с предложением изгнать Ростиславичей из их волости; в противном случае князья угрожали разрывом, если не новой войной: «Иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе» (обычная форма разрыва союзнических отношений). И Владимир нашел в себе мужество отказаться: «Аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста

переступите».

* * *

Знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха — памятник уникальный в своем роде. Это и откровенная (и, кажется, даже не слишком приукрашенная) автобиография князя, и его политическое завещание, и свод нравственных правил, которыми он призывал руководствоваться и своих сыновей, и всех вообще русских князей. Причем все то, о чем Мономах писал в своем «Поучении», было в буквальном смысле выстрадано им. Он мог с полным основанием сослаться на собственный опыт.

Дошедший до нас единственный список «Поучения» (в составе Лаврентьевской летописи) отражает ту переработку памятника, которая была составлена после 1117 года и, очевидно, предназначалась для кого-то из младших сыновей Мономаха (скорее всего, для самого младшего, Андрея)[{11}]. Это делает «Поучение» особенно ценным для нас в свете изучения биографии князя Юрия Владимировича Долгорукого — также одного из младших Мономашичей.

«Первое, Бога деля и душа своея, страх имейте Божий в сердци своем» — эта первая и главная заповедь Мономаха являет собой и завет отца детям, и наставление князьям, и — в полном смысле этого слова — его политическую программу. Ибо исполнение христианского долга, следование путем общеизвестных христианских добродетелей и есть, по убеждению Мономаха, единственный способ избежать в дальнейшем междоусобных войн и добиться мира и согласия между князьями. Признание неприкосновенности «отчинных» владений, провозглашенной Любечским съездом, — лишь одна из двух составляющих его политического курса. Мы слишком привыкли отделять политику от морали. В средневековом же обществе эти категории, напротив, были практически неотличимы. В понимании князя еще одной, важнейшей основой политического устройства общества и должен был стать «страх Божий» — чувство ответственности князей не только друг перед другом (только что завершившаяся война показала, сколь мало значило для них даже крестное целование), но и перед Богом, перед которым каждому из живущих на земле предстоит держать ответ на Страшном суде.

Но, помимо прочего, «Поучение» Мономаха содержало и обычные житейские правила поведения. Отец учил сыновей тому, как строить им свою жизнь, как вершить княжеские дела, как

вести себя в разных обстоятельствах — в собственном доме и во время княжеских трудов, в походах и на охоте, в битве и на пиру; как относиться к равным себе и как к низшим, зависящим от них; как выстаивать церковную службу и как подавать милостыню убогим; когда вставать с постели и когда ложиться спать, как привечать странника и как подойти к священнику, как наказать виновного и как оправдать невинного. Этими правилами должны были руководствоваться по жизни все его сыновья, в том числе, конечно, и Юрий.

Чем же прежде всего, по мысли князя Владимира Всеволодовича, можно сподобиться Царствия небесного и победить извечного врага рода человеческого — дьявола? Покаянием, слезами и милостынею. «И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми тремя делами избавиться от грехов своих и Царствия небесного не лишиться, — учил он своих сыновей. — Бога ради, молю вас, не ленитесь, не забывайте трех дел тех, ибо не тяжки они: не затворничество это, не чернечество, не голод, что иные добродетельные претерпевают, — но малым делом можно улучить милость Божию»[1]. И далее: «Слезы пролейте о грехах своих. И в церкви то делайте, и спать ложась, не пропускайте ни одной ночи. Если можете, поклонитесь до земли; если же занеможется вам — тогда трижды. А того не забывайте, не ленитесь: ведь этим ночным поклоном и молитвенным пением человек побеждает дьявола, и что человек нагрешит за день, этим избавляется. И когда на коне едете и нет у вас ни с кем дела, если других молитв не умеете сказать, “Господи помилуй” повторяйте беспрестанно в тайне (ибо эта молитва всех лучше) — нежели о пустом думать, ездя».

«Более же всего убогих не забывайте, но сколько можете по силам вашим, кормите, и сироте милостыню подавайте, и вдовицу сами оправдывайте, а не давайте сильным погубить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет достоин смерти, не губите никакой души христианской. Говоря что-либо — дурное ли, доброе, — не клянитесь Богом, не креститесь — нет в том… никакой нужды. Если же будете крест целовать братии или еще кому, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том целуйте, а дав целование, соблюдайте его, чтобы, нарушив, не погубить души своей».

«Епископов, и священников, и игуменов [почитайте]; с любовью принимайте от них благословение, и не отстраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы принять по их молитве от Бога. Более всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; всё,

что Ты дал нам, — не наше, но Твое, поручил нам на малое время. И в земле ничего не прячьте — то нам великий грех».

«Старых почитай, как отца, а молодых — как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем смотрите. Не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь. На воевод не полагайтесь; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни спанью; и сторожей сами снаряжайте. И ночью, повсюду наряд расставив, около воинов ложитесь, а вставайте рано. И оружие не снимайте с себя сразу, не оглядевшись, по беспечности — ибо внезапно человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда: оттого ведь душа погибает и тело. Куда бы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам ни своим, ни чужим вред причинять ни селам, ни посевам, чтобы не начали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите, накормите жаждущего. А более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел: простолюдин ли, или знатный, или посол. Если не можете одарить — то пищей и питьем: они ведь, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. И мимо человека не пройдите, не поприветствовав, доброе слово ему скажите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. А вот вам конец всему: страх Божий имейте превыше всего. Если начнете забывать это, то часто перечитывайте: и мне будет не стыдно, и вам будет добро».

«Чего умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь. Как и отец мой, дома сидя, выучил пять языков, — приводил Мономах в пример собственного отца, киевского князя Всеволода Ярославича, — оттого и честь от иных земель. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что доброе, прежде всего к церкви: да не застанет вас солнце в постели».

Вся жизнь князя Владимира Всеволодовича была наполнена опасностями и невзгодами, смертельными схватками — с врагами, со зверем, с силами природы. Опасности поджидали его и в походе, и в битве, и на княжеских «ловах». Сколько раз он бывал на волосок от смерти — и ведь остался жив! «Два тура рогами меня бросали с конем, — вспоминал он. — Олень меня один бодал, и два лося: один ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь на бедре у меня меч оторвал; медведь мне у колена потник укусил; лютый зверь на бедра ко мне вскочил и вместе с конем меня повалил — и Бог меня невредимым сохранил. И с коня падал много: голову разбивал себе дважды, и руки и ноги повреждал — в юности своей повреждал, не заботясь о жизни

своей, не щадя головы своей». Теперь и его сыновьям предстояло пройти до конца назначенный им путь, исполнить свой долг. Отец всей душою желал помочь им и только ради этого рассказывал о собственном пережитом, не хвалясь, не хвастаясь, но научая, как надлежит вести себя, чтобы не уронить княжеского достоинства, чтобы исполнить предначертанное. Ведь каждый из князей — а тем паче его собственные сыновья — призваны жизнью своей отвечать за честь и достоинство всего княжеского рода. «Что надлежало делать отроку моему, — писал Мономах, обращаясь к ним, — то сам я делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в зной и в стужу, не давая себе покоя. Не полагаясь ни на посадников, ни на биричей[2], сам делал, что было надо; весь распорядок в дому своем сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов; и о соколах и о ястребах — тоже. И худого смерда, и убогую вдовицу не давал сильным обидеть; и за церковным порядком и за службой сам наблюдал. Да не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь ни себя, ни дерзости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его, Коий меня, грешного и худого, столько лет от того часа смертного охранял и не ленивым меня сотворил, худого, но на всякие дела человеческие пригодным… Смерти ведь, дети, не боясь — ни на войне, ни от зверя, исполняйте дело мужественно, как вам Бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня не пострадал, то и из вас никто не может пострадать или убиться, пока не будет от Бога првелено. А если от Бога придет смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут отнять вас от нее. И хотя добро есть оберегаться [самому], Божие обережение лучше человеческого».

Рассказ Мономаха — и в самом деле не похвальба и не выдумка. Современники подтверждают многое из того, о чем он поведал. Киевский митрополит Никифор в своем послании князю так отзывается о нем: всем ведомо, что князь сей «больше на голой земле спит, и высоты дома избегает, и светлые одежды отвергает, и по лесам ходя, нищенскую носит одежду и обувь… и лишь по необходимости, в город входя, ради властительских дел, в княжеские одежды облачается». «Ведомо нам, — восклицает святитель, обращаясь к самому князю, — что для других ты обеды светлые готовишь и для всех всё делаешь, чтобы всех привлечь, и достойных, и недостойных, ради княжеского величества, и сам служишь и работаешь руками своими, и доходит подаяние твое даже и до полатей — делаешь же это ради княжения и власти, И когда другие объедаются и упиваются, ты сидишь и смотришь, как другие едят и упиваются, и, обходясь малой пищей и малым

количеством воды, делаешь вид, что и ты с ними ешь и пьешь…» И еще: «С тех пор, как ты родился и утвердился в тебе ум, с того возраста, когда можно творить добро, руки твои, по благодати Божией, ко всем простираются. И никогда ты не прятал сокровищ, не считал золота или серебра, но всё раздавал, черпая обеими руками, даже и до сих пор»[12].

* * *

Безоговорочная поддержка, оказанная Мономахом Святополку как в событиях, предшествовавших Витичевскому съезду, так и после него, несомненно, объяснялась его желанием сохранить единство русских князей, столь необходимое для обеспечения обороноспособности Руси. И ему это удалось — после Витичевского съезда русские князья начинают действовать согласованно друг с другом. Это привело к перелому в противостоянии Руси со Степью.

Весной 1103 года состоялся первый большой поход русских князей против половцев, вдохновителем которого летопись называет Владимира Мономаха. У Долобска, под Киевом, Владимир встретился со Святополком. Князья вместе со своими дружинниками сели для совещания в общем шатре, и на этот раз именно Владимир настоял на походе. Дружина Святополка оправдывалась тем, что нельзя начинать поход весной, ибо это разорит смердов (землепашцев), у которых придется отбирать лошадей для войска. Но Владимир вновь нашел решающие аргументы. Его ставшие знаменитыми слова («Дивно ми, дружино, оже лошадии жалуете… А сего чему не промыслите, оже то начнеть орати (пахать. — *А.К.)* смерд, и, приехав, половчин ударить и (его. — *А.К.)* стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав, иметь жену его, и дети его, и все его именье. То лошади жаль, а самого не жал ли?») были обращены не к одним дружинникам киевского князя, но ко всей Руси. Впоследствии они будут повторены им еще раз — под 1111 годом — и вновь, обращенные к Святополку и его дружине, станут решающим аргументом в споре князей о времени выступления против половцев. Собственно, еще первый совместный поход Владимира и Святополка — в 1096 году — был совершен весной. Владимир извлек урок из одержанной тогда победы. Но на этот раз он готовил куда более масштабное военное предприятие с участием многих русских князей. А потому так вдохновило его согласие Святополка: «То ти, брате, велико добро створиши земле Русскеи!»

Помимо Владимира и Святополка в походе 1103 года приняли участие Давыд Святославич, Давыд Всеславич (сын Всеслава Полоцкого) и другие князья. Отказался лишь Олег Святославич, сославшийся на нездоровье. Князья спустились по Днепру «на коних и в лодьях» и от острова Хортица двинулись в глубь Половецкого поля. 4 апреля в битве на реке Сутень была одержана победа — одна из самых крупных в истории русско-половецкого противостояния. В сражении пало двадцать половецких «князей» и множество простых половцев. Летопись сообщает о знаменательном эпизоде, произошедшем после битвы, когда русские праздновали победу. В плен к ним попал половецкий хан Белдюзь, посуливший за себя золото, серебро и скот. Раньше русские князья наверняка отпустили бы его за выкуп, ибо богатая добыча и составляла главную цель их походов. Но теперь речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть. Святополк отослал пленника к Владимиру — очевидно, признавая его право решать судьбу половецкого «князя». Владимир же приказал казнить Белдюзя. «И тако расекоша и на уды», — констатирует летописец. Это — почти ритуальное убийство, символизировавшее в глазах русских их победу над извечным врагом.

За первой победой последуют другие. Наибольший успех будет достигнут весной 1111 года, когда Владимиру вновь удастся организовать совместное выступление против половцев. Помимо самого Владимира и Святополка в походе примут участие Давыд Святославич и младшие князья — сыновья Владимира, Святополка и Давыд а. Полки выступят 26 февраля и двинутся к Северскому Донцу. 21—22 марта будут заняты половецкие города Шарукань и Суфов, причем жители первого из них добровольно признают власть русских князей. 24 марта «на потоци Дегея» (по-видимому, каком-то небольшом притоке Северского Донца) русские нанесут поражение передовым частям половцев, а 27 марта разобьют их основные силы на реке Сальне.

Так будет достигнут решающий перелом в войне с половцами. Военные действия будут перенесены в Степь. Русским удастся выявить слабое место своего врага. Нападая весной на половецкие становища и городки и разоряя их, они подорвут военный и экономический потенциал противника, истребят его живую силу, лишат возможности совершать набеги на русские земли. Больше того, страшась русской угрозы, значительная часть половцев вынуждена будет покинуть свои кочевья и переселиться подальше от русских границ.

Главным творцом этих побед летопись называет Владимира Мономаха. Редчайший случай — не будучи киевским князем и

уступая в иерархическом отношении своим двоюродным братьям, он в ходе совместных военных действий объединенных сил русских князей безоговорочно выдвинулся на первое место. И это не преувеличение летописца, не его тенденциозное стремление приукрасить или возвеличить Мономаха, как иногда полагают. В представлении и современников, и потомков первенствующая роль князя Владимира Всеволодовича не вызывала сомнений. Победа 1111 года, согласно летописному рассказу, была одержана русскими благодаря помощи ангелов, которые невидимо побивали половцев «пред полком Володимеровом»: «се бо ангел вложи в сердце Володимеру Манамаху пустити братью свою на иноплеменникы». Слава об этой великой победе дошла «ко всим странам далним, рекуще к Греком, и Угром (в Венгрию. — *А. /*Г.), и Ляхом (в Польшу. — *А.К.),* и Чехом, дондеже и до Рима», и именно после нее Владимир сделался «наипаче же… страшен поганым», как выразился автор его летописной похвалы. «Его имене, — пишет другой летописец, — трепетаху вся страны и по всем землям изиде слух его».

Об этой победе помнили и спустя сто лет после смерти Мономаха. По словам галицкого книжника XIII века, сей великий князь «пил золотом шоломом Дон» и погубил «поганыя измаилтяны, рекомыя половци», «и приемшю землю их всю, и за гнав шю оканьныя агаряны» за Кавказский хребет. И, например, могущественный половецкий хан Отрок (между прочим, тесть знаменитого грузинского царя Давида Строителя) только после смерти Мономаха смог вернуться в Половецкую степь. Именем Мономаха половцы пугали своих детей в колыбели, писал другой древнерусский книжник XIII века, автор «Слова о погибели Русской земли». «А литва из болота на свет не выникываху, а угры твердяху каменые городы свои железными вороты, абы на них великый Володимер тамо не въехал, а немци радовахуся, далече будуче за Синим морем…» Конечно, это уже фольклорный, а не исторический образ Владимира Мономаха. Но появление этого фольклорного образа, несомненно, есть следствие того вклада, который вполне реальный, исторический князь Владимир Всеволодович внес в победу над половцами и укрепление международного авторитета Руси.

* * *

Смерть киевского князя Святополка Изяславича 16 апреля 1113 года станет последним поворотным событием в судьбе Владимира Мономаха.

Занимавший киевский престол в течение двадцати с лишним лет, Святополк к концу жизни сумел вызвать к себе крайнюю неприязнь киевлян. Его не любили за скупость, за насилия, которые чинили его приближенные. Ситуацию не исправила даже щедрая милостыня, розданная его вдовой. Уже на следующий день после смерти Святополка, 17 апреля, в Киеве вспыхнуло восстание, острие которого было направлено против тысяцкого Путяты — правой руки умершего, и киевских ростовщиков-иудеев. «Кляни же разъграбиша двор Путятин, тысячького, — рассказывает киевский летописец, — [и] идоша на жиды и разграбиша я». Без вмешательства князя киевская знать не могла погасить возмущение толпы.

Сразу же после смерти Святополка, то есть еще до начала мятежа, киевляне послали к Владимиру, приглашая его занять киевский стол. Однако Владимир отказался: «плака-ся велми и не поиде, жаля си по брате».

Историки по-разному оценивают поведение Мономаха в эти дни. Иногда полагают, что своим отказом немедленно ехать в Киев он молчаливо признавал преимущественные права на киевский стол своих двоюродных братьев Святославичей, Давыда и Олега. По-другому, вспоминают о признании Киева наследственным владением Святополка, у которого остался сын, волынский князь Ярослав (или Ярославец, как его называли киевский летописец и сам Мономах): если следовать духу и букве любечских постановлений, он и должен был стать следующим киевским князем. Но любечские постановления умерли намного раньше Святополка, причем умерли, если так можно выразиться, насильственной смертью, к которой был причастен сам Святополк, и вряд ли Владимир готов был добровольно уступить Киев своему двоюродному племяннику. Ничего не известно нам и о каких-либо претензиях на Киев со стороны Олега и Давыда Святославичей. Напротив, последующие события свидетельствуют о том, что даже Олег изначально поддержал Владимира в качестве киевского князя.

Скорее, в действиях Мономаха можно увидеть следование традиции, обычаю, не терпящему излишней торопливости. Он не готов был откликнуться на первый же зов, не будучи уверен в том, что его действительно желают видеть в Киеве. И лишь повторная просьба киевлян, точнее, их мольба о помощи, позволяла ему диктовать свою волю, воссесть на «златой» киевский стол в качестве полновластного князя.

И эта повторная просьба-мольба не заставила себя ждать. Из последующего описания торжественной встречи Владимира Мономаха в Киеве явствует, что инициатива его приглашения

исходила прежде всего от церковных кругов, и в частности от киевского митрополита грека Никифора, занявшего кафедру в декабре 1104 года. Летопись приводит слова, с которыми киевские «мужи» обратились к Владимиру: «Пойди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зло уздвигнеться: то ти не Путятин двор, ни соцьких (сотских. — А.К.), но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою (княгиню Святополкову. — *А.К.),* и на бояры, и на манастыре, и будеши ответ имел, княже, оже ти манастыре разъграбят». Теперь приход князя в Киев становился уже не его личным делом, не исполнением его давней мечты, но благом для всего «христианского рода», спасением для киевских церквей и монастырей. И, напротив, промедление оказывалось грехом, за который князь должен был держать ответ на Страшном суде.

Владимир вступил в Киев 20 апреля 1113 года. «Усретоша же и митрополит Никифор с епископы и со всими кияне с честью великою, седе на столе отца своего и дед своих, и вси людье ради быша, и мятежь влеже (утих. — *А.К.)».* Но для того, чтобы мятеж и в самом деле утих, необходимо было принять неотложные меры, способные успокоить народ. Именно такой мерой стал «Устав Владимира Всеволодовича», вошедший в состав «Русской Правды» — свода законов, действовавших на территории Руси до конца XV века. По этому уставу ограничивалось ростовщичество — страшный бич, грозивший разорением и долговым рабством сотням, если не тысячам простых киевлян и жителей других городов.

Киевское княжение Владимира Мономаха продолжится двенадцать лет. Все эти годы он будет прочно удерживать в своих руках все нити управления страной и ни разу не даст усомниться в своем праве руководить действиями подвластных ему князей. По-прежнему будет вести он наступательную войну против половцев — теперь уже посылая против них своих воевод или сыновей; по-прежнему будет пресекать малейшие попытки неповиновения со стороны младших князей — своих двоюродных или троюродных племянников.

В конце января 1116 года в союзе с Давыдом Святославичем и другими князьями Владимир начнет войну против минского князя Глеба Всеславича. Сам Владимир осадит Минск, а его сыновья захватят ряд городов Глеба. Последний будет вынужден просить о мире. Примечательно, что, по словам летописца, Владимир согласится на мир, не желая проливать кровь в дни Великого поста. Глеб выйдет из города с детьми и дружиной и поклонится Владимиру; «и молвиша речи о мире, и обещася Глеб по всему послушати Володимера». Впрочем, христианские

добродетели не помешают Владимиру спустя три года расправиться с минским князем. В 1119 году за какую-то провинность он отберет у него Минск, а его самого приведет в Киев. Здесь Глеб и умрет в заточении 13 сентября того же года.

Еще больших сил потребует от Мономаха борьба с владимиро-волынским князем Ярославом Святополчичем. Как сын «старейшего» Святополка, Ярослав, по-видимому, рассчитывал после смерти Владимира занять «златой» киевский стол. Однако это не входило в планы Мономаха. Он еще при жизни подготовит передачу киевского стола своему старшему сыну Мстиславу, выведя его из Новгорода в ближний к Киеву Белгород. Ярослав правильно поймет смысл действий своего дяди; это и послужит причиной разрыва между князьями. Летом 1117 года Владимир двинет против Ярослава огромную рать, в состав которой, помимо его собственных полков и полков его сыновей, войдут полки князя Давыда Святославича, князей Ольговичей (сам Олег скончается в августе 1115 года), а также Володаря и Василька Ростиславичей. После двухмесячной осады Владимира-Волынского Ярослав будет вынужден просить Мономаха о мире. «Ярославу покорившюся и вдарившю челом перед строем (дядей. — *А.К.)* своим Володимером, и наказав (поучил его. — *А.К.)* Володимер о всем, веля ему к собе приходити, “когда тя позову”. И тако в мире разидошася…» Однако конфликт между дядей и племянником далеко не будет исчерпан. В следующем году Ярослав прогонит свою жену, внучку Мономаха, что не могло быть расценено иначе как объявление войны. Владимир вновь двинет свои войска в Волынскую землю, но на этот раз обойдется без кровопролития. Не получив поддержки собственных бояр, Ярослав бежит в Венгрию, а затем в Польшу, где укроется у своего зятя, польского короля Болеслава III Кривоустого.

Решающее столкновение князей произойдет в 1123 году. Князю Ярославу удастся собрать против Мономаха сильную коалицию, в которую войдут поляки, венгры, чехи, а также князья Володарь и Василько Ростиславичи — недавние союзники киевского князя. По словам летописца, известие о том, что Ярослав во главе огромного войска подступил к Владимиру-Волынскому, застанет Мономаха врасплох: «Володимеру бо еще в Киеве сущю, сбирающю ему вой многи… бе бо и Мьстислава пустил перед собою к Володи мерю с малом вой, а сам хотя пойти по нем с всими вой». Однако Мономаху даже не придется выступать в поход. В самом начале осады князь Ярослав Святополчич будет смертельно ранен из засады двумя поляками, возможно, подосланными самим Мономахом или его воеводами.

Гибель Ярослава положит конец войне. По свидетельству летописца, бывшие противники Мономаха направят к нему своих послов «с молбою и с дары». С этого времени Волынская земля станет еще одной «отчиной» Мономаха, в которой будут княжить его потомки.

Авторитет Владимира Мономаха в русском обществе останется непререкаемым до самой его кончины 19 мая 1125 года. По наследству авторитет этот перейдет и к его сыновьям. Все они воспринимались современниками прежде всего как сыновья своего великого отца, как *Мономашичи* — в иных ситуациях их отчество (или, точнее, родовое прозвище) оказывалось более значимым, чем личное имя каждого. Заслуги и авторитет отца во многом будут определять отношение к ним со стороны жителей тех русских городов, в которых когда-либо княжил их отец.

Все это имеет самое прямое отношение к князю Юрию Владимировичу Долгорукому — нам еще предстоит столкнуться, например, с тем, что жители стольного Киева откажутся воевать против него, хотя он и приведет к их городу вражескую рать. «Княже, ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя рукы въздаяти», — ответят они в 1147 году князю Изяславу Мстиславичу (тоже Мономаши-чу!), призывавшему их выступить против своего дяди.

Несомненно, отцовский авторитет способствовал политической карьере не только Юрия Долгорукого, но и других потомков Владимира Мономаха. Но авторитет отца — это еще и тяжелая ноша, дополнительный груз ответственности, необходимость следовать некоему заранее заданному высокому образцу. С таким грузом ответственности придется идти по жизни всем князьям Мономашичам. И, как нам предстоит убедиться, далеко не всегда они сумеют выдержать сравнение с отцом.

«ГЮРГЕВА МАТИ»

В большинстве исторических и генеалогических справочников можно прочитать, что князь Юрий Владимирович Долгорукий родился в 1090 году. Эта дата извлечена из «Истории Российской» Василия Никитича Татищева, русского историка XVIII века. Под 6598 (1090) годом он сообщает: «Владимиру Всеволодичу родился четвертый (так у Татищева. — *А.К.)* сын, и наречен Юрий». Или в первой редакции его труда: «Того же году родися Володимеру 4-й сын Георгий»[13].

Однако современные исследователи, как правило, ставят эту дату под сомнение и отказывают ей в достоверности, полагая, что она искусственно выведена Татищевым и Юрий на самом деле родился значительно позже[14]. Отчасти путаница связана со спорами о том, кем была мать Юрия Долгорукого и в каком по счету браке князя Владимира Мономаха он появился на свет.

Долгое время матерью Юрия считали англичанку Гиду, первую жену Владимира Мономаха, дочь последнего англосаксонского короля Харальда, павшего в битве с норманнами у Гастингса в 1066 году. После гибели отца и завоевания Англии знаменитым Вильгельмом (Завоевателем) Гида с братьями бежала в Данию к королю Свену Эстридсену, своему двоюродному дяде, который и способствовал ее браку с сыном русского князя Всеволода Ярославича. Брак Владимира и Гиды был заключен около 1075 года или немного раньше, а в начале 1076 года у Владимира родился первенец — сын Мстислав, нареченный в крещении Феодором и получивший, кроме того, еще одно имя — Харальд, в честь своего деда по матери, отца Гиды. Позднее Гида родила мужу еще четверых сыновей: Изяслава, Святослава, Ярополка и Вячеслава, а также одну или, возможно, нескольких дочерей[15].

Но была ли она матерью Юрия — шестого сына Владимира Мономаха? Ныне на этот вопрос приходится отвечать отрицательно.

Мы не знаем, в каком году умерла Гида. Зато нам известны месяц и число, когда это произошло. Они указаны в синодике кёльнского монастыря Святого Пантелеймона, который лишь недавно был введен в научный оборот: здесь среди лиц, подлежащих поминовению «в VI иды марта, [в день] исповедников Палатина и Фирмиана», то есть 10 марта, упомянута «королева Гида», под которой, вне всяких сомнений, подразумевается русская княгиня, супруга Владимира Мономаха[16]. Как выясняется, это была весьма деятельная особа,

круг интересов которой далеко не всегда совпадал с кругом интересов ее супруга.

Между тем сам Владимир Мономах упомянул о кончине матери Юрия Долгорукого. Из летописи известна и точная календарная дата этого события — и она не совпадает с календарной датой кончины Гиды.

В «Поучении» Владимира Мономаха — по-видимому, в тех дополнениях, которые он внес в первоначальный текст, — читаем: «И на зиму Смолинску идох. И Смоленска по Велице дни (то есть после Пасхи. — *А.К.)* выидох, *и Гюргева мати умре* (выделено мною. — А *К.)».* А далее рассказывается о последовавших затем военных действиях против половцев: «…вдохом за не ис Переяславля за Сулу, и Бог ны поможе, и полъкы их победихом, и князи изьимахом лепшии».

Исследователи давно уже поставили рассказ Мономаха в связь с теми событиями, о которых «Повесть временных лет» сообщает под 6615 (1107) годом: «…В се же лето преставися Володимеряя месяця мая в 7 день. Того же месяця воева Боняк и зая коне у Переяславля. Том же лете приде Боняк и Шарукан старый и ини князи мнози и сташа около Лубьна; Святополк же, и Володимер, и Олег… (далее названы еще несколько князей. — *А.К.)* идоша на половци к Лубну… Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побегоша…» В этот день, 12 августа, русские князья одержали полную победу над половцами; многие половецкие «князья» были перебиты, а другие захвачены в плен: «…а Сугра яша и брата его, а Шарукан едва утече»[{17}]. Ясно, что речь в обоих источниках идет об одних и тех же событиях. (Лубен, упомянутый в тексте летописи, располагался на реке Суле, названной в «Поучении».)

В 1107 году Пасха пришлась на 14 апреля. Кончина княгини «Володимерей» (то есть супруги Владимира — в древней Руси женщин, как правило, называли не личным именем, а по отцу или мужу, реже по сыну) случилась во вторник 4-й седмицы по Пасхе, и это вполне соответствует той относительной хронологии событий, которая зафиксирована в «Поучении» Владимира Мономаха.

Итак, «Володимеряя» летописной статьи 1107 года, или «Гюргева мати» «Поучения» Владимира Мономаха, не могла быть Гидой, первой супругой князя. Соответственно, Юрий появился на свет не в первом, а во втором браке Мономаха.

Когда же это произошло? Здесь мы вступаем в область догадок и предположений. Летописи, к сожалению, не содержат дат рождения сыновей Владимира Мономаха, за исключением его старшего сына Мстислава (1076 год) и младшего Андрея (август

1102 или, возможно, 1103 года). При этом источники — даже в косвенных свидетельствах относительно возможного возраста Юрия Долгорукого — противоречат друг другу.

Известно, что Юрий — шестой сын Владимира Мономаха — был значительно младше его пятого сына Вячеслава. «Яз тебе старей есмь не малом, но многом, — говорил сам Вячеслав Юрию в 1151 году, — аз уже бородат, а ты ся еси родил» (то есть «я уже бородат был, когда ты родился»). И Юрий вынужден был согласиться с ним: «Тако право есть, ако то и молвиши»[18]. Даже если в словах Вячеслава и присутствовало некоторое преувеличение, все же ясно, что разница в возрасте между ними достигала не менее четырнадцати-пятнадцати лет. И если сам Вячеслав родился не ранее 1080—1081 годов[19], то Юрий вряд ли мог появиться на свет ранее 1095—1096 годов. С другой стороны, мы знаем, что сам Юрий вступил в брак в самом начале 1108 года (об этом речь пойдет ниже). Зная наиболее ранний возраст вступления в брак в древней Руси, можно прийти к выводу, что Юрию ко времени бракосочетания не могло быть меньше двенадцати лет; следовательно, он родился не позднее 1096 года. Так, казалось бы, определяется примерная дата его рождения — около 1096 года.

Однако в 1096 году (и даже в начале следующего, 1097 года) Гида Харальдовна, первая супруга Владимира Мономаха, была еще жива. Об этом определенно свидетельствует сам Мономах. В письме князю Олегу Черниговскому, написанном предположительно в феврале 1097 года, он, оплакивая несчастную гибель своего сына Изяслава (погибшего, напомним, в битве под Муромом 6 сентября 1096 года), упоминает и о его матери — надо было, поучает он Олега, узрев кровь юного князя, помыслить в себе: «Увы мне, что створих?.. света сего мечетнаго кривости ради налезох грех собе, отцю и матери слезы». Отец — это он, Владимир; мать — Гида, его первая супруга.

Перед нами очевидное противоречие. В соответствии с одной группой источников, Юрий родился около 1096 года: с другой — заведомо позже. Для того чтобы преодолеть это противоречие, следует принять одно из двух возможных допущений. Либо Юрий женился в возрасте, явно не подходящем для вступления в брак (приблизительно в возрасте восьми — десяти лет); либо он появился на свет хотя и во втором браке Владимира Мономаха, но еще при жизни Гиды.

Оба этих допущения — по крайней мере на первый взгляд, — выглядят маловероятными. Однако для второго из них имеются серьезные основания.

Из одного латинского сочинения первой половины XII века о

посмертных чудесах святого Пантелеймона, происходящего из упомянутого выше кёльнского монастыря, явствует, что Гида, мать «Арольда, короля народа Руси» (то есть Харальда — князя Мстислава Владимировича, старшего сына Владимира Мономаха), в конце XI — начале XII века проживала не вместе со своим супругом в Переяславле или Смоленске, а вместе со своим сыном Мстиславом — очевидно, в Новгрроде, где тот княжил. Здесь и произошло описанное в источнике чудо. Однажды во время охоты «король Арольд» подвергся нападению медведя, который так распорол ему чрево, «что внутренности вывалились наземь… и не было надежды, что он выживет». Мать одна ухаживала за сыном, и именно она указала путь к его спасению, узнав в отроке, явившемся к князю в сонном видении, святого целителя Пантелеймона. Более того, оказывается, что именно у сына Гида «уже давно просила… чтобы тот с миром и любовью отпустил ее в Иерусалим»; когда же сын ее стал выздоравливать, она «с радостью исполнила обет благочестивого паломничества»[{20}]. О возвращении Гиды из Святой Земли, равно как и о ее дальнейшей судьбе в этом памятнике ничего не сообщается. Не упоминается в нем и о муже русской княгини.

Трудно поверить, будто Гида, оставаясь женой князя Владимира Мономаха, могла проигнорировать своего мужа, испрашивая разрешение на столь далекое путешествие у сына. Нам не все известно о брачных обычаях русских князей домонгольского времени. Но во всяком случае разводы в древней Руси допускались[{21}]. По-видимому, нет ничего невероятного в предположении, что ко времени описываемых событий брак между Владимиром и Гидой был расторгнут. Давно уже вышедшая из детородного возраста, Гида формально могла принять иночество — что было бы достаточным основанием для расторжения брака. (Кстати говоря, в том же рассказе о чуде святого Пантелеймона сообщается, что Гида «удостоилась стать сестрою» кёльнского монастыря Святого Пантелеймона.)

О происхождении матери Юрия Долгорукого — второй жены Мономаха — никакими сведениями мы не располагаем. Неизвестно нам и ее имя. Зато известно, что, помимо Юрия, она родила своему супругу еще двоих сыновей — Романа и Андрея, а также по меньшей мере двух дочерей. Одна из них, Евфимия, в 1112 году будет выдана замуж за венгерского короля Коломана (Кальмана); другая, Агафья, в 1116/17 году станет женой городенского князя Всеволодка, предположительно, сына князя Давыда Игоревича.

Скончалась «Гюргева мати», как уже было сказано, 7 мая 1107 года, и это, надо полагать, стало сильным потрясением для Юрия.

Что же касается Владимира Мономаха, то он после этого женился еще раз — но на ком именно, опять-таки неизвестно. Его третья супруга (княгиня «Володимеряя») преставилась уже после его смерти, 11 июля (или, по датировке другой летописи, 11 июня) 1126 года{22}.

* * *

Стоит отметить одну любопытную закономерность. Сыновья Владимира Мономаха от его первого брака с Гидой Харальдовной известны летописи исключительно под своими княжескими именами; их христианские, крестильные, имена летопись не называет ни разу. Трое же сыновей от второго брака, судя по той же летописи, носили одни лишь крестильные имена, которые и воспринимались в обыденной жизни как княжеские, — Юрий (Георгий), Роман и Андрей. Все эти имена — из княжеского именослова. Княжичи получили их в память о своих великих предках, продолжателями славных деяний которых им предстояло стать. Юрий был назван в память о князе Ярославе Мудром, в крещении Георгии, родоначальнике всех русских князей (за исключением полоцкой династии); Роман — в память о святом Борисе, в крещении Романе, одном из самых почитаемых святых в семействе Мономаха; Андрей — в память о своем деде, князе Всеволоде Ярославиче, в крещении Андрее.

Хотя ни Ярослав Мудрый, ни Всеволод Ярославич не были канонизированы Церковью (то есть не были официально причтены к лику святых), в княжеской семье их почитали святыми. Об этом прямо свидетельствует автор так называемого «Послания о повинных», адресованного князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, — предположительно, юрьевский епископ Даниил (занимал кафедру в 1115—1122 годах). Обращаясь к князю, он призывал его поминать и продолжать своими деяниями не только «честнаго» прадеда своего Владимира, «равна апостолом», но и «благочестиваго и приснопамятнаго святаго деда твоего», то есть Ярослава, «како славится о нем еже о христоименитых людей попечение многое», «тако же и христолюбиваго великаго князя, отца твоего», то есть Всеволода, чуть ниже также названного «святым»{23}.

Юрий, чьим небесным покровителем был святой великомученик Георгий, конечно же должен был также почитать и своего тезоименитого прадеда. Слова о «попечении многом» киевского князя Ярослава Мудрого «христоименитых людей» служили образцом прежде всего для него самого. Но можно

предположить и другое. В своем позднейшем безудержном стремлении к Киеву Юрий мог вдохновляться в том числе и примером прадеда, стараниями которого стольный град Руси был поставлен под особое небесное покровительство святого Георгия Победоносца. Ведь это князь Ярослав Владимирович возвел в Киеве великолепный каменный храм во имя святого Георгия «пред враты Святыя София» и установил новое для Руси празднование святому Георгию — 26 ноября, осенний «Юрьев день», в память освящения храма. (Ранее память святого Георгия праздновалась на Руси лишь 23 апреля.) Днесь «блажат тя мирстии концы, — обращался к святому автор торжественной Службы на освящение киевского храма, составленной, по всей видимости, в середине XI века, — и земля радуется, и христоименитии людие града Киева; освящением храма твоего радостию возвеселишася, страстотерпче Георгие»[{24}].

Так может быть, изменения в имянаречении старших и младших сыновей Владимира Мономаха свидетельствуют о каких-то сдвигах, произошедших в сознании князя во второй половине 90-х годов XI века? И может быть, сдвиги эти произошли в нем под влиянием супруги? Это, конечно, не исключено, но и вовсе не обязательно. Во всяком случае, сам Юрий впоследствии будет называть своих сыновей как христианскими, крестильными, так и традиционными княжескими именами, кажется, не считая это чем-то принципиальным.

«АЕПИНА ДЩЕРЬ»

В летописи имя князя Юрия Владимировича впервые упоминается под 1107/08 годом, когда он — совсем еще мальчик — женился на дочери половецкого хана Аепы. Свадьба юного княжича стала последним звеном в длинной цепи событий, связанных в основном с половецкой политикой его отца.

Год 1107-й вообще был богат событиями, и отчасти мы уже говорили об этом, когда речь шла о кончине матери Юрия Долгорукого. Вспомним: «…Того же месяця (мая 1107 года. — *А.К.)* воева Боняк и зая коне у Переяславля. Том же лете приде Боняк и Шарукан старый и ини князи мнози и сташа около Лубьна; Святополк же, и Володимер, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк идоша на половци к Лубну…»

Названные летописцем половецкие ханы Боняк и Шарукан были старыми врагами Руси. Особенно знаменит был «шелудивый» Боняк (так называет его летописец), имя которого гремело не только в половецких степях и на Руси, но и в Византии и странах Европы. В одной из битв, выступая в союзе с волынским князем Давыдом Игоревичем, он разбил многотысячное венгерское войско, положив на поле брани, по оценкам русского летописца (конечно же сильно преувеличенным), до 40 тысяч человек. Его кочевья располагались на правобережье Днепра, достигая Южного Буга и Днестра, а порой и Дуная. Орда же Шарукана Старого кочевала к востоку от Днепра — между Северским Донцом (который на Руси именовали Доном) и азовским побережьем{25}. Объединение этих двух крупнейших политических образований Половецкой земли грозило Русскому государству страшными бедствиями.

Нападению подверглись владения одного Мономаха. Но к 1107 году русские князья уже научились совместно действовать против половцев. Мономаху удалось быстро организовать коалицию, в которую вошли все сильнейшие князья того времени, в том числе великий князь Киевский Святополк Изяславич и Олег Святославич Черниговский. В летописном рассказе упомянуты также юный сын Олега Черниговского Святослав[3], племянник Давыда Игоревича Мстислав (его отчество и город, в котором он княжил, в точности неизвестны) и сыновья самого Владимира Мономаха Вячеслав и Ярополк. Князья действовали решительно и быстро. 12 августа они переправились у города Лубна через реку Сулу и ударили по не ожидавшим нападения половцам; половцы же «ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побегоша, хватающе кони, а друзии пеши побегоша; наши же

почаша сечи, женуще я (истребляя их. — *А.К.),* а другые руками имати». Преследование продолжалось до реки Хорол, притока Псела (Псел — левый приток Днепра). Во время погони был убит Боняков брат Таз (или, по-другому, Тааз), а хан Сугр — по-видимому, один из родичей Шарукана — вместе с братом (или братьями) попал в плен. Самому Шарукану едва удалось бежать. Русские захватили половецкие «товары» и «възвратишася в своя си с победою великою».

За лубенской победой последуют новые столкновения со Степью. В 1109 году Владимир пошлет к Донцу своего воеводу Дмитра Иворовича; на следующий год сам выступит в поход вместе со Святополком Изяславичем и Давыдом Святославичем, однако поход этот окажется не слишком удачным и в ответ половцы разорят окрестности Переяславля. И только весной 1111 года князья добьются большого успеха, нанеся половцам решающее поражение.

Но военные действия против степных кочевников являлись лишь одной из двух составляющих половецкой политики Владимира Мономаха. Объединение орд Боняка и Шарукана показало необходимость поиска собственных союзников среди половцев, ибо только это могло предотвратить создание единого антирусского фронта на всем пространстве южной границы русских земель.

И такие союзники были найдены. Продолжая рассказ о событиях 1107/08 года, летописец сообщает: «Томь же лете месяца того же (то есть уже в январе. — *А.К.)* иде Володимер, и Давыд, и Олег к Аепе и ко другому Аепе, и створиша мир…»

Кочевья по крайней мере одного из двух одноименных половецких «князей» находились на правобережье Днепра. Союз с ним, несомненно, имел своей целью нейтрализацию главного врага русских — Боняка.

Лучшей гарантией мира и лучшим способом установления долговременных союзнических отношений было заключение династического брака. В воскресенье 12 января 1108 года, в один день, были заключены сразу два таких брака: «…и поя Володимер за Юргя Аепину дщерь Осеневу внуку, а Олег поя за сына (вероятно, Святослава, — *А.К.)* Аепину дчерь Гиргеневу внуку»[{26}]. Об этом браке как о важном событии своей жизни вспоминал и сам Владимир Мономах в «Поучении»: «И по Рожестве створихом мир с А[е]пою, и поим у него дчерь…»

Об Аепе Гиргеневе, свате Олега Черниговского, ничего определенного сказать нельзя. Второй же Аепа, с которым породнился Владимир Мономах, чуть более известен. Он был сыном Осеня (или Асиня), старого врага Руси. Осень был захвачен

в плен Владимиром Мономахом в битве у Белой Вежи Остерской (в Черниговской земле) и погиб — по-видимому, в русском плену — в 1082 году.

…Любопытное, должно быть, зрелище представляли собой торжества по случаю заключения этих браков. Два мира — русский православный и половецкий степной — сошлись в одном праздновании, одном ликовании. Русские и половцы, вчера еще глядевшие друг на друга как на врагов, а теперь в одночасье ставшие свояками, поднимали заздравные кубки, обменивались богатыми подарками, клялись в вечной дружбе своей новой родне. Всего несколько дней как у русских закончились Святки — но празднества продолжались. Тем более что 12 января в 1108 году пришлось на первое воскресенье после Крещения, когда Церковь отмечает *попразднество* (то есть фактически завершение, *отдание* праздника) Крещения и Богоявления Господня. Накануне были крещены в православие и обе половецкие княжны — это являлось необходимым условием совершения брака. Вышедшие из купели и нареченные новыми — христианскими — именами, они как бы заново рождались, становились новыми людьми, вступали как равные в русскую княжескую семью. Но кровная связь с родней конечно же не могла исчезнуть. Получая в жены половецких княжон, русские князья, как правило, получали и прочные нити личных контактов со Степью.

Мы не знаем, хороша ли собой была юная невеста князя Юрия — наверное, совсем еще девочка (едва ли она могла быть старше своего супруга). Но Юрий в тот день и не имел возможности по-настоящему разглядеть ее. В своем ритуальном, по-половецки пышном свадебном убранстве она должна была выглядеть разряженной куклой, представать скорее необходимым элементом свадебного обряда, чем существом из плоти и крови. Да и сам Юрий по малости лет вряд ли до конца понимал суть происходящего. Для него, не достигшего еще возраста полноценной семейной жизни, главным, по-видимому, была социальная, если так можно выразиться, сторона дела: женившись, он приобретал новый статус — не княжича, но князя.

Половецкий брак в какой-то степени предопределит будущий политический курс Юрия Долгорукого в отношении половцев. Правда, его тесть, кажется, погибнет в 1117 году («Придоша половци к болгаром, — сообщает летопись под этим годом, — и выела им князь болъгарьскыи пити с отравою, и пив Аепа и прочий князи, вси помроша»). Но даже если речь в летописи действительно идет об Аепе Осеневе (а не о его тезке, свате Олега Черниговского), это не меняет сути дела. Юрий и после смерти тестя сможет без труда находить общий язык с родичами своей

первой супруги, а те, в свою очередь, охотно будут принимать участие в его войнах в качестве союзников (правда, не всегда надежных).

Собственно свадебный пир («кашу», как говорили на Руси) учинили, по всей видимости, позже — в Смоленске или, может быть, в Ростове. Во всяком случае, именно в эти города направился Мономах вместе с юной супружеской четой. Взяв у Аепы дочь в жены своему сыну, вспоминал он в «Поучении», «вдохом Смоленьску. И потом вдох Ростову»{27}.

Так, вновь, уже знакомым путем — через Смоленск, — но на этот раз вместе с отцом и юной супругой, князь Юрий Владимирович отправился к Ростову. Это совместное путешествие князей оставило заметный след в истории Северо-Восточной Руси. Но сначала следует рассказать о тех событиях, которые предшествовали их появлению здесь.

* * *

В том же 1107 году Суздальская земля подверглась нападению волжских болгар. Уникальное известие об этом сохранилось в так называемой Типографской летописи (составлена в конце XV века, но с использованием более раннего ростовского летописного свода). Здесь нашествию болгар посвящен целый рассказ, наполненный легендарными подробностями. Этот рассказ завершает летописную статью 1107/08 года:

«В се же лето чюдо сътвори Бог и Святаа Богородица в Суждалстеи земле. Приидоша болгаре ратью на Суждаль и объступиша град и много зла сътвориша, воююща села и погосты и убивающе многых от крестьян (христиан. — *А.К.)*. Сущий же людие в граде, не могуще противу их стати, не су-щю князю у них, на молитву к Богу обратишяся и к Пречистеи Его Матери покаанием и слезами и затворишяся в граде. И всемилостивый Бог услышав молитву их и покаание: якоже древле ниневгитяне помилова, тако и сих избави от бед, ослепиша бо вся ратныа болгары, и та[ко] из града изшедше, всех избиша»{28}.

Волжская Болгария — мусульманское государство на средней Волге и Каме — было давним соседом и торговым партнером Руси. Отношения между двумя государствами носили в основном мирный характер, однако с конца XI — начала XII века источники все чаще сообщают о военных столкновениях. Еще в 1088 году болгары разорили Муром, а весной 1104 года муромский князь Ярослав Святославич потерпел поражение от мордвы, союзников

болгар. По-видимому, военные действия объяснялись торговым соперничеством — экономически развивающиеся города Северо-Восточной Руси стремились поставить под свой контроль торговые пути по Волге и прежде всего доступ к пушным богатствам Севера, которыми до времени почти монопольно распоряжались болгарские купцы.

Судя по рассказу летописи, Суздалю и округе был нанесен серьезный ущерб. Болгары воспользовались отсутствием князя в Ростовской земле. (Юрий находился на юге, где, по всей видимости, принимал участие в переговорах с половцами, предшествовавших заключению мира.) И вот теперь Мономах спешил в Ростов и Суздаль, чтобы восстановить пошатнувшийся порядок, «устроить» землю, предотвратить возможные в будущем повторения трагедии. Если раньше он думал прежде всего об устранении угрозы Ростову и Суздалю со стороны черниговских князей, то на этот раз предстояло укрепить всю юго-восточную границу Ростовской земли.

Важнейшим следствием пребывания Владимира Мономаха в Ростовской земле в 1108 году стало основание нового города на реке Клязьме, которому князь дал свое имя — Владимир. В отличие от более древнего Владимира-Волынского его называли также Владимиром-Залесским.

Об основании города рассказывает статья «А се князи русьстии», которая читается в том же списке XV века, что и Новгородская Первая летопись младшего извода: «Сии (князь Владимир Мономах. — *А.К.)* поставил град Володимерь Залешьскыи в Суждальскои земле и осыпа его спом (обнес насыпью, валом. — *А.К.),* и созда первую церковь Святого Спаса за 50 лет до Богородичина ставления»[29].

«Богородичино ставление» — это основание владимирской церкви Пресвятой Богородицы — Успенского собора — князем Андреем Юрьевичем Боголюбским, внуком Мономаха, в 1158 году. Таким образом, построение города Владимира-Залесского и основание князем Владимиром Мономахом первого в городе Спасского собора точно датируются 1108 годом[30].

Очень скоро Владимир-Залесский станет одним из главных оплотов княжеского влияния в Северо-Восточной Руси. По всей вероятности, с самого основания города его заселяли выходцы из Южной Руси — либо насильно выведенные сюда князем Владимиром Мономахом, либо добровольно покинувшие свои земли из-за участившихся половецких набегов. Свидетельством тому — перешедшие с юга географические названия. Во Владимире и возле него известны одноименные киевским речки Лыбедь, Почайна, Рпень (Ирпень). То же можно сказать и о других

городах Северо-Восточной Руси, основанных князьями в XI—XII веках. Так, два северных Переяславля — Переяславль-Залесский и Переяславль-Рязанский — расположены на берегах одноименных речек Трубеж — то же название носит река, на которой расположен город Переяславль-Южный, или Переяславль-Русский, как его называли в XII веке. Понятно, что названия и городов, и речек принесли сюда выходцы с юга. Уместно отметить, что город Переяславль-Залесский основан князем Юрием Долгоруким.

Впоследствии Владимиру суждено будет стать столицей всей Северо-Восточной Руси. Однако особая роль этого города проявится позднее — в княжение сына Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, и его преемников на владимирском престоле. При Владимире же Мономахе и Юрии Долгоруком это был прежде всего форпост Суздальской земли на юге, прикрывавший ее со стороны черниговского порубежья, а также мордвы и болгар.

СУЗДАЛЬ ИЛИ РОСТОВ?

В первой половине XII века название Суздальская земля вытесняет из летописей и документов прежнее — Ростовская земля. Объясняется это тем, что в годы княжения Юрия Долгорукого именно Суздаль становится фактической столицей княжества.

Этот древний город на берегу небольшой речки Каменки, правого притока Нерли Клязьменской (не путать с Нерлью Волжской!), располагался в центре плодородного Суздальского ополья — «на месте красном, ни веема гористом, ниже паки доловатом и мокром, — как описывал его в середине XVIII века автор «Исторического собрания о богоспасаемом граде Суждале» соборный ключарь Анания Федоров, — но несколько хотя местами и долины имущее, но сухое и приятное, и к плодоношению всякому угодное, не токмо овощия, но и древес садовных множество плодящее… все в меру и сносно, и к житию человеческому приятное угодное место»[31].

И действительно, плодородие здешней почвы принесло Суздалю славу, не померкшую и по сей день. Местная знать, вероятно, с самого начала готова была поддержать князя, присланного из Киева. Его присутствие повышало статус Суздаля и всей Суздальской земли. Кроме того, в глазах местного населения князь был гарантом социальной стабильности; власть его, равно возвышавшаяся над всеми, способна была положить конец сварам и раздорам, обеспечить порядок и экономическое процветание края. Именно местное боярство — прежде всего суздальское — становится в это время главной социальной опорой княжеской власти.

Судя по тому немногому, что нам известно о Юрии той поры, он жил преимущественно в Суздале. Показательно, что в Ростове, старом центре княжества, за все годы своего княжения он, кажется, не построил ни одной церкви (во всяком случае, никаких упоминаний об этом в источниках нет). В Суздале же — и, возможно, еще при жизни отца — Юрий возводит каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы — по-видимому, Успения.

По рассказу Киево-Печерского патерика, эта церковь была поставлена им в подражание одноименной ростовской церкви, построенной его отцом, а также в подражание «Великой» Успенской церкви Киево-Печерского монастыря. Некогда, рассказывается в Патерике, «христолюбец» Мономах, «възем меру божественна тоя церкве Печерскыа, всем подобием създа церковь в граде Ростове, в высоту и в широту и в долготу… и сиа вся в чин

и в подобие сътвори по образу великыя тоа церкве… Сын же того Георгий князь, слышав от отца Владимера еже от тьи церкви сътворися, и тьи в своемь княжении създа церковь в граде Сужьдали в ту же меру…»[32] О каком именно суздальском храме идет речь, сказать трудно. Обычно полагают, что Юрий достраивал или перестраивал главный суздальский собор — во имя Рождества Пресвятой Богородицы, возведенный, по летописи, еще его отцом Владимиром Мономахом[33]. Но не исключено, что в рассказе Патерика упоминается какая-то другая Богородицкая церковь — возможно, построенная Юрием на своем княжеском дворе.

По мнению современных археологов, при Юрии в Суздальском кремле («детинце») были выстроены каменные княжеские палаты, а сам город защищен еще одной линией земляных укреплений[34]. Так рядом с древним «городом Владимира» (или «Мономаховым городом» — историческим центром Суздаля) вырос новый «окольный город», или «острог», как его стали называть.

Вероятно, в Суздаль из Ростова на время была перенесена и епископская кафедра[35]. Здесь же, рядом с князем, обосновался и его бывший «дядька»-воспитатель Георгий Шимонович (Симонович). И после того, как Юрий достиг совершеннолетия, этот потомок варяжского рода оставался его правой рукой и воеводой. Юрий сделал его тысяцким, то есть поставил во главе ростовской «тысячи» — местной военно-политической организации, унаследовавшей функции прежней родоплеменной системы управления Ростовской землей. Когда в 1129/30 году, то есть уже после кончины Владимира Мономаха, Георгий Шимонович захочет украсить гробницу преподобного Феодосия, игумена Киево-Печерского монастыря, он именно «от града Суждаля» пошлет «единаго от боляр своих, сущих под ним… в богоименитый град Киев, в Печерьский манастырь»[36].

Георгий стал родоначальником местного боярского рода. Как полагают, ему удалось сделать должность тысяцкого наследственной в Суздальской земле. Согласно позднейшим родословным книгам, к потомкам Георгия Шимоновича и его сына Ивана причисляли себя московские тысяцкие, начиная с первого московского тысяцкого Протасия, пришедшего в Москву из Владимира вместе с князем Даниилом Александровичем в конце XIII века[37].

Тысяцкий традиционно занимался сбором княжеской дани. Наверное, именно этим объясняется то, что Георгий Шимонович сумел скопить в своих руках огромные денежные средства. Из того же рассказа Патерика известно, что для «окования» раки

преподобного Феодосия он единовременно пожертвовал в Печерский монастырь 500 гривен серебра и 50 гривен золота, что ввело в искушение посланного им для передачи всей суммы боярина Василия. Позднее Георгий добавил к своему дару еще и золотое украшение — шейную гривну весом в 100 гривен (другими словами, еще 100 гривен золота). Такие суммы в те времена были доступны далеко не каждому князю. Так, минский князь Глеб Всеславич, которого летопись особо прославляет за беспримерные благодеяния, в течение всей своей жизни передал Печерскому монастырю 600 гривен серебра и 50 гривен золота, а после его смерти вдова пожертвовала в монастырь еще 100 гривен серебра и 50 гривен золота{38}. Чтобы оценить дар Георгия, скажем, что он лишь немногим уступал годовой дани, собираемой в те же годы со всего Смоленского княжества!

Князь Юрий Владимирович конечно же располагал несравненно большими денежными средствами, чем его воевода. Княжение в Суздале и Ростове позволяло ему, что называется, твердо стоять на ногах. Подвластная ему Северо-Восточная Русь постепенно становилась одним из наиболее развитых в экономическом отношении регионов Древнерусского государства. Этому способствовали и рост городов (особенно заметный в последующие годы княжения Юрия Долгорукого), и развитие торговли и торговых связей — в том числе по Волге, — и приток населения с юга.

Правда, в сфере государственного строительства и развития городской жизни Северо-Восточная Русь заметно отставала от южнорусских областей. В начале княжения Юрия здесь было немного городов, особенно по сравнению с Киевской землей. Городская община, вече были сильны в старых центрах, прежде всего в Ростове, но в целом не имели такого влияния, как на юге. Это обстоятельство, между прочим, отразится на судьбе Юрия: когда позднее он станет киевским князем, ему так и не удастся приспособиться к тамошним условиям, найти общий язык с городскими общинами Киева и других южнорусских городов.

Разумеется, пока был жив отец, Юрий отсылал ему большую часть собранной дани. Сначала, до 1113 года, — в Переяславль, затем — в Киев. Дань шла на юг обычным путем — через Смоленск и далее по Днепру. Судя по несколько более поздней Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (1136 год), Владимир Мономах передал десятину с «Суждали залесской» дани основанной им в 1100 году смоленской церкви Пресвятой Богородицы{39}.

* * *

При Юрии Долгоруком Суздаль становится не только политическим, но и духовным центром Северо-Восточной Руси.

Средоточием города считалась каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, возведенная, по летописи, еще отцом Юрия Владимиром Мономахом и суздальским епископом Ефремом. (Она начнет разрушаться от старости в 1222 году, и на ее месте великий князь Юрий Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, построит новый каменный храм.) Другим духовным центром Суздаля был Дмитровский монастырь, также основанный епископом Ефремом. Подобно тому, как большинство первых русских епископов вышли из стен Киево-Печерского монастыря, Дмитровский монастырь дал ростовской и суздальской кафедрам нескольких иерархов. Этот монастырь был особо почитаем в роду тысяцкого Георгия Шимоновича — по свидетельству Киево-Печерского патерика (20-е годы XIII века), «правнуци его любовь имеють к Святому Дмитрею, ту бо имеють место свое в нем». Обитель Святого Димитрия, дочерняя по отношению к киевскому Печерскому монастырю, как бы «замещала» для бояр Шимоновичей собственно Печерскую обитель, столь почитаемую их предком.

Один из Богородицких храмов возвел сам Юрий Долгорукий. Еще две каменные церкви — во имя Святого Спаса Преображения и пригородная во имя Святых Бориса и Глеба в Кидекше на Нерли — будут построены им позднее, около 1152 года.

Автор Киево-Печерского патерика, владимиро-суздальский епископ Симон, не случайно подчеркивал, что Владимир Мономах и Юрий Долгорукий строили свои храмы «в меру» — то есть по образцу — «Великой» Печерской церкви. Современные исследователи отмечают, что Суздаль сознательно уподоблялся «богохранимому» граду Киеву, бывшему не только столицей, но и главным духовным центром Руси{40}.

Многие суздальские церкви становились двойниками прославленных киевских церквей. Таковы и церковь Пресвятой Богородицы в «городе Владимира» — историческом центре Суздаля; и подворье Печерского монастыря и церковь и монастырь Святого Димитрия; и церковь Святого Спаса с одноименным монастырем; и пригородная Борисоглебская церковь в Кидекше на реке Нерли — аналогия знаменитой вышгородской церкви Святых Бориса и Глеба под Киевом и одновременно церкви Святых Бориса и Глеба на Альте под Переяславлем-Южным, построенной Владимиром Мономахом. Не исключено, что киевские храмы стали прообразом и других, более поздних суздальских церквей и монастырей — Святого Василия, Апостола Андрея, Воздвижения честного Креста.

Позднее то же мы увидим и в стольном Владимире-Залесском. Но если князь Андрей Юрьевич Боголюбский и его преемники, отстраивая и украшая свою новую столицу, будут стремиться не просто повторить Киев, но превзойти и затмить его, то Юрий, по-видимому, таких целей перед собой не ставил. Его задача была иной — перенести святость христианского Киева на пространства Залесской земли. И притом сделать это наиболее очевидным и понятным для всех способом — повторив очертания стольного Киева и в самой структуре города, и в посвящениях суздальских и других «залесских» храмов. «Заменить» или затмить Киев они не должны были ни в коем случае. Ибо, повторимся еще раз, Юрий никогда не оставлял мысли самому занять «златой» киевский стол, а потому смотрел на Киев как на потенциально свой город.

БОЛГАРСКИЙ ПОХОД

За те семнадцать лет, что Юрий княжил в Суздальской земле при жизни отца, то есть с 1108 по 1125 год, его имя единственный раз упоминается в летописи — под 1120 годом. В этом году Юрий совершил свой первый поход — против волжских болгар.

Киевский летописец так рассказывает об этом: «В лето 6628 (1120/21) Георгии Володимеричь ходи на болгары по Волзе, и взя полон мног, и полкы их победи, и, воевав, при-де по здорову с честью и славою»[41].

(По свидетельству позднейшей Тверской летописи, войско Юрия в этом походе возглавлял тысяцкий Георгий: «…а воевода у него был и боярин болшей Георгий Симоновичь, внук Африкановь, варяжского князя…»[42]. Это конечно же вполне вероятно, однако следует учитывать, что автор Тверского летописца в данном случае полностью опирался на сведения Киево-Печерского патерика, в котором и приведена генеалогия Георгия Шимоновича, а потому его известие нельзя рассматривать как самостоятельное. Некоторые дополнительные подробности болгарской войны приведены в «Истории Российской» В. Н. Татищева. Однако здесь тем более есть основания сомневаться, что историк XVIII века извлек их из каких-то не дошедших до нас летописей, а не домыслил сам, основываясь на разнородных и не слишком достоверных материалах. Во всяком случае, среди действующих лиц у Татищева упоминается брат Юрия Глеб — лицо, по-видимому, вымышленное (летописи ничего не знают о сыне Владимира Мономаха с таким именем): «Владимир, князь великий, посылал детей своих Юриа и брата его Глеба с ростовскими и суздальскими войски на болгоры по Волге. Болгоры же встретили их во множестве водою и сухим путем, на которых Юрий храбро наступя, по жестоком бою победил и, множества полона и богатства взяв, с честию и славою великою возвратился»[43].)

Так Юрий одержал свою первую победу — во всяком случае, из тех, о которых нам известно. В долгой истории противостояния Волжской Болгарии и Руси она занимает особое место. Это первая победа, одержанная войсками, выступившими из Северо-Восточной Руси. Именно после нее инициатива в борьбе за преобладание в регионе постепенно начнет переходить к суздальским, а затем владимиро-суздальским князьям. Но, конечно, далеко не сразу. И, например, еще в 1152 году болгары подступят по Волге к Ярославлю и едва не захватят город.

Сам Юрий более походов в Болгарскую землю не совершал. Напротив, он заключил с волжскими болгарами мир, который был утвержден клятвами («ротою») как с русской, так и с болгарской стороны — соответственно, по христианским и мусульманским законам. Однако явился ли этот мир результатом его похода 1120 года, или был заключен позже—в 30-е, 40-е или 50-е годы, в точности не известно. Об этом мире вспомнил позднейший летописец — ибо он послужил образцом при заключении русско-болгарского договора зимой 1220/21 года внуком Юрия Долгорукого великим князем Юрием Всеволодовичем: тогда русские и болгары «управишяся по прежнему миру, яко же было при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи, и посла… мужи свои водити в роту князей их (болгарских. — *А.К.)* и земли их по их закону»[{44}].

* * *

Залесская Русь потому и получила такое название, что была удалена от остальной части Руси, отделена от нее непроходимыми лесными массивами. (В латинской Европе ее назвали бы Трансильванией.) То, что происходило в Ростове и Суздале, до времени не слишком интересовало летописцев, трудившихся в Киеве или Южном Переяславле. После памятной войны сыновей Владимира Мономаха с Олегом Святославичем в 1096—1097 годах известие о походе на болгар — вообще первое в общерусской летописи, относящееся к Северо-Восточной Руси (и, добавим, единственное за все время княжения в Киеве не только Владимира Мономаха, но и его сына Мстислава). Оно потому и оказалось включено в летопись, что событие, о котором оно повествовало, имело общерусское значение.

Поход на болгар Юрий, несомненно, совершил по велению отца. Сидевший в Киеве и действовавший преимущественно через своих сыновей, Владимир Мономах проводил в эти годы широкомасштабное наступление на всех направлениях, укрепляя позиции своего государства и на юге, и на западе, и на востоке.

В том же 1120 году еще двое сыновей Мономаха водили свои полки в походы по воле отца: младший брат Юрия, Андрей, — в Польшу; старший, Ярополк, — к Северскому Донцу («Дону»). Если же охватить взглядом чуть больший промежуток времени и нанести походы Мономашичей на карту, то мы увидим, что они образуют почти правильный крест, четыре конца которого обращены строго на север, юг, запад и восток.

«Тогда же посла Володимер Андрея с погаными (то есть с

половцами. — *А.К.)* на Ляхы, и повоеваша е», — сообщает летописец сразу же за известием о болгарской войне. Очевидно, Андрей выступил в поход позже Юрия.

Судьба этих князей в какой-то степени была схожа. Самый младший из сыновей Мономаха, Андрей тоже начал свою политическую карьеру с половецкого брака и тоже княжил на самой окраине Русской земли — только не на восточной, а на западной. В 1117 году отец женил его на внучке старого врага Руси хана Тугоркана, а в январе 1119 года, после смерти его брата Романа, послал на княжение во Владимир-Волынский, лишь годом ранее отнятый у князя Ярослава Святополчича. Ярослав укрылся в Польше, у своего зятя, короля Болеслава III Кривоустого. Поход 1120 года «на Ляхы», очевидно, имел своей целью предотвратить совместные действия Ярослава с поляками. Но добиться этого Андрею не удалось. В следующем году Ярослав вместе с «ляхами» вторгся в пределы Волынской земли и осадил город Червен. Воевода Мономаха Фома Ратиборич сумел тогда отбить это нападение. Решающее же столкновение князей произошло, как мы знаем, в 1123 году, и если бы не внезапная гибель Ярослава Святополчича под стенами Владимира-Волынского, кто знает, какой оборот приняли бы события на западных рубежах Русской земли. А так поляки и венгры поспешили заключить мир с Мономахом, признав тем самым его права (а значит, и права его сыновей) на Волынскую землю.

Поход Ярополка Владимировича на половцев, напротив, предшествовал по времени болгарскому походу Юрия Долгорукого. Надо полагать, что русские, по обыкновению, выступили весной, когда половцы были наиболее уязвимы.

На первый взгляд, и это военное предприятие закончилось безрезультатно. «Ярополк ходи на половци за Дон, и не обрете их, и възратися», — свидетельствует летописец{45}. Однако неудачей поход 1120 года можно признать лишь с существенной оговоркой. Эта относительная неудача объяснялась ошеломительным успехом, достигнутым русскими князьями ранее. После победы 1111 года, когда были разбиты основные силы половцев, путь в глубь Половецкого поля оказался открыт. Половцы начали покидать обжитые степи, часть их откочевала к предгорьям Кавказа и даже за Кавказский хребет. В 1116 году тот же Ярополк вместе со своим троюродным братом Всеволодом Давыдовичем (сыном Давыда Святославича) совершил еще один большой поход против половцев — «к реце, зовомеи Дон» (то есть к Се-верскому Донцу): князья захватили три половецких города: Сугров, Шарукань (или, по-другому, Чешуев) и Балин, «и ту взя полон мног». Преследуя половцев, Ярополк, по-видимому, достиг не

только Дона, но и Прикубанья — в приведенном им на Русь полоне были ясы, то есть аланы (нынешние осетины). Одна из пленниц, дочь ясского князя, «жена красна велми», стала женой Ярополка.

Посылая своего сына в новый поход «за Дон», Владимир Мономах хотел закрепить достигнутый успех, помешать половцам восстановить силы. И то, что Ярополк «не обрете их», означало одно — половцы заблаговременно, не дожидаясь нападения, покинули свои становища — а следовательно, разуверились в возможности противостоять наступлению русских.

Четвертый сын Владимира Мономаха, Ярополк с 1114 года княжил в «отчем» Переяславле (он сменил здесь умершего в том же году брата Святослава). Само местоположение этого города вблизи границы Руси со Степью делало Ярополка главным проводником половецкой политики отца. Пожалуй, он в наибольшей степени унаследовал отцовскую доблесть и был самым удачливым из Мономашичей на поле брани — во всяком случае, когда дело касалось половцев. Но вот политической мудростью отца Ярополк в полной мере не обладал. Впоследствии ему суждено будет занять великокняжеский стол в Киеве, и именно в годы его киевского княжения в судьбе Юрия и всего Мономахова потомства произойдет крутой поворот.

Русское наступление на Степь имело еще одно последствие, касавшееся соседей и ближайших родственников половцев — торков и печенегов. Южнорусские степи во все времена представляли собой своего рода котел, в котором перемешивались различные кочевые народы. Поражения заставляли одних менять места кочевий и всей своей силой обрушиваться на соседей; это приводило к новым столкновениям и новым перемещениям огромных масс людей. В

1116 году произошла грандиозная двухдневная битва половцев с торками и печенегами: «бишася… у Дона и секошася два дни и две нощи, и придоша в Русь к Володимеру торци и печенези». Владимир принял беглецов и предоставил им земли (тем более что на юге его владений, в Поросье, уже имелось значительное торкское население — так называемые «черные клобуки»: торки, берендеи, ковуи, печенеги и другие племена, лояльные русским князьям и выполнявшие роль своего рода буфера между Русью и Степью). Но спустя несколько лет ситуация изменилась: в конце 1120-го или в начале 1121 года «прогна Володимер береньдичи (беренде ев. — *А.К.),* а торци и печенези сами бежаша». «И тако мятущеся еде [и] онде, и тако погыбоша»[{46}].

Между прочим, о том, какую грозную силу представляли

торки и печенеги даже после поражения от половцев и изгнания из Руси, свидетельствуют события византийско-печенежской войны 1121 — 1122 годов. Беглецы попытались найти пристанище в Византии. Перейдя Истр (Дунай), они вторглись во Фракию, «уничтожая хуже саранчи все, что ни встречалось», и лишь ценой огромного напряжения сил, лично возглавив войско, император Иоанн II сумел отразить их натиск и одержать над ними победу[47].

Забота о северных границах Руси и о распространении русской дани на новые земли к северу и северо-западу лежала на новгородских князьях. Традиционно они были более самостоятельны в своей политике, но при этом старались не выходить из воли киевского князя (и уж тем более из воли отца или деда). Еще в 1116 году новгородский князь Мстислав Владимирович повоевал Чудскую землю (современную Эстонию), захватив крепость Медвежью Голову (нынешний Отепя). После ухода Мстислава на юг (весна

1117 года) новгородский стол занял его сын, старший внук Владимира Мономаха Всеволод. В феврале-марте 1124 года он совершил поход на финское племя емь (хяме) — на территорию современной Финляндии. Однако поход этот оказался не слишком успешным: хотя новгородцы и одержали победу, на обратном пути в войске начался жестокий голод[48]. Целью обоих походов был прежде всего захват добычи, но также и установление на завоеванных землях русской (точнее, новгородской) дани.

При этом, устанавливая сферы своего влияния в Восточной Прибалтике или Финляндии, новгородские князья старались не нарушать мирные отношения с правителями скандинавских стран. Сделать это было тем проще, что княживший в Новгороде Мстислав Владимирович около 1095 года женился на Христине, дочери шведского короля Инге Стейнкельссона. В 10-е годы XII века были заключены еще два династических русско-скандинавских брака, главными действующими лицами которых стали дочери Мстислава, известные нам только под своими скандинавскими именами: одна, Мальмфрид, около 1111 года была выдана за норвежского конунга Сигурда Крестоносца (после его смерти она станет в 1133 году женой датского короля Эйрика Эймуна), а другая, Ингибьёрг, около 1117 года стала женой датского принца Кнута Лаварда, в то время герцога шлезвигского (между прочим, ее сын Вальдамар — будущий король Дании — появится на свет в 1131 году на Руси и получит имя в честь своего прадеда Владимира Мономаха).

Сам же Владимир Мономах на рубеже 10—20-х годов XII века

был занят урегулированием отношений с наиболее могущественным соседом Руси — Византийской империей. После смерти 15 августа 1118 года императора Алексея I Комнина на престол взошел его сын Иоанн. С императором Алексеем отношения у Владимира Мономаха не сложились. Никогда не забывавший о том, что он сам является внуком византийского императора — причем фактически последнего законного представителя Македонской династии — Константина IX Мономаха, киевский князь с подчеркнутым вниманием относился ко всему, что происходило в Империи, и особенно к переменам на византийском троне. Кажется, он так и не признал Алексея Комнина в качестве законного императора ромеев или по крайней мере ставил законность его власти под сомнение. Во всяком случае, еще в конце XI — начале XII века Владимир поддержал претензии на византийский престол некоего авантюриста, выдававшего себя за сына императора Романа IV Диогена Льва, или Леона, на самом деле давно уже умершего. Схваченный византийцами около 1095 года, Лже-Диоген был ослеплен, но сумел бежать из плена и оказался на Руси. Здесь его стали называть «царевичем» Леоном Девгеневичем. Владимир Мономах не только признал его законным представителем династии Диогенов, но и выдал за него свою дочь Марию (или Марицу), а затем, уже сделавшись киевским князем, оказал своему зятю и военную помощь, В 1116 году «царевич Леон» при поддержке Мономаха начал военные действия против императора Алексея на Дунае, но 15 августа 1116 года был убит в городе Доростоле (Силистрии) двумя «сарацинами» (вероятно, половцами), подосланными в город императором. Это, однако, не остановило Владимира. Он продолжал действовать — теперь уже в интересах своего внука Василия, которого русские летописи называют то Васильком Леоновичем (по отцу), то Васильком Маричиничем (по матери), и притом тоже «царевичем». В том же году Владимир послал на Дунай своего воеводу Ивана Войтишича, который посадил в городах, завоеванных самозванцем, посадников киевского князя. Очевидно, целью Мономаха было образование на Дунае независимого от Византии государственного образования под покровительством Киева и во главе с «царевичем» Василием Леоновичем. Императору Алексею все же удалось выдавить русские отряды с Дуная и отвоевать Доростол. Под тем же 1116 годом летопись сообщает еще об одной экспедиции, направленной Мономахом на Дунай: во главе ее князь поставил своего пятого сына Вячеслава (княжившего в Турове) и уже известного нам воеводу Фому Ратиборича. Русские войска подошли к Доростолу, но, «не въспевше ничто же, воротишася».

Перемена на византийском престоле позволила киевскому князю начать переговоры о мире. Для этого имелись объективные причины, и в первую очередь угроза обоим государствам со стороны кочевников — половцев, торков и печенегов. В 1122 году переговоры увенчались заключением русско-византийского династического союза: внучка Мономаха, еще одна дочь Мстислава, стала женой сына императора Иоанна II Комнина — предположительно, царевича Алексея. Тогда же в Киев прибыл из Византии новый митрополит Никита. По-видимому, около этого времени, в 1121/22 году, из Константинополя на Русь была привезена частица почитаемой христианской святыни — перст святого Иоанна Крестителя (Иоанна Предтечи) «от десныа его руки». На Руси считали, что десница Иоанна Крестителя — та самая, которой некогда был крещен Христос, — не просто обладает чудодейственной силой, но является важнейшей регалией императорской власти: ею, по утверждению образованных русских людей, «ставились» на царство византийские императоры.

Словом, год 1120-й и ближайшие к нему были наполнены самыми разными событиями во внешней истории Русского государства. Одним из эпизодов этой истории и явился поход на болгар князя Юрия Владимировича.

СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Князь Владимир Всеволодович Мономах умер 19 мая 1125 года, на семьдесят третьем году жизни. Это случилось в его загородной резиденции вблизи родного Переяславля, на реке Альте, «у милое церкве, юже созда потщаньем многым», — то есть у выстроенной им близ Переяславля церкви Святых Бориса и Глеба. Он словно нарочно подгадал с местом своего отшествия к Богу: ведь именно здесь веком ранее принял смерть святой князь Борис — его сродник по крови и особо почитаемый им святой.

Вместе с Владимиром Мономахом уходила целая эпоха — одна из самых ярких и драматичных в истории Русского государства. Давно уже не было в живых прежнего соперника Мономаха в борьбе за Чернигов князя Олега Святославича. В 1123 году умер и брат Олега, черниговский князь Давыд Святославич, который разительно отличался от воинственного Олега миролюбием и повышенной религиозностью. Черниговские книжники создали настоящий гимн Давыду, который «ни с кем не имеаше вражды», и «аще кто на нь рать въздвигнеть, он же покорением своим рать устааляше» и «кому ли крест целоваше, в весь живот свои не ступаше»[49]. Конечно, они преувеличивали, но совсем немного — князь Давыд Святославич действительно предпочитал уходить от решительных действий и не любил войн. Казалось, в нем жил религиозный идеал русского князя, каким изображен он в Житиях святых Бориса и Глеба… В том же году, что и Давыд, погиб под стенами Владимира-Волынского князь Ярослав Святополчич — последний из тех, кто бросил вызов Владимиру Мономаху. Спустя год один за другим ушли из жизни братья Василько и Володарь Ростиславичи — также участники междоусобных войн конца XI века…

Владимир прожил ровно столько, сколько было нужно, чтобы вопрос о наследовании великокняжеского престола был снят с повестки дня. Из старших князей, принадлежавших к его поколению, в живых оставался один только младший Святославич Ярослав, ставший после смерти Давыда черниговским князем. Однако не то что претендовать на Киев — даже удержать в своих руках Чернигов он, как оказалось, был не в состоянии без поддержки Мономаха и его сыновей.

Узнав о смерти князя Владимира Всеволодовича, в Переяславль немедленно съехались его сыновья и киевские бояре. Они и перевезли тело князя в Киев. Место для погребения давно было выбрано им — в кафедральном Софийском соборе, рядом с телом его отца, великого князя Киевского Всеволода Ярославича,

и брата, переяславского князя Ростислава. «И спратавше (обрядивши. — *А.К.)* тело его, — писал о погребении Владимира Мономаха киевский летописец, — положиша у Святей Софье, въ тьца (у отца. — *А.К.)* Всеволода, певше обычныя песни над ним. Святители же жалящеси, плакахуся по святом и добром князи весь народ, и вси людие по немь плакахуся, якоже дети по отцю или по матери, плакахуся по нем вси людие, и сынове его Мьстислав, Ярополк, Вячьслав, Георгии, Андреи, и внуци его, и тако разидошася вси людие с жалостью великою…»{50}

Среди тех, кто хоронил князя, назван и Юрий. Он не поспел бы к погребению из Суздаля. А значит, ко времени кончины отца находился где-то поблизости — в Киеве или Переяславле, — может быть, зная об отцовской болезни, а может быть, вызванный на юг какими-то иными неотложными делами.

Суздальский летописец посвятил князю Владимиру Всеволодовичу пышный некролог: «…преставися благоверный и великыи князь русскыи Володимер, сын благоверна отца Всево[ло]да, украшеныи добрыми нравы, прослувыи в победах. Его имене трепетаху вся страны, и по всем землям изиде слух его, понеже убо он всею душею възлюби Бога…» И далее, словно перекликаясь с теми словами и мыслями, с которыми сам Мономах обращался к своим детям в «Поучении»: «…Се же чюдныи князь Володимер потщася Божья хранити заповеди и Божьи страх присно имея в сердци… Заповедь Божью храня, добро творяше врагом своим, отпущаше я (их. — *А.К.)* одарены. Милостив же бяше паче меры… темь и не щадяше именья своего, раздавая требующим, и церкви зижа и украшая, чтяшеть же излиха чернечьскыи чин и поповьскыи, подавая им еже на потребу и приимая от них молитвы…»{51}

Еще сильнее выразился киевский летописец, автор похвалы почившему князю в Ипатьевской летописи: «Преставися благоверный и благородный князь христолюбивый великыи князь всея Руси Володимерь Мономах, иже просвети Рускую землю, акы солнце луча пущая, егоже слух пройде по всим странам, наипаче же бе страшен поганым, братолю-бець и нищелюбець и добрый страдалець за Рускую землю…»

За трафаретными, подобающими случаю фразами, можно увидеть истинное отношение людей к своему князю. И в самом деле, не многие правители средневековой Руси удостоились названия «доброго князя» или тем более — «доброго страдальца за Русскую землю». Последнее выражение — особенно точное. Именно «страдальцем» — в исконном смысле этого слова, то есть прежде всего работником, тружеником, — выступает Владимир Мономах на страницах русской истории. Он «много пота утер за

землю Рускую», по выражению другого летописца…

Своим сыновьям князь Владимир Всеволодович оставлял сильную державу. После его смерти киевский престол занял его сын Мстислав, и это уже ни у кого не могло вызвать возражений.

Остальные же сыновья разъехались по своим уделам: «разидошася кождо в свою волость с плачем великом, идеже бяше комуждо их раздаял волости».

Из восьми сыновей Владимира Мономаха ко времени его кончины в живых оставалось пятеро. Старший, Мстислав, занял великокняжеский стол. Ярополк княжил в Переяславле, Вячеслав — в Турове, Юрий — в Суздале и Ростове, Андрей — во Владимире на Волыни. Еще два города — притом важнейших в волости Владимира Мономаха — держали сыновья Мстислава: Новгород — Всеволод, Смоленск — Ростислав. (Где княжил второй сын Мстислава, Изяслав, неизвестно; только в 1127 году он получит в княжение Курск.)

Вместе с братьями покидал Киев и Юрий. Внешне в его положении ничего не изменилось — он остался суздальским князем, хотя, наверное, претендовал на большее. Но то была лишь видимость сохранения прежнего порядка. В действительности же изменения были, и существенные. Прямая зависимость Мономашичей от Киева со смертью Владимира Мономаха прекращалась, ибо в основе этой зависимости лежали не столько политические, сколько семейные принципы, прежде всего сыновье подчинение отцовской власти{52}. Между братьями же могли существовать лишь договорные отношения, и в соответствии с традиционными, родовыми представлениями все они в равной степени считались наследниками своего отца. Так что именно со смертью Владимира Мономаха каждый из его сыновей (в том числе и Юрий) становился по-настоящему независимым князем, полноправным хозяином своей земли.

МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ

Князь Мстислав Владимирович по праву заслужил у современников и потомков прозвище «Великий». В качестве киевского князя он проводил взвешенную и достаточно гибкую политику и сумел удержать единство доставшейся ему по наследству державы. Наш первый историк В. Н. Татищев счел его почти что идеалом правителя и дал ему такую весьма лестную характеристику: «Он был великий правосудец, в воинстве храбр и доброразпорядочен, всем соседем его был страшен, к подданым милостив и разсмотрителен. Во время его вси князи руские жили в совершенной тишине и не смел един другаго обидеть… Подати при нем хотя были велики, но всем уравнительны, и для того всии приносили без тягости»{53}.

Правда, насчет «совершенной тишины» и мира между князьями Татищев явно преувеличивал. Без жестокостей и кровопролития, как всегда, не обошлось. Мстиславу довелось столкнуться и с неподчинением князей, и с княжескими раздорами, и с угрозой со стороны половцев.

Однако — удивительное дело — Юрий не принял участие ни в одном военно-политическом предприятии своего брата. Более того, за все семь лет киевского княжения Мстислава Владимировича (1125—1132) его имя ни разу (!) не упоминается в летописи. Факт более чем примечательный. Княживший на северо-востоке Руси, Юрий оказался на это время вне большой политики, можно сказать, в изоляции.

Не участвовал он ни в отражении половецкого набега сразу же после вокняжения Мстислава (узнав о смерти Мономаха, половцы немедленно попытались вторгнуться в русские пределы и привлечь на свою сторону союзных Мстиславу торков, однако князю Ярополку Владимировичу удалось не допустить соединения торков с половцами, а затем, действуя с одним только переяславским полком, нанести половцам чувствительное поражение); ни в разрешении черниговского кризиса, возникшего в 1127 году (сын Олега Святославича Всеволод изгнал из Чернигова своего дядю Ярослава и перебил и разграбил его дружину; обе стороны обратились к Мстиславу, и под давлением церковных кругов, вопреки собственному крестному целованию Ярославу, Мстислав вынужден был признать совершенный переворот — «и съступи хреста Мьстислав к Ярославу, и плакася того вся дни живота своего; Ярослав же поиде опять к Мурому»). Не участвовал Юрий — причем единственный из всех братьев! — и в походе на полоцких князей, организованном Мстиславом в

том же 1127 году. (Мстиславу удалось собрать тогда огромные силы и, казалось бы, раз и навсегда решить «полоцкий вопрос», мучивший не одно поколение киевских князей. Города Полоцкой земли были взяты, сами полочане изгнали своего князя Давыда Всеславича и согласились принять послушного воле Мстислава Давыдова брата Рогволода. Но и этого Мстиславу оказалось мало. Обвинив полоцких князей в «измене» и нарушении крестного целования — отказе выступить в совместный поход против половцев, — он в 1129 году всех их вместе с женами и детьми выслал в заточение в Византию, а в Полоцке посадил на княжение своего сына Изяслава. И только после смерти Мстислава независимость Полоцкой земли будет восстановлена и оставшиеся в живых полоцкие князья и члены их семей сумеют вернуться на Русь.) Тем более не участвовал Юрий в примирении поссорившихся между собой галицких князей на западе Русского государства или в походе на Литву, организованном Мстиславом в 1131 году с участием своих сыновей, а также сыновей Олега Святославича и некоторых других князей{54}.

Столь очевидная отстраненность Юрия от общерусских дел конечно же не могла быть случайной. И объяснить ее можно лишь серьезной трещиной в отношениях между Юрием и старшими Мономашичами.

Главной целью, которую ставил перед собой Мстислав в эти годы, было превращение Киева в наследственное владение Мономахова рода. И цель эта казалась вполне достижимой. К концу его княжения на Руси не осталось ни одного князя (кроме, разумеется, потомков Владимира Мономаха), для которого Киев мог быть назван в полном смысле этого слова «отчиной» — то есть городом, где княжил его отец. Ярослав Муромский — последний из сыновей великого князя Киевского Святослава Ярославича — умер в 1129 году. Еще раньше, в 1127 году, один за другим скончались младшие сыновья Святополка Изяславича: сначала Брячислав, а затем Изяслав. Наибольшую потенциальную угрозу для Мономашичей представляли, как всегда, черниговские князья — потомки Олега и Давыда Святославичей. Но даже самый деятельный и энергичный из них, князь Всеволод Ольгович (в будущем все же великий князь Киевский), находился тогда в известной зависимости от Мстислава, которому и был обязан княжением в Чернигове. К тому же ни Олег, ни Давыд никогда не княжили в Киеве, и для их сыновей Киев был лишь «дединой» — владением (да и то недолгим) их деда, великого князя Святослава Ярославича.

Между тем формула «... и сел на столе отца своего и дед своих» оставалась главной гарантией признания легитимности

любого правителя средневековой Руси,

Механизм передачи по наследству власти над Киевом был выработан еще Владимиром Мономахом. Мстиславу оставалось привести его в действие, исполнить предначертанное отцом. Главным его союзником — и более того, едва ли не соправителем — становится в это время его брат Ярополк, следующий по старшинству из Мономашичей, княживший в «отчем» Переяславле. Мстислав мог опереться на него и при отражении угрозы со стороны половцев, и в черниговских делах, и, главное, в самом деликатном и важном для себя вопросе — относительно дальнейших судеб киевского престола.

Между братьями был заключен договор, скрепленный крестным целованием. Согласно условиям этого договора киевский стол после Мстислава должен был перейти к Яро-полку. Однако последний целовал крест старшему брату на том, что после его смерти, вступив в Киев, передаст Переяславль старшему сыну Мстислава Всеволоду, княжившему в Новгороде. Это должно было обеспечить переход Киева в руки Всеволода после смерти самого Ярополка. (Осуществление этого договора облегчалось тем, что сам Ярополк был бездетен.) Дважды, в 1126/27 и 1130 годах, Всеволод приезжал из Новгорода в Киев. Во время второго его визита, вероятно, и были окончательно оговорены условия соглашения с Ярополком.

Впоследствии, объясняя причины передачи Переяславля племяннику, Ярополк будет ссылаться не только на крестное целование брату, но и на «отне повеленье», то есть на распоряжение отца, «акоже бяша има дал Переяславль с Мстиславом»{55}. Так что порядок престолонаследия был задуман еще Владимиром Мономахом: Киев должен был остаться в руках старшей линии его потомков — сыновей и внуков его старшего сына. Именно это, по мысли князя, должно было предотвратить последующую борьбу за Киев, положить конец войнам и междоусобицам, грозившим вспыхнуть уже внутри его семьи.

На деле, однако, получилось совсем по-другому. У плана, придуманного Мономахом, имелся существенный изъян: при решении судеб киевского и переяславского столов не были учтены интересы младших Мономашичей, и прежде всего Юрия Долгорукого.

В древней Руси родство по матери значило едва ли не больше, чем родство по отцу. Единоутробные братья всегда были особенно близки друг другу. Так что Мстислава и Ярополка — сыновей Гиды — связывали по-настоящему родственные и по-настоящему дружеские чувства. Младшие же Мономашичи, Юрий и Андрей, были для них в известной степени чужими.

Но если Андрей не обладал силой духа и энергией, необходимыми для отстаивания своих интересов (не случайно он получил в летописи прозвище «Добрый»), то у Юрия и того и другого оказалось в избытке. Выработанные старшими братьями условия не устраивали его ни в малейшей степени. И если при жизни Мстислава он не предпринимал никаких решительных действий (ибо существовавший порядок был прямо санкционирован его отцом), то после смерти старшего брата во всеуслышание заявил о своих правах. И сумел привлечь на свою сторону единоутробного брата Андрея.

(У Юрия имелся еще один брат — князь Вячеслав Туровский, также сын Гиды, то есть единоутробный брат Мстислава и Ярополка. Но он вообще проявлял какую-то удивительную пассивность и бездеятельность и, кажется, был попросту неспособен что-либо решать самостоятельно. Впоследствии он сыграет немаловажную роль в судьбе Юрия и будет попеременно то его союзником, то противником. В конечном же итоге именно права Вячеслава как старшего брата окажутся тем непреодолимым препятствием, которое помешает Юрию удержать за собой киевский престол.)

* * *

Оторванный от политической жизни Киевского государства, Юрий старался по возможности не порывать с Киевом вовсе. Южная Русь по-прежнему влекла его. Если не в политических делах, то в духовной сфере его присутствие здесь все же ощущается.

Так, единственное летописное известие, имеющее хотя бы косвенное отношение к суздальскому князю, касается именно церковных дел. В 1129/30 году суздальский тысяцкий Георгий Шимонович — несомненно, с ведома своего князя — оковал серебром и золотом гробницу преподобного Феодосия, одного из основателей Киево-Печерского монастыря и почитаемого русского святого{56}.

Подобные события всегда имеют символическое значение. Георгий питал самую искреннюю привязанность и к Печерскому монастырю, и к его основателям преподобным Антонию и Феодосию, ибо с детства находился под их духовным покровительством. Согласно преданию, сохранявшемуся в его потомстве, его отец, варяг Шимон, получил благословение от игумена Феодосия не только на себя, но и на своего сына и на всех своих потомков «до последних рода» его{57}. Сам Георгий,

страдавший три года глазами, так что «не видех ни луча солнечнаго», исцелился по молитвам преподобного Феодосия{58}. Его отец был погребен в «Великой» Успенской церкви Киево-Печерского монастыря, на левой стороне, прямо напротив гробницы Феодосия{59}. Здесь же впоследствии будет похоронен и сам Георгий. Так что он имел особые причины проявлять заботу об украшении храма и его главной святыни.

Но его драгоценный дар был не только выражением его личной благодарности преподобному и личного благочестия. Суздальский тысяцкий брал на себя роль защитника и покровителя монастыря, а вместе с ним на ту же роль претендовал и его князь. Не случайно в Слове «о поковании раки преподобного отца нашего Феодосия» в Киево-Печерском патерике имя князя Юрия Владимировича упоминается едва ли не чаще, чем имя самого тысяцкого Георгия: князь «со всеми боляры» посещает в Киеве больного Василия, посланца своего тысяцкого, и приводит к нему «лечьцов», «хотяи врачевати» его; узнав же о чудесном выздоровлении Василия, он спешит в Печерский монастырь. «И слышав… князь дивна чюдеса и ужасеся, радости же духовныа исполнився, пришед поклонися чюдотворному гробу великаго Феодосиа, и отьиде»{60}.

Молитва у гроба преподобного Феодосия должна была продемонстрировать особое отношение Юрия к главному монастырю Киева и всей Русской земли. При этом надо иметь в виду, что в последние годы жизни Владимира Мономаха и в княжение его сына Мстислава положение Киево-Печерского монастыря изменилось, его роль в политической и духовной жизни Киевского государства заметно упала по сравнению с предшествующими десятилетиями{61}. Имя Мстислава или, например, его брата Ярополка в Киево-Печерском патерике не упоминается вовсе — в отличие от имен Юрия или, например, черниговских князей Давыдовичей. Так что и в этом отношении Юрий противопоставлял себя старшим братьям. И надо сказать, что впоследствии, в своей борьбе за киевский стол, он попытается опереться на поддержку влиятельных церковных кругов Киева, и в частности печерской братии.

В эти же годы Юрий занимается церковными делами и в Суздальской земле. По некоторым сведениям, в 1128 году он возвел во Владимире-Залесском церковь во имя своего небесного покровителя — Святого Георгия. Это событие также имело значение, выходящее за пределы Северо-Восточной Руси, — не случайно известие о нем сохранилось в новгородской летописной традиции{62}.

* * *

Смерть великого князя Мстислава Владимировича (по разным летописям 14 или 15 апреля 1132 года) стала поворотным событием не только в жизни Юрия Долгорукого, но и в жизни всего Русского государства. Историки справедливо считают, что именно ею завершается история Киевской Руси и начинается новый период русской истории — удельный, или, как предпочитали называть его в советской историографии, период феодальной раздробленности. Ибо после Мстислава уже никто из киевских князей не имел достаточно сил и авторитета для того, чтобы удержать в своих руках власть над всей Русской державой или хотя бы над большей ее частью.

Мстислав с полагающимися почестями был погребен в киевском Федоровском монастыре, который он основал в последние годы жизни. Хоронил его сын Ростислав, «с бояры и с людми с своими»{63}. Ярополк вступил в город два или три дня спустя, 17 апреля: «людье бо кыяне послаша по нь». Его встречали уже как полноправного киевского князя и с положенными церемониями посадили на «златой» киевский стол.

По словам летописца, перед смертью Мстислав поручил своему брату не только киевское княжение, но «и дети свои с Богом на руце предасть». После Мстислава осталось пятеро сыновей: Всеволод, Изяслав, Ростислав, Святополк и только что родившийся младенец Владимир. Теперь Ярополку Владимировичу предстояло позаботиться о них и, главное, обеспечить исполнение того договора, который они с братом скрепили крестным целованием. И первым шагом его в этом направлении стал перевод князя Всеволода Мстиславича из Новгорода в «отчий» Переяславль — тот самый город, в котором он сам княжил и из которого только что перешел на княжение в Киев.

Часть вторая.
НА ПЕРЕПУТЬЕ.
1132-1146

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ МЕНА

Было раннее утро, когда небольшой отряд всадников показался в виду Переяславля. Их уже ждали в городе. Весть о том, что новый переяславский князь Всеволод Мстиславич, сын недавно умершего киевского князя Мстислава Великого и внук самого Мономаха, должен воссесть на престоле своих предков, собрала сюда множество людей из ближних и дальних селений — все они рассчитывали на обязательное в таких случаях княжеское угощение и щедрую милостыню.

С князем Всеволодом была лишь его ближняя дружина. Еще накануне они выехали из Киева, от великого князя Ярополка Владимировича, и провели ночь где-то поблизости от Переяславля — возможно, у одного из бродов через Днепр — Витичевского или Зарубского, — чтобы к заутрене поспеть в город. И им это удалось. Заслышав перезвон переяславских колоколов, князь Всеволод сошел с коня и, преклонив колени, перекрестился. Так же поступили и его спутники.

У городских ворот князя встречали духовные лица, среди которых выделялся переяславский епископ Марк. Всецело обязанный Ярополку поставлением на кафедру, он с радостью благословил племянника своего покровителя. Тем более что и он, и другие собравшиеся знали, что вступившему в город князю со временем уготован был и великокняжеский стол. Всеволод же обещал им княжить милостиво и справедливо, по установлениям прежних переяславских князей — своего дяди Ярополка, деда Владимира Мономаха и прадеда Всеволода Ярославича.

Собственно интронизация (торжественное возведение на престол) должна была совершиться позднее — в кафедральном переяславском соборе Архангела Михаила. Пока же князь и его спутники расположились на отдых…

Так и остался бы этот день радостным и праздничным в памяти незлобивого князя Всеволода. Но, увы… Радость обращается в скорбь куда скорее и куда чаще, чем нам бы того хотелось. И вышло так, что прокняжил Всеволод Мстиславич в городе своих предков лишь несколько коротких часов. Виновником этого оказался не кто иной, как его дядя, суздальский князь Юрий Владимирович. Смерть Мстислава Великого вывела его из политического забвения и заставила действовать с неукротимой энергией.

* * *

Получив известие о смерти Мстислава, Юрий немедленно сослался со своим братом Андреем. Они конечно же знали или догадывались о замыслах старших братьев. Через преданных людей в Киеве, Новгороде и Переяславле Юрий узнавал подробности происходящего, следил за каждым шагом Ярополка и Всеволода. Ему стало известно о том, что Всеволод выехал из Новгорода. Затем — о его прибытии в Киев, о переговорах с дядей. («В то же лето Ярополк приведе Всеволода Мстиславича из Новагорода и да ему Переяславль по хрестьному целованью, акоже ся бяше урядил с братом своим Мстиславомъ по отцю повеленью…» — свидетельствует летописец{64}. Другой, более поздний автор добавляет: «…приведе… братаничя своего Всеволода Мстиславичя из Новагорода к себе в Киев, и мало дръжав его у себе, и да-де ему Переаславль…»{65}) И потому, когда Всеволод, во исполнение договоренности с дядей, летом 1132 года отправился в Переяславль, Юрий и Андрей были уже наготове. Они опоздали совсем на немного. И спустя несколько часов после прибытия Всеволода Переяславль встречал уже других гостей — незваных и совсем не дружелюбных, вооруженных до зубов и готовых к пролитию крови. Начавшись как праздник, этот день закончился разгулом насилия, убийствами и грабежами… А дальше круговерть событий захлестнула и Всеволода, и Юрия, и остальных князей Мономахова рода.

Летописи, как всегда, кратко фиксируют происходящее. Но страсти пробиваются даже сквозь скупые летописные строки. «С заутрья» Всеволод «сел» в Переяславле, «а до обеда выгна и (его. — *А.К.)* Гюрги, приехав с полком на нь…»{66}. Позднейшие летописцы более подробны: «Всеволоду же седшу в Переяславли по заутрени, Георгий же Володимеричь того же утра пришед, и до обеда еще согна Всеволода с Переяславля, а сам седе в нем…»{67} И еще: «Всеволод же Мстиславичь по заутрени в неделю (то есть в воскресенье. — *А, К.)* вниде в Переаславль, и седе в нем; и того дни до обеда прииде на него другый дядя его Юрьи… и согнаша его с Переаславля, и много убийства сътвориша…»{68}

Подоплеку событий раскрывает новгородский летописец, автор так называемой Новгородской Первой летописи старшего извода. Именно он, единственный, упоминает об участии в захвате Переяславля брата Юрия Андрея: «…ходи Всеволод в Русь Переяславлю, повелением Яропълцем… И рече Гюрги и Андреи: “Се Яропълк, брат наю (наш. — *А.К.),* по смерти своей хощеть дати Кыев Всеволоду, братану (то есть братаничу, племяннику. — *А.К.)* своему”; и вы-гониста (двойственное число. — *А.К.)* и ис Переяславля…»{69}

Всеволоду пришлось покинуть город. Сражения между его немногочисленной дружиной и «полком» дяди, по-видимому, не было, однако какие-то убийства и грабежи в городе все же произошли. Всеволод вновь отправился в Киев, к Ярополку, а оттуда в Новгород. Позднейший автор его Жития (XVI век) так, излишне витиевато, писал об этом: «Ненавидяй же искони добра роду человечю враг диявол, многи скорби и напасти наводя праведным и своими злыми мечьты межуусобныя брани воздвизая в сродницех и пакости творяше святым, в то же время подвижеся на блаженнаго князя Всеволода стры[и] (дядя. — *А. К)* его великий князь Георгий Владимеричь, рекомый Долгорукий Манамашь, умысли, яко да сам державствует в Переславли, идеже блаженный князь Всеволод живяше. И еже умысли, то и сотвори: прииде ко граду Переславлю с силою многою, хотя прияти град. Святый же князь Всеволод, слыша брань хотящую быти, и великим терпением преодолеваше, и ни мало противися стрыю своему, и на Бога все упование полагайте. Ничьто же зла умысли и брани не сотвори. Но яко Авраам изыде от земьля своя, тако и сей святый изыде из града Переяславля, а град остави стрыю своему, великому князю Георгию Владимеричю Долгорукому, поминая Господне речение: “Аще гонят вас из града сего, бегайте во другий”. И тако благодарствуя Бога, отшед в Великий Новград…»{70}

Эта уступка дорого стоила Всеволоду. По возвращении в Новгород он был встречен крайне враждебно. В вину князю поставили сам факт ухода из города, нарушение им же данного обещания княжить в Новгороде до самой своей смерти («а целовав крест к новгородцем, яко “хощю у вас умерети”»). «…И бысть встань (восстание, мятеж. — *А.К.)* велика в людьх… выгониша князя Всеволода из города». Правда, на сей раз новгородцы одумались и вернули князя с дороги. Но авторитет Всеволода был поколеблен. И спустя четыре года новгородцы, среди прочих «вин», припомнят ему и попытку уйти на княжение в Переяславль и навсегда изгонят из своего города.

Впрочем, нас интересует сейчас не столько Всеволод, сколько Юрий. А потому вернемся к переяславским событиям.

Князь Ярополк Владимирович постарался разрешить переяславский кризис, не прибегая к силе. Но сделать это было чрезвычайно сложно. Между Киевом и Переяславлем зачастили скорые гонцы, и наконец решение, хоть в какой-то степени приемлемое для участвующих в конфликте сторон, было найдено. Правда, для этого Ярополку пришлось и самому собирать войско, угрожая брату войной. Княжение Юрия в Переяславле продлилось чуть больше недели. На восьмой день под давлением киевского

князя Юрий согласился покинуть город, и братья целовали крест друг другу. «И седе Гюрги днии 8, — сообщает летописец, — и выведе и Ярополк хрестнаго ради целованья, и посла по другаго Мстиславича [по Изяслава] в Полтеск, и приведе и с клятвою… И приде в Переяславль на Госпожин день (то есть на Успение Пресвятой Богородицы, 15 августа. — *А.К.)*»[{71}]. В позднейшей Никоновской летописи (XVI век) сообщается несколько по-другому: «…И посла на него (на Юрия. — *А.К.)*… силу многу, и выведе его ис Переаславля крестнаго ради целованиа…» Так за короткий срок Переяславль в третий раз поменял своего владельца.

Вокняжение в Переяславле Изяслава Мстиславича можно рассматривать как своего рода компромисс, ибо Изяслав, будучи вторым сыном Мстислава Великого, не обладал на тот момент никакими правами на Киев. Для Ярополка же это была последняя возможность исполнить прежний договор со старшим братом, сохранить хотя бы «отчий» Переяславль за его потомством.

Но в конечном итоге от такого решения проиграли все. Изяслав, покинув Полоцк, оставил в нем своего младшего брата Святополка. Однако у того не хватило сил удержать город. Полочане изгнали Святополка и призвали на княжение представителя местной династии, князя Василька Святославича — одного из тех полоцких князей, кто сумел избежать высылки в Византию в 1129 году. Так спустя пять лет после победы Мстислава Великого над полоцкими князьями и спустя три года после окончательного, как казалось, присоединения Полоцкой земли к Киевскому государству Мономашичи потеряли ее — и теперь уже навсегда.

Да и утверждение в Переяславле сына Мстислава — пускай не старшего, Всеволода, а второго, Изяслава, — вовсе не входило в планы Юрия. В этом его готов был поддержать не только Андрей, но и другой их брат, Вячеслав[{72}]. Ярополку, таким образом, пришлось «улаживаться», то есть заключать договор, уже не с одним Юрием, а со всеми братьями. И, в соответствии с новым договором, он передал Переяславль Вячеславу, а Изяслава «с нужею» (то есть силой) вывел из города. Вернуть племяннику утерянный Полоцк Ярополк уже не мог. А потому, чтобы хоть как-то удовлетворить его, он прибавил к Минску, единственной оставшейся части его прежних владений, Туров и Пинск — прежнюю волость ушедшего в Переяславль Вячеслава. По сведениям авторов Никоновской летописи, соглашение на этот счет было заключено братьями зимой 1132/33 года: «Тое же зимы Ярополк созва к себе братию свою и глаголаше им, да не обидят братаничев своих… И даша братаничю своему Изяславу

Мстиславичю Туров, Дрочев, Пинеск к Менску, предней власти его… Даде же ему Ярополк и множество даров: жемчюг, злато, сребро, ризы, кони, доспех, и чествовав его много, и отпусти его на предиреченныа грады его»[73]. Братья же Ярополка, князья Мономашичи, добавляет В. Н. Татищев, «неразсудно злобствовали на сих сыновцев своих, Мстиславлих детей, и не хотели им по отце нигде удела дать. Но Ярополк по обесчанию ко отцу их, елико мог, их засчисчал и обидеть не допусчал». Более других «злобствовал» Юрий: «хотя лучший предел во всех его братьях имел, — продолжает Татищев, — но, не довольствуяся тем, а паче ненавидя сыновцов своих Мстиславичев, не токмо сам, сколько мог, смоленского Ростислава обидел, но на Изяслава и протчих их братей братью свою возмусчал»[74].

Как выяснилось очень скоро, решение, принятое братьями, вновь оказалось совершенно неудовлетворительным и не устроило никого — ни самого киевского князя Ярополка, ни его чересчур энергичного и воинственного племянника Изяслава, ни Юрия, по-прежнему мечтавшего о «златом» киевском столе, ни даже простодушного Вячеслава, для которого княжение в Переяславле оказалось непосильной ношей.

Спустя год Вячеслав покинул город. Правда, летописные известия за 1133—1134 годы довольно путаны и не позволяют с полной ясностью представить картину того, что происходило тогда в Русском государстве.

В 1133 году Ярополк отослал Изяслава в Новгород к брату Всеволоду, «и даша дани печерьскые и от Смолиньска дар, и хрьст целоваша». По всей вероятности, Ярополк попытался попросту откупиться от своего племянника — причем за счет его собственных братьев (в Смоленске, напомним, княжил брат Изяслава Ростислав, а в Новгороде — куда и поступала «печерская», точнее «печорская»[4], дань — Всеволод). Взамен Изяслав должен был оставить только что переданный ему Туров. Из его новых владений за ним сохранялся лишь Минск. Очевидно, Вячеслав так и не примирился с потерей Турова — главного города своей бывшей волости. Во всяком случае, уход племянника он воспринял как повод для возвращения в свой город. По не совсем обычному выражению летописца, в том же году «поча лишатися Вячеслав Переяславля»[75]. Ярополк, как мог, удерживал его. «Седи, не волнуася, — будто бы посылал он сказать брату. И добавлял, укоряя: — Не взимай нрава половецкаго»[76]. На этот раз Ярополку удалось уговорить Вячеслава; тот остановился на полпути: «дошед Городца (на Днепре. — *А.К.),* воротися опять».

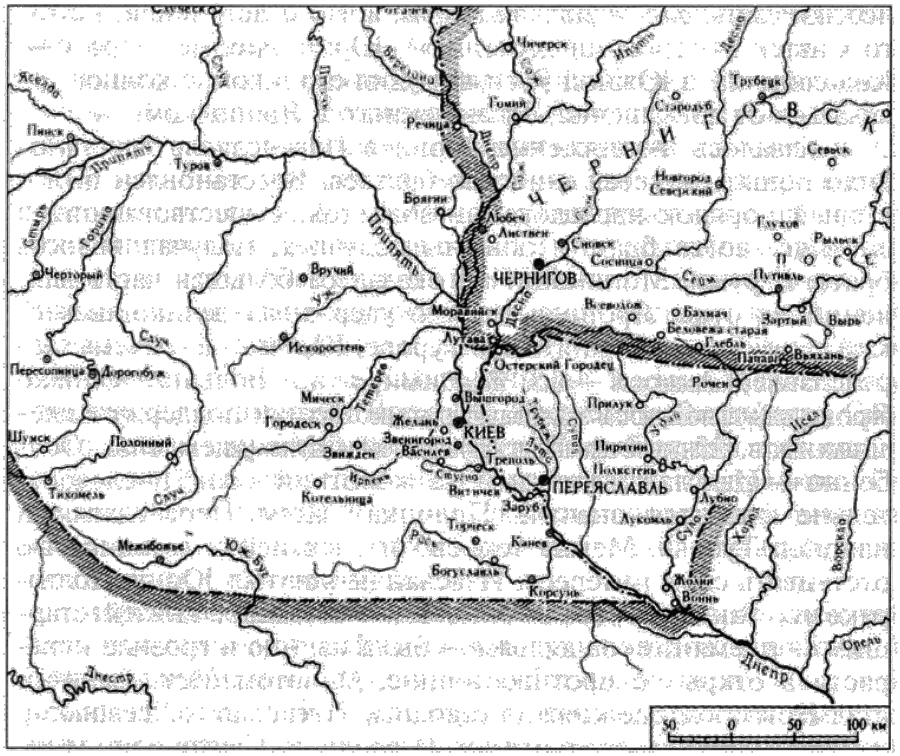
И все же Вячеславу было слишком хлопотно княжить в

городе, ставшем яблоком раздора для всего Мономахова семейства. Помимо прочего, Переяславль находился слишком близко к границе со Степью, отчего здесь постоянно сохранялась угроза нападения половцев. Да и черниговские князья Ольговичи со все возрастающим вниманием следили за тем, что происходило в городе и вокруг него. И зимой 1133/34 года, видимо, в январе-феврале, Вячеслав со второй попытки все же покинул Переяславль: «и иде опять Турову, не послушав брата своего Ярополка»[77].

Единственным, кто выигрывал от его ухода, был Юрий. По-прежнему стремящийся к своей цели — «златому» киевскому престолу, он был заинтересован в дальнейшем расшатывании ситуации, нагнетании напряжения вокруг «отчего» Переяславля. Причем для того, чтобы получить этот город, Юрий готов был пожертвовать Суздальской и Ростовской землей.

«В лето 6643 (1134), — читаем в летописи, — Георгии князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростов и прочюю волость свою, но не всю».

Последняя оговорка очень важна. Какие-то владения на севере Юрий оставлял за собой, видимо, все же понимая, что именно Суздальская земля является той базой, которая обеспечивает ему возможность бороться за преобладание на юге. Более того, как полагают современные исследователи, речь шла не столько о территориальных уступках Юрия в Северо-Восточной Руси, сколько об уступке суздальской и ростовской дани, которая была передана Юрием в руки Ярополка в качестве компенсации за Переяславль[78]. Во всяком случае, Юрий сохранил свое влияние в регионе, и когда позднее его племянники попытались захватить суздальские земли, воспользовавшись отсутствием здесь князя и явной неразберихой в княжеских правах на эту волость, они потерпели сокрушительное поражение.

Карта 2. Киевская и Переяславская земли (по А. Н. Насонову).

Эта «суздальская» дань упоминается в Уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича смоленской епископской кафедре (1136 год)[{79}]. Очевидно, Ярополк передал ее своему племяннику Ростиславу Смоленскому — может быть, для того, чтобы удержать его от участия в вооруженном конфликте на стороне своих братьев, а может — в качестве компенсации за тот самый «дар» от Смоленска, который он несколькими годами ранее передал брату Ростислава Изяславу. Но к 1136 году Юрий перестал выплачивать дань — в грамоте Ростислава она упоминается лишь в прошедшем времени («Суждали залесская дань, *аже воротить Гюрги,* а что будеть в ней, ис того Святей Богородици десятина»). Юрий дань не «воротил». Ход событий в Южной Руси вынудил его в конце концов отказаться от соглашения, заключенного с Ярополком.

…Казалось, вокняжение Юрия в Переяславле восстановило пошатнувшееся единство братьев. Восстановлен был и старый порядок наследования волостей, существовавший в XI веке, когда брат, в обычных случаях, получал волость брата. В руках Мономашичей оказалась большая часть владений их отца.

Ярополк прочно удерживал великокняжеский стол, Вячеслав княжил в Турове, Юрий — в «отчем» Переяславле, Андрей — во Владимире на Волыни. Однако Ярополку пришлось отказаться от политики поддержки племянников. Интересы Мстиславичей были ущемлены. Особенно — Изяслава, который за короткий срок последовательно лишился сначала Полоцка, затем Переяславля и наконец Турова. Между тем своей энергией и готовностью отстаивать свои интересы Изяслав не уступал Юрию Долгорукому. Таким образом, оппозиция младших князей старшим — племянников дядьям — была налицо и грозила перерасти в открытое противостояние. Оплотом Мстиславичей стал Новгород, где княжил старший Мстиславич Всеволод и куда перебрались его братья Изяслав и Святополк. (Еще один их брат, Ростислав, княжил в Смоленске; в начавшейся войне активного участия он не принял.)

Если рассматривать ситуацию с точки зрения Юрия Долгорукого, то нельзя не заметить, что он добился несомненного политического успеха. И дело не только в том, что в его руки перешел «отчий» Переяславль — родовое гнездо Мономашичей и своего рода «ключ» к Киеву. Главное — ему удалось перевернуть ситуацию, добиться того, что конфликт между братьями сменился их консолидацией в противостоянии племянникам.

Но достигнуто это было слишком дорогой ценой. Последовательное и целенаправленное «выдавливание» Мстиславичей из южнорусских областей с неизбежностью привело к вмешательству в конфликт черниговских князей — Ольговичей и Давыдовичей. Они с готовностью откликнулись на просьбу о помощи, прозвучавшую из уст сыновей Мстислава Великого. Тем более что глава черниговского клана, князь Всеволод Ольгович, находился в свойстве с братьями Мстиславичами, будучи женат на их родной сестре. Согласившись поддержать шурьев, Ольговичи рассчитывали поправить свои дела и укрепить свое влияние в Киевской земле, а заодно, воспользовавшись ослаблением конкурентов, решить в свою пользу конкретные территориальные споры с Мономашичами.

В результате под угрозу было поставлено главное завоевание Мономаха — безраздельное главенство его потомков в Русской земле, их преимущественные права на Киев. К XII веку принцип отчинного владения землями, закрепление волостей за тем или иным княжеским родом еще далеко не укоренились в русском обществе. В соответствии с традиционными представлениями все русские князья, внуки и правнуки Ярослава Мудрого, в равной степени могли претендовать на всю Русскую землю — общее

достояние всего княжеского семейства. Ольговичи же и Давыдовичи были такими же потомками Ярослава Мудрого и Владимира Святого, как и сами Мономашичи, и Киев был для них «дединой», то есть наследственным владением их предков. По своему же потенциалу и, так сказать, совокупной энергии своих представителей этот княжеский клан, пожалуй, даже превосходил Мономашичей.

Переяславская «мена» Юрия Долгорукого привела к новой междоусобной войне, в которую оказались втянуты и Мономашичи, и их племянники Мстиславичи, и Ольговичи с Давыдовичами. И последствия этой войны, как мы увидим, окажутся плачевными для потомков Владимира Мономаха. Одну за другой они потеряют волости, с таким трудом добытые их предшественниками, — после Полоцка настанет черед Курска и Посемья, затем Новгорода, а в конце концов, уже после смерти Ярополка, — и стольного Киева.

«РАЗДРАСЯ ЗЕМЛЯ РУССКАЯ»

«В то же лето… иде Изяслав… ко братии своей к Новуго-роду, — пишет суздальский летописец, — и сложишася со Олговичи и со Давыдовичи, и въсташа вси на рать». И чуть ниже: «Том же лете… заратишася Олговичи с Володимеричи…»{80}

Сами черниговские князья позднее объясняли причины этой войны тем, что были нарушены права сыновей Мстислава Великого, причем вину за это возлагали в первую очередь на Юрия, а во вторую — на Вячеслава: «То же все ся створи, оже выгна Гюрги Всеволода ис Переяславля, а потом Изяслава выгна Вячьслав, а потом Изяслава же выгна тот же Вячьслав ис Турова»{81}. Так началась война, принесшая много горя всей Русской земле и много несчастий княжескому семейству. «И раздърася вся земля Русьская», — как образно выразился новгородский летописец.

Военные действия развернулись на двух направлениях: во-первых, на севере, в Ростовской и Суздальской земле, а во-вторых, на юге, в Поднепровье. Оба этих региона относились к сфере преимущественных интересов князя Юрия Владимировича Долгорукого.

Началась же война с того, что обделенный дядьями Изяслав вознамерился захватить Ростовскую и Суздальскую землю, оставленную Юрием Долгоруким. В этом его поддержал старший брат, Всеволод Новгородский. Осенью 1134 года «ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали», — читаем в Новгородской Первой летописи старшего извода{82}. (Суздальский летописец выразился определеннее: «Иде Мстиславичь Всеволод и Изяслав на Ростов…») Однако поход этот оказался неудачным. Всеволод лишь с большим трудом уговорил новгородцев участвовать в нем. Еще 2 июня, «в суботу Пянтикостьную» (то есть в канун Пятидесятницы, или Троицына дня), в Новгороде произошли столкновения между сторонниками и противниками «Суздальской войны», и дело дошло до смертоубийства: «почаша мълъвити о Сужьдальстеи воине… и убиша мужь свои, и съвьргоша и с моста…» Чем объясняется столь жестокий раскол в новгородском обществе, неизвестно. Правда, одну причину, кажется, назвать можно. Намерение новгородского князя Всеволода Мстиславича разорвать мир с дядей, великим князем Ярополком Владимировичем, решительно осудил киевский митрополит грек Михаил (он занял митрополичью кафедру весной или летом 1130 года). По свидетельству Никоновской летописи, митрополит наложил

«запрещение» (то есть епитимию, церковное наказание) на весь Новгород, что привело в замешательство и князя, и новгородского епископа Нифонта, и всех новгородцев. Пришлось снаряжать в Киев целое посольство во главе с игуменом новгородского Юрьева монастыря Исайей и послом Якуном Иванковым{83}. Но в то время, когда посольство только собиралось в путь, то есть уже осенью, войско все же выступило в поход.

Страсти, однако, не улеглись и после этого. Новгородцы двигались по Волге, но дошли лишь до устья Дубны, правого притока Волги. Здесь созвали вече, на котором было принято решение повернуть обратно. Там же, в походе, новгородцы отняли посадничество у Петрилы Микульчича (сторонника князя Всеволода) и передали его другому видному боярину Иванку Павловичу, «мужу храбру зело». Это не означало принципиального отказа воевать. Просто в условиях всеобщего шатания и нестроения в войске продолжать военные действия не имело смысла.

Всеволод вместе со всеми вернулся в Новгород, где стал готовиться к новому походу на Суздаль. Изяслав же задержался в Волоке на реке Ламе — новгородском форпосте в Суздальской земле. Здесь он и узнал о событиях, происходивших на юге. «На ту же осень, — сообщает летописец, — уведав, оже идеть Ярополк с братьею к Чернигову, и иде тамо же».

* * *

О каких-либо активных военных действиях черниговских князей против Мономашичей летописи не сообщают. Выступление Ярополка и его братьев в октябре-ноябре того же года к Чернигову выглядит превентивной мерой.

«Иде Ярополк с братьею своею, и Юрьи, и Андреи на Всеволода на Олговича, и поимаша около города Чернигова села. Всеволод же не изиде противу биться, и еще бо бяху половци не пришли к нему. Ярополк же постоя неколко днии у Чернигова, и възратися в Киев, и распусти вой, а со Всеволодом никака же владивъея, ни мира с ним створив»{84}.[5]

Черниговских князей традиционно связывали с половцами не только союзнические, но и родственные отношения. Отец Всеволода, князь Олег Черниговский, женатый на половецкой княжне, чаще и охотнее других русских князей привлекал «поганых» на свою службу. И его сыновья старались не отставать от него. Еще при жизни Мстислава Великого, в 1127 году, Всеволод Ольгович привел на Русь семитысячное половецкое

войско во главе с ханом Оселуком (между прочим, своим дедом по матери), и тогда лишь умелые действия князя Ярополка Владимировича не допустили половецкого разорения южнорусских областей. На этот раз Ярополку не удалось проявить свое дипломатическое и военное искусство. Половцы появились в Черниговской земле уже после того, как он ушел к Киеву.

К этому времени относится и приезд в Чернигов князя Изяслава Мстиславича. Он явился сюда вместе с братом Святополком для того, чтобы принять участие в военных действиях на стороне Всеволода Ольговича. В двадцатых числах ноября Всеволод вместе со своими братьями: родными — Игорем, Святославом и Глебом, и двоюродными — Владимиром и Изяславом Давидовичами, а также с князья-ми Изяславом и Святополком Мстиславичами и союзными половцами вторгся в пределы Переяславского княжества, «И поидоша воююче села и городы Переяславьскои власти и люди секуще, доже и до Киева придоша». Черниговские войска разоряли левобережье Днепра: переправиться через реку из-за ледостава было невозможно. 30 ноября, в день святого Андрея, они подошли к Городцу — на противоположной от Киева стороне Днепра, и сожгли его; «ездяху по оной стороне Днепра, люди емлюще, а другыя секуще… и плениша же и скота бещисленое множество». Помимо Городца половцы захватили и сожгли Нежатин, Баруч, «а люди уидоша, и мног полон взяша, скоты и коне».

Казалось, вернулись времена половецких нашествий середины 90-х годов прошедшего века — половцы хозяйничали в русских городах и селениях, жители либо бежали в леса, либо оказывались в плену, либо гибли. Ярополк со своими войсками также не мог переправиться через Днепр. После трехдневного стояния у Городца Всеволод Ольгович и его союзники отступили к Чернигову и оттуда начали с Яро-полком переговоры о мире.

Однако мир этот не мог быть устойчивым. «И пакы Олговичи начаша просити у Ярополка: “Что ны отець держал при вашем отци, того же и мы хочем, аже не вдасть то, не жалуйте, чьто ся удееть: то вы виновати, то на вас буди кровь”… И бысть в том межи има пря велика, злоба». Речь шла о нескольких спорных вопросах. Во-первых, о княжении Юрия в Переяславле, против чего черниговские князья решительно возражали; во-вторых, о судьбе князя Изяслава Мстиславича, оставшегося без своего княжеского стола; и в-третьих, о спорных территориях в Посемье (землях по реке Сейм), на которые претендовали как Мономашичи, так и Ольговичи. Договориться сразу не удалось. Той же зимой 1134/35 года Ярополк и Юрий собрали войска у Киева (по выражению суздальского летописца, «согнали» воев:

Ярополк киевских, а Юрий переяславских). Это должно было продемонстрировать их готовность применить силу. Простояв так у Киева восемь дней[6], князья наконец заключили мир. В соответствии с условиями этого мира Юрий вновь должен был покинуть Переяславль. Город переходил его младшему брату Андрею — князю куда менее энергичному, а потому и менее опасному для черниговских соседей. В свою очередь прежняя волость Андрея, Владимир-Волынский, должна была достаться Изяславу Мстиславичу. В самом конце зимы (а скорее, даже в марте 1135 года, ибо известие об этом попало уже в следующую летописную статью) князь Ярополк перевел Андрея из Волыни в Переяславль, а Изяслава посадил на княжение во Владимир-Волынский.

Это решение оказалось наконец более или менее жизнеспособным. Во всяком случае и Изяслав, и Андрей сумели удержаться в своих новых волостях. Однако прочного мира с Ольговичами не получилось.

А что же Юрий? Ему, очевидно, предстояло вернуться в Суздальскую землю. Но не сразу[7]. События ближайшего — 1135-го — года настоятельно требовали его присутствия на юге.

* * *

Между тем в отсутствие Юрия Суздальская и Ростовская земля также стала ареной ожесточенных военных действий.

Новгородский князь Всеволод Мстиславич все-таки сумел настоять на продолжении «Суздальской войны». Не помогло даже то, что 9 декабря 1134 года митрополит Михаил вместе с новгородским посольством лично приехал в Новгород. Его приняли с «великою честию и радостию», однако все его увещевания и призывы остановить войну («да не проливают напрасно крови христианьскиа и не творят брани») услышаны не были. Когда же митрополит, отчаявшись, собрался покинуть Новгород и вернуться в Киев, его силой задержали в городе: «и не пустиша его новогородци, и не токмо его, но ни единаго человека его, дабы весть не была в Суздале и Ростове».

Не испугали новгородцев и пророчества митрополита, предсказавшего им поражение в войне. («Не ходите, мене Бог послушаеть», — передает содержание этих пророчеств новгородский летописец. Автор Никоновской летописи, как всегда, более многословен: «Аще преслушав мене, пойдете на Суздаль и на Ростов, — говорил будто бы владыка Михаил, — не угодно вам будет; аще бо и грешен есмь, но и мене грешнаго

услышит Господь Бог». «Они же начаша негодовати на митрополита, и многы вины глаголаша на суздалцов и на ростовцев».)

31 декабря 1134 года огромное войско выступило в поход. По словам летописца, «на Суждаль» поднялась «вся Новгородская область»; автор Никоновской летописи пишет об участии в походе еще и наемников-«немцев» (может быть, шведов?). Двигались вновь по Волге, а затем по ее правому притоку Нерли. Путь оказался чрезвычайно тяжелым: «и сташа денье зли: мраз, вьялиця (вьюга. — *А.К.),* страшно зело». На реке Кубре, притоке Нерли Волжской, у Ждани-горы, новгородцев поджидало суздальское войско. Даже в отсутствие князя Юрия Ростовская и Суздальская земля сумела выставить силу, способную противостоять «всей Новгородской области» вместе с княжеской дружиной.

26 января 1135 года, в субботу, на Ждане-горе произошла жестокая битва, в которой погиб цвет новгородского войска — оба посадника: бывший, Петрило Микульчич, и настоящий, Иванко Павлович, а также «много добрых муж». Победа суздальского и ростовского войска была полной. «И победиша ростовци новгородце, — свидетельствует суздальский летописец, — и побиша множество их, и воротишася ростовци с победою великою». Остатки новгородского войска бежали с поля боя[8]. Причем, как позднее с прискорбием вспоминали в Новгороде, князь Всеволод Мстиславич «ехал… с пълку переди всех». Это, в числе прочих проступков, будет поставлено ему в вину полтора года спустя.

Пока же новгородцы вместе с князем вернулись в свой город. Только теперь получил свободу митрополит Михаил. 10 февраля он наконец смог выехать в Киев.

* * *

Если события в Суздальской земле принесли Юрию неожиданную победу, то на юге, напротив, его ждало тяжелое поражение.

Летом 1135 года Ольговичи — как всегда, в союзе с половцами — начали новую войну и подступили к Переяславлю.

«И стояша под городом три дни, и бишася у епископских ворот, и [у] княжих ворот…» Ярополк, Юрий и Андрей (имя Вячеслава в летописи в связи с этими событиями не упоминается) вновь объединили свои силы и двинулись навстречу противнику. Узнав о выступлении Мономашичей, черниговские князья сняли

осаду города и отошли к верховьям Су-поя, небольшой речки в Переяславском княжестве, левого притока Днепра. Здесь и разыгралось кровопролитное сражение, в котором поначалу удача, казалось, была на стороне Ярополка и его братьев. Ярополк действовал решительно — как он привык действовать против половцев: «ни вой своих съждавше, ни нарядившеся (то есть не изготовившись как следует. — *А.К.),* гораздо устремишася боеви, мняще, яко “не стояти Олговичем противу нашей силе”»[85]. И в самом деле, когда оба войска столкнулись и началась сеча, половцы не выдержали и побежали, а вдогонку за ними устремилась лучшая дружина Ярополка во главе с киевским тысяцким Давыдом Яруновичем. Это имело роковые последствия. То ли половцы сознательно применили свой излюбленный прием — заманили русских в заранее расставленную ловушку, то ли все вышло совершенно случайно, но разделение киевского войска изменило характер сражения. Ольговичи усилили натиск. «И бысть брань люта, и мнози от обоих падаху». Ярополк с братьями вынужден был отступить, причем врагам достался даже стяг Ярополка. И когда тысяцкий Давыд Ярунович с лучшими киевскими боярами, перебив половцев, вернулся на поле сражения к стягу своего князя, там уже не было ни киевской дружины, ни их союзников. По образному выражению летописца, киевляне «упадоша Олговичем в руце». В этом бою погиб внук Владимира Мономаха, «царевич» Василий Леонович — несостоявшийся правитель Дунайского «государства», а многие из киевских бояр, в том числе тысяцкий Давыд Ярунович, Станислав Тудкович по прозвищу Добрый и прочие, попали в плен к Ольговичам.

Братья вернулись в Киев. Андрей в тот же день ушел в Переяславль, а Ярополк с Юрием начали готовить город к отражению нападения. Однако Всеволод Ольгович, простояв семь дней у Вышгорода, в непосредственной близости от Киева, повернул обратно к Чернигову. «И слаша межи собою слы (послы. — *А.К.),* и не могошася уладити».

«Сильно бо възмялася вся земля Русская», — сетовал новгородский летописец. И, рассказав о поражении «киян» и победе «черниговцев», добавил: «И не то бяше зло, нъ боле почяста копити вой, и половче (половцы. — *А.К.),* и все».

И действительно, победа на Супое придала силы Ольговичам. 29 декабря они вместе с половцами перешли по льду Днепр и обрушились на киевские волости. Были разорены Треполь, Василев, Белгород, другие города; половцы «стреляхуся» «чрес Лыбедь» — пригородную киевскую речку. Подобного нашествия «поганых» Киев не испытывал с 1096 года, когда «шелудивый»

Боняк разорил Печерский монастырь. Ярополк вместе с братьями Юрием и Андреем вновь вынужден был собирать войска. Однако на этот раз до кровопролития дело не дошло. 12 января 1136 года князья заключили мир. Миссию миротворца взял на себя митрополит Михаил, ходивший с крестом от одного войска к другому. Озлобленность князей дошла до такой степени, что иначе они, не доверяя друг другу, отказывались от крестного целования. Митрополита сопровождали другие духовные лица, в том числе новгородский епископ Нифонт, как раз тогда приехавший в Киев. Как свидетельствует новгородский летописец, владыка «заста кыяны с черниговьци стояще противу собе, и множьство вой; и Божиею волею съмиришася».

И киевский, и суздальский летописцы одинаково ставят этот мир в заслугу «благоумному» князю Ярополку Владимировичу. Между прочим, он действовал вопреки советам Юрия, настаивавшего на продолжении войны. «Ярополк же бяше събрал множьство вой на нь изо всих земль и прием расмотрение в сердци, не изиде на нь противу, ни створи кровопролитья, но, убоявся суда Божия, ство[ри]ся мнии в них, хулу и укор прия на ся от братье своея и от всих, по реклу: “Любите враги ваша”, и створи с ними мир… И тако утеши благоумныи князь Ярополк брань ту лютую».

По условиям нового договора Ярополк передал Ольговичам ту часть своей «отчины», на которую они прежде претендовали, — надо полагать, Посемье с городом Курском, ранее входившее в состав Переяславской волости. Именно с этого времени Курск становится волостью черниговских князей; князь Всеволод Ольгович посадил туда на княжение своего брата Святослава. Только после этого Ольговичи вернулись в Чернигов, а половцы ушли в свои степи.

* * *

Теперь, наконец, мог покинуть Киевскую область и князь Юрий Владимирович. Годы борьбы за Переяславль все же не пропали для него втуне, Юрий сумел сохранить за собой важную часть Переяславской земли — некие «городы Юрьевы», которые именно под таким названием упоминаются в летописи. Главным из них был Городец Остерский (на реке Остер, недалеко от его впадения в Десну; ныне городище в селе Старогородка у города Остра Черниговской области Украины). Построенный Владимиром Мономахом в 1098 году, этот город очень скоро стал важнейшим центром в Среднем Поднепровье, на пограничье

Переяславской, Черниговской и Киевской земель. Обладание им, отмечают современные исследователи, позволяло влиять на политические процессы, проходившие во всех трех главных центрах Южной Руси — Переяславле, Киеве и Чернигове{86}. Не случайно Юрий и позднее будет держаться за этот город, справедливо считая его своей главной базой на юге и залогом своего участия в южнорусских делах.

В событиях следующей войны между Мономашичами и Ольговичами — а она началась в 1138 году с очередного нападения Ольговичей на Переяславль — Юрий не принимал непосредственного участия. Он не смог оказать помощи брату Андрею, осажденному в Переяславле, и тот вынужден был пойти на заключение невыгодного для себя мира, условия которого остались нам неизвестны. Но когда осенью того же года, приведя множество половцев, Ольговичи захватили Прилук (город в Переяславском княжестве) и вознамерились вновь идти к Киеву, Юрий откликнулся на призыв Ярополка и послал ему свое войско. Ярополк собрал тогда огромную рать, причем «суждалци и ростовци» в составе его рати упоминаются первыми. (Кроме того, в войско киевского князя вошли полочане, смольняне, галичане, туровцы, переяславцы, волыняне, а также 30 тысяч берендеев, присланных венгерским королем Белой II.) Ольговичи отступили к Чернигову, а Ярополк — очевидно, вместе с братом Андреем, а может быть, и с обоими братьями, Андреем и Вячеславом, — устремился вслед за ними. Противиться такой силе черниговцы не могли. Летописи приводят слова, с которыми горожане обратились к своему князю Всеволоду Ольговичу, и слова эти свидетельствуют о том, что уважение к главе Мономахова рода проникло даже в стан его врагов: «Ты надеешися бежати в Половце, а волость свою погубишь… Луче того останися высокоумья своего и проси си мира; мы бо ведаем милосердие Ярополче, яко не радуется крови пролитью, но Бога ради въсхощеть мира, то бо съблюдаеть землю Русьскую». Всеволод запросил мира, и Ярополк, «благ сы и милостив нравом», по выражению летописца, согласился на это. У Моровийска, ближайшей к Чернигову крепости на Десне, князья заключили мир, скрепленный крестным целованием. Ольговичи обязались не вступаться в волости «Мономахова племени». Каких-либо территориальных уступок или перемены княжеских столов договор не предусматривал.

Это был, вероятно, последний мирный договор, заключенный князем Ярополком Владимировичем. 18 февраля 1139 года он скончался в Киеве и был погребен в киевском монастыре Святого Андрея, основанном его дедом, великим князем Всеволодом

Ярославичем,

Юрий не присутствовал при этом. Слишком долог был путь от Суздаля до Киева, чтобы он мог успеть на погребение брата. К тому времени, когда ему стало известно о случившемся, в Киеве произошли события, сделавшие его присутствие там нежелательным и даже невозможным — во всяком случае, в ближайшее время. Занявший место брата князь Вячеслав Владимирович, следующий по старшинству сын Владимира Мономаха, сумел продержаться на киевском престоле всего десять дней: 22 февраля 1139 года он вступил в Киев, а уже 5 марта был изгнан из города Всеволодом Ольговичем, который и стал новым великим князем Киевским.

НОВГОРОДСКИЕ ДЕЛА

Следующие восемь лет Юрий провел преимущественно в Суздальской земле. Здесь ему пришлось заниматься самыми разными делами — и устроением собственного княжества, возведением крепостей, укреплением границы, церковным строительством; и борьбой с черниговскими князьями за свои южнорусские владения, подготовкой к новым военным походам и дипломатическими переговорами. Много сил потребовали от него новгородские дела. Именно при Юрии Долгоруком отношения между Северо-Восточной Русью и Новгородом перешли в совершенно новую плоскость.

Новгородское вторжение 1134/35 года и побоище на Ждане-горе заставили суздальского князя более внимательно приглядеться к тому, что происходило в этом городе. Тем более что события здесь приобрели совершенно необычный характер и впервые за многие годы Новгород ушел из-под власти Мономашичей.

28 мая 1136 года новгородцы вместе с прибывшими в город псковичами и ладожанами схватили князя Всеволода Мстиславича и посадили его вместе с женой и тещей под стражу на владычном дворе. Ничего подобного не случалось прежде не только в Новгороде, но и в других городах древней Руси. (У историков советского времени это событие получило даже название «новгородской революции»{87}.) Но арест князя имел свою предысторию и для внимательного наблюдателя — каким, вероятно, и был князь Юрий Владимирович — совсем уж неожиданностью не стал.

Непрочность своего положения в Новгороде Всеволод должен был почувствовать давно. Вспомним, что его уход в Переяславль летом 1132 года едва не обернулся для него потерей Новгорода: новгородцы вместе с теми же псковичами и ладожанами посчитали это достаточным основанием для того, чтобы «показать путь» князю из своего города[9]. Два года спустя, в 1134 году, Всеволод не сумел сразу настоять на походе в Суздальскую землю — решение об этом сначала вызвало в городе массовые волнения, а затем привело к расколу в самом новгородском войске. А совершенный все же зимой 1134/35 года поход на Суздаль закончился военной катастрофой.

Теперь новгородцы припомнили это своему князю. «А се вины его творяху», — перечисляет обвинения в адрес князя новгородский летописец{88}: во-первых, «не блюдеть смерд»; во-вторых, «чему хотел еси сести Переяславли?»; в-третьих, «ехал еси

с пълку переди всех» — то есть первым бежал с поля битвы на Ждане-горе; и, наконец, в-четвертых, сначала заключил союз с черниговскими князьями, а затем «пакы отступить велить»[10].{89} Князя продержали в заточении почти два месяца и только 15 июля выпустили из города. На несколько дней новгородским князем был провозглашен сын Всеволода, младенец Владимир[11], — но лишь до прихода нового князя. За это время новгородцы успели сослаться с черниговскими князьями и договорились на том, что на княжение в Новгород перешел младший брат князя Всеволода Ольговича Святослав, прежде княживший в Курске. 19 июля Святослав вступил в Новгород и сел на княжеский стол.

Так черниговские Ольговичи одержали еще одну победу над Мономашичами — на сей раз бескровную.

Впрочем, борьба за Новгород далеко еще не была завершена. Всеволод уехал в Киев, к своему дяде, великому князю Ярополку Владимировичу, и тот посадил его на княжение в ближний к Киеву Вышгород. Однако в самом Новгороде сторонники Всеволода остались, и между ними и сторонниками нового князя Святослава Ольговича начались распри. Дело вновь дошло до смертоубийства и сбрасывания политических противников с моста через Волхов. Какие-то «милостинники» Всеволода покушались даже на жизнь князя Святослава Ольговича, однако тот остался жив.

В марте следующего года к князю Всеволоду Мстиславичу бежал новгородский посадник Константин Микульчич (брат погибшего в битве на Ждане-горе бывшего посадника Петрилы) с несколькими «добрыми мужами». Тогда же в Вышгороде появились и посланцы от псковичей, приглашавшие князя снова занять новгородский стол: «Пойди, княже, хотять тебе опять». Всеволод с братом Святополком отправился в Псков. Когда в Новгороде узнали об этом, в городе начались беспорядки и паника: одни «не въсхотеша» его, другие, напротив, бежали в Псков, к князю; их дома принялись фабить, на имущество сторонников Всеволода наложили немыслимую контрибуцию, под горячую руку, как водится, попали и совершенно невинные люди. Святослав Ольгович призвал на помощь своего брата Глеба, сменившего его в Курске; вместе с Глебом пришли половцы, ранее в Новгороде не виданные. Объединенная новгородско-половецкая рать двинулась к Пскову, однако псковичи, еще год назад вместе со всеми изгонявшие Всеволода из Новгорода, теперь решили стоять за него до последнего. Новгородцы же не отважились начинать военные действия против своих всегдашних союзников. «И съдумавъше князь и людье на пути, въспятишася… и еще рекъше: “Не проли-ваиме кръви с своею братьею, негли Бог

управить своимь промысломь”». И действительно, конфликт разрешился, так сказать, естественным путем: 11 февраля 1138 года князь Всеволод Мстиславич скончался в Пскове.

Посмертная судьба несчастливого и столь часто гонимого князя сложилась совершенно удивительно. «Малу же времени минувшу по преставлении святого, — сообщает его Житие, составленное в XVI веке псковским агиофафом Василием-Варлаамом, — начаша знамения и чюдеса бывати многа от честныя раки его с верою приходящим: слепым, и хромым, и сухоруким, и разслабленым, и бесным, и трясавицею одержимым, и огненую болезнию, или чревом кто боляй, вси равно исцеление приимаху благодатию Христовою и молитвами его святыми; отходяху в домы своя, раду-ющеся и славяще Бога»{90}. В 1192 году мощи князя были с почестями перенесены из церкви Святого Димитрия Солунского[12]в главный псковский храм — во имя Святой Троицы. Тогда же князь был причтен к лику святых. Ныне святой и благоверный князь Всеволод (в крещении Гавриил) почитается как небесный покровитель града Пскова, а день его кончины, 11 февраля, и день обретения мощей, 27 ноября (по старому стилю), празднуются Русской Православной Церковью.

Согласно преданию, записанному в Житии князя Всеволода, сразу же после его кончины новгородцы прислали в Псков протопопа храма Святой Софии, некоего Полюда, и с ним еще нескольких «благоговейных мужей» — «взяти свя-тыя мощи блаженнаго великаго князя Всеволода на утвер-жение Великому Новуграду и на исцеление недугом». Однако рака с мощами не сдвинулась с места: святой «благоволил бо есть пребывати, идеже и преставися». Новгородцам достался лишь ноготь, который «с великою честию и радостию» был отвезен в их город. Но это, наверное, случилось позднее (вероятно, в связи с обретением мощей святого князя в 1192 году)[13]. Пока же новгородцы и псковичи находились в состоянии вражды. Псковский стол занял младший брат князя Всеволода Святополк Мстиславич.

Новгородцы лишились не только поддержки Пскова. В княжение Святослава Ольговича их положение стало чрезвычайно трудным, так как во всех соседних с Новгородом городах сидели на княжении противники черниговских Ольговичей. «И не бе мира с ними (с псковичами. — *А.К.),* ни с суждальци, ни с смольняны, ни с полоцяны, ни с кыяны». Следствием фактической изоляции Новгорода стали голод и дороговизна хлеба: «и стоя все лето осмьнъка великая по 7 резан».

Хлебная торговля была вообще слабым местом Новгорода. Город жил в основном на привозном хлебе. Из последующей истории мы очень хорошо знаем, к каким последствиям могла

привести блокада Новгорода со стороны Суздальской земли, откуда в Новгород в основном и поступали рожь и другие жизненно важные продукты питания. Юрий Долгорукий стал первым суздальским князем, который воздействовал на Новгород именно таким способом.

Скоро терпению новгородцев пришел конец. 17 апреля 1138 года они выгнали Святослава Ольговича из города и отправили гонцов в Суздаль к князю Юрию Владимировичу, предлагая ему занять новгородский стол. Сам Юрий в Новгород конечно же не поехал, однако отпустил туда своего старшего сына Ростислава, имя которого в связи с этими событиями впервые упоминается в источниках. 10 мая князь Ростислав Юрьевич вступил в Новгород и был торжественно посажен на новгородский стол. Тогда же новгородцы заключили мир с Псковом.

Конечно же князю Юрию Владимировичу хотелось бы проводить в Новгороде политику, отвечающую его собственным интересам. Но сделать это было весьма затруднительно. Положение князя в этом городе — особенно после изгнания Всеволода Мстиславича — отличалось от положения князей в других русских городах. Здесь князь неизбежно оказывался под жестким контролем местного боярства — все его решения должен был санкционировать посадник, а в наиболее важных случаях — еще и городское вече. (В позднейших договорах Новгорода с князьями это будет выражено формулой: «А без посадника… суда не судити, ни волости раздавати, ни грамот даяти»[{91}].) Главное же, новгородцы отстояли свое право заключать с князем особый договор и в случае невыполнения этого договора изгонять его из города решением того же вече. Новгородский князь даже жил не в самом городе, а в пригородной резиденции — на Городище, находившемся в двух километрах от Новгорода вверх по Волхову.

С этим приходилось мириться. Все попытки князей восстановить свою власть неизменно наталкивались на сопротивление новгородцев и чаще всего заканчивались изгнанием князя. И даже тогда, когда на новгородском столе оказывались сыновья Юрия Долгорукого, события, происходившие в городе, далеко не всегда принимали благоприятный для суздальского князя оборот.

Правда, в первый год княжения Ростислава новгородцы, кажется, готовы были поддержать Юрия в его противостоянии черниговским князьям. Так, в Новгороде была схвачена супруга князя Святослава Ольговича (ее на время посадили под стражу в новгородском женском монастыре Святой Варвары). Сам же Святослав на пути из Новгорода был перехвачен в Смоленске князем Ростиславом Мстиславичем и тоже заточен — в

Борисоглебском монастыре на Смядыни. И только после примирения Мономашичей с Ольговичами (это, напомним, произошло осенью 1138 года) Святослав и его супруга получили свободу.

Но все изменилось после того, как Всеволод Ольгович занял киевский стол. Прежняя обида на Святослава была забыта. В начавшейся новой войне Ольговичей с Мономашичами новгородцы поначалу пытались сохранить нейтралитет, а затем поддержали сильнейшего — на тот момент великого князя Киевского. И когда Юрий решится начать военные действия против Всеволода Ольговича и призовет новгородцев к походу на Киев — те ответят отказом. 1 сентября 1139 года Ростислав Юрьевич бежит из Новгорода к отцу, а новгородцы пошлют в Киев, к великому князю Всеволоду Ольговичу, вновь приглашая на княжение его брата Святослава.

Вскоре Юрию удастся еще раз посадить своего сына в Новгород. Но вновь на короткое время. Борьба за этот город между суздальским князем, его племянниками Мстиславичами и черниговскими Ольговичами тесно переплетется с их же борьбой за Киев и за главенство в Южной Руси.

* * *

Вторжение новгородцев 1134/35 года имело еще одно важное последствие для Ростовской и Суздальской земли. Оно показало полную незащищенность суздальско-новгородского порубежья. Ни на самой Волге, ни на ее правых притоках новгородцы не встретили ни малейшего сопротивления. Необходимо было срочно укреплять западную границу княжества. Этим Юрий Владимирович занимался и во второй половине 30-х годов XII века, и позднее.

Никоновская летопись под 6642 (1134) годом сообщает: «Того же лета князь Юрьи Володимеричь Манамашь заложи град на усть Нерли на Волзе, и нарече [имя] ему Константин (Кснятин. — *А.К.),* и церковь в нем созда; и много каменных церквей созда по Суздальстей власти»[{92}].

Современные исследователи справедливо ставят дату, названную московским летописцем, под сомнение: и в 1134-м, и в 1135 годах Юрий находился на юге. Да и события «Суздальской войны» 1134/35 года не предполагают наличия каких-то укреплений в устье Нерли Волжской[{93}]. Скорее, город Кснятин мог быть построен позднее — уже после битвы на Ждане-горе и возвращения Юрия в Суздальскую землю. Каменные же церкви

возводились Юрием Долгоруким в течение всего его суздальского княжения — в этом отношении запись Никоновской летописи носит, по-видимому, обобщающий характер.

Кснятин оказался не единственным городом, построенным Юрием на западных границах Суздальской земли. Как правило, он ставил крепости в устье волжских притоков, предотвращая возможность беспрепятственного наступления на суздальские владения со стороны Новгорода. Из описания следующей большой суздальско-новгородской войны — 1149 года — следует, что к этому времени в Верхнем Поволжье уже существовали укрепленные центры, которые новгородцам приходилось захватывать силой. Летописи сообщают как минимум о шести крепостях. Согласно исследованиям В. А. Кучкина, это такие важные в стратегическом отношении центры, как Тверь в устье реки Тверцы — в будущем один из главных городов средневековой Руси; Шоша и Дубна, расположенные в устьях одноименных рек — правых притоков Волги; уже упомянутый Кснятин в устье Нерли Волжской; Углече Поле (нынешний Углич) и Молога (или Городец на Мологе) в устье одноименной реки — левого притока Волги{94}. Все эти города были построены, по-видимому, между 1134 и 1149 годами. Так по существу была сформирована западная граница Ростово-Суздальского княжества.

В ЛОНЕ СЕМЬИ

Ко времени возвращения в Суздальскую землю Юрию было около сорока лет или даже уже за сорок. Большая часть жизни, можно сказать, прошла, однако главные свершения, прославившие его имя, оставались еще впереди.

Его семейная жизнь складывалась вполне благополучно. За годы совместной жизни его первая жена-половчанка родила ему пятерых или семерых сыновей и по меньшей мере двух дочерей.

Старший сын Юрия Ростислав весной 1138 года отправился на княжение в Новгород. Остальные пока оставались вместе с отцом в Суздальской земле. К тому времени, когда Юрий начнет войну за Киев (1146/47 год), его взрослые сыновья от первого брака станут ему надежной поддержкой и опорой[14]. Помимо Ростислава, умершего еще при жизни отца (в 1151 году), это Иван (он, правда, уйдет из жизни еще раньше — в феврале 1147 года), Андрей (будущий Боголюбский) и Борис и Глеб. Все четверо впервые упоминаются в источниках как раз под 1146—1147 годами. (Еще два сына — возможно, от первого брака — Ярослав и Святослав — участия в войнах отца не принимали. В отношении первого о причинах трудно сказать что-либо определенное; второй же, Святослав, был с детства тяжело болен. «Се же князь избраник Божий бе, — сообщает суздальский летописец, — от рожества и до свершенья мужьства бысть ему болесть зла… не да бо ему Бог княжити на земли»{95}. Однако прожил Святослав Юрьевич довольно долго и умер только в январе 1174 года.)

Половецкое происхождение матери, по-видимому, заметно сказывалось на старших детях Юрия Долгорукого. Так, во внешнем облике князя Андрея Боголюбского, известном нам благодаря антропологической реконструкции М. М. Герасимова, усматривают явные монголоидные черты — прежде всего, в форме носа, очень широкого у основания, но не слишком выдающегося вперед, в широко расставленных глазах с выступающими вперед глазными яблоками и тяжелыми нависшими веками, широких скулах{96}. Скорее всего, Андрей унаследовал все эти черты от матери, а не от отца.

«Аепина дщерь» скончалась не позднее 1136/37 года[15]. После этого Юрий женился еще раз. Во втором браке у него родилось по меньшей мере четверо сыновей: Мстислав, Василий (или Василько), Михаил (или Михалко) и Всеволод (появившийся на свет незадолго до смерти отца). Кем была его вторая жена, неизвестно. Обычно полагают, что гречанкой, притом близкой к правящему в Византии роду Комнинов[16]. Однако оснований для

такого предположения не слишком много. Известно, что в 1161/62 году, уже после смерти Юрия, когда его вдова будет изгнана вместе со своими родными детьми из Суздальской земли пасынком Андреем Боголюбским, она отправится в Константинополь и встретит там радушный прием, а ее сыновьям император Мануил I Комнин предоставит во владения обширные волости: Васильку — четыре дунайских города, а Мстиславу — некую область Аскалону{97}.[17] Но было ли причиной тому происхождение княгини, или же все объяснялось связями, установившимися между самим Юрием и императором Мануилом в последние годы княжения Юрия, мы не знаем.

Всем своим сыновьям князь Юрий Владимирович дал вполне значимые имена, принадлежащие к именослову потомков Всеволода Ярославича. Старший, Ростислав, был назван, очевидно, в честь родного дяди Юрия Долгорукого Ростислава Всеволодовича, княжившего в Переясланле и погибшего на Стугне в 1093 году. Имя Андрей, давно уже вошедшее в княжеский именослов и воспринимавшееся не просто как крестильное, но как княжеское, должно было напоминать прежде всего о деде Юрия Долгорукого, великом князе Киевском Всеволоде Ярославиче (в крещении Андрее). Борис и Глеб Юрьевичи получили свои имена в честь братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба — самых почитаемых святых в княжеском семействе. Ярослав был назван в память о князе Ярославе Мудром; Святослав — очевидно, в память о брате Юрия Долгорукого князе Святославе Владимировиче, также княжившем в Переяславле; Мстислав — в память о Мстиславе Великом (судя по сохранившимся новгородским печатям, сын Долгорукого в крещении носил имя Федор{98}— то же, что и Мстислав Великий). Младшие Юрьевичи, Василий (Василько) и Всеволод (в крещении он был наречен Дмитрием), получили свои имена в память о Владимире (Василии) Мономахе и Всеволоде Ярославиче. Имя Михаил — вообще особое для потомков Всеволода Ярославича. Архангел Михаил считался небесным покровителем града Переяславля и всего княжившего в нем семейства: ему были посвящены соборные церкви в Переяславле и Остерском Городце и главный храм киевского Выдубицкого монастыря, основанного Всеволодом Ярославичем. Несколько особняком стоит имя Иван, которое получил второй сын Юрия Долгорукого. В именослове Мономашичей оно встречалось и раньше (так звали в крещении великого князя Киевского Ярополка Владимировича, а также умершего в младенчестве первенца князя Всеволода Мстиславича Новгородского), Но для сына Юрия Долгорукого (как и для сына Всеволода) оно было уже не просто крестильным, но княжеским

именем. Не исключено, что в нем отразилось особое почитание в семействе Владимира Мономаха святого Иоанна Крестителя — нового покровителя княжеского рода: как мы помним, именно при Мономахе, около 1121/22 года, перст от десной руки святого был торжественно перенесен из Константинополя в Киев.

Из того же ряда — имена старших внуков Юрия Долгорукого, сыновей Ростислава Юрьевича, — Мстислав и Ярополк. Оба были названы в честь дядьев, великих князей киевских Мстислава и Ярополка Владимировичей. Имя Мстислав получил и еще один внук Юрия, второй сын Андрея Боголюбского. (Первенца Андрея звали Изяслав — это имя, по-видимому, отсылало ко второму сыну Владимира Мономаха, князю Изяславу Владимировичу, погибшему в 1096 году под Муромом. Младший сын Андрея, Юрий, получил имя в честь самого Юрия Долгорукого.)

Так что наречение сыновей и внуков — это еще и целая программа вполне внятное заявление о намерениях. Может быть, ярче всего в нем нашли выражение сокровенные чаяния суздальского князя, его претензии на преимущественное по сравнению с братьями наследование политики отца и деда, на обладание «отчим» Переяславлем и стольным Киевом.

* * *

Обилие сыновей во все времена составляло предмет гордости для князя. Ибо сыновья — это его во много раз возросшая сила, удесятеренные возможности, способность как бы умножиться, одновременно находиться в разных местах и везде реально, зримо проводить собственную политику.

Это также своего рода династический запас прочности. В ранней русской истории, как правило, только тот правитель, у которого было много сыновей — не два-три, а по меньшей мере пять или шесть, — оказывался способен проложить для своих потомков путь в историю, дать начало новой династической ветви или даже целой исторической эпохе. Владимир Святой и Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо, Даниил Московский… Список не слишком велик. Но все названные князья, отнюдь не являясь старшими в своем поколении, сумели добиться того, что именно их потомство возобладало в Русской земле. И не в последнюю очередь потому, что потомство это в силу своей многочисленности могло постоять за себя.

Но обилие сыновей — это еще и большая проблема для любого князя. Ибо каждого сына необходимо наделить своей

волостью, посадить на княжение. Политическая активность Юрия Долгорукого на юге отчасти объяснялась именно тем, что ему жизненно необходимо было вырваться за пределы Суздальской земли, увеличить свои владения, найти для своих сыновей новые княжеские столы. Иначе — угроза раздробления собственного княжества, ничтожные уделы, неизбежные в будущем свары… В позднейшей русской истории мы найдем немало примеров и того, как многочисленность потомства того или иного князя становилась причиной постепенного захирения его рода.

С дочерьми дело обстояло несколько иначе. Обилие дочерей для князя — это тоже своего рода богатство, возможность для политического маневра. Путем заключения династических браков князья старались найти себе новых союзников, создать прочные политические альянсы. Личные желания княжон при этом не всегда принимались во внимание. Впоследствии Юрий Долгорукий заключит как минимум два династических союза, выдав двух своих дочерей замуж за сыновей своих союзников. Оба брака датируются 1150 годом: одна дочь Юрия (ее имя неизвестно[18]) станет женой Олега, сына новгород-северского князя Святослава Ольговича; другая, Ольга, — женой Ярослава Владимировича Осмомысла, сына галицкого князя Владимирка Володаревича.

Другим дочерям Юрия, кажется, повезло меньше. Правда, русские летописцы не слишком интересовались судьбами княжон и княгинь, а потому никакими определенными показаниями источников на этот счет мы не располагаем. Но известно, что по крайней мере одну свою дочь Юрий выдал замуж не за князя, а за боярина: ее сын Яков упоминается в летописи как «сестричич» (племянник, сын сестры) владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо{99}.

Вообще же, можно только удивляться плодовитости князя Юрия Владимировича. Его младший сын Всеволод, как известно, вошел в историю с прозвищем Большое Гнездо — за многочисленность потомства. Юрий в еще большей степени мог претендовать на такое прозвище. По числу сыновей — одиннадцать — он обошел всех других известных русских князей, за исключением своего пращура князя Владимира Святославича, Крестителя Руси.

* * *

Как и большинство русских князей того времени, Юрий в своей личной жизни отнюдь не замыкался в рамках семьи.

Правда, единственный источник, позволяющий взглянуть на него, так сказать, вне официальной обстановки, имеет весьма позднее происхождение и очень неоднозначно оценивается историками.

Речь идет об «Истории Российской» Василия Никитича Татищева. В этом грандиозном историческом своде, помимо прочего, приведены очень яркие и живые портретные характеристики целого ряда русских правителей XII века, в том числе и Юрия Долгорукого. Происхождение этих портретных зарисовок остается неизвестным. Ясно лишь, что все они созданы одной рукой. Но вот кому принадлежала эта рука? Иногда полагают, что характеристики Татищева восходят к некоему несохранившемуся летописному своду XII века{100}. Однако многие детали заставляют усомниться в таком предположении и указывают на гораздо более позднее время — едва ли ранее XVII века или даже XVIII век. И все же эти портретные зарисовки заслуживают внимания. И уж во всяком случае не привести характеристику князя Юрия Долгорукого в книге, посвященной ему, было бы непростительным упущением. Правда, нужно иметь в виду еще одно обстоятельство — автор этой характеристики (кем бы он ни был и когда бы ни работал над ней) был настроен к князю Юрию Владимировичу весьма недоброжелательно, если не сказать враждебно.

Так, только у Татищева мы находим описание внешности Юрия Долгорукого: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицем белый, глаза не вельми великий, нос долгий и накривленный, брада малая…»{101} (Впрочем, в одной из редакций «Истории Российской» имелось и совсем другое описание князя: «Был роста среднего, весьма толст и плешив, очи великие, нос краткий нагнут»{102}.)

Никаких современных изображений князя Юрия Владимировича, к сожалению, не сохранилось. А потому ничего нельзя сказать о том, насколько близко или, наоборот, далеко от оригинала описание Татищева. Во всяком случае, оно не имеет ничего общего с известными изображениями князя Юрия Долгорукого в различных списках так называемого «Титулярника» 1672 года — официальной книги, содержащей титулы, гербы Московского государства и других стран, а также портреты правителей России и их предков — великих князей киевских, владимирских и московских{103}. На этих портретах — по-видимому, совершенно легендарных — Юрий изображен молодым человеком, безбородым (этим он резко отличается от других князей), с какими-то детскими чертами лица и некоторой скорбью во взгляде. Вероятно, художник хотел подчеркнуть особое благочестие Юрия («…приим скипетр Российского

царствия… князь великий Юрий Владимировичь Долгорукой, — говорится здесь о нем, — иже благочестием просия и все христианство в покое и в тишине соблюде»{104}). Но чем объяснить бросающуюся в глаза молодость князя? Ведь ко времени смерти ему, по-видимому, было за шестьдесят. На этот вопрос я не берусь дать ответ. (Кстати говоря, на миниатюрах знаменитой Радзивиловской летописи XV века и не менее знаменитого Лицевого летописного свода XVI века Юрий изображен вполне обыкновенно — зрелым, полным достоинства мужем, с хотя и небольшой, но заметной бородой; он ничем не отличается от других князей.)

Но вернемся к характеристике князя в «Истории Российской». Нравственные черты Юрия Долгорукого изображены здесь столь же малопривлекательными, как и его внешний облик. Оказывается, что он был «великий любитель жен, сладких писч и пития; более о веселиах, нежели о разправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотрении вельмож его и любимцев. И хотя, несмотря на договоры и справедливость, многие войны начинал, обаче сам мало что делал, но большее дети и князи союзные, для того весьма худое счастье имел и три раза от оплошности своей Киева изгнан был». (Или в другом варианте: «Вельми прилежал о веселии со женами и любил много пить и есть, а о разпорядке государства мало мыслил, но более всем властвовали и управляли советники и любимцы его».)

И относительно этой характеристики трудно сказать что-либо определенное. Юрий, словно нарочно, выглядит полной противоположностью тому идеалу князя, который был нарисован его отцом: как мы помним, в «Поучении» Владимир Мономах призывал сыновей не перекладывать на воевод и помощников ни заботы о войске, ни управление державой; учил их не потворствовать ни питью, ни еде, не давать над собой власти женам. (Татищеву, кстати говоря, «Поучение» Мономаха не было известно.) Однако летописный рассказ о Юрии — и мы еще убедимся в этом — отнюдь не изображает его человеком бездеятельным и подчиняющимся чужому влиянию. Так что по крайней мере в этом отношении автор татищевского портрета был, вероятно, не вполне справедлив.

Ну а что насчет «прилежания» к женам, веселию, сладким «пищам» и питию? Возможно, доля истины в татищевском описании имеется. Во всяком случае, известно, что умер Юрий именно после пиршества и, наверное, с обильными возлияниями. И ненависть к себе сумел вызвать среди киевлян в том числе и какими-то насилиями, творимыми если и не им самим, то его людьми.

В другом месте своей «Истории» В. Н. Татищев приводит историю, ярко характеризующую некоторые черты личности князя Юрия Долгорукого. Речь идет о любовной связи князя с женой суздальского тысяцкого Кучка. Имя последнего весьма примечательно: оно обнаруживает источник всего повествования — знаменитую «Повесть о начале Москвы», записанную, как считают, в XVII веке и рассказывающую о расправе князя Юрия Владимировича с боярином Кучкой, первым владельцем будущего града Москвы. Правда, версия Татищева существенно отличается от версии «Повести»:

«Юрий хотя имел княгиню любви достойную и ее любил, но при том многих жен подданных часто навесчал и с ними более, нежели со княгинею, веселился, ночи, сквозь на скомонех (музыка)[105] проигрывая и пия, препровождал, чим многие вельможи его оскорблялись, а младыя, последуя более своему уму, нежели благочестному старейших наставлению, в том ему советом и делом служили. Междо всеми полюбовницами жена тысецкого суздальского Кучка наиболее им владела, и он все по ея хотению делал. Когда же Юрий пошел к Торжку (речь идет о событиях 1146/47 года. — *А.К.),* Кучко, не могши поношения от людей терпеть, ни на оных Юрию жаловаться, ведая, что правду говорили, более же княгинею возмусчен, не пошел со Юрием и отъехал в свое село, взяв жену с собою, где ее посадя в заключение, намерялся уйти ко Изяславу в Киев (к князю Изяславу Мстиславичу, тогда великому князю Киевскому. —А А'.). Юрий, уведав о том, что Кучко жену посадил в заточение, оставя войско без всякого определения, сам с великою яростию наскоро ехал с малыми людьми на реку Москву, где Кучко жил. И, пришед, не испытуя ни о чем, Кучка тотчас убил, а дочь его выдал за сына своего Андрея…»[106]

Именно так в «Истории Российской» описывается начало будущего великого града Москвы. (С другой версией тех же событий мы познакомимся чуть ниже.) Насколько достоверен этот рассказ? Некоторые его детали как будто заслуживают внимания. Так, например, не вызывает сомнений само существование боярина Кучки, или Кучка, на дочери которого и в самом деле был женат князь Андрей Юрьевич Бого-любский. Между Кучкой и князем Юрием Владимировичем Долгоруким действительно имело место какое-то столкновение, закончившееся убийством боярина. Однако основная канва татищевского рассказа, по-видимому, представляет собой чисто литературный домысел. Перед нами авантюрное повествование о некоем любовном приключении — и повествование это отвечает литературным вкусам XVII или XVIII века в гораздо большей степени, чем века

XII.[19]

КАЗНЬ БОЯРИНА КУЧКИ

Длительное пребывание князя в Суздальской земле не могло не привести к обострению отношений между ним и местным боярством. Процесс вовлечения Северо-Восточной Руси в государственное строительство приобрел при Юрии Долгоруком необратимый характер. Это проявилось и в строительстве новых княжеских городов и возведении церквей, и в формировании границы княжества, и в более стройной и жесткой структуре власти, возрастании роли княжеской администрации, распространении законов на всю территорию Суздальской земли, упорядочивании сбора дани и судебных штрафов. Далеко не всем происходящие изменения должны были прийтись по вкусу. Тем более что вместе с князем в Суздальской земле обживались и его приближенные, изначально не имевшие здесь корней. Им также требовались и земля, и рабочая сила, и немалые денежные средства, и их интересы, естественно, не совпадали с интересами местной знати.

О том, сколь многочисленным было окружение князя, можно судить хотя бы по истории появления на Руси семейства варяга Шимона. В 60—70-х годах XI века его «дом» насчитывал до трех тысяч человек{107}. Вероятно, сын Шимона ростовский тысяцкий Георгий имел при себе немногим меньшее число родичей и домочадцев — ведь от этого напрямую зависели и его социальный статус, и возможность осуществлять функции тысяцкого по всей территории княжества. Имя одного из бояр Георгия Шимоновича приведено в Киево-Печерском патерике: это некий Василий, которому, как мы помним, ростовский тысяцкий поручил отвезти драгоценный дар киевскому Печерскому монастырю.

О богатствах, которые скопил в своих руках Георгий Шимонович, мы также уже говорили в предыдущих главах книги. И он сам, и его потомки, по всей вероятности, располагали в Суздальской земле и земельными владениями. Правда, судить об этом можно лишь предположительно. В Александровском районе Владимирской области до сих пор существуют села Большое и Малое Шимоново; в XIX веке известно было также село Шимониха (по дороге из Ростова в Суздаль). Еще одно Шимоново расположено недалеко от Можайска. Полагают, что столь необычные для европейской России древние названия восходят к имени варяжского воеводы и его потомков{108}.

С конца 30-х годов XII века окончательно прекращается передача части «суздальской» дани в Киев. Перераспределение «избытка» прибавочного продукта, его сосредоточение в руках

князя должны были привести к изменениям в механизме работы княжеской администрации. Да и войны, которые Юрий вел или собирался вести на юге, требовали очень больших издержек, а значит, и более жесткого взимания дани и судебных штрафов, составлявших основу княжеского бюджета.

Некоторые примеры того, как именно действовали представители княжеской администрации, можно найти в более поздних источниках владимиро-суздальского происхождения. Так, например, из Жития преподобного Никиты, столпника Переяславского, жившего во второй половине XII века в Переяславле-Залесском (между прочим, городе, основанном Юрием Долгоруким), известно, что до принятия монашеского пострига этот почитаемый в будущем русский святой был «мытарем» (сборщиком податей) и вел далеко не праведную жизнь: «прилежа градскымь судиямь и мног мятеж и пакости творяше человеком неправеднаго ради мьздоимания, и тем питаше себе и подружие свое (то есть свою супругу. — *А.К.)*»[{109}]. В чем заключалось «неправедное мздоимание», догадаться нетрудно. При сборе дани и взимании судебных штрафов («вир») «мытари» и «вирники» не забывали и о своих интересах. Установления «Русской Правды» четко определяли размеры полагающегося им вознаграждения: сколько и каких продуктов должно было идти на корм самому «вирнику», княжеским «мечникам», их слугам («вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, же овен, любо полоть (полтуши. — *А, К.)*… а кур по двое ему на день, а хлебов 7 на неделю…» и т. д.[{110}]); сколько кормов и в течение какого срока полагалось давать на каждую лошадь. Расписаны были и размеры судебных пошлин («уроков»), например: «А се уроци судебнии: от виры 9 кун, а метелнику 9 векошь, а от бортное земли (то есть от тяжб, связанных с бортями. — *А.К.)* 30 кун, а от инех от всех тяжь, кому помогут, по 4 куны…» Но понятно, что эти нормы можно было и произвольно увеличить, потребовать мзду за то или иное решение спорного вопроса в пользу того, «кому помогут». Полагающееся же по закону, равно как и то, что должно было идти в княжескую казну, выбивалось из населения всеми доступными средствами, самым простым и привычным из которых было битье батогами. И далеко не случайно, что во всех русских землях того времени именно княжеские «тиуны», «мечники» и другие представители княжеской администрации вызывали наибольшую ненависть населения. «Тиун неправду судит, мзду емлет, люди продает, мучит, лихое все деет» — так говорил о собственных (!) тиунах полоцкий князь Константин Безрукий, живший во второй половине XIII века[{111}]. И Суздальская земля не представляла собой исключение из

общего правила.

Преподобный Никита Переяславский сумел осознать греховность такой жизни и порвал с ней. Но способны ли были на раскаяние другие? Вопрос конечно же риторический. Еще один владимирский книжник XII—XIII веков (возможно, даже младший современник Юрия Долгорукого), знаменитый Даниил Заточник, надо полагать, хорошо знал, о чем пишет: «Не имей собе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его — аки огнь, трепетицею накладен, и рядовичи (здесь: слуги. — *А.К.)* его — аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устеречися…»[{112}]

Сам князь Юрий Владимирович — во всяком случае, в те годы, когда он пребывал в Суздальской земле, — использовал различные формы взимания дани, в том числе и вполне традиционные. Одной из них было старинное «полюдье» — личный объезд князем подвластной ему территории. Князь отправлялся в «полюдье» осенью, когда был собран урожай; его сопровождали семья и дружина. (Об одной такой поездке в западные области княжества, на реку Яхрому, состоявшейся в октябре 1154 года, летопись сообщает в связи с тем, что во время «полюдья» у Юрия родился младший сын — Всеволод[{113}].) Обряд «кормления» князя во время «полюдья» восходил к древним, еще языческим, представлениям о существе княжеской власти. Впрочем, к XII веку эти представления, естественно, уже забывались, и на первый план выходил чисто экономический интерес. Во время «полюдья» собиралось то, что шло на содержание самого князя и его семейства.

Князь обладал и хорошо известным и также традиционным, восходящим еще к языческим временам механизмом регулирования социальных противоречий, сглаживания возможных конфликтов. Этим механизмом являлась раздача милостыни. Во времена Киевской Руси она носила едва ли не обязательный для князя характер. Тот же Даниил Заточник восклицал, обращаясь к князю: «Да не будет, княже мой, господине, рука твоя согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Якоже бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем». И далее: «…Князь щедр — аки река, текуща без брегов сквози дубравы, напающе не токмо человеки, но и звери; а князь скуп — аки река в брезех, а брези камены: нелзи пити, ни коня напоити».

Мы не знаем, насколько щедр или, наоборот, скуп был князь Юрий Владимирович. О щедрой раздаче им милостыни современные ему источники ничего не сообщают — в отличие,

например, от его отца Владимира Мономаха или сына Андрея Боголюбского, об исключительном нищелюбии которых хорошо известно. Но совсем не обязательно думать, что Юрий пренебрегал обязательной для всех княжеской обязанностью. Просто делом это было слишком уж обыкновенным, можно сказать, само собой разумеющимся.

* * *

Нарушение устоявшегося порядка в столь щекотливом и важном вопросе, как сбор и распределение дани, всегда сопровождается конфликтами с теми, кто кормился от этой дани прежде. В данном случае — с представителями местной знати. Источники сообщают об одном таком конфликте в Суздальской земле — между князем Юрием Долгоруким и уже упомянутым боярином Кучкой (Кучком), первым владельцем будущего града Москвы и, по всей видимости, представителем местной, еще родовой по своему происхождению, знати[20].

Правда, история вражды князя и боярина дошла до нас в очень позднем пересказе и обросла совершенно фантастическими подробностями. Однако за авантюрным повествованием угадываются более или менее реальные события ранней истории Северо-Восточной Руси. С одной версией конфликта мы встретились в «Истории Российской» В. Н. Татищева. По-другому рассказывается в «Повести о зачале царствующего великого града Москвы», составленной в XVII веке. Здесь рассказ о роковой встрече князя и боярина датируется заведомо недостоверным 6666 (1158?) годом. К этому времени Юрия Долгорукого уже не было в живых. Очевидно, позднейший московский книжник ориентировался на известную из летописей дату основания князем Андреем Боголюбским церкви Успения Пресвятой Богородицы во Владимире (о чем также идет речь в «Повести»): ведь именно во Владимир к сыну Андрею и направлялся князь Юрий Владимирович. Но очень похоже, что автора привлекло и зловещее начертание цифр — четыре шестерки, усугубленное апокалиптическое «число зверя». Во всяком случае, рассказанная им история, несомненно, расцвечена в эсхатологические краски: начало Москвы знаменует собой начало «последнего царства» — «третьего Рима» («два убо Рима па-доша, третий же стоить, а четвертому не быти» — с этих строк, можно сказать, начинается «Повесть»). И кровавая расправа с боярином Кучкой, составляющая центральный сюжет всего повествования, также есть «знамение» будущей истории «последнего Рима». Как и

«первому» — «ветхому» Риму, и «второму» Риму — Константинополю, также «и нашему сему третиему Риму, Московскому государству, зачало бысть не без крове же, но по пролитию же и по заклании кровей многих»{114}.

«В лето 6666, — сообщает автор «Повести», — великому князю Юрью Владимировичи) грядущю ис Киева во Владимир град к сыну своему князю Андрею Юрьевичу, И прииде на место, иде же ныне царьствующий град Москва, обо полы Москвы реки села красныя, сими же селы владающу тогда болярину некоему богату сущу, имянем Кучку Стефану Иванову. Той же Кучка возгордевься зело и не почте великого князя подобающею честию, яко же довлеет (подобает. — *А.К.)* великим княземь, но и поносив ему к тому жь.

Князь великий Юрьи Владимирович, не стерпя хулы его той, повелеваеть того болярина ухватити и смерти предати. И сему тако бывшу, сыны же его видев млады суще и лепы зело, имянем Петр и Аким, и дщерь едину такову же благо-образну и лепу сущу, именем Улиту, отосла во Владимир, к сыну своему ко князю Андрею Юрьевичю. Сам же князь великий Юрьи Владимирович взыде на гору и обозрев с нее очима своими семо и овамо по обе страны Москвы реки и за Неглинною, и возлюби села оныя и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град и прозва его званием реки тоя — Москва град по имени реки, текущия под ним. И потом князь великий отходит во Владимир к сыну своему князю Андрею Боголюбскому и сочетовает его браку со дщерию Кучковою… И быв у него отец его великий князь Юрьи Владимирович довольно время, и заповеда сыну своему князю Андрею Боголюбскому град Москву людьми насел ити и распространити…»

В чем была истинная причина убийства? На этот вопрос сейчас, конечно, не ответить. Но можно думать, что за трафаретной фразой о чрезмерной гордости боярина Кучки скрывается какой-то реальный конфликт между ним и суздальским князем. Мы знаем лишь о результатах этого конфликта. А они были вполне определенными: родовое гнездо одного из представителей местной знати было разорено дотла, а те самые «села красные» по обеим сторонам Москвы-реки, которыми владел боярин и которые так приглянулись суздальскому князю, перешли в его владение, и на их месте Юрий Долгорукий приказывает возвести укрепление, ставшее впоследствии городом. Первое упоминание Москвы в летописи относится, как все знают, к апрелю 1147 года, когда Юрий пригласил сюда своих союзников — князя Святослава Ольговича, его сына Олега и двоюродного племянника Владимира

Святославича. К тому времени Москва уже принадлежала суздальскому князю, а значит, расправа с боярином имела место раньше.

Как мы уже говорили, боярин Кучка (Кучко) — личность вполне историческая. Летописи известны его сыновья, Яким Кучкович с братом, а также некий Петр, «Кучков зять». (В «Повести» Петр и Яким ошибочно названы братьями.) Имя Кучки сохранилось и в топонимике Северо-Восточной Руси. Волость «Кучка» упоминается в Суздальской земле, а урочище «Кучково поле» известно в средневековой Москве, в районе позднейших Сретенских ворот. В XII веке саму Москву иногда называли Кучково. (Так, например, в берестяной фамоте, найденной в Новгороде и предположительно датируемой второй половиной XII века: «Поклоняние ото Душилы ко Нясте. Шьль ти есьм Кучькъву…»{115}; то есть: «Я пошел к тебе в Кучков».) В Ипатьевской летописи название будущей столицы России варьируется: «Кучково, рекше Москва»{116},

Юрий и в самом деле женил своего сына Андрея на дочери убитого им боярина — надо думать, для того, чтобы таким образом укоренить его в Суздальской земле, сделать полноправным наследником всего имения убитого. (Для средневекового сознания это выглядит вполне естественным.) Еще более примечательно, что сыновья боярина Кучки не подверглись репрессиям, но, напротив, были приближены Юрием и вошли в ближайшее окружение его сына Андрея. Это уже отражает новое христианское сознание, в противоположность старому, языческому, основанному на нормах кровной мести. Но за убитого отца Кучковичи все же отомстят, исполнив таким образом родовой закон. Впоследствии именно Петр, «Кучков зять» (то есть, надо полагать, свояк Андрея — муж сестры его жены), а также один из братьев Кучковичей, Яким, станут организаторами заговора, приведшего к убийству Андрея Боголюбского{117}. О том, что в этом заговоре участвовала и супруга князя Андрея Юрьевича (Кучковна?), свидетельствует, помимо «Повести о начале Москвы», миниатюра Радзивиловской летописи XV века, изображающая княгиню в момент убийства с отрубленной рукой своего супруга (собственно летописный текст об этом молчит) {118}.[21]

Надо сказать, что защита своей чести и достоинства всегда входила в число обязательных княжеских добродетелей. Князь вправе был требовать подобающих почестей от подвластного ему населения, в том числе и от бояр, а в ответ на «поношение» и хулу мог (и даже обязан был) применить силу. Ибо обряд, например, встречи князя являлся наиболее адекватным

выражением самого существа княжеской власти, а несоблюдение этого обряда означало ее непризнание, то есть открытый выход из повиновения, бунт. Так что расправа с боярином Кучкой (если записанное в «Повести о начале Москвы» предание отражает реальный факт) была вполне в духе времени, отвечала средневековым, еще языческим в своей основе, представлениям о княжеской власти.

Другое дело, что такое понимание княжеской власти входило в противоречие с новыми, христианскими, нормами поведения и новыми представлениями о взаимоотношениях между князем и его подданными. В свое время Владимир Мономах учил сыновей не казнить никого смертью: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его; аще будеть повинен смерти, а душа не погубляите никакояже хрестьяны». Однако его потомки далеко не всегда следовали этому правилу. И расправа над злодеями ставилась в заслугу князю наравне с такими, например, качествами, как милосердие, правосудие, справедливость. «Князь бо не туне мечь носить, — писал об этом суздальский летописец, автор посмертной похвалы сыну Юрия Долгорукого князю Всеволоду Большое Гнездо, — [но] в месть злодеем, а в похвалу добро творящим»{119}.

Не знаем, был ли боярин Кучка в действительности злодеем или нет. Но князь Юрий Владимирович — и это можно сказать наверняка — носил свой меч «не туне» и, надо думать, не однажды извлекал его из ножен, чтобы покарать провинившегося.

ДОЛГАЯ РУКА

Ну а что относительно знаменитого прозвища суздальского князя? В какой степени оно передает черты его характера или внешнего облика? Увы, на этот счет мы вынуждены ограничиться лишь самыми общими и самыми поверхностными суждениями.

Начать надо с того, что прозвище Юрия в древнейших летописях не встречается. Впервые мы находим его в рукописи середины XV века, причем новгородского происхождения, — той самой, которая содержит так называемый Комиссионный список Новгородской Первой летописи младшего извода. В отдельных статьях, читающихся перед летописью («Родословие князей русских», статьи «Кто колико княжил» и «А се князи русьстии»), Юрий упоминается с прозвищем, причем в двух случаях из трех оно звучит не вполне привычно для нас — Долгая Рука, и лишь однажды — Долгорукий{120}. Однако из этого вовсе не обязательно следует, что это прозвище позднее и чисто книжного происхождения{121}. Скорее, напротив. Его присутствие во множестве памятников, начиная уже с XVI века, — причем не только новгородских, но и московских, тверских, ростовских — можно расценивать как свидетельство того, что прозвище это накрепко прилепилось к князю. А это могло произойти еще при его жизни.

Обычно считают, что прозвище Долгорукий связано с тем, что суздальский князь тянулся (разумеется, в переносном смысле) из своего отдаленного Суздаля к Киеву и в конце концов достиг «златого» киевского стола. В принципе, это не исключено, хотя примеры подобных, чисто отвлеченных, умозрительных прозвищ в древней Руси, кажется, неизвестны. В современной исторической литературе высказывается и другое предположение: необычное прозвище князя могло объясняться какими-то его физическими, или анатомическими, особенностями{122}. (Может быть, у него действительно были непропорционально большие руки или, скажем, слишком длинные пальцы?) Но и для такого предположения никаких осязаемых оснований пока что у нас нет, поскольку останки Юрия Долгорукого до сих пор не отождествлены с большей или меньшей надежностью[22].

Стоит отметить, что прозвище «Долгорукий» древнерусским книжникам было хорошо известно — так звали древнего персидского царя Артаксеркса (очевидно, Артаксеркса I, 465—424 до н. э.). Это прозвище сопровождает имя царя в русских переводных сочинениях, в том числе домонгольского времени{123}. Знаменитый русский историк и публицист XVIII

века князь М. М. Щербатов, обративший на это внимание, полагал, что русский князь, подобно персидскому «тезке», был прозван так за свое стяжательство, «алчность к приобретению»{124}. Но прозвище Артаксеркса является калькой с греческого Макрохецюд (Длиннорукий) — и, вероятно, оно обязано своим происхождением именно внешности персидского правителя[23].

Уместно провести еще одну параллель — с другим русским князем, носившим такое же прозвище. Правда, жил он гораздо позже — в середине XV века. Речь идет об Иване Андреевиче Долгоруком, из рода князей Оболенских, родоначальнике князей Долгоруких. Предания изображают его князем суровым и крайне мстительным, прозванным Долгоруким за умение так или иначе достигать своих врагов, где бы те ни скрывались{125}. Может быть, и прозвище князя Юрия Владимировича имеет похожее происхождение?

Напоследок приведем еще одно объяснение того же прозвища — несомненно, наиболее лестное для героя нашей книги, но, увы, совершенно фантастическое. В одной из поздних редакций «Повести о зачале Москвы» (известной в списке третьей четверти XVIII века) о князе рассказывается следующее: «Он же от родителей своих именовася Долгорукий, зане зело был из отрочества своего милостив и податлив ко всем своим безпомощным своею десницею, аще что имяше в руках своих, то все раздаяше требующим. И оттого вину прият от всех Долгорукий зватися, даже и до днесь, влечашеся в род и род»{126}.[24]

ОЛЬГОВО ПЛЕМЯ

Вернемся, однако, к политической ситуации, сложившейся после захвата Киева князем Всеволодом Ольговичем Черниговским в 1139 году. Произошло это роковое для судеб Мономахова семейства событие следующим образом.

Получив известие о смерти Ярополка Владимировича и о вокняжении в Киеве его брата Вячеслава (22 февраля 1139 года), князь Всеволод Ольгович немедленно соединился со своим родным братом Святославом и двоюродным Владимиром Давыдовичем и, «събрав мало дружины», поспешил к Киеву. Черниговские князья заняли Вышгород, а 4 марта подступили к Киеву и принялись поджигать дворы «пред городом». Заполыхал так называемый «Копырев конец» — густонаселенный район на северо-западе Киева. Впрочем, это была лишь демонстрация силы. Воевать по-настоящему Всеволод не собирался. Вячеславу Владимировичу было предложено уйти из города «с добром». Тот, «не хотя крове пролияти», по выражению летописца, согласился. К Всеволоду отправился митрополит Михаил, который и озвучил условия капитуляции. «Иди опять Вышегороду, — предлагал Всеволоду Вячеслав, — а я днесь иду в свою волость, а то тобе Киев». В тот же день Вячеслав Владимирович покинул Киев и направился в Туров, а 5 марта Всеволод Ольгович вошел в Киев «с честью и славою великою»{127}.[25]

«И сътвори в той день князь великий Всеволод Олгович с отцем своим Михаилом митрополитом, и з братиею своею, и со князи, и з боары своими, и с всеми людми пирова-ние светло, и постави по улицам вина, и мед, и перевару, и всякое ядение, и овощи, и раздаде по церквам и по манас-тырем милостыню многу»{128}. Если это не домысел московского книжника XVI века, то перед нами очевидная попытка нового киевского князя заручиться поддержкой самых широких слоев киевского населения — от бояр до простонародья. Слишком долго представители этой ветви князей Рюриковичей отсутствовали в Киеве, слишком недобрую память оставили по себе своими недавними действиями, и теперь им приходилось завоевывать любовь своих новых подданных подарками и угощениями.

Так Киев перешел в руки князей Ольговичей. Любопытно, что, по версии В. Н. Татищева, начиная войну за Киев, Всеволод Ольгович прежде всего думал о Юрии Долгоруком. Только ради того, чтобы не допустить Юрия к великокняжескому столу («ведая, что Вячеславу Юрий, слабости его ради, владеть не даст»), он якобы и решился на изгнание из Киева Вячеслава.

Более того, Всеволод Ольгович будто бы вступил в переговоры и со своим зятем Изяславом Мстиславичем, обещая ему всякие блага и отговаривая от союза с дядей. «Хотя тебе по отце Киев надлежит, — передает его слова Татищев, — но дядья твои, а паче Юрий, не дадут тебе удержать. Как сам знаешь, что и прежде вас изгоняли, и если бы не я, то б вы никакого удела от Юрия получить не могли»{129}. Вовсе не обязательно, что историк XVIII века опирался при этом на какие-то не дошедшие до нас документальные материалы. Но, как и во многих других случаях, он верно передал самую суть событий. В конечном счете именно действия Юрия, его неуемная борьба за Переяславль, ссоры с племянниками и братьями стали причиной случившейся катастрофы. Потеря Киева явилась логическим следствием раскола в Мономаховом семействе.

* * *

Перед новым киевским князем стояла та же задача, что и за несколько десятилетий до этого перед Владимиром Мономахом и Мстиславом Великим, — закрепить Киев за новой династией, превратить его в «отчину» черниговских князей. Но и трудности, с которыми столкнулся Всеволод Ольгович, были теми же и даже еще большими. Забегая вперед, скажем, что ему только к концу жизни удастся добиться единства в собственном семействе. А семейство это было весьма многочисленным: Всеволоду приходилось считаться с интересами не только своих родных братьев, но и двоюродных — Владимира и Изяслава Давыдовичей. В династическом отношении последние считались даже старше, ибо по условиям Любечского съезда Чернигов был закреплен именно за Давыдом Святославичем, а не за его братом Олегом, отцом Всеволода, формально считавшимся князем новгород-северским. Соответственно, Всеволоду надо было заботиться о том, чтобы не восстановить Давыдовичей против себя. (Особняком держались другие двоюродные братья Всеволода Ольговича — сыновья Ярослава Святославича Муромского; они обосновались в Муроме и Рязани и старались не вмешиваться в общерусские дела.)

Старший из Давыдовичей Владимир поддержал Всеволода во время похода на Киев. В благодарность новый киевский князь передал ему Чернигов — главный город своей волости. Но это немедленно рассорило Всеволода с его родным братом Игорем, следующим по старшинству из Ольговичей, которому Чернигов был обещан прежде. По вокняжении Всеволода Игорь явился к

нему в Киев, напоминая о давнем обещании. «И не да ему (Всеволод Чернигова. — *А.К.).., и свади* (здесь: поссорил. — *А.К.)* братию, и тако отпусти е»{130}. Игорю пришлось довольствоваться Северской землей с главным городом Новгородсеверским. И впоследствии Всеволод Ольгович будет проводить политику сталкивания интересов различных представителей своего семейства, стараясь ни в коем случае не допустить образования против себя единого фронта родных и двоюродных братьев. При этом Всеволод сделал попытку опереться на шурьев — князей Мстиславичей, и прежде всего Изяслава, которому он в свое время помог добыть владимиро-волынский стол. Но потеря Киева стала слишком сильным потрясением для Мономашичей. Им пришлось забыть о прежних противоречиях и объединиться в борьбе против нового киевского князя. А потому Изяслав Мстиславич ответил отказом на мирные предложения Всеволода.

«В се же лето седшю Всеволоду Киеве, — сообщает летописец, — и тогда нача слатися к Володимеричем и ко Мьстиславичема, хотя мира с ними, и вабяше (приглашая. — *А. К,)* князя Изяслава Мьстислав[ич]а из Володиме-ря. И не въсхотеша ко Всеволоду того створити, но съсыла-хуться сами межи собою, хотяче на нь пойти Киеву».

Всеволод решил нанести упреждающий удар. Тем более что таким способом, за счет присоединения волостей Мономашичей, он мог решить и свои собственные проблемы, удовлетворить амбиции братьев. Положение киевского князя — «старейшинствующего» среди князей — давало для этого известные основания. В свое время Владимир Мономах, став великим князем Киевским, сумел присоединить к своей волости Волынь, а Мстислав Великий — даже Полоцкую землю. «Глава черниговских князей, заняв стол киевский, мог лелеять самые широкие планы, — писал один из самых проницательных исследователей древней Руси А. Е. Пресняков, — мог чувствовать себя призванным к объединению… отчин старших Ярославичей в одной политической системе, построенной в духе Мономаха, но на более широком основании… И Всеволод Ольгович делает попытку вступить на путь Мономаха… попытку безнадежную, так как не имел он на самом деле ни одной из тех опор, на каких покоилось положение Мономаха: ни в солидарности своей семьи, ни в перевесе сил над другими князьями, ни в сочувствии населения…»{131}

Летом 1139 года «нача» Всеволод Ольгович «замышляти на Володимериче и на Мстиславиче, надеяся силе своей и хоте сам всю землю держати с своею братьею», — свидетельствует летописец{132}. Причем Всеволод чувствовал себя достаточно

сильным для того, чтобы начать военные действия одновременно на нескольких направлениях, препятствуя тем самым объединению князей «Мономахова племени». Его двоюродный брат Изяслав Давыдович вместе с половецкими отрядами двинулся к Владимиру-Волынскому, против князя Изяслава Мстиславича. Сам же Всеволод с братом Святославом выступил к Переяславлю, где княжил Андрей Владимирович Добрый.

Однако ни на одном из этих направлений успех не был достигнут. Посланное на Волынь войско дошло только до Горыни — пограничной реки между Киевской и Волынской землями и, «пополошившеся», повернуло обратно. Испугала ли их угроза ответных действий Изяслава Мстиславича, или же переполох случился по другой причине, летописи не объясняют.

Самому Всеволоду также не удалось добиться успеха. Он потребовал от Андрея добровольно оставить Переяславль и перейти на княжение в Курск (младший брат Всеволода Ольговича, князь Глеб Курский, умер осенью 1138 года). В Переяславле же должен был сесть на княжение Святослав Ольгович.

Трудно сказать, на что надеялся Всеволод. Может быть, на миролюбие и уступчивость Андрея, отнюдь не стяжавшего себе славу грозного воина? Тем более что одновременно Всеволод угрожал войной и Вячеславу Туровскому, и Ростиславу Смоленскому, и даже Юрию Суздальскому, так что надеяться на помощь братьев и племянников Андрею не приходилось. Но если так, то Всеволод явно просчитался. Добровольный отказ от «отчего» Переяславля лег бы несмываемым пятном позора и на самого Андрея Владимировича, и на все его семейство. Переяславль оставался родовым гнездом Мономашичей, их «отчиной» и «дединой», и Андрей — а вместе с ним и его дружина — готов был умереть за него.

Летописи сохранили его исполненный достоинства ответ на требование Всеволода Ольговича: «Лепьши ми того смерть и с дружиною на своей отцине и на дедине взяти, нежели Курское княжение. Отець мои Курьске не седел, но в Переяславли. Хочю на своей отчине смерть прияти. Оже ти, брате, не досыти волости, всю землю Рускую дьржачи, а хо-щеши сея волости, а убив мене, а тобе волость. А жив не иду из своей волости». (Впоследствии слова эти стали едва ли не поговоркой. Даниил Заточник, автор знаменитого «Слова», или «Моления» (XII или XIII век), повторял их, ссылаясь почему-то на князя Ростислава — вероятнее всего, Ростислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого: «Не лгал бо ми Ростислав князь: “Лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение”; такоже и мужеви: лепше смерть, ниже продолжен живот в

нищети…»[133])

Слова Андрея были подтверждены делом. Когда Святослав Ольгович с войском подошел к Переяславлю (Всеволод остался на Днепре), он был наголову разбит дружиной Андрея. Переяславский князь не велел своим воинам преследовать бегущего противника, и на следующий день, 31 августа, князья стали заключать мир. Но и здесь не обошлось гладко. Андрей целовал крест 31 августа, Всеволод же должен был сделать это на следующий день. Однако в ночь на 1 сентября Переяславль загорелся. Произошло это «не от ратных», замечает летописец, а случайно, по неосторожности. На Всеволода Ольговича случившееся произвело сильное впечатление. Он не послал войско захватывать беззащитный город (как ему советовали), но целовал крест Андрею, выговорив при этом: «…то ми был Бог дал, оже ся есте сами зажгли; аже бы лиха хотел, то что бы ми годно, то же бы створил. А ныне целовал еси хрест ко мне: аже исправишь, а то добро, не исправишь ли, а Бог будет за всим».

Андрей «исправил», то есть признал Всеволода великим князем Киевским и не пытался воевать с ним. С этого времени между князьями установились добрые отношения. В конце того же года князья совместно заключили мир с половцами у Малотина (в Переяславской земле). Возможно, тогда же Андрей договорился со своим недавним соперником и неудавшимся претендентом на переяславский стол Святославом Ольговичем о заключении династического союза: впоследствии сын Андрея Владимир возьмет в жены дочь Святослава[26].

Примирился Всеволод Ольгович и с Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем, хотя и не сразу. Дядя и племянник направили своих послов к киевскому князю, также признавая его права на великое княжение. «Всеволод же не хоте учинити воле их, и последе съдумав, оже ему без них нелзе быти, и дав им прошение их, и крест к ним целова». Во многом этому способствовала позиция киевлян, благожелательно настроенных к князьям «Мономахова племени». Мир с ними упрочивал положение Всеволода Ольговича в Киеве лучше, чем недавние подарки и щедрое угощение.

* * *

Единственным непримиримым противником киевского князя оставался Юрий Долгорукий. В те самые дни, когда Всеволод Ольгович с братом Святославом намеревался идти к Переяславлю, он, в свою очередь, готовился к походу на Киев. Для

этого Юрий объединился со своим племянником Ростиславом Смоленским. Прежняя неприязнь к Мстиславичам, обиды, чинимые теми и другими, казалось, были забыты. В августе 1139 года Юрий лично прибыл в Смоленск. Именно отсюда он обратился к новгородцам, призывая их к участию в походе. Однако новгородцы ответили отказом. Более того, 1 сентября сыну Юрия Ростиславу пришлось бежать из Новгорода к отцу.

Для Юрия это был очень чувствительный удар, фактически сорвавший все его планы относительно будущей войны. Вероятно, и Ростислав Мстиславич без новгородской помощи отказался выступить против Всеволода Ольговича. Разгневанный Юрий вместе с сыном и дружиной вынужден был возвращаться в Суздальскую землю. По пути он захватил Новый Торг (нынешний Торжок) на реке Тверце — форпост Новгорода у самой границы с Суздальской землей{134}.

Так Юрий потерпел двойную неудачу. Во-первых, на неопределенное время для него был потерян Киев, во-вторых, — Новгород. Правда, какие-то сторонники суздальского князя в Новгороде остались, и рычаги воздействия на этот город — в том числе и экономического характера — были сохранены.

Тем временем новгородцы послали в Киев за Святославом Ольговичем, однажды уже сидевшим на княжении в их городе. Святослав прибыл в Новгород с большим опозданием, 25 декабря. Однако уже вскоре он сумел вызвать к себе неприязнь новгородцев какими-то своими «злобами» и «насильем» (выражения киевского летописца). В заточение в Киев были высланы бывший новгородский посадник Константин Микульчич и некоторые другие мужи; ряд видных новгородцев, опасаясь расправы, бежали в Суздаль к князю Юрию Владимировичу. Среди них были сын бывшего новгородского посадника Иванка Павловича Судило, в будущем сам посадник, а также еще один будущий посадник Нежата Твердятич. Всех их Юрий охотно принял.

Да и самому Святославу сидеть в Новгороде стало неуютно. Он обратился к брату с просьбой заменить его на новгородском столе. Всеволоду это было только на руку. Он решил послать в Новгород своего сына, тоже Святослава.

В феврале 1141 года{135},[27] новгородцы отправили в Киев представительное посольство из многих «лепших людей» во главе с епископом Нифонтом для встречи княжича. Святослава же Ольговича задержали в городе: «А ты пожиди брата, то же поидеши». Однако ночью, тайно, князь бежал из Новгорода вместе с женой и дружиной. С ним бежали новгородский посадник Якун Мирославич и его брат Прокопий. Обоих по пути

перехватили и вернули в город, где, по свидетельству летописца, избили «мало не до смерти», раздели, «яко мати родила», и сбросили с новгородского моста; «нъ Бог избави, прибрьде к берегу». Затем бывшего посадника и его брата еще и ограбили и отправили в заточение «в Чудь»: «оковавъше и руце к шьи (к шее. — *А.К.)*». Князь Юрий Владимирович сумел вызволить обоих из заточения и вместе с их женами и детьми вывез к себе в Суздальскую землю: «и у себе я дьржаше в милости»{136}. Святославу же Ольговичу через Полоцк и Смоленск удалось вернуться на Русь.

Известие о задержании брата в Новгороде заставило Всеволода Ольговича задуматься над тем, стоит ли отправлять в столь неспокойный город сына. Но тут в Киев как раз явилось посольство во главе с епископом Нифонтом. Какие-то гарантии, по-видимому, были даны, и Святослав Всеволодович вместе с новгородскими послами двинулся в путь. Когда они были в Чернигове, новгородцы внезапно переменили свое решение. Вероятно, к этому времени в городе возобладали противники черниговских Ольговичей, воодушевленные расправой с посадником Якуном. «Сдумавше» (то есть посовещавшись), новгородцы заявили Всеволоду: «Не хочем сына твоего, ни брата, ни племени [вашего, но хочем племени] Володимеря». Конкретно новгородцы просили Всеволода отпустить на княжение в их город князя Святополка Мстиславича. Последний не имел к тому времени собственного княжеского стола и потому вполне подходил новгородцам.

Всеволод категорически отказался от этого плана. Более того, он немедленно вернул новгородское посольство в Киев. Все, включая епископа Нифонта, были задержаны. В темницу бросили также новгородских купцов, оказавшихся в Южной Руси. Нифонту и его спутникам пришлось провести под стражей всю весну, лето, осень и начало зимы 1141/42 года. С Мстиславичами же Всеволод заключил особый договор. «Не хотя перепустити Новагорода Володимерю племени», он передал своим шурьям Берестье (нынешний Брест), на западе Русского государства, при условии их отказа от притязаний на Новгород{137}.[28]

Ссора новгородцев с великим князем оказалась на руку Юрию Долгорукому. Мы уже видели, что он внимательно следил за новгородскими событиями, охотно принимал у себя и держал «в милости» беглецов из этого города — причем как решительных противников черниговских Ольговичей, так и их сторонников. Как и несколько лет назад, суздальский князь предпринял шаги и для экономической блокады Новгорода. Это было сделать тем проще, что он, по-видимому, удержал в своих руках Новый Торг, через

который в основном и шло снабжение Новгородской земли хлебом.

Новгородцы продержались без князя девять месяцев. В городе опять начались перебои с продовольствием. И «не стерпяче безо князя седити, ни жито к ним не идяше ни от-куду же», — свидетельствует суздальский летописец. Сначала новгородцы призвали из Суздальской земли бежавших туда Судилу Иванковича, Нежату Твердятича и некоего Страшко. На вече посадничество вручили Судиле. Затем было отправлено посольство к суздальскому князю. «Шедше к Гюргеви [и] рекоша: “Оже к нам не пустит Олговичь Свято-полка, а мы Олговича не хочем, а любо к нам сам пойди, любо сына пусти”». Юрий сам не пошел, но согласился отпустить сына — все того же Ростислава, уже занимавшего однажды новгородский стол. «В то же лето вьниде Ростислав Гюргевиць Новугороду на стол, месяца ноября в 26»{138}.

Как видим, приглашение Ростислава Юрьевича оказалось для новгородцев вынужденной мерой. Вече по-прежнему хотело видеть на княжеском столе Святополка Мстиславича, опасаясь крутой руки Юрия не меньше, чем черниговских князей. Но, главное, утверждение в Новгороде Юрьева сына вызвало крайнее негодование Всеволода Ольговича Киевского. Все его предыдущие действия были направлены на то, чтобы предотвратить переход Новгорода в руки Мономашичей. Теперь же этот переход состоялся, причем на княжение в Новгороде сел сын его главного врага.

Всеволод ответил незамедлительно и очень жестко. Прежде всего он захватил Городец Остерский и какие-то другие владения Юрия на юге. Разграблено было все находящееся там имущество — как суздальского князя, так и местного населения. «В то же время пойма Всеволод городы Дюргеве, коне, скот, овце, и кде чьто чюя товар», — сообщает летописец{139}.

(По сведениям авторов Никоновской летописи, «грады Юрьевы» захватывал не сам Всеволод, а его брат Игорь Ольгович{140}. По-другому излагает события В. Н. Татищев. В «Истории Российской» приводятся сведения о том, что нападению Игоря Ольговича подверглись суздальские земли. Игорь будто бы мстил за изгнание из Новгорода своего брата Святослава; «и хотя Всеволод и Давидовичи его от войны уговаривали, разсуждая, что Юрий противо их силен и не можно им противо его воевать», Игорь вместе со Святославом послали в Рязань к своему «стрыю», то есть дяде (рязанскому князю Ростиславу Ярославичу?), прося его о помощи на Юрия, «Он же им послал помочь довольную, с которым они, вступя в Юриеву Суздальскую область, множество

пожгли и попленили, понеже Юрий тогда был в Ростове, готовился на новогородцов. И хотя он, получа ведомость, немедля шел, но Ольговичи, опустоша, прежде его возвратились»{141}.)

Не менее тяжелым для Юрия по своим последствиям было другое решение Всеволода Ольговича. В сложившейся ситуации киевский князь почел за лучшее заключить договор со своим шурином Святополком Мстиславичем и разрешил тому занять новгородский стол «и своею руку» (то есть с условием признания своей власти, «из своей руки»). По сообщению хорошо информированного киевского летописца, этому поспособствовала супруга Всеволода, Мстиславна: «В то же лето посла Изяслав (Мстиславич. — *А.К.)* к сестре своей, рече: “Испроси ны у зяте Новгород Великыи брату своему Святополку”; она же тако створи».

Соглашение на этот счет с новгородцами (по-прежнему насильно удерживаемыми в Киеве) было достигнуто к январю 1142 года. И это соглашение решило участь Юрьева сына. «Услышаша Новегороде, яко Святопълк идеть к ним с всеми людьми их, и яша Ростислава, и въсадиша в епископль двор». Второе княжение Ростислава Юрьевича в Новгороде продолжалось всего несколько недель. Следующие три с половиной месяца — до вступления в Новгород князя Святополка Мстиславича 19 апреля 1142 года — он провел в заточении. И лишь затем был отпущен к отцу в Суздаль. Так все планы Юрия Долгорукого по вовлечению Новгорода в орбиту своей политики, использованию его потенциала для борьбы с Всеволодом за Киев вновь обратились в ничто. Более того, он потерял Городец Остерский — свою главную базу на юге — и в очередной раз рассорился с племянниками — князьями Мстиславичами.

* * *

В конце января — самом начале февраля 1142 года Юрий получил еще одно горькое известие с юга. 22 января в Переяславле скончался князь Андрей Владимирович Добрый — самый близкий ему человек во всем Мономаховом семействе. Еще при жизни он заключил с Юрием договор, по которому братья обязались поддерживать сыновей друг друга наравне со своими собственными сыновьями. «Сыну, яз есмь с твоим отцемь, а с своим братом Андреем хрест целовал на том, яко кто ся наю останеть (то есть кто из нас останется жив. — *А.К.),* то тыи будет обоим детем отець и волость удержати», — говорил позднее сыну Андрея Владимиру сам Юрий{142}. И надо сказать, что он сдержит

свое обещание и, став киевским князем, действительно попытается «добыть» племяннику отцовскую волость — но не Переяславль, а Владимир-Волынский.

Андрей был похоронен на другой день после смерти в соборной церкви Архангела Михаила. Его погребение сопровождалось небесным знамением. «Егда же несяхуть и к гробу, — рассказывает летописец, — предивно знамение бысть на небеси: быша три солнца съяюче межи собою, а столпи трие стояще от земля до небеси, и надо всими горе (наверху. — *А.К.)* бяше, яко дуга, месяць, особь стояче; и стояша знамения та доньдеже похорониша и».

Смерть Андрея открывала для князя Всеволода Ольговича хорошие перспективы. Освободившийся переяславский стол должен был послужить разменной монетой в начатой им политической игре, в которой не нашлось места ни сыну умершего, юному Владимиру Андреевичу, ни тем более Юрию Долгорукому.

Всеволод обратился к туровскому князю Вячеславу Владимировичу с ультимативным требованием оставить свой город и перейти на княжение в Переяславль. «Седеши во Киевьскои волости, — передает его слова летописец, — а мне достоить, а ты пойди в Переяславль, отцину свою». Вячеслав послушно исполнил его волю и ушел в столь нелюбимый им город. В Туров же сел на княжение сын Всеволода Ольговича Святослав — несостоявшийся новгородский князь.

Однако это решение вызвало открытое недовольство родных братьев киевского князя — Игоря и Святослава Ольговичей. «Бысть братьи его тяжко сердце… — читаем в летописи, — волости бо даеть сынови, а братьи не надели ничим же». Всеволод созвал братию на съезд в Ольжичи близ Киева. Сюда приехали Владимир и Изяслав Давыдовичи и Святослав Ольгович. Игорь же демонстративно остановился в Городце, на некотором отдалении от Ольжичей; вскоре к нему перебрался и Святослав. Всеволод предложил братьям четыре города из вновь приобретенной Туровской волости: Берестье, Дрогичин, Черторыйск и Клецк (все на западе Русского государства), однако те потребовали себе Вятичскую землю, а на это Всеволод согласия не дал. Младших Ольговичей неожиданно поддержали и Давидовичи. Мира не получилось. «Они же реша: “Ты нам брат старишии, аже ны не даси, а нам самем о собе поискати”». Фактически это означало объявление войны.

Летописи изображают князя Игоря Ольговича главным зачинщиком раздоров и междоусобиц в годы княжения его старшего брата в Киеве. Самый беспокойный из всех

черниговских князей, он много и охотно воевал не только на Руси, но и за ее пределами, например в Польше. И это несмотря на то, что Игорь болел ногами и к концу жизни мог передвигаться только в седле, верхом. В его личной храбрости нельзя усомниться. Он способен был броситься в самую гущу боя и редко отдавал предпочтение мирному решению споров. (Так, незадолго до описываемых событий Игорь пытался силой отнять Чернигов у князей Давыдовичей, но, не добившись успеха, заключил с ними мир.) В общем, это был достойный представитель воинственного «Ольгова племени», и никому и в голову не могло прийти тогда, какая метаморфоза произойдет с ним в конце жизни и какая трагическая судьба его ожидает…

Младшие Ольговичи решили силой захватить Переяславль и напали на город. Однако взять Переяславль с ходу не удалось — город был хорошо защищен. «И много пакости створиша, села пожгоша, и жита попасоша», — свидетельствует летописец. Осада продолжалась два месяца. Всеволод Ольгович в этой войне поддержал не своих братьев, открыто поправших его волю, а Мономашичей. Он послал на помощь Вячеславу Владимировичу своего воеводу Лазаря Саковского с печенегами. (Саков — город на левом берегу Днепра, один из центров расселения «черных клобуков».) Помощь Вячеславу оказали также племянники. Изяслав Мстиславич со своим полком поспешил к Переяславлю и атаковал Ольговичей; те, «не стерпяче стояти, побегоша в городы своя». В это время Ростислав Мстиславич со смолянами захватил принадлежавшие Ольговичам Гомель и три других города. Изяслав же, развивая свой успех, вторгся в Черниговскую землю: «и повоева около Десны села их и около Чернигова, и тако повоевав волость их, възратися въсвояси с честью великою».

Но Ольговичи еще не успокоились. Игорь во второй раз напал на Переяславль, «хотяче мьстити себе». Сражение у стен города продолжалось три дня и вновь не закончилось ничем. Игорь со своей дружиной отступил в Северскую землю.

Мир между братьями удалось восстановить только князю-иноку Святоше (Святославу, в крещении Николаю) Давидовичу. Знаменитый печерский подвижник, родной брат Владимира и Изяслава Давидовичей и двоюродный — князей Ольговичей, он, единственный из всех русских князей того времени, презрев все прелести мира и достоинство княжеской власти, еще в 1107 году принял постриг в киевском Печерском монастыре. Впервые за тридцать пять лет подвижнической и полной лишений жизни Святоша по просьбе Всеволода Ольговича покинул стены обители и отправился на переговоры к братьям. Он и сообщил Игорю и Святославу условия, предложенные старшим братом: Всеволод

выражал готовность передать им к прежде названным городам еще Городец (надо полагать, Киевский, на Днепре) и Рогачев (в Туровской волости). Условие было поставлено одно: Ольговичи должны были прекратить военные действия против Мстиславичей.

Братья согласились приехать в Киев. Здесь Всеволоду удалось поссорить Игоря и Святослава с князьями Давидовичами. Он пообещал наделить Владимира и Изяслава теми волостями, которые прежде были обещаны младшим Ольговичам. Давидовичи легко согласились и «переступили хрестьное целование», ранее данное Игорю и Святославу. Позже мы еще убедимся, что неспособность держать слово, соблюдать крестное целование вообще была присуща этим князьям. В истории Юрия Долгорукого эта черта не раз даст о себе знать.

Теперь, внеся разлад между родными и двоюродными братьями, Всеволод смог «уладиться» с ними: Давыдовичи получили Берестье, Дрогичин и еще два города: Вщиж и Ормину; Игорю достались Городец, Юрьев (важный город на реке Роси) и Рогачев, а Святославу — Клецк и Черторыйск.

Нашлось решение и для переяславской проблемы. Вячеслав Владимирович, в очередной раз доказавший свою неспособность удержать этот город, «смолвился» со Всеволодом Ольговичем и уступил Переяславль своему племяннику Изяславу, а сам снова ушел в Туров. 1 января 1143 года Изяслав Мстиславич сел на княжение в Переяславле. Освободившийся же после его ухода Владимир-Волынский Всеволод Ольгович передал своему сыну Святославу, Младшие Ольговичи опять были недовольны и уговаривали брата начать войну с Мстиславичами — но тщетно. На этот раз им пришлось смириться{143}.

Так состоялся новый обмен волостями, в результате которого Мономашичи лишились еще одной территории, одной из самых экономически развитых и стратегически важных во всей Русской земле, — Волыни.

Юрий Долгорукий никакого участия в этих событиях не принимал. Зимой 1143/44 года князь Изяслав Мстиславич сам отправился в Суздаль. По всей вероятности, он должен был добиться от Юрия признания своих прав на Переяславль, а может быть, и примирить его со Всеволодом Ольговичем. Однако ничего из этого не вышло. «Тое же зимы иде Изяслав к строеви (дяде. — *А.К.)* своему Гюргю, и не уладивъся с ним, иде к брату Смолиньску»{144}. Из Смоленска Изяслав направился в Новгород к другому своему брату Святополку и, проведя там зиму, вернулся в Переяславль только весной 1144 года.

Это его путешествие окончательно определило расстановку

политических сил в Русском государстве. Юрий отказался примириться с племянниками. Все трое старших Мстиславичей — Изяслав Переяславский, Ростислав Смоленский и Святополк Новгородский — оказались в явной оппозиции к нему. Еще более враждебны Юрию были великий князь Киевский Всеволод Ольгович и его родня. Вернувшись в Переяславль, Изяслав отпраздновал свадьбу: он выдал свою дочь за сына полоцкого князя Рогволода Борисовича. На эту свадьбу в числе самых почетных гостей прибыли и Всеволод Ольгович с женой — дядя и родная тетка невесты. Переяславское торжество должно было продемонстрировать союзнические отношения между киевским и переяславским князьями. В еще большей степени это подтвердилось, когда в том же 1144 году Всеволод Ольгович организовал большой поход против галицкого князя Владимирка Володаревича, в котором приняли участие не только его родные и двоюродные братья, но и князья «Мономахо-ва племени» — Вячеслав Владимирович и Изяслав и Ростислав Мстиславичи, а также многие другие князья. Юрий Долгорукий вновь оказался в фактической изоляции в своем Суздальском «углу».

* * *

В походе на Владимирка Галицкого участвовали и младшие братья Всеволода Ольговича Игорь и Святослав. К 1144 году между ними наконец-то было достигнуто полное взаимопонимание. Главным условием, на котором Ольговичи согласились примириться со старшим братом, стало обещание Всеволода передать Игорю после себя киевский стол[29].

Под 1145 годом летопись сообщает о съезде Ольговичей и Давидовичей в Киеве. Всеволод созвал родных и двоюродных братьев для того, чтобы объявить им свою волю: после его смерти Киев должен перейти Игорю. При этом Всеволод ссылался на пример Мономашичей, сумевших сохранить за собой Киев и старейшинство в Русской земле и передать их по наследству: «Володимир посадил Мьстислава, сына своего, по собе в Киеве, а Мьстислав Ярополка, брата своего. А се я мольвлю: оже мя Бог поиметь, то аз по собе даю брату своему Игореви Киев». Владимир и Изяслав Давыдовичи, а также Святослав Ольгович целовали Игорю крест «на всей любви»; в свою очередь Игорь целовал крест братьям, «яко имети братью в любовь»{145}. Именно после этого съезда Игорь вместе с другими черниговскими князьями выступил вместо своего старшего брата в поход в Польшу, в помощь Всеволодову свату Владиславу II Изгнаннику,

враждовавшему со своими братьями Болеславом IV Кудрявым и Мешко III. Игорю удалось на время примирить польских князей; от братьев Владислава тогда же он получил для себя лично и один из городков на русско-польском пограничье — Визну на реке Нарев.

Спустя год, незадолго до смерти, Всеволод призвал к себе киевлян и потребовал от них принести присягу Игорю. Киевляне целовали крест князю. Затем то же сделали жители ближнего к Киеву Вышгорода. Однако, как показали дальнейшие события, и те и другие целовали крест неискренне («яшася по нь льстью», по выражению летописца), отнюдь не желая видеть Игоря на киевском престоле. В Киеве вообще не питали любви ни к Всеволоду Ольговичу, ни к кому иному из черниговских князей, на которых здесь смотрели как на чужаков. В последние годы жизни Всеволод переложил управление Киевом и ближними к Киеву городами на своих тиунов — в частности на неких Ратшу и Тудора; они же чинили насилия и грабежи («Ратша… погуби Киев, а Тудор Вышегород», — говорили уже после смерти Всеволода сами киевляне). К тому же предсмертное распоряжение Всеволода Ольговича показалось киевлянам донельзя обидным. «Не хоцем быти, акы в задници», — выражали они позднее свою обиду{146}, имея в виду, что не хотят быть переданными по наследству, как любое другое движимое и недвижимое имущество («задница»).

Перед самой смертью Всеволод постарался еще раз добиться подтверждения крестного целования Игорю от князей Давидовичей, а также от Изяслава Мстиславича, которого, надо полагать, опасался больше других. В Чернигов и Переяславль отправились особо близкие к нему люди: к Изяславу Мстиславичу — его зять, польский князь Болеслав Высокий (сын Владислава II, все-таки изгнанного из Польши), а к Владимиру и Изяславу Давидовичам — киевский боярин Мирослав Андреевич. «Стоите ли в хрестьном целованьи у брата своего у Игоря?» — спрашивал Всеволод родню. «Стоимы», — отвечали те.

Все это происходило в самом конце июля 1146 года. 30 июля (или, по другой летописи, 1 августа)[30] князь Всеволод Ольгович скончался[31]. Тут-то и выяснилось, что все клятвы Игорю сохраняли свою силу лишь до тех пор, пока был жив Всеволод.

ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ — КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ

О событиях в Киеве Юрий по-прежнему узнавал со значительным опозданием, хотя все происходившее там напрямую затрагивало его.

Вокняжение Игоря не устроило никого — ни киевлян, ни жителей других городов Киевской земли, ни даже князей, бывших союзниками или вассалами Всеволода Ольговича. Сразу же после смерти Всеволода в Киеве начался мятеж, который удалось «утишить» лишь князю Святославу Ольговичу. По требованию киевского веча он целовал крест и за себя, и за своего брата Игоря на том, что князья никому не будут творить «обиды» и «насилья», а киевляне и вышгородцы сами расправятся со своими обидчиками Ратшей и Тудо-ром; в свою очередь «кияне» провозгласили князьями обоих Ольговичей: «Брат твои князь и ты», «и на том целоваше вси кияне хрест и с детми, оже под Игоремь не льстити [и] под Святославом».

Тогда же Игорь отправил гонца к князю Изяславу Мстиславичу в Переяславль с известием о смерти брата и с просьбой подтвердить прежнее крестное целование. Однако ответа так и не дождался: «Он же ни ответа ему не дасть противу той речи, ни посла к нему пусти».

Как позднее заявлял сам Изяслав, он и не собирался признавать предсмертное распоряжение Всеволода, считая его незаконным. Главное же, одновременно с гонцом от Игоря в Переяславле появились тайные посланцы от киевлян, зовущие князя на великое княжение: «Поиде, княже, к нам, хощем тебе». Зачинщиками измены летопись называет виднейших киевских бояр — тысяцкого Улеба, старого воеводу Ивана Войтишича, служившего еще Владимиру Мономаху, Лазаря Саковского и других. Позднее с тем же призывом к Изяславу Мстиславичу обратились жители Белгорода и Василева — важнейших крепостей в Киевской земле — и, что еще более важно, «черные клобуки» — торки, берендеи и другие «свои поганые», населявшие Поросье (земли по реке Роси). Если князья Ольговичи были традиционно связаны с «дикими» половцами, обитателями Степи, то переяславские князья, потомки Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, могли опереться на «своих поганых» — тех же степняков, еще в XI веке расселившихся на окраинах Русской земли (в пределах Киевского и Переяславского княжеств) и несших здесь, помимо прочего, сторожевую службу. Ненависть,

которую питали друг к другу те и другие, привносила в междоусобные войны Ольговичей и Мономашичей совершенно особые формы степной жестокости.

Прежде чем принять окончательное решение, князь Изяслав Мстиславич отстоял молебен в соборной церкви Архангела Михаила и взял благословение у переяславского епископа Евфимия (он занял кафедру в 1141 году). Евфимий и освободил его от крестного целования, данного прежде Всеволоду Ольговичу. «Всеволода есми имел в правду брата стар[е]ишаго, — объявлял позднее Изяслав дружине, — за-неже ми брат и зять, старей мене, яко отець. А с сими (с Игорем и Святославом. — *А.К.),* како ми Бог дасть и сила Животворящаго креста: да любо си голову положю перед вами, любо си налезу стол деда своего и отца своего». Дружина восприняла эти слова как вполне достойные князя. Решение спора о княжении в Киеве было отдано на «Божий суд», то есть предоставлено оружию.

Собрав «воев», Изяслав выступил из Переяславля, переправился через Днепр у Зарубского брода и двинулся к Киеву. Повсюду его встречали с ликованием, У небольшого городка Дернового князь соединился с «черными клобуками» и «поршанами» (жителями Поросья), отчего его войско сразу же увеличилось в несколько раз. Сюда же прибыли и новые «мужи» от киевлян, подтверждавших свой выбор: «Ты наш князь, поеди [на] Олговичь… кде узрим стяг твои, ту и мы с тобою готови есмы». Сам же Игорь до времени ничего не знал о предательстве своих первейших воевод.

Игорь был обречен. Единственное, на кого он мог опереться, — так это на своих двоюродных братьев Давыдовичей. Он вновь просил их подтвердить свое прежнее крестное целование, а те взамен стали выпрашивать себе новые волости. Игорь обещал им все, что они просили, лишь бы Давыдовичи поскорее пришли ему на выручку. Летопись сообщает, что черниговский епископ Онуфрий — вероятно, слишком хорошо знавший нрав и привычки своих князей — особо настаивал в те дни на недопустимости нарушения крестного целования и призывал священников возвестить об этом по всем церквам: «Аще кто сего крестьное целования съступить, а проклят будеть Господьскима 12 праздникома». Но Давыдовичи все же отступились от данного на кресте слова и не пришли на помощь своему двоюродному брату. Наверное, куда раньше Игоря они увидели всю безнадежность его положения.

13 августа 1146 года у валов Киевской крепости разыгралось сражение, ставшее последним для князя Игоря Ольговича. В решающий момент киевское войско во главе с тысяцким Улебом и

воеводой Иваном Войтишичем перешло на сторону Изяслава Мстиславича; берендеи, переправившись через Лыбедь, захватили обозы Игоря у самых Золотых ворот. Игорю остались верны лишь его собственная дружина и дружины его брата Святослава и племянника Святослава Всеволодовича. «Видив же то Игорь, и Святослав, и сыновец его Всеволодичь, не смятошася, но поидоша противу Изяславу». Однако пробиться сквозь полки противника уже не было никакой возможности; Изяславовы вой теснили их со всех сторон, берендеи зашли с тыла «с саблями и почаша я сечи». Дружины Ольговичей были рассеяны и большей частью истреблены; князья обратились в бегство. Святославу Ольговичу удалось бежать за Днепр; Игорь же заехал в болота, «и угрязе под ним конь». Передвигаться самостоятельно Игорь уже не мог, «бе бо ногама болен»; он провел в болотах четыре дня, после чего его отыскали и привели к Изяславу. Новый киевский князь повелел заковать своего недавнего соперника в железа и отправил в Переяславль, где посадил в монастырь Святого Иоанна в «поруб» — монастырскую темницу без окон и дверей{147}.

Так Изяслав Мстиславич стал киевским князем. «С великою славою и честью», благодаря «Бога и силу Животворящаго креста о таковой помощи Его», он в тот же день въехал в Киев. «И выидоша противу ему множество народа, игуме-ни с черноризьци и попове всего города Киева в ризах; и приеха к Святой Софьи, и поклонися Святой Богородици, и седе на столе деда своего и отца своего». Можно сказать, что именно громкие имена отца и деда прежде всего обеспечили Изяславу победу — Киев восторженно встречал возвращение на «златой» стол представителя «Мономахова племени». Тем более что моральное торжество от победы над Ольговичами было подкреплено и материально: исполняя древний, еще родовой, обычай, Изяслав отдал на разграбление киевлянам и своей дружине все захваченное в Киеве имущество Всеволода и Игоря: «и села, и скоты, и взяша именья много в домех и в монастырех». Тогда же Изяслав примирился с сыном Всеволода Ольговича Святославом. С поля битвы тот бежал в Киев, где укрылся в Ирининском монастыре, но был вытащен оттуда и приведен к Изяславу. «И рече ему (Изяслав. — *А.К.):* “Свои ми еси сестричичь (то есть родной племянник, сын сестры. — *А.К.),* и поча и водити подле ся». Изяслав конечно же отобрал у племянника Владимир-Волынский, однако привел его к крестному целованию и дал взамен Бужск, Межибожье и Котельницу (всего пять городов на западной границе Киевского княжества). Еще со времен Витичевского съезда 1100 года эти города воспринимались как своего рода «отступное» за Владимир-Волынский.

Громкая победа Изяслава заставила призадуматься и половецких «князей». Исконные союзники князей Ольговичей, они не решились и дальше поддерживать их, но прислали своих послов к новому киевскому князю, «мира просяче». Это было на руку Изяславу, который избавлялся таким образом от угрозы половецкого нашествия.

Сложнее обстояло дело с дядей Изяслава князем Вячеславом Владимировичем. Позднее Вячеслав напоминал племяннику, что тот, едучи «биться с Игорем», обещал в случае победы передать ему Киев как старшему в роду («Яз Киева не собе ищю, — говорил, по словам Вячеслава, Изяслав, — но оно отець мои Вячьслав брат старей, а тому его ищю»){148}. Наверное, договоренность на этот счет между племянником и дядей действительно существовала. Однако, завладев Киевом, Изяслав о своих обещаниях забыл. Впоследствии он сам каялся перед дядей: «Согрешил есмь… а того ся каю… коли ми Бог дал победити Игоря у Кыева, а я есмь на тобе чести не положил»{149}. Но, возможно, Вячеслав и сам поступил не слишком обдуманно и попросту поторопил события: «надеяся на стареишиньство» и «послушав боляр своих», он, по выражению суздальского летописца, «от радости не приложив чти (чести. — *А.К.)*» Изяславу{150}. Во всяком случае, Вячеслав начал действовать так, как будто уже был великим князем: он захватил не только те города Туровской земли, которые отобрал у него Всеволод Ольгович, но и Владимир-Волынский, куда самовольно посадил на княжение другого своего племянника, юного Владимира Андреевича, сына Андрея Доброго. Такого явного попрания своих прав Изяслав не потерпел: он послал против дяди сильное войско во главе с братом Ростиславом Смоленским и «сестричичем» Святославом Всеволодовичем. Те отняли у Вячеслава Туров, причем схватили и отвели в Киев не только Вячеславова посадника Жиславича Иванковича, но и туровского епископа Иоакима. В Турове сел на княжение второй сын Изяслава Мстиславича Ярослав. Своего старшего сына Мстислава новый киевский князь посадил на княжение в Переяславль; Вячеславу же была оставлена лишь Погорина — территория по реке Горыни, пограничная между Киевской землей и Волынью{151}. С этого времени Владимир-Волынский становится «отчиной» князей Мстиславичей (вскоре Изяслав переведет сюда из Новгорода своего младшего брата Святополка).

Примирение с дядей произойдет позднее. Изяслав, кажется, вернет Вячеславу Туров, причем оставит ему и Погорину. Главным центром владений Вячеслава станет Пересопница — город на правом берегу реки Стубла (приток Горыни), на самом

западе Киевской земли. В последующей войне между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким Вячеслав поначалу будет поддерживать не брата, а племянника. Но обиду на племянника так и не простит и позднее, уже после поражения Изяслава, с готовностью перейдет на сторону Юрия.

Без особых усилий удалось Изяславу Мстиславичу договориться и с Давыдовичами. Черниговские князья слишком долго находились на вторых ролях, оттесненные двоюродными братьями. И теперь, после катастрофы, постигшей «Ольгово племя», они думали прежде всего о том, как бы устранить возможных соперников в борьбе за черниговский стол и заполучить их волость — Северскую землю. А потому, когда князь Святослав Ольгович с остатками дружины прибежал в Чернигов, Давыдовичи лишь на словах пообещали ему поддержку, а на деле вступили в переговоры с новым киевским князем. «Игорь како то тобе зол был, тако и нама, — передает смысл их послания к Изяславу Мстиславичу летописец, — а держи [его] твердо». Надо полагать, Давыдовичи припомнили Игорю его давнюю попытку отнять у них Чернигов. Теперь Игорю и его брату пришло время держать ответ за прежние прегрешения.

Об измене Давыдовичей Святослав Ольгович узнал в Новгороде-Северском, куда направился из Чернигова. Узнал от своего боярина Коснятка (Константина), предусмотрительно оставленного им в Чернигове. «Княже, думають о тобе, — послал Коснятко весть своему князю, — хотять яти (схватить. — *А.К.)]* аче по тя и прислета братья, не езди к нима». И действительно, Давыдовичи обратились к Святославу с более чем сомнительным предложением забрать себе Путивль (город в Северской земле, и так принадлежавший Ольговичам) в обмен на отказ поддерживать Игоря. «Ни волости хочю, ни иного чего, — отвечал им Святослав, — разве толико пустите ми брата». И тогда Давыдовичи уже в открытую решились воевать со своим двоюродным братом. «Се есве зачала дело зло, а свершиве до конца братоубиство, — такие слова вкладывает в их уста летописец, — поидеве, искорениве Святослава и переимеве волость его».

Давыдовичи испросили разрешение на войну у Изяслава Мстиславича. Тот отправил к ним своего сына Мстислава с переяславцами и берендеями и пообещал позднее лично присоединиться с главными силами. Объединенное войско выступило из Чернигова и двинулось к Новгороду-Северскому. В свою очередь к Святославу Ольговичу примкнули его двоюродный племянник Владимир Святославич (сын умершего зимой 1145/46 года муромского князя Святослава Ярославича, он был изгнан из Мурома своим дядей Ростиславом Ярославичем), а также князь-

изгой Иван Ростиславич Берладник, племянник галицкого князя Владимирка Володаревича (этот искатель приключений и авантюрист ненадолго задержится у Святослава и зимой бежит от него в Смоленск, прихватив с собой 200 гривен серебра и 12 гривен золота). Святослав послал за помощью и к половцам. Половецкая земля только что заключила мир с Изяславом Мстиславичем. Однако дядья Святослава по матери, половецкие «князья» Тюнрак и Камос Оселуковичи, вместе с тремястами всадников «вборзе» явились к Святославу. Этого было, конечно, недостаточно, но все же…

Что оставалось делать Святославу Ольговичу? Каким образом мог он помочь своему брату, томящемуся в переяславском «порубе»? И каким образом мог он помочь себе самому? Единственным князем, способным бросить вызов Изяславу, был тогда Юрий Суздальский. Он никогда не признал бы прав Изяслава Мстиславича на киевский стол и готов был бороться против всех Мстиславичей сразу. Он единственный обладал таким экономическим и военным потенциалом, который позволял ему вести борьбу за Киев. И Святослав нашел в себе силы обратиться за помощью к недавнему врагу. Той же осенью 1146 года он отправил в Суздаль к князю Юрию Владимировичу такое исполненное слезной мольбы послание: «Братама (двойственное число. — *А.К.)* Всеволода Бог поял, а Игоря Изяслав ял. А пойди в Рускую землю, Киеву, милосердовав ми, налезим брата! А яз ти еде, надеяся Бозе и силе Животворящаго хреста, буду ти помощник»{152}.

Так события приобрели новый оборот. Юрий нашел союзника, готового признать его права на киевский стол и притом достаточно сильного для того, чтобы реально помочь ему в борьбе за Киев. Больше того, Юрий нашел и моральное оправдание для того, чтобы начать войну против Изяслава. Ибо теперь он мог действовать не просто как еще один претендент на киевский стол (причем имеющий неоспоримое преимущество перед нынешним киевским князем), но как мститель за обиду, нанесенную Изяславом Мстиславичем Игорю Ольговичу.

Часть третья.
ВОЙНЫ ЗА КИЕВ.
1146-1151

ЛЕСНАЯ ЗЕМЛЯ

Что должен был почувствовать Юрий, получив известие о вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича? Наверное, досада и разочарование овладели им. Киев был возвращен в руки Мономашичей — но это случилось помимо него, без всякого его участия. Его собственный племянник, представитель младшего поколения князей «Мономахова племени», сумел обойти его, вперед него воссесть на «златой» киевский стол, взять не принадлежащее ему по праву. Все решила грубая сила — так, во всяком случае, должно было казаться Юрию. Сила, а еще — близость к Киеву, возможность следить из Переяславля за тем, что происходит в стольном городе, и вовремя оказаться в нужном месте… Увы, не он княжил в Переяславле. Ни тогда, когда Всеволод Ольгович свергал его брата Вячеслава, ни тогда, когда Изяслав Мстиславич свергал Всеволодова брата Игоря. В который раз, должно быть, сетовал Юрий на свою участь, на доставшийся ему от отца удел. Из Суздальского «залесья» он никогда не мог поспеть в Киев вовремя, а потому обречен был принимать происходившее там как свершившийся факт, как данность.

Всего двое осталось их из сыновей Мономаха — старший, Вячеслав, и он, Юрий. Но на Вячеслава надежды не было никакой. Он попытался действовать самостоятельно, не сославшись с Юрием, но прислушавшись лишь к советам своих неумных бояр. А в результате — потерпел поражение, выбыл из борьбы раньше срока, оставив Юрия один на один с зарвавшимся Изяславом. И не только он, но и их племянник Владимир, сын любимого им брата Андрея. А ведь и тот мог стать союзником Юрия, и ему Юрий бы выделил долю, получи он в свои руки Киев, о чем у них с Андреем был уговор…

Все складывалось против Юрия; все выходило не так, как ему хотелось. И потому, когда гонец от Святослава Ольговича прибыл в Суздаль, Юрий готов был принять любое предложение, которое помогло бы ему в борьбе за Киев. И Юрий ответил Ольговичу согласием на его мольбу о помощи.

…Несмотря на многолетнюю вражду, этих князей связывали не только узы родства. Троюродные братья, они женились в один день — и оба на половецких княжнах, «Аепиных дщерях». Правда, ко времени описываемых событий оба были женаты уже вторым браком, (Святослав Ольгович вторично женился в Новгороде зимой 1136/37 года, причем свадьба его ознаменовалась скандалом: новгородский епископ Нифонт по неизвестным нам причинам отказался венчать князя сам и не разрешил сделать это

новгородским священникам, так что князю пришлось венчаться «своими попы».) Но и после смерти своей первой супруги Святослав сохранил прочные связи с Половецкой землей. Внук хана Оселука, он, как и другие Ольговичи, пользовался неизменной поддержкой степных родственников. Так что, вступая в союз с ним, князь Юрий Владимирович получал возможность опереться на силу «диких» половцев — весьма грозную при умелом обращении с нею.

* * *

Летопись дважды сообщает о посольствах Святослава Ольговича в Суздаль. В первый раз, рассказывая о пребывании Святослава в Новгороде-Северском еще до того, как к нему присоединились племянник Владимир, Иван Берладник и половецкие родичи. Во второй — чуть позднее, уже после того, как объединенная рать противников Святослава — братьев Владимира и Изяслава Давыдовичей и Мстислава Изяславича — подступила к его городу. Взять Новгород-Северский, несмотря на приступ, князья не смогли. После жаркого и кровопролитного сражения, в котором пало несколько киевских бояр, они начали разорять окрестности города: «заграбиша Игорева и Святославля ста[да] в лесе… кобыл стадных 3000, а конь 1000, — перечисляет добычу княжеской рати летописец, — пославше же по селом, пожгоша жита и дворы. В то же время послася Святослав к Гюргеви…»

Юрий выразил готовность помочь своему троюродному брату — целовал крест, «яко искати ему Игоря». Однако при этом выговорил несколько условий. Во-первых, Святослав должен был признать его «старейшинство» — то есть целовать ему крест не как «брату», но как «отцу» (и это при том, что годами Святослав был старше Юрия). Во-вторых, сыну Юрия Ивану должны были перейти Курск и Посемье — те самые территории, которые некогда брат Юрия Ярополк передал брату Святослава Всеволоду и в которых после этого княжил сам Святослав. Святослав Ольгович на все условия с готовностью согласился. Он думал лишь о том, как бы выручить брата. А добиться этого без помощи Юрия не представлялось возможным.

Вопрос о киевском княжении, кажется, не поднимался. Здесь между князьями существовала некая недоговоренность. Юрий конечно же не собирался воевать за возвращение Ольговича на киевский престол; Святослав же об этом пока (может быть, только пока?) старался не думать.

В конце ноября или в декабре 1146 года Юрий, собрав свое войско, выступил в поход и направился в Черниговскую землю — на соединение со Святославом. Однако дойти ему удалось только до Козельска — небольшой крепости на реке Жиздре, в пределах Вятичской земли. Его дальнейшему продвижению воспрепятствовал великий князь Изяслав Мстиславич.

Когда Изяславу стало известно о союзе между Юрием и Святославом и о намерении Юрия принять участие в военных действиях, он немедленно отправил своих гонцов «полем» к муромскому и рязанскому князю Ростиславу Ярославичу, веля тому напасть на владения Юрия. Муромские князья имели свои счеты с суздальскими. Ростислав, двоюродный брат Ольговичей и Давыдовичей, стал муромским князем совсем недавно, после смерти в 1145/46 году родного брата Святослава. Он изгнал своих племянников, сыновей Святослава Ярославича, из княжества, а главным городом сделал Рязань, в которой княжил и раньше. На решимость Ростислава принять участие в войне, по всей вероятности, повлияло то, что изгнанные им племянники нашли пристанище у Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича (последний, напомним, принял у себя изгнанного из Мурома Владимира Святославича). Победа Юрия и Святослава неизбежно должна была поколебать позиции Ростислава Ярославича в собственном княжестве. А потому он с готовностью подчинился требованию Изяслава Киевского и принялся «стеречи» (выражение летописца) суздальские волости. Узнав об этом, Юрий немедленно повернул обратно: «И пусти Дюр-ги сына своего Иванка к Святославу, а сам узвратися из Козельска»{153}.

Теперь Юрию пришлось мстить Ростиславу за разорение собственной волости. Сам он в поход не выступил, но в январе-феврале следующего, 1147 года послал на Рязань своих сыновей Ростислава и Андрея. Ростислав Ярославич принять бой не решился и бежал в Половецкую землю. Вынужден был покинуть Рязань и его сын Глеб, которого, по сведениям поздних рязанских источников, тогда же «взяли с Рязани на Дрюческ (город Друцк, в Полоцкой земле. — *А.К.)*»*{154}*.

Есть основания полагать, что результатом этого похода стало временное подчинение Муромской и Рязанской земли суздальскому князю. На княжение в Рязань Юрий посадит союзных ему сыновей князя Святослава Ярославича — сначала Давыда, а после его смерти в следующем году — Игоря[32]. Правда, союз с Рязанью просуществует лишь до тех пор, пока сам Юрий будет оставаться в Суздальской земле. Когда же он покинет ее и уйдет на княжение в Киев (это случится в 1149 году), Ростислав Ярославич вернет себе Рязань, а ставленникам

суздальского князя придется бегством спасаться из города{155}.

Рязанские дела, естественно, отвлекли внимание Юрия. Между тем его сын Иван в декабре 1146 года привел в Новгород-Северский лишь небольшую часть отцовской дружины. Святослав Ольгович, однако, встретил князя со всевозможными почестями и торжественно объявил о передаче ему Курска «и с Посемьем». Впрочем, сын Юрия мог считаться курским князем лишь номинально. Ибо в таком качестве его не собирались признавать ни князья Давыдовичи, ни Изяслав Мстиславич, намеревавшийся вернуть Курск в состав Переяславского княжества и передать его своему сыну Мстиславу.

Давыдовичи вконец разорили окрестности Новгорода-Северского, причем разграбили и сожгли не только пригородные княжеские села со всем их добром, но и церковь Святого Георгия в Игоревом сельце (эта церковь была поставлена князем Игорем Ольговичем, носившим в крещении имя Георгий). Затем, получив известие о приближении главных сил Изяслава Мстиславича, князья двинулись ему навстречу к Путивлю и подступили к городу на Рождество Христово, 25 декабря. Взять город своими силами Давыдовичи не смогли. Однако когда у стен города появился князь Изяслав Мстиславич с киевским войском, горожане сами вышли ему навстречу. Изяслав целовал крест горожанам на том, что не будет мстить им, посадил в городе своего посадника, а Святославов двор и все хранившееся там имущество и казну отдал на разграбление. Помимо прочего, было роздано — и, надо полагать, тут же выпито — 500 берковцев меду (один берковец по весу равнялся 10 пудам) и 80 корчаг вина, хранившихся в княжеских погребах. «И церковь Святаго Възнесения всю облупиша, — бесстрастно перечисляет летописец похищенное, — съсуды серебряныя, и индитьбе (алтарные покровы. — *А.К.),* и платы служебныя, а все шито золотом, и каделниче (кадильницы. — *А.К.)* две, и кацьи (также кадильницы особой формы. — *А.К.),* и еуангелие ковано, и книгы, и колоколы, и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша, и челяди 7 сот». Как всегда, челядь (рабы) была главной добычей, которую захватывали во время походов. И не только тогда, когда в войне участвовали половцы, но и тогда, когда русские князья действовали сами по себе, без всякого участия степных наемников, и воевали со своими, русскими же…

Когда Святослав Ольгович узнал о взятии своего города и о намерении Изяслава Мстиславича Киевского лично идти к Новгороду-Северскому со всем войском, он созвал на совет дружину, а также князей Ивана Юрьевича и Ивана Берладника и своих дядьев, вождей «диких» половцев Тюнрака и Камоса

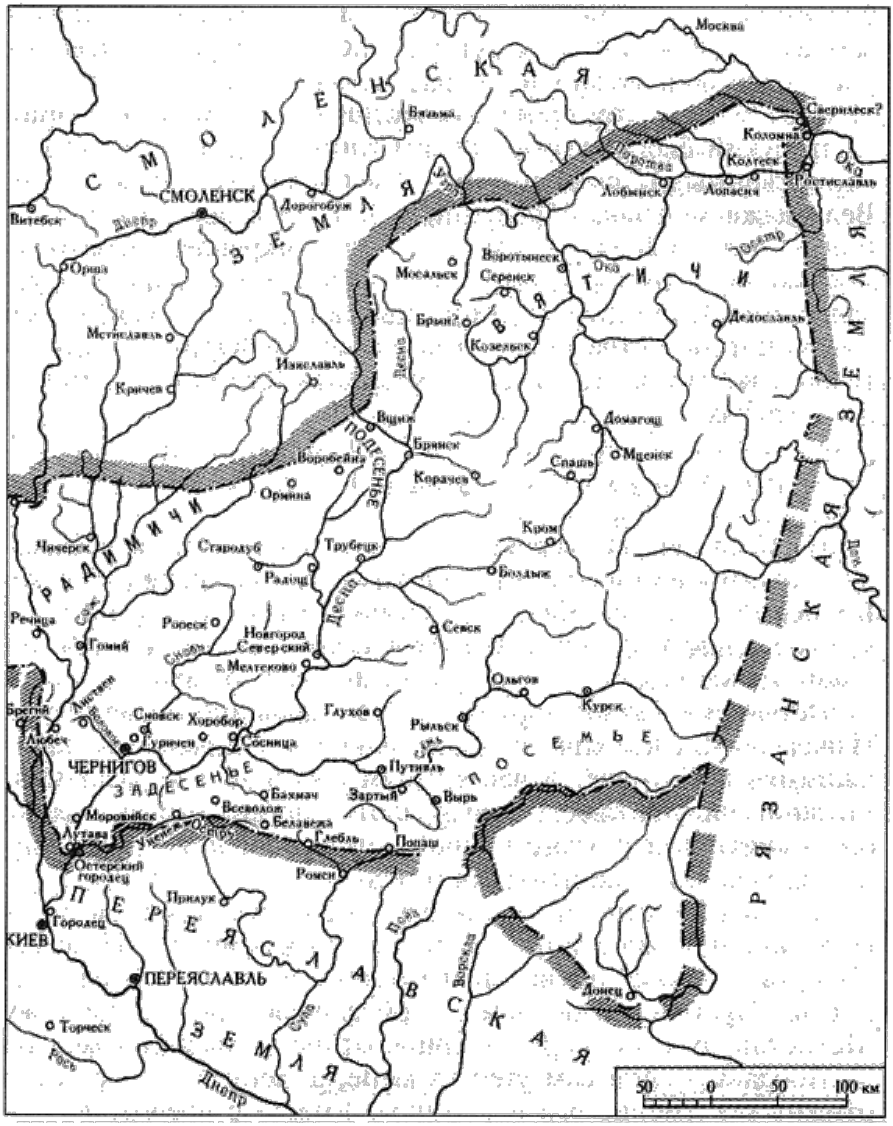
Оселуковичей. Решение было принято совместно. «Княже, — обратилась к Святославу дружина, — не стряпая (то есть не мешкая. — *А.К.)* поеди; зде ти не о чем быти: нетуть ни жита, ни что. Пойди в лесную землю, и оттуде ти ся близ слати к отцю своему Гюргеви»,

Лесная земля — это тот огромный лесной массив, по которому Суздальская земля и получила название Залесской. Он тянулся от верховий Десны (город Брянск, или, как называли его в древней Руси, Дебрянск) до устья реки Зуши, притока Оки (город Мценск), то есть покрывал территорию нынешних Брянской, Орловской и отчасти Калужской областей. Здесь начиналась земля вятичей. Это славянское племя последним вошло в состав Древнерусского государства и последним приняло христианство. Еще Владимиру Мономаху, в бытность его черниговским князем, приходилось воевать с ними. Названия многих вятичских городов так или иначе связаны со здешними лесами. Так, название города Брянска (Дебрянска) происходит от слова «дебрь» (обрыв, склон, поросший густым лесом; в современном значении просто густой, дремучий лес); название вятичского города Серенска, или Шеренска, связано с Шеренским лесом, часто упоминаемым в летописи. Через знаменитые Брынские леса некогда ездил герой русских былин «старый казак» Илья Муромец, направляясь из града Мурома к стольному Киеву. (Между прочим, исторический Илья Муромец, ставший в конце жизни иноком Киево-Печерского монастыря, по некоторым сведениям, был современником Юрия Долгорукого.) Именно здесь, в сердце древней Вятичской земли, и мнились позднейшим сказителям былин те «дороги нехожалые», среди которых свивали свои гнезда страшные «Соловьи-разбойники»…

За половину столетия, прошедшего со времен Мономаха, в Вятичской земле многое изменилось. Большая ее часть вошла в состав Черниговского и Новгород-Северского княжеств. Еще в первой четверти XII века с проповедью христианской веры сюда явился инок киевского Печерского монастыря преподобный Кукша (или Купша, как он назван в древнейшей редакции Киево-Печерского патерика). Ему удалось крестить часть вятичей, однако миссия его закончилась трагически: Кукша вместе со своим учеником был схвачен вятичами и «по многых муках усечен», то есть обезглавлен{156}. Известно, что проповедь христианства, как правило, идет рука об руку с распространением и утверждением государственной власти. Вовлечение Вятичской земли в политические и государственные структуры Русского государства с неизбежностью приводило к утверждению здесь и новой христианской веры, не знающей «ни вятича, ни

древлянина» (перефразируя слова апостола Павла), но только подданных киевских или черниговских князей. Последователи преподобного Кукши оказались более удачливыми в своей миссионерской деятельности, и христианская вера постепенно стала укореняться на этих землях — прежде всего в немногочисленных городах, оплотах княжеской власти. (То же самое мы говорили выше и относительно Ростовской и Суздальской земли, где христианство также укоренялось с трудом и также прежде всего в городах.)

Может быть, самым ярким показателем произошедших перемен стал тот факт, что с середины XII века «открылся» сквозной путь из Суздальской земли в Поднепровье «через Вятичи». Если Владимир Мономах в своем «Поучении» вспоминал о путешествии через Вятичскую землю как о настоящем подвиге, если и он сам в начале XII века, и его сын Юрий Долгорукий ездили из Киева в Суздаль и Ростов только по Днепру и по Волге, то с середины столетия можно было воспользоваться и иным, более коротким маршрутом — через Чернигов и вятичские города. Именно так, например, ездил в Киев боярин суздальского тысяцкого Георгия Шимоновича, если верить рассказу Киево-Печерского патерика[33]; именно этот путь выбрал и сам Юрий Долгорукий, выступая в 1146-м, а затем и в 1149-м, ив 1152 годах в поход против киевского князя Изяслава Мстиславича. Эта дорога, которая проходила через Путивль, Севск (города Северской земли) и далее Корачев, Серенск, Лобынск и Москву — уже вятичские города, пережила время княжеских усобиц и татарского ига и просуществовала до XVII—XVIII веков[34]. Ею и намеревался воспользоваться Святослав Ольгович.

Карта 1. Черниговско-Северская земля, включая земли вятичей (по А. К. Зайцеву).

В событиях междоусобных войн середины XII века Вятичской земле («Вятичам») вообще была отведена особая роль. Здесь развернулись основные военные действия и в 1146—1147 годах, и позднее. Не случайно подавляющее большинство вятичских городов — лежащих как в Лесной земле, так и к северу и северо-востоку от нее, — впервые упоминаются в летописи как раз в связи с этими событиями. И объясняется это просто: именно через «Вятичи» Юрий Долгорукий был связан со своим главным (а на тот момент единственным) союзником — Святославом

Ольговичем. Ведь даже призыв, обращенный к Святославу его дружиной, — идти в Лесную землю — был подкреплен необходимостью поддерживать постоянный контакт с Юрием Суздальским. Это понимали и противники новгород-северского князя, которые стремились отрезать его от Юрия, а следовательно, во что бы то ни стало удержать Вятичскую землю в своих руках.

* * *

Из Новгорода-Северского Святослав отступил к Корачеву — одному из «лесных» вятичских городов (ныне райцентр Брянской области). Часть дружины последовала за ним, но многие покинули князя. С собой Святослав вез жену и детей, а также «ятровь» — жену своего брата Игоря.

Оставшись без князя, горожане немедленно подали весть Изяславу Мстиславичу и Давыдовичам, по-прежнему находящимся в Путивле. А что еще им оставалось делать? Они могли биться за своего князя, но после его ухода должны были найти себе другого покровителя, способного в сложившихся условиях защитить их город.

В этот ответственный момент необычную для себя ретивость проявил младший из князей Давыдовичей — Изяслав. На путь воинских подвигов его толкнула элементарная жадность. «Пустите мя по немь, — обратился князь к Изяславу Мстиславичу и брату Владимиру, отпрашиваясь в поход на Святослава. — Аче сам утечеть мене, а жену и дети от него отниму [и] имение его въсхыщю». Вместе с воеводой Изяслава Мстиславича Шварном и частью дружины брата (всего три тысячи человек, включая берендеев, все на конях, без обоза) Изяслав Давыдович устремился к Севску и далее на Болдыж (близ нынешнего Дмитровска-Орловского в Орловской области) — намереваясь отрезать своему двоюродному брату путь на Корачев. Однако из этого рейда не вышло ничего, кроме конфуза. 16 января 1147 года недалеко от Корачева Святослав нанес своему двоюродному брату жестокое поражение («изиде в сретение ему… и тако Бог и сила Животворящаго хреста погна я»). Эта победа облегчила положение Святослава Ольговича, но лишь отчасти. Изяслав Мстиславич с основными силами шел вслед за своим авангардом. В течение всего следующего дня к Болдыжу лесу, где он остановился, стекались вой, бежавшие с поля брани; после полудня прибежал и сам Изяслав Давыдович. На ночь войско встало немного не доходя Корачева. Однако Святослава

Ольговича в городе уже не было. Получив известие о подходе основных сил противника, он сжег Корачев и бежал «за лес», в «Вятичи».

Преследовать Святослава дальше князь Изяслав Мстиславич не стал, предоставив это Давидовичам. Напоследок киевский князь распорядился относительно раздела будущей добычи: «Чего еста хотела волости, то вам есмь изискал (то есть: каких хотели волостей, те вам добыл. — *А.К.):* ото Новгород (Северский. — *А.К.)* и что Святославле волости, а то вама… Что же будеть Игорева в то[и] волости, челядь ли, товар ли, то мое, а что будеть Святославле челяди и товара, то разделим на части». На том князья и договорились, и Изяслав Мстиславич ушел в Киев.

Дальнейший путь Святослава Ольговича летопись очерчивает очень подробно. Преследуемый Давидовичами, он отступил к Козельску, затем к Дедославлю (ныне село Дедилов, в Тульской области), оттуда к реке Осетр, притоку Оки, и далее в Колтеск, городок на Оке, у самых границ Суздальской земли[35]. Именно на этом пути, на Осетре, его покинул Иван Берладник, прихвативший значительную часть его казны. Берладник бежал к Ростиславу Смоленскому, который обещал оказать Давыдовичам поддержку в их намерении окончательно разбить Святослава.

Юрий не оставил своего союзника без помощи. Он прислал в Колтеск тысячу бронников из белозерской дружины. Эта была внушительная сила, с которой Святослав мог действовать более решительно. «Перебрав дружину», он вознамерился идти на Давидовичей, обосновавшихся в Дедославле. Но именно в это время тяжело заболел бывший при нем князь Иван Юрьевич. Святослав не решился покинуть больного сына своего могущественного союзника: «не еха от него, ни дружины пусти». Он остался в Колтеске и даже отпустил от себя союзников половцев. Однако одного известия о подходе подкреплений от Юрия оказалось достаточно, чтобы Давидовичи прекратили преследование Святослава. По словам летописца, они призвали вятичских старейшин и предложили им самим поймать их общего врага: «Се есть ворог нама и вам. А ловите его [убити лестию и дружину его избите, а имение его] на пол[он] вама». Сами же возвратились от Дедославля в Черниговскую землю.

Так завершился первый этап войны. Как выяснилось очень скоро» это была лишь прелюдия к основному действию,

Иван Юрьевич так и не оправился от болезни. 24 февраля 1147 года, в день, когда Церковь вспоминает первое и второе обретение главы Иоанна Предтечи (а это, напомним, был небесный покровитель князя!), он скончался. Шел первый день Масленицы, время всеобщего разгула и веселья. На следующий

день в Колтеск прибыли два других сына Юрия, Борис и Глеб. Веселье сменилось для них скорбью; князья «створиста плачь велик, и тако съпрятавше тело его, идоша с ним Суждалю к отцю с жалостью».

Теперь Святослав смог наконец покинуть Колтеск. Он перешел к устью реки Протвы и остановился в городе Лобынске (у нынешнего села Дракино в Московской области). Сюда-то и пришла к нему весть от Юрия. Суздальский князь успокаивал союзника, горюющего о смерти его сына, утешал его. Создается впечатление, что Святослав больше переживал об умершем Иване, чем сам Юрий. Наверное, это не так. Юрий поддерживал своего двоюродного брата — но тем самым поддерживал и себя. А заодно твердо обещал Святославу, что смерть Ивана не прервет дружественных отношений между ними, ничего не изменит в их договоре о совместной борьбе с Изяславом Мстиславичем. «Не тужи о сыну моем, — передает слова Юрия летописец, — аще того Бог отъял, а другии ти сын пришлю». Пока же Юрий прислал союзнику «дары многы паволокою (тканями. — *А.К.)*, и скорою (мехами. — *А.К.),* и жене его, и дружину его одари по велику».

«ПРИДИ КО МНЕ, БРАТЕ, В МОСКОВ»

У Юрия имелась и другая причина для того, чтобы поддержать Святослава Ольговича в эту трудную минуту. В начале 1147 года произошло еще одно событие, сильно повлиявшее и на новгородсеверского князя, и на расстановку политических сил в Русском государстве.

5 января в Переяславле был пострижен в монахи князь-пленник Игорь Ольгович. Случилось это при следующих обстоятельствах. Заточенный в монастырский «поруб», Игорь сильно разболелся. Настолько, что уже не чаял выйти из темницы живым. Он взмолился к князю Изяславу Мстиславичу, чтобы тот позволил ему принять перед смертью монашеский постриг, к которому будто бы склонялся еще раньше. «Брате, — передает его слова летописец, — се болен есми велми, а прошю у тебе пострижения. Была бо ми мысль на пострижение еще в княженьи своем; ны[не] же у нужи сей болен есмь велми, и не чаю собе живота». Изяслав согласился: «Аще была ти мысль на пострижение, в том еси волен. Но яз тя и бес таче выпущаю (то есть и без того выпускаю. — *А.К.),* болести деля твоей». Насколько искренними были последние слова князя, сказать трудно. Но теперь пути к отступлению не было ни у него, ни у самого Игоря. Посланцы Изяслава Мстиславича прибыли в Переяславль и повелели разломать верх темницы. Только таким способом узника смогли вытащить наружу. Больше недели Игорь находился между жизнью и смертью, не мог ни пить, ни есть, и лишь на восьмой день «ему Бог душю вороти». Обряд пострижения совершил переяславский епископ Евфимий, после чего Игоря под охраной препроводили в Киев, в монастырь Святого Феодора{157}.[36] Здесь князь-инок принял схиму. Вместе с новым статусом он получил и новое имя — Гавриил (оно известно нам из поздних черниговских синодиков[37]).

Принятие монашеского пострига воспринималось в те времена в буквальном смысле как смерть для всего остального мира. Игорь терял статус князя, переставал быть претендентом на какой-либо стол (не только киевский, но и любой другой). Получив известие о случившемся (конечно же с некоторым опозданием), Святослав Ольгович должен был испытать жестокое потрясение, почувствовать острую жалость к своему брату. Несколько по-другому смотрели на это Давидовичи, для которых одним соперником в борьбе за черниговское наследство становилось меньше. Но и на них пострижение двоюродного брата не могло не произвести тягостного впечатления. Тем более

что Игорь, даже став монахом, находился в Федоровском монастыре фактически на положении пленника.

Почему Изяслав не отпустил его из Киева? Только ли потому, что он враждовал с братом Игоря Святославом, а черниговские князья Давыдовичи и сами были настроены не слишком доброжелательно к Игорю? Наверное, имело место и другое: Игорь оставался в Кмеве заложником, с помощью которого Изяслав надеялся воздействовать на Святослава, принудить его к повиновению. Во всяком случае позднее, когда князья Давыдовичи в очередной раз изменят своему крестному целованию и перейдут на сторону Святослава Ольговича, они обвинят Изяслава в том, что он силой удерживает князя, ставшего иноком: «Жаль бо ны есть, брата нашего держиши Игоря, а он уже чернець и скимник, а пусти брата нашего, а мы подле тебе ездим,.».

Юрия же во всем произошедшем должен был интересовать прежде всего чисто политический аспект. С пострижением Игоря менялись условия его договора со Святославом Ольговичем. Ибо теперь борьба за возвращение Игоря к полноценной политической жизни — а именно к этому стремился Святослав — становилась бессмысленной. Но сохранялись другие цели, которые также ставил перед собой Святослав: вызволить Игоря из враждебного ему Киева, отомстить за нанесенную обиду, теперь еще более усугубившуюся. И в этом Юрий по-прежнему готов был помогать ему. Разумеется, требуя взамен выполнения прежних обязательств с его стороны.

* * *

Положение Юрия и Святослава оставалось незавидным. Более всего в сложившейся ситуации суздальского князя должна была страшить угроза согласованного выступления против него Мстиславичей и Давыдовичей. Суздальская земля была почти полностью окружена враждебными ему князьями. Святослав удерживал лишь небольшой клочок своей прежней волости у самых границ Суздальского княжества, защищая его от вторжений с юга и юго-запада. Однако Давыдовичи при поддержке Изяслава Мстиславича и особенно Ростислава Смоленского угрожали не только окончательно сломить его сопротивление, но и вторгнуться во владения самого Юрия. Еще один Мстиславич, Святополк, сидел в Новгороде, а это направление Юрий давно уже рассматривал как наиболее опасное для себя.

В общем, он точно оценивал ситуацию. Вторжение

Мстиславичей в Суздальскую землю действительно произойдет — но несколько позже. Пока же Юрий постарался опередить своих противников. Он сам вместе со Святославом Ольговичем начал наступление на новгородские и смоленские земли.

На исходе зимы или в начале весны 1147 года (пока еще не сошел снег и не началась весенняя распутица) он вторгся со своим войском в Новгородскую волость и захватил Новый Торг и Помостье (земли по реке Мете). Одновременно Юрий поручил Святославу Ольговичу начать военные действия в Смоленской земле. Святославу также сопутствовала удача. Он повоевал верховья Протвы, причем захватил в плен и вывел проживавшее там балтское племя — «людей голядь»; «и так ополонишася дружина Святославля»,

Воодушевленный успехом, Юрий пригласил своего союзника в Москву — небольшое поселение или город, располагавшееся в самом северо-восточном углу Вятичской земли, на одноименной реке, в пределах Ростово-Суздальского княжества, но в непосредственной близости от черниговских городов, в которых обосновался Святослав Ольгович. «И прислав Гюрги, рече: “Приди ко мне, брате, в Москов”»{158}. (Название города долгое время не имело устойчивого написания. Конечная буква ь в рукописи была переправлена в *у,* и получилось: «в Москову».)

Святослав отправился в путь из Лобынска «в мале дружине», взяв с собой сына Олега и племянника Владимира Святославича. Первым, 3 апреля, в Москву прибыл Олег Святославич. Юрий встретил его с почестями и одарил богатым и весьма редким подарком — «да е[му] пардус», то есть барса (или, возможно, леопарда или гепарда). Впрочем, не исключено, что Юрий подарил сыну своего союзника не самого зверя, а лишь его шкуру — но и она ценилась в те времена очень дорого.

На следующий день, 4 апреля, в пятницу «на Похвалу Святей Богородици» (то есть в канун праздника, который приходится на субботу 5-й недели Великого поста), в Москву приехал Святослав Ольгович. Князья «любезно целовастася… и тако быша весели».

Но «веселие» смешивалось с грустью, И дело было не только в том, что продолжался Великий пост, не вполне подходящий для пышных празднеств, 4 апреля исполнился сороковой день после смерти князя Ивана Юрьевича{159}. Иван находился рядом со Святославом Ольговичем в самые тяжелые для того дни; он сделался почти что его сыном и умер, можно сказать, у него на руках. И теперь вместе с Юрием Святослав должен был отдать последний долг безвременно умершему князю — отстоять последнюю, сороковую, заупокойную службу и помянуть его за трапезой[38]. А заодно решить главный для себя вопрос; кто из

сыновей Юрия заменит умершего Ивана в качестве его союзника?

Наутро, в самый праздник Похвалы Пресвятой Богородицы, был устроен праздничный пир для всех четырех князей: «Повеле Гюрги устроити обед силен, и створи честь велику им, и да Святославу дары многы с любовию, и сынови его Олгови, и Володимиру Святославичю, и муже Свято-славле учреди, и тако отпусти и…»

Это летописное известие давно уже стало хрестоматийным и приводится (с разной степенью точности) во всех книгах, посвященных истории Москвы, Ибо это первое упоминание Москвы в письменных источниках. Конечно, поселение на берегах Москвы-реки существовало задолго до того, как Юрий Владимирович пригласил сюда своих гостей. Мы уже говорили о том, что здешними «селами красными» ранее владел некий боярин Кучко, по всей вероятности, казненный Юрием. Представители княжеской администрации бывали здесь по крайней мере с конца XI — начала XII века (на территории Москвы найдена митрополичья печать времени княжения в Киеве Святополка Изяславича). Но письменная, достоверно зафиксированная источниками история будущей столицы Российского государства начинается именно с этого, столь подробно описанного летописцем обеда, данного Юрием в честь своего союзника.

* * *

Прощаясь со Святославом, Юрий твердо пообещал прислать ему другого сына взамен умершего Ивана. Выбор пал на Глеба, князя энергичного, храброго, но не всегда осмотрительного. К нему должны были перейти и права на Курск и Посемье. Глеб Юрьевич прибудет к Святославу — правда, лишь некоторое время спустя, уже летом.

Пока же Святослав вернулся к Лобынску. Затем, переправившись через Оку у Неринска (точное местонахождение этого города неизвестно), он встретил там Вербное воскресенье (13 апреля) и Пасху (20 апреля). Летописец отмечает этот факт лишь потому, что на «вербницу» умер некий 90-летний княжеский муж Петр Ильич, «добрый старец», служивший еще отцу Святослава Олегу. От старости он не мог сидеть на коне, однако князь из уважения к его сединам и в память об отце возил его с собой (черта характера, несомненно, вызывающая симпатию).

Ближе к концу весны сюда же, к Неринску, явились к Святославу 60 половцев во главе с неким Василием Половчином,

присланные его степными родичами. Оселуковичи спрашивали у Святослава «здоровия» и обещали, если возникнет надобность, «со силою прити». Надо полагать, половцы тяготились вынужденным бездействием и жаждали принять участие в очередной междоусобной войне русских, сулившей им немалую поживу.

Святослав отвечал, что надобность в половецкой помощи конечно же есть. В ожидании кочевников он занял Дедославль. Но еще раньше дядьев к нему явились другие половецкие «князья» — Токсобичи, также предложившие свои услуги. Святослав приставил к ним своих испытанных воевод — Судимира Кучебича (судя по отчеству, также половца) и Горена — и послал разорять смоленские пределы. Половцы повоевали верховья реки Угры.

С приходом половцев нависла угроза над вятичскими городами, занятыми Давыдовичами. Не дожидаясь наступления Святослава, посадники Владимира и Изяслава Давидовичей бежали из Брянска, Мценска и других городов. Так в короткое время власть Святослава Ольговича распространилась на большую часть Вятичской земли и Подесенье (земли в верхнем течении Десны). Сам он расположился в Девягорске. Этот город находился где-то между Дедославлем и Мценском, однако точное его местоположение также неизвестно{160}.

Силы Святослава с каждым днем возрастали. Вскоре в Девягорск прибыло множество половцев из орды Оселуковичей, а также бродники — предшественники будущих казаков, вольные люди, обитавшие на верхнем и среднем Дону, тогдашнем русско-половецком пограничье. Сюда же явился и князь Глеб Юрьевич, наконец-то присланный отцом.

С появлением сына Юрия Долгорукого Святослав начал действовать еще более решительно. Князья вместе с половецкими отрядами подошли к Мценску и двинулись дальше, намереваясь изгнать Давыдовичей из Северской земли. Однако под Спашью (ныне село Спасское на реке Неволоди, левом притоке Оки) их повстречали посланцы от Владимира и Изяслава Давыдовичей и Святослава Всеволодовича. Теперь черниговские князья готовы были заключить мир со Святославом Ольговичем и добровольно возвратить ему Северскую землю. «Не имей на ны в том жалобы, — обращались Давидовичи к своему двоюродному брату, — но будемы вси за один мужь. И не помяни злоб наших, а крест к нам целуй, а отцину свою възми и что есми взяли твоего, а то ти възворотим». На том князья и целовали крест. Однако взятых на себя обязательств Давыдовичи полностью не выполнили («не управиша», по выражению летописца); какие-то волости из «отчины» Святослава Ольговича так и остались у них.

О переговорах, состоявшихся под Спашью, в Киеве ничего не было известно. Пользуясь этим, Давыдовичи продолжали вести двойную игру. Старший из братьев, Владимир, отправил к Изяславу Мстиславичу брата Изяслава, теперь уже жалуясь на Святослава Ольговича и стоящего за его спиной Юрия Долгорукого: «Брате, се заял Олгович Святослав волость мою Вятиче. Поидиве на нь (пойдем на него. — *А.К.),* аже и проженеве (прогоним. — *А.К.),* то и поидеве на Дюрдев Суждаль: любо с ним мир створим, любо ся с ним бьем».

Поразмыслив, Изяслав Мстиславич стал готовиться к новой большой войне с Юрием. Тем более что вскоре от черниговских князей пришла еще одна мольба о помощи: «Земля наша погибаеть, а ты не хощеши пойти!» Коалиция князей, по мнению киевского князя, вырисовывалась вполне отчетливо: все три брата Мстиславича с киевской, смоленской и новгородской дружинами, черниговские Давыдовичи и Святослав Всеволодович. Перед такой силой Юрий не должен был устоять.

В начале сентября Изяслав созвал киевлян и свою дружину и объявил им о решении выступить в поход на Суздаль: «Се есм с братьею своею сгадал с Володимером и с Изяславом Давыдовичема и с Всеволодичем Святославом, хочем пойти на Гюргя, на стрыя своего, и на Святослава к Суждалю, занеже приял ворога моего Святослава Олговича. А брат Ростислав тамо ся с нами соимет, ать идет ко мне с смолняны и с новгородци». Однако реакция киевлян оказалась неожиданной. Они стали отговаривать князя от похода: «Княже, не ходи с Ростиславом на стрыя своего, лепле (лучше. — *А.К.)* ся с ним улади. Олговичем веры не ими, ни с ними ходи в путь». А когда Изяслав начал уговаривать их («Целовали ко мне хрест, а думу есми с ними думал, а всяко сего пути не хочю отложити»), прямо заявили: «Княже, ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя ру-кы вздаяти». Киевляне выражали готовность биться только с Ольговичем — здесь их поддержка князю была безоговорочной{161}.

Как видим, отцовское имя защищало Юрия так же, как прежде оно защищало самого Изяслава. Сын Мономаха, Юрий заранее мог опереться на поддержку (или по крайней мере на благожелательный нейтралитет) киевлян, для которых его личные качества, его личные политические цели были делом второстепенным, а его принадлежность к «Володимерю племени» — главным и определяющим. И Изяславу пришлось смириться — теперь он призывал киевлян лишь для войны с Ольговичем. «А тот добр, кто по мне пойдет!» — передает его слова киевский летописец. Киевляне охотно присоединились к княжеской

дружине — уже не по решению веча, но добровольно, по собственному выбору каждого. Как оказалось, они лучше своего князя разобрались в сути происходящего, верно определив цену обещаниям и клятвам черниговских князей. Изяслав же оставался в заблуждении относительно истинных намерений Давидовичей.

Собрав «множество вой», он выступил к Альте, затем к Нежатину и, остановившись у Русотины (все в Переяславском княжестве), послал тысяцкого Улеба в Чернигов. И только тогда ему стало известно об измене Давидовичей и мире, заключенном под Спашью. Послание Давидовичей в Киев, особенно второе («Земля наша погибаеть, а ты не хощеши пойти!»), оказалось обманом, не более чем уловкой, имевшей целью заманить Изяслава Мстиславича в западню. Черниговские князья успели вступить в сговор с Юрием Долгоруким, послав и к нему с крестным целованием о совместных действиях — уже против Изяслава Мстиславича.

Инициатива примирения черниговских князей, по-видимому, исходила от Святослава Всеволодовича, родного племянника Святослава Ольговича и двоюродного — братьев Давыдовичей. Один из будущих героев «Слова о полку Игореве», он был князем весьма изворотливым и хитрым, с молодости овладевшим искусством политической интриги. Обласканный Изяславом Киевским (напомним, также его родным дядей — по матери), Святослав заранее отпросился у него в Чернигов, на соединение с Давыдовичами, а оказавшись в городе своих предков, немедленно изменил недавнему благодетелю. Святослав Всеволодович и прежде, еще воюя против Святослава Ольговича в Вятичской земле, поддерживал с ним связь и даже извещал о намерениях Давыдовичей, с которыми действовал заодно. Тем проще ему было договориться со своим дядей тогда, когда и сами Давыдовичи склонились к миру.

Обо всем этом Изяславу и сообщил Улеб. Бывший тысяцкий Всеволода и Игоря Ольговичей, он прекрасно ориентировался в черниговских делах, имел множество друзей в городе и быстро дознался о случившемся. Его информацию подтвердили и какие-то «приятели» Изяслава Мстиславича в самом Чернигове, приславшие князю тайные вести: «Княже, не ходи оттоле никамо, ведуть тя лестью, хотять убита любо (либо. — *А.К.)* яти во Игоря место. А хрест ти целовали к Святославу Олговичю, оттоле послалися к Гюргеви с хрестом, на негоже с тобою сдумавше».

Изяслав немедленно остановил полки и отступил к верховьям Супоя. Желая удостовериться в справедливости столь неожиданных известий, он еще раз послал в Чернигов посольство. «Се есмы путь замыслили велик, — должен был сказать посол

черниговским князьям от имени Изяслава. — …А известимся и еще, ако на сем пути ни тяжи (тяжб, споров. — *А.К.),* ни которого же извета (злого умысла. — *А.К.)* ни ясти, но во правду сии путь сходити и с противными ся бити». Посол требовал от Давыдовичей еще раз целовать крест, но те отказались («Тако ли нам без лепа хрест цело-вати? Хрест бо есме целовали к тобе, а кое наша вина?»). Посол стал настаивать, убеждал, что никакого греха в том, чтобы лишний раз поцеловать крест, нет; Давидовичи же стояли на своем. И тогда посол, как ему и было велено Изяславом, прямо обвинил Давыдовичей в измене, заявил, что его князю все известно. Повисла тягостная пауза. Долгое время Давыдовичи ничего не могли вымолвить, лишь переглядывались между собой. Наконец Владимир Давыдович велел Изяславову послу выйти вон и ждать ответа за дверьми. После долгого совещания князья объявили о разрыве мира с киевским князем. «Целовали есме крест к Святославу Олговичю, — признались они, — жаль бо ны есть брата нашего…»

Так правда вышла наружу. Изяслав отослал в Чернигов мирные грамоты, на которых Давыдовичи целовали ему крест, и начал готовиться к войне уже с новыми противниками. Он немедленно известил о случившемся своего брата Ростислава в Смоленске: «Се Володимер [и] Изяслав Давыдовича хрест к нама была целовала (двойственное число. — *А.К.)* и думу думала пойти с нама на стрыя наю, и хотела со мною, лестью убити мя хотяча, но Бог и сила крестьная обуявила. А уже, брате, кде есме были думали пойти на стрыя своего, то уже тамо не ходи, но пойди семо ко мне, а тамо наряди новгородци и смолняны, ать удержать Гюргя. И к ротнико[м] ся ели (то есть сошлись с теми, кто связан ротою, клятвой. — *А.К.),* и в Рязань, и всямо».

Как видим, Ростислав Мстиславич должен был отвечать за весь «северный фронт» предстоящей войны с Юрием — не только за свой Смоленск, но и за Новгород. Какие-то «ротники» князей Мстиславичей имелись и в Рязани (очевидно, речь шла о сторонниках бежавшего из города князя Ростислава Ярославича). И если прежде предполагалось вести наступательные действия против Юрия, то теперь Ростиславу предстояло лишь сдерживать суздальского князя. Основной удар братья решили нанести по Черниговской земле.

Ростислав вообще был особенно близок с Изяславом. Отличавшийся незаурядным умом и совестливостью (редкое качество для правителя), смоленский князь был рассудителен, спокоен, как правило, предпочитал военным действиям мирные переговоры. Изяслав старался согласовывать с ним все принимаемые решения; в свою очередь Ростислав во всем

поддерживал брата. Начиная с этого времени летопись приводит тексты посланий, которыми братья обменивались друг с другом, обсуждая каждое новое событие, каждое изменение политической ситуации.

Еще одно послание с известием об измене черниговских князей Изяслав отправил в Киев. Покидая город, он оставил вместо себя своего пятнадцатилетнего брата Владимира. Младший из Мстиславичей, Владимир был рожден во втором браке своего отца и приходился остальным братьям «мачешичем», то есть сыном мачехи (под таким прозвищем — Мачешич, или Матешич, — этот князь и упоминается в летописи). Неопытность брата не слишком тревожила Изяслава — он пользовался безоговорочной поддержкой киевлян, а кроме того, мог положиться на тысяцкого Лазаря, также оставленного им в Киеве. Однако то, что случилось в городе, совершенно не входило в его планы. Известие об измене Давыдовичей вызвало настоящий мятеж, направленный — редкий случай — не против правящего князя, а, наоборот, в его защиту. Впрочем, «прокняжеская» направленность восстания, как выяснилось, особого значения не имела. По своему сценарию киевский бунт 1147 года мало чем отличался от других русских бунтов — «бессмысленных и беспощадных», по хлесткому определению Пушкина. Правда, жертвой обезумевшей толпы на сей раз стал один-единственный человек.

УБИЙСТВО ИГОРЯ

19 сентября 1147 года киевляне «от мала и до велика» собрались на площади у Святой Софии (обычное место проведения киевского веча). Речь держали Изяславовы послы, присланные князем и говорившие от его имени. Они и объявили об измене черниговских князей — Владимира и Изяслава Давыдовичей и Святослава Всеволодовича: «…Ныне же целовали потаи мене хрест к Святославу Олговичю, а к Гюргеви ся послали, а надо мною лесть учини[ли], хотели мя бо яти любо убити про Игоря, но Бог мя заступил и хрест честный, егоже ко мне целовали».

Изяслав взывал к киевлянам, требуя, чтобы те немедленно явились к нему на войну с черниговскими князьями. Ибо это война, по его словам, должна была стать не только княжеским, но и общенародным, общекиевским делом: «Пойдите по мне к Чернигову на Олговичь, доспевайте от мала и до велика: кто имееть конь, [тот на кони], кто ли не имееть коня, а в лодьи. Ти бо суть не мене одиного хотели убити, но и вас искорените».

Киевляне с готовностью поддержали своего князя: «Ради, оже ны Бог тебе избавил от великия льсти… Идем по тобе и с детми, акоже хощеши». В эту-то минуту всеобщего воодушевления и раздался чей-то злодейский призыв прежде убить Игоря, отомстить таким образом черниговским князьям за предательство: «А се Игорь ворог нашего князя и наш. Не в порубе, но в Святемь Федоре! А убивше того, к Чернигову пойдем по своем князи. Кончаимы же ся с ними!» Вспомнили и старую историю о том, как еще в 1068 году, при киевском князе Изяславе Ярославиче, из «поруба» был освобожден Всеслав Полоцкий: «… высекше… ис поруба злии они, и постави князя собе, и много зла бысть про то граду нашему». В 1068 году Всеслава освобождали сами восставшие киевляне. Непонятно было, кто мог теперь, против желания киевлян, освободить и провозгласить киевским князем их врага Игоря. Однако пример с Всеславом подействовал как нельзя лучше. Ослепленная ненавистью и жаждой крови толпа устремилась к Федоровскому монастырю.

Напрасно юный князь Владимир Мстиславич пытался остановить толпу. «Того вы брат мои не велел, — убеждал он киевлян. — Игоря блюдуть сторожи, а мы пойдем к брату». — «Ведаем, оже не кончати добромь с тем племенем ни вам, ни нам», — кричали ему в ответ. Не помогли ни окрики киевского тысяцкого Лазаря и тысяцкого князя Владимира Мстиславича Рагуила Добрынича, ни увещевания возведенного в сан

несколькими месяцами раньше киевского митрополита Климента Смолятича. (О скандальных обстоятельствах его избрания на митрополичью кафедру речь пойдет в одной из следующих глав книги.) Народ так плотно заполонил улицы, что князь Владимир, даже сев на коня, не смог пробиться через толпу и опередить ее.

Когда он явился к Федоровскому монастырю, киевляне уже выволокли Игоря из церкви, где тот стоял на обедни. С князя-инока сорвали монашескую мантию, свитку и нагого потащили к монастырским воротам. Со всех сторон раздавались возгласы: «Убейте! Убейте его!» Увидев Владимира, Игорь простонал: «Ох, брате, камо мя ведут?» Владимир, соскочив с коня, прикрыл его наготу своим плащом и вновь обратился к толпе: «Братие моя, не мозите сего ство-рити зла, ни убивайте Игоря!» Воспользовавшись минутным замешательством, он повел несчастного на двор своей матери, соседствовавший с Федоровским монастырем, однако толпа вновь накинулась на Игоря. В пылу схватки досталось и Владимиру, которого также стали избивать «про Игоря». Боярин Михаил заступился за князя; его избили в кровь, сорвали с шеи золотой крест с цепью и едва не убили насмерть. Владимиру все же удалось втолкнуть Игоря в «Мстиславль двор»; там слуги попытались укрыть его на сенях, однако толпа бросилась вслед, выломала запертые за Игорем ворота, подрубила сени, стащила Игоря вниз и принялась добивать. Еще живого, его обвязали за ноги веревками и поволокли через весь город к старому княжьему двору, насмехаясь над уже бездыханным телом. «И ту прикончаша и, и тако скончаша и Игоря князя, сына Олгова; бяшеть бо добрый и поборник отечьства своего, в руце Божий преда дух свои; и съвлекъся ризы тленьнаго человека, и в нетленьную и многострастьную ризу оболкъся Христа, от негоже и венцася, въсприем мучения нетленный венечь, и тако к Богу отиде месяца семтября в 19 в день пяток»[{162}].

Но и тело несчастного князя не было оставлено в покое. Его на телеге отвезли на Подол, «на торговище», и бросили там на поругание. Многие, однако, уже в самый день убийства взирали на Игоря как на святого. «Человеци же благовернии, — свидетельствует летописец, — приходяще, взимаху от крове его и от прикрова, сущаго на нем, на теле его, на спасение себе и на исцеление, и покрывахуть наготу те-лесе его своими одежами». Владимир, едва отойдя от случившегося, послал тысяцких Лазаря и Рагуила к телу князя. Те повелели отвезти его в церковь Святого Михаила — так называемую «новгородскую божницу». И в ту же ночь, по свидетельству летописи, Бог явил знамение над телом невинно убиенного: сами собою в церкви зажглись все свечи. Об этом рассказали митрополиту Клименту, но тот — возможно,

опасаясь нового мятежа — повелел утаить случившееся. На утро посланный митрополитом федоровский игумен Анания перевез тело Игоря в монастырь Святого Симеона, построенный еще дедом князя, Святославом Ярославичем. Там Игорь и был похоронен — уже с соблюдением подобающих обрядов[39].

И после убийства князя киевляне в большинстве своем не признавали себя виновными. Когда тысяцкий Лазарь стал укорять их, они переложили вину на черниговских князей: «Не мы его убили, но Олговичь, Давыдовича (двойственное число. — *А.К.)* и Всеволодичь, оже мыслил на нашего князя зло, хотяче погубити льстью, но Бог за нашим князем и Святая София». Позднее та же версия событий прозвучит и в окружении киевского князя Изяслава Мстиславича.

Между тем Изяслав по-прежнему пребывал с войсками у Сулоя. Когда ему сообщили о случившейся в Киеве трагедии, он, по словам летописца, прослезился, сожалея об Игоре. «Аще бых ведал, оже сяко сему быти, — с явным запозданием сетовал он, — то аче бы ми и далече того блюсти отслати, а могл бых Игоря съблюсти». Более всего киевского князя тревожило, что люди могут обвинить его в Игоревой смерти, подумать, будто бы он велел киевлянам убить его: «Но тому Бог послух, яко не повелел, не науцил». Дружина же утешала своего князя: «То, княже, Бог ведаеть и вси людье, яко не ты его [убил, но уби суть братиа его], оже хрест к тобе целовавше, и пакы ступиша, и льстью над тобою хотели учинити и убити хотяче». На том князь и успокоился. «Аже ся уже тако учинило, а тамо нам всим быти, а то уже Богови судити», — глубокомысленно изрек он и «пожаловал» киевлян, то есть отпустил им вину за совершенное злодейство.

Тогда же о гибели Игоря стало известно в Чернигове. Давидовичи немедленно известили об этом князя Святослава Ольговича. Святослав созвал свою «старейшую» дружину и со слезами на глазах объявил им о случившемся. «И тако плакася гор ко по брате своем», — констатирует летописец.

Горе Святослава поистине было безмерным. Погиб последний и самый близкий к нему из всех его братьев; погиб тот, ради кого он начал эту войну, вступил в союз с Юрием. До конца дней своих Святослав будет почитать Игоря и хранить память о нем.

Как прореагировал на это убийство Юрий Долгорукий, источники не сообщают. Однако догадаться не трудно. Наверное, он также пролил слезы, скорбя о невинно убиенном князе, послал слова соболезнования Святославу. Но еще больше в те дни его должны были заботить перспективы дальнейших совместных действий с черниговскими князьями против Мстиславичей. Смерть Игоря, казалось бы, делала невозможным примирение

между ними. Но она же меняла «правила игры», лишала Святослава Ольговича главнейшего побудительного мотива для продолжения войны в союзе с Юрием.

…Обстоятельства гибели Игоря способствовали его церковному прославлению. По крайней мере в Черниговской земле его уже вскоре после кончины стали считать святым. В 1150 году Святослав Ольгович перенесет останки брата из Киева в Чернигов и положит их у соборной церкви Святого Спаса Преображения, «в тереме»{163}. Ныне память блаженного князя-мученика Игоря Черниговского празднуется Церковью 5 июня и 19 сентября (по старому стилю).

«МИР СТОИТ ДО РАТИ, А РАТЬ ДО МИРА»

Между тем военные действия охватывали все большую территорию. Сам Юрий занимал выжидательную позицию, до времени не стремясь лично принять участие в войне на юге. Вместо него там действовал его сын Глеб, начавший реализовывать свои права на Курск и другие города Посе-мья. Возможно, это была ошибка Юрия, и он упустил время для того, чтобы вместе со своими новыми союзниками нанести Изяславу Мстиславичу решительное поражение уже в 1147 году.

В конце лета или осенью этого года Глеб Юрьевич вместе со Святославом Ольговичем и союзными половцами двинулся к Курску, где сидел сын Изяслава Киевского Мстислав. И куряне, как прежде жители Киева, отказались воевать с потомком Мономаха. «На Володимире племя, на Гюргевича, не можем рукы подьяти», — заявили они своему князю. Мстиславу Изяславичу не оставалось ничего другого, как уехать к отцу в Киев.

Так Глеб без всякого сопротивления занял Курск. Однако жители других городов Посемья его не приняли. Глебу удалось взять силой лишь небольшой городок Попашь на реке Суле — и то только после того, как к нему присоединился черниговский князь Изяслав Давыдович со своей дружиной.

Но все эти успехи носили временный характер. Инициатива принадлежала черниговским князьям лишь до тех пор, пока Изяслав Мстиславич не перестроил свои силы в соответствии с изменившейся обстановкой и не определил направление главного удара. Дождавшись полков с Волыни, Изяслав выступил к Переяславлю, а оттуда двинулся по направлению к Черниговской земле, намереваясь наказать черниговских князей. Помимо прочего, к нему присоединился полк князя Вячеслава Владимировича. Это имело не только военное, но и политическое значение, свидетельствуя о добросердечных отношениях между дядей и племянником.

Тогда же в войну с черниговскими князьями вступил брат Изяслава Ростислав Смоленский. Он сжег Любеч — важнейшую крепость на Днепре, своего рода ворота в Черниговскую землю со стороны Смоленска и Новгорода. Об этом Ростислав поспешил известить брата: «Сожди мене. Аз ти есмь зде: Любець пожегл, и много воевал, и зла есмь Олговичем много створил. А видиве оба по месту, что на[м] Бог явить». Иными словами, Ростислав просил брата подождать его и предлагал дальше действовать сообща, в соответствиии с обстановкой, «как Бог даст». Изяслав так и поступил. Он замедлил движение своих войск, и у Черной

Могилы (еще в Переяславском княжестве) его нагнал Ростислав со множеством смолян. Братья решили двигаться к реке Суле, где находились главные силы черниговских князей.

Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович со Святославом Всеволодовичем, узнав об этом, немедленно повернули к Чернигову. Большая часть половцев той же ночью покинула их и ушла в Степь — перспектива войны с основными силами русских князей не входила в их планы. О Глебе Юрьевиче летопись в этой связи не сообщает. Судя по последующим событиям, он отправился не вместе со своими союзниками к Чернигову, а к отцу в Суздаль.

Мстиславичи решили перерезать пути отступления черниговским князьям. Их авангард, состоящий из «черных клобуков» (главным образом, берендеев), устремился к Всеволожу — «перекы» (то есть наперерез) Ольговичам и Давыдовичу. Всеволож (современное село Сиволож в Черниговской области) был главным городом в так называемом Задесненье — южной части Черниговской земли, граничившей с Переяславским княжеством. Он находился в узком проходе между Припятскими и Придесненскими болотами и контролировал подступы к Чернигову с юго-востока{164}. Однако черниговские князья опередили своих противников: когда «черные клобуки» достигли Всеволожа, Давыдовичей и Ольговичей там уже не было. Мстиславичи взяли город «на щит», то есть разграбили его и захватили в плен все его население, в том числе и тех окрестных жителей, которые укрылись за его стенами. Население других черниговских городов — Бахмача, Белой Вежи Остерской, Уненежа (Нежина) — бежало к Чернигову, но было перехвачено по дороге, «на поле», и тоже попало в плен. Все названные города Изяслав повелел сжечь. После этого Мстиславичи со всеми силами двинулись к Глеблю на реке Ромен, притоке Сулы. Эта крепость, названная именем святого Глеба и находящаяся под небесным покровительством святых братьев, сумела выдержать приступ: «…и начата битися ис града, крепко бьющимся, и бишася… с заутра и до вечера, и тако Бог и Святая Богородица и святая мученика (двойственное число указывает на святых братьев Бориса и Глеба. — *А.К.)* избависта град от сильныя рати».

На этом Изяслав и Ростислав Мстиславичи пока что остановились. Начиналась осенняя распутица — время, когда военные действия с участием значительного числа всадников делались невозможными. Князья вернулись в Киев, объявив киевлянам и смолянам, чтобы те готовились к продолжению войны зимой, когда установится лед на реках. Между собой Изяслав и Ростислав договорились о разделении сфер борьбы с

Юрием и его союзниками черниговскими князьями. Летопись приводит речь Изяслава Мстиславича, обращенную к брату: «Брате, тобе Бог дал верхнюю землю, а ты тамо пойди противу Гюргеви, а тамо у тебе смол няне и новгородци и кто ротьников твоих, ты же тамо удержи Гюргя. А я ся еде оставлю, а мне како Бог да[сть] с Олговичима и с Давыдовичема».

Ростислав ушел в Смоленск. Однако еще прежде чем князья возобновили военные действия, Ольговичи и Давыдовичи нанесли упреждающий удар. В самом конце осени («како уже рекы сташа») посланные ими войска разорили Брягин — город в Туровском княжестве{165}.

* * *

Черниговские князья ждали помощи от Юрия. Однако тот не мог покинуть территорию своего княжества. Осенью того же 1147 года — очевидно, по согласованию с братьями Изяславом и Ростиславом — в поход на Суздаль выступил новгородский князь Святополк Мстиславич.

Об этом сообщает Новгородская Первая летопись: «На осень ходи Святопълк с всею областию Новъгородьскою на Гюргя, хотя на Суждаль…» Но и этот поход новгородской рати — первый после побоища на Ждане-горе — оказался неудачным: новгородцы дошли только до Нового Торга и повернули обратно «распутья деля» (из-за распутицы){166}. В свою очередь, Юрий как мог мстил новгородцам. По-прежнему удерживая в своих руках Новый Торг и Помостье, он в течение всего следующего года посылал свои отряды перехватывать новгородских данщиков (сборщиков дани) и захватил новгородских купцов, оказавшихся в его владениях, со всем их товаром. Позднее Изяслав Мстиславич будет жаловаться на Юрия: «Се стрыи мои Гюрги из Ростова обидить мои Новгород, и дани от них отоимал, и на путех им пакости дееть»{167}.

Полной торговой блокады Новгорода на сей раз не получилось, так как хлеб и прочие необходимые продукты могли поступать сюда из дружественного Смоленска и Полоцка. И все же Новгород испытывал серьезные неудобства. Как всегда в таких случаях, в городе нашлись сторонники примирения с суздальским князем (самым влиятельным из них окажется новгородский епископ Нифонт). Однако позиции Мстиславичей в самом Новгороде, да и во всем Русском государстве, были слишком сильными, чтобы можно было всерьез говорить о переходе Новгорода на сторону Юрия Долгорукого.

Тем временем князь Глеб Юрьевич вновь появился в Чернигове. По сведениям авторов Лаврентьевской летописи, он пришел сюда из Суздаля «в помочь Олговичем и, пребыв у них неколико, приде на Городок»{168}.[40] Речь идет о Городце Остерском — том самом «Гюргеве граде», который некогда был отнят у Юрия Долгорукого князем Всеволодом Ольговичем и так и не возвращен ему Изяславом Мстиславичем. Жители Городца, очевидно, признали права Юрьева сына и добровольно приняли его на княжение.

По-видимому, эти права готов был признать и Изяслав Мстиславич. Он не предпринял никаких попыток изгнать Глеба из Остерского Городца; напротив, послал к нему, приглашая в Киев. Разумеется, были даны и необходимые гарантии. Цель Изяслава кажется предельно ясной: он хотел вбить клин между отцом и сыном и, пообещав Глебу Городец (а может быть, и какие-то другие города на юге), использовать его для давления на Юрия.

Глеб поддался было на уговоры и пообещал прийти в Киев. Однако надеждам на примирение между князьями не суждено было сбыться. Юрьевич предпочел действовать по-другому — наступательно, не считаясь ни с какими правами киевского князя.

Перемену в его настроении летописец связывает с находившимся при нем отцовским воеводой Жиславом. Именно тот подговорил Глеба отнять у Изяславова сына Мстислава Переяславль — главный город волости Мономашичей, которого так настойчиво домогался Юрий Долгорукий полутора десятилетиями раньше. Жиславл обещал Глебу поддержку жителей: «Пойди Переяславлю, хотять тебе переяславци». По-видимому, он действительно вступил с переяславцами в какие-то тайные переговоры. Показательно, что в войске Глеба мы увидим некоего Станиславича — скорее всего, сына переяславского тысяцкого времен Владимира Мономаха. Во всяком случае, Глеб поверил воеводе и «вборзе» устремился к городу своих предков. Добиться успеха, однако, ему не удалось. Все разговоры о готовности переяславцев перейти на его сторону оказались ложью. Еще ночью Глеб подступил к городу, а «до заутрея» (то есть до рассвета) отступил прочь. Мстислав с дружиной и переяславцами бросился в погоню и у городка Носова на реке Руде изрядно потрепал тылы отступающего противника: «изо-имаша неколико дружины его», по выражению летописца[41]. (Рассказ о борьбе Глеба за Переяславль, по-видимому, дважды приведен в летописи — под двумя соседними годами. Во втором случае о поражении сына Юрия сказано более определенно: «не терпя противу стати», Глеб «поскочи»; «они же (князь Мстислав Изяславич с переяславцами. — *А.К.),* по-стигаюче дружину его,

изоимаша, а другыя избиша». Среди прочих попал в плен и был казнен «казнью злою» упомянутый Станиславич; «и ины многы изоимаша, а сам Глеб убеже у Городок»{169}.)

В отместку за это дерзкое нападение Изяслав Мстиславич с дружиной из берендеев сам выступил к Городцу. Глеб послал за помощью в Чернигов, однако ни Давидовичи, ни Святослав Ольгович на этот раз не могли ему помочь. В течение трех дней киевский князь осаждал Городец, после чего Глеб, «убоявся», открыл ворота: «и выеха из Городка, и поклонися Изяславу, и умирися с ним». Условием, на котором Изяслав Мстиславич оставил своему двоюродному брату Городец Остерский, очевидно, стало признание его собственных прав на Киев. Именно этого Изяслав добивался и от отца Глеба, Юрия Долгорукого. Однако хранить верность слову, данному под угрозой применения силы, Глеб не собирался. Как только Изяслав ушел от Городца, он послал к Давыдовичам с объяснениями: «По неволи есмь хрест целовал к Изяславу, оже мя был оступил в городе, а от вас ми помочи не было. Ныне же всяко с вама хочю быти и прияю вама».

Эти метания из стороны в сторону не пройдут для Глеба Юрьевича бесследно и будут стоить ему княжения в Городце.

* * *

Зима 1147/48 года выдалась необычно теплой. Только ближе к концу ее, в феврале-марте 1148 гола, Изяслав смог наконец выступить против черниговских князей. В состав его войска вошли полк его дяди Вячеслава Владимировича, владимиро-волынский полк, а также помощь, присланная его зятем венгерским королем Гезой II (1141—1162), женатым на его родной сестре Евфросинии. Основной ударный костяк, как и прежде, составляли «черные клобуки» — берендеи.

Святослав Ольгович, оба брата Давыдовича и Святослав Всеволодович укрылись в Чернигове. Изяслав Мстиславич три дня простоял возле города, на Ольговом поле, и пожег все села в окрестностях города до реки Белоус (в 6 км к западу от Чернигова). По собственным словам Изяслава, здесь была «вся жизнь», то есть все основные житницы черниговских князей; после нанесенного им урона они уже не могли вести наступательную войну против Киева или Переяславля. От Чернигова киевский князь направился к Любечу, совсем недавно разоренному его братом Ростиславом. Здесь также располагались наиболее богатые села («вся жизнь») черниговских князей. Последние вместе с союзными половцами также двинулись к

Любечу, вслед за Изяславом. Оба войска разделяла речка, малый приток Днепра. Изяслав изготовился к бою, однако перейти речку не смог — очевидно, опасаясь, что подтаявший из-за начавшейся оттепели лед не выдержит тяжести его войска. В ту же ночь начался «дождь велик велми». Лед начал «казиться» (то есть рушиться) и на самом Днепре, и Изяслав принял решение возвращаться к Киеву. Войско переправилось через Днепр, а уже на следующий день начался ледоход.

И на этот раз Изяслав Мстиславич не смог нанести черниговским князьям решающего поражения. Но это, кажется, и не было его главной целью. Он добился существенного ослабления своих противников, показал им свое явное превосходство и тем самым вынудил их задуматься о перспективах дальнейшей войны. И действительно, разорение Черниговской земли в очередной раз привело к существенным изменениям в расстановке политических сил.

Давыдовичи настояли на том, чтобы отправить к Юрию Долгорукому послание от имени всех четырех черниговских князей. Это послание содержало недвусмысленную угрозу: в случае, если Юрий и далее не будет помогать своим союзникам, те оставляют за собой право разорвать с ним союзнические отношения. «Ты еси нам хрест целовал, ако ти пойти с нами [на] Изяслава, — жаловались Давыдовичи Юрию, — се же еси не пошел. А Изяслав, пришед за Десною, городы наша пожегл, и землю нашю повоевали. А се пакы Изяслав пришед опять к Чернигову, став на Олгове поле, ту села наша пожгли оли до Любча, и всю жизнь нашю повоевали, а ты ни к нам еси пошел, [ни] на Ростислава еси наступил. Ныне же оже хощеши пойти на Изяслава, а пойди, а мы с тобою. Не идеши ли, а мы есмь в хрестьном целованьи прави. А не можем мы одини ратью погыбати». Святослав Ольгович, кажется, более других противился разрыву с суздальским князем, однако был вынужден подчиниться мнению большинства.

Как следовало поступить Юрию в этой ситуации? Его по-прежнему более всего занимали новгородские дела, и покинуть Суздальскую землю он не решился. По сведениям В. Н. Татищева, беспокоила Юрия и угроза нападения волжских болгар[42]. И все же он попытался спасти союз с Давыдовичами. Правда, попытка эта не увенчалась успехом. Более того, Юрий не только потерял союзников, но и рассорился со своим старшим сыном Ростиславом.

В описании последующих событий летописи разнятся между собой, а потому обстоятельства, при которых это произошло, остаются не вполне ясными.

Киевская летопись сообщает лишь о том, что послы, отправленные к Юрию, вернулись в Чернигов ни с чем: «не обретоша собе в нем помочи». А уже затем, значительно позднее и без всякой связи с этими переговорами, говорится о переходе Юрьева сына Ростислава на сторону Изяслава Мстиславича. По-другому излагает события суздальский летописец. По его версии, «в то же лето поиде Ростислав Гюр-гевичь и-Суждаля с дружиною своею в помочь Олговичем на Изяслава Мстиславича, послан от отца своего». Можно полагать, что эта «помочь» и была ответом Юрия на призыв черниговских князей. Однако Ростислав отказался исполнить волю отца и воевать на стороне черниговцев. Речь, с которой он обратился к дружине, словно воскрешала старые представления о родовой чести князей «Мономахова племени»: «Любо си ся на мя отцю гневати (то есть: хотя отец на меня и будет гневаться. — *А.К.),* не иду с ворогом своим. То суть были ворози и деду моему, и строем (дядьям. — *А.К.)* моим. Но пойдем, дружино моя, к Изяславу, то ми есть сердце свое (то есть к тому лежит сердце мое. — *А.К.),* Ту ти дасть ны волость»{170}.

Слова Ростислава явно напоминают те, с которыми киевляне годом ранее обращались к Изяславу Мстиславичу: они тоже указывали князю, с кем именно ему следует воевать, а с кем — заключать мир. Очень похоже, что измена Юрьева сына явилась следствием агитации князя Изяслава Мстиславича. (Прямо об этом сообщает автор Никоновской летописи: когда Ростислав был «на пути», «приидоша к нему послы от великого князя Киевскаго Изяслава Мстиславича, призывая его к себе в Киев и дая ему грады и власти».) То, что не получилось у великого князя с Глебом, получилось у него со старшим Юрьевичем.

Пожалуй, главное слово в рассказе о переходе Ростислава на сторону киевского князя — «волость». В Ипатьевской (Киевской) летописи именно этим объясняется все произошедшее: «В то же время пришел бе Гюргевич старейший Ростислав, роскоторавъся (рассорившись. — *А.К.)* с отцемь своим, оже ему отець волости не да[л] в Суждалискои земли, и приде к Изяславу Киеву, поклонився ему, рече: “Отець мя переобидил и волости ми не дал…”»

Причины, по которым Юрий отказался выделить своему сыну волость в Суздальской земле, в общем-то понятны. Создание одного удела неизбежно привело бы к появлению других, к дроблению всего Суздальского княжества. А только опираясь на ресурсы всей Суздальской земли, единой в политическом и экономическом отношении, Юрий мог продолжать борьбу за преобладание на юге и главенство во всей Руси. И потому он старался наделять сыновей волостями лишь за пределами Северо-

Восточной Руси — в Новгороде или на юге.

Изяслав Мстиславич встретил своего двоюродного брата, что называется, с распростертыми объятьями: «посла противу ему мужи свои, и пришедшю ему… и створи обед велик». Ростислав же признал его права на Киев, «старейшинство» в Русской земле. «Пришел есмь нарек Бога и тебе, зане ты еси старей нас [в] Володимирих внуцех, — с такими словами обратился он к киевскому князю. — А за Рускую землю хочю страдати (здесь: потрудиться. — *А.К.)* и подле тебе ездити». В ответ на это Изяслав и произнес ставшие позднее знаменитыми слова, которые любят повторять историки, рассуждая о характере Юрия Долгорукого и перипетиях его борьбы за Киев: «Всих нас старей отець твои, но с нами не умееть жити. А мне дай Бог вас, братию свою, всю имети и весь род свои в правду, ако и душю свою. Ныне же аче отець ти волости не дал, а яз ти даю»{171}.

Изяслав передал своему двоюродному брату Бужск, Межибожье и другие города, которые составляли прежде волость его мятежного племянника Святослава Всеволодовича. По сведениям суздальского летописца, Ростислав получил и Городец Остерский, откуда киевский князь выгнал его брата Глеба. «Иди ко Олговичам, — заявил Изяслав Мстиславич Глебу, — к тем еси пришел, ати ти дадять волость». Глебу пришлось уйти в Чернигов, а оттуда к отцу в Суздаль. «А Ростислав иде в Городець, а по городом посажа посадникы своя».

Удивительно, но и Ростислав Юрьевич, и Изяслав Мстиславич как будто забыли о существовании князя Вячеслава Владимировича, действительно «старейшего» среди князей «Мономахова племени». Как видим, понятие «старейшинства» претерпело к этому времени существенные изменения. Теперь его мог примерять на себя уже не только тот, кто был на самом деле старшим в своем роду, но и просто сильнейший, каковым и являлся Изяслав Мстиславич, Однако пройдет немного времени, и Изяславу — равно как и Юрию Долгорукому — придется вспомнить о Вячеславе и о его преимущественных по сравнению с ними правах на Киев.

Но что имел в виду Изяслав Мстиславич, давая столь нелестную характеристику Юрию Долгорукому? С кем «с нами» тот «не умел» жить? С князьями Южной Руси? С представителями «Мономахова племени»? Или же с князьями Мстиславичами, с которыми Юрий враждовал в течение всей своей жизни? Изяслав и его братья и в самом деле не могли ужиться со своим дядей, как и тот с ними, — и до того, как Изяслав Мстиславич стал киевским князем, и тем более после. Но антагонизм между князьями имел своим источником не только личные качества Юрия. Он

коренился глубже — в различных подходах к основным принципам политического устройства Руси, к понятиям «отчины» и «старейшинства», на которых Мономашичи основывали свои права на Киев.

Изяслав Мстиславич более чем кто бы то ни было другой из князей «Мономахова племени» отстаивал принцип «отчинного» владения Клевом, который был заложен Владимиром Мономахом. Его борьба за Киев была продолжением политики деда, осуществлением на практике завещания Мономаха, согласно которому Киев должен был остаться за старшей линией его потомства. Юрий же в своих притязаниях на стольный город Руси мог опираться не на завещание отца (которое лично ему ничего не сулило, кроме Суздаля и Ростова), а на прежнее, еще домономахово, представление о «старейшинстве» как безусловной основе политического строя и распределения волостей между князьями{172}. И в этом смысле Юрий не мог «ужиться» прежде всего с той линией, которую проводили в своей политике Изяслав Мстиславич и его братья.

Разрыв со старшим сыном нелегко дался суздальскому князю. Однако во всем случившемся Юрий, как ни странно, должен был увидеть для себя и положительную сторону. Его сын утвердился на юге, в том числе в «отчем» Городце Остерском. В какой-то степени это восстанавливало присутствие на юге самого Юрия. Сегодня такая трактовка событий может показаться парадоксальной, но в XII веке родственные отношения значили гораздо больше, чем политические. И если союз Ростислава Юрьевича с Изяславом Мстиславичем носил исключительно политический, а значит временный, характер, то его сыновнее отношение к отцу никуда не могло исчезнуть. Это обстоятельство, между прочим, объяснит нам, почему Юрий так болезненно воспримет последующее изгнание своего сына с юга и начнет из-за этого очередную войну с Изяславом.

Но это будет позже. Пока же уход Ростислава (к тому же с дружиной) серьезно ослабил Юрия в военном отношении и, напротив, усилил его противника. Еще более серьезным поражением стал для Юрия переход на сторону Изяслава Мстиславича черниговских князей.

Как связаны между собой очередная измена князей Давидовичей и уход в Киев Ростислава Юрьевича, не вполне ясно. Согласно летописи, черниговские князья, не дождавшись помощи от Юрия, отправили к Изяславу Мстиславичу послов, «ищюче мира». Но очень похоже, что именно известие об уже начавшихся переговорах, а следовательно, об отсутствии перспективы совместных действий с Ольговичами и Давидовичами, и

подтолкнуло Юрьева сына, направлявшегося к ним на помощь, к роковому решению.

Черниговские князья предлагали Изяславу Мстиславичу забыть о прежней вражде и снова заключить мир. «То есть было преже дед наших и при отцих наших: мир стоить до рати, а рать до мира», — убеждали они киевского князя. А далее объясняли и причины прошлой вражды, и причины, по которым теперь были готовы к миру: «Ныне же на нас про то не жалуй, оже есмы устали на рать. Жаль бо ны есть брата своего Игоря, а того есмы искали, абы ты пустил брата нашего. Аже уже брат нашь убит, а пошел к Богови, а та-мо нам всим быти, а то Богови правити. А мы доколе хочем Рускую землю губити? А быхом ся уладили». — «Братие, то добро есть хрестьян блюсти», — немедленно ответил им Изяслав. Однако принятие решения отложил до совещания с братом: «…а я дослю брату Ростиславу, и с тым пакы угадаю, и послеве (пошлем. — *А.К.)* послы свое к вам».

Ростислав Мстиславич, безусловно, склонялся к миру («Яз люблю, брате, мир», — отвечал он Изяславу), однако условием этого мира непременно ставил отказ черниговских князей от мести за Игоря: «Ныне же, брате, хрестьян деля (то есть ради христиан. — *А.К.)* и всее Рускои земли умири-ся, но оба ать ворожду про Игоря отложать и пакы того не створять… Пакы ли им про Игоря ворожду имети, то лепле с ними в рати будучи, а како ны с ними Бог дасть».

С этим Изяслав Мстиславич и послал к Давидовичам и их братии белгородского епископа Феодора и печерского игумена Феодосия. Выбор иерархов конечно же не был случайным. Епископ Феодор, по всей вероятности, являлся доверенным лицом князя Изяслава Мстиславича. Напомним, что Белгород одним из первых городов сразу же и безоговорочно поддержал князя в его притязаниях на Киев. Участвовал Феодор и в церковном соборе 1147 года, на котором на киевскую кафедру был избран ставленник Изяслава митрополит Климент Смолятич. Белгородский епископ традиционно считался викарием (заместителем) киевского митрополита. И в условиях, когда законность избрания митрополита Климента признавалась далеко не всеми, именно Феодор становился наиболее авторитетной фигурой во всей Русской церкви. И это при том, что в церковных делах того времени он лично не был слишком заметен — а значит, и не должен был вызывать ничьего особого раздражения или неприятия. Игумен же Феодосии был наиболее приемлемой фигурой для черниговских князей Владимира и Изяслава Давидовичей. Последние имели давние и устойчивые связи с Печерской обителью. В Успенской церкви Киево-

Печерского монастыря был погребен их отец, князь Давыд Святославич[173]; в киевских пещерах подвизался их родной брат Николай-Святоша. Грек по национальности, человек широко образованный в догматических вопросах, игумен Феодосии был особенно близок со Святошей (сохранился специально выполненный им для князя-инока перевод с греческого на русский язык Послания римского папы Льва I Великого константинопольскому патриарху Флавиану), а значит, мог надеяться на безусловное доверие со стороны его братьев.

Прибыв в Чернигов, владыки привели всех четырех черниговских князей — обоих Давыдовичей и обоих Святославов, Ольговича и Всеволодовича, — к крестному целованию в кафедральном Спасском соборе. Князья целовали крест на том, что им «ворожду про Игоря отложити, а Рускои земли блюсти и быти всим за один брат». Изяслав же Мстиславич целовал крест в Киеве — в присутствии тех же лиц, а возможно, еще и черниговского епископа Онуфрия или переяславского Евфимия.

Как обычно, новый союз решено было скрепить династическим браком. Правда, заключен он был несколько позже — 9 января следующего, 1149 года дочь новгород-северского князя Святослава Ольговича была выдана замуж за князя Романа, сына Ростислава Мстиславича Смоленского.

Осенью же 1148 года Изяслав Мстиславич пригласил своих новых союзников на съезд в Городец Остерский. (Дату съезда называет В. Н. Татищев — 14 сентября[174];[43] но откуда она заимствована, неизвестно.) Сюда же вместе с киевским князем прибыл и Ростислав Юрьевич. Однако черниговские князья явились далеко не в полном составе: не было северских князей — ни Святослава Ольговича, ни его племянника Святослава Всеволодовича. Это, естественно, вызвало сильное беспокойство киевского князя. «А вы есте вси хрест целовали на том, аже кто будет мне зол, то вам на того бы-ти со мною», — напомнил он Давыдовичам. Те, однако, заверили его в своей полной лояльности и готовности выполнить обещанное: «А мы вси хрест целовали на том, ако кде твоя обида будеть, а нам быти с тобою».

На этом-то княжеском съезде и было принято решение о начале новой большой войны с Юрием Долгоруким. Прошел всего год с тех пор, как Изяслав ставил в вину дяде союз со Святославом Ольговичем — своим «ворогом». Теперь Ольгович стал его союзником, и Изяслав выдвинул против Юрия новое обвинение. «Се стрыи мои Гюрги из Ростова обидить мои Новгород, и дани от них отоимал, и на путех им пакости деять, — с такими словами обратился он к черниговским князьям. — А хочю пойти на нь, и то хочю управити любо миром, любо ратью».

Решено было выступить в поход на Суздаль на зиму, «ако ледове стануть». Братья Давыдовичи и Святослав Ольгович должны были двигаться «на Вятиче» и далее к Ростову; Изяслав же — идти к Смоленску на соединение со своим братом Ростиславом Мстиславичем. Соединить все силы планировалось на Волге. «И тако обедавше, и пребывше у веселъи и у любви, и разъехашася».

Ростислав Юрьевич в войне с отцом не должен был принимать участия. Но и в Городце Остерском Изяслав Мстиславич его не рискнул оставить, отослав на время войны в Бужск и поручив «стеречь» Русскую (в данном случае Киевскую) землю: «Пребуди же тамо, доколе я схожю на отца твоего, а любо с ним мир възму, пакы ли, а како ся с ним улажю. А ты постерези земле Рускои оттоле». «Стеречь» Киевскую землю Ростиславу предстояло, вероятно, от Владимирка Володаревича Галицкого — князя весьма могущественного, независимого во всех отношениях и отнюдь не признававшего главенство над собой киевского Изяслава.

* * *

На съезде в Городце Изяслав Мстиславич не случайно говорил о Новгороде и новгородских делах. Все, что происходило в этом городе, вызывало у него сильное беспокойство.

В конце лета — начале осени 1148 года в Суздале состоялись переговоры между Юрием Долгоруким и новгородским посольством во главе с епископом Нифонтом. Об этом сообщает Новгородская Первая летопись: «В то же лето ходи арх[и]епископ Нифонт Суждалю, мира деля, к Гюргеви…»{175}

Юрий встретил новгородского владыку со всеми полагающимися его сану почестями. Он исполнил многое из того, о чем просили его новгородцы, и в частности освободил пленников, захваченных еще во время взятия Нового Торга весной 1147 года, а также новгородских купцов со всем их товаром. Однако заключить мирный договор отказался: «…и прият и с любъвью Гюрги… и новотьржьце все выправи и гость всь цел, и посла с цьстию (честью. — *А.К.)* Новугороду; нъ мира не дасть». По сведениям (или догадке?) В. Н. Татищева, Юрий настаивал на том, чтобы новгородцы взяли на княжение его сына и в дальнейшем «ротою», то есть клятвою от всего города, обязались принимать князя только из числа его наследников. Однако это условие — если оно было выдвинуто в действительности — оказалось совершенно неприемлемым для новгородцев.

По всей вероятности, состоявшиеся переговоры стали для князя Изяслава Мстиславича полной неожиданностью. Владыка Нифонт вернулся в Новгород в сентябре 1148 года (еще 1 сентября он находился в Суздальской земле). Следовательно, известие о переговорах было получено киевским князем приблизительно в те самые дни, когда он созывал князей на «снем» в Городец Остерский и рассуждал об «обидах», чинимых Новгороду Юрием.

Реакция Изяслава Мстиславича последовала незамедлительно. «Той же осенью», по свидетельству новгородского летописца, он поменял в Новгороде князя: посадил на княжение своего сына Ярослава, а брата Святополка вывел из Новгорода «злобы его ради» и перевел во Владимир-Волынский.

В чем была причина такого решения? Татищев полагал, что епископ Нифонт был послан к Юрию князем Святополком, и именно это вызвало гнев Изяслава Мстиславича: «Изяслав, великий князь, уведав, что брат его Святополк имеет с Юрием пересылку о мире без его согласия, послал в Новград сына своего Ярослава, а к новгородцам писал с выговором о их непостоянстве…»{176} Однако такое объяснение событий кажется не единственным. Связь между новгородско-суздальскими переговорами и удалением Святополка из города могла быть и иной. Епископ Нифонт был вполне самостоятельной фигурой, чтобы действовать независимо от своего князя, а воля новгородцев, как мы хорошо знаем из истории этого мятежного города, далеко не всегда совпадала с волей правящего в нем князя. Новгородский летописец отмечает какие-то «злобы» Святополка, которые и послужили причиной его удаления из города. Это обычная формулировка ухода князя — но именно в тех случаях, когда расставанию предшествовал конфликт между князем и горожанами. «Злобы» Святополка и могли стать одной из причин, подтолкнувших новгородцев к сепаратным переговорам. Тем более что зимой 1147/48 года посадничество в Новгороде вновь получил Судило Иванович — человек, безусловно благоволивший Мстиславичам, но имевший связи и в Суздальской земле и, очевидно, хорошо помнивший о том, что Юрий в свое время предоставил ему политическое убежище, когда он вместе с другими видными новгородскими боярами вынужден был бежать из Новгорода.

Но в таком случае смена князя могла объясняться не тем, что Святополк вел какую-то собственную игру за спиной старшего брата, а желанием Изяслава добиться консолидации Новгорода, сплочения новгородцев вокруг своего князя. Новгород был очень нужен Изяславу — прежде всего, как база для предстоящей войны

с Юрием Долгоруким. И его юный сын Ярослав мог способствовать консолидации Новгорода куда больше, чем Святополк, успевший за годы своего княжения рассориться с новгородцами.

Лично же для Юрия переговоры с Нифонтом имели очень важное последствие. В эти августовские и сентябрьские дни 1148 года он неожиданно для себя обрел единомышленника — тем более ценного, что принадлежал тот к враждебному ему лагерю.

Юрий давно знал новгородского владыку — по крайней мере с зимы 1135/36 года, когда тот принимал участие в примирении Мономашичей и Ольговичей после очередной войны между ними. Нифонт был постриженником киевского Печерского монастыря, причем, по некоторым сведениям, пришел в монастырь при игумене Тимофее (около 1124—1131), то есть в те самые годы, когда суздальский князь Юрий Владимирович демонстрировал свою особую близость к Печерской обители. Человек весьма образованный, поживший в Византии и знакомый с особенностями богослужения Греческой церкви, он оставил заметный след в истории Новгорода. В годы его святительства здесь развернулось активное церковное строительство, были украшены многие уже существующие храмы. Разумеется, епископ Нифонт участвовал и в переговорах с Юрием относительно посажения на новгородский стол его сына Ростислава в 1138 и 1141 годах. Теперь князь и епископ могли ближе познакомиться друг с другом. И убедиться, что на многие вещи они смотрят, в общем-то, одинаково.

Новгородский летописец сообщает, что во время своей поездки в Суздальскую землю Нифонт освятил «великим священием» церковь Святой Богородицы — возможно, суздальский кафедральный собор, перестроенный Юрием Долгоруким, или какую-то другую Богородицкую церковь в одном из городов Суздальской земли. Это был не единственный храм, в освящении которого принимал участие новгородский владыка во время своей поездки. Сохранился подлинный антиминс (напрестольный плат) с освящения еще одной местной церкви — Святого Георгия (где именно она находилась, неизвестно). Освящение совершали совместно новгородский архиепископ (именно так он именован в надписи на антиминсе) Нифонт и ростовский епископ Нестор в присутствии князя Юрия Владимировича Долгорукого. Из этой надписи нам и известна точная дата посещения Нифонтом Суздальской земли: «Жьртвьник святаго мученика Георгия, священ от Нифонта, архиепискупа Новгородьскаго, повелениемь епискупа Ростовьскъго Нестора при благочьстивемь князи Георгии, сыну

Мономахову, месяця септября в 1 в лето [6657] индикта 12»{177}. [44]

Между прочим, именование Нифонта архиепископом — самое раннее свидетельство получения новгородским владыкой этого высокого титула. Как видим, князь Юрий Владимирович и ростовский епископ Нестор признавали его за Нифонтом и оказывали ему соответствующие почести. Но из других источников мы знаем, что признание было далеко не всеобщим. Это обстоятельство представляется весьма важным для нас, свидетельствуя об особых, доверительных отношениях, установившихся между суздальским князем и новгородским архиереем. Но чтобы понять, в каких именно вопросах и в силу каких причин они оказались союзниками, надо вернуться на год с небольшим назад, к июлю 1147 года, и вспомнить об обстоятельствах, при которых на киевскую митрополичью кафедру был возведен ставленник князя Изяслава Мстиславича митрополит Климент Смолятич.

ЦЕРКОВНАЯ СМУТА

Митрополит грек Михаил покинул Киев еще в 1145 году. Он отправился в Константинополь, где и остался, отказавшись возвращаться на Русь. По свидетельству поздней Никоновской летописи, причиной отъезда стало «некое волнение», то есть княжеские распри, а уже пребывая в Константинополе, митрополит «услыша наипаче многи волны и которы в Киеве и во всей Русской земле и того ради не приложи возвратитися на свой стол»{178}. Именно так, надо полагать, расценили в Константинополе захват киевского стола князем Изяславом Мстиславичем (13 августа 1146 года) и пленение, а затем и насильственное пострижение князя Игоря Ольговича.

Известно также, что перед своим отъездом митрополит Михаил оставил некое «рукописание», согласно которому без митрополита «не достоить» вести богослужение в кафедральном киевском Софийском соборе. Такое положение дел конечно же никак не могло устроить Изяслава Мстиславича. Не рассчитывая на возвращение Михаила (который, возможно, в том же 1147 году и умер[45]) и не желая оставаться вовсе без богослужения в главном храме своего государства, киевский князь решил поставить на митрополичью кафедру русского иерарха, и притом обойтись без всякого участия Константинопольского патриархата. Во многом этому способствовала неразбериха в самом Константинополе, где после добровольного ухода с патриаршества Михаила II Куркуаса и низложения Косьмы II Аттика (26 февраля 1147 года) патриарший престол пустовал до декабря 1147 года.

Выбор князя пал на известного своей ученостью инока и схимника Зарубского монастыря Климента Смолятича. Киевский летописец дает ему исключительно высокую оценку: он «бысть книжник и философ так, якоже в Рускои земли не бяшеть». Эта характеристика подтверждается и дошедшими до нас собственными сочинениями Климента, которые обнаруживают в нем незаурядного писателя, мыслителя и полемиста.

В личности самого Климента Смолятича многое остается неясным. Так, например, исследователи по-разному объясняют его прозвище: одни видят в нем свидетельство происхождения Климента из Смоленска (тем более что имеются и другие подтверждения его особых связей с этим городом); другие считают отчеством (от имени Смолята). Не известно точно и где находился тот монастырь, в котором подвизался и принял схиму Климент: летописи знают по меньшей мере два «Заруба» в

домонгольской Руси — город на Днепре недалеко от Киева, где находился монастырь, известный позднее как Зарубский Трактомировский Успенский или Крестовоздвиженский (определенно о том, что Климент происходил именно из этого «Заруба», сообщает переписчик Ермолаевского списка Ипатьевской летописи{179}), и село в Смоленской земле. Из собственных сочинений Климента явствует, что он был блестящим эрудитом, богословом, в совершенстве владел аллегорическим методом толкования Священного Писания и не только прекрасно знал греческий язык и приемы византийской риторики, но был знаком и с так называемой схедографией — высшим курсом византийской грамматики. Полагают, что он получил образование в одном из высших учебных заведений в Византии и именно это дало ему право именоваться «философом»{180}. Позднейшие летописи называют его также «молчальником» — возможно, находясь в схиме, будущий митрополит принял на себя обет молчания.

Его поставление на кафедру всецело было инициативой нового киевского князя, который, по свидетельству летописца, и «вывел» Климента из «Заруба». В июле 1147 года по воле князя в Киеве собрался церковный собор, на котором присутствовало (по разным источникам) семь или девять епископов: Феодор Белгородский, Онуфрий Черниговский, Евфимий Переяславский, Дамиан Юрьевский, Феодор Владимиро-Волынский, Нифонт Новгородский, Мануил Смоленский, а также, возможно, Иоаким Туровский (не так давно насильно приведенный в Киев) и Косьма Полоцкий.

Мнения на соборе резко разделились. Епископы Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский (последний родом грек) решительно высказались против самой возможности избрания митрополита собором епископов. «Не есть того в законе, яко ставити епископом митрополита без патриарха, но ставить патриарх митрополита», — приводит их слова летописец. Иерархи отказывались признавать такое поставление и даже совершать службу вместе с новоизбранным митрополитом, ссылаясь при этом на «рукописание» прежнего киевского митрополита Михаила: «А не поклониве ти ся, ни служиве с тобою, зане не взял еси благословения у Святое Софьи (имеется в виду константинопольский патриарший Софийский собор. — *А.К.),* ни от патриарха. Аще ли ся исправиши, благословишися от патриарха, и тогда ти ся поклониве; ве взяла от Михаила от митрополита рукописание, яко не достоить нам без митрополита в Святей Софьи (киевской. — *А.К.)* служити»{181}.

Однако большинство собора высказалось за избрание

Климента. Решающий аргумент нашел черниговский епископ Онуфрий. «Аз сведе, — говорил он, — достоить ны поставите, а глава у нас есть святаго Климента (римского папы, принявшего мученическую смерть в Крыму на рубеже I и II веков. — *А.К.),* якоже ставять греци рукою святаго Ивана (Иоанна Крестителя. — *А.К.)».*

По всей вероятности, Онуфрий и его единомышленники в обосновании своих прав могли ссылаться на 1-е правило Апостольского собора («два или трие епископы да поставляють единаго епископа»). Однако к описываемому времени оно уже давно не действовало, и прерогатива поставления митрополита на киевскую кафедру изначально принадлежала константинопольскому патриарху. Пример же с «рукою святаго Ивана» кажется совершенно неуместным: Византийская церковь не знала такого способа поставления архиереев. По-видимому, Онуфрий имел в виду нечто другое: использование десницы святого Иоанна Крестителя в обряде поставления на царство византийских императоров. (Об этом сообщал новгородский паломник Добрыня Ядрейкович — будущий новгородский архиепископ Антоний, посетивший Константинополь около 1200 года и составивший «Книгу Паломник» — описание константинопольских святынь. По его словам, в церкви Пресвятой Богородицы в Большом императорском дворце в Константинополе хранилась десница святого Иоанна: «тою царя поставляють на царство»{182}.[46] Современные исследователи в принципе допускают возможность использования в обряде поставления императоров части мощей святого Иоанна. Как отмечает Б. А. Успенский, это «определенно вписывается в византийскую традицию»; более того, участие в этом обряде десницы святого Иоанна — той самой, которую он некогда возложил на главу Христа, — уподобляло обряд коронации обряду крещения, а самого императора — Христу{183}.) Как мы знаем, в Киеве хранилась часть этой святыни — перст святого Иоанна Крестителя, перенесенный сюда из Константинополя при князе Владимире Мономахе. Однако епископ Онуфрий предлагал воспользоваться не им, а другой, еще более чтимой киевской реликвией — главой святого папы Римского Климента, привезенной в Киев князем Владимиром Святославичем из Корсуни (где святой Климент принял мученическую смерть). Чудотворные мощи одного из первых римских патриархов, ученика святых апостолов Петра и Павла, должны были обладать в глазах просвещенных киевлян такой же дароносной и благословляющей силой в отношении киевского первоиерарха, какой обладала десница святого Иоанна в отношении

византийских царей. Обращение к ним, по мысли епископа Онуфрия, могло компенсировать очевидное отступление от канонических правил и вполне заменяло патриаршую хиротонию.

Глава святого Климента хранилась в киевской Десятинной церкви, построенной князем Владимиром вскоре после Крещения Руси. Сам святой Климент почитался как «присный заступник» всей Русской земли и особенно града Киева — «велицей митрополии же мати градом», «старейшинствующаго во градех», а также как небесный покровитель княжеского рода и всех русских людей: им, великим угодником Христовым, «рустии князии хвалятся, святители ликуют, иереи веселятся, мниси радуются, людие добродушьствуют», — говорилось в посвященном святому Клименту торжественном Слове, произнесенном по случаю обновления киевской Десятинной церкви во второй половине XI или XII веке{184}.

В событиях 1147 года как бы оживал дух первоначального русского христианства, времена Крещения, эпоха Владимира Святого. Римский святой, ставший небесным покровителем всей Руси, но не слишком почитаемый в Византии (где, насколько известно, ему не было посвящено ни одного храма), должен был зримо продемонстрировать церковную независимость Руси, способность ее князей и церковных иерархов принимать решения и без согласования с Константинополем.

Историческое событие произошло 27 июля 1147 года[47]. «Тако сгадавше, — свидетельствует летописец, — епископи [г]лавою святаго Климента поставиша митрополитом». Этот день стал двойным праздником для князя Изяслава Мстиславича. Он настоял на своем, добился избрания на киевскую кафедру человека, лично обязанного ему, и притом русского, а не грека. И — конечно же не случайно — выбрал для этого день памяти своего собственного небесного покровителя — святого великомученика и целителя Пантелеймона (это имя князь Изяслав Мстиславич носил в крещении). Святой Пантелеймон, наряду со святым Климентом Римским — небесным покровителем нового киевского митрополита, — становился еще одним участником киевских торжеств, освящал их своим незримым присутствием.

Климент Смолятич стал вторым в русской истории киевским митрополитом русином — после Илариона, возведенного на кафедру в 1051 году князем Ярославом Мудрым.

Однако с самого начала юрисдикция Климента Смолятича могла распространяться только на те области Руси, в которых признавалась власть киевского князя Изяслава Мстиславича. Даже в самом Киеве святитель не пользовался должным

авторитетом — ход киевского восстания 1147 года показал это со всей очевидностью. Ни Юрий Долгорукий в Суздале и Ростове, ни Владимирко Володаревич в Галиче, ни Святослав Ольгович в подвластных ему землях не собирались признавать его в качестве законного иерарха. Ростовский епископ Нестор, во всем разделявший взгляды своего князя, даже не счел для себя возможным присутствовать в Киеве на соборе 1147 года. Хуже того, Климента не признали и некоторые из тех иерархов, которые представляли княжества, лояльные или даже союзные князю Изяславу Мстиславичу. Так, епископ Нифонт Новгородский открыто отказался совершать совместные богослужения с Климентом и поминать его имя на литургии. Для него Климент оставался всего лишь самозванцем и узурпатором митрополичьего престола. Нифонта поддержали смоленский епископ грек Мануил, которому, по выражению летописца, приходилось «бегать перед Климом», и, вероятно, полоцкий епископ Косьма. Точно так же смотрели на самозваного митрополита и в Константинополе. Патриарх Николай IV Музалон, вступивший на константинопольский престол в декабре 1147 года, решительно поддержал епископа Нифонта в его противостоянии «злому аспиду» Клименту.

Это означало раскол Русской церкви.

Климент всеми силами старался произвести благоприятное впечатление на участников церковной полемики и переманить колеблющихся на свою сторону. Известно, например, о его переписке со смоленским князем Ростиславом Мстиславичем. Сохранился текст его послания смоленскому пресвитеру Фоме («Послание, написано Климентом, митрополитом рускым»), в котором он пытался снять с себя обвинения в тщеславии и славолюбии, доказать, что не стремится к власти, но лишь подчиняется обстоятельствам и Божьей воле. (Правда, послание это дошло до нас в испорченном виде: отдельные его части перепутаны местами, а само оно, как явствует из заголовка, было истолковано неким «Афанасием мнихом», и потому трудно судить, что в сохранившемся тексте принадлежит Клименту, а что — его позднейшему толкователю{185}.) И все же текст этого послания показывает киевского митрополита человеком волевым и решительным, отнюдь не лишенным честолюбия и умеющим утвердить свою точку зрения и убедить оппонента в собственной правоте.

«…Ты говоришь мне, что я ищу славы, — писал он Фоме. — Вот, я назову тебе желающих славы — это те, которые присоединяют дом к дому и села к селам, приобретают изгоев и сябров (зависимых крестьян. — *А.К.),* борти и пожни, пустоши и

пашни. От всего этого я, окаянный Клим, вполне свободен; но вместо домов и сел, бортей и пожней, сябров и изгоев — 4 локтя земли, чтобы могилу выкопать, и эта моя могила на глазах у многих. И если я свой гроб вижу ежедневно по семь раз, то не знаю, с чего бы это мне тщеславиться, — ведь нет мне иного пути до церкви, как только мимо могилы…»

Обычай своими руками сооружать гроб для будущего погребения и держать его у себя на виду соблюдали многие известные подвижники прошлого. Киевский митрополит стремился подражать им. Как и они, он готов был отвергнуть земные богатства, всячески подчеркивал собственное нестяжательство. Но вот в отношении стремления к славе не мог говорить о себе с такой уверенностью.

«А если бы я захотел славы, то это не было бы удивительным, — продолжает он, — ибо, по словам великого Златоуста, богатство презрели многие, а славу — никто. И тогда прежде всего, по мере своих сил, я искал бы власти, но Ведающий сердца и утробы, Он один знает, сколько я молился, чтобы избавиться от нее…» И затем еще раз о том же: «Славы же и власти желают не только миряне, но и монахи; и стремление к ним преследует нас до гроба. Если даже кто из нас и глубокой старости достигнет, то и тогда никак славолюбия оставить не может…»

Но убеждения и логика помогали плохо. В борьбе со своими противниками Клименту приходилось главным образом прибегать к помощи киевского князя. По словам летописца, он всячески «научал» князя Изяслава, а также каких-то других «своих поборников» против епископа Нифонта — признанного главы враждебной ему «партии». Изяслав же и без того не мог простить новгородскому владыке попытку заключения мира с Юрием. В следующем, 1149 году киевский князь и митрополит вызовут Нифонта в Киев и поместят его в Печерском монастыре. Здесь новгородский епископ пробудет до вступления в Киев князя Юрия Долгорукого в августе того же года{186}. По-видимому, к этому времени относятся адресованные Нифонту грамоты константинопольского патриарха Николая IV Музалона: «патриарх же приела к нему грамоты, блажа и (его. — *А.К.)* и причитая к святем его, — свидетельствует киевский летописец, — он же боле крепляшеться, послушивая грамот патриаршь»{187}.[48]

По всей вероятности, речь не шла о заточении в полном смысле этого слова. Нифонта лишь удерживали в Киеве, не давали возможности вернуться в Новгород. В Печерском же монастыре он чувствовал себя вполне свободно. По-видимому, монастырские власти, и прежде всего игумен Феодосии, сам грек по национальности, в его конфликте с князем и митрополитом

были на его стороне.

В нашем распоряжении имеются сведения о том, что митрополит Климент и епископ Нифонт находили возможность вполне мирно беседовать друг с другом. Люди высокообразованные, они обсуждали, в частности, догматические вопросы. Запись некоторых их бесед сделал иеромонах новгородского Рождество-Богородицкого Антониева монастыря Кирик, автор знаменитых «Вопрошаний», который, по всей вероятности, сопровождал епископа Нифонта в его поездке в Киев. Он задавал вопросы Нифонту о разных казусах, касающихся богослужения и поведения священника, и записывал ответы, а иногда — и те комментарии, которые давал митрополит Климент{188}. Но эти беседы ученых богословов касались вещей отвлеченных и по большей части второстепенных. В главном же — отношении к Византийской церкви и возможности избрания митрополита собором епископов — примирение между ними было невозможно.

Сближение Юрия и Нифонта в конце лета — начале осени 1147 года происходило на фоне их взаимного неприятия как собственно митрополита Климента, так и той политики, которую проводил князь Изяслав Мстиславич. В этой связи, между прочим, напрашивается предположение, что именование Нифонта *архиепископом* во время его поездки в Суздальскую землю, связано с обстоятельствами избрания Климента на киевскую кафедру. Нифонт мог быть возведен в этот сан константинопольским патриархом как старший среди всех епископов, не признавших Климента и сохранивших верность Константинопольскому патриархату. Во всяком случае, его преемник на новгородской кафедре Аркадий этого титула иметь не будет,

…Так Юрию Долгорукому удалось нащупать уязвимое место в киевской политике Изяслава Мстиславича. Сделав ставку на митрополита Климента, тот попытался объединить вокруг себя национальные силы в Русской церкви. Но последние к середине XII столетия были еще слишком слабы. Нарушение же традиционных связей Киевской митрополии с Византией оттолкнуло от киевского князя многих из тех, кто в принципе был готов поддержать его. И Юрий в своей дальнейшей борьбе за Киев будет опираться не только на поддержку Константинополя и не только на грекофильствующие, враждебные Изяславу круги в самом русском духовенстве, но и на тех, кто был заинтересован в восстановлении прежних порядков, в преодолении возникшего по вине Изяслава церковного кризиса.

ВТОРЖЕНИЕ

Отказавшись от мира с Новгородом, Юрий поставил себя в непростое положение. Зимой 1148/49 года князь Изяслав Мстиславич приступил наконец к осуществлению своего плана по вторжению в Суздальскую землю.

Не позднее января он выехал в Смоленск к брату Ростиславу. В Киеве Изяслав оставил младшего брата Владимира, в Переяславле — сына Мстислава. Войску же повелел следовать «по собе» в Смоленск, где и «снятися», то есть соединиться, со смоленскими полками.

Встреча братьев оказалась, как всегда, радостной. Воздав хвалу Богу, Пресвятой Богородице и Животворящему кресту, сохранившим их в добром здравии, они обменялись дарами, которые имели особый смысл и еще раз свидетельствовали о разграничении между ними основных сфер влияния: Изяслав вручил брату дары «от Рускыи земле и от всих цесарьских земль» (то есть от южной Руси и от византийских владений), а Ростислав — «от верхних земль» (Смоленска и Новгорода) и «от варяг» (из заморских стран, прежде всего Скандинавии). Затем братья договорились о дальнейших действиях: Изяслав «в мале дружины» должен был отправиться к Новгороду, а брату поручил дожидаться прихода полков из южнорусских земель и вместе с ними и со смоленскими полками выступить по Волге к устью Медведицы. Здесь братья намеревались соединить свои силы.

Из Смоленска же они отправили к Юрию посольство с предложением решить дело миром. Очевидно, Юрий должен был признать права на Киев Изяслава и его потомства, отказаться от всяких претензий на южнорусские земли, дать обещание не вмешиваться более в новгородские дела и возвратить «новгородскую дань» с Нового Торга и Помостья. На его суздальские владения никто не покушался. Но принятие этих условий означало полную капитуляцию, на что Юрий пойти, конечно, не мог. Он не дал никакого ответа на мирные предложения племянников и, более того, задержал у себя их послов.

Еще в феврале Изяслав прибыл в Новгород. Новгородцы встретили его с великими почестями за три дня пути от Новгорода и сопровождали до самого города. «И тако в Новъгород приде с великою честью и в день недельный (воскресенье. — *А.К.)*, и ту усрете сын его Ярослав с бояръ новгородьцкыми, и еxаста к Святой Софьи на обеднюю»[{189}]. В своей резиденции на Городище Изяслав с сыном выставили богатое угощение для всего

города: «посласта подвоискеи и бириче по улицам кликати, зовуче к князю на обед от мала и до велика, и тако обедавше, веселишася радостью великою [и] честью [и] разидошася в своя домы».

Киевский князь, несомненно, умел найти подход к людям и внушить к себе искреннюю любовь. Новгородцы очень ценили внешние проявления уважения к своему городу. Щедрое угощение еще больше расположило их к князю. И наутро, когда Изяслав созвал новгородцев и прибывших в город псковичей на Ярославль двор на вече, они готовы были поддержать его.

Изяслав и здесь избрал верный тон, лестный для новгородцев. Летописец приводит речь, с которой он обратился к ним: «Се, братие, сын мои [и] вы прислали ся есте ко мне, оже вы обидить стрыи мои Гюрги… Есмь пришел семо, оставя Рускую землю, вас деля и ваших деля обид. А гадайте на нь, братие, како на нь пойти: а любо с ним мир възмем, пакы ли с ним ратью кончаимы». Ответные возгласы новгородцев звучали как гимн Изяславу — новому Мономаху и новому Мстиславу Великому: «Ты наш князь, ты наш Володимир, ты наш Мьстислав!»

Решено было, что в поход на Суздаль «своих деля обид» выступит вся Новгородская земля до последнего человека, не исключая даже лиц духовного звания: «аче и дьяк, а гуменце ему простриженo, а не поставлен будет, [и тьи пойдет, а кто поставлен], а ть Бога молить (то есть останется, не пойдет. — *А.К.)*». К новгородцам присоединились псковичи и «корела».

Огромное войско двинулось к Волге. Шли, скорее всего, по руслам замерзших рек Меты и Медведицы. В устье Медведицы остановились и, как и было условлено, стали поджидать Ростислава Мстиславича.

Спустя четыре дня подошел и Ростислав с киевскими и смоленскими полками. От Юрия по-прежнему не было никаких известий, и братья двинулись дальше по Волге, в глубь Суздальской земли. Их путь подробно очерчивает киевский летописец, рисуя картину жестокого разорения Юрьевых владений по Волге. От устья Медведицы войска прошли к городу Кснятину в устье Нерли Волжской, «и начаста городы его жечи и села и всю землю воевати обаполы [Волгы] (то есть по обеим сторонам Волги. — *А.К.),* и поидоста оттоле на Углече поле, и оттуда идоста на устье Мологы».

Между тем по договоренности, достигнутой осенью на Городецком съезде, к устью Медведицы должны были подойти и полки черниговских князей. Однако их не было, и Мстиславичам пришлось действовать одним. Оказалось, что Владимир Давыдович и Святослав Ольгович, стоявшие во главе

черниговской рати, задержались в «Вятичах», «ожидаюча и зряча» исхода противостояния на Волге — «что ся та-мо учинить межю Гюргем и Изяславом». В итоге в суздальские владения Юрия черниговское войско так и не вступит.

Так план одновременного удара по Юрию Долгорукому всеми имеющимися в наличии силами оказался сорван. Тем не менее Изяслав и Ростислав Мстиславичи решили продолжать военные действия — «абы с нама Бог был», как выразился Изяслав, Сами они остановились в Угличе или Городке на Мологе, а свои войска пустили к Ярославлю — одному из главных городов Суздальской земли и своего рода «речным воротам» Ростова. Новгородцы разорили и сам Ярославль, и земли вокруг него: «и полон мног принесоша, и много зла земли той створиша»[49].

Однако время, отведенное для активных военных действий, было уже на исходе. Заканчивался март, снег начал таять, и вот-вот должны были вскрыться реки. «Уже бысть тепло бяшеть, и бысть вода по Волзе и по Молозе по чреву коневи на леду», — свидетельствует киевский летописец. Автор Суздальской летописи называет еще одну неприятность, случившуюся с киевским войском: «похромоша кони у них».

В Вербное воскресенье (27 марта) князья приняли решение возвращаться: «сдумавша, оже… рекы ся рушають (то есть рушится лед на реках. — *А.К.),* и угодаша (договорились. — *А.К.)* пойти розно. И тако Ростислав поиде [с] полкы своими Смоленьску, а Изяслав, брат его, иде к Новугороду Великому, а дружина руская они с Ростиславом идоша, а друзии кому куды годно, и тако розидошася во свояси». Оба войска — и новгородское, и то, что было с Ростиславом, — везли за собой огромные обозы с захваченным в походе добром, в том числе множество пленных. В один только Новгород, по свидетельству летописца, было приведено 7 тысяч «голов». Из Новгорода Изяслав отправился в Смоленск, где и «весновал», то есть пережидал распутицу, и лишь «егда бысть на просусе», то есть когда просохли дороги, вернулся в Киев.

Результаты похода летописи оценивают по-разному. Новгородский летописец пишет о большой победе союзной рати: «И мъного воеваша людье Гюргево, и по Волзе възяша 6 городък, оли до Ярославля попустиша, а голов възяшя 7000, и воротишася роспутия деля»[190]. Автор же Лаврентьевской летописи изображает ход событий иначе: по его словам, Изяслав с новгородцами, «дошед Волгы, и повоевав ю, и не успе ничтоже Гюргеви»[191]. Но это, по-видимому, не вполне верно отражает истинные масштабы разорения северо-западных областей Суздальской земли. Показательно, что в Лаврентьевской летописи

ничего не говорится о судьбе Ярославля и конечным пунктом похода вражеской рати назван Углич («и дошед Углеча поля, поворотися Новугороду»). О действиях самого Юрия во время этой войны летописи умалчивают. Очевидно, он вместе со своими полками защищал главные города княжества — Суздаль и Ростов, ожидая возможного нападения как с Волги, где действовали основные силы Мстиславичей, так и со стороны Вятичской земли, где находились в готовности войска черниговских князей. Если бы Юрий потерпел поражение, те конечно же вторглись бы в пределы его земли, чтобы добить его и поживиться за его счет. Но суздальский князь сумел сохранить свое войско. И это можно расценивать как его несомненный успех. Изяслав Мстиславич не достиг ни одной из поставленных им целей. Толпы пленников, обозы с награбленным добром создавали лишь видимость победы. Ни экономический, ни военный потенциал Суздальской земли по-настоящему не был подорван — «вся жизнь», то есть главные житницы, суздальских князей находились отнюдь не на Волге, но в центральных районах княжества. Юрий не признал себя побежденным, не смирился с Изяславом, не умерил своих амбиций. Даже «новгородская дань», захваченная им двумя годами ранее, осталась в его руках. И черниговские князья, бывшие союзники Юрия, не могли не понимать это. Они готовы были примкнуть к победителю. Изяслав не победил — и следовательно, его союз с черниговскими князьями вновь оказался под угрозой.

«ВСЕХ НАС СТАРЕЙ ОТЕЦ ТВОЙ»: ПЕРВОЕ КИЕВСКОЕ КНЯЖЕНИЕ

История военного противостояния Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого напоминает сильно раскачивающиеся качели. Успех одной стороны неизбежно сменялся успехом другой, и чем выше возносился победитель, тем более крутым оказывалось его последующее падение. Причем амплитуда и частота колебаний постоянно росли.

Непосредственным поводом для начала новой войны между дядей и племянником стало событие, можно сказать, частного порядка — ссора князя Изяслава Мстиславича с нашедшим у него пристанище сыном Юрия Долгорукого Ростиславом. По возвращении из суздальского похода Изяслав получил сведения о том, что Ростислав Юрьевич в его отсутствие злоумышлял против него: подговаривал киевлян и берендеев и готовился, если бы «Бог отцу его помог», захватить в Киеве весь «дом» князя Изяслава — его брата Владимира, жену и сына. «А пусти и к отцю, — убеждали Изяслава доброхоты, — то твои ворог. Держиши [его] на свою голову».

Трудно сказать, был ли это наговор, или Ростислав действительно готовил в Киеве переворот в пользу отца. Суздальский летописец вполне определенно обвинял неких киевских мужей, которым «дьявол… вложи… в сердце» слова клеветы в адрес князя. Однако сам Ростислав позднее, уже прибыв в Суздаль, сообщал отцу, что «вся Русская земля» и «черные клобуки» готовы принять его в качестве князя, — очень похоже, что осведомленность его в этом вопросе была не случайной: Ростислав по крайней мере прощупывал почву относительно возможного перехода киевлян и обитателей Поросья на сторону Юрия Долгорукого, а может быть, и в самом деле пытался поспособствовать этому переходу[50].

Во всяком случае, Изяслав поверил обвинениям против своего двоюродного брата. В то время он пребывал на острове на Днепре, напротив киевского Выдубицкого Михайловского монастыря. Изяслав призвал Юрьевича к себе и стал выговаривать ему за неблагодарность: «Ты еси ко мне от отца пришел, оже отець тя приобидил… яз же тя приях в правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь дал… Ты же еси, брате, удумал был тако: оже на мя Бог отцю твоему помогл, и тобе было, въехавши в Киев, брата моего яти, и сына моего, и жена моя, и дом мои взяти». Ростислав пытался оправдаться, отрицал все

(«ако ни в уме своем, ни на сердце ми того не было»), требовал разбирательства и «очной ставки» с клеветниками: «Пакы ли на мя кто молвить, князь ли который, а се я к нему; мужь ли который, в хрестьяных или в поганых, а ты мене старей, а ты мя с ним и суди». Но все было тщетно. Изяслав от разбирательства отказался, побоявшись, что Ростислав хочет его попросту «заворожити», то есть рассорить, как с «хрестьяными» (русскими), так и с «погаными» («черными клобуками»). «А ныне я того тобе не творю, — вынес он окончательное решение, — но пойди к своему отцю».

Изгнание Ростислава Юрьевича из Киева обставлено было так, чтобы как можно сильнее унизить и оскорбить его. Князя посадили в тот же «насад» (ладью), в котором привезли на остров, и всего с четырьмя «отроками» (слугами) выслали в Суздаль. Оставшуюся дружину схватили и, оковав, бросили в заточение, а все имущество князя, включая оружие и коней, отобрали.

Вернувшись к отцу, Ростислав «удари перед ним челом», раскаиваясь в прежних прегрешениях. Юрий простил его. Все случившееся в Киеве он воспринял как оскорбление, нанесенное ему лично: Изяслав, по его словам, «сором возложил» не только на его сына, но и на него самого.

К тому же Ростислав заверил отца в том, что позиции Изяслава в Киеве и вокруг него не настолько прочны, как могло показаться. «Хощет тебе вся Руская земля и черный клобуки, — заявил он. — …А пойди на нь». Это, вероятно, и стало решающим аргументом для суздальского князя. «Тако ли мне нету причастья (в другой летописи: «части». — *А.К.)* в земли Русстеи и моим детем?!» — патетически воскликнул он и стал собирать войско для похода на Киев{192}.[51]

В межкняжеских войнах XII века — как, впрочем, в любых войнах вообще — очень большое значение имело идейное обоснование собственной правоты. Князь должен был уверить всех — и себя в первую очередь — в том, что он начинает войну во имя каких-то высших интересов, а не только ради собственной выгоды. Юрий хорошо понимал это. Как правнук Ярослава Мудрого, внук Всеволода и сын Владимира Мономаха — великих князей киевских — он, вне всяких сомнений, имел право на «часть», или «причастие», в «Русской земле», понимаемой в данном случае именно как Южная Русь, Поднепровье — политическое ядро Русского государства. Изгнание его сына Ростислава из Киева стало для него удобным поводом для того, чтобы заявить о попрании собственных законных прав на участие в общерусских делах, об ущемлении своей княжеской чести.

Тем более что попранным оказалось и другое право Юрия —

на «старейшинство» среди князей «Мономахова племени», И это Юрий тоже поставит в вину своему племяннику. А еще вспомнит о недавнем разорении собственного княжества. «Се, брате, на мя приходил, и землю повоевал, и старе[и]шиньство еси с мене снял» — с такими обвинениями он обратится к Изяславу, обосновывая правомерность своих действий. А как показывала практика беспрерывных русских междоусобиц, доказать свою «правду» означало уже наполовину одержать победу. Оставалось только подкрепить ее на поле брани.

* * *

24 июля 1149 года[52], в день памяти святых и благоверных князей Бориса и Глеба (к тому же воскресенье — знаменательное совпадение!), князь Юрий Владимирович, «скупив силу свою [и] половци», выступил в поход, «надеяся на Богъ» и, очевидно, на заступничество святых братьев, своих «сродников» и небесных покровителей. Вместе с ним в поход выступили и его сыновья со своими полками — Ростислав, Андрей, Борис, Глеб.

Юрий избрал прямой путь к Киеву — через Вятичскую землю. Черниговский князь Владимир Давыдович, первым узнавший об этом, немедленно поставил в известность киевского князя Изяслава Мстиславича: «Се Гюрги, стрыи твои, идеть на тя, а уже есть вшел в наше Вятиче. А мы ес-ме к тобе хрест целовали с тобою быти, а являю ти, приспособаися». Изяслав, подтвердив Давыдовичам свое крестное целование, «нача доспевати», то есть собирать войско и готовиться к новой войне. Время для этого у него имелось, ибо Юрий двигался не спеша.

Послы от братьев Давидовичей и Изяслава Мстиславича отправились и к Святославу Ольговичу, бывшему союзнику Юрия Долгорукого. Однако тот не сразу дал ответ. Целую неделю послам пришлось ждать решения новгород-северского князя. По свидетельству летописца, Святослав даже изолировал прибывших к нему послов от внешнего мира — выставил «сторожу» у посольских обозов, «да бы к ним никто же не пришел», а сам в это время вступил в переговоры с Юрием. Святослава Ольговича интересовали два вопроса: насколько серьезны намерения суздальского князя и не таит ли его наступление угрозы собственным владениям Святослава? «В правду ли идеши? — спрашивали его послы Юрия. — А тако же ми яви, ать не погубиши волости моея, ни мене в тяготу вложиши». Летопись сохранила дословный ответ Юрия: «Како хощю не в правду ити? Сыновець мои [И]зяслав, на мя пришед, волость мою повоевал и

пожегл, и еще и сына моего выгнал из Руськои земли, и волости ему не дал, и сором на мя възложил, А любо сором сложю и земли своей мьщю, любо честь свою налезу, пакы ли, а голову свою сложю». Эти слова стали известны не только Святославу Ольговичу, но и князьям Давыдовичам и Изяславу Мстиславичу. Они должны были задуматься о том, как действовать дальше.

Между тем ответ Юрия совершенно убедил Святослава Ольговича. Он безоговорочно поддержал своего прежнего союзника. Однако в переговорах с Изяславом Мстиславичем — что называется, для сохранения лица — все же попытался выговорить какие-то условия — едва ли выполнимые киевским князем: «А вороти ми товара брата моего, — требовал теперь Святослав от Изяслава, — …а я с тобою буду».

Но Изяслав, уже знавший о переговорах Святослава с Юрием, правильно расценил его слова как прямое нарушение прежних договоренностей и разрыв мирных отношений. Он послал к Святославу новое посольство: «Брате, хрест еси честьныи целовал ко мне, ако со мною быти, а ворожду еси про Игоря отложил и товары его (то есть обещал не мстить за Игоря и не требовать возвращения его имущества. — *А.К.)*. Ны[не] же, брате, сего ли дозрев то поминаеши, оже стрыи мои на мя ратью идеть?.. А ты еси уже хрестьное челование переступил, а я есмь бес тебе и на Волгу ходил, а це что ми было? А ныне абы со мною Бог был и хрестьная сила».

Никакого впечатления на Святослава Ольговича эта тирада не произвела. Вместе со своими полками он поспешил присоединиться к Юрию Долгорукому, который расположился у села Ярышева (по всей вероятности, в Вятичской земле). 6 августа, в «Спасов день» (праздник Преображения Господня), князья встретились. «И ту Святослав позва и (Юрия. — *А.К.)* к собе на обед, и ту обедавше, разъехашася».

Святослав приехал к Юрию в сопровождении жены, которая была на сносях. Рано утром следующего дня княгиня разрешилась от бремени дочерью, получившей в крещении имя Мария. Летописец особо отметил это событие, кажущееся совершенно неуместным в условиях начавшейся войны. Но жизнь есть жизнь. Военный поход, который для многих его участников мог стать последним, символическим образом начинался с появления на свет новой жизни.

Юрий продолжил путь 7 августа: «поиде… наперед с вое своими». На следующий день вслед за ним выступил и Святослав Ольгович. Союзники отправили послов к черниговским князьям Давидовичам, предлагая им присоединиться и вместе воевать против Изяслава Мстиславича. «То нам ворог всим Изяслав, —

говорил им Святослав Ольгович, — брата нашего убил». Гибель Игоря оставалась для него незаживающей раной. Но Давидовичи не решились преступить крестное целование, данное киевскому князю. Их ответ Юрию поражает образностью и, очевидно, выстраданным желанием хотя бы на сей раз сдержать обещание: «…Целовала есве крест к Изяславу Мьстиславличю, с теми же хочеве быти, *а душею не можеве играти* (выделено мною. — *А.К.)*». Зато несколько позже к Юрию присоединился князь Святослав Всеволодович. Он также «не хотяше отступити от уя (дяди по матери. — *А.К.)* своего Изяслава, — замечает летописец, — но неволею еха строя своего (дяди по отцу. — *А.К.)* деля Святослава Олговича». Так определилась расстановка основных сил: с одной стороны, Юрий со своими сыновьями и князья Ольговичи; с другой — Изяслав Мстиславич с братьями и сыновьями и князья Давидовичи.

Юрий действовал весьма осмотрительно и не торопясь, стараясь не оттолкнуть от себя возможных союзников. Он занял Вьяхань (в верховьях Сулы), затем подошел к Белой Веже (в верховьях Остра), где и остановился, «съжидаюче к собе половець». Такое расположение его войска — в Задесненье, в пределах Черниговской земли, но у самых границ Переяславского княжества — давало ему несомненные выгоды. Он мог угрожать как Чернигову, так и Переяславлю и Киеву. Недалеко, в устье Остра, находился Городец Остерский, жители которого по-прежнему хранили верность ему и его сыновьям.

Один из эпизодов этого похода впоследствии дал повод к созданию благочестивой легенды, вошедшей в состав Киево-Печерского патерика. Половцы из рати Юрия Долгорукого, действовавшие вместе с его престарелым тысяцким Георгием Шимоновичем, напали на некое село, принадлежавшее киевскому Печерскому монастырю. Произошло кровопролитное сражение, и половцы бежали прочь. «И видехом град высок издалеча, — рассказывал позднее сам Георгий Шимонович в наставление своим детям, — и абие (быстро. — *А.К.)* идохом на нь, и никто же знааше, кий то есть град. Половци же бишася у него, и мнози язвени (ранены. — *А.К.)* быша, и бежахом от града того. Последи же уведахом, яко село есть Святыа Богородица обители Печерьскыя, града же николи же ту несть бывало»[{193}]. Смысл рассказа старого воеводы заключался в том, что село чудесным образом защитили святые основатели Печерского монастыря — преподобные Антоний и Феодосии: «везде бо молитва Антониева и Феодосиева заступаеть». Однако для нас не менее важно, что продвижение Юрьевых войск, оказывается, вовсе не было таким уж триумфальным; в отдельных населенных пунктах они терпели

неудачу и теряли убитых и раненых.

По словам летописца, Юрий ожидал «от Изяслава покорения». Не дождавшись, однако, никаких вестей, он двинулся к Переяславлю. («Ту ти ему прити, — приводит его слова летописец, — да негли ту покорится».) По пути, у реки Супой — последнего серьезного водного рубежа перед Переяславлем, — к нему и присоединились князь Святослав Всеволодович со своим полком, а также «многое множество» «диких» половцев. Войска перешли Стряков, речку близ Переяславля, и остановились у Кудинова сельца. Эту очередную остановку Юрий, по всей видимости, использовал для того, чтобы вступить в тайные переговоры с переяславцами и постараться переманить их на свою сторону.

Тем временем Изяслав Мстиславич послал за помощью к братьям. Дождавшись подхода полков из Владимира-Волынского, он объявил о выступлении против Юрия. «Оже бы пришел толико с детьми, — оправдывался князь перед киевлянами, — то которая ему волость люба, ту же бы взял. Но оже на мя половци привел и ворогы моя Олговиче, то хочю ся бити». Насколько искренними были эти слова, сказать трудно. Изяслав действительно раздавал волости сыновьям Юрия, но вот самому суздальскому князю никогда и ничего в Южной Руси не предлагал и, кажется, предлагать не собирался.

Киевляне и на этот раз не поддержали своего князя в борьбе с Мономаховым сыном. «Мирися, княже, мы не идем», — заявили они Изяславу. И тому лишь с большим трудом удалось добиться согласия киевского веча поддержать его хотя бы для видимости, чтобы заключать мир с Юрием с позиции силы: «Пойдите со мною, ать ми ся добро с ними о[т] силы мирити». «И поидоша кияне по Изяславе», К киевскому князю присоединились черниговские войска во главе с Изяславом Давыдовичем. Родной брат Изяслава Мстиславича Владимир находился «в засаде» в Переяславле; туда же подошел и другой его брат Святополк[53] с «поршанами» — то есть «черными клобуками», обитателями Поросья. В Переяславле же, надо полагать, находился и сын Изяслава Мстислав.

У Витичева, близ Киева, Изяслава нагнал Ростислав Смоленский «с силою многою». Братья переправились через Днепр и во главе огромного войска двинулись к Переяслав-лю. Юрий хотел было опередить их и приступить к городу «в борзе», еще до их прихода. Но не успел: когда его войска только переправлялись через Стряков, Мстиславичи уже подходили к Альте — реке, на которой располагался сам Переясланль. О намерениях дяди Изяслав узнал от одного половчина,

захваченного в плен у Переяславля и тут же казненного. Получив важные для себя сведения, киевский князь пустил вперед «черных клобуков» и «молодь» — младшую дружину. Те устремились к Переяславлю, отбросили от города передовых «стрельцов» Юрия и преследовали их до самого расположения основных сил.

Придя к Переяславлю, Изяслав и Ростислав Мстиславичи расположились вдоль Трубежа. Юрий же, простояв три дня у Кудинова сельца на Стрякове, лишь на рассвете четвертого с основными силами подошел к городу. Миновав его, он «исполчился» по другую сторону Трубежа, между древними Змиевыми валами — эти земляные оборонительные сооружения располагались к востоку и юго-востоку от Переяславля и тянулись от самого Днепра; ближайший к Переяславлю вал назывался «большим», а внешний — «малым»; друг от друга они находились на расстоянии около 10 верст{194}. Местоположение Юрьевой рати летописец определяет довольно точно: «ста же полкы своими об ону сторону Трубеша, за зверинцем, у рощения»; однако названные ориентиры ничего не говорят нам.

Полки простояли по обе стороны Трубежа до самого вечера. На ночь Изяслав и Ростислав отвели войска немного выше по течению Трубежа, а сами вошли в город. Юрий остался на месте. Той же ночью он прислал к племяннику посла с предложением мира. Юрий готов был пойти на компромисс, внешне вполне приемлемый и даже весьма почетный для Изяслава Мстиславича. «Се, брате, на мя приходил, и землю повоевал, и старе[и]шиньство еси с мене снял, — укорял он племянника. — Ныне же, брате и сыну, Рускыя деля земля и хрестьян деля не пролеиве крови хрестьяньскы. Но дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславли, а ты седи, царствуя в Киеве. Не хощеши ли того створити, а за всим Бог».

Речь Юрия примечательна во многих отношениях. Оказывается, он готов был уступить Киев племяннику, отказаться от принципа «старейшинства», в соответствии с которым, несомненно, имел больше прав на стольный город Руси, чем Изяслав. И причина, по которой он готов был пойти на это, более чем весома. Юрий обозначил ее сам: «Рускыя деля земля и хрестьян деля», то есть ради сохранения Русской земли и христианского рода он призывал не проливать христианскую кровь. Это, конечно, традиционная, этикетная формула отказа от войны, но мало кто из русских князей, произнося ее, не вкладывал в нее буквального смысла. И здесь, между прочим, есть повод вспомнить, что до августа 1149 года Юрий ни разу не становился инициатором новой междоусобной войны. Ни в 1132 году, когда он изгонял из Переяславля племянника Всеволода, но

без применения силы; ни в 1140 году, когда готов был в союзе с Ростиславом Мстиславичем и новгородцами выступить в поход против киевского князя Всеволода Ольговича, однако так и не начал военных действий; ни зимой 1146/47 года, когда принял предложение Святослава Ольговича, но все же остался в своем княжестве. Даже когда Мстиславичи вторглись в его землю, он так и не двинулся им навстречу. Юрий конечно же совершал военные походы — например, в Новгородскую или Рязанскую земли, но, по понятиям того времени, это нельзя было назвать братоубийственной войной в полном смысле этого слова. Он либо мстил за нанесенную ему обиду, либо выполнял свой союзнический долг, как он его понимал, помогая тому или иному князю.

Как и большинство князей того времени, Юрий отнюдь не был беспринципным властолюбцем, готовым на все ради достижения своей цели. И хотя на этот раз именно он становился виновником войны, он, по-видимому, не готов был переступить определенную черту, по собственной воле начать сражение, исходом которого могла стать гибель того или иного князя, его родича по крови и по служению Русской земле. Эту границу — едва ли уловимую для нас — русские князья того времени ощущали вполне отчетливо. Одно дело для них было разорить или сжечь тот или иной город, увести в полон челядь; и совсем другое — навести на себя обвинение в *братоубийстве,* уподобиться окаянному Святополку, князю-извергу и злодею, убийце святых братьев Бориса и Глеба. Юрий выражал готовность к миру, шел на серьезные уступки — и тем самым в глазах русского общества снимал с себя вину за готовящуюся пролиться кровь.

Но в его речи, обращенной к племяннику, различимы еще два нюанса, также весьма значимые в представлениях того времени. Юрий именует Изяслава «царем», или «цесарем», — титулом, применимым только к византийским василевсам и немецким императорам, но неофициально используемым и русскими князьями еще со времен Ярослава Мудрого. Слова о «царствовании» в Киеве, несомненно, должны были польстить самолюбию Изяслава Мстиславича. Но тут же Юрий демонстративно называл племянника не только «братом», как это было принято между князьями равными по своему статусу (независимо от возраста), но «братом и сыном». А это подчеркивало его действительное «старейшинство» по отношению к племяннику.

Изяслав же, кажется, увидел в его предложении проявление слабости и нерешительности. Он отказался от переговоров: «того

не улюби, ни посла того пусти». На следующий день, когда князь отстоял молебен в кафедральном соборе Архангела Михаила в Переяславле, епископ Евфимий попытался уговорить его. «Княже, умирися с стрыем своим, — умолял он его со слезами на глазах. — Много спасение примеши от Бога и землю свою избавиши от великия беды». Но Изяслав оставался непреклонен, «надеяся на множество вой», по замечанию летописца. «Добыл есми головою своею Киева и Переяславля», — отвечал он епископу, имея в виду, что не собирается отступаться от завоеванного с таким трудом и в честной борьбе.

Изяслава можно понять. Предложение Юрия только с виду казалось приемлемым для него. На самом деле оно таило в себе серьезную угрозу и разрушало всю ту политическую систему, которая была выстроена его дедом Мономахом, отцом Мстиславом и им самим. Утверждение в Переяславле Юрьева сына неизбежно привело бы к вытеснению Мстиславичей из Южной Руси, («Я Киев и Переяславль достал головою моею, ныне же для чего дам сыну Юрьеву Переяславль и посажу врага подле боку моего», — передает смысл речи Изяслава Мстиславича В. Н. Татищев.) Заметим, что Юрий уже не собирался княжить в Переяславле сам, а намеревался передать город своему старшему сыну Ростиславу. А это значило, что Переяславль не соответствовал его теперешним амбициям, казался ему не вполне достойным его. Юрию нужен был Киев. И, следовательно, признание прав на Киев «моложшего» Изяслава Мстиславича могло быть с его стороны только временным. Что же касается сыновей и младших братьев Изяслава Мстиславича, то им предложенная Юрием политическая конструкция, по-видимому, вообще не оставляла места в Южной Руси.

Итак, Изяслав не принял мирных предложений своего дяди. Но в глазах русского общества этот его отказ означал, что теперь уже на него могла быть возложена ответственность за пролитую впоследствии кровь. И если он надеялся на «множество вой», то Юрий мог надеяться еще и на Божью правду, на заступничество небесных сил, всегда помогающих правому. «Сиа убо ему глаголющу, надеяся на множество воинства своего, — с укоризной комментирует действия Изяслава Мстиславича позднейший московский летописец, — а помощь от Бога есть, егоже хощет смиряет, и его-же хощет высит, возставляет от земля нища, и от гноища воздвизает убога, посадит его с силными людми и на престоле славы наследствуя его; смиренным бо благодать дает Господь Бог, гордым же противляется»{195}. Ибо «не в силе Бог, но в правде», как всегда считали в средневековой Руси.

* * *

Сражение у Переяславля произошло 23 августа, во вторник. Юрий со своими сыновьями и князьями Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодовичем стоял за Янчиным сельцом. Изяслав же с братьями Ростиславом, Святополком и Владимиром, а также черниговским князем Изяславом Давыдовичем, сыном Мстиславом и оказавшимся в его лагере племянником Владимиром Андреевичем расположился на противоположной стороне Трубежа.

Утром в день битвы Изяслав созвал своих бояр и старшую дружину «и нача думати с ними». Обсуждался единственный вопрос: переправляться ли с войском через Трубеж или оставаться на месте? Мнения на этот счет разделились. Одни советовали князю не торопиться, ожидая, что Юрий, не получив ответа на свои мирные предложения, уйдет сам: «Не езди по нем: отьяти перешел земли, а трудился, а еде пришед, не успел ничтоже, а то уже поворотися прочь, а на ночь отьидеть, а ты, княже, не езди по нем». Другие «понуживали» к более решительным действиям: «Поеди, княже, привел ти Бог, не упустим его прочь». Совет последних Изяславу оказался ближе; он «исполчил» войско и повелел переправляться через реку. Полки встали на лугах, напротив Кузнечьих ворот,

Юрий стоял, не сходя с места. Согласно представлениям военных стратегов того времени, именно бездеятельность, пассивность (или, может быть, лучше сказать, выдержка?) чаще приносили победу, чем излишняя активность, наступательный порыв, стремление ускорить события. Несмотря на кажущуюся парадоксальность, логика здесь есть. Полководцы предпочитали полагаться на волю обстоятельств, действовать, «како Бог дасть», дожидаться, пока победа сама упадет им в руки, надеясь, что именно это обеспечит им поддержку свыше. Попытка же самому создать условия для активизации военных действий, резко изменить обстоятельства могла быть расценена как вмешательство в прерогативы Высшей силы, как проявление гордыни — одного из наиболее осуждаемых в средневековой Руси пороков. Так что пассивная тактика, избранная Юрием, была оправдана и вполне могла принести успех. Но и Изяслав не спешил начинать битву и сближаться с противником. Обе рати стояли на почтительном расстоянии друг от друга.

Около полудня от войска Юрия отделился некий перебежчик («перескок»). За ним была устроена погоня. Выставленное Изяславом охранение переполошилось, решив, что сражение уже начинается. Изяслав Мстиславич двинул полки на исходные

позиции. Так же поступил и Юрий с князьями Ольговичами. Они перешли через вал и остановились.

Теперь обе рати стояли в виду друг друга. Основные силы по-прежнему бездействовали, только «стрельцы» (передовые цепи воинов, вооруженных луками) перестреливались с обеих сторон. К вечеру Юрий повернул свои полки и стал отступать «в товары», то есть к обозам, на ночевку.

В этот момент Изяслав опять стал держать совет с союзными князьями. Он хотел преследовать Юрия, князья же отговаривали его: «Не езди по них, но пусти е в товары свои, уже ти есть верно». Однако киевский князь и на этот раз послушался не их, но других, не названных по имени советников, которые по-прежнему подстрекали его против Юрия: «Княже, бежати уже!» Именно их совет, как считал летописец, и стал причиной постигшей князя катастрофы. «Изяславу же то любо бысть, и поиде по них».

Увидев, что противник наступает, Юрий со своими войсками развернулся и двинулся ему навстречу. С правого крыла он поставил дружины своих сыновей, а слева — обоих Святославов, Ольговича и Всеволодовича. Сам же расположился посередине. На заходе солнца[54] полки сошлись, «и бысть сеча зла межи ими». Основной удар Юрий наносил с правого крыла, и именно здесь ему сопутствовал успех. Противник на своем левом фланге не выдержал натиска суздальских дружин и союзных им половцев. Первыми побежали поршане, за ними Изяслав Давыдович с черниговцами и киевляне. Решающий момент в сражении наступил тогда, когда на сторону Юрия перешли переяславцы. «И бысть лесть в переяславцех, — пишет киевский летописец, — рекуче: “Гюрги нам князь и свои, того было нам искати и-далече”». По свидетельству новгородского летописца, переяславцы «седоша на щите», то есть сдались, «научением» самого Юрия — как видим, его тайные переговоры с ними принесли свои плоды. Видя же измену переяславцев, обратились в бегство и союзные Мстиславичам половцы.

Сам Изяслав Мстиславич наступал на левое крыло Юрьева войска. Ему удалось смять и прорвать полк Святослава Ольговича и половину полка Юрия Долгорукого: «тако проеха сквозе них», по выражению летописца. Тогда-то Изяслав и увидел, что остальная часть его войска опрокинута и побеждена, что союзные ему половцы и «свои поганые» «вси побегли, и многы избиша, а другия ру[ка]ми изоимаша». Осознав безнадежность своего положения, Изяслав побежал и сам, причем большинство из тех, кто прорывался вместе с ним через полки Юрия, были либо перебиты, либо захвачены в плен. Только с двумя спутниками («сам третий») он переправился через Днепр и укрылся в Каневе,

откуда затем поспешил в Киев.

Победа Юрия оказалась полной. Однако он по-прежнему не торопил события. Теперь, когда его цель была почти достигнута и до Киева, что называется, оставалось рукой подать, он не потерял головы, не устремился, забыв обо всем, к городу, так долго бывшему предметом его вожделений. Юрий стремился как можно торжественнее обставить свое восшествие на «златой» киевский стол, всеми своими действиями показывал, что все происходящее есть торжество справедливости и проявление не его личной, а Божьей воли, а он лишь подчиняется обстоятельствам.

На утро следующего дня, 24 августа, он торжественно вступил в Переяславль. Это был и жест благодарности переяславцам, обеспечившим ему победу над Изяславом, и желание поклониться отеческим и дедовским святыням. Юрий вошел в город, «хваля и славя Бога… и поклонився Святому Михаилу, и пребысть у Переяславле три дни».

Юрий явно предпочитал, чтобы ситуация в Киеве разрешилась сама собой и город сдался ему без боя. Так и произошло. Когда Изяслав и Ростислав Мстиславичи явились в Киев, они обратились к горожанам с вопросом: «Можете ли ся за наю бити?» Киевляне ответили отказом. Они по-прежнему благоволили Мстиславичам, но биться против Юрия не только не хотели, но уже и не могли: «Господина наю князя (двойственное число. — *А.К.),* не погубита нас до конца. Се ны отци наши, и братья наша, и сынови наши на полку они изоимани, а друзии избьени и оружие снято. А ныне ать не возмуть нас на полон. Поедита в свои волости, а вы ведаета, оже нам с Гюргем не ужити. Аже по сих днех кде узрим стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы (то есть готовы перейти на вашу сторону. — *А.К.)».* Киевляне не стали лишний раз бередить Изяславу раны, напоминать о том совете, который они давали князю накануне сражения. Но и без того было ясно, что в потере Киева Изяслав должен был винить только самого себя, свое нежелание примириться с дядей с позиции силы, когда это было еще возможно.

Братьям ничего не оставалось, как покинуть Киев. Ростислав отправился в Смоленск, а Изяслав — во Владимир-Волынский. В этом городе он княжил прежде, и теперь этот город должен был стать его главным оплотом для борьбы с Юрием. Отказываться от Киева Изяслав конечно же был не намерен. Тем более после того, как киевляне пообещали поддержать его в будущей войне. С собой Изяслав вез жену и детей, а кроме того — что особо отметил летописец, — митрополита Климента Смолятича. Последнему оставаться в Киеве при Юрии Долгоруком не было никакой возможности — в противном случае его ждало заточение

в одном из монастырских «порубов».

* * *

Спустя три дня Юрий подошел к Киеву. Он остановился на лугах, напротив киевского Выдубицкого Михайловского монастыря, построенного еще его дедом Всеволодом Ярославичем. Казалось символичным, что первый поклон он отдал обители святого Михаила — общего покровителя всех потомков князя Всеволода.

Вступление в Киев, по-видимому, было приурочено к 28 августа, воскресенью[55]. «Гюрги же поеха у Киев, и множество народа вы[и]де противу ему с радостью великою, и седе на столе отца своего, хваля и славя Бога», — свидетельствует киевский летописец. Примечательно, что запись о начале княжения Юрия Долгорукого дает первый по времени образец пышной и велеречивой формулы вступления на киевский стол нового князя: «Начало княжения в Киеве князя великаго Дюргя, сына Володимеря Мономаха, внука Всеволожа, правнука Ярославля, пращюра великаго Володи-мира, хрестившаго всю землю Рускую»{196}. Надо полагать, что эта запись сделана летописцем, близким самому Юрию.

Заняв киевский стол, Юрий должен был сразу же взяться за решение первоочередных задач: укрепить свое влияние в Киеве и ближних к Киеву городах, обезопасить себя от нападения со стороны Чернигова, вознаградить за помощь своего главного союзника Святослава Ольговича.

Так, он сумел примириться с черниговским князем Владимиром Давыдовичем, который хотя и поддерживал Изяслава Мстиславича, но не принимал непосредственного участия в только что завершившейся войне. Владимир лично приехал в Киев и «поклонися» Юрию. На правах великого князя Юрий рассудил его спор со Святославом Ольговичем. Тот обвинял Давидовичей в том, что они держат его «отчину», то есть часть земель, отобранных у него еще осенью 1146 года. В первую очередь, речь шла о так называемой «Сновской тысяче» — области по реке Сновь с городами Сновском (современный Седнев в Черниговской области) и Стародубом. Этими землями, равно как и Курском с Посемьем, по соглашению с Изяславом Мстиславичем владел брат Владимира Изяслав Давыдович. Юрий отобрал их у него и отдал своему союзнику. Отказ от Посемья, когда-то переданного самим Святославом Ольговичем сыновьям Юрия, стал платой за помощь, оказанную северским князем.

Юрий уже не нуждался в этих территориях. Он мог предоставить своим сыновьям куда более значимые княжеские столы. Кроме того, Святослав Ольгович получил от Юрия Слуцк, Клецк и всю Дреговичскую область — важную часть Турово-Пинского княжества (территория нынешней Белоруссии). Чернигов же остался за Давыдовичами. «И тако ся уладивше и разъехашася».

В ближайшие к Киеву города Юрий посадил на княжение своих сыновей: в Переяславль — Ростислава, в Вышгород — Андрея, в Белгород — Бориса, в Канев — Глеба. Названные города-крепости окружали Киев со всех сторон и служили надежной защитой на случай нападения со стороны Дикого поля, Смоленска, Чернигова или Волыни. Одного из своих младших сыновей, родившихся во втором браке, а именно Василька, Юрий оставил на княжении в Суздале. При нем находился и престарелый «дядька» самого Юрия, ростовский тысяцкий Георгий Шимонович — человек, которому новый киевский князь мог доверять, как никому другому[56].

Так были очерчены границы новых владений Юрия Долгорукого. Конечно же он не собирался возвращаться в Суздальскую землю. Киев и Киевская волость становились сферой его исключительных интересов. Но Юрий не мог не понимать, что борьба за Киев еще далеко не закончена, что Мстиславичи побеждены, но не разгромлены. В их руках находились Волынская земля, Смоленск и Новгород — богатейшие области Руси; их сторонники оставались и в самом Киеве. Задача борьбы с Мстиславичами вышла на первый план.

РАССТАНОВКА СИЛ: УГРЫ И ЛЯХИ, КНЯЗЬ ВЛАДИМИРКО ГАЛИЦКИЙ И ДРУГИЕ

По прибытии во Владимир князь Изяслав Мстиславич вступил в переговоры со своими иноземными родичами — правителями Угрии (Венгрии), Чехии и Польши. С этого времени можно говорить о том, что война между князьями окончательно выходит за рамки внутренней русской распри и становится частью общеевропейской политической истории.

Внук Владимира Мономаха и сын Мстислава Великого, Изяслав был связан родственными узами со многими дворами Европы. Напомним, что через свою бабку Гиду Харальдовну, мать Христину и сестер Мальмфрид и Ингибьёрг он находился в родстве или свойстве с большинством правящих родов Швеции, Дании и Норвегии. Его двоюродная бабка Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (ум. 1109) когда-то была замужем за германским королем и императором Священной Римской империи Генрихом IV (1056—1106; из Франконской династии). Родная тетка, Евфимия Владимировна, недолгое время была супругой венгерского короля Коломана (Кальмана); изгнанная мужем и обвиненная в супружеской неверности, она уже на Руси родила сына Бориса — будущего претендента на венгерский престол. Сестра Изяслава еще в 1122 году стала женой византийского царевича — по всей вероятности, Алексея, сына и недолгое время соправителя императора Иоанна II Комнина. (Правда, вскоре после заключения брака ее супруг умер, и ей пришлось принять монашеский постриг; никакого значения для Мстиславичей этот брак не имел.) Иногда полагают, что сам Изяслав Мстиславич был женат на немецкой принцессе из рода Штауфенов — этот род стал правящим в Германии в 1138 году, когда на престол взошел король Конрад III (1138—1152)[57]. Однако брак этот если и был заключен, то скорее всего в конце 20-х — начале 30-х годов XII века, когда киевским князем был отец Изяслава Мстислав. Позднее никаких особых контактов между Изяславом Мстиславичем и Штауфенами мы не обнаружим; более того, политические пристрастия сделают их противниками друг друга.

После фактического распада Древнерусского государства на отдельные княжества для Изяслава Мстиславича как для волынского, переяславского, а затем и киевского князя наибольшее значение приобрели родственные связи с правителями стран Центральной и Восточной Европы — прежде всего Польши, Венгрии и Чехии — соседей Руси. Эти связи стали

особенно интенсивными во второй половине 30-х — 40-е годы XII века.

На польском престоле с марта 1146 года сидел сват Изяслава Мстиславича князь Болеслав IV Кудрявый (ум. 1173). Еще в середине 1130-х годов он женился на племяннице Изяслава Верхуславе, дочери новгородского князя Всеволода Мстиславича[58]. Болеслав получил верховную власть над Польшей в результате многолетней ожесточенной войны со своим старшим единокровным братом Владиславом II, причем последнего, как мы помним, также поддерживала русская родня, прежде всего князь Всеволод Ольгович. Несомненно, Болеслав Кудрявый, как и его младшие родные братья Мешко и Генрих, очень ценил союз с Мстиславичами. Поддержка Изяслава серьезно укрепляла его положение в Польше в условиях, когда нашедший приют в Германии Владислав не оставлял своих притязаний на Польшу. По-видимому, киевский князь оказывал и реальную военную помощь свату. По свидетельству немецких источников, в 1147 году «многочисленные вооруженные отряды» русских — как полагают, дружины Изяслава Мстиславича — участвовали в походе Болеслава IV на пруссов{197}. (Позднее, уже в 1150-х годах, русско-польские династические связи станут еще более прочными: дочь Изяслава Мстиславича Евдоксия выйдет замуж за родного брата Болеслава IV Мешка, а сын Мстислав возьмет в жены их сестру Агнешку.)

Около 1145—1146 года Изяслав Мстиславич породнился и с венгерским королевским семейством: его сестра Евфросиния стала женой юного венгерского короля Гезы II (1141— 1162), которому к тому времени исполнилось всего пятнадцать или шестнадцать лет{198}. Как считают исследователи, одной из целей этого брака было стремление матери Гезы, королевы Елены, и ее брата и опекуна короля, бана Белуша (серба по национальности), нейтрализовать «русского» претендента на венгерский престол Бориса Коломановича. И действительно, последнему не удастся получить никакой помощи на Руси, довольствуясь поддержкой в Германии и Византии.

Евфросиния Мстиславна оказалась женщиной умной и властной и на первых порах подчинила юного супруга своему влиянию. Венгерские войска постоянно участвовали в войнах Изяслава — и до 1149 года, и позднее. Так, еще зимой 1148 года, как мы помним, киевский князь с их помощью подверг разорению черниговские земли. Правда, для многих венгров тот поход закончился трагически: на обратном пути, во время переправы через какое-то озеро, из-за внезапно начавшейся оттепели под войском обломился лед, и некоторые из воинов утонули. (Связи

Мстиславичей с венгерским домом также будут укрепляться с течением времени. Около 1150 года младший брат Изяслава Владимир женится на дочери всесильного бана Белуша.)

Еще один правитель, с которым Изяслав находился в свойстве и к которому обратился за помощью, был чешский князь Владислав II (1140—1174). На некой родственнице этого князя — предположительно, двоюродной сестре — зимой 1143/44 года женился брат Изяслава Святополк, тогда княживший в Новгороде[59]. Сватья сохраняли друг с другом добрые отношения, несмотря на то, что Владислав II считался противником новой венгерской родни Изяслава и оказывал помощь пресловутому Борису Коломановичу. Весной или в начале лета 1148 года Владислав лично побывал на Руси на обратном пути из Святой земли (он принимал участие во Втором крестовом походе)[60] и, по всей вероятности, провел в Киеве какие-то переговоры с Изяславом.

Теперь правители Венгрии, Польши и Чехии должны были помочь изгнанному киевскому князю в войне с Юрием Долгоруким. «Изяслав же пришед во Володимир, — рассказывает летописец, — поча ся слати в Угры к зятю своему королеве, и в Ляхы к свату своему Болеславу, и Межце (Мешке. — *А.К.),* и Индрихове (Индрику, то есть Генриху. — *А.К.),* и к ческому князю свату своему Володиславу, прося у них помочи: а быша всели на кони сами полку своими пойти к Киеву». Если же сами они по какой-либо причине не смогут возглавить войска, просил Изяслав, то «полкы своя пустять любо с меншею братьею своею, или с воеводами своими»{199}.

Готовность помочь русскому князю выразили все. Король Геза, правда, поставил свое участие в походе в зависимость от предстоящей войны с Византией. «Ратен есмь с царем, — предупреждал он Изяслава. — Яже буду порожен (свободен. — *А.К.)*$_y$ а сам пойду, а пакы ли (то есть если буду занят. — *А.К.)*, а полкы своя пущю». Польские же князья готовы были лично поддержать союзника: «Мы есмь у тебе близ, а одиного себе оставим стеречи земле своея, а два к тобе поедета». Также обещал явиться со своими полками чешский князь Владислав.

Так сложилась мощная коалиция восточноевропейских держав, враждебных Юрию, — Венгрия, Польша, Чехия и Волынь, а также Смоленск и Новгород, где княжили брат и сын Изяслава Мстиславича. Получив согласие всех будущих участников похода на Киев — короля Гезы, князей Болеслава, Мешка и Генриха и чешского князя Владислава, Изяслав Мстиславич отправил к ним новые посольства «с дары великыми и с честью». Он просил сватьев «воссесть на коней», то есть выступить в путь, 25 декабря,

на Рождество Христово.

* * *

Что мог противопоставить этой коалиции Юрий Суздальский? Хотя он и был Мономашичем, но принадлежал к младшей ветви рода, происходящей от второго брака князя, и не мог похвастаться особой близостью к каким-либо правящим европейским домам. Его княжение в Суздале также не способствовало установлению династических связей на Западе. Скорее, Юрий с самого начала был сориентирован на контакты с южными и восточными соседями Руси. По своей первой супруге он был связан с половцами. Кем была его вторая супруга, мы не знаем. (О ее принадлежности к византийскому правящему роду Комнинов — о чем речь шла выше — можно говорить сугубо гипотетически.) Также ничего не известно об иноземных брачных союзах старших сыновей Юрия, если не считать указания поздних летописцев на то, что жена князя Андрея Боголюбского (вторая?) была родом из Волжской Болгарии{200}.

И тем не менее Юрий сумел на равных вступить в борьбу с племянником. Ему удалось найти союзника, который обладал не меньшими связями в восточноевропейском мире, чем Изяслав. Этим союзником стал галицкий князь Владимир (или Владимирко) Володаревич, имя которого уже упоминалось на страницах книги.

Князь Владимирко, несомненно, принадлежит к числу наиболее ярких фигур раннего русского средневековья. Создатель единого Галицкого княжества, он вошел в историю как сильный и жестокий правитель, человек действия, но вместе с тем и как хитроумный и изворотливый политик, способный порой убедить оппонентов одной только силой своего красноречия, а порой и попросту подкупить их, не боящийся рядиться в самые разные обличья и примеривать на себя роль то миротворца, то страдальца, а то и пророка, вещающего от имени Бога. Летописец называет его «многоглаголивым» — согласимся, что этот исключительный в русской летописи и не слишком лестный эпитет ярко характеризует галицкого князя. А в другом месте Киевской летописи содержится восторженная оценка «доброго князя Владимира», который, оказывается, «братолюбием светяся, миролюбием величался, не хотя никому зла»{201}.

Сын перемышльского князя Володаря Ростиславича (представителя старшей ветви потомков Ярослава Мудрого), Владимирко впервые проявил себя в драматических событиях

1122 года, когда его отец был обманом захвачен в плен поляками. Тогда он вызволил отца из плена, уплатив за него какой-то немыслимый по размеру выкуп (не только поляки, но и современники-немцы поражались тому, сколько «золота и серебра, и всяких драгоценностей в вазах и одеждах, и разного рода богатств было привезено на колесницах и верблюдах в Польшу»{202}).

Вскоре, в 1124 году, Володарь умер, а еще раньше его в том же году умер его брат, князь-слепец Василько Теребовльский. Далеко не сразу Владимирку удалось объединить под своей властью оба удела — отца и дяди. Это случилось только в 1141 году, после смерти его последнего двоюродного брата Ивана Васильковича. Своим стольным городом Владимирко избрал ничем до того не примечательный Галич, ставший при нем одним из главных политических центров Руси.

Ради сохранения власти Владимирку пришлось воевать и со своим родным братом Ростиславом (эта война имела место в 1126 или 1127 году), и, позднее, с племянником Иваном Ростиславичем Берладником. Его боялись и не любили в Галиче — надо полагать, из-за крутого нрава — и однажды едва не выгнали из города. В начале 1145 года, когда он отправился на охоту, галичане пригласили в город его племянника Ивана Ростиславича и провозгласили его князем. Владимирко осаждал собственный город в течение трех недель. 18 февраля 1145 года Иван выступил из города и дал битву дяде, но потерпел поражение и вынужден был бежать к Дунаю, а оттуда «полем» к Киеву. Галичане же держались еще целую неделю, не желая сдаваться, и только 25 февраля, «в неделю маслопустную», то есть Прощеное воскресенье, «нужею» отворили город. Войдя в Галич, Владимирко, по свидетельству летописца, «многы люди исече, а иныя показни казнью злою»{203}. Именно после этого Иван Берладник окончательно превратился в князя-изгоя и злейшего врага как самого Владимирка, так впоследствии и его сына Ярослава.

С самого начала существования единого Галицкого княжества Владимирку приходилось воевать и с киевскими князьями — прежде всего, с Всеволодом Ольговичем, а также с Изяславом Мстиславичем, особенно когда тот княжил на Волыни. Более всего галицкий князь противился объединению в одних руках Киева и Волыни, справедливо усматривая в этом угрозу независимости своего княжества. Оказавшись вновь во Владимире-Волынском, Изяслав должен был иметь в виду враждебность Владимирка, который не намерен был терпеть у себя под боком столь могущественного соседа.

Но, главное, Владимирко Галицкий имел свои счеты с венграми и поляками. Как и его отец, он был врагом польской правящей династии Пястов и в течение почти всей своей жизни не переставал мстить за отцовское унижение. Средневековые польские источники полны рассказов о свирепости и коварстве правителя Галича, о его всегдашней готовности к пролитию крови. Владимирко воевал с поляками и при жизни отца, и сразу же после его смерти{204}. В феврале 1135 года в союзе с венграми он взял и подверг жесточайшему разорению польский город Вислицу (на реке Нида, в Малой Польше). «Львами с окровавленными клыками» называет воинов Владимирка польский хронист Винцентий Кадлубек; ярость самого галицкого князя, по его словам, «не только не насытилась, но еще более распалилась от такого обилия кровавых убийств»{205}. Польский хронист рассказывает и о том, как «отблагодарил» Владимирко некоего изменника-паннонца (венгра), который помог ему овладеть Вислицей: вначале он оказал ему всевозможные милости, а затем, внезапно, «дабы нежданное копье поразило глубже», повелел схватить его, лишить зрения, вырвать язык и под конец оскопить, чтобы, как он выразился, «у вероломного чудовища» не родилось «чудовище еще более пагубное». Но в то же время Владимирко поддерживал постоянные контакты с Польшей, принимал у себя беглецов из польских земель. В общем, в глазах поляков он был хотя и злодеем, но, если так можно выразиться, «своим».

Галицкий князь имел давние и прочные связи и с Венгерской землей. По некоторым сведениям, его матерью была венгерка, а сам он был женат тоже на венгерке, чуть ли не на дочери короля Стефана II (1114—1131)[61]. Однако его отношения с правителями этой страны были весьма неустойчивыми: он то действовал заодно с ними, то воевал против них. Так, полагают, что он оказывал поддержку претенденту на венгерский престол Борису Коломановичу. С другой стороны, сам Владимирко позднее напоминал королю Гезе о том, что вместе с его отцом, слепым королем Белой II (1131—1141), немало воевал против поляков: «…отець твои бяше слеп, а яз отцю твоему досыти послужил своим копием и своими полкы за его обиду и с ляхы ся есмь за нь бил»{206}. В 1144 году уже венгры помогали галицкому князю в его войне с Всеволодом Ольговичем и другими князьями (в число которых, между прочим, входил и Изяслав Мстиславич), причем венгерское войско привел в Галич не кто иной, как бан Белуш, дядя Гезы II и фактический правитель Венгрии{207}.

Вскоре, однако, галицко-венгерский союз распался. Со времени женитьбы короля Гезы на сестре князя Изяслава

Мстиславича венгры начинают помогать уже Изяславу, а их отношения с Галичем делаются враждебными. Вероятно, это было связано не только с происками самого Изяслава и его энергичной сестры, королевы Евфросинии, но и с резким обострением венгерско-византийских отношений.

Дело в том, что узы родства (или, точнее, свойства) связывали Владимирка Володаревича еще с одним могущественным соседом Руси — византийским императором Мануилом I Комнином (1143—1180). Сестра галицкого князя, не названная по имени «дщи Володарева», еще в 1104 году была выдана замуж за одного из сыновей императора Алексея Комнина (ум. 1118) —по всей видимости, Исаака, родного дяди Мануила I. В отличие от брака Мономаховой внучки с сыном императора Иоанна Комнина, этот альянс оказался продолжительным и способствовал установлению прочного галицко-византийского союза. (Известно, например, что сын Исаака Комнина Андроник — будущий император — станет другом галицкого князя Ярослава Владимировича, своего близкого родича, и именно в Галиче найдет приют, когда вынужден будет бежать из Византии.) Сам Владимирко считался одним из наиболее верных союзников императора Мануила. Византийский историк Иоанн Киннам называет его даже вассалом («подданным союзником»; в оригинале: *«ὑπόσπονδος»)* ромеев[208]; исследователи предположительно делают из этого вывод, что галицкий князь формально признавал Мануила своим сюзереном[209].

Но именно в царствование короля Гезы и императора Мануила Византийская империя и Венгерское королевство вступают в затяжную войну друг с другом, которая будет продолжаться с переменным успехом без малого два десятилетия и в конце концов завершится победой Империи в 1167 году. Главной причиной этой войны стала борьба обеих держав за преобладание в сербских землях. Не последнюю роль сыграло также стремление императора Мануила распространить свое влияние на саму Венгрию. Мечтавший о восстановлении Византийской империи на западе в старых границах, Мануил сам был по матери наполовину венгром и как внук короля Ласло Святого принадлежал к правящему в Венгрии роду Арпадовичей. Это обстоятельство способствовало его притязаниям на верховную власть над Венгерским королевством.

Рубеж 40—50-х годов XII века ознаменовался в истории Европы образованием двух больших коалиций. В одну вошли обе Империи — германская Штауфенов и византийская Комнинов, весьма неожиданным образом оказавшиеся союзниками друг друга. Им противостояли их общие враги: помимо Венгрии, это

были норманнский герцог Сицилии Роже и германские Вельфы — извечные противники Штауфенов, а также стоявший за ними французский король Людовик VII. Враждовавшие между собой русские князья оказались в противоположных лагерях: Изяслав Мстиславич и его союзники — на стороне венгров; князь Владимирко Галицкий, равно как и Юрий Долгорукий, — в числе союзников Византии.

Мы не знаем точно, когда был заключен союз между Юрием Долгоруким и Владимирком Галицким. Объективные основания для этого появились еще в конце 1130-х — начале 1140-х годов, когда оба князя оказались единственными, кто категорически не признавал над собой власть киевского князя Всеволода Ольговича. Одинаково враждебны были они и сменившему Всеволода на киевском престоле Изяславу Мстиславичу. Однако первое упоминание в источниках о союзнических отношениях между князьями относится к началу 1150 года[62]. Очевидно, только заняв киевский стол, Юрий получил возможность действовать согласованно с Владимирком. У них имелся общий враг — бежавший на Волынь князь Изяслав Мстиславич, а ведь не секрет, что именно наличие общего врага во все времена является наиболее прочной основой любого военно-политического союза. Кроме того, став киевским князем, Юрий смог пойти на территориальные уступки Владимирку, пообещав ему несколько городов на западе Киевской земли. И действительно, впоследствии он передаст своему галицкому союзнику такую важную крепость, как Бужск, а также города на Горыни — Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу{210}.

Скрепить этот союз, как обычно, должен был династический брак: дочь Юрия Долгорукого Ольга была сосватана за сына Владимирка Галицкого Ярослава. Свадьбу сыграли в 1150 году, и так Юрий стал сватом галицкого князя. Одновременно он выдал еще одну свою дочь — за князя Олега, сына другого своего союзника, Святослава Ольговича[63].

* * *

Так определилась расстановка сил в новой войне, в которой Мстиславичи могли опереться на поддержку венгров, поляков и чехов, а Юрий — прежде всего, на военную мощь галицкого князя и авторитет Византии.

Впрочем, это была лишь самая общая схема. В каждой из названных группировок имелись свои противоречия. Поляки и венгры, например, имели немало причин для взаимной вражды.

Но к концу 40-х годов XII века Болеслав Кудрявый и его братья были заинтересованы в союзе с Гезой, поскольку более всего опасались притязаний на верховную власть в Польше своего старшего единокровного брата Владислава Изгнанника, который обосновался в Германии и нашел себе покровителя в лице короля Конрада III. Конрад же поддерживал и венгерского изгнанника Бориса Коломановича, а тот, как мы знаем, был главным врагом Гезы. В свою очередь, чешский князь Владислав II, напротив, считался союзником Конрада, с которым особенно сблизился во время Второго крестового похода. Однако и он выразил готовность поддержать Изяслава (правда, реальной помощи русскому князю, кажется, так и не оказал).

Изяслав попытался склонить на свою сторону и дядю Вячеслава Владимировича, который княжил в Пересопнице — городе, находившемся примерно на середине пути между Киевом и Владимиром-Волынским. Он отправил к нему послание, призывая объединиться против Юрия и обещая отдать в случае победы киевский стол: «Ты ми буди в отца место, пойди, сяди же в Киеве. А с Гюргем не могу жити». Однако тут же, словно забыв о только что объявленном «старейшинстве» дяди, угрожал в случае отказа сжечь его город: «„.Не хочеши ли мене в любовь прияти, ни Киеву поидеши седеть, а хочю волость твою пожечи».

Эти угрозы напугали Вячеслава. Из возможного союзника Изяслава он сделался его противником и в свою очередь отправил гонцов к брату Юрию. Впрочем, впоследствии Вячеслав еще не раз будет менять свою позицию и переходить то на одну, то на другую сторону.

Свои проблемы возникали и в отношениях между Юрием и Владимирком, Одна из них была связана с тем, что к 1149 году в лагере Юрия оказался злейший враг галицкого князя — его племянник Иван Ростиславич Берладник.

Биография этого князя-изгоя и авантюриста исключительна для древней Руси. Свое прозвище он получил из-за того, что на какое-то время обосновался в Нижнем Подунавье, в районе реки Берлад (Бырлад, ныне на территории Румынии). Как пишут современные исследователи, здесь существовали «поселения вольных людей, беглецов из Руси, предшественников позднейшего русского и украинского казачества, занимавшихся пиратством и называвшихся берладниками»[64]. Этими-то людьми и предводительствовал князь в те времена, когда ему приходилось бегством спасаться из русских пределов. Враждовавший с галицкими князьями — сначала с Владимирком, а затем с его сыном Ярославом, он будет нападать на торговые корабли галичан и «пакостить» галицким рыболовам, а около

1158 года захватит и разграбит город Олешье — важный торговый форпост русских в устье Днепра.

Приключения Ивана Берладника на Руси и за ее пределами могли бы послужить сюжетом для авантюрного романа в духе Стивенсона или Рафаэля Сабатини. Став князем-изгоем, он переходил от князя к князю, легко брался за любые, самые рискованные поручения, но с такой же легкостью покидал своего покровителя, если тот почему-либо не устраивал его, причем не считал для себя зазорным прихватить чужое добро, то есть попросту ограбить недавнего благодетеля. Так, покинув Святослава Ольговича, он перешел к его врагу Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, а от того — к Юрию Суздальскому.

Отправляясь в поход на Киев, Юрий оставил Ивана Ростиславича в Суздальской земле. Он поручил ему весьма щекотливую миссию: тревожить Новгород и не давать новгородским «данщикам» собирать дань на подвластной им территории. Один из эпизодов этой деятельности князя-кондотьера стал нам известен из сообщения Новгородской Первой летописи: в том же 1149 году «идоша даньници новгородьстии в мале, и учюв Гюрги, оже в мале шли, и посла князя Берладьскаго с вой, и бивъшеся мало негде». Новгородцы укрылись на некоем острове; Берладник же со своим отрядом, встав напротив, «начаша город чинити в лодьях», то есть сооружать подвижное укрепление из лодок, способное защитить нападавших от стрел оборонявшихся. Новгородцы продержались два дня, а на третий, поняв, что штурм неизбежен, сами напали на суздальское воинство и нанесли ему значительный урон: «И бишася, и много леже обоих, нъ суждальць бещисла»{211}.

Активная политическая деятельность Берладника, пусть даже и в отдаленном Суздальском «залесье», не могла не тревожить галицкого князя Владимирка. Нам неизвестны подробности его переговоров с Юрием о будущем союзе. Но очень может быть, что судьба князя-изгоя, по-прежнему претендовавшего на галицкий стол, особо обсуждалась ими. Так или иначе, но Иван Берладник вскоре будет схвачен Юрием Долгоруким и брошен в оковах в темницу. Когда точно это случилось, мы не знаем. Но знаем, что Иван пребывал в Суздале «в великой нужи» до 1156/57 года, то есть почти до самой смерти Юрия Долгорукого. Надо полагать, что Юрий с готовностью пожертвовал им ради сохранения добрых отношений со своим куда более могущественным союзником. И это при том, что, по словам церковных иерархов, схватив Берладника, Юрий нарушил клятву, скрепленную крестным целованием{212}.

Приключения Ивана Берладника на этом не закончатся.

После долгих лет заточения он обретет свободу и еще сыграет в жизни Юрия Долгорукого важную роль. Однако об этом позже.

Еще одним князем, попавшим в окружение Юрия, стал его тезка Юрий Ярославич, сын бывшего волынского князя Ярослава Святополчича, политического противника Владимира Мономаха, На какое-то время он также оказался изгоем. Летописец называет его «советником» Юрия Долгорукого и приписывает ему не слишком завидную роль разжигателя вражды между князьями. Юрий Ярославич постоянно будет противиться заключению мира между Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем. В какой-то степени его можно понять: его отец сам княжил во Владимире-Волынском, и он, не имея удела в Русской земле, выступал в поход к этому городу с особыми чувствами.

Однако Юрий Долгорукий вовсе не собирался передавать Владимир-Волынский своему тезке. Как выяснилось, он не забыл об обещании, данном им брату, князю Андрею Владимировичу Доброму. Юрий целовал крест на том, что будет заботиться о его сыне Владимире и по возможности наделит того волостью. Волынь, где княжил когда-то Андрей Владимирович, и была предназначена племяннику. Правда, забегая вперед, скажем, что реализовать этот план Юрию так и не удастся.

Уход Юрия Долгорукого из Суздаля привел к потере для него Рязанской земли. Кажется, именно так следует понимать известие поздней Никоновской летописи о том, что в том же 1149 году «прииде из Рязани в Киев к великому князю Юрью Владимеричю князь Игорь Давыдовичь»{213}. Надо полагать, речь идет о сыне бывшего союзника Юрия Долгорукого, рязанского князя Давыда Святославича (если в текст летописи не вкралась ошибка и не имеется в виду преемник Давыда на рязанском престоле князь Игорь Святославич, как думают некоторые исследователи). Его бегство из Рязани могло объясняться только возвращением в город прежнего рязанского князя Ростислава Ярославича{214}.[65] Так в число противников Юрия Долгорукого вновь вошла Рязань.

ПОХОД НА ВОЛЫНЬ

О намерениях Изяслава Мстиславича Юрию сообщил его брат Вячеслав. «Се утри уже идуть, — писал он из Пересопницы, — а лядьсции князи вселе (воссели. — *А.К.)* уже на коне, а Изяслав ти уже доспеваеть»[215].

Эти сведения были точны. Как и просил Изяслав Мстиславич, его союзники «полезоша на кони» на Рождество Христово, 25 декабря 1149 года. Король Геза направил на помощь шурину 10-тысячное войско, а сам пообещал сдерживать Владимирка Галицкого, не давать ему возможности «двигнути», то есть выступить на помощь Юрию. При этом король объявил, что при необходимости, если войска «иструдятся», пришлет еще воинов или даже сам выступит в поход: «Се ти пущаю полкы своя… а ты ся прави с ким ти обида есть; аче ти ся полки иструдять, а яз силнеиши пущю другыя, пакы ли, а сам всяду на коне». Болеслав Польский выступил в поход сам «с многою силою». Вместе с ним шел и его брат Генрих, князь Сандомирский; другой их брат, Мешко, остался в Польше «стеречи земли своея» от враждебных Польше прусских племен. В войске князя Изяслава Мстиславича оказались и какие-то немцы — скорее всего, наемники, нанятые или им самим, или, по его просьбе, его союзниками. Об участии в походе чешских полков князя Владислава II Ипатьевская летопись — основной наш источник — не сообщает[216]: по-видимому, Владислав хотя и обещал прийти, но по какой-то причине не пришел.

Когда поляки и венгры прибыли во Владимир-Волынский, Изяслав пригласил их к себе на обед. «И тако обедавше, — свидетельствует летописец, — быша весели, великою честью учестив е и даръми многыми дарова е». Иноземцы привнесли с собой новые обычаи, не знакомые русским. В Луцке польский князь Болеслав совершил обряд посвящения в рыцари молодых волынских дружинников Изяслава: «пасаше (то есть опоясал. — *А.К.)*… сыны боярьскы мечем многы». Еще позднее, уже в Киеве, венгры устроят рыцарский турнир и конные ристалища, на которые русские будут смотреть с некоторым удивлением, не вполне понимая их смысл и предназначение.

Изяслав и его окружение охотно принимали чужие правила игры. Не только потому, что им важно было «учестить» союзников (то есть оказать им надлежащие почести). Тесть и сват европейских монархов, Изяслав и себя вел так, как подобает европейскому монарху, кажется, стараясь дистанцироваться от принятой на Руси «византийской» модели верховной власти. Для

Юрия же это, по-видимому, было неприемлемо. Так, выбрав себе разных союзников, Изяслав Мстиславич и Юрий Долгорукий выбрали и разные линии поведения, в какой-то степени предвосхитив то различие в исторических путях, на которые впоследствии, столетие спустя, встанут их далекие потомки — галицко-волынский князь Даниил Романович Галицкий (прямой правнук Изяслава Мстиславича) и новгородский и владимиро-суздальский князь Александр Ярославич Невский (правнук Юрия Долгорукого)…

Юрий конечно же не собирался ждать, пока Изяслав нападет на него. Он предпочел наступательную тактику, тем более что об этом его просил брат Вячеслав, опасавшийся наступления племянника. В уже цитированном письме брату Вячеслав взывал о помощи: «…Любо дай Изяславу, чего ти хочеть; пакы ли (то есть: если же нет. — *А.К.),* а пойди полкы своими ко мне, заступи же волость мою… Ныне же, брате, поеди; видеве оба по месту, что на[м] Бог дасть: любо добро, любо зло. Пакы ли, брате, не поедеши на мя, не жалуй, аже моей волости пожене быти». Для Юрия союз с братом был как нельзя кстати. Начиная с этого времени он будет выказывать Вячеславу всяческие почести, подчеркивать его «старейшинство» и даже поведет речь о его вокняжении в Киеве.

В первой половине января 1150 года Юрий выступил в поход на Волынь. С ним шли «дикие» половцы — его теперешние постоянные союзники. Гонцы Юрия заранее были отправлены в Галич — просить о подмоге Владимирка Володаревича.

Две рати двигались навстречу друг другу. Изяслав с венграми и поляками прибыл в Луцк — город на реке Стырь (притоке Припяти) — и провел здесь три дня. В это время полки старших Юрьевичей, Ростислава и Андрея, вступили в Пересопницу — город Вячеслава Владимировича. Вслед за ними в Пересопницу вошли и Юрий с основными силами, а затем и галицкая помощь. Сам Владимирко выступил из Галича и остановился недалеко от Шумска — города, находящегося на пограничье Киевской, Галицкой и Волынской земель (ныне райцентр Тернопольской области Украины). Отсюда он мог угрожать и Луцку, и Владимиру-Волынскому. Король Геза своего обещания не сдержал и запереть Владимирка в Галиче не сумел.

Все эти передвижения сильно обеспокоили Изяслава Мстиславича, а еще больше — его венгерских и польских союзников, которые слишком хорошо знали силу Владимирка. «И убояшеся ляхове и угры», — замечает по этому поводу летописец. Посовещавшись, союзники все же выступили из Луцка и продвинулись еще немного на восток, остановившись у городка

Чемерина, на реке Олыче, притоке Горыни.

Казалось, сражения не избежать. Однако в ход войны вмешались внешние обстоятельства. Польские князья Болеслав и Генрих получили известие от своего брата Мешка о вторжении в их землю пруссов и объявили Изяславу, что должны покинуть его и вернуться в Польшу. Угроза со стороны прусских и ятвяжских племен в середине XII века и в самом деле серьезно осложняла жизнь польским князьям. Но трудно сказать наверняка, действительно ли обстановка в Польше требовала немедленного присутствия там всех польских князей, или же Болеслав Кудрявый воспользовался письмом брата только как поводом для того, чтобы избежать войны с грозным противником — войны с неясным исходом и, в общем-то, за чуждые ему интересы. Автор Суздальской летописи вкладывает в уста иноземным союзникам Изяслава слова, исполненные страхом и явным нежеланием продолжать войну: «Не вси ся есмы совкупили ныне (то есть не все мы собрались ныне. — *А.К.);* а бы ны како створити мир». Для продолжения войны, по их мнению, требовалось присутствие всех без исключения сил — в том числе и тех, которые остались в Венгрии и Польше.

Изяслава Мстиславича, разумеется, не обрадовало известие об уходе союзной рати. Но поделать ничего он не мог. Единственное, что ему удалось, так это попросить своих иноземных союзников выступить посредниками при заключении мира с Юрием. Польские князья и венгерские воеводы согласились направить своих послов к братьям Владимировичам — Вячеславу и Юрию. (Заметим, что в очень подробном рассказе летописи, восходящем к официальным записям о переговорах и включающем тексты посланий, которыми обменивались князья, имя Вячеслава называется первым.)

«Вы нам есте в отца место, — заявляли польские и венгерские послы от имени своих правителей, — а се ныне заратилася есте [с] своим братом и сыном Изяславом. А мы есмы по Бозе все крестьяне, одна братия собе, а нам подобает всим быти с себе (то есть быть заодно. — *А.К.).* А мы межи вами того хочем, абы Бог дал, вы быста уладилася с своим братом и сыном Изяславом…» Далее следовали конкретные условия, на которых должен был заключаться мир. Киев оставался у Юрия и Вячеслава, которым самим предстояло решить, кто чем будет владеть, а за Изяславом сохранялась Волынь: «…А быста вы седела в Киеве (двойственное число. — *А.К.),* сама ся ведаюча, кому вама приходить, а Изяславу осе его Володимир готов, а се его Луческ (Луцк. — *А, К.),* а што его городов, ать седить в том…» Однако отдельно — конечно же по инициативе Изяслава — был поставлен вопрос о новгородской

дани, которую Юрий так и не вернул еще с 1146 года: «…ать онамо к Новугороду Великому, ать взворотить Гюрги дани их вси». Забегая вперед, скажем, что именно по этому пункту дяде и племяннику не удастся договориться.

Современному читателю могут показаться неожиданными слова польских и венгерских послов о единстве христианского мира («А мы есмы по Бозе все крестьяне, одна братия собе»). И действительно, христианская Церковь уже столетие была разделена между католиками («латинянами», как их именовали на Руси) и православными («схизматиками», по терминологии католического Запада). Однако далеко не всеми ни в православном, ни в католическом мире это разделение воспринималось как безусловное и бесповоротное. Напомним, что ко времени описываемых событий только-только завершился — и завершился явной неудачей! — Второй крестовый поход (1147—1149), организованный французским королем Людовиком VII и императором Конрадом III. Составной частью этого крестового похода было наступление немецких и польских феодалов на языческие племена Поморья и Прибалтики — полабских и поморских славян, пруссов и ятвягов (так называемый крестовый поход против славян 1147 года). И для поляков, и для немцев русские были скорее возможными союзниками, нежели противниками в деле насильственного обращения в христианство язычников. Как мы уже говорили, многочисленные русские отряды в 1147 году участвовали в походе Болеслава IV на пруссов. Комментируя этот факт, немецкий хронист, автор так называемых Магдебургских анналов, посчитал необходимым специально заметить, что русские, «хотя и меньше, чем католики, однако отмечены именем христиан»[217].

Тогда же, в середине — второй половине 40-х годов XII века, на Русь обратил особое внимание главный вдохновитель и инициатор Второго крестового похода, знаменитый проповедник и беспощадный борец с язычеством аббат Бернард Клервоский. Но это был интерес несколько иного рода. В Польше всерьез обсуждали возможность посещения им русских земель с целью «исправления» «нечестивых обычаев и обрядов» русских. До нашего времени дошло адресованное святому Бернарду письмо краковского епископа Матвея и «комеса» Петра (вероятно, знаменитого палатина Петра Властовича, оставившего заметный след и в русской истории) об «обращении русских», которое предположительно датируется временем около 1147 года[218]. Авторов письма отличает нетерпимое отношение к религии «народа русского», который, «заблуждениями различными и порочностью еретической от порога обращения своего

пропитанный, Христа лишь по имени признает, а по сути в глубине души отрицает». Но показательно, что, обвиняя русских в многочисленных отступлениях от истинной веры, епископ Матвей и «комес» Петр подчеркивали, что русские «не желают… быть единообразными» не только с латинской, но и с греческой церковью. Несомненно, это было заблуждение (возможно, навеянное конфликтом с Константинополем непризнанного киевского митрополита Климента Смолятича) — но заблуждение, как будто дающее основания надеяться на возможность союза (унии) Русской церкви с латинской.

На Руси также уживались два взгляда на «латинство» западных соседей — венгров, поляков, чехов или немцев. Далеко не всегда в них видели исключительно отступников от истинного христианства. Правда, среди иерархов Русской церкви в XI—XII веках и позднее широкое распространение получили полемические антилатинские сочинения, пронизанные религиозной нетерпимостью и обвиняющие латинян в откровенной ереси (авторами таких сочинений были, например, преподобный Феодосии Печерский[66], киевские митрополиты греки Ефрем, Георгий и Никифор). Но реальная политика русских князей, которым приходилось постоянно общаться с правителями европейских стран, заключать с ними династические союзы, обмениваться посольствами, строилась, по всей видимости, на других основаниях. Латиняне рассматривались все же как несомненные христиане, хотя и с известными оговорками. Такой взгляд был свойствен и духовным лицам. Приведем два примера, извлеченные из памятников древнерусской литературы и разделенные более чем столетием. Один из русских книжников второй половины XI века, переводчик греческой «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия (предположительно, он работал в 70—80-е годы XI века), осуждая латинян за недостойное поведение — главным образом, за «мздоимание», — все же подчеркивал: «Но обаче иноплеменници суть, а наше учение прикасается им»{219}.[67] А писавший в конце XII века киевский летописец, один из авторов Ипатьевской летописи, рассказывая о неудаче Третьего крестового похода (1189—1192) и о гибели императора Фридриха I Барбароссы (1190), не сомневался в том, что павшие во время этого похода немецкие рыцари будут причтены к лику святых мучеников за веру: «Сии же немци, яко мученици святой, прольяша кровь свою за Христа со цесари своими, о сих бо Господь Бог нашь знамения прояви… и причте я ко избраньному Своему стаду в лик мученицкыи…»{220}

Должно было пройти немало времени, чтобы пропасть между православными и католиками сделалась непреодолимой. Это

случится только в XIII веке, когда у русских появится опыт более тесного общения с латинским Западом, включивший в себя и господство венгров и поляков в Галицкой Руси в начале XIII века, и попытку первой церковной унии в Галиче в 1214 году, и наступление шведских и немецких рыцарей на Новгород в 1240 и 1242 годах. Окончательно же русские и их западные соседи начнут воспринимать друг друга как иноверцев только после установления ордынского ига на Руси, к середине столетия{221}. Это надо обязательно иметь в виду, когда мы говорим об участии польских и венгерских войск в русской междоусобице. Перенесение на XII век позднейших представлений о религиозной нетерпимости в отношениях между Западом и Востоком было бы неоправданной модернизацией.

* * *

Вернемся, однако, к переговорам между Юрием и Изяславом. Получив предложение о мире через венгерских и польских послов, Юрий дал ответ от своего собственного имени и от имени своего брата Вячеслава. В принципе, — по крайней мере на словах — он не возражал против предложенных условий и благодарил иноземных правителей за посреднические услуги. Но прежде, чем продолжать переговоры, Юрий потребовал незамедлительного удаления венгров и поляков из русских пределов: «Бог помози зятю нашему королеви, и брату нашему Болеславу, и сынови нашему Индрихове, оже межи нами добра хочете. Но обаче оже ны ся велите мирити, то не стоите на нашей земли, а жизни нашея, ни сел наших не губите. Но ать Изяслав поидеть в свои Володимир, а вы в свою землю пойдите, а ве ся [с] своим братом и сыном Изяславом сами ведаимы». Обратим внимание на то, насколько точен летописец в передаче всех нюансов в именовании адресатов Юрьева послания: Болеслав Кудрявый, верховный правитель Польши, был для Юрия «братом»; его младший брат Генрих — «сыном»; король Геза — «зятем» (очевидно, «общим» зятем для всех русских князей, родичей его подлинного шурина Изяслава), а племянник Изяслав Мстиславич, как и прежде, — «братом и сыном». Но еще замечательнее другое: совершенно в соответствии со старым принципом «родового сюзеренитета» Волынская земля — волость Изяслава Мстиславича — объявлялась «нашей», то есть общим достоянием всех князей «Мономахова племени».

Поляки и венгры с видимой охотой согласились на требование Юрия: и те и другие поспешили домой. «Изяслав же

иде Володимирю (то есть во Владимир-Волынский — *А.К.),* а угре в Угры, а ляхове в Ляхы, — свидетельствует летописец, — и тако ся начата ладити». И венгры, и поляки действительно должны были торопиться домой, где их ждали совсем другие заботы. Венгрия все более втягивалась в военный конфликт с Византией из-за Сербии; польские же князья готовились к переговорам в Мерзебурге с императором Конрадом III. Их старшему брату и врагу Владиславу Изгнаннику удалось заручиться поддержкой не только германского императора, но и папы Евгения III: в январе того же 1150 года папский легат Гвидо извещал императора Конрада об интердикте (церковном запрещении), наложенном на Болеслава Кудрявого за неповиновение папе{222}.

Несомненно, уход венгерских и польских войск стал большим успехом Юрия и серьезно ослабил позиции Изяслава. Тут-то и выяснилось, что готовность Юрия к уступкам была большей частью мнимой. Мира так и не получилось. Юрий и Вячеслав, с одной стороны, и Изяслав — с другой, вновь начали обмениваться между собой послами, но камнем преткновения оказался вопрос о новгородских данях: «Изяслав же хотяше всих дании к Новугороду новгородцких, акоже есть и переже было, и тако не уладишася, и не послуша его Дюрги». Ни один из князей уступать не собирался. Их непреклонность в этом, казалось бы, не самом главном вопросе удивляет — но только на первый взгляд. Речь шла не просто о соотношении сил на севере Руси, хотя и это имело принципиальное значение и могло обеспечить необходимый перевес в борьбе за Киев и за главенствующее положение во всей Руси. И даже не просто о денежных суммах, необходимых для продолжения войны. Изяслав всеми силами старался сохранить за собой хотя бы часть великокняжеской юрисдикции, касающейся Новгорода, где по-прежнему княжил его сын. Юрий же ни в коем случае не хотел допустить этого. К тому же очень похоже, что он использовал разногласия по поводу «новгородских даней» еще и как повод для того, чтобы сорвать переговоры и возобновить военные действия.

Во всяком случае, когда Вячеслав попытался выступить миротворцем («нудящю брата на мир», по выражению автора Лаврентьевской летописи), Юрий не внял его уговорам. Он предпочел прислушаться к советам своего тезки Юрия Ярославича, решительного противника заключения мира. «И не да дании (Юрий. — *А.К.),* а Изяслав их не отступи».

Срыв переговоров привел к возобновлению войны. Причем в условиях, весьма благоприятствовавших Юрию. «И тако створи Дюрги, оже уже ляхове воротишася и угре, и рече: “Выжену (изгоню. — *А.К.)* Изяслава, а волость его всю перейму”». Захват

Волыни — волости Изяслава — открыто объявлялся целью нового похода.

Вместе со своими сыновьями и братом Вячеславом (который хотя и пытался перечить Юрию, но во всем вынужден был подчиняться ему) Юрий двинулся к Луцку, Впереди, как и раньше, действовали старшие Юрьевичи — Ростислав и Андрей — с летучими половецкими отрядами во главе с воеводой Жирославом. Изяслав же Мстиславич оставил в Луцке своего брата Владимира.

Начало этого нового похода едва не обернулось конфузом. Когда Ростислав и Андрей по пути к Луцку остановились у Муравицы — какого-то пункта на востоке Галичины, — внезапно ночью случился «пополох зол». Половцы с воеводой Жирославом бежали. Ростислав шел сзади, Андрей же находился впереди. После бегства половецкой дружины Андрей остался с немногими людьми. О причине «пополоха» никто не знал, и с минуты на минуту ожидали нападения основных сил Изяслава. Ростислав Юрьевич требовал от брата, чтобы тот отступил вместе со всеми, опасаясь «сорома», то есть того, что брат попадет в плен, однако Андрей отказался: «не послуша его, но стерпе пополох той». Так он и прождал до рассвета, «и похвали Бога, укреплешаго и, и еха к брату своему и половецьским князем».

Будущий реформатор Северо-Восточной Руси, князь Андрей Юрьевич Боголюбский в молодые годы отличался какой-то безудержной отвагой. Не раз и не два оказывался он буквально на волосок от смерти, рисковал жизнью — иногда бездумно, иногда оправданно, с точки зрения тогдашних представлений о княжеской чести. Эпизод у Муравицы — лишь один из многих в ходе войн Юрия Долгорукого, в которых Андрей проявлял чудеса храбрости.

Продолжать путь к Луцку князья все же не решились и отступили немного назад, к городу Дубну, где и остановились, поджидая отца. Но тот следовал к Луцку своим путем. Получилось так, что Юрий с основным войском опередил их: когда братья наконец приблизились к Луцку — а это случилось 8 февраля 1150 года, на память святого мученика Феодора Стратилата, — они увидели у города отцовские стяги.

Оказалось, что сражение уже началось: пешцы Владимира Мстиславича выступили из города и начали перестреливаться с наступающим противником. В этот момент Андрей Юрьевич вновь явил пример личной храбрости. Он замыслил с ходу ударить по лучанам («ткнути на пешие»), однако его братья — Ростислав, Борис и Мстислав — не поняли его замысла и не поддержали его. По словам летописца, их ввело в заблуждение то,

что Андрей «не възволоче», то есть не развернул, свой стяг; Андрей, пишет благожелательно настроенный к нему автор летописи, «не величался», выезжая «на ратный чин», «но похвалы ищючи от единого Бога». Так, «пособием Божием, и силою хрестьною, и молитвою деда своего (Мономаха. — *А.К.)* въеха переже всих в противныя, и дружина его по нем ехаша, изломи Андреи копие свое в супротивне своем». Противник, не выдержав стремительного удара, бежал в город «по гребли» (оборонительному валу). Андрей один, оторвавшись от дружины, устремился за ним и оказался в окружении врагов. Из всей дружины его порыв поддержали только двое «менших детьских» (младших дружинников), бросившихся к нему на выручку. Во время этой лихой схватки конь Андрея был ранен двумя копьями, третье воткнулось в переднюю луку седла. «А с города, яко дождь, камение метаху на нь (на Андрея. — *А.К.),* един же от немчичь (немецких наемников, служивших Изяславу Мстиславичу. — *А.К.),* ведев и, хоте просунута рогатиною, но Бог сблюде». Князь Андрей уже готовился проститься с жизнью, однако сумел спастись; правда, один из «детских», защищая его, погиб. «И вынзе мечь свои, — пишет о князе Андрее летописец, — и призва на помочь собе святаго мученика Федора, и по вере его избави Бог и святыи Феодор без вреда». Израненный же конь, который вынес князя из схватки, умер. «Жалуя комоньства его», Андрей повелел похоронить коня на высоком берегу Стыри.

Этот подвиг князя Андрея был оценен современниками, почему и попал в летопись. «Отець же его Дюрги, стрыи Вячеслав и братия его вся радовахуся, видевше жива, и мужи отьни (отцовская дружина. — *А.К.)* похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче бывших всих ту», — пишет летописец.

Началась осада Луцка, которая продолжалась три недели: «Стоящим же им около города, и не дадущим ни воды почерети», — свидетельствует летописец. Всего же войска простояли у города почти полтора месяца — шесть недель (очевидно, включая то время, в течение которого шли переговоры о мире). Отрезанные от воды лучане вместе со своим князем Владимиром Мстиславичем терпели крайнюю нужду. Однако именно их стойкость не дала возможности Юрию завершить поход победой и, можно сказать, спасла Изяслава Мстиславича.

Сам Изяслав, собрав войска, намеревался было выступить к Луцку на помощь брату, однако этого ему не позволил сделать князь Владимирко Галицкий. Он со своими полками вступил на территорию Волынского княжества и встал «на Полоной» — «межи Володимером (Волынским. — *А. К.)* и Луческом». При этом галицкий князь не начинал военных действий, не разорял чужой

волости и вообще вел себя подчеркнуто миролюбиво, лишь преграждая путь Изяславу к Луцку («розъехае», по выражению летописца). Именно в связи с этими событиями автор Киевской летописи и дал восторженный отзыв о «добром князе Владимирке», который «братолюбием светяся»: «не хотя никому зла», он именно «того деля межи ими ста, хотя е уладити».

Изяславу Мстиславичу так и не удалось прорваться к Луцку. Пришлось обращаться к Владимирку — теперь уже его прося о посредничестве в переговорах с Юрием. «Уведи мя в любовь к строеви моему и своему свату Дюргеви, — с такими словами Изяслав послал к галицкому князю. — Яз в всем виноват перед Богом и пред ним».

Итак, Изяслав Мстиславич признавал себя виноватым перед дядей. Показательно, однако, что от «новгородских даней» он так и не отказался!

Владимирко охотно взял на себя роль миротворца и обратился к свату, «молящюся о Изяславе». Очевидно, полная победа Юрия и его утверждение на Волыни не входили в планы галицкого князя, который по-прежнему противился объединению Киева и Волыни в одних руках. Но Юрий на мир согласился не сразу. По летописи, его враждебность к племяннику разжигали все тот же злой «советник» Юрий Ярославич и старший сын Ростислав, Последний, очевидно, не мог простить Изяславу Мстиславичу обиду, которую тот нанес ему в Киеве, и превратился в его наиболее непримиримого врага.

На счастье Изяслава, на его защиту встал другой сын Юрия Долгорукого Андрей. Его и в молодости отличали не только безрассудная отвага, но и миролюбие — качества, редко уживающиеся друг с другом. «Сущю бо ему милостиву на свои род, паче же на крестьяны», — пишет об Андрее летописец. Андрей стал уговаривать отца не слушать Юрия Ярославича: «Примири сыновца к собе, не губи отцины своея». А далее повторил формулу, к которой всегда прибегали князья, желая остановить войну: «Мир стоит до рати, а рать до мира». Любопытно, что в речи Андрея (текст которой в летописи, к сожалению, дошел до нас не полностью, но с существенными пропусками) были повторены те слова библейского псалма, которые когда-то цитировал князь Владимир Всеволодович Мономах в своем знаменитом письме Олегу Черниговскому: «Отце господине, помяни слово писаное: “Се коль добро [и коль красно], еже жити братие вкупе!” (ср.: Пс. 132, 1)». Возможно, Андрей ссылался не на одну только Псалтирь царя Давида, но и на письмо своего великого деда.

Свой голос в пользу мирного разрешения конфликта

присоединил и Владимирко Галицкий, направлявший в те дни послания как Изяславу, так и Юрию с Вячеславом. Князья словно соревновались друг с другом в красноречии, находя все более и более убедительные аргументы и все более и более яркие цитаты. «Бог поставил нас волостели в месть злодеем и в добродетель благочестивым, — назидательно писал Владимирко Юрию и Вячеславу. — То како можем молитися к Създавшему нас?! Отце нашь остави нам прегрешения наша, якоже мы оставляем прегрешения наша. Сыновец ваю Изяслав (в тексте ошибочно: Святослав. — *А.К.),* акы от ваю рожен, перед вами не творится прав, но кланяеться и милости ваю хочеть. Аз же не прост есмь, не прост ходатаи межи вами! Ангела Бог не сослеть (то есть не пришлет с небес, — *А.К.),* а пророка в наше дни нетуть, ни апостола». (В «Истории» В. Н. Татищева окончание речи Владимирка звучит так: «…Ангела бо Бог не пошлет, пророков и апостолов во дни наши нет, но учение их с нами; того должны мы слушать и закон хранить, не думая о себе неподсудным быть Богу»{223}.) Очевидно, именно пророком, возвещающим истину, и ощущал себя сам Владимирко.

Особенно сильное впечатление это письмо произвело на Вячеслава Владимировича. «Незлобивый сердцем», он «послуша брата своего и свата Володимира, прием в сердци слова его, потькнуся к ряду и к любви», то есть склонился к заключению мира. Впрочем, последующая речь Вячеслава к брату показывает, что это его стремление диктовалось не одним только братолюбием, но и опасением за судьбу собственной волости, слишком близко расположенной к владениям племянника. «Брате, мирися! — требовал Вячеслав от Юрия. — Хочеши ли не уладивъся пойти прочь, то ты ся прочь, а Изяслав мою волость пожьжеть».

Юрий также не мог не прислушаться к словам свата. Союз с Владимирком был основным условием успешного продолжения его войны с племянником, и если галицкий князь настоятельно требовал мириться, то приходилось подчиняться. К тому же приближалась весна с ее всегдашней распутицей, никак не способствовавшей ведению боевых действий.

Судя по показаниям летописца, переговоры между князьями начались в конце февраля, спустя три недели после установления осады, — вероятно, с началом Великого поста (27 февраля), и продолжались еще три недели — до 20-х чисел марта. Тогда и был заключен мир. По условиям этого мира, Киев оставался за Юрием, а Владимир-Волынский — за Изяславом; Юрий возвращал своему племяннику и «все дани» новгородские, на чем тот так отчаянно настаивал. «И тако уладившеся, разъехашася, и целова

крест, и весне приспевши, мир створиша».

Юрий и Вячеслав вернулись в Пересопницу. Туда же к дядьям приехал и Изяслав Мстиславич. В Пересопнице переговоры продолжились: теперь князья обсуждали более конкретные вопросы, и в частности условия возвращения пленников и добычи, захваченных Юрием в битве у Переяславля в августе предыдущего года. Решено было добычу и челядь вернуть прежним владельцам — в том случае, если они опознают свое. Изяслав Мстиславич должен был прислать в Киев своих тиунов для того, чтобы отобрать принадлежавшее ему добро среди трофеев, захваченных в битве («своего деля товара и своих деля стад, его же бе отшел»); соответственно, и бояре бывшего киевского князя должны были поехать сами или прислать своих тиунов с той же целью. После этого Изяслав вернулся во Владимир-Волынский, а Юрий с Вячеславом отправились в Киев.

* * *

Рассказывая о событиях этого времени, автор поздней Никоновской летописи сообщает о нападении половцев на Торческ — город на реке Рось, населенный торками. Половцы захватили город, «и власти и села повоеваша и пожгоша»[{224}].

Обитатели Поросья — торки, берендеи, печенеги и другие «свои поганые» — издавна были союзниками переяславских и киевских князей. Последние предоствили им значительную автономию и по возможности старались не вмешиваться в их дела. Как раз в том же 1150 году в землях «черных клобуков» побывал арабский путешественник и дипломат Абу Хамид ал-Гарнати, направлявшийся из Волжской Болгарии через Русь в Венгрию. «И прибыл я в город страны славян (вероятно, Торческ? — *А.К.)*… А в нем тысячи “магрибинцев”, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджнак (печенегов. — *А.К.)*»[*[68]*].

«Черные клобуки» были врагами половцев. Половецкий набег 1150 года — если, конечно, сведения о нем Никоновской летописи точны — оказался совсем некстати для нового киевского князя. То, что он не сумел защитить торков от их всегдашних врагов, очень скоро будет поставлено ему в вину. По сведениям (или догадке?) В. Н, Татищева, именно это станет причиной вражды к Юрию обитателей Поросья. «Юрий, по некоей клевете гневаяся на черных клобуков, якобы они Изяславу доброхотствуют, — читаем в «Истории Российской», — в помочь

им войск не послал, за что они, вельми оскорбясь, послали тайно ко Изяславу говорить, чтоб, собрав войско, шел ко Киеву, а они обесчались ему по крайней возможности не токмо сами помогать, но и других к тому склонять»[225]. Юрий рассорился и с берендеями — ближайшими родичами торков: «слыша в берендеях недовольство и великое на себя роптание, — продолжает историк XVIII века, — начал их бояться, також и черниговским не верил, ведая, что они Изяславу тайно приятели, и боялся, чтоб сии, согласясь, его Киева не лишили».

Так «черные клобуки» вошли в число противников Юрия. До тех пор, пока он сохранял мир с Изяславом Мстиславичем, это было не так уж страшно для него. Но в том-то и дело, что условия заключенного в Пересопнице мира не устраивали ни самого Юрия, ни его брата Вячеслава, ни тем более их племянника Изяслава, отнюдь не смирившегося с потерей Киева.

«…А С НАМИ НЕ УМЕЕТ ЖИТИ»: БЕГСТВО ИЗ КИЕВА

Войны того времени во многом велись ради захвата добычи. Привезенное из похода имущество — золото и серебро, челядь, скот, кони, оружие, одежды — служило и мерилом княжеской чести, и видимым выражением самой победы — своего рода аналогом византийских «триумфов», и средством материального обеспечения дружины, необходимым условием сохранения ею способности и в дальнейшем выполнять военные, административные и иные функции. Только принимая во внимание все перечисленное, можно понять, насколько болезненно отнесся Юрий Долгорукий к попытке Изяслава Мстиславича вернуть себе имущество, захваченное у него во время битвы под Переяславлем. На словах Юрий согласился принять тиунов своего племянника и оказать им помощь. Однако выполнять свое обещание на деле, кажется, с самого начала не собирался.

Тиуны Изяслава Мстиславича и его бояр в соответствии с достигнутой договоренностью прибыли в Киев «и начата познавати свое». Челядь узнавали «по лицу» и, очевидно, по расспросам; коней и скот — по клеймам, «товары» — по имевшимся на них княжеским печатям и другим имущественным отметкам. Процедура опознания утраченной собственности была оговорена соответствующими статьями «Русской Правды»[{226}]. И хотя они не вполне подходили для данного конкретного случая, все же было очевидно, что опознание должно быть утверждено княжеским решением. Юрий же опознания не утвердил и ничего из захваченного не вернул: «того всего не управи», по выражению летописца. «Мужи Изяславли» вернулись на Волынь ни с чем.

Понятно, какова была реакция Изяслава. Он немедленно отправил новых послов к Юрию и Вячеславу «с жалобою». Впрочем, обращался Изяслав к одному Юрию: «Тако се, брате, на том есмы хрест целовали, кому свое познаваючи имати. Ныне же, брате, оже хощеши хресту управити (то есть если хочешь крестное целование соблюсти. — *А.К.),* то дай ны Бог пожити; не хочеши ли управити, а то узрим». А не получив ответа, отправил и второе послание: «…Се же, брата (теперь уже двойственное число. — *А.К.),* первое есми слал к вам; и ныне любо на чем хрест еста целовала, то управита. Не хочета ли того всего исправити, то я в биде не могу быти».

Последние слова обоих посланий содержали в себе

неприкрытую угрозу: волынский князь готов был начать войну из-за своей «обиды».

К этому времени относится и разлад в отношениях между Юрием и Вячеславом. Вскоре после возвращения из волынского похода Юрий «поваби» (позвал) брата «на стол Киеву». Трудно сказать, насколько искренним было его намерение передать брату киевское княжение. Договоренность на этот счет между ними, несомненно, существовала (отправляясь биться с Изяславом, Юрий, как вспоминал впоследствии Вячеслав, якобы говорил: «Аз Киева не собе ищю, оно у мене брат старей Вячьслав, яко и отець мне, а тому его ищю»{227}). Вполне возможно, Юрий и в самом деле готов был уступить старшему брату хотя бы формальные права на престол, оставив за собой фактическую власть над всей Южной Русью. Однако и этой договоренности не суждено было воплотиться в жизнь. По выражению летописца, Юрия «размолвиша» с братом бояре. «Брату твоему не удержати Киева, — вполне резонно заявили они. — Да не будеть его ни тобе, ни оному»{228}. (В Никоновской летописи отказ Юрия от передачи киевского стола брату объясняется давлением на него сыновей: вступление Вячеслава в Киев «неугодно бысть сыновомъ князя Юрьа Владимерича Долгорукого; князю же Юрью Владимеричю не слушающу детей своих, они же начата глаголати бояром отца своего. Бояре же собравшеся и шедша, реша великому князю… И тако бояре возставше, не даша ему воли»{229}.)

В словах бояр была очевидная истина. Без поддержки Юрия слабовольный Вячеслав не мог удержать Киев. Но Юрий и без них должен был понимать это. Да и не похоже, чтобы его легко можно было заставить поменять свою точку зрения. Скорее, бояре лишь озвучили мнение самого Юрия, позволили ему при принятии собственного решения сослаться на то, что он якобы подчиняется чужой воле. Именно так летопись объясняет действия князя: «послушавшю бояр», Юрий вывел из Вышгорода своего сына Андрея и дал Вячеславу вместо Киева Вышгород. Вячеслав подчинился, хотя это решение сильно обидело его. Позднее он будет выговаривать брату за то, что тот обманул его и не выполнил своего обещания: «…а Бог ти помогл, а ты же Киев собе, и еще над темь Пересопницю и Дорогобужь еси у мене отьял, а ты мя тако переобидил, а мне еси Вышегород один дал».

Пересопницу же, бывшую волость Вячеслава, Юрий забрал себе. Сюда он направил на княжение другого своего сына, Глеба, который заодно получил и Дорогобуж. Находясь вблизи границ Волынской земли, Глеб должен был «стеречь» Изяслава Мстиславича, не давать тому возможности неожиданно напасть на Киев. Однако выбор Юрия оказался не слишком удачным. Глеб

однажды уже капитулировал перед Изяславом и, по-видимому, сохранил страх перед своим двоюродным братом. Во всяком случае, надежд, которые возлагал на него отец, он не оправдал.

* * *

Между тем Изяслав готовился к походу. Его собственные волынские дружины были невелики по численности, но сумели сохранить боеспособность после недавней войны. По-видимому, имелись в составе его войска и польские и венгерские отряды. «Оправяся в хрестьном целование», то есть объявив крестное целование Юрию недействительным из-за его нарушения самим Юрием, Изяслав выступил к Луцку, а оттуда внезапно направился к Пересопнице. Глеб со всеми «товары», то есть с обозом, занимал позиции вне города. Изяславу удалось «изъехать», то есть обойти его, отрезав ему пути отступления. Глеб едва успел сам вбежать в Пересопницу, однако вся его дружина, «товары» и кони были захвачены Изяславом. Лишенный дружины, Глеб не смог защищать город («не бе с ким стояти противу ему», по выражению летописца) и обратился к Изяславу — напомним, своему двоюродному брату — с мольбой о пощаде: «Ако мне Гюрги отець, тако мне и ты отець, а яз ти ся кланяю. Ты ся с моим отцем сам ведаешь, а мене пусти к отцю. И целуй ко мне Святую Богородицю (икону. — *А.К.),* ако мене не примеши (не схватишь. — *А.К.),* но пустиши мя к отцю своему. А яз к тобе сам поеду и поклони ти ся».

Изяслав обещал не трогать Глеба («целова к нему Святую Богородицю»). Как и раньше, он всячески демонстрировал свою расположенность к Юрьевичам, подчеркивал, что ведет войну не с ними, но лишь с их отцом: «Вы мне братия своя, до вас нету речи никоеяже. Но обидить мя твои отець, а с нами не умееть жити».

Глеб выехал из города и поклонился Изяславу, то есть признал его «старейшинство». Изяслав встретил его приветливо, пригласил отобедать. Из Пересопницы князья вместе двинулись к Дорогобужу. Далее в сопровождении Изяславо-ва сын Мстислава Глеб отправился к Коречску (ныне Корец, в Ровенской области), откуда Мстислав отпустил его к отцу: «Поеди же, брате, к отцю своему. А то волость отца моего и моя по Горину».

По Горыни проходила старая граница между Киевской и Волынской землями, подтвержденная недавним Пересоп-ницким миром. Получалось, будто Изяслав Мстиславич не претендовал на Киев, хотя его сын вместе с Глебом уже переправился через Горынь и находился в пределах Киевской земли.

Глеб направился к Киеву. Он миновал Ушеск (в верховьях реки Уж, притока Припяти). Судя по несколько туманному тексту летописи, туда же должен был выдвинуться и Юрий Долгорукий.

Но если Юрий и ожидал наступления Изяслава, то, так сказать, на главном направлении, с запада. Изяславу же удалось перехитрить его. Он двинулся южнее, в область «черных клобуков». (Летопись называет два пункта движения Изяслава Мстиславича — Гольск и Кунилю, но где располагались эти — очевидно, торкские — городки, неизвестно.) Торки, берендеи и другие представители «черных клобуков» «с радостию великою» начали стекаться к князю «всими своими полкы». Они и раньше охотно поддерживали Мстиславичей, а теперь тем более готовы были воевать вместе с ними против Юрия. Так силы Изяслава сразу же возросли во много раз.

Появление Изяслава в «Черных клобуках» стало для Юрия полной неожиданностью. К тому же оказалось, что прихода Изяслава ждут и киевляне, готовые в любой момент изменить своему князю[69]. Юрий же не оценил вовремя угрозу, не успел обратиться за помощью к своему свату Владимирку Галицкому или черниговским князьям. Не видя возможности защищать Киев, он решился бежать: «и перебеже за Днепр с сынми своими, и бежа в Городок в Вострьскии (Остерский. — *А.К.)*». Здесь Юрий и укрылся. Его старший сын Ростислав, напомним, сидел в Переяславле. Эти два города и стали главными опорными пунктами Юрия в Южной Руси.

Точная датировка событий в летописи отсутствует. По всей видимости, все происходило в самом начале лета 1150 года{230}. Но если так, то одновременно (или почти одновременно) с Юрием Киев покидал его сват и союзник Святослав Ольгович, имя которого летопись в связи с этими событиями не называет. Известно, что 5 июня 1150 года Святослав вывез из Киева мощи своего брата, князя-мученика Игоря, извлеченные им из киевского Симеоновского монастыря — места первоначального погребения святого. Запись об этом внес под 1150 годом в свою летопись киевский летописец: «В то же веремя, лете (последнее слово в рукописи зачеркнуто. — *А.К.),* Святослав Олговичь перенесе мощи брата своего Игоря от Святаго Семена ис Копырева конца в Чернигов, и положиша у Святаго Спаса в тереме»[70], а точную дату — 5 июня — сохранила церковная традиция{231}.[71]

В этот день был большой церковный праздник — День Святого Духа, понедельник первой седмицы по Пятидесятнице. Вероятно, Юрий еще находился в Киеве или только что покинул город (трудно предположить, что Святослав Ольгович мог вывезти мощи брата из Киева после вступления в город Изяслава

Мстиславича). Но если наши расчеты верны, происходящее походило скорее не на торжественное церковное действо, а на бегство. В Чернигове же святые мощи князя-мученика были погребены со всеми подобающим почестями, в особом «тереме» при кафедральном Спасском соборе[72].

Так завершилось первое киевское княжение Юрия Долгорукого, продолжавшееся менее года.

«НЕ ИДЕТ МЕСТО К ГОЛОВЕ, НО ГОЛОВА К МЕСТУ»: ВТОРОЕ КНЯЖЕНИЕ

Прежде чем покинуть Киев, Юрий дал знать об этом своему брату Вячеславу. Княживший в ближнем Вышгороде, тот успел въехать в город раньше Изяслава Мстиславича. Вячеслав не сомневался в своих правах на киевский стол: ведь его «старейшинство» было признано и братом Юрием, и племянником Изяславом. И когда Изяслав со своими полками приблизился к Киеву, оказалось, что Вячеслав уже занял княжеский дворец («Ярославль двор»), причем сделал это вопреки воле самих киевлян.

В событиях междоусобных войн середины XII века роль веча — органа городского самоуправления — проявилась очень ярко, как никогда прежде. Многое в судьбах княжеских столов разных городов Руси, в том числе и Киева, зависело от воли горожан, от их готовности принять или не принять того или иного князя. И чем более ожесточенно князья сражались друг с другом, тем в большей зависимости оказывались от поддержки городской общины. Возрастание роли веча, таким образом, явилось следствием не только экономического и социального развития южнорусских городов (на что обычно обращается внимание), но и ослабления княжеской власти, что, в свою очередь, напрямую связано с бесконечными княжескими усобицами. Киевляне и жители ближних к Киеву городов были на стороне Изяслава Мстиславича — и в конечном счете именно это определило его успех в войне с Юрием Долгоруким. Однако настроение киевлян то и дело менялось, и далеко не всегда они были готовы с оружием в руках биться за своего князя. Мы уже сталкивались с этим, говоря о первом вокняжении Юрия в Киеве; столкнемся с этим и позднее.

Пока же, узнав о приближении к городу любимого ими князя, киевляне во множестве выехали ему навстречу. «Гюрги вышел ис Киева, — объявили они князю, — а Вячьслав седить ти в Киеве, а мы его не хочем… Ты нашь князь! Поеди же к Святой Софьи, сяди на столе отца своего и деда своего».

Изяслав предложил дяде добровольно покинуть Киев и вернуться в Вышгород. «Я есмь позывал тебе Киеву седеть, — напоминал он, — а ты еси не восхотел. А ныне ци сего еси дозрел, оже брат твои выехал, а ты ся седиши в Киеве? Ныне же поеди Вышегород свои». Однако Вячеслав от этого наотрез отказался. При всей своей нерешительности и нелюбви к пролитию крови,

полной неспособности настоять на своем он очень болезненно относился к попыткам умалить его княжескую честь, никогда не забывал о своем «старейшинстве» среди Мономашичей. «Аче ти мя убити (то есть если ты хочешь меня убить. — *А.К.),* сыну, на сем месте, а убии (убей. — *А.К.)*, — отвечал он племяннику. — А я не еду», К тому времени Изяслав в сопровождении киевлян уже вступил на «Ярославль двор». Вячеслав находился там же, на «сеньнице», в верхних покоях дворца. Киевляне начали подговаривать князя силой расправиться с Вячеславом: подсечь под ним сени и захватить и его самого, и его дружину. «Не дай ми того Бог, — отвечал на это Изяслав, хорошо помнивший обстоятельства убийства в Киеве князя Игоря Ольговича. — Я[з] не уби[и]ца есмь братьи своей. А се (Вячеслав. — *А.К.)* ми есть яко отець, стрыи свои. А я[з] сам полезу к нему…» С немногими людьми Изяслав действительно поднялся к Вячеславу и поклонился ему. Дядя и племянник «целовастася», то есть приветствовали друг друга, «и седоста оба по месту». «Отце, кланяю ти ся, — обратился Изяслав к дяде. — Не лзе ми ся с тобою рядити (договариваться. — *А.К.).* Видиши ли народа силу, людии полк стояща? А много ти лиха замысливають, а поеди же в свои Вышгород. Оттоле же ся хочю с тобою рядити».

Этих слов оказалось достаточно. Вячеслав все же выговорил племяннику («Ты мя еси, сыну, сам позывал Киеву, а я есмь был целовал хрест к брату своему Дюргеви»), однако безропотно согласился подчиниться («…аже ныне тако есть, сыну, а то тобе Киев, а я поеду в свои Вышгород»). Он покинул Киев, провожаемый насмешками и неодобрительными выкриками толпы, «с великим соромом», как потом вспоминал он сам. После того как он вошел в Вышгород, Изяслав действительно начал с ним «рядитися»: направил послов, и князья заключили мир («начаста ладитися»). Однако обиду на племянника Вячеслав затаил.

Так Изяслав вернул себе киевское княжение. Своего сына Мстислава он послал в Канев — город на правом берегу Днепра, ниже Киева. Действуя отсюда, Мстислав должен был привлечь на свою сторону турпеев, ближайших родичей торков и берендеев, расселившихся на левом берегу Днепра, и с их помощью «добыть» Переяславль, в котором пребывал князь Ростислав Юрьевич.

* * *

А что же Юрий? После своего бегства из Киева он срочно обратился за помощью к союзникам — свату Владимирку

Галицкому, а также черниговским князьям — Владимиру и Изяславу Давыдовичам, Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу. «Се изгнал мя Изяслав ис Киева, — писал он, — а сам сел в Киеве. А поедите помозите ми»[232]. И галицкий, и черниговские князья согласились помочь. Владимирко даже еще не распустил своих войск и готов был действовать немедленно. Черниговским же князьям требовалось время для того, чтобы собрать силы. Послы Юрия отправились и к «диким» половцам. Те тоже обещали прийти на выручку.

Тогда же по просьбе сына Ростислава Юрий направил в Переяславль другого своего сына Андрея. Ростислав узнал о намерениях князя Мстислава Изяславича и сумел опередить его. Он оставил Андрея в Переяславле, а сам устремился к Сакову — одному из торкских городов в Переяславской земле—и захватил турпеев врасплох: «согнал» их у Днепра «и, поймав е (их. — *А.К.),* переведе е Переяславлю». Такова была обычная практика русских князей в отношении «своих поганых»: когда опасались, что они могут перейти на сторону противника, их силой изгоняли с прежних мест обитания и переводили на новое место. Трудно сказать, вошли ли турпеи в состав войска Ростислава Юрьевича или Юрия Долгорукого и, если вошли, насколько были надежны, но помочь Мстиславу Изяславичу теперь они уже точно были не в состоянии.

Вскоре в Киеве стало известно о выступлении из Галича князя Владимирка Володаревича. Он со всеми своими войсками миновал Болохов и ряд других городов и приблизился к Володареву — городу, находящемуся уже в Киевской земле. Тогда же против Изяслава стали собираться силы черниговских князей. В этих чрезвычайно сложных для себя условиях Изяслав Мстиславич предпочел сначала нанести удар по наиболее опасному противнику — Владимирку Галицкому. («Се ми есть ближе, — объяснял он свой выбор, — к тому пойду переже».) Изяслав срочно призвал в Киев сына Мстислава с союзными берендеями, а сам отправился в Вышгород к Вячеславу.

Здесь между племянником и дядей состоялся примечательный разговор. Изяслав объявил о готовности передать Вячеславу Киев и вообще любую волость, которую тот пожелает: «Ты ми еси отець, а се ти Киев, а се волость которое тобе годно, то возми, а [и]ное мне вдаи». Но даже доверчивому Вячеславу было ясно, что племянник расщедрился так только потому, что не надеется защитить Киев от превосходящих сил вражеской коалиции. Поначалу он воспринял предложение Изяслава как издевку и отвечал «с гневом»: «Чему (почему. — *А.К.)* ми еси во оном дни не дал, но с великим соромом ехах ис

Киева?! Аже рать идет из Галича, а друга[я] от Чернигова, то ты мне Киев даешь!» Но и на этот раз Изяславу удалось уговорить дядю, заверить его в своей искренней любви и дружбе: «Я[з] есмь к тобе слал, а Киев тобе дая, и то ти есмь являл: с тобою могу быта, а с братом твоим Гюргем не управити ми есть. Но тебе люблю, акы отца, и ныне ти молвлю: ты ми еси отець, а Кыев твои, поеди во нь». Вячеславу слушать такие слова было приятно, и он согласился принять предложение племянника. Князья целовали крест в вышгородской церкви Святых Бориса и Глеба, у самых гробниц князей-мучеников, на том, что «Изяславу имети отцемь Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава». Это был договор, рассчитанный на длительную перспективу. Отныне Изяслав намеревался править в Киеве, прикрываясь «старейшинством» Вячеслава и тем самым нейтрализуя все претензии Юрия Долгорукого на великокняжеский стол. Тогда же целовали крест и бояре обоих князей, «ако межи има добра хотети и чести ею (их. — *А.К.)* стеречи, а не сваживати ею (то есть не ссорить их. — *А.К.)*».

По взаимной договоренности в поход против Владимирка выступал один Изяслав. Вячеслав же должен был отпустить с ним свой полк, а сам остаться дома — либо в Вышгороде, либо («коли тобе годно», как говорил ему Изяслав) в Киеве. Вячеслав выбрал второе и вновь сел в Киеве на «Ярославле дворе».

В августе 1150 года Изяслав, соединившись с братом Владимиром и сыном Мстиславом, выступил из Киева. Полк Вячеслава должен был следовать за ним, но вовремя не поспел. Войска остановились у Звенигорода, городка к юго-западу от Киева, а затем двинулись еще дальше навстречу Владимирку, к Тумащу — городу, расположенному на реке Стугне, вблизи области «черных клобуков». Здесь к Изяславу присоединились сами «черные клобуки» — берендеи, печенеги и торки: «жены своя и дети своя в городех затворивше на Поросьи, а сами приехаша к Изяславу всими своими силами». Наутро, «исполчившись», Изяслав переправился через Стугну, а затем и через ее приток Ольшаницу. Владимирко со своими полками стоял в верховьях Ольшаницы. Обе рати сошлись на противоположных берегах реки и начали перестреливаться между собой. Тут-то и выяснилось явное превосходство галицкой рати. Первыми устрашились «черные клобуки»: «погании же видивше силу велику Володимирю, и убояшася, а Изяслав бе у мале (с малыми силами. — *А.К.),* а Вячеславль бяше полк к нему не притягл прити». Летописец приводит речь, с которой берендеи обратились к Изяславу: «Княже, сила его велика, а у тебе мало дружины. Да же не переидеть на ны черес реку; не погуби нас, ни сам не погыни.

Но ты нашь князь, коли си[ле]нь будеши, а мы с тобою. А ныне не твое веремя, поеди прочь». Берендеев поддержали и киевляне.

Изяслав пытался убедить своих, взывал к их воинской чести в духе ратных призывов прежних русских князей: «Луче, братие, измрем еде, нежели сесь сором възмем на ся!» Но все было тщетно. Первыми позиции оставили киевляне, за ними торки и берендеи. Видя это, побежал и сам Изяслав со своей дружиной.

Это бегство оказалось неожиданным даже для Владимирка, который решил, что Изяслав отступает нарочно, для «лести», заманивая его в ловушку. Галичане не бросились преследовать отступающих, и это спасло Изяслава. Большая часть киевского войска сумела невредимыми вернуться к Киеву; полки Владимира «постиже» только «зад его (Изяслава. — *А.К.)»:* «овы изоимаша (захватили в плен. — *А.К.),* а другыя избиша».

К тому времени Юрий успел договориться с черниговскими князьями о совместных действиях. Когда Изяслав, только-только вбежавший в Киев, сидел на обеде с «отцом своим» Вячеславом, обсуждая сложившееся положение, стало известно, что соединенная рать Юрия и всех четырех черниговских князей подошла к Днепру и остановилась прямо напротив Киева. Юрий точно согласовывал свои действия с Владимирком и, очевидно, уже знал о бегстве Изяславовой рати. Киевляне на этот раз поддержали его. Они не просто отказались биться за Изяслава, но открыто стали переходить на сторону Юрия: «мнози поехаша в насадех к Гюргеви, а друзии почаша в насадех дружину его перевозити на сю сторону в Подолье». Подолье, или Подол, — низменная часть Киева, заселенная в основном торговым и ремесленным людом. Из этого летописного сообщения, между прочим, следует, что здесь к Юрию относились лучше, чем на аристократической Горе, где жила знать.

Изяслав и Вячеслав не решились оставаться в Киеве. «Поеди ты, отце, в свои Вышегород, — обратился Изяслав к дяде, — а я[з] поеду в свои Володимир, Яже пакы по сих днех како ны Бог дасть». Времени медлить не оставалось. Отправив Вячеслава в Вышгород, Изяслав повелел дружине собираться у Дорогожичей — к северу от города, и, дождавшись ночи, поехал из Киева. События развивались стремительно. Юрий подступил к Киеву и вошел в город в самом конце августа или начале сентября того же 1150 года[73].

Готовность киевлян принять Юрия объясняется просто. Более всего в эти дни они страшились, что в город вступит Владимирко Галицкий со своими полками. Его жестокость и крутой нрав были хорошо известны. Помимо прочего, киевляне должны были опасаться контрибуции, которую мог наложить галицкий князь на

их город. (В подобных случаях Владимирко не церемонился. Например, позднее, возвращаясь из очередного похода на Киев, он не остановится перед тем, чтобы отобрать у жителей оказавшихся на его пути городов все наличное серебро, вплоть до женских украшений — колец и сережек, которые будут отправлены на переплавку.) Именно «убоявшеся» Владимирка, как сообщает летописец, киевляне и поспешили ввести Юрия в свой город и посадить его на великое княжение. Юрий однажды уже занимал киевский стол, а потому, по мысли киевлян, не должен был вести себя в городе совсем уж как завоеватель.

Так сбылась давняя присказка русских князей: «Не идет место к голове, но голова к месту». (Летописец вкладывает ее в уста князю Изяславу Мстиславичу — правда, повествуя о совсем других событиях{233}.) Князь Юрий Владимирович вновь занял киевский стол.

Владимирко Галицкий подошел к городу почти одновременно с Юрием — по сведениям Ипатьевской летописи, на следующий день после переправы Юрия через Днепр. Князья встретились у Ольговой могилы — знаменитого киевского урочища, расположенного на Щекавице — одной из трех главных киевских высот. Вместе с Юрием были все четверо его черниговских союзников — оба Давыдовича, Владимир и Изяслав, и оба Святослава, Ольгович и Всеволодович; «и ту ся целоваша, не съседаюче с конии у Сетомля на болоньи». (Сетомлью, по всей вероятности, называли в Киеве один из притоков Почайны, правого притока Днепра, — возможно, Глубочицу или ее приток Киянку; что же касается «болонья», или Оболони, то так именовалась низменность между берегом Днепра и Киевскими горами.) Князья договорились послать в погоню за Изяславом младшего из черниговских князей Святослава Всеволодовича и Юрьева сына Бориса. Те гнались за противником до так называемого «Чертова леса» — лесного массива на западе Киевской земли, между реками Уж и Случь, — но, «не постигьше их, възвратишася».

Тем временем князь Владимирко всем своим поведением, казалось, стремился успокоить киевлян и опровергнуть их опасения на свой счет. Не заезжая в Киев, он отправился в Вышгород — поклониться гробницам святых князей Бориса и Глеба, (Любопытно, что о его встрече с княжившим в Вышгороде Вячеславом Владимировичем источники не сообщают; по всей видимости, Вячеслав от встречи уклонился.) Затем галицкий князь въехал в Киев и поклонился уже киевским святыням: Святой Софии, Десятинной церкви Святой Богородицы, «Великой» Успенской церкви киевского Печерского монастыря. Похоже, что

он действительно был не против занять киевский стол. Но если так, то он опоздал. Ко времени его новой встречи с Юрием — в Печерском монастыре — последний был уже провозглашен киевским князем. Впрочем, это не сильно расстроило Владимирка. Сватья подтвердили прежний договор: «створиста межи собою велику любовь». Владимирко отправился в обратный путь к Галичу, а Юрий в знак особого уважения отпустил с ним своего сына Мстислава.

Отступая, Изяслав Мстиславич занял Погорину — область по реке Горыни, разделявшей Киевскую и Волынскую земли. В Дорогобуже он посадил своего сына Мстислава, а сам вместе с братом Владимиром отступил к Владимиру-Волынскому. Еще один его брат, Святополк, находился в Луцке. Владимирко с Юрьевым сыном должны были выбить их из этих пунктов.

Мстислав Изяславич покинул Дорогобуж без всякой борьбы, даже не дожидаясь подхода галицкого князя. При одном известии о приближении противника он бежал в Луцк к дяде. Владимирко занял все города в междуречье Горыни и Стыри, однако хорошо укрепленный Луцк взять не сумел. Он посадил Мстислава Юрьевича на княжение в Пересопницу, а сам ушел в Галич. По сведениям весьма осведомленных источников во Владимире-Волынском, Владимирко намеревался захватить и другие принадлежавшие Изяславу города в Волынской земле, а может быть, даже изгнать Изяслава из Владимира-Волынского и вообще из русских пределов.

* * *

Второе киевское княжение Юрия началось с весьма неприятного инцидента. В первые же дни после его утверждения в Киеве, в начале сентября, к Переяславлю подошли половцы, направлявшиеся к нему на помощь. Они опоздали, Юрий уже овладел Киевом, и помощь «диких» кочевников оказалась не нужна. Но половцы вовсе не собирались возвращаться с пустыми руками. Поскольку поживиться за счет врагов Юрия им не удалось, они принялись разорять окрестности Переяславля — города, в котором княжил сын Юрия Ростислав: «пакостящим ся людем, сбегшимъся в град», так что тем «не смеющим ни скота выпустити».

Ни Юрий, ни черниговские князья еще не распустили своих войск. Юрий послал к Переяславлю Святослава Всеволодовича, только что вернувшегося из погони за Изяславом, чтобы тот «укротил» половцев и «воротил» их обратно в степи. Но ни

дипломатическая сноровка черниговского князя, ни его традиционные связи с половцами не помогли — кочевники продолжали свои бесчинства. «Укротить» их удалось только Андрею Юрьевичу, также посланному отцом на помощь Ростиславу. Андрей заключил с половцами мир, и те наконец покинули пределы Руси. Это случилось накануне или за несколько дней до 14 сентября — праздника Воздвижения честного Креста Господня. Летописец называет эту дату — единственную во всем рассказе о событиях, связанных с вокняжением Юрия в Киеве! — только потому, что Андрей задержался в Переяславле у брата, чтобы отпраздновать Воздвижение, и уже после этого возвратился к отцу в Киев.

Той же осенью Юрий перевел Андрея в Пересопницу. Очевидно, он опасался оставлять в этом городе — чрезвычайно важном со стратегической точки зрения — еще слишком юного и неопытного Мстислава. Андрей же, княжа в Пересопнице, должен был сдерживать Изяслава Мстиславича. Кроме Пересопницы, отец передал ему Туров и Пинск — города, являвшиеся центрами самостоятельных княжеств еще с X века, но к середине XII века вошедшие в состав Киевской земли.

В событиях этой войны князь Андрей Юрьевич постепенно превращался в самостоятельную политическую фигуру. Кажется, уже тогда обозначились его расхождения с отцом относительно перспектив дальнейшей войны. Андрей все больше склонялся к миру с Изяславом. В отличие от отца, он отдавал предпочтение Суздальской земле, а не богатому, но не слишком радушному к выходцам с севера киевскому Поднепровью. Впоследствии эти расхождения приведут его к открытому разрыву с отцом. Пока что до разрыва было еще далеко. Но можно думать, что, наделяя сына Туровом и Пинском, Юрий стремился в какой-то степени удовлетворить его княжеские амбиции. Суздальскую землю он предназначал исключительно для своих младших сыновей. Старшие, в том числе и Андрей, должны были закрепиться на юге, чтобы впоследствии сменить его на киевском престоле.

Вообще же второе княжение Юрия Долгорукого практически не освещено в источниках. Внимание летописца целиком сосредоточено на обстоятельствах продолжавшейся войны между ним и его племянником Изяславом Мстиславичем. Причем война эта описывается в летописи исключительно с позиций Изяслава.

* * *

Князь Изяслав Мстиславич развил в те дни кипучую

деятельность. С одной стороны, он попытался нащупать слабые места Юрия, воспользоваться возможными противоречиями между ним и его сыновьями. С другой — вновь обратился к своим польским и венгерским союзникам.

В октябре 1150 года Изяслав Мстиславич направил своих послов в Пересопницу к князю Андрею Юрьевичу с просьбой помирить его с Юрием. «Въведи мя к отцю твоему в любовь», — просил Изяслав своего двоюродного брата. А далее жаловался на свою злую судьбу: «…Мне отцины в Угрех нетуть, ни в Ляхох, токмо в Рускои земли. А проси ми у отца волости Погорину». Однако переговоры о мире были лишь одной — и, кажется, даже не главной — целью его посольства. На самом деле, как отмечает летописец, послы Изяслава исполняли еще одну роль — лазутчиков. Князь повелел им «розирать» (разведать) расположение Андреевых войск: «како город стоить». Изяслав хорошо помнил о том, как ловко он «изъехал» прежнего пересопницкого князя Глеба Юрьевича, и теперь хотел повторить то же с его старшим братом.

Возможно, Андрей и догадывался о тайной миссии посланцев Изяслава. Однако он поверил в искренность его мирных намерений и обратился к отцу с очередной просьбой пойти навстречу волынскому князю и тем самым завершить войну. И уж во всяком случае в военном отношении Андрей обладал бо́льшим опытом, чем его брат Глеб, а потому никакой полезной для себя информации соглядатаи Изяслава не извлекли. Они вернулись к своему князю убежденные в том, что взять город не представляется возможным, «Не сбыся мысль его, — пишет об Изяславе летописец, — зане бе утвержен город и дружину (Андрей. — *А.К.)* совокупил».

К тому же Юрий, несмотря на уговоры сына, ни на какие уступки Изяславу не пошел и волости по Горыни не вернул[74]. Изяславу оставалось искать иные пути для возвращения себе Киева. Главный удар он решил нанести по Владимирку Галицкому — своему наиболее опасному противнику. Если бы удалось вывести Владимирка из игры, то справиться с Юрием было бы гораздо легче.

Как и следовало ожидать, Изяслав обратился за помощью к венгерскому королю Гезе, своему зятю, а также к польским князьям. В качестве посла в Венгрию отправился его брат Владимир. «Ты ми еси сам рекл, акоже Володимер (Галицкий. — *А.К.)* не смееть головы склонити, — напоминал Изяслав Гезе о его прежних обещаниях. — Яз же есмь Гюргя ис Киева выгнал, и Гюрги передо мною бегаеть, и Володимер, пришед, свечався (договорившись. — *А.К.)* со Олговичи и погнал мя ис Киева. Ныне

же, брате, акоже ми еси сам вырекл, полези же на коне».

Король откликнулся на просьбу немедленно. Начался сбор полков со всей Венгерской земли. «Тако скуля всю силу свою», король лично выступил в поход на Галич, о чем и поспешил уведомить Изяслава: «Аз ти есмь с братом твоим с Володимером отселе уже пошел, а ты пойди оттоле, скупяся весь. А ведал ся будеть Володимер, кого заем (то есть увидит Владимирко, кого обидел. — *А.К.)*». Кажется, приняли участие в походе и польские отряды[75].

Так началась новая галицкая война. Но даже личное участие в ней короля Гезы не привело к поражению Владимирка. Галицкий князь имел своих доброжелателей в Венгерской земле, и те вовремя предупредили его о выступлении короля. Владимирко заперся в Перемышле; венгры же захватили Санок — город на реке Сан, в Карпатах, и разорили села близ Перемышля, но сам город взять не сумели. Владимирко прибег к способу, которым успешно пользовался и раньше, — попросту откупился от своих врагов: он вступил в переговоры с неким венгерским архиепископом Кукнишем (возможно, эстергомским примасом Кукинесом{234}) и двумя другими епископами, а также какими-то королевскими вельможами и, передав им «золото много», попросил уговорить короля вернуться обратно в Венгрию («умьзди я», по выражению летописца). Все это происходило в 20-х числах октября. Начались заморозки, и король, опасаясь, что до начала ледостава он не успеет вернуться, согласился на уговоры. Около 26 октября («о Дмитрове дни») король вместе со своими войсками повернул домой, обещая прийти позднее, когда «рекы ся установять», то есть когда на реках окончательно встанет лед.

Вместе с ним в Венгрию отправился и князь Владимир Мстиславич. Его общение с королем Гезой и сестрой, королевой Евфросинией, оказалось не только приятным, но и полезным. Между правителями Венгрии и Волыни была достигнута договоренность о его женитьбе на дочери бана Бе-луша, дяди короля Гезы. «Бановна», как называет ее летописец, отправилась во Владимир-Волынский, к Изяславу, а уже вслед за нею покинул Венгрию князь Владимир Мстиславич, обласканный королем, королевой и будущим тестем.

Владимир и сообщил брату о том, что сам Геза не сможет принять участие в предстоящей войне ни зимой, ни весной следующего года из-за непрекращающегося конфликта с Византией. («Царь на мя Грецкыи въставаеть ратью, и сее ми зимы и весны не лзе на конь к тобе всести», — сообщал Геза.) Однако король обещал отпустить к Изяславу 10-тысячное войско: «…Твои щит и мои не розно еста, — образно выражался он. — Аче ми

самому не лзе, а помочи, коли хочеши, [10] ли тысячь, болша ли, а то ти послю. А оже Бог дасть лете, то я в твоей воли есмь, а тогда своея обиды помьстиве, а како на[м] Бог дасть». — «…Оже, брате, твоя обвда, то не твоя, но моя обида, — в тон королю отвечал Изяслав, — пакы ли моя обида, то твоя». Владимиру Мстиславичу пришлось еще раз съездить в Венгрию. 10-тысячное войско, состоящее из «добрых людий», как и обещал король, действительно прибыло во Владимир. «На покорм» им князь Изяслав Мстиславич предназначил город Устилог в Волынской земле. Тогда же Изяслав отправил послов в Смоленск к брату Ростиславу. Удалось ему связаться и с «мужами» князя Вячеслава Владимировича, а также с «черными клобуками» и киевлянами. Получив заверения в том, что и в Киеве, и у «черных клобуков» его ждут и готовы принять на княжение, Изяслав в конце зимы 1150/51 года (предположительно, во второй половине февраля или в начале марта) выступил в поход к Киеву.

Это было и в самом деле отчаянное предприятие. Численно превосходящая рать Владимирка Галицкого находилась в полной боевой готовности и ожидала выступления Изяслава. Когда тот подошел к Пересопнице, оказалось, что Владимирко преследует его. Угроза оказаться в окружении была вполне реальной: Андрей Юрьевич со своими полками находился в Пересопнице, Юрий в любой момент мог выступить из Киева на помощь сыну, Владимирко с галичанами отрезал Изяславу путь к отступлению. Но опасность только придала силы Изяславу Мстиславичу. Именно в этом походе он во всем блеске продемонстрировал свое полководческое искусство. «Вы есте по мне из Рускые земли вышли, своих сел и своих жизнии лишився, — обратился он к дружине, — а яз пакы своея дедины и отчины не могу пере-зрети (пренебречь. — *А.К.)*. Но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налезу и вашю всю жизнь».

План Изяслава был прост. Он решил со всеми имеющимися силами продолжить движение к Киеву, оставив в тылу и Андрея в Пересопнице, и Владимирка. Если галицкий князь сумеет настигнуть его, он примет бой («како Бог розсудить с ним»); если же раньше придется встретиться с Юрием, то «с теми суд Божий вижю, како мя с ним Бог розсудить». Брата Святополка Изяслав отправил во Владимир-Волынский — «блюсти» город, а сам с основными силами — братом Владимиром, сыном Мстиславом, а также примкнувшим к нему городенским князем Борисом (своим двоюродным братом, сыном Всеволода Городенского, бывшего зятя Владимира Мономаха) и венгерским войском, устремился к Дорогобужу.

Дорогобужцы встретили его как своего князя, с крестами и

поклоном. Единственное, что их смущало, так это присутствие в войске венгров. «Се, княже, чужеземьци угре с тобою, — с опасением стали они говорить Изяславу, — а быше (как бы. — А *К.)* не сътворили зла ни что же граду нашему». Но князь заверил их в полной безопасности: «Вы есте людие деда моего и отца моего. А Бог вы помози!» Что же касается «угров», заявил он, «то яз вожю угры и все земли (то есть из всех земель людей. — *А.К.),* но не на свои люди, но кто ми ворог, на того вожю. А вы ся не внимайте ни во что же». Эти слова конечно же были обращены не только к дорогобужа-нам, уже сдавшимся князю, но и к жителям других городов, располагавшихся по пути к Киеву. Не заходя в Дорогобуж, Изяслав переправился через Горынь и двинулся дальше. Его признали жители Коречска. Князь миновал и этот город и остановился недалеко от переправы через реку Случь.

К тому времени силы Владимирка Володаревича и Андрея Юрьевича объединились. К ним присоединился князь Владимир Андреевич, юный сын Андрея Владимировича Доброго, получивший от Юрия в княжение Дорогобуж (по всей вероятности, он находился в Пересопнице вместе со своим старшим двоюродным братом Андреем). Князья переправились через Горынь и «с силою великою» устремились вслед за Изяславом.

Последний также ускорил свое движение. Он переправился через Случь, затем через Уж, и здесь, около города Ушеска, его нагнали передовые части Владимирка и Андрея. От захваченного в плен «языка»-галичанина Изяслав узнал, что и сам Владимирко находится поблизости, за лесом, ожидая подхода своих основных сил. Изяслав очень хотел воспользоваться этим и напасть на галицкого князя, однако дружина отговорила его. Решено было выполнять прежний план, принятый самим Изяславом, то есть двигаться дальше по направлению к Киеву до тех пор, пока сражение не станет неизбежным: «Аже ны Володимер где постигнеть, а ту с ним ся биемы… аче ны Гюрги усрячеть (встретит. — *А.К.*), а с тем ся бием». При этом советники Изяслава убеждали его в том, что по мере продвижения на восток его силы будут возрастать: «…а что ти будешь на Тетереви (следующем за Ужем притоке Днепра. — *А.К.),* а ту к тобе дружина твоя вси приедуть, а что ти Бог дасть и до Белагорода доидеши… а боле дружины к тобе приедеть, а болши ти силы».

У Святославлей Криницы (где-то между Ужем и Тетеревом) Владимирко наконец нагнал волынского князя. Обе рати расположились так, что волынские сторожа могли видеть галицкие огни, а галичане — огни Изяславовой рати. Но Изяславу и на этот раз удалось обмануть Владимирка и вновь оторваться от

преследования. Он повелел своим воинам разложить побольше огней, а сам ночью снялся с места и двинулся к Мичску — городу на Тетереве. И здесь он был принят как князь: «и ту усретоша и дружина, многое множество, иже седяхуть по Тетереви, и ту поклонишася Изяславу, и мичане с ними, рекуче: “Ты наш князь!”». Переправившись через Тетерев и дав отдых коням, Изяслав продолжил свой путь к Звиждену, где устроил совет с младшими князьями — братом Владимиром, сыном Мстиславом и Борисом Городенским, а также венгерскими воеводами. «…А се Володимер за нами… — рассуждал Изяслав, — а се другая рать перед нами Гюрги; то же того съждем, то нам, братие, будет трудно…» Изяслав предлагал идти к Белгороду — крепости на реке Ирпень, прикрывающей Киев с запада. Население города, по его расчетам, должно было поддержать его, однако полной уверенности на этот счет у князя не было: «Оже ны будеть лзе (можно. — *А.К.)* на Белъгород въехати, то Гюрги готов перед нами бегати, а мы поедем в свои Киев… аже въедем в не (в Киев. — *А.К.),* то аз веде, ти ся за мя биють. Пакы ны нелзе будеть поехати на Белъгород, а в Черный клобукы въедем; аже уже в Черный клобукы въедем и с ними ся скупим (объединимся. — *А.К.),* то надеемся на Бога, то не боимъся Гюргя, ни Володимира». Венгры поддержали его: «Мы гости есме твои. Оже добре надеешися на кияны, то ты сам ведаеши люди своя. А комони (кони. — *А.К.)* под нами, а добро, княже, друг прибудеть…»

Изяслав отправил к Белгороду своего брата Владимира, а сам с основными силами обещал следовать за ним. Если бы белгородцы вступили с Владимиром в бой, тот должен был послать к Изяславу и продержаться хотя бы до середины дня. «А сам биися заутра и до обеда, — наставлял Изяслав брата, — ать аз пакы любо на Обрамль мост (через реку Здвиж. — *А, К.)* перееду, любо другоиде (то есть другим путем. — *А.К.)* въеду же в Черныя клобукы, а скупяся пакы с черными клобукы, поеду же на Гюргя Кыеву». Если же удалось бы занять город без боя, то Изяслав присоединился бы к брату в Белгороде.

Княживший в Белгороде сын Юрия Борис проявил удивительную беспечность. В то время когда Владимир Мстиславич подступил к городу, он пьянствовал «на сеньнице» со своей дружиной и «с попы белогородьскыми». Если бы не некий мытник (сборщик дани), вовремя заметивший неприятеля и успевший «переметать» (поднять) мост через крепостной ров, Мстиславич беспрепятственно вступил бы в город и захватил Бориса в плен. Так Борису удалось спастись, однако защитить город он не сумел. Воины Владимира, подступив к городским воротам, вострубили в трубы; Борис в страхе бежал, а белгородцы

поспешили «помостить» (опустить) мост и открыть ворота: «потекоша противу к мостьку, кланяющеся и рекуще: “Княже, поеди…”».

Успех был полным. Оказалось, что Борис совершенно не ожидал нападения, а значит, и Юрий не имел точных сведений о наступлении Изяслава на Киев, Ни белгородцы, ни жители других городов к западу от Киева не удосужились известить его о наступлении Изяслава. Юрий оказался в информационной блокаде. (В. Н. Татищев объяснял неведение Юрия тем, что «черные клобуки везде по дорогам крепкие стражи имели, чтоб кто от Владимирка и детей Юриевых с ведомостью не проехал, которых, перенимая, побивали, а иных держали под стражею».) Владимир Мстиславич немедленно известил обо всем старшего брата: «Аз ти в Белъгород въехал, а Борис выбегл, а вести у Бориса не было, ни у Пор-гя нету вести, а поеди вборзе».

Изяслав поспешил к Белгороду. Еще до рассвета он вступил в город, а на следующий день, «исполчив» полки, вместе с венграми двинулся к Киеву. Брата Владимира Изяслав оставил в Белгороде на случай появления здесь Владимирка Галицкого.

Так Изяславу удалось не допустить соединения сил Юрия и Владимирка. О случившемся киевскому князю стало известно только от сына Бориса. Когда тот прибежал к Киеву, Юрий отдыхал в своей загородной резиденции на Красном дворе — по всей вероятности, на старом княжеском дворе своего деда Всеволода Ярославича, близ Выдубицкого монастыря{235}. Очевидно, все свои надежды Юрий возлагал исключительно на галицкого союзника, даже не допуская мысли о том, что тот пропустит Изяслава к Киеву. Защищать город Юрий не решился — «убоявся киян, зане имеють перевет ко Изяславу и брату его (Вячеславу. — *А.К.)»,* как свидетельствует суздальский летописец{236}. Как и год назад, князь предпочел бежать. Причем бежать немедленно, лишь с немногими людьми, даже не заезжая в Киев и бросив находящуюся там дружину: «не може собе ничим же помочи, въсед в насад, бежа на ону сторону, и въеха в Городок». Позднейший московский книжник, автор Никоновской летописи, вкладывает в уста Юрию такие исполненные горечи слова: «Увы мне! Где ся имам дети (то есть куда могу деться. — *А.К.)* от Изяслава Мстиславича? Камо аз бежу? Не имам избыти его; воистину враг ми есть и детем моим!» Так, «ужасеся зело» и «услыша, яко близ есть и со многою силою без числа грядеть на него, разуме же и киян своих, яко наипаче любять его (Изяслава. — *А.К.)*», «встав, побежа ис Киева»{237}.

(Между прочим, летописное сообщение вызывает некоторое недоумение. Дело происходило в начале весны 1151 года, по-

видимому, в последних числах марта, когда Днепр обычно находится подо льдом. Юрий же воспользовался «насадом», то есть речным судном, ладьей. По всей видимости, зима в тот год, несмотря на ранние заморозки, оказалась необычно теплой, и Днепр не замерзал вовсе.)

Так для Юрия Долгорукого все повторилось, будто в кошмарном сне. Он снова покидал Киев бегством, снова вынужден был укрываться в Городце Остерском и начинать отсюда борьбу за Киев. Его второе киевское княжение оказалось еще короче, чем первое, и продолжалось менее полугода.

Киевляне и прежде не любили его. Теперь же неприязнь превратилась в настоящую ненависть. Очевидно, добровольно впуская Юрия в город в начале сентября 1150 года, киевляне ожидали от него каких-то ответных шагов — может быть, финансовых льгот или других поблажек; может быть, заключения особого «ряда», оговаривающего права и положение князя в городе. Но Юрий не оправдал ожиданий. Нам, повторюсь, ничего не известно о внутренней политике Юрия за время его второго киевского княжения. Но кажется очевидным, что в качестве киевского князя он действовал так, как привык действовать в Суздальской земле, — не слишком считаясь с интересами местной знати, не принимая во внимание сложившиеся структуры городского самоуправления, которые в подвластных ему городах Северо-Восточной Руси не получили такого развития, как на юге.

Юрий во всех смыслах оставался для киевлян чужаком. Из рассказа летописи видно, что ненависть киевлян обратилась не только на него лично, но и на его дружину, пришедшую с ним из Суздальской земли: после его бегства и вступления в город Изяслава киевляне «много изъимаша (схватили. — *А, К.)* дружины Гюргевы по Киеву». По-видимому, выходцы из Суздальской земли вели себя в Киеве примерно так, как ведут себя победители в завоеванном городе. Они чинили насилия киевлянам, спешили обогатиться за их счет, а князь не слишком препятствовал им в этом.

«Нам с Гюргем не ужити», — говорили киевляне Изяславу еще накануне первого киевского княжения Юрия. Но с особой силой его политическая «неуживчивость» проявилась именно в те месяцы, когда он занимал киевский стол. И если раньше киевляне видели в нем прежде всего сына любимого ими Мономаха и отказывались биться против него, то теперь, после того, как он побывал их князем, отношение к нему изменилось в корне. В последующих войнах Юрия с Изяславом киевляне не только решительно поддержат своего князя и выразят готовность принять участие в военных действиях, но и проявят невиданную

прежде ожесточенность. Юрий же не усвоит полученного урока. И когда вновь сделается киевским князем — а это случится уже после смерти Изяслава Мстиславича, — то будет вести себя точно так же, как прежде, не считаясь с обычаями Южной Руси и опираясь исключительно на выходцев из Суздаля.

…Точная дата вступления Изяслава в Киев в летописи не обозначена[76]. Однако из описания последующих событий видно, что это случилось немногим ранее 2 апреля, то есть в самом конце марта. Киевляне восторженно встречали своего князя, и так Изяслав снова сел «на столе деда своего и отца своего с честью великою». Поклонившись Святой Софии, он отправился на «Ярославль двор», где и устроил пир для своей дружины, пришлых венфов и киевлян: «и ту обедав с ними на велицем дворе на Ярославли, и пребыша у велице весельи». Тогда-то венгры и устроили конные игрища и рыцарский турнир: «на фарех и на скокох (скакунах. — *А.К.)* играхуть многое множество, кияне же дивяхутся угром множеству, и кметьства их, и комонем их».

* * *

Изяслав действовал настолько стремительно, что Владимирко Галицкий и Андрей Юрьевич оставались в неведении относительно происходящего. Все еще пребывая у Мичска, на Тетереве, они послали сторожу разведать, где находится противник, и только тогда узнали, что Изяслав уже занял Киев, а Юрий бежал в Городец.

Владимирко пришел в крайнее раздражение. «Како есть княжение свата моего! — восклицал он, обращаясь к Андрею. — Аже рать на нь из Володимера идеть, а како того не уведати! А ты, сын его, седиши в Пересопнице, а другыи [в] Белегороде, како того не устеречи!» А затем заявил, что возвращается домой в Галич и прекращает военные действия: «Оже тако, княжите с своим отцем, а правите сами, а яз не могу на Изяслава один пойти…»

Андрей же отправился к отцу. Его по-прежнему сопровождал двоюродный брат — князь Владимир Андреевич. Князья приехали на устье Припяти, к «Давыдовой божонке» (вероятно, церкви Святого Глеба), здесь переправились через Днепр и поспешили в Остерский городок. Когда Андрей встретился с отцом, рассказывает автор Никоновской летописи, князья «охапившеся (обнялись. — *А.К.),* болезнене плакашася на долг час, сице глаголюще: “Увы нам! Како ся нам дети от врага нашего Изяслава

Мстиславича?”».

Между тем начиналась Страстная неделя. Юрий успел послать за помощью в Чернигов — к братьям Давыдовичам, и в Новгород-Северский — к Святославу Ольговичу, и теперь ждал от них вестей[77]. Другие гонцы с запасами золота отправились к «диким» половцам — словом, все повторялось точно так же, как год назад.

Святослав Ольгович выступил в путь сразу же по получении известия об изгнании Юрия — это случилось 2 апреля, в Великий понедельник. Он так спешил, что не стал дожидаться не только Пасхи, но и разрешения от бремени своей супруги, которая вновь сопровождала его, будучи на сносях. Уже на следующий день, 3 апреля, княгиня родила мальчика, нареченного Игорем, а в крещении Георгием — в честь князя-мученика Игоря Ольговича. Впоследствии этот князь обессмертит свое имя, став заглавным героем «Слова о полку Игореве». Уже после Пасхи (которая праздновалась в тот год 8 апреля) Святослав прибыл в Чернигов. Здесь он соединился со своим двоюродным братом Владимиром Давидовичем и племянником Святославом Всеволодовичем, и князья направились к Юрию. Другой Давыдович, Изяслав, напротив, отправился в Киев к Изяславу Мстиславичу. Так прежде неразлучные Давыдовичи оказались во враждебных лагерях. Относительно причин, по которым это произошло, историки в общем-то единодушны. Еще В. Н. Татищев попытался угадать их. «Братья разделились в обе стороны для того токмо, — писал он, — чтоб себе от коего-нибудь нечто приобрести, ибо который из воюющихся ни победит, они могли из онаго пользоваться»{238}. Но если так, то Давыдовичи просчитались. Начавшаяся война, в которой они оказались по разные линии фронта, будет стоить одному из них жизни.

Но еще прежде, чем черниговские союзники соединились с Юрием, в его жизни случилось очередное несчастье. 6 апреля, в Великую пятницу — день воспоминаний о Страстях Господних и самого строгого поста, на рассвете, в Переяславле умер его старший сын Ростислав[78]. На похороны князя из Городца Остерского приехали его братья — Андрей, Глеб и Мстислав. Им и суждено было отдать князю последние почести и похоронить его в соборной церкви Святого Михаила, рядом с его дядьями Андреем и Святославом.

КИЕВСКИЕ ДУУМВИРЫ

Заняв Киев, Изяслав Мстиславич осуществил наконец ту политическую комбинацию, о которой договорился с дядей Вячеславом еще летом 1150 года. Провозглашение Вячеслава киевским князем должно было лишить Юрия законных прав на киевский стол.

«В лето 6659 (1151) уведе (въведе. — *А.К.)* Изяслав стрыя своего и отца своего Вячьслава у Киев, — сообщает Киевская летопись. — Вячьслав же уеха (въеха. — *А.К.)* в Киев и еха к Святее Софьи, и седе на столе деда своего и отца своего»[239]. [79]

Условия, на которых Вячеслав принял киевское княжение, были заранее оговорены князьями. Уже на следующий день Вячеслав воззвал к племяннику и сам, по доброй воле, предложил ему принять на себя всю полноту реальной власти, признавая, что ему эта власть не под силу. «Сыну! — приводит его слова летописец. — Бог ти помози, оже на мене еси честь возложил, акы на своем отци. А яз есмь уже стар, а всих рядов не могу уже рядити, но будеве оба [в] Киеве. Аче нам будет который ряд — или хрестьяных, или поганых — а идеве оба по месту. А дружина моя и полк мои, а то буди обою нама. Ты же ряди: аче кде нам будеть мочно обеима ехати, а оба едеве; пакы ли, а ты езди с моим полком и с своим». Изяслав отвечал в соответствии с этикетом — как и подобает младшему князю отвечать старшему: «с великою радостью и с великою честью поклонися отцю своему и рече: “Отце, кланяю ти ся, како есве рекла, тако же нам и дай Бог быти по месту доколе же и жива будеве”».

Оба князя обосновались в Киеве: один в самом центре города, на «Ярославле дворе» (Вячеслав), другой — в пригородной княжеской резиденции «на Угорском» (Изяслав).

Из приведенного в летописи послания князя Изяслава Мстиславича брату Ростиславу Смоленскому следует, что именно Ростислав был инициатром этой политической комбинации. «Ты ми еси, брате, много понуживал, якоже положи™ честь на стрыи своем и на отци своем, — писал Изяслав. — Се же ныне Бог привел мя в Рускую землю, и добыл есм стрыя своего и твоего Киеве тебе деля и всея деля Рускыя земля». Ростислав, как и брат, с готовностью признал Вячеслава в качестве «отца». Тот, в свою очередь, признал смоленского князя «сыном» — еще одним, наряду с Изяславом: «А яз, сыну, тобе… молвлю, како мне сын брат твои Изяслав, тако ми ты».

Так был найден способ противостоять притязаниям Юрия Долгорукого. Это был первый киевский «дуумвират» (так, по

аналогии с Древним Римом, назвали эту форму правления исследователи[240]) — первый, но далеко не последний. Изяслав поступился своими «отчинными» правами на Киев, декларативно отказался от тех принципов, которые были положены в основу завещания его деда Владимира Мономаха и отца Мстислава Великого, то есть признал — пускай и формально, на словах — тот самый принцип «стареишинства», на котором основывал свои притязания на Киев Юрий Долгорукий. Исследователи справедливо говорят об очевидном компромиссе, совмещении в первом киевском «дуумвирате» обеих политических доктрин, выработанных общественной мыслью Руси к середине XII века[241]. Но это совмещение имело совершенно конкретную, сиюминутную политическую цель: взяв на вооружение тот принцип, который отстаивал Юрий, Изяслав сумел нанести своему дяде самое серьезное поражение, обезоружить его. «Старейшинство», которого так добивался Юрий, было по существу отделено от реальной власти, превратилось в ширму, завесу, прикрытие — то есть полностью обесценилось. И надо сказать, что найденная Изяславом формула разделения власти позднее будет воспринята и другими русскими князьями, которые в целях более прочного овладения великокняжеским престолом точно так же станут разделять реальную и декларативную власть над Киевом или же власть над Киевом и остальной территорией Киевского государства.

Это имело далеко идущие последствия для судеб всего Древнерусского государства. Удерживать стольный город Руси силой одного князя оказывалось теперь чаще всего невозможно. А значит, роль Киева как политического центра Руси и роль номинального киевского князя как главы всех русских князей неизбежно падали. Казавшиеся прежде незыблемыми законные права на киевский стол явно отделялись от реальной власти, становились фикцией. И точно такой же фикцией, своего рода декорацией постепенно будет становиться и сам стольный град Киев. Правда, для того чтобы понять это, потребуются время и опыт дальнейшей борьбы за киевский престол, в которой примут участие не только сам Юрий Долгорукий, но и его сыновья. Старший из них, князь Андрей Юрьевич Боголюбский, и окажется первым князем, демонстративно отказавшимся занять Киев после овладения им и посадившим сюда своего подручного, младшего князя, — брата Глеба…

* * *

Уже на следующий день после вступления в Киев Вячеслав и Изяслав — каждый от своего имени — щедро вознаградили за службу союзников венгров. Вячеслав пригласил к себе на «Ярославль двор» и самого Изяслава, и всех киевлян, «и Королевых мужей» венгров со всей их дружиной. «И пребыша у величи любви Вячьслав [и] Изяслав, — сообщает летописец, — велику честь створиста утром: Вячеслав же от себе, а Изяслав же от себе, и дарми многыми одариста и, и съсуды, и порты, и комонми, и паволоками, и всякими дарми».

Затем венгры с почестями были отпущены домой. Вместе с ними к королю Гезе отправился князь Мстислав Изяславич. Сын Изяслава должен был передать королю слова самой искренней благодарности от всех русских князей, а также обещание в случае надобности оказать королю такую же помощь со своей стороны. Но тут же, подтверждая прежний договор о дружбе, князья вновь просили короля о помощи против Юрия: «…Самого тебе не зовем, зане же царь ти ратен. Но пусти на помочь любо таку же, пакы [ли], а силнеишю того пусти на[м] с братом [своим] Мстиславом… зане же Гюргии есть силен, а Давыдовичи и Олговичи с ним суть, аче и половци дикеи с ним»,

Изяслав просил прислать помощь уже весной («ныне же, брате, сее весны помози на[м]»); если же войны с Юрием удастся избежать, то он обещал сам «с своими полкы» прийти королю на помощь и принять участие в его войне с императором Мануилом. «А все ти скажють твои мужи и брат твои Мьстислав, како ны Бог помогл», — писал князь в заключение.

Еще один гонец, как мы знаем, был отправлен к Ростиславу Смоленскому. Изяслав просил брата уладить все дела в Смоленске и Новгороде («тамо по Бозе у тебе сын твои и мои Новегороде Ярослав, а тамо у тебе Смолнеск») и поспешить к Киеву: «То же, брате, все урядив тамо, пойди же к нам семо, ать вси по месту видим, што явить ны Бог».

Князья располагали точными сведениями о приготовлениях Юрия к новой войне — о его встрече с сыном Андреем, посылке к черниговским князьям, подкупе половцев. Им удалось склонить на свою сторону одного из черниговских Давыдовичей — Изяслава[80]. Тот вместе с дружиной прибыл в Киев в 20-х числах апреля 1151 года. Чуть позже подошел и Ростислав Мстиславич «с смолняны с множеством вой». Это сразу значительно увеличило силы коалиции; князья «урадоваша радостию великою, и тако похвалиша Бога и Его Пречистую Матерь и силу Животворящаго хреста, и пребыша у велице весельи и у велице любви».

В этой войне Изяслав и его союзники отдали предпочтение оборонительной тактике. Их задачей было отстоять Киев, не

допустить сюда Юрия. Больше того, в отличие от событий лета 1149 года, Изяслав был готов на компромисс, на уступки своему дяде. Позднее князь Вячеслав Владимирович (который исполнял роль посредника в переговорах между Изяславом и Юрием) будет предлагать брату «Рускы деля земля и хрестьян деля» отказаться от притязаний на Киев и удовлетвориться «отчим» Переяславлем, а в придачу к нему еще и Курском (который, напомним, был отдан самим Юрием Святославу Ольговичу): «Поеди же у свои Переяславль и в Куреск и с своимы сыны, а онамо у тебе Ростов Великий, и Олговичи пусти домови, а сами ся урядим, а крови хрестьянъскы не пролеимы»[{242}].

Но Юрий откажется от предложения брата и племянника. О том, чтобы довольствоваться Переяславлем, не могло быть и речи; ему нужен был только Киев и ради овладения этим городом он готов был возобновить войну. Блеск «златого» киевского стола манил и ослеплял его, лишал прежних рассудительности и осторожности. Юрий не пожелал остановить грядущее кровопролитие, а это, как мы знаем, грозило теперь уже на него навлечь небесную кару.

ПОБОИЩЕ НА РУТЕ

Черниговские союзники прибыли в Городец Остерский в начале 20-х чисел апреля 1151 года. 23 апреля Юрий вместе с ними отпраздновал здесь свои именины.

Из Городца князья двинулись к Киеву и остановились на левом, низменном берегу Днепра, напротив города («сташа шатры противу Кыеву по лугови»). Сюда же к князю явилось множество «диких» половцев, на сей раз подоспевших вовремя. Летописец упоминает среди них сына «шелудивого» Боняка — половецкого «князя» Севенча Боняковича. Сын злейшего врага Руси, некогда едва не захватившего Киев и много воевавшего с Владимиром Мономахом, стал теперь союзником Юрия Долгорукого. По словам летописца, выступая в поход, он похвалялся повторить отцовские подвиги («Хощю сечи в Золотая ворота, яко же и отець мои»).

Ход дальнейшей войны очень подробно, хотя и без точных дат, излагается летописцем{243}. В самом конце апреля — первой половине мая Юрий попытался форсировать Днепр, однако Изяслав воспрепятствовал этому: «Изяславу же блюдущю въбрести в Днепр, и тако начашася бити по Днепру у насадех от Кыева оли и до устья Десны». Сражение за Днепр развернулось на значительном пространстве — как выше, так и ниже Киева. Оба войска использовали ладьи, или, точнее, «насады» — лодки с надсаженными бортами: «они ис Киева в насадех выездяху биться, а они ис товар (от обозов. — *А.К.),* и тако бьяхуться крепко».

Перевес явно был на стороне Изяслава Мстиславича. В очередной раз он проявил себя не просто как талантливый полководец, но и как новатор, усовершенствовав привычные всем речные суда. Летописец восторженно пишет о том, как князь «дивно» «исхитрил» свои ладьи. Он укрепил их не только более высокими бортами, но и кровлей, превратив по существу в неприступные плавучие крепости: «беша бо в них гребци невидимо, токмо весла видити, а человек бяшеть не видити, бяхуть бо лодьи покрыти досками, и борци (бойцы, в данном случае: лучники. — *А.К.)* стояще горе (наверху. — *А.К.)* в бронях и стреляюще». Не менее эффективным оказалось и другое новшество: князь посадил на каждую плавучую крепость по два кормчих — одного на носу ладьи, а другого на корме, и теперь лодку можно было, не разворачивая, направлять в любую сторону: нос превращался в корму, а корма — в нос; «аможе хотяхуть, тамо поидяхуть», как выразился летописец. Это позволило киевскому князю полностью контролировать ситуацию

на реке. Юрий и его союзники ничего не могли противопоставить мощи обновленной речной флотилии Изяслава.

Посовещавшись, князья решили перенести удар южнее и прорваться за Днепр у Витичевского брода. Однако миновать Киев по реке они не решились («не смеющим же им пустити лодии мимо Киева»): преимущество Изяслава было подавляющим. Пришлось заводить ладьи в Долобское озеро, расположенное против Киева, на одном из рукавов Днепра. Оттуда ладьи протащили волоком в речку Золотчу, впадающую в Днепр чуть ниже Киева, и по Золотче снова вошли в Днепр. Конное половецкое войско двигалось «по лугу», то есть по низменному левому берегу. Для Изяслава Мстиславича и его союзников этот маневр не стал неожиданностью. Их войско следовало параллельно по правому, гористому берегу, а речная рать открыто двигалась по главному руслу Днепра. Войска расположились у Витичева, возле Мирославского села, все также друг напротив друга.

И снова все попытки Юрия переправиться на противоположный берег оказались тщетны: «и ту стоящим бьяхуться, съездячеся в насадех о брод; имахуть они оних, а они онех, и ту стоящим им противу собе. Изяславу же туто не дадущю им въбрьсти; нелзе бы ни онем на сю сторону, ни сим на ону».

Юрий опять стал держать совет со своими сыновьями, а также с черниговскими князьями и предводителями половцев. Кто-то из них и предложил обходной маневр: незаметно спуститься еще ниже по течению Днепра, к Зарубскому броду, расположенному почти напротив Переяславля, и переправиться через Днепр там. Автор Киевской летописи приписывал инициативу этого маневра самому Юрию или его сыновьям («Гюрги же сгадав с сынми своими… и тако улюбиша то вси»); согласно же суздальскому летописцу, замысел принадлежал Ольговичам «с половци». Не вполне совпадают версии летописцев и относительно того, кто именно принимал участие в броске к Зарубу. В одном случае летописец сообщает, что Юрий отправил туда своих сыновей «с половци», а Владимир Давыдович и Святослав Ольгович — Святослава Всеволодовича, сами же старшие князья остались на месте; в другом — называет среди участников рейда уже обоих Святославов — и младшего Всеволодовича, и старшего Ольговича — с половцами.

Так или иначе, но маневр удался. Юрий с Владимиром Давидовичем (а по версии Ипатьевской летописи, еще и Святослав Ольгович) для видимости активизировали свои действия у Витичева: «исполчившеся полкы своими, почаша правити лодьи свое около песка, подле свою сторону, и тако

переправиша лодье свое вси около песка, и сами поеха-ша подле не (около них. — *А.К.)* берегом». Противники видели все их передвижения, а потому сконцентрировали на них все свое внимание, не подозревая об обмане. Однако Юрий и Владимир Давыдович лишь отвлекали Изяслава от места настоящей переправы.

В это время младшие князья вместе с половцами устремились к Зарубу. Надо сказать, что Изяслав заранее предусматривал и такую возможность и оставил у Зарубского брода свое охранение — опытного воеводу Шварна «с сторожи». Но численность отряда была невелика. Главное же, по мнению автора летописи, заключалось в том, что Шварн не мог пользоваться в войсках тем авторитетом, каким пользовались князья: «Да тем не тверд… бе брод, зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушають».

Половцы быстро разобрались в ситуации. Увидев, что брод защищен слабо, они, как были, бросились в воду: «и тако въбредоша на не (на них. — *А.К.)* на конех за щиты и копья и в бронях, якоже битися, и покрыта Днепр от множества вой». Русские воспользовались ладьями и также стали переправляться на другой берег.

Этого натиска воины Шварна не выдержали. Убоявшись множества половцев, они бежали к Изяславу Мстиславичу, который находился у города Ивана (очевидно, названного так по имени Ивановского монастыря) — где-то на полпути между Витичевым и Зарубом. В свою очередь, участники рейда — сыновья Юрия и оба Святослава — также поспешили уведомить своего князя о том, что переправа удалась и надо спешить, дабы опередить Изяслава Мстиславича и удержать завоеванный плацдарм на правом берегу Днепра.

Юрий успел вовремя. Вместе с основными силами он «вборзе» подошел к Зарубу и переправился через Днепр. Это был несомненный успех, но успех частный, еще далеко не означающий окончательную победу.

* * *

Теперь на что-то решаться предстояло Изяславу. Там же, у Ивана, он созвал князей на совет. Изяслав, как обычно, предлагал действовать решительно: немедленно напасть на Юрия и опрокинуть его, вогнать в Днепр. Брата поддержал Ростислав Смоленский. Однако дружина, а также киевляне и особенно «черные клобуки» — торки, берендеи, печенеги, ковуи — убедили князей не спешить. Более всего «черных клобуков» страшила

перспектива нападения Юрия на их собственные владения в Поросье. Под угрозой плена и разграбления могли оказаться их семьи и все их имущество. Изяслав согласился с доводами своих союзников. Было решено, что князь с основными силами отступит к Киеву, в то время как «поганые» в сопровождении князя Владимира Мстиславича отправятся к своим «вежам» (становищам) и, забрав жен, детей, скот «и што своего всего», также прибудут к Киеву. «Хочем же за отца вашего за Вячеслава, и за тя, и за брата твоего Ростислава, и за всю братью головы свое сложити, — объявили «черные клобуки» Изяславу Мстиславичу. — Да любо честь вашю налезем, пакы ли хочем с вами ту измерети. А Гюргя не хочем».

Отпустив «черных клобуков», князья заночевали в Треполе (в устье Стугны) и наутро отправились к Киеву. Даже не заходя в город, они расположили свои войска по внешнему кольцу укреплений, вокруг городских стен. Сам Изяслав Мстиславич с «товары», то есть с обозами, встал перед Золотыми воротами, у Язиной переправы через Лыбедь — пригородную киевскую речку, приток Днепра. Как полагают исследователи древнего Киева, здесь на реке Лыбедь против Золотых ворот находилась плотина, по которой проходил мост; это было наиболее уязвимое место киевской обороны{244}. Изяслав Давыдович Черниговский расположился между Золотыми и Жидовскими воротами «города Ярослава», а Ростислав Мстиславич с сыном Романом встали перед самими Жидовскими воротами (эти ворота, позднее получившие название Львовских, были обращены на запад; они получили свое название по прилегающему к ним кварталу города, издавна населенному иудеями). Наконец, еще один князь, Борис Городенский, занял позиции возле Лядских ворот, обращенных к востоку.

Киевляне со всеми своими силами, «и на конех, и пеши», также поспешили поддержать своих князей, заняв промежутки между позициями княжеских дружин: «и тако сташа около всего города, многое множество». Город был окружен со всех сторон, включая и Подол, прилегающий к реке Почайне, притоку Днепра: позиции киевлян тянулись до Ольговой могилы — урочища на горе Щекавице, к северу от Киева.

К вечеру того же дня, как и обещали, пришли «черные клобуки» с князем Владимиром Мстиславичем. Старшие Мстиславичи, Изяслав и Ростислав, повелели брату Владимиру вместе с берендеями занять позиции у Ольговой могилы. Ковуи же, торки и печенеги расположились южнее: между Золотыми и Лядскими воротами и далее к югу, до киевских предместий — Клова, Угорского и Берестового.

Так Киев оказался окружен несколькими сплошными оборонительными кольцами. Подобного сосредоточения сил история стольного города Руси еще не знала. Правда, скопление такого количества людей, лошадей и скота имело и оборотную сторону. Особенно много проблем возникло с «черными клобуками», которые пришли к Киеву со всеми своими «вежами», «и с стады и скоты их, и многое множество». По словам киевского летописца, вреда от них оказалось не меньше, чем от подступивших к Киеву врагов: «и велику пакость створиша оно ратнии (враги. — *А.К.),* а оно свое: и манастыри оторгоша (здесь: разграбили. — *А.К.),* и села пожгоша, и огороды вси посекоша».

Никаких наступательных действий Изяслав Мстиславич по-прежнему не предпринимал: «тако не удумаша ити противу им… но припустяче е к собе». По замыслу Изяслава, Юрий с союзниками, натолкнувшись на такую силу, неизбежно должен был отступить от Киева; тогда-то и надлежало нанести по нему сокрушительный удар. «То ти не крилати суть, — образно выражался Изяслав, обращаясь к дружине, — а перелетевше за Днепр, сядуть же, и оже ся уже поворотить от нас, а тогда, како ны Бог дасть с ним».

Сам Юрий Долгорукий в то время находился в Василеве — городке на реке Стугне, в 50 «поприщах» (верстах) от Киева. Он также действовал не спеша, сообразуясь с обстановкой. Это давало возможность князьям начать переговоры о перемирии. Инициатором выступил Изяслав, прибегший к посредничеству своего дяди Вячеслава.

Летопись подробно рассказывает об этих переговорах. «Вячеслав же рече ко Изяславу и к Ростиславу: “Се есмы, братья, уже доспели, а Гюрги мне брат есть, но моложии мене, а яз стар есмь, а хотел бых послати к нему и свое стар[е]ишиньство оправити…”». Мстиславичи поддержали его: «Тако же, отце, и учини, тако право». Отправляя к Юрию своего посла, Вячеслав вспомнил обо всех обидах, которые причинили ему соперничающие князья — и Изяслав, и Юрий. Не случайно свою речь к брату он диктовал послу в присутствии старших Мстиславичей — им также было что послушать. «Аз есмь, брате, тобе много молвил и Изяславу, обеима вама (двойственное число. — *А.К.):* не пролеита крови хрестьяньскы, не погубита Рускы земле, того вас есмь бороня. И не правил себе, оже мя переобидила, и первое, и другое, и бещестье на мене еста положила. А полкы имею, а силу имею, и Бог ми дал. Но яз Рускыя деля земли и хрестьян деля того всего не помянул…» Но тут же Вячеслав как раз и «помянул» о том, как его обманули сначала Изяслав, не только не передавший ему Киев после победы

над Игорем (вопреки собственному обещанию), но и отнявший у него Туров и Пинск; а затем и Юрий, лишивший его Пересопницы и Дорогобужа и также не давший ему обещанного Киева. «Се же Изяслав аче и двоича (дважды. — *А.К.)* ступил (нарушил. — *А.К.)* слова своего, — продолжал Вячеслав, — се же ныне, добыв Киева, и поклонил ми ся, и честь на мне положил, и в Киеве мя посадил, и отцемь мя назвал, а яз его сыном». И если прежде Юрий не мог заключать мир с Изяславом, так как не хотел поклониться «моложьшему», то теперь он может заключать мир с ним, с Вячеславом: «Яз тебе старей есмь не малом, но многом… Пакы ли хощеши на мое старишиньство поехати, я ко то еси поехал, да Бог за всим (то есть Бог рассудит. — *А.К.)*».

Юрию приходилось искать контраргументы. Его посол из Василева отправился в Киев с ответным посланием. «Яз ся тобе, брате, кланяю, — писал Юрий Вячеславу. — Тако право есть, ако то и молвиши: ты мне еси яко отець». Однако договариваться Юрий согласен был с одним Вячеславом, но не с Мстиславичами: «Аже ся хощеши со мною рядити, ать поедеть Изяслав Володимирю, а Ростислав Смоленьску, а ве ся сама урядиве».

Гонцы сновали между Василевом и Киевом и в ту, и в другую сторону. На послание Юрия Вячеслав отвечал своим, текст которого, несомненно, был согласован с Изяславом Мстиславичем, а возможно, и продиктован последним. «У тебя сынов 7, — писал Вячеслав брату, — а яз их от тебе не отгоню. А у мене одина (только. — *А.К.)* два сына: Изяслав и Ростислав…»[81] Именно в ходе этих переговоров Вячеслав и предложил брату новое разделение волостей, при котором за Юрием оставались на юге Переяславль и Курск, но при условии отказа от союза с Ольговичами и половцами: «Я, брате, тобе молвлю: Рускы деля земля и хрестьян деля поеди же у свои Переяславль и в Куреск и с своимы сыны… и Олговичи пусти домови, а сами ся урядим, а крови хрестьянъскы не пролеимы». Это было последнее условие, на котором мог быть заключен мир. В присутствии Юрьевых послов Вячеслав оборотился к храмовой иконе на церкви Благовещения над киевскими Золотыми воротами, призывая саму Пресвятую Богородицу — небесную покровительницу Киева — рассудить их спор с Юрием: «А той ны Пречистеи Госпожи судити с Сыном своим и Богом нашим в сии век и в будущий».

Но примирение было уже невозможно. Ни требование Юрия — чтобы Изяслав ушел во Владимир-Волынский, ни требование Изяслава — чтобы Юрий довольствовался Переяславлем, не могли быть выполнены. Как только посол Юрия вернулся из Киева с последними предложениями Вячеслава, Юрий объявил о выступлении в поход и уже на следующий день подошел к Киеву.

Войска Юрия и его союзников расположились у Лыбеди. Эта речка, местами пересыхающая, местами, наоборот, образующая искусственные пруды, стала последним естественным рубежом перед Киевом. Натиск Юрьева войска оказался далеко не всеобщим; военные действия развернулись не по всей линии фронта, а лишь на отдельных участках. Летописец — и это стало уже привычным — отмечает особую отвагу князя Андрея Юрьевича: действуя вместе с половцами, он и его двоюродный брат Владимир Андреевич «налегоша силою» и переправились через так называемую Сухую Лы-бедь — старое пересохшее русло реки. Андрей устремился на врагов, причем опять оторвался от собственного полка, не поддержавшего его порыв: «Андрееви же гнавшю ратные малом не до полков их», так что едва не оказался во вражеском окружении. Один из половцев ухватил его коня и вернул князя назад; «и лая дружине своей, зане бяхуть его остали вси половци».

Битва продолжалась до вечера. Еще на некоторых участках Юрьевы войска смогли переправиться через Лыбедь — в частности, на Оболони и напротив Лядских ворот, «на песках» (где, как мы помним, стоял князь Борис Городенский). Однако развить успех Юрию не удалось. По большей части его воины ограничивались тем, что перестреливались с противником через Лыбедь, то есть действовали крайне пассивно. Как полководец, Юрий, несомненно, уступал своему племяннику. Битва у Киева подтвердила это в очередной раз.

Изяслав без видимых усилий сумел перестроить свои войска и отразить натиск. Он повелел, не «руша» полков, выделить из каждого по несколько воинов и «нарядити» из них особую дружину. А затем одновременно всеми силами — в том числе и новообразованной ударной дружиной — обрушиться на переправившиеся через Лыбедь вражеские полки: «одиною всим потькнути на нь». В этом наступлении самое активное участие приняли «черные клобуки».

Полки Юрия удара не выдержали. Повсеместно они были загнаны в Лыбедь. На отдельных участках переправляться приходилось без всякого брода, вплавь, а это делало отступающих особенно уязвимыми для вражеских стрел и копий. «И тако избиша е (их. — *А.К.),* а другыи изоимаша е, инии же с конь сбегоша, и многы избиша». Среди погибших летописец называет половецкого «князя» Севенча Боняковича, похвалявшегося накануне похода ударить саблей в Золотые ворота.

Более Юрий попыток переправиться через Лыбедь не предпринимал: «Оттоле же ни один человек не переeха боле того на сю сторону», — свидетельствует летописец. «Гюрги, оборотя

полкы своя, поиде прочь». Битва за Киев по существу завершилась.

* * *

Отступление Юрия объяснялось не только его страхом перед превосходящими силами Изяслава Мстиславича. Как всегда, Юрий надеялся на своего свата и союзника Владимирка Галицкого. Очевидно, еще прежде он просил его о помощи, а теперь получил известие о выступлении князя из Галича. Так что Юрий не просто уходил из-под удара противной рати, но стремился выждать время, чтобы соединиться со своим могущественным союзником и продолжить войну.

Сразу же после неудачной битвы на Лыбеди Юрий отправил к Владимирку своего племянника Владимира Андреевича. Тот должен был сообщить галицкому князю самые последние новости и, главное, поторопить его. Сам Юрий направился к Белгороду — важнейшей крепости к западу от Киева.

Изяслав Мстиславич сделал все, чтобы помешать новому маневру суздальского князя. Правда, он не стал преследовать Юрия, что называется, по горячим следам, но отложил наступление на день. Летописец объясняет это просьбой Вячеслава. «Се есть начало Божий помочи, — будто бы заявил тот племянникам, отговаривая их от немедленного наступления. — …Оже Бог дасть… а заутра… поидемы же по них». Торопить события значило бы спугнуть удачу. «Не бывает двух радостей в один день», — говорили в таких случаях полководцы древней Руси. Но один день — одна радость, другой — другая.

Дальнейший ход войны прослеживается летописцем буквально по дням, так что рассказ его, по замечанию одного из исследователей, «местами приобретает характер дневника»{245}. Все произошло очень быстро, в течение приблизительно десяти-двенадцати дней мая или начала июня 1151 года.

Наутро после сражения на Лыбеди Изяслав отправил к Белгороду князя Бориса Городенского. Тот должен был не допустить перехода города под власть Юрия. Но белгородцы и так сохранили верность Мстиславичам. Когда Юрий появился под стенами города и потребовал открыть ворота («Вы есте людие мои, а отворите ми град», — приводит его слова летописец), они отвечали с насмешкой и вполне определенно: «А Киев ти ся кое отворил? А князь нашь Вячьслав, Изяслав и Ростислав»{246}.[82]

Белгород был хорошо укреплен. Юрий и не пытался взять его силой. Он отошел за валы — старые линии укреплений,

возведенные еще в X веке князем Владимиром Святым для обороны Руси против печенегов, — и стал дожидаться Владимирка Галицкого. Но Изяслав тоже знал о приближении Владимирка. Теперь ему надо было во что бы то ни стало не допустить объединения своих врагов. А потому он действовал быстро и решительно.

Летописец не называет дат, но называет дни недели. Решающий момент битвы на Лыбеди пришелся на понедельник. Во вторник, поклонившись главным киевским храмам — Десятинной церкви Пресвятой Богородицы и Святой Софии, Изяслав вместе с братом Ростиславом и Вячеславом выступил из Киева. Его сопровождало множество киевлян — можно сказать, весь город поднялся на войну с Юрием. «Ать же пойдут вси, — заявили киевляне своему князю, — како можеть и хлуд (жердь, дубину. — *А.К.)* в руци взяти». Тех же, кто откажется пойти вместе со всеми, киевляне готовы были перебить сами.

Часть войска шла на конях, часть — пешими. Заночевали в Звенигороде, а на следующий день, в среду, подошли к Василеву. Здесь Изяслава нагнал гонец от его сына Мстислава: тот сообщал, что многочисленное венгерское войско, посланное королем Гезой, уже выступило из Венгрии на помощь князю и миновало «Гору», то есть карпатские перевалы. «Аже ти будем в борзе надоби, а поели противу к нам, ать мы борже (быстрее. — *А.К.)* пойдем», — передавал Мстислав. Изяслав отвечал, что венгерская помощь нужна как можно скорее: «Се уже мы идем на суд Божий, а вы нам, сыну, всегда надоби. А потщитеся, како боле могуче (то есть: поспешите, как только можете. — *А.К.)*».

Сами же князья, «исполчившись», переправились у Василева через реку Стугну и двинулись к валам. На ночь остановились, не переходя валов, у Перепетова поля. Как оказалось, они почти нагнали Юрия. Передовые части Изяславовой рати — «сторожа» — уже ночью начали стычки с Юрьевым воинством: «ехавше под Гюргевы полкы и гонишася с ними». Однако битву отложили на следующий день.

В четверг, еще до восхода солнца, Мстиславичи перешли валы и вышли в «чистое поле». «И поидоша бится, кде же стояше Дюрги». Как это бывало обычно, перед битвой снова начались переговоры: «слющим слы межи собою о мире». Юрий против мира как будто не возражал (возможно, надеясь попросту оттянуть время). Однако переговорам решительно воспротивились черниговские Ольговичи и половцы — «зане скори бяху на кровопролитье», как объясняет летописец. Впрочем, никаких подробностей переговоров летопись не приводит. Так или иначе, полки простояли до вечера, так и не вступив в битву.

С наступлением же темноты Юрий отступил за Рут (или Великий Рут) — приток реки Роси. Именно на этой реке, в те июньские дни еще вполне полноводной, и суждено было решиться его судьбе.

В пятницу на рассвете Изяслав двинул свои полки против Юрия. Он торопился, ибо получил сведения о том, что Владимирко Галицкий уже близок. Но по той же самой причине Юрий тянул с началом сражения.

В этот момент сама природа, казалось, пришла к нему на помощь. В полдень внезапно небо заволокло тучами и наступила такая мгла, что ничего нельзя было увидеть дальше конца копья. К тому же начался проливной дождь с резкими порывами ветра. Войска продвигались буквально на ощупь, на время потеряв из виду друг друга. Когда мгла спала и небо прояснилось, оказалось, что обе рати расположились на противоположных берегах небольшого озера, образованного рекою. Крылья обеих ратей почти смыкались, и между воинами начались стычки: «и тако бьяхутся на крилех полком от обоих, а самем полком нелзе бы съехатися».

К вечеру Юрий опять отступил. В этом не было проявления трусости, вопреки мнению отдельных историков, но было прежнее желание дождаться Владимирка и начать сражение в выгодных для себя условиях. Однако действовал Юрий не вполне осмотрительно. Он отвел свое войско за болотистую речку Малый Рутец (приток Великого Рута) и встал на ночевку. От войска Изяслава его должна была отделять какая-то «грязина» — надо полагать, труднопроходимая болотистая местность, топь. Но и Мстиславичи не отставали. Они со своими войсками обошли озеро и зашли за позиции Юрия, «хотяче ся бити с ним». Оба войска заночевали друг напротив друга, на расстоянии чуть больше одного стрелища (полета стрелы).

Утром в субботу, на рассвете, оба войска изготовились к битве. Юрий повелел в своем полку ударить в бубны и вострубить в трубы. В ответ раздались звуки бубнов и труб из противоположного лагеря. Юрий со своими сыновьями, а также Владимир Давыдович и оба Святослава — Ольгович и Всеволодович — вместе с половцами, «доспевше полкы своими», двинулись к верховьям Малого Рутца. Изяслав, Ростислав и Вячеслав во главе своих полков пошли им навстречу. Однако Юрий по-прежнему лишь демонстрировал готовность биться, отнюдь не желая начинать сражение по-настоящему. Он еще раз попытался уклониться от битвы и уйти к Великому Руту, «не хотяче ся бити, но хотяху… ждати Володимира Галичьскаго». Но этот маневр уже не мог удаться — сражение сделалось неизбежным.

Видя, что Юрий поворачивает от них, Мстиславичи пустили в дело легковооруженных стрелков — «черных клобуков» и русских. Те обрушились на арьергард отступающей рати: «начата наездити в зад полков [и] стрелятися с ними и почаша у них возы отъимати». Юрий и союзные князья вынуждены были принять бой: «видивше, оже нелзе им за Рут перейти… и тако оборотячеся полкы своими и сташа противу им».

Первым из Юрьева войска в сражение вступил князь Андрей Юрьевич. Летописец и на этот раз особо отмечает его распорядительность и личное мужество: «Андреи поча рядити (устраивать. — *А.К.)* полк отца своего, зане бе старей тогда в братье». Видя, что половцы остались сзади и колеблются, он устремился к ним: «и к тем гнав и укрепле е на брань». А оттуда «въеха в полк свои и укрепи дружину свою». Когда же битва началась, Андрей «възмя копье, и еха на перед, и съехася переже всих, и изломи копье свое». В пылу схватки под князем ранили коня в ноздри, так что конь начал «соватися (метаться. — *А К.)* под ним, и шелом спаде с него, и щит на нем оторгоша», но «Божьем заступлением и молитвою родитель своих» князь Андрей и на сей раз «схранен бе без вреда».

Но князь Изяслав Мстиславич не уступал Андрею ни личной отвагой, ни тем более рассудительностью и умением расположить войско и выбрать направление удара. Перед самым началом битвы он послал по всем своим полкам с таким повелением: «Зрите же на мои полк, а како вы пойдет мои полк, тако же и вы пойдите». В тогдашней военной практике это было, по-видимому, в обычае, ибо только таким способом можно было обеспечить согласованные действия значительных масс людей. Изяслав также первым вступил в сражение: «въеха… один в полкы ратных и копье свое изломи, и ту секоша и в руку и в стегно (бедро. — *А.К.),* и бодоша и с того… с коня». Раны, полученные князем, оказались весьма серьезными: «изнемагаше велми с ран, зане ишел бе кровию». Он так и не смог закончить сражения и остался лежать на поле боя среди раненых. Случилось так, что Изяслав едва не погиб от своих же, когда сражение уже закончилось. Впрочем, об этом чуть позже.

«Бысть сеча зла и крепка» — так пишет о побоище на Руте киевский летописец. «Бог же и Святая Богородица и сила честнаго Животворящаго хреста поможе Вячеславу, и Изяславу, и Ростиславу, и ту победиша Гюргя». (Оговоримся, правда, что Вячеслав, «старости деля», лично не принимал участие в сражении и расположился поодаль; его полками распоряжались Изяслав с братьями.) Первыми из Юрьевой рати бежали половцы. Они хороши были при преследовании неприятеля, захвате

добычи, но совершенно не отличались стойкостью и не годились для правильного сражения. Несмотря на все усилия князя Андрея Юрьевича, пытавшегося «укрепить» их «на брань», кочевники покинули поле боя, не пустив даже и по стреле в сторону неприятеля. За половцами последовали черниговские Ольговичи, а за ними — и сам Юрий со своими сыновьями.

Бегство оказалось очень тяжелым. Маневрируя и уклоняясь от боя, Юрий загнал свое войско в труднопроходимую топкую местность, не продумав как следует пути отступления. При переправе через Рут многие утонули — «бе бо грязок», уточняет летописец. «И бежащим им, овех избиша, а другыя изоимаша». Среди прочих еще в начале битвы был убит черниговский князь Владимир Давыдович. «Добрый и кроткий», по словам летописца, этот князь пополнил собой список русских князей, павших в ходе междоусобных братоубийственных войн. Его смерть тяжело подействовала на черниговских союзников Юрия и совершенно расстроила их военные порядки. «И ины многы избиша, — продолжает летописец, — и половечьские князе многы изоимаша, а другые избиша».

Так Юрий потерпел самое жестокое поражение за всю историю своего противостояния с Изяславом[83]. Вместе с сыновьями он бежал к Треполю, здесь в ладье переправился через Днепр и поспешил в Переяславль. Его союзники, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович, бежали к Зарубу, а оттуда, переправившись через Днепр, — к устью Десны. «Святослав же Олгович бе тяжек телом, — рассказывает летописец, — и трудил ся бе бежа (то есть сильно устал. — *А.К.)»,* а потому остался на Десне, отправив своего племянника к Чернигову. Но к тому времени Чернигов уже был занят враждебными им князьями, и Святославу Ольговичу не оставалось ничего другого, как спешно возвращаться в свой Новгород-Северский[84].

Потери были и в лагере Мстиславичей. Особенно тяжело пришлось израненному Изяславу. Чуть жив, он лежал на поле боя и тяжело стонал, когда его нашли киевляне. Лицо князя закрывал шлем с забралом, украшенный золотым изображением святого Пантелеймона — его небесного покровителя. Киевляне не узнали своего князя и приняли его за «ратного», то есть за врага. «Князь есмь», — простонал Изяслав. Но это еще больше раззадорило киевлян. Они решили, что перед ними вражеский князь — то ли сам Юрий Долгорукий, то ли кто-то из его сыновей или черниговских союзников. «Ты-то нам и надобен», — воскликнул один из киевских пешцев и, выхватив меч, с силой ударил им по шлему. «И тако вшибеся (расшибся. — *А.К.)* шелом до лба».

Бесконечная междоусобица, как это всегда бывает, озлобляла

людей; ненависть накапливалась, с каждым новым сражением все больше и больше выплескивалась наружу. Это черта всех междоусобных и гражданских войн. Как правило, их отличает особая жестокость. Но привычка к пролитию крови — причем не чужака, а своего, сородича — никогда не бывает врожденной; она приходит со временем, становясь как бы второй натурой… Князь Изяслав Мстиславич едва не пал жертвой этой всеобщей озлобленности — будь удар киевского воина посильнее, он распрощался бы с жизнью. И лишь когда он снял шлем и назвал себя по имени («Яз Изяслав есмь, князь ваш»), киевляне признали его. Радость и восторг переполнили их. Весть о том, что князь нашелся и жив, разнеслась по полю побоища. Изяслава подхватили на руки «с радостью, яко царя и князя своего», и так восславили Бога, даровавшего им победу над ратными, возгласами: «Кирие елейсон!», что значит по-гречески: «Господи, помилуй!».

Победа была полной. Единственное, что омрачало ее, так это гибель князя Владимира Давыдовича. Хотя он и был противником Изяслава Мстиславича в этой войне, но все же приходился ему родичем, о чем князья никогда не забывали. Изяслав Мстиславич нашел в себе силы, чтобы подняться и, «оставя свою немочь», сесть на коня и подъехать к телу убитого. Над ним уже плакал брат черниговского князя, Изяслав Давыдович. Изяслав Мстиславич, как мог, утешил своего союзника и тезку: «Сего нама уже не кресити. Но се, брате, Бог и Святая Пречистая ворогы наша победи, а ти ныне бегають около… А ты, брате, сему уже не стой, но на-рядися, возма же своего брата, поеди же Чернигову». И в самом деле, нужно было подумать о том, чтобы сохранить Чернигов за Давыдовичем. В помощь князю был отряжен сын Ростислава Мстиславича Роман. Князья спешно отправились в путь со своей скорбной ношей, той же ночью переправились через Днепр у Вышгорода и въехали в Чернигов раньше, чем туда попытался вступить князь Святослав Всеволодович. Тело Владимира Давидовича было положено в соборе Святого Спаса, а его брат Изяслав занял черниговский стол.

Тем временем Изяслав Мстиславич, Вячеслав Владимирович и Ростислав Мстиславич также покинули поле боя у Рута. «Похваляче Бога и Его Пречистую Матерь и силу Животворящаго креста, с честью и похвалою великою», они вернулись в Киев, где были восторженно встречены толпами людей, вышедших далеко за городские ворота. Здесь были святители с крестами во главе с вернувшимся в Киев митрополитом Климентом Смолятичем, игумены киевских монастырей, священники и «многое множество» простого народа. «И пребыша у велице весельи и у

велице любви».

Ростислав вскоре отправился в свой Смоленск, а Изяслав и Вячеслав начали готовиться к походу на Переяславль. Изяслав Мстиславич понимал, что именно сейчас Юрий слаб, как никогда, и не хотел упускать возможность добить его, лишить всякой возможности продолжать военные действия на юге и навсегда отбросить в Суздальское «залесье».

* * *

Завершая рассказ о событиях конца весны — начала лета 1151 года, нельзя не сказать о князе Владимирке Галицком. Он уже выступил в поход и находился у Бужска, когда получил известие об очередном поражении своего союзника и свата. Раздосадованный Владимирко, «со тщанием оборотяся», стал возвращаться к Галичу. В это время ему стало известно о том, что венгерское войско вместе с князем Мстиславом Изяславичем идет на соединение с Изяславом. Мстислав тоже знал о победе своего отца и потому двигался спокойно, не торопясь, О близости галицкого войска и о враждебных намерениях Владимирка он пока что не подозревал.

Мстислав расположился с венграми у городка Сапогыня, на реке Стырь, в Волынской земле. Здесь с ним вступил в переговоры князь Владимир Андреевич. Он успел побывать в Галиче у Владимирка Володаревича, а теперь занимал княжеский стол в Дорогобуже. Любимый племянник Юрия Долгорукого, Владимир попеременно поддерживал то своего дядю, то Изяслава Мстиславича с братьями — в зависимости от того, кто на данный момент был сильнее. Он и сейчас занял выжидательную позицию — что называется, «и нашим, и вашим». Князь отправил Мстиславу и венграм «питье много», а заодно предупредил их о приближении галицкого князя. Все это выглядело так, будто Владимир Андреевич оказывает почести венгерским воинам и старшему сыну киевского князя, однако трудно удержаться от предположения, что одновременно дорогобужский князь вступил в тайные переговоры с Владимирком Галицким и подпаивал венгерское войско с его ведома.

Венгры упились до полного бесчувствия. Когда Мстислав Изяславич, который тоже пировал с ними, объявил, что Владимирко близок и «идет… по нас», венгры спьяну лишь «величахуся», похваляясь, что «оже на ны придет, а мы ся с ним бьем». Мстислав все же нашел в себе силы расставить «сторожу» перед тем, как улечься спать. Но когда среди ночи посланные

прибежали с известием о приближении галицкой рати, разбудить перепившихся венгров оказалось невозможно: «угре же лежахуть пьяни, яко мертви».

Владимирко со своим полком ударил на рассвете. Это была даже не битва, а резня. Большинство пришедших из Венгерской земли воинов были перебиты: «и мало их изоимаша, вси избиша». Мстиславу же с русской дружиной удалось уйти в Луцк.

Истребление венгерского войска не принесло князю Владимирку Галицкому ощутимой выгоды. Он выместил на венграх свою злобу и раздражение, однако еще больше рассорился с королем Гезой. И если раньше король воевал с галицким князем прежде всего для того, чтобы помочь своему союзнику Изяславу, то теперь он должен был отомстить Владимирку за гибель собственного войска.

ЗАРЕВО НАД ГОРОДЦОМ

Пауза в военных действиях оказалась очень непродолжительной — всего несколько недель. За это время Юрий ничего не смог сделать. Положение его оставалось отчаянным. Он потерял почти всех своих союзников, а его собственная дружина значительно поредела после побоища на Руте: «Не имеяше ни откуль помочи, — пишет о нем летописец, — а дружина его бяшеть оно избита, оно изоимана». Половцы же ушли в свои степи, и им также требовалось время, чтобы зализать раны.

Уже в середине июля 1151 года полки Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича двинулись к Переяславлю. Вместе с ними шел младший брат Изяслава Святополк, вернувшийся с Волыни, а также союзные берендеи. «Не идет место к голове, но голова к месту» — так, уже известной нам пословицей, объяснял свои действия Изяслав. Он намеревался выбить Юрия с юга, заставить его уйти в Суздаль. Присказка же о «голове» и «месте» имела еще один смысл: расправившись с Юрием и изгнав его за пределы собственно «Русской земли» (в узком значении этого слова), Изяслав намеревался вместе с королем Гезой нанести удар по князю Владимирку Галицкому, отомстить ему за пролитую у Сапогыня кровь.

В этих исключительно тяжелых условиях Юрий все же нашел в себе мужество принять вызов. Он надеялся, что переяславцы поддержат его, — и они действительно выразили готовность биться за своего князя. Но стойкости их хватило всего лишь на два дня.

В течение этих двух дней полки Изяслава Мстиславича подступали к Переяславлю, но не могли взять город. Решающее сражение произошло 17 июля (точную дату называет Новгородская Первая летопись)[247]. Киевский летописец так рассказывает об этом: «Третий же день ехаша по обычаю бится, и пещце выринушася (выскочили. — *А.К.)* на не (на них. — *А.К.)* из города, и тако наехавъше [на ня], много избита пешьце и предъгородие («внешний город», посад. — *А.К.)* пожгоша»[248].

Потери оказались ощутимыми. Удержать город Юрий был не в состоянии. Понимая это, Вячеслав и Изяслав направили к нему послов с предложением мира. Впрочем, условия этого мира очень походили на условия капитуляции. Князья готовы были оставить Переяславль — но уже не за Юрием, а за его сыном; самому же Юрию предлагалось навсегда покинуть Южную Русь и отказаться от союза с Ольговичами и «дикими» половцами, которых он из

года в год наводил на Русь. «Кланяеве ти ся, — передает слова князей киевский летописец. — Иди Суждалю, а сына посади Переяславли. Не можем с тобою быти».

Юрий «неволею», то есть вопреки собственному желанию, вынужден был принять предложенные условия. 24 июля, в день святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, он вместе со своими сыновьями целовал крест брату и племяннику. Крестоцелование проходило близ Переяславля, в церкви Святых Бориса и Глеба, построенной князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом на реке Альте — месте гибели святого Бориса. И место, и время действия имели символическое значение: клятва, данная в день гибели святого Бориса и на том самом месте, где произошло злодейское убийство, должна была соблюдаться особенно строго — ее нарушитель вполне мог уподобиться окаянному клятвопреступнику и братоубийце Святополку.

Правда, Юрию удалось выговорить себе отсрочку. Князья настаивали на его немедленном уходе в Суздальскую землю, Юрий же упросил их немного подождать. «Иду в Городок (то есть в Городец Остерский. — *А.К.),* — заявил он, — а тут перебыв, иду в Суждаль». Изяславу Мстиславичу это не очень понравилось. Однако действуя с позиции силы и уверенный в своем полном военном превосходстве, он согласился подождать — но лишь до конца месяца. «Ты нам брат еси, — объявили послы от имени Вячеслава и Изяслава, — пойди же в свои Суждаль. Аже Городъка деля мол-виши (то есть если просишь из-за того, что надо уладить какие-то свои дела в Городце. — *А. К,),* то за сии месяць за один перепочив, пойди же в свои Суждаль». А далее следовала прямая угроза: «Не пойдешь ли, а мы тако же пришед-ше своими полкы, станем около Городка, якоже и еде стоимы. Но на том целуй хрест, яко ти в том в всем устояти, и Киева под Вячеславом и под Изяславом не искати».

Юрий вынужден был целовать крест еще раз. Он признавал киевский «дуумвират» племянника и брата, выступающих как единое целое, и отказывался от всяких прав на киевский престол. Отныне Изяслав Мстиславич, как и Вячеслав, был для него «братом» — а ведь еще совсем недавно он подчеркнуто именовал его «братом и сыном». Кроме того, «нужею», то есть насильно, Юрий подтверждал отказ от союза со Святославом Ольговичем, на чем особенно настаивал Изяслав. «Святослав же ти Олгович не надоби», — было заявлено Юрию. «И тако Гюргеви не вмени его».

На том переговоры и завершились. Вячеслав с Изяславом ушли в Киев, Юрий же направился в Городец Остерский, оставив на княжении в Переяславле своего сына Глеба.

К этому времени относится первый открытый конфликт между Юрием и его старшим сыном Андреем. Еще когда князья были в Переяславле, Андрей предложил немедленно уйти в Суздальскую землю, то есть действовать в точном соответствии с условиями мирного договора. Он совершенно не понимал, зачем нужно задерживаться в Городце. «На том есмы целовали крест, ако пойти ны Суждалю», — напоминал он отцу{249}. Киевский летописец приводит и другие его аргументы: «Се нам уже, отце, зде у Рускои земли ни рати, ни что же (то есть нет ни войны, ни какого другого дела. — *А.К.)*. А за тепла уйдем». Юрий с доводами сына не согласился. И тогда Андрей стал проситься одному уйти в Суздальскую землю, не дожидаясь отца. Юрий пытался удержать сына («встягавшю его много»), но тщетно: Андрей настоял на своем. И когда Юрий выехал в Городец, Андрей покинул его; «и пусти и отець, и иде в свои дом».

Очевидно, Андрей рассудил правильно: намерение задержаться на юге означало, что Юрий не отказался от мысли вернуть себе Киев и готовился к новой войне. Андрей же участвовать в ней не хотел, ибо осознавал не только ее полную бесперспективность, но и ненужность ни для себя самого, ни для отца. Возможно, тогда же он сумел выговорить для себя удел в Суздальской земле — город Владимир на Клязьме. Во всяком случае, суздальский летописец прямо называет этот город «волостью» Андрея[85].

А Юрий действительно нарушил условия заключенного договора, преступил крестное целование, данное племяннику и брату. Неизвестно, какие конкретные шаги предпринял он за время пребывания в Городце (вступил ли тайно в переговоры с Владимирком Галицким, обратился ли за помощью к половцам, на что как будто намекают некоторые летописи), зато известно, что он задержался в Городце дольше оговоренного срока. Этого оказалось достаточно, чтобы Изяслав привел в исполнение ту угрозу, о которой он говорил еще в Переяславле. В августе или, может быть, начале сентября того же 1151 года (летопись в данном случае никаких дат не называет) он собрал значительное войско и двинул его на Городец Остерский.

В этом походе участвовали не только его собственные полки и, очевидно, полки его дяди Вячеслава Владимировича, не только верные берендеи, но и черниговские войска. К тому времени между черниговскими князьями также был заключен мир; узнав о том, что Юрий целовал крест Мстиславичам, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович отправили своих послов к Изяславу Давыдовичу и договорились о прекращении войны и разделе владений: за Давыдовичем был сохранен Чернигов, а за

Ольговичами — их «отчина», Северская земля. Союз с Изяславом Давыдовичем означал союз и с Изяславом Мстиславичем. Теперь всем трем черниговским князьям предстояло на деле доказать свою лояльность киевским «дуумвирам». Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодович пришли к Городцу сами. Ждали и Святослава Ольговича, однако воевать лично против своего давнего союзника и свата новгород-северский князь не решился и ограничился тем, что прислал свою «помочь».

Юрий с оставшимися при нем сыновьями затворился в городе. Он защищался отчаянно: «бьющим же ся им из города на многы дни», однако «тяжко бысть ему, зане не бысть помочи ему ни откуду же». То ли Юрий переоценил свои силы, то ли надеялся, что Изяслав Мстиславич завязнет в войне с Владимирком Галицким (а о походе на Галич Изяслав к этому времени уже договорился с королем Гезой, о чем Юрий, вероятно, знал), то ли просто недооценил решительность племянника, но он опять просчитался. Защищать город у Юрия недоставало сил. Ему пришлось капитулировать перед превосходящими силами противника. Но это было не просто еще одно его поражение в войне с Изяславом. По существу Юрий разрушал остатки своего влияния на юге, лишался даже того, что ему было оставлено по условиям переяславского договора. Ибо условия, продиктованные теперь, оказались много жестче. Юрий вновь должен был целовать крест Изяславу на том, что немедленно покидает юг и возвращается в Суздаль. Но, главное, он лишался Переяславля. Юрий вынужден был вывести из города своего сына Глеба и передать ему Городец Остерский — последний оставшийся у него оплот на юге. Переяславль же Изяслав забрал себе. Отныне в этом городе должен был княжить его старший сын Мстислав.

Только после того как Юрий крестным целованием подтвердил все эти договоренности, князья отступили от Городца. «Иду уже Суждалю» — приводят летописцы слова Юрия. (Автор Никоновской летописи дополняет их клятвой, произнесенной суздальским князем: «Яко никакоже возвращуся семо, ни пребуду зде». «Они же даша ему путь»[{250}].) Юрий оставил в городе сына Глеба, а сам направился к Новгороду-Северскому. Здесь он встретился со своим старым союзником Святославом Ольговичем. Князья не имели друг к другу претензий. Они понимали, что пути их разошлись, но насколько бесповоротно, в то время еще не могли знать. А потому встреча получилась хотя и невеселой, но дружеской: Святослав принял свата «с честью великою и повозы да ему».

Из Новгорода-Северского через Вятичскую землю Юрий поехал в свой Суздаль. Он прибыл домой, по-видимому, в

сентябре или, может быть, октябре 1151 года.

* * *

Но испытания и унижения, выпавшие на его долю, не закончились. Спустя несколько месяцев, находясь в Суздале, Юрий получил известие о полном разорении Городца Остерского.

Что предшествовало этому, неизвестно. Почему Изяслав Мстиславич решился нарушить договоренность с суздальским князем? Только ли потому, что он чувствовал свою силу и безнаказанность, а черниговские князья — бывшие союзники Юрия — перешли на его сторону? Или же сам Юрий вновь совершил какие-то действия в нарушение крестного целования, может быть, начав «искать» Киев под племянником и братом? Летописи хранят молчание по этому поводу, позволяя нам предположить, что имело место не что иное, как обычная расправа над уже поверженным противником. Изяслав сделал все, чтобы не допустить возможного усиления Юрия, возможного появления его на юге[86].

В этой акции Изяслава Мстиславича вновь приняли участие и черниговские князья — Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодович. (Святослав Ольгович от такой сомнительной чести уклонился.) Князья съехались в Киев, «и ту сдумавше, разведоша Городок Гюргев и пожгоша и». Слово «разведоша» означает, что жители были поголовно захвачены в плен и выведены («разведены») на новые поселения — надо полагать, князья разделили пленников поровну. Крепость же сравняли с землей («раскопа и засыпа рвы», — добавляет автор Тверского летописца{251}) и сожгли. Огонь не пощадил даже церковь Архангела Михаила, выстроенную князем Владимиром Мономахом, — полностью сгорел ее деревянный «верх», то есть барабан с куполом. (Городец Остерский будет заново отстроен и церковь поновлена только в 1195 году, при сыне Юрия Долгорукого Всеволоде Большое Гнездо.)

Судя по тому, что известие о разорении Городца открывает летописную статью 6660 года, событие это имело место весной 1152 года — незадолго до того, как князь Изяслав Мстиславич со своими дружинами выступил в новый поход против князя Владимирка Галицкого. Он оставлял за собой полностью послушную ему Южную Русь, без видимых противоречий и уязвимых мест, разрубив перед самым своим уходом последний из тех узлов, что были завязаны Юрием Долгоруким.

Языки пламени и клубы дыма далеко были видны над

Остером. Князя Глеба Юрьевича в городе, очевидно, уже не было: он либо заранее был вызван отцом, либо сам бежал к отцу в Суздаль. Но о том, что случилось, Юрию стало известно уже вскоре. Известие это повергло его в смятение, можно сказать, в отчаяние. («Якоже слышав Гюргии, оже Городець его развели и пожгли весь город, и тогда въздохнув от сердца», — свидетельствует летописец.) Не в первый раз он лишался на юге всего, чем прежде владел. Да и Городец Остерский не в первый раз был потерян им. Внешне ситуация повторяла ту, что сложилась зимой 1141/42 года, когда тогдашний киевский князь Всеволод Ольгович забрал себе все «Юрьевы городы» на юге, или в 1146—1147 годах, когда Юрий только начинал войну с Изяславом Мстиславичем. Но в повторении пройденного, в возвращении к начальной точке пути всегда заложен элемент трагического, ибо новый виток борьбы вбирает в себя горечь пережитого, своего рода привычку к поражению, что отнюдь не способствует поднятию духа.

Важно и другое. Начиная борьбу с Изяславом, Юрий мог рассчитывать на поддержку местного населения. И киевляне, и жители других южнорусских городов, и даже «черные клобуки» видели в нем прежде всего Мономашича, имеющего неоспоримые права на киевский или переяславский престол. Теперь же Юрий дискредитировал себя в качестве киевского князя. В Киеве и вообще на юге сложилось стойкое неприятие как его самого, так и проводимой им политики. «С Юрием не можем жить» — эти слова звучат рефреном в оценке киевлянами князя. В нем стали видеть исключительно чужака, ни в коей степени не приемлемого на княжеском престоле. С жителями же Остерского Городца — единственного города, безусловно признававшего его в качестве своего князя, — его враги расправились самым безжалостным образом. А стало быть, решись Юрий возобновить войну за Киев, ему пришлось бы действовать в неизмеримо более сложных для себя условиях, почти без всякой надежды на успех.

Зарево над Городцом означало крах всех честолюбивых замыслов суздальского князя. Отныне он не имел ни пристанища, ни «части», или «причастия», в Русской земле. Казалось, Юрию и его сыновьям суждено было навеки остаться не более чем суздальскими князьями, уподобиться муромским и рязанским потомкам князя Ярослава Святославича, которые занимались исключительно домашними делами и почти не вмешивались в течение общерусских событий.

Как мы увидим, Юрий все же решится на продолжение войны с Изяславом и дважды выступит в поход против него. Но до столкновения дело не дойдет, и все ограничится военными

действиями против черниговских князей — ближайших соседей Юрия, его извечных друзей-недругов. О вокняжении же в Киеве или хотя бы в «отчем» Переяславле пока что не могло быть и речи. И только внезапная смерть Изяслава Мстиславича осенью 1154 года позволит Юрию вновь занять «златой» киевский стол. О том, чем именно — благом или несчастьем — обернется это для суздальского князя, мы поговорим ниже, в соответствующих главах книги.

Часть четвертая.
БЕЛЫЕ ЦЕРКВИ.
1152-1154

«И ОТВЕРЗ ЕМУ БОГ РАЗУМНЕЙ ОЧИ…»

Каждый человек оставляет по себе память. Но срок этой памяти у всех разный — редко когда он превышает срок жизни одного-двух поколений: детей и, в лучшем случае, внуков. Остаться же в памяти на века или тысячелетия удается немногим…

Строчки в учебниках истории и памятник на Тверской — это далеко не все, что осталось от князя Юрия Владимировича Долгорукого. Есть и нечто более существенное, более весомое. То, к чему можно прикоснуться рукой, ощущая ладонью всю тяжесть нависших над нами восьми с половиной столетий. Это церкви, построенные князем, то есть, конечно, не им лично, но его волей, его замышлени-ем, его зодчими, на его средства и в его землях.

Из множества храмов, возведенных Юрием Долгоруким, до нашего времени сохранились два — церковь Святых Бориса и Глеба в селе Кидекша под Суздалем и Спасо-Преображенский собор в городе Переяславле-Залесском (или Переславле-Залесском, как он называется ныне). Эти два храма занимают особое место в истории русской архитектуры. Именно с них начинается отсчет знаменитого белокаменного зодчества Северо-Восточной Руси с его всемирно признанными шедеврами — церковью Покрова на Нерли, Дмитровским собором во Владимире и многими другими, построенными сыновьями и внуками Юрия Долгорукого. Церкви в Кидекше и Переяславле — не просто старейшие сохранившиеся в Суздальской земле; это первые в полном смысле этого слова *белокаменные* храмы, возведенные в совершенно новой, ранее невиданной в этих землях технике строительства: из отесанных мастерами-каменосечцами и ровно подогнанных плит белого камня, а не из дерева или кирпича, как строили раньше. И со времен Юрия Долгорукого в течение нескольких столетий — а точнее, до середины XV века — здесь будут строить именно так — и во Владимире, и в Боголюбове, и в Ростове, и позднее в Москве, Твери, Нижнем Новгороде, Можайске, Звенигороде…

Эпоха Юрия Долгорукого вообще дает начало самостоятельной, государственной истории Северо-Восточной Руси, в каком-то смысле — всей истории Великороссии. И сохранившиеся от его времени белокаменные соборы на Кидекше и в Переяславле символическим образом предвосхищают последующее величие Московской Руси, становящейся Россией.

* * *

Феномен белокаменного зодчества Северо-Восточной Руси не объяснен до сих пор{252}. Как, почему здесь начали возводить церкви именно таким способом? Ведь строить из камня гораздо сложнее и дороже, чем из кирпича, не говоря уже о дереве. По подсчетам современных специалистов, во времена Юрия Долгорукого храм из белого камня обходился заказчику дороже такого же кирпичного более чем в 10 (!) раз{253}. (Прежде всего, за счет того, что пригодный для строительства белый камень-известняк приходилось возить во Владимир, Суздаль или Переяславль из мячковских каменоломен на реке Пахре под Москвой, то есть на расстояние 300—500 верст. Но и без того добыча и обработка белого камня всегда считались одними из наиболее сложных и трудоемких видов работ. Выдающийся исследователь древнерусского зодчества Н. Н. Воронин вспоминал в этой связи присказку знаменитого Даниила Заточника: «Лепше есть камень долоти, нижели зла жена учити»{254}.) И тем не менее Юрий, а затем и его потомки не жалели средств на возводимые ими церкви и не желали строить по-другому, так, как строили в соседних с ними землях — Киеве, Чернигове, Новгороде, Смоленске или Рязани.

Все русские князья старались возвести храм — лучший памятник своему княжению. Но строительство храма — это еще и подвиг благочестия, исполнение заповеди, предписанной каждому христианину. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, — говорится в Евангелии, — но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» *(Мф. 6: 19—21)*. И если следовать этой заповеди (а Юрий, несомненно, стремился следовать ей, как и подавляющее большинство русских князей), то каждая лепта, каждая гривна кун, потраченная им на церковное строительство, сторицей должна была окупиться в будущей жизни.

Наверное, стоит сказать и о другом. Каждый христианский храм представляет собой подобие того храма, который некогда возвел в Иерусалиме царь Соломон. А храм Соломона, по Библии, был возведен именно из обтесанных каменных блоков{255}. Так что, строя свои церкви из белого камня, Юрий, вполне возможно, уподоблял себя не кому иному, как самому строителю Иерусалимского храма.

Как полагают, мастера, возводившие церкви в Суздале и других городах, пришли к Юрию из Галицкой Руси —

единственного русского княжества (помимо Северо-Восточной Руси), где также строили из белого камня{256}.[87] Это была западная традиция, присущая Европе. Привнесенный галицкими мастерами тип храма — небольшого по размерам, но мощного и крепкого, приземистого, но в то же время удивительно целостного, гармоничного, словно бы высеченного из единого камня, — пришелся по душе суздальскому князю: более всего он отвечал идеалам его эпохи, олицетворяя надежность и незыблемость его власти. И Юрий сознательно пошел наперекор традиции, не считаясь ни с какими трудностями, ни с какими материальными затратами. В годы его княжения был осуществлен настоящий прорыв в церковном строительстве, в самом понимании того, как должен выглядеть православный храм. И этот прорыв осуществлен был волей и самовластием одного-единственного человека. (Не случайно исследователи древнерусской архитектуры, рассуждая об особенностях белокаменного зодчества Юрия Долгорукого, сравнивают его с Петром Великим, осуществившим куда более масштабный прорыв в «европеизации» России{257}.)

О церковно-строительной деятельности Юрия Долгорукого летопись сообщает под 1152 годом. Рассказ этот полностью сохранился в Типографской летописи XV века, в которой использовано раннее ростовское летописание. «Тогда же Георгий князь в Суждале бе, — читаем мы в конце летописной статьи, наполненной самыми разными событиями, — и отвръзл ему Бог разумней очи на церковное здание (строительство. — *А.К.),* и многи церкви поставиша (в другом списке в единственном числе: постави. — *А.К.)* по Суздалской стране, и церковь постави камену на Нерли святых мученик Бориса и Глеба, и Святаго Спаса в Суздале, и Святаго Георгия в Володимери камену же, и Переаславль град перевед от Клещениа (Клещина. — *А.К.),* и заложи велик град, и церковь камену в нем доспе (постави. — *А.К.)* Святаго Спаса, и исполни ю книгами и мощми святых дивно, и Гергев (Юрьев. — *А.К.)* град заложи, и в нем церковь доспе (постави. — *А, К.)* камену святаго мученика Георгиа»{258}.

В литературе уже неоднократно писалось о том, что в этой летописной статье оказались объединены разновременные события, относящиеся к разным периодам княжения Юрия Долгорукого. И действительно, князь не мог в один год завершить строительство стольких церквей в разных местах своего княжества и основать сразу два города. О его непрекращающемся церковном строительстве мы уже говорили на страницах книги. Вспомним, что, согласно новгородской летописной традиции, каменный Георгиевский храм во Владимире на Клязьме князь

заложил еще около 1128 года (возможно, речь идет о дате постройки деревянной церкви, предшественницы будущего каменного храма?); что он строил (или перестраивал?) каменный собор Пресвятой Богородицы в Суздале; что в конце августа — начале сентября 1148 года вместе с новгородским архиепископом Нифонтом освящал новопостроенные церкви в Суздальской земле — Святой Богородицы, Святого Георгия и другие. В Никоновской летописи о строительстве множества каменных церквей «по Суздальстей власти (волости. — *А.К.)*» сообщается под 1134 годом{259}. Однако исследователи сходятся и в том, что включение текста о церковном строительстве Юрия в летописную статью 1152 года нельзя признать случайностью. Ибо именно 1152 годом датируется важный поворот в жизни князя. Потерпев неудачу в войне за Киев, Юрий в гораздо большей степени, чем раньше, мог сосредоточиться на суздальских делах. И этот поворот имел исключительное, можно сказать определяющее, значение для последующих судеб Северо-Восточной Руси и всей России.

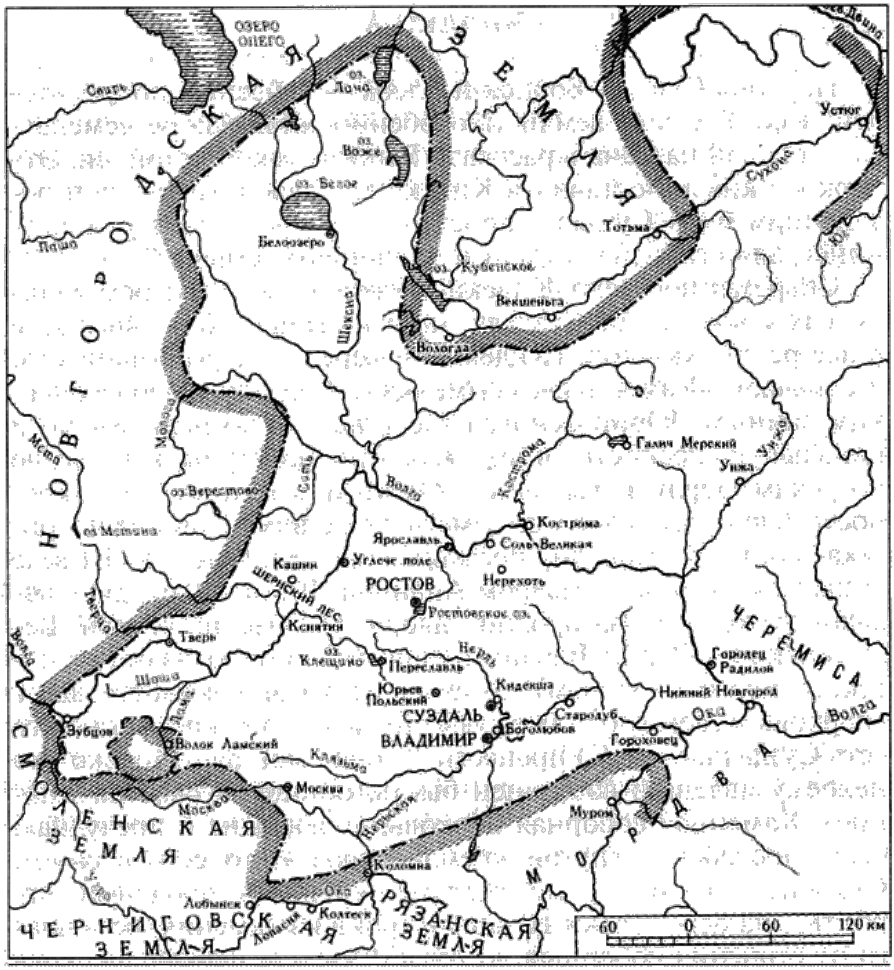
Показательно, что В. Н.Татищев именно с 1152 года начинал историю «Белой Руси» (так он именовал Северо-Восточную Русь, будущую Великороссию), датируя этим годом «разделение государства на два великие княжения»: «По многих так несчасливых предприатиах великий князь Юрий Владимирович Долгорукий, пришед в Суздаль и видя себя Русской земли совсем лишенна, от великаго княжения Киевскаго отсчетясь, основал престол в Белой Руси. Резанских же и муромских князей ко оному приобсчил и крестным целованием их утвердил. Потом зачал строить во области своей многие грады: Юриев в поле, Переяславль у Клюшина озера, Владимир на Клязьме, Кострому, Ярославль (два последних названия в Воронцовском списке «Истории Российской» приписаны. — *А.К.)* и другие многие грады теми же имяны, как в Руси суть, хотя тем утолить печаль свою, что лишился великого княжениа руского. И начал те грады населять, созывая людей отвсюду, которым немалую ссуду давал и в строениях, и другими подаяниями помогал. В которые приходя, множество из болгор, мордвы и венгров, кроме руских селились и пределы его многими тысячи людей наполняли»{260}.

Мы еще будем говорить о том, что и в 1152 году, и позднее князь Юрий Владимирович не оставил попыток вернуть себе киевский престол и «часть» («причастие») в Южной Руси. Его бурная и многогранная деятельность по укреплению Суздальского княжества, по строительству городов и заселению их выходцами и «переведенцами» из других земель (а на этот счет мы располагаем не одними только известиями Татищева, но и вполне надежными

данными топонимики) имела своей целью прежде всего создание мощной экономической базы, позволяющей возобновить борьбу за главенство в Южной Руси. И когда ситуация позволит, Юрий действительно возобновит эту борьбу и в конце концов добьется возвращения в Киев. Он закончит жизнь киевским князем, осуществив мечту своей жизни. Но главным итогом его жизни станет не «златой» киевский стол, так и не перешедший по наследству к его потомкам, а возвеличенная им и его потомками Суздальская земля, могучая, процветающая в экономическом отношении, «исполненная» «бещислены-ми городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многыми», как восторженно напишет столетие спустя неизвестный владимирский книжник, автор «Слова о погибели Русской земли»{261}. В истории так бывает сплошь и рядом. Главным оказывается как раз промежуточный результат — не то, что воспринимается как цель, а то, что воспринимается лишь как средство к достижению цели. Юрий положил начало процветанию Суздальской земли, вовсе не желая довольствоваться ею, а его дети и внуки продолжили его дело, уже не помышляя о том, чтобы княжить где-либо еще.

Татищев мог ошибаться в деталях — например, в перечислении городов, которые были построены Юрием Долгоруким, в сообщении о переселении в его земли мордвы, болгар или венгров. Но он был прав в главном — именно со времен князя Юрия Владимировича наметилось — пока еще только наметилось! — перемещение центра тяжести русской государственности из Поднепровья на северо-восток. Бесконечные войны, которые вели князья на юге, возобновившиеся набеги половцев — непременных участников междоусобных войн, не могли не приводить к оттоку населения, к постепенному запустению киевских, черниговских, переяславских земель{262}. [88] Северо-Восточная же Русь (наряду с юго-западными окраинами Русского государства — галицкими и волынскими землями) оказалась в более выигрышном положении. И свидетельством тому — широкое строительство, развернувшееся здесь в годы княжения Юрия Долгорукого и его потомков, основание новых городов, экономическое процветание края.

В статье 1152 года ростовский книжник назвал несколько храмов и городов, ставших вехами в жизни Юрия Долгорукого и всей Северо-Восточной Руси. Поговорим о них более подробно.

Карта 4. Ростово-Суздальское княжество (по А. Н. Насонову).

КИДЕКША

Церковь Святых Бориса и Глеба — небесных покровителей всей Русской земли и особенно княжеского семейства — первой названа в рассказе Типографской летописи. Эту церковь князь поставил в Кидекше — своей загородной резиденции близ Суздаля; впоследствии она станет усыпальницей для его сына Бориса и членов его семьи.

Современное село Кидекша находится в четырех километрах к востоку от Суздаля, на реке Нерли, близ впадения в нее речки Каменки (Кидекша в переводе с угро-финского и означает: «Каменная», «Каменка»). Судя по археологическим данным, Юрий основал здесь не только церковь, но и небольшую крепость, прикрывавшую подступы к Суздалю по рекам Нерли и Клязьме{263}.[89] Остатки земляных валов крепости Юрия были хорошо заметны еще в середине прошлого века. Согласно местному преданию, записанному в XVIII веке суздальским историографом Ананией Федоровым, здесь издавна находился «загородной двор» суздальских князей. Великий князь Юрий Владимирович (ошибочно названный в тексте Всеволодовичем) пожелал не только возвести здесь «церковь каменную соборную», но и «град с крепостию (то есть Суздаль. — *А.К.)* пренести на оное место», и только «по некоему явлению возбранен бысть, остави то свое начинание». Каменная соборная церковь, «прекрасна и пречудна», была построена «внутри кремля города», то есть в самом Суздале, «а на том месте, где хотел крепость городовую устроить.[90], на берегу реки Нерли, устроив из камения, оставшаго от строения соборныя во граде Суждале церкви, церковь Святых мученик Бориса и Глеба и монастырь согради на обитание иноком». По версии Анании Федорова, это якобы и дало название селу: «и прозва то место Кидекша, то есть покинутое, или негодное»{264}.

Церковь Бориса и Глеба и поныне стоит на высоком берегу Нерли, почти на краю обрыва. Этот древний храм «производит исключительно сильное впечатление своей мудрой простотой и мощью, — писал о нем Н. Н. Воронин. — …Белокаменная кладка стен еще не блещет утонченным мастерством, это усиливает суровое и властное обаяние скупых форм храма. Они как бы молчаливы и сосредоточенны в своем величии. Где-то около храма стояли хоромы княжеского двора и рубленые дома придворной знати с их службами. Среди серых бревенчатых построек резко выделялся видный издалека с заречных полей и пологих высот белый куб дворцового собора»{265}.

Храм был небольшим. Его наружные размеры — 15 х 18,9 метра; эти размеры выдержаны почти неизменными во всех церквях, построенных Юрием Долгоруким. Однако до наших дней храм дошел в значительно измененном виде. Пострадавший во время татаро-монгольского нашествия, он был поновлен в 1239 году ростовским епископом Кириллом. Позднее, однако, церковь вновь оказалась в запустении, обрушились ее своды с главой, часть стен. В XVII веке храм перестроили, причем использовали для этого белый камень старого храма. Тогда и появились нынешние своды, четырехскатная крыша с маленькой главкой, совершенно не отвечающей первоначальному облику. Были заложены и древние щелевидные окна-бойницы (их следы хорошо видны), пробиты новые оконные проемы. В 1780 году к храму был пристроен западный притвор.

Строгое внутреннее убранство храма вполне соответствовало его внешнему облику. По-видимому, расписан он был еще при Юрии Долгоруком, хотя фрагменты фресковых росписей, открытые здесь в 1947 году, относят к 80-м годам XII века, времени княжения сына Юрия Долгорукого Всеволода Большое Гнездо[91]. В северной нише (аркосолии) храма, над гробницами погребенных здесь жены и дочери князя Бориса Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, расчищены две женские фигуры, одна из которых представляет особый интерес: она изображена с нимбом, с золотисто-охристой стеммой (венцом) на голове, в императорских одеяниях. Было высказано предположение, что это изображение супруги князя Юрия Долгорукого[92]. Однако никакими сведениями о том, что княгиня была погребена в этой церкви, мы не располагаем, а ведь только в этом случае ее изображение могло здесь появиться. Скорее, можно предполагать, что на фресках изображены святые жены, соименные двум погребенным здесь женщинам из семейства Юрия Долгорукого — его невестке Марии и внучке Евфросинии[93].

Строительство княжеской резиденции вне города отнюдь не свидетельствовало о напряженных отношениях князя с местным суздальским боярством, как иногда полагают. Эта была общая практика древней Руси. Показательно, что в те же годы Юрий строит и в самом Суздале. Типографская летопись упоминает вслед за кидекоцкои церковью церковь Святого Спаса в Суздале, также каменную. Однако где она находилась и что из себя представляла, неизвестно; остатки ее не найдены[94].

Местность на Кидекше была связана с именем святого Бориса. По преданию, здесь находилось «становище», в котором он останавливался будучи ростовским князем. Это предание, несомненно, существовало уже во времена Юрия Долгорукого и,

вполне вероятно, опиралось на реальные факты из жизни святого князя. Сообщая о кончине Бориса Юрьевича (12 мая 1159 года), летописец писал: «…положиша братия его в церкви Святую мученику (то есть Бориса и Глеба. — *А.К.)*, юже бе создал отець его Георгии на Нерли, идеже бяше становище святаго Бориса»{266}.[95] (Впоследствии легенда эта трансформировалась, и «становище» на Кидекше стали приписывать обоим братьям — и Борису, и Глебу.) Борис же был самым почитаемым святым в семействе Владимира Мономаха. Как мы помним, отец Юрия Долгорукого «потщаньем многым» возвел церковь на самом месте гибели святого Бориса на реке Альте близ «отчего» Переяславля.

Юрий тем более почитал святого Бориса, что формально занимал княжеский стол в Ростове — том самом городе, где некогда княжил его святой предок. Известно, что в семье Юрия сохранялся меч, принадлежавший Борису. Впоследствии он перейдет по наследству к старшему сыну Юрия Андрею, и тот будет хранить его в своей опочивальне{267}. Возведение церкви на месте «становища» святого Бориса имело ярко выраженное символическое значение: оно свидетельствовало об особом отношении суздальского князя к святым братьям и о небесном предстательстве их обоих — а особенно Бориса! — за Суздальскую землю.

Отстраивая княжескую резиденцию на Нерли, Юрий, очевидно, воссоздавал под Суздалем подобие Альтинской резиденции своего отца. Но Кидекша стала аналогией и знаменитого Вышгорода под Киевом — места упокоения святых братьев и главного центра распространения их культа по всему православному миру. Впоследствии действия Юрия повторит его старший сын Андрей, который устроит свою резиденцию в Боголюбове близ Владимира: летописец и ее будет сравнивать с киевским Вышгородом{268}. Но главный храм Боголюбова будет посвящен Божьей Матери, икона которой станет новым палладиумом Владимиро-Суздальской Руси.

Из сыновей Юрия особую любовь к храму на Кидекше — что вполне естественно — питал Борис. Как уже было сказано, и он сам, и члены его семьи нашли упокоение под сводами этой церкви — в особых нишах-аркосолиях, заранее устроенных в северной и южной стенах здания. Несмотря на разрушение самой церкви, эти гробницы в течение долгого времени оставались непотревоженными. В 70-х годах XVII века суздальский воевода Тимофей Савелов сумел разглядеть сквозь щель в расколотой крышке княжеского саркофага драгоценное одеяние князя Бориса Юрьевича: «Поверх лежит неведомо какая одежда, шитая золотом… на ней же вышит золотом орел пластаной

одноглавной, а от того орла пошло на двое шито золотом же и серебром узорами…»{269} Это нечастое в наших источниках описание парадной княжеской одежды, какой она была в XII веке. В этой одежде князья представали перед своими подданными в торжественных случаях — при восшествии на престол или в дни больших церковных праздников; в нее же их обряжали, провожая в последний путь. Надо полагать, примерно так же выглядело посмертное облачение и самого Юрия Долгорукого, в котором он был похоронен в киевской церкви Святого Спаса на Берестовом. Но об этом печальном событии речь еще впереди.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ НОВЫЙ

Переяславль-Залесский (или Переяславль Новый, как его называли в отличие от старого, южного Переяславля) — самый значительный из городов, построенных Юрием Долгоруким. Он расположен на берегу богатого рыбой Плещеева озера, которое в старину называлось несколько иначе — Клещиным.

По прямому свидетельству летописца, город был в буквальном смысле перенесен Юрием на новое место («… и Переаславль град перевед от Клещина…» — читаем в Типографской летописи)[96]. Однако причины, которые при этом двигали князем, до сих пор остаются неразгаданными историками.

Древний город Клещин был расположен на том же озере, но на некотором удалении от современного Переяславля — в районе так называемой Александровой горы, которая в древности имела еще одно название — Ярилина плешь{270}. (Второе название предание связывает с существованием здесь древнего языческого святилища; первое — с именем князя Александра Ярославича Невского, останавливавшегося в своем загородном тереме вскоре после татарского разорения Переяславля.) Но это место было гораздо удобнее нынешнего! Расположенный на высоком обрывистом берегу озера, Клещин имел удобные естественные укрепления и надежно прикрывал водные пути, ведущие в Залесскую Русь с Верхней Волги по Нерли Волжской. Юрий же перенес город южнее, в низину, или, как выразился писатель и великий знаток родного края М. М. Пришвин, «в болото»{271}, в устье впадающей в Клещино реки Трубеж. Здесь, в низменности, никаких естественных преград, способных защитить город от вражеского нападения, не имелось; местность была пустынной и необитаемой. Приходилось надеяться лишь на рукотворные оборонительные сооружения — а значит, с особой тщательностью возводить земляные валы и деревянные стены крепости. Легко догадаться, какого огромного напряжения сил, каких колоссальных затрат и неимоверных человеческих усилий это потребовало!

Новая крепость была значительно больше прежней. По подсчетам археологов, общая длина валов достигала 2,5 километра (остатки валов прекрасно сохранились до настоящего времени). Их высота составляла от 10 до 16 метров, ширина достигала 6 метров. По гребню вала тянулись рубленые двойные стены крепости с двенадцатью башнями. В одной из башен, по преданию, был устроен «водяной тайник с колодцем за дубовыми

воротами». С внешней стороны крепость окружал обводной ров[272].

При этом старое поселение на Александровой горе какое-то время продолжало существовать. Город Клещин — очевидно, предшественник нового Переяславля — упомянут в так называемом «Списке городов русских, дальних и ближних» (составлен в XIV веке) в числе «залесских» градов[273]. Однако постепенно он угас, не в силах конкурировать с соседним Переяславлем. Вероятно, уже вскоре после монголо-татарского нашествия здесь остался лишь укрепленный загородный княжеский двор.

Повторимся еще раз, что столь масштабные действия Юрия по переносу города на новое место не были вызваны явной необходимостью. Основывая город на «болоте», в не слишком подходящей для этого местности, князь поступал так, как считал нужным, не желая сообразовываться с обстоятельствами. (Очень похоже будет действовать спустя пять с половиной столетий отдаленный потомок Юрия Долгорукого царь Петр I, основавший на болотистых берегах Невы новую столицу Российской империи.)

Так что же все-таки двигало Юрием? Дать ответ на этот вопрос не представляется возможным. Однако какие-то соображения высказать, наверное, можно.

Исследователи уже обращали внимание на социально-политический аспект перенесения Переяславля[274]. Клещин был старым городом с устоявшимся населением — как славянским, так и финно-угорским, мерянским. Новый же город был населен людьми, переведенными сюда самим Юрием, в том числе вывезенными им или добровольно переселившимися из Южной Руси. Традиционные формы городского самоуправления, вечевого строя должны были получить здесь значительно меньшее развитие, нежели в старых центрах Залесской земли — Ростове или Суздале. Это был в полном смысле слова княжеский город, сознательно создаваемый как оплот княжеского влияния в крае и центр княжеской администрации.

Но в действиях князя нельзя не увидеть и другой аспект — сугубо идеологический. Юрий дал новому городу название старого, южного Переяславля — своей «отчины», которую он совсем недавно и при столь драматических обстоятельствах вынужден был покинуть. Очевидно, что он стремился повторить в новом городе контуры старого. А потому и переносил новый Переяславль на подходящее место—в устье речки, чем-то напоминавшей ту, на которой стоял прежний город. Название этой речки также было повторено — Трубеж. Северный Трубеж

впадал в Клещино озеро, подобно тому, как южный — в Днепр.

Очень скоро Переяславль-Залесский станет одним из главных городов Суздальской земли, сравняется со «старыми» городами — Ростовом и Суздалем. Обратившись к бурным событиям последующей истории, связанной с войной за наследство князя Андрея Юрьевича Боголюбского, мы увидим, что «переяславцы» будут участвовать в решении важнейших дел Залесской земли наравне с «ростовцами» и «суждальцами». Очевидно на статус Переяславля повлияло именно то обстоятельство, что он воспринимался не столько как «новый» город, сколько как «старый», но перенесенный на новое место.

* * *

Однако, повторяя «отчий» Переяславль в новопостроенном городе, Юрий посвятил его главный храм не святому Архангелу Михаилу — небесному покровителю Переяславля Русского и всех переяславских князей, потомков Всеволода Ярославича, а Самому Спасу. Выстроенный им собор Спаса Преображения дошел до нашего времени в почти не искаженном виде{275}. Это единственная постройка Юрия Долгорукого, дающая представление о том, как именно выглядели его белокаменные храмы.

И здесь, как и в церкви на Кидекше, мы прежде всего ощущаем мощь, простоту и величавое спокойствие. Почти кубический четверик основного объема здания (его длина 18, 8 метра; ширина — 15, 75) увенчан массивным барабаном со столь же массивной шлемовидной главой. За прошедшие века храм ушел в землю, так что первоначально он выглядел несколько более стройным, чем ныне. И все же его пропорции чрезвычайно тяжелы, и это вообще отличает храмы Юрия Долгорукого от белокаменных церквей более позднего времени, словно бы устремленных к небу. Юрьевы храмы крепко стоят на земле, они будто вросли в нее. «Весь ритм здания крайне замедлен, — писал о них Н. Н. Воронин, — более того, можно сказать, что здесь все противоположно какому-либо движению и все архитектурные средства направлены на выражение незыблемой неподвижности и физической тяжести масс здания… Впечатление уверенной и спокойной подавляющей физической силы проникает весь организм храма»{276}.

Спасский собор стоял не в центре города, а почти у самых крепостных стен. Особыми переходами он был соединен с расположенным по соседству деревянным княжеским дворцом.

Рядом располагались дворы приближенных и знати. Это был в полном смысле этого слова городской собор, но вместе с тем Юрий строил его как княжескую церковь, как храм для себя лично и для своей семьи.

Согласно процитированному выше известию Типографской летописи, церковь была полностью завершена при Юрии Долгоруком, который и «исполнил» ее необходимой церковной утварью, книгами и мощами святых, частицы которых доставлялись в Суздальскую землю из других православных стран. До наших дней дошел серебряный потир — священный сосуд для совершения литургии, считающийся вкладом Юрия Долгорукого в переяславский собор. Среди гравированных медальонов, образующих деисус, выделяется изображение святого Георгия — небесного покровителя суздальского князя.

Однако в нашем распоряжении есть и другие свидетельства источников. Авторы ряда летописей XV века — Радзи-виловской, Московско-Академической, Летописца Переяславля-Суздальского — сообщают под 1157 годом, что князь Андрей Юрьевич Боголюбский «по смерти отца своего… церковь кончал, юже бе заложил преже отець его Святаго Спаса камену в Переяславли Новем»{277}.[97] Если это известие верно, то получается, что Спасо-Преображенский собор строился в течение нескольких лет и был закончен уже после смерти Юрия, в 1157 году[98]. Вероятно, к этому времени относится и роспись храма, которую позднейший московский книжник называл «дивной» и «чудной»{278}. Фрагменты фресковой росписи были обнаружены в XIX веке. Однако, снятые со стен при реставрации собора, они погибли от сырости и были выброшены в Плещеево озеро. Единственный уцелевший фрагмент — с изображением апостола Симона Зилота, часть композиции Страшного Суда, — хранится ныне в Государственном Историческом музее. Как отмечает современный исследователь, роспись отличалась сдержанностью, неярким колоритом, но в то же время высоким исполнительским мастерством. Важно отметить, что храм расписывали русские иконописцы (об этом свидетельствуют русские надписи над фигурами апостолов){279}.

Посвящая собор Святому Спасу, Юрий следовал традиции, заложенной еще Владимиром Мономахом. Напомним, что Святому Спасу был посвящен первый построенный им храм во Владимире на Клязьме. Полагают, что именно он мог послужить образцом для будущих построек Юрия Долгорукого. В свою очередь, образцом для Спасской церкви Владимира Мономаха скорее всего являлся храм Спаса на Берестовом, под Киевом. Впоследствии, в период своего последнего киевского княжения,

Юрий будет особенно благоволить этому загородному храму — в нем он и будет погребен в мае 1157 года.

Храмы, посвященные Святому Спасу, Юрий строил в разных городах своей земли — не только в Переяславле, но и в Суздале, а по некоторым сведениям, еще и во Владимире. Позднее, при его сыне Андрее, почитание Святого Спаса во Владимиро-Суздальской Руси приобретет уже явно выраженный государственный характер. Андрей Боголюбский установит новое для Руси празднование Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице 1 августа — в память о победе, одержанной им в 1164 году над волжскими болгарами.

ЮРЬЕВ-ПОЛЬСКОЙ. ДМИТРОВ

Город, получивший свое название по имени самого князя (или, точнее, его небесного покровителя — святого Георгия), возник в самом центре плодородного Суздальского ополья, на берегу реки Колокши, близ устья ее правого притока Гзы. В отличие от одноименного города на юге Руси, основанного еще Ярославом Мудрым, он стал называться Юрьевом-Польск*и*м (с ударением на втором слоге). Бескрайние поля и поныне окружают его со всех сторон. Здесь располагался старый земледельческий район, давно уже освоенный и обжитой, но своего города не имевший. Юрьев должен был стать не только оплотом княжеского влияния, но и центром княжеского и боярского землевладения в регионе.

И здесь, как и на берегах Клещина озера, Юрий ставит новую крепость, не слишком заботясь о ее удобстве с точки зрения фортификаций. Город Юрьев также расположен в болотистой, низменной местности, как бы «в яме»{280}. Он не имел естественных укреплений, хотя, возможно, с запада его прикрывала лощина небольшого ручья или овражка, подходившая к Колокше. По своим размерам город значительно уступал Переяславлю. План крепости имел почти круглую форму. Сама крепость была обнесена хорошо сохранившимися высокими валами с деревянными стенами. Ее периметр—около 1000 метров, а вал, шириной в основании 12 метров, достигал высоты 7 метров{281}.

По-видимому, и Георгиевский собор Юрьева-Польского был похож на прочие храмы Юрия Долгорукого. Однако судить об этом можно лишь предположительно. Дело в том, что собор, построенный в том же 1152 году, простоял относительно недолго: едва ли многим более семидесяти лет. К 1230 году, по свидетельству суздальского летописца, он уже «обветшал» и «поломался», так что юрьевский князь Святослав Всеволодович, внук Юрия, «руши церковь Святаго Юргя каменую… юже бе создал дед его Гюрги Володимерич и святил великим священьем»{282}.[99] Построенный Святославом Всеволодовичем новый храм Святого Георгия (он был завершен строительством в 1234 году) по праву признается одним из совершеннейших шедевров белокаменного зодчества древней Руси. Украшенный по всем стенам изумительными резными изображениями, он производил сильное впечатление на современников и потомков. Известно, что Юрьевский собор послужил образцом для строителей первого Успенского собора князя Ивана Даниловича

Калиты в 1326 году в московском кремле. Однако в XV веке обрушился и он; нынешнее здание собора было восстановлено московским зодчим и подрядчиком Василием Дмитриевичем Ермолиным в 1471 году с сохранением прежних традиций зодчих XIII века и с использованием резного камня, оставшегося от старого собора.

* * *

Еще один храм во имя своего небесного покровителя Юрий поставил во Владимире на Клязьме. Основываясь на противоречивых показаниях источников, исследователи датируют его по-разному: 1128, 1130, 1148, 1152 или 1157 годом. Последняя дата приведена в так называемой Летописи Авраамки (XV век)[283]. Н. Н. Воронин считал ее наиболее вероятной: архитектурные особенности памятника, по его мнению, подтверждают, что он был построен позже других Юрьевых храмов[284].

Георгиевская церковь и здесь соседствовала с новым княжеским двором, также построенным Юрием Долгоруким. «Для Юрьева княжеского двора и храма, — пишет Н. Н. Воронин, — было выбрано исключительно красивое место на южной кромке береговых высот к западу от Среднего города (древнейшей крепости Владимира, так называемого «города Мономаха». — *А.К.)* — там, где склон образует амфитеатрообразную впадину. Отсюда открывался широкий кругозор на Клязьму, заречные поймы и лесные дали, а сам храм, выдвинутый на край городских холмов, был виден издалека»[285].

До нашего времени храм не сохранился. Он был существенно перестроен в XVI—XVIII веках, а после пожара 1778 года полностью разобран. На его месте из камня разобранного храма была выстроена существующая церковь в формах провинциального барокко. Однако археологи установили, что новое здание точно поставлено на основание древних стен. Это дало возможность мысленно реконструировать прежний храм: по своему внешнему облику и размерам (17,9 x13,8 метра) он не сильно отличался от церквей в Кидекше, Юрьеве и Переяславле Новом.

Между прочим, строительство, предпринятое Юрием Долгоруким в последние годы жизни во Владимире на Клязьме, по-видимому, опровергает предположение исследователей о том, что этот город принадлежал его сыну Андрею. Юрий имел здесь свой двор и поставил рядом с ним церковь во имя своего святого

— а значит, считал Владимир безусловно своим городом.

* * *

Основываясь на материалах археологических изысканий, исследователи называют и другие города, предположительно построенные Юрием Долгоруким в Суздальской земле: Звенигород на реке Москве, Перемышль на Моче, Микулин на Шоше, Городец Радилов на Волге{286}.[100] Насколько эти предположения верны, сказать трудно: никакими данными письменных источников о существовании названных городов в годы княжения Юрия мы не располагаем (за исключением, может быть, Городца на Волге; но об этом чуть ниже).

Зато нам известны обстоятельства и точная дата основания еще одного города, построенного Юрием. Это Дмитров на реке Яхроме, на западе Суздальской земли.

Город был основан Юрием осенью 1154 года, незадолго до его окончательного ухода из Суздальской земли. «Того же лета родися Юрью сын Дмитрии, — читаем в летописях, — бе бо тогда (в некоторых летописях добавлено: «в полюдии». — А *К.)* на реце на Яхроме и со княгинею. И заложи град во имя его, и нарече и Дмитров, а сына нарече Всеволодом»{287}.[101] Автор позднейшего Тверского летописца называет и точную дату рождения младшего сына Юрия Долгорукого — 19 октября; «сей есть Всеволод всем рускым нынешним княземь отець, зовомый Великое Гнездо», — разъясняет он{288}. Свое крестильное имя Всеволод получил в честь святого великомученика Димитрия Солунского, память которого празднуется 26 октября, то есть ровно через неделю после названного в летописи дня рождения княжича. Этому же святому был посвящен и город, заложенный Юрием Долгоруким на месте рождения княжича.

Крепость Дмитрова занимает небольшой холм, несколько в стороне от Яхромы. С севера и запада ее прикрывали болотистые луга; почти под самым валом течет небольшой проток Старая Яхрома, который в древности был доступен небольшим судам{289}.

Конечно, работы по строительству нового города должны были развернуться позднее — уже после ухода Юрия на киевский стол зимой 1154/55 года. Но строительство Дмитрова стало составной частью обширного плана суздальского князя по укреплению и централизации своей земли. Новый княжеский город прикрывал подступы к Клязьме и центральным районам княжества с северо-запада — со стороны враждебных Смоленска и

Новгорода. Очевидно, он должен был стать и центром княжеского и боярского землевладения.

Как и многим другим построенным Юрием городам, Дмитрову была уготована долгая и славная история. Впоследствии он станет центром самостоятельного княжества и будет играть важную роль в политической жизни Русского государства XIII—XV веков.

Ну а еще об одной крепости, построенной Юрием Долгоруким незадолго до своей смерти, а именно о Москве, речь пойдет ниже. Строительство деревянного московского кремля в 1156 году было связано с новым этапом в жизни Юрия Долгорукого, когда он, будучи уже великим киевским князем, враждовал с черниговскими и рязанскими князьями, а потому заботился прежде всего об укреплении юго-западных границ своего княжества.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ВОЙНА

К весне 1152 года положение Юрия оставалось отчаянным. После падения Городца он вновь оказался в фактической изоляции, лишенный каких-либо территорий на юге. Да и в самой Суздальской земле было не слишком спокойно. В том же 1152 году она — впервые почти за половину столетия — подверглась нападению волжских болгар.

Уникальное свидетельство об этом сохранилось в Типографской летописи, вообще богатой ростовскими известиями. «Того же лета приидоша бол гаре по Волзе к Ярославлю без вести и оступиша градок в лодиях, бе бо мал градок, — читаем под 6600 (1152) годом. — И изнемогаху людие в граде гладом и жажею, и не бе лзе никому же изити из фада и дата весть ростовцем. Един же уноша от людей ярославских нощию изшед из града, перебред реку, вборзе доеха Ростова и сказа им болгары пришедша. Ростовци же пришедша победита болгары»{290}.

Рассказ этот предшествует в летописи известию о походе Юрия Долгорукого на Чернигов. Следовательно, можно предположить, что нападение болгар имело место в конце весны или летом 1152 года. Сам князь в сражении под Ярославлем не участвовал — ростовцы обошлись своими силами, без его дружины. По всей вероятности, Юрий в это время готовился к продолжению войны на юге. Но он, несомненно, озаботился обороной своих северо-восточных рубежей и предотвращением в будущем болгарских набегов. Так, по некоторым сведениям, именно в эти годы был заложен Городец Радилов, или просто Городец, на Волге (ныне райцентр Горьковской области), — в будущем главный форпост русского наступления на Волжскую Болгарию{291}. [102]

Болгарский набег 1152 года оказался последним не только в княжение Юрия Долгорукого, но и вообще в истории Северо-Восточной Руси. В дальнейшем инициатива в русско-болгарском противостоянии окончательно перейдет к русским князьям. Так что шаги, предпринятые Юрием, — какими бы они ни были — оказались вполне успешными.

И все же Юрия по-прежнему более всего волновали перспективы продолжения борьбы за Киев. А для этого он нуждался в союзниках. И Юрий сделал все для того, чтобы найти этих союзников и как можно скорее привлечь их на свою сторону.

Так, ему удалось преодолеть старую вражду с муромским и рязанским князем Ростиславом Ярославичем, которого он некогда

изгнал из Рязани. Возможно, примирению прежних врагов способствовала угроза со стороны волжских болгар, одинаково нависшая как над суздальско-ростовскими, так и над муромскими землями; возможно, само присутствие Юрия в Суздальской земле сделало Ростислава Ярославича сговорчивее. Так или иначе, но он вошел в число союзников суздальского князя. «Пойдите ми в помочь», — с такими словами Юрий послал в Рязань, и Ростислав «с братьею, и с рязанци, и с муромци» откликнулся на его призыв: «поидоша с Гюргем, а не отрекоша ему»{292}.

(Предположительно к тому же времени относится и установление династического союза между правителями Суздаля и Рязани: внучка Юрия Долгорукого, дочь его рано умершего первенца Ростислава, была выдана замуж за сына Ростислава Ярославича Глеба, будущего рязанского князя[103]. Правда, даже примерное время заключения этого брака остается неизвестным.)

Но насколько искренен был Ростислав Ярославич со своим старым врагом? И не вел ли он с самого начала двойную игру? Так считал, например, В. Н. Татищев, по сведениям (или догадке) которого, Ростислав Ярославич, согласившись помочь Юрию, одновременно «по свойству» дал знать об этом черниговскому князю Изяславу Давыдовичу — своему двоюродному брату, а тот, в свою очередь, поставил в известность о намерениях Юрия киевского Изяслава{293}. Во всяком случае, о переговорах Юрия с Ярославичами Изяславу Мстиславичу действительно стало известно. И, как мы увидим, осведомленность киевского и черниговского князей относительно планов Юрия Долгорукого станет одной из причин его поражения в войне.

Как всегда, Юрий обратился за помощью к «диким» половцам. Ему удалось расширить географию своих половецких связей и привлечь на свою сторону те половецкие орды, которые ранее не участвовали в войнах русских князей друг с другом. Не исключено, что этому способствовал союз с рязанскими князьями, которые имели особые связи со степняками. По свидетельству летописей, на зов Юрия явились не только половцы из рода Токсобичей, уже выступавшие в качестве его союзников в предыдущих войнах, и какие-то «Отперлюеве» (обе орды, надо полагать, кочевали в междуречье Северского Донца и Дона), но и «вся Половецьская земля, что же их межи Волгою и Днепром», то есть представители всех половецких орд, кочевавших к востоку от Днепра.

Это был вполне сознательный выбор князя. Он и раньше делал ставку на половцев, несмотря на то, что «поганые» нередко подводили его и в самый решающий момент покидали поле битвы. Теперь же, лишившись поддержки большинства русских

князей, Юрий попал в еще большую зависимость от своих «диких» союзников. Но «наведение поганых» никогда не заканчивалось добром для того из русских князей, кто прибегал к этому способу решения своих внутренних проблем. Добиться успеха с помощью половецкой силы было можно, но вот удержать добытое — гораздо труднее. Ибо за помощь «диких» кочевников приходилось расплачиваться — и чаще всего платой становились жизнь и имущество собственных подданных, те самые «христианские души», защищать которые князь и был призван…

Еще одним союзником Юрия должен был стать его сват Владимирко Галицкий. Именно его поддержка, как мы помним, приносила Юрию успех в предыдущих войнах за Киев. Суздальский князь послал гонцов в Галицкую землю, извещая Владимирка о своих намерениях, и тот обещал помочь. Однако Владимирко и сам оказался в исключительно сложном положении. Войну с ним начали венгерский король Геза и князь Изяслав Мстиславич. Осажденный в Перемышле, галицкий князь вынужден был просить мир и целовал крест на крайне невыгодных для себя условиях. Когда Юрий начнет военные действия, Владимирко попытается выступить ему навстречу, однако угроза новой войны с Изяславом вынудит его повернуть обратно.

Ну и наконец возможным союзником Юрия оставался другой его сват, Святослав Ольгович. Расставание князей в Новгороде-Северском осенью 1151 года, отказ Святослава от участия в разорении Городца свидетельствовали о сохранении между ними дружеских отношений. И хотя оба князя оказались во враждебных лагерях, это не могло не восприниматься обоими как временное недоразумение.

* * *

По летописи, Юрий начал готовиться к войне («скупати воя») сразу же по получении известия о сожжении Городца Остерского{294}. Изяслав Мстиславич сам нарушил условия соглашения, и это обстоятельство развязывало суздальскому князю руки. Месть за нанесенную обиду и была объявлена непосредственной причиной войны. «Оже есте мои Городець пожгли и божницю, то я ся тому отожгу противу» — так заявлял сам Юрий, начиная военные действия. Его противниками в этой войне становились непосредственные участники городецкого погрома — киевский и черниговский Изяславы.

В рассказе о войне летописец не называет точных дат. Однако

из описания хода событий видно, что все происходило в конце лета — начале осени 1152 года.

Основной удар Юрий решил нанести по черниговским князьям, союзникам Изяслава Мстиславича. Соединив свои собственные дружины и дружины своих сыновей с силами рязанских и муромских князей, а также «всею Половецкой землей», он двинулся в землю вятичей — уже знакомым путем, тем самым, которым пользовался и раньше, начиная войну с Изяславом, — в 1146 и 1149 годах.

Летописец вновь довольно точно определяет маршрут движения его войск: «…и поидоша туда на Вятиче, и тако взяша я, та на Мценеск, оттуда же идоша на Спашь, та на Глухов, ту и сташа». Таким образом, захватив важные города Вятичской земли — Мценск на реке Зуше и Спашь на Неволоди — Юрий вторгся в Северскую землю. Город Глухов на реке Ямани (ныне райцентр Сумской области Украины) находился в самом центре владений Святослава Ольговича, примерно на середине пути между Новгородом-Северским и Путиалем — главнейшими городами княжества. Тогда же к Юрию подошло многочисленное половецкое войско, расположившееся у города Ольгова на Сейме. И суздальская рать, и тем более «дикие» кочевники совсем не церемонились на чужой для них Северской земле. С каждым днем ущерб от их пребывания здесь увеличивался, и это должно было сильно действовать на Святослава Ольговича. По мысли Юрия, развитие событий неизбежно подталкивало северского князя к совместным с ним действиям против киевского и черниговского Изяславов. И надо сказать, что расчет Юрия оказался верным.

Из Глухова он отправил Святославу Ольговичу короткое послание с фактически ультимативным требованием: «Поеди с мною». Это требование поставило Святослава в затруднительное положение. С одной стороны, он понимал, что промедление или тем более отказ от союза с Юрием приведут к еще большему разорению его земли; с другой — не мог не опасаться возмездия Изяслава Мстиславича в случае, если предприятие Юрия закончится неудачей. «Святослав же убоявся, — сообщает о колебаниях князя летописец, — река тако: “Ци да пойдет на мя” (имея в виду Юрия. — *А.К.)*, и тогда поиде по нем». Так замысел Юрия увенчался успехом. Святослав Ольгович вновь стал его союзником.

Уже вместе князья двинулись дальше по направлению к Чернигову. Основную силу объединенной рати по-прежнему составляли «дикие» половцы. Князья беспрепятственно подошли к городку Березому (ныне Березна, в Черниговской области), а затем перешли к расположенному еще ближе к Чернигову

Гуричеву. Было воскресенье, и приступать к самому Чернигову Юрий своим войскам не позволил, дабы не проливать кровь в праздничный день. Войска остановились у Гуричева, а назавтра, в понедельник, Юрий отпустил половцев разорять окрестности Чернигова.

Однако противники Юрия — и киевский князь Изяслав Мстиславич, и черниговский Изяслав Давыдович — оказались готовы к такому повороту событий. Еще до того как Юрий покинул суздальские пределы, Изяслав Мстиславич поставил в известность о его намерениях своего брата Ростислава Смоленского. Как и прежде, Ростислав должен был «стеречь» Юрия и не давать ему возможность напасть на новгородские и смоленские земли. «Тамо, брате, у тебе по Бозе Новъгород силныи и Смолнеск, — уведомлял Изяслав брата, — а скупивъся, постереги же земле своея. Юже Гюрги пойдет на тя, а яз к тобе пойду; не пойдет ли к тобе, а поминеть (минует. — *А.К.)* твою волость, пойди же ты семо ко мне». Юрий не стал вторгаться в смоленские пределы. Как только это выяснилось и суздальское войско «миновало» владения Ростислава, смоленский князь тут же выступил из Смоленска и по Днепру двинулся на выручку своим союзникам. Он опередил Юрия и, по договоренности с братом, вошел в Чернигов «в помочь» Изяславу Давыдовичу. Вместе с ним в Чернигов со своими войсками вступил и князь Святослав Всеволодович, оставшийся на стороне киевского князя и не поддержавший на этот раз своего дядю Святослава Ольговича. Князья затворились в Чернигове, куда заранее были свезены продовольствие, оружие и припасы. Силы оборонявшихся были достаточными не только для того, чтобы выдержать приступ и осаду, но и для того, чтобы при удобном случае нанести поражение самим нападавшим.

Изяслав же Мстиславич вынужден был на время отвлечься от событий, происходивших под Черниговом. Князь Владимирко Володаревич, как уже было сказано, попытался поддержать Юрия: «слышав, оже идеть сват его Дюрги в Русь, поиде из Галича Киеву». Изяславу со своей дружиной пришлось отражать этот выпад. До сражения дело не дошло: Владимирко отступил в Галич, но какое-то время для Юрия было выиграно.

Тем временем половцы принялись разорять пригороды Чернигова. «Половцем же пришедъшим к городу, много полона взяша», — свидетельствует летописец. Было сожжено пригородное село Семынь. Князья, затворившиеся в городе, «видивше силу половецьскую, повелеша людем всим бежати из острога (внешней крепости, или «окольного града». — *А.К.)* в детинець (внутреннюю крепость. — *А.К.)».*

Сделано это было вовремя. На утро следующего дня к Чернигову подступили основные силы Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича с союзниками. Князья встали, «не дошедше Семыня». «Тогда же все множество половець идоша к городу биться, — продолжает свой рассказ летописец, — и [отьемше] острог, зажгоша передгородье все. И пришедше всею силою сташа около города». Автор поздней Никоновской летописи дополняет это описание, как всегда расцвечивая и разукрашивая его: «…и многое множество воинства возколебашася, аки море, и бе видети страшно в голых (здесь: чистых, сверкающих. — *А.К.)* доспехех, яко вода солнцу светло сиающу, и поидоша ко граду… и взяша острог, и зажгоша, таже и весь посад зажгоша, и яко поле чисто около града сотвориша, и тако пришедше, оступиша весь град Чернигов, и пустиша множество стрел, и яко и неба ни видети»[104].

Черниговцы мужественно оборонялись. В действиях же воинов Юрия Долгорукого не хватало ни стойкости, ни свежести, ни единодушия: «Не крепко бьются дружина и половци» — к такому выводу пришли сами князья, оценивая ситуацию. Для того чтобы поднять дух войска, князь Андрей Юрьевич решил, как всегда, действовать личным примером. Он предложил, чтобы князья сами, сменяясь каждый день, руководили своими войсками непосредственно под стенами города. «Ать аз почну день свои!» — объявил он и во главе дружины подступил к городу. «И вышедшим же пешьцем из города стрелятся, потьче (устремился. — *А.К.)* на не (на них. — *А.К.)* с дружиною и с половци: овы избиша, а другыя въгнаша в город». Примеру Андрея последовали и другие: «поревновавъше ему инии князи, ездиша последи под город». Вылазки осажденных прекратились: «пешци же, ви-дивше полкы, не смеша выти из города, зане бяхуть перест-рашени (перепуганы. — *А.К.)*».

Но все это едва ли могло оказать на ход военных действий существенное влияние. Сил взять город штурмом у осаждающих не было. Оставалось надеяться на то, что гарнизон и жители не выдержат долгой осады. Но и этим надеждам не суждено было сбыться.

Осада продолжалась двенадцать дней. За это время князь Изяслав Мстиславич успел перегруппировать свои силы. Его собственная дружина и дружина его дяди Вячеслава Владимировича переправились через Днепр и сосредоточились у Ольжич, напротив Киева. «И слыша Вячеслав [и] Изяслав, оже Гюрги стоить у Чернигова, и половци пригонивше к Чернигову, и город пожгли; и поидоста… полкы своими к Чернигову…»

Юрий вовремя узнал о приближении противника. Когда

Изяслав и Вячеслав были у Моровийска, на полпути от Киева к Чернигову, их передовые части («сторожа») встретились со «сторожей» Юрия. Юрьевы половцы захватили в плен языка, и тот сообщил Юрию о силах киевских «дуумвиров». Это известие привело к панике в стане Юрия Долгорукого. Первыми, «убоявшеся того», побежали половцы; за ними позиции под Чернигов оставили и русские князья — Юрий с сыновьями, Святослав Ольгович и рязанские Ярославичи: «поидоша от Чернигова и идоша за Свинь та за Сновь». Через названные реки, притоки Десны, проходила дорога к Новгороду-Северскому. Туда и направились Юрий и его сыновья.

На реке Белоус, вблизи Чернигова, Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович встретились с выехавшими им навстречу из Чернигова Изяславом Давыдовичем, Ростиславом Мстиславичем и Святославом Всеволодовичем. Поначалу князья собирались преследовать отступающего противника, но затем отказались от этой мысли из-за распутицы: «уже бо бяше к заморозу», как объясняет летописец. По обыкновению, решено было возобновить военные действия, когда «рекы ся установятся», то есть не ранее ноября.

Так бесславно для Юрия закончилась двенадцатидневная осада Чернигова. Половцы ушли к Путивлю, а оттуда — в свои степи, разоряя попадавшиеся по пути русские волости и уводя жителей в полон. Юрий же, миновав Новгородсе-верский, направился к Рыльску, городу на Сейме (ныне райцентр Курской области). Далее он намеревался вернуться в Суздаль через земли вятичей, однако на пути его нагнал гонец от князя Святослава Ольговича. Святослав умолял свата не бросать его на произвол судьбы, ожидая неминуемой расправы со стороны Изяслава Мстиславича. «Ты хощеши прочь пойти, — резонно писал он Юрию, — а мене оставив. А сяко еси волость мою погубил, а жита еси около города потравил. А половци пошли в Половце, а затем Изяслав, скупяся [с] своею братьею, пойдет на мя про тя (из-за тебя. — *А.К.)* и прок волости моея погубит».

Юрий обещал помочь, однако помощь его оказалась скорее символической, нежели реальной, («Яся ему оставити помочь многу и не остави», — пишет по этому поводу летописец.) Он ограничился тем, что направил к Святославу своего сына Василька всего лишь с пятьюдесятью дружинниками, а сам двинулся «в Вятичи». По пути Юрий «прок вятичь взя», то есть повоевал и разграбил те области Вятичской земли, которые оставались еще не тронутыми после прохождения его рати к Глухову, и только затем вернулся в Суздаль, где стал готовиться к новой войне.

* * *

С началом зимы стал готовиться к войне и Изяслав Мстиславич. О вторжении в Суздальскую землю речи не шло — сил на это у киевского князя пока что недоставало. Он выбрал именно то, чего так опасался князь Святослав Ольгович, — решил наказать северского князя за нарушение крестного целования и участие в войне на стороне Юрия Долгорукого.

Этот план был согласован с Ростиславом Смоленским. Последний должен был, как и раньше, сдерживать Юрия. «Ты по Бозе тамо у Смоленьске и в Новегороде у Велицим еси, — писал Изяслав брату. — А ты тамо удержи Гюргя с теми, а ко мне пусти с помочью сына своего Романа».

Юрию пришлось смириться с сосредоточением у своих границ смоленских и новгородских войск. К активным действиям против него Ростислав Мстиславич так и не приступил, но помочь Святославу Ольговичу Юрий — даже если бы и захотел — не мог.

Изяслав Мстиславич действовал не спеша. Договорившись с Ростиславом, он выступил из Киева. Вячеслав Владимирович провожал племянника до реки Альты, после чего вернулся в Киев. «Отце, ты еси уже стар, — заявил Изяслав дяде, — а тобе не достоить трудитися. Но поеди в свои Киев, а со мною пусти полк свои». Вместе с Изяславом Мстиславичем двигались также полки его брата Святополка и сына Мстислава.

У Всеволожа Изяслав расстался и с сыном. Мстислав вместе с «черными клобуками» — берендеями, торками и печенегами — был послан против левобережных половцев, недавних союзников Юрия Долгорукого. Забегая вперед, скажем, что Мстислав Изяславич действовал очень успешно. Он достиг рек Угол (Орель) и Самара — левых притоков Днепра — и нанес жестокое поражение половцам в самом сердце их земли: «полон мног взял, самех прогна, веже их пойма, коне их и скоты их зая и множьство душь крестьяных отполони». Эта победа сыграла важную роль в истории русско-половецкого противостояния и отчасти положила конец безнаказанным действиям «диких» кочевников в русских землях. Но и в противостоянии Юрия и Изяслава она значила немало. «Дикие» союзники Юрия понесли ощутимые потери, а значит, в ближайшее время суздальский князь не мог рассчитывать на их помощь.

В феврале 1153 года Изяслав Мстиславич подошел к Новгороду-Северскому. По пути к нему присоединились полки князя Святослава Всеволодовича, а также Романа Ростиславича, явившегося, как и было договорено, из Смоленска. Сюда же, к Новгороду-Северскому, прибыл с войсками князь Изяслав

Давыдович Черниговский.

Вся эта огромная рать приступила к городу. Однако в ходе штурма удалось захватить только внешнюю крепость («острог»), но не княжеский детинец. «Поидоша полкы своими к городу, — рассказывает о штурме Новгородасе-верского киевский летописец, — и ту начаша ся бити у города, у острожных ворот, и тако вбодоша е в град и острог в них изътяша (захватили. — *А.К.)».* Осажденные защищались отчаянно, и князьям пришлось отступить от города: «…выидоша из острога и отступяча от града, идоша в товары своя».

Но продержаться против такой рати Святослав Ольгович смог лишь два дня. На третий он «выслася» к Изяславу Мстиславичу, «кланялся и прося мира». Предложенные им условия не слишком устроили киевского князя. Но, как случалось почти всегда, в ход войны вмешались погодные условия: «уже бе к весне». Изяслав, хотя и с большой неохотой, но согласился на мир: «и того ради умиришася, и тако целовавше хрест межи собою». (Суздальский летописец — возможно, выдавая желаемое за действительное — вообще писал о том, что Изяслав Мстиславич под Новгородомсеверским «не успев ничтоже».)

Условия соглашения между князьями остались нам неизвестны. Но очевидно, что от союза с Юрием Святослав Ольгович вынужден был отказаться. Во всяком случае, после заключения мира князь Василько Юрьевич вернулся в Суздаль, к отцу[105].

А осенью того же 1153 года Святослав Ольгович заключил дружественный союз с черниговским князем Изяславом Давыдовичем. Князья съехались у города Хоробора, в Черниговской земле, «и утвердися, якоже за один мужь быти, и целовавше межи собою крест, и раэъехастася кождо в свояси».

«СИЙ ЛИ КРЕСТЕЦ МАЛЫЙ?»: СМЕРТЬ ВЛАДИМИРКА ГАЛИЦКОГО

Князь Владимирко Володаревич Галицкий, как уже было сказано, также переживал трудные времена. В своих многочисленных войнах этот князь уповал не только на силу оружия, но и на силу красноречия, собственную изворотливость, способность хитростью и обманом выпутаться из любого, самого затруднительного, положения. Однако случилось так, что именно чрезмерная хитрость и самонадеянность князя стали причиной его преждевременной кончины.

Еще весной 1152 года войну с галицким князем начал король Геза Венгерский, которого сопровождали его родные братья Владислав (Ласло) и Стефан[106]. В войске Гезы находился и брат Изяслава Мстиславича Владимир, к тому времени обосновавшийся в Венгрии. Немного позже на Галич двинул свои дружины сам Изяслав, действовавший вместе с братом Святополком, племянником Владимиром Андреевичем и сыном Мстиславом; с ними шли и «черные клобуки». В битве у Перемышля объединенное русско-венгерско-торкское войско разгромило полки Владимирка. По свидетельству летописца, сам город Перемышль, в котором укрылся галицкий князь, непременно был бы тогда же взят ратными, «зане некому ся бяшеть из него бита», однако победителей, как это нередко случалось, подвела жадность. Падкие на поживу воины ринулись грабить княжеский двор, располагавшийся вне города, над рекой Сан; здесь были собраны многие богатства галицкого князя. За это время Владимирко сумел затворить город и наспех организовать его оборону. Король Геза и русские князья приготовились к осаде.

Однако до осады дело не дошло. Владимирко прибег к хитрости, разыграв целое представление. Он сказался тяжело раненным и послал с этим известием к венгерскому архиепископу и воеводам. Князь просил их поспособствовать прекращению войны и заключению мира с королем Гезой. «Ранен есмь велми, — просил он передать королю, — а яз ся каю того королю, оже “есмь тобе сердце вередил и пакы оже противу стал тобе. Ныне же, королю, Бог грехы отдаваеть, а ты ми сего отдай”…» Более всего Владимирко просил не выдавать его Изяславу, видя в нем своего главного врага. С королем же Гезой Владимирко готов был заключить мир на любых условиях. Вместе с письмом он передал венгерским сановникам богатые подношения: «златом, и сребром,

и съсуды златыми и сребреными, и порты, да быша умолили короля, а бы не стоял на немь и воле королевы (сестры Изяслава королевы Евфросинии, сопровождавшей в походе своего мужа. — *А.К.)* не створил». Напрасно Изяслав и особенно его сын Мстислав, хорошо знавшие повадки галицкого князя, отговаривали короля от заключения мира, убеждали не принимать на веру слова «многоглаголивого» Владимирка, напоминали, сколько раз тот нарушал свое слово и слагал с себя крестное целование: «Ныне же дал нам и Бог, самого же имиве (захватим. — *А.К.),* а волость его възмиве!» Король не прислушался к их увещеваниям и проявил благородство: «Не могу его убити, оже он молить ми ся и кланяеть ми ся и своея вины каеться».

Миролюбие Гезы, по-видимому, объяснялось не только свойствами его характера или подкупом лиц из его ближайшего окружения. Венгрия находилась в состоянии войны с Византийской империей, и события на венгерско-византийском пограничье имели для короля определяющее значение. Владимирко, несомненно, учитывал это обстоятельство. Когда король начал против него войну, он немедленно дал знать об этом своему союзнику и покровителю, византийскому императору Мануилу Комнину, и тот не преминул воспользоваться удобным случаем, вторгся в Венгрию и захватил крепость Зевгмин (то есть Землин, современный Земун).

По словам византийского хрониста Иоанна Киннама, одного из наиболее осведомленных биографов императора Мануила, император мстил «королю пэонян» (то есть венгров) главным образом именно за то, что тот «напал на Владимира… правителя Галиции, союзника римлян (ромеев, то есть византийцев. — *А.К.),* вопреки его желанию». Император, сопровождаемый многочисленным венгерским полоном, находился уже на обратном пути и как раз переправлялся через реку Саву (правый приток Дуная), когда стало известно о том, что «король пэонян, счастливо окончив войну против Галиции… и располагая огромными силами, с великим рвением» устремился за ним в погоню{295}. Если мы верно датируем эти события летом 1152 года (в литературе их относят также и к предыдущему 1151 году), то можем с уверенностью утверждать, что известие о вторжении византийских войск в Венгрию и заставило короля Гезу поторопиться с заключением мира с Владимирком.

Изяслав же согласился на мир с очень большой неохотой и только под давлением короля («нужею королевою и мужии его»). Условия мира, продиктованные галицкому князю, сводились к следующему: Владимирко обязался передать Изяславу все те

города, которые были получены им в дар от Юрия, — Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу (все они находились на пограничье Киевской и Галицкой земель, но относились к «Русской», то есть Киевской, волости); кроме того, он объявлял себя союзником и подручным Изяслава Мстиславича и по его приказанию должен был участвовать во всех его походах и «всегда с ним быти» «до живота своего… на всих местех». Эти условия Владимирку предстояло подтвердить на кресте, причем, по настоянию короля Гезы, для крестного целования был выбран крест святого короля Стефана, крестителя Венгрии, — почитаемая христианская реликвия, которую король Геза возил с собой. Галицкий князь на все согласился «с радостью».

Однако и его раскаяние, и его готовность к миру были неискренними. Даже в самой церемонии крестоцелования он пошел на хитрость. По-прежнему выдавая себя за тяжелобольного, он целовал крест в присутствии послов короля Гезы и князя Изяслава Мстиславича, но сделал это не так, как полагается, а лежа на постели, «творяся, акы изнемагая с ран». На самом же деле никаких ран на нем не имелось, он был совершенно здоров. И когда князья сняли осаду с Перемышля и разъехались, Владимирко с легкостью отказался выполнять условия заключенного мира.

Выяснилось это очень скоро — как только князь Изяслав Мстиславич направил своих посадников в те города, на которых Владимирко целовал ему крест. Галицкий князь отказался возвращать их. Более того, когда Юрий Долгорукий начал войну с Изяславом и выступил к Чернигову, он, как мы уже знаем, также двинул свои войска к Киеву.

Удача, казалось, в очередной раз улыбнулась ему. Ни король Геза, втянутый в войну с императором Мануилом, ни князь Изяслав Мстиславич, занятый борьбой с Юрием Долгоруким и Святославом Ольговичем, не имели возможности наказать его за нарушение обязательств, скрепленных крестным целованием. Галицкий князь торжествовал победу, доставшуюся ему столь необычным способом.

Зимой 1152/53 года (предположительно, в феврале) [107] Изяслав Мстиславич отправил в Галич своего боярина Петра Бориславича, который присутствовал при крестоцеловании Владимирка. (Этого Петра, между прочим, считают автором летописи, описывающей события княжения Изяслава Мстиславича, а возможно, и его ближайших потомков{296}.) Петр вез с собой те самые «крестные» грамоты, на которых Владимирко целовал крест. Возвращение «крестных» грамот было равносильно объявлению войны. Впрочем, Изяслав еще давал галицкому князю

шанс «управитися» в крестном целовании. В случае возвращения указанных в грамотах городов он обещал «не поминать» того, что случилось. «Не хощеши ли дати, — угрожал Изяслав, — то съступил еси крестьного целования. А се твое грамоты крестьныя, а нама с королем с тобою како Бог дасть».

Владимирко отвечал так, словно крестного целования никогда и не происходило, обвиняя, а не защищаясь: «Извременил (то есть воспользовался удобным временем. — *А.К.)* еси на мя и короля еси на мя възвел. Но оже буду жив, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю!»

Эти слова привели в изумление и даже напугали боярина Петра. Указывая на собственный нательный крестик, он воскликнул: «Княже, крест еси к брату своему к Изяславу и к королеви целовал, яко ти все управити и с нима быти, то уже еси съступил крестьного целования!» И отвечал Владимирко с насмешкой:

— Сии ли крестець малый?! (То есть: что мне сей крестик малый?!)

— Княже! Аще крест мал, но сила велика его есть на небеси и на земли… А съступиши, то не будеши жив!

Слова эти не на шутку разгневали галицкого князя:

— Вы того досыти есте молвили. А ныне полези вон! Поеди же к своему князю!

Петр Бориславич молча положил перед князем «крестные» грамоты и вышел вон. По приказанию князя ему не дали ни подвод, ни корма для лошадей, то есть ничего того, что полагалось княжескому послу. На собственных некормленых лошадях боярин выехал из Галича, сопровождаемый насмешками князя Владимирка и его людей. А дальше произошло то, что до глубины души потрясло современников, оставшись в памяти потомков ярчайшим примером Божьего наказания за неверие в силу честного и животворящего креста.

Когда Петр Бориславич выезжал с княжеского двора, князь Владимирко шел в церковь по особой галерее, соединяющей церковь с его княжеским двором. «Вон, поехал муж русский, — воскликнул он со смехом, указывая на боярина. — Все водости мои забрал!» После службы князь возвращался к себе домой. И когда он проходил по тому же переходу, на той самой ступени, на которой он насмехался над боярином Петром, его внезапно поразил удар — очевидно, острый сердечный приступ. «Некто мя удари за плече», — простонал князь и начал оседать на пол. Его подхватили, отнесли в горницу, положили на постель. Той же ночью он скончался.

Послали за боярином Петром. Его, ничего не объясняя,

вернули с полпути в Галич. «Петр же… печален бяше велми, оже ему бяше опять в город поехати, творяшяться прияти муку пуще того». (Напомним, что Петр, возможно, и был автором этого текста, то есть передавал собственные ощущения.) В Галиче же он был поражен внезапно произошедшими переменами. Его встретили княжеские слуги, «вси в черних мятлих (плащах. — *А.К.)»;* на княжеском престоле восседал сын Владимирка Ярослав, также в черном одеянии, со скорбным видом. Когда Петр сел на предложенный ему стулец, Ярослав разрыдался. Тогда-то Петру и было объявлено о внезапной кончине князя. Что мог ответить на это киевский боярин? Только повторить обычные слова утешения, те, что всегда говорят в подобных случаях: «Воля Бо-жия, а всим тамо быти». Злорадства не было и в помине. Боярин Петр, как и другие, был напуган случившимся, видя во всем грозную волю Всевышнего Творца.

Под впечатлением от случившегося новый галицкий князь Ярослав Владимирович поспешил заключить с Изяславом мир. «Мы есмы тебе того деля позвали, — объяснил он боярину Петру, — се Бог волю Свою, како Ему угодно, тако створил есть. А ныне поеди к отцю своему Изяславу, а от мене ся ему поклони и се ему явиши, аче “Бог отца моего понял, а ты ми буди в отца место. А ты ся с моим отцемь сам ведал, что межи има было, а то уже Бог осудил, аче Бог отца моего понял, а мене Бог на его месте оставил…”»

Однако и эти слова остались не более чем словами. Ярослав Галицкий так и не вернул Изяславу волости, на которых целовал крест его отец. И год спустя, в январе-феврале 1154 года, Изяславу Мстиславичу с союзниками вновь пришлось выступить в поход на Галич — теперь уже против Владимиркова сына. После жестокого побоища на реке Серет Изяслав повернул обратно. В его руках оказалось множество пленников-галичан, однако, опасаясь наступления вражеской рати, Изяслав приказал всех их перебить на месте…

Смерть Владимирка Галицкого стала еще одним тяжелым ударом для Юрия Долгорукого. Он лишился своего самого сильного и самого надежного союзника. Впрочем, новый галицкий князь Ярослав, вошедший в историю с прозвищем Осмомысл, остался в числе его союзников. Напомним, что он приходился зятем суздальскому князю. А значит, в последующей борьбе за Киев Юрий по-прежнему мог рассчитывать на силы Галицкой земли.

МОР

Весь 1153 год и начало следующего, 1154-го князь Юрий Владимирович провел в Суздальской земле, занимаясь внутренними делами княжества. Новая попытка утвердиться на юге была предпринята им летом 1154 года. Однако она оказалась еще более неудачной, чем предыдущая.

Поход не заладился с самого начала. Юрий, собрав многочисленное ростовское и суздальское войско и соединившись со всеми своими сыновьями, вновь вторгся в Вятичскую землю. Но дойти сумел лишь до реки Жиздры, левого притока Оки. В войске начался массовый падеж коней — «и бысть мор в коних, во всех воих его, ако же не был николиже»{297}.

С чем это было связано, сказать невозможно. Эпидемии, массовый падеж скота в те времена случались нередко, хотя, наверное, нельзя исключать и того, что конский мор явился следствием каких-то целенаправленных усилий со стороны лазутчиков князя Изяслава Мстиславича или черниговских князей. Но суздальский князь и его сыновья должны были увидеть в случившемся иной смысл. Юрий «думав з детми своими и з бояры, — пишет об этом позднейший московский летописец, — и устрашився гнева Божиа, так прилучившагося тогда»{298}.[108]

Это была естественная реакция средневекового человека. Во всем, что происходило помимо него, в действии неподвластной ему стихийной силы он видел прежде всего проявление Божьей воли. В данном случае сам ход событий явственно свидетельствовал о том, что стремление Юрия утвердиться на юге неугодно Богу.

Не доходя Козельска войско остановилось. Здесь Юрия ожидало новое разочарование: половцы, за которыми он заблаговременно послал в степи, явились в столь малом числе, что опереться на них в качестве основной военной силы не представлялось возможным. Продолжать поход в таких условиях Юрий не решился. «Здумав с мужи своими, и з детми, и с половци», он повернул назад, к Суздалю. Одновременно князь отправил в Степь своего сына Глеба. Тот должен был привести на Русь новые, значительно более многочисленные половецкие отряды. С их помощью Юрий намеревался возобновить военные действия.

Если причины конского мора остаются нам неизвестными, то относительно пассивности половецких союзников Юрия Долгорукого можно сказать вполне определенно: это стало следствием той половецкой политики, которую проводил в

последние годы жизни князь Изяслав Мстиславич.

После успешного похода в 1152 году за Угол и Самару последовал новый поход против половцев, совершенный тем же Мстиславом Изяславичем из Переяславля Южного в 1153 году, — на реку Псел, левый приток Днепра. На этот раз Мстислав половцев не нашел: «не дошед их, възворотися». Это свидетельствовало о том, что половцы отступили от границ Руси, перенесли свои кочевья южнее. Осенью того же 1153 года Мстислав Изяславич вместе с князем Владимиром Андреевичем и берендеями ходил к Олешью — русскому городу в устье Днепра. Старый торговый путь по Днепру к Черному морю, мимо днепровских порогов, вновь становился доступен русским.

Предположительно можно говорить и о каких-то контактах, установившихся в эти годы между Изяславом Мстиславичем и обитателями Нижнего Поволжья — гузами, то есть теми же торками, ближайшими сородичами «черных клобуков» Поросья. Зимой 1153/54 года в Киеве побывал арабский путешественник и дипломат Абу Хамид ал-Гарнати, направлявшийся из Венгрии через Русь в город Саксин в устье Волги (на месте бывшей столицы Хазарии Итиля). Он имел поручение от короля Гезы набрать на военную службу наемников-торков, «тех, кто хорошо мечет стрелы». Абу Хамид провел на Руси зиму, общался с «царем славян» (князем Изяславом Мстиславичем?), которому передал личное послание венгерского короля, скрепленное его золотой печатью, и был принят с почестями, соответствовавшими его статусу посла. В поездке к гузам Абу Хамида сопровождал один из мусульман, проживавших на Руси (некий Абд ал-Карим Ибн Файруз ал-Джаухари). Поручение короля Гезы было с успехом исполнено, вернулся на Русь и спутник Абу Хамида (сам он остался в Саксине)[{299}]. Трудно удержаться от предположения, что в ходе этой миссии обсуждались и вопросы, интересовавшие русского князя и, возможно, связанные с перспективами совместной борьбы с половцами.

С половецкой политикой князя Изяслава Мстиславича исследователи связывают и его второй брак — с грузинской царевной Русудан, дочерью царя Грузии Димитрия I (1125—1156). (Первая супруга князя скончалась в 1151 году.) Переговоры по этому поводу велись не менее двух лет: осенью 1153 года сын Изяслава Мстислав ездил к Олешью именно для того, чтобы встретить там грузинскую княжну, однако та по какой-то причине к намеченному сроку не явилась. И только весной 1154 года Мстислав Изяславич, вновь посланный отцом, встретил ее у днепровских порогов — на крайних рубежах Русской земли. Русудан была с почестями приведена в Киев, где и состоялось ее

венчание с киевским князем. Правда, продлился этот брачный союз всего полгода — из-за скорой кончины киевского князя.

Грузинские цари в XII веке имели прочные связи с половцами. Полагают, что союз с царем Димитрием имел одной из своих целей нейтрализацию грозных кочевников{300}. Во всяком случае очевидно, что киевский князь, связанный династическими союзами со многими правящими дворами Западной и Центральной Европы и враждующий с правителями Византийской империи, именно в ходе противоборства с Юрием Долгоруким осознал необходимость налаживания контактов и со своими южными и восточными соседями. Да и родство с грузинскими царями (а правителей Грузии называли именно этим титулом, применявшимся к императорам Византийской и Западной империй) должно было благотворно сказаться на международном авторитете киевского князя. Не случайно киевский книжник в последние годы жизни Изяслава Мстиславича и его также именовал «царем».

* * *

Можно полагать, что в своих неудачах Юрий — по крайней мере отчасти — обвинил князя Ростислава Ярославича Рязанского. Возможно, тот вместе со своими родичами обещал поддержать его, однако в поход так и не выступил. Их дружба продолжалась совсем недолго и вновь сменилась жестокой враждой. Во всяком случае в том же 1154 году Юрий Долгорукий предпринял новую попытку присоединить к своим владениям Рязанское княжество с обоими его главными городами — Рязанью и Муромом. Причем на этот раз, в отличие от событий 1146 года, речь шла не просто о переменах на рязанском столе и утверждении здесь лояльных Юрию представителей местной династии, но о прямом включении рязанских и муромских земель в состав владений Юрия Долгорукого. Новым рязанским и муромским князем должен был стать старший сын Юрия Андрей.

Подробный рассказ об этом содержит единственный источник — так называемая Львовская летопись, составленная в XVI веке, но использовавшая и более ранние летописные материалы. «Того же лета, — читаем здесь под 6662 (1154) годом, — посади Юрьи сына своего в Рязани, а рязанскаго князя Ростислава прогна в Половцы»{301}.

Этот шаг суздальского князя выглядит необычно. Ни до, ни после Юрий не решался на захват чужой волости, на которую не имел никаких отчинных прав. Потомки князя Святослава

Ярославича правили в Муроме, а затем Рязани с середины XI века, практически без перерывов (если не считать несчастной попытки Мономахова сына Изяслава захватить Муром в 1096 году; как мы помним, эта попытка стоила молодому князю жизни и привела к жестокой междоусобной войне). Теперь незавидная участь Изяслава могла достаться Юрьеву сыну Андрею. Юрий упорно не желал предоставлять ему удел в собственном княжестве. Не имея возможности наделить старшего сына волостями на юге, он, очевидно, именно таким способом постарался удовлетворить его княжеские амбиции. Не исключено, что это и стало одной из причин рязанской войны.

Но едва ли самого Андрея могло устроить княжение в Рязани. Если известие Львовской летописи подлинно (а сомневаться в этом как будто нет оснований)[302], то оно высвечивает яркий и драматичный эпизод из жизни князя Андрея Боголюбского. На этот раз он предстает перед нами совсем не таким героем и храбрецом, каким мы его видели прежде, в повествовании симпатизировавших ему южнорусских и суздальских летописцев. Опытный и умелый воин, Андрей проявил явную беспечность, которую, пожалуй, можно объяснить разве что его нежеланием княжить в совершенно чужом для него городе. Он позволил Ростиславу Ярославичу не только собрать значительное половецкое войско, но и беспрепятственно привести его к Рязани. Более того, Андрей был застигнут врасплох и чудом избежал плена. Ночью, внезапно, Ростислав Ярославич со своими половцами ворвался в Рязань, обманув Андрееву «сторожу» (если она вообще была выставлена князем). Сам Андрей Юрьевич «об одном сапоге» (удивительно яркая подробность!) бежал из Рязани в Муром, а оттуда поспешил к отцу в Суздаль. Дружина его была почти полностью истреблена: по словам летописца, Ростислав «овех изби, а другиа засув во яму, а иные истопоша в реце».

История взаимоотношений суздальских и рязанских князей знала немало войн. Впрочем, и мирные или даже союзнические отношения между ними также были не редкостью. Миром сменится и эта война, в которой было пролито столько крови. Однако старая вражда не исчезнет. Рязанские князья, сыновья и внуки Ростислава Ярославича, будут то признавать над собой власть суздальских Юрьевичей, то ожесточенно воевать с ними. Эта вражда перейдет по наследству и к их потомкам, и уже в новых исторических условиях, сложившихся после ордынского завоевания, между Рязанью и Москвой нередко будут вспыхивать войны, особенно ожесточенные в виду территориальной близости двух княжеств.

ПОСЛЕ ИЗЯСЛАВА

Под 1154 годом летописи сообщают еще о нескольких событиях в жизни Юрия Владимировича и его семьи. В октябре этого года у князя родился сын Всеволод, нареченный в крещении Дмитрием. В том же году в Суздале скончалась супруга князя Глеба Юрьевича (между прочим, единственная невестка Юрия Долгорукого, смерть которой отмечена летописцем).

Другие события года привлекали не меньшее внимание суздальского князя. Конечно же он следил за всем, что происходило вне границ его княжества, особенно в Южной Руси, хотя сведения об этом по-прежнему поступали к нему с запозданием.

Весной 1154 года случилась очередная перемена на новгородском столе. 26 марта новгородцы «показали путь» из города сыну Изяслава Мстиславича Ярославу, сидевшему на новгородском княжении пять с половиной лет. Новым новгородским князем, согласно достигнутой договоренности, должен был стать брат Изяслава Ростислав Мстиславич Смоленский или кто-то из его сыновей.

Тут, однако, возникло непредвиденное затруднение. Как оказалось, князь Ростислав Мстиславич и новгородские бояре по-разному смотрели на то, кого именно считать новгородским князем. С формальной точки зрения престол занял сам Ростислав, вступивший в Новгород 17 апреля того же года. Именно так и было записано в Новгородской летописи («…въведоша Ростислава, сына Мьстиславля»)[{303}]; очевидно, именно Ростислав целовал крест новгородцам «на всих грамотах Ярославлих», что в глазах жителей города символизировало переход к нему княжеской власти. От его имени издавались и его печатью скреплялись княжеские постановления.

Но сам Ростислав себя новгородским князем, по-видимому, не считал. Он отнюдь не собирался оставлять Смоленск, а на новгородском столе хотел бы видеть своего старшего сына Романа, Во всяком случае, так расценили произошедшее и в Киеве, и в Суздале. «В то же лето выгнаша Изяславича новгородци Ярослава, а Ростиславича Романа посадиша», — читаем в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях[{304}].

Ростислав Мстиславич пользовался в Новгороде безусловным авторитетом. Как мы помним, он и раньше «отвечал» перед братом за новгородские дела, не раз участвовал вместе с новгородцами в совместных военных походах. Так что до времени вопрос о новгородском князе не имел принципиального значения

— все равно Ростислав — сам ли, или от имени своего сына — должен был принимать все основные решения, касавшиеся новгородских дел. Но очень скоро вопрос этот выйдет на первый план, и недоразумение между новгородцами и князем обернется открытым конфликтом. И, как мы увидим, князь Юрий Долгорукий умело воспользуется этим для восстановления своей власти над Новгородом.

Что же касается Ярослава Изяславича, то он недолго оставался без собственного княжеского стола. Летом того же 1154 года умер брат Изяслава Мстиславича Святополк, княживший во Владимире-Волынском. Это, очевидно, случилось во время похода Юрия в Вятичскую землю: Святополк как раз и направлялся из Волыни на помощь брату. По словам летописца, узнав о его внезапной кончине, Изяслав «плакася по брате своем, и потом посла… Ярослава, сына своего, Володимирю княжить».

Очень скоро Ярослав Изяславич зарекомендует себя как сильный и энергичный князь. Вместе со старшим братом Мстиславом он будет не без успеха воевать против Юрия Долгорукого, а впоследствии попортит немало крови его сыновьям, в том числе и самому Андрею Боголюбскому. Пока же он занял княжеский стол во Владимире на Волыни — городе, который занимал особое место в судьбах Изяслава Мстиславича и его потомков. Подобно тому, как Суздаль был оплотом Юрия Долгорукого, его главной экономической и военной базой, Волынь обеспечивала Изяславу и Изяславичам устойчивость и стабильность в Русской земле: именно сюда они могли уйти из Киева в случае поражения и именно отсюда начинали борьбу за киевский престол.

* * *

Между тем дни самого Изяслава Мстиславича были сочтены. В сентябре того же 1154 года он тяжело заболел[109]. Болезнь была затяжной, оправиться от нее князь уже не смог 13 ноября, «в неделю на ночь… на Филипов день», то есть вечером в канун дня святого апостола Филиппа, Изяслав Мстиславич скончался[110]. На следующий день его со всеми полагающимися почестями и в присутствии множества народа погребли в церкви Святого Феодора в киевском Феодоровском монастыре, основанном его отцом, князем Мстиславом Великим.

Кончина князя была безвременной. Он умер раньше своих дядьев — и не только Юрия, но и совсем уже старого Вячеслава. Последний, глядя на гроб с телом племянника, с горечью

восклицал: «Сыну, то мое было место»; но тут же добавил с плачем: «Но пред Богом не что учинити!»

Князь Изяслав Мстиславич оставил по себе добрую память не только среди киевлян, но и среди жителей других южнорусских областей, особенно «черных клобуков». Его действительно любили и потому искренне оплакивали[111]. «И плакася по нем вся Руская земля и вси чернии клобуци, — писал киевский летописец, — яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци». Самого Изяслава автор летописи называл «честным, и благоверным, и христолюбивым, славным».

Созданная им политическая система обеспечила ему великокняжеский престол. Она же должна была закрепить престол за его ближайшими родичами, князьями «Мстиславова племени». В общем, Изяслав продолжал ту династическую политику, которую выработали его дед Владимир и отец Мстислав, только с учетом новых условий, сложившихся в связи с притязаниями на Киев Юрия Долгорукого. Еще при жизни он позаботился о последующем переходе киевского престола к брату Ростиславу. Последний владел своей «частью» в Киевской земле и формально считался соправителем брата[112].

Но преемственность власти и законность ее перехода от Изяслава к Ростиславу мог обеспечить только старейший на тот момент представитель «Мономахова племени» князь Вячеслав Владимирович. Он еще прежде объявил Ростислава своим «сыном», наравне с Изяславом, а тот, в свою очередь, признал его «отцом». Теперь же, после Изяславовой смерти, это необходимо было подтвердить особым соглашением. Сложность ситуации, однако, заключалась в том, что престарелый и совершенно беспомощный Вячеслав никакой реальной силой не обладал. Его ни на день нельзя было оставлять в Киеве одного, ибо удержать город без посторонней помощи он был не в состоянии. Ростиславу же требовалось время для того, чтобы добраться до Киева из Новгорода, где он тогда находился.

Между тем старший сын Изяслава Мстислав, князь деятельный и сильный и уже не раз доказавший это на поле брани, вскоре после погребения отца покинул Киев и уехал в Переяславль. Объяснялось это просто: Мстиславу нужно было заботиться прежде всего об обороне собственного города. Но, кажется, он и не горел особым желанием отстаивать в Киеве интересы Ростислава. Во всяком случае, очень скоро мы столкнемся с явным проявлением непонимания между племянником и дядей.

Отъезд Мстислава поставил князя Вячеслава Владимировича в затруднительное положение. Опасности приходилось ожидать с

двух направлений. Во-первых, конечно же от Юрия Долгорукого, Не было никаких сомнений в том, что суздальский князь воспользуется смертью племянника и попытается реализовать свои права на «отчий» и «дедов» стол. Во-вторых, права на Киев мог предъявить князь Изяслав Давыдович, старший в роду черниговских князей. И если учесть, что до Чернигова весть о переменах в Киеве должна была дойти гораздо быстрее, чем до Суздаля, то именно от Изяслава исходила главная опасность.

Все так и случилось. Узнав о смерти Изяслава Киевского, Изяслав Давыдович, «не устряпав ништо», то есть ничуть не медля, явился под Киев. Однако меры предосторожности на этот счет были приняты заранее. В город Изяслава не пропустили, задержав на перевозе через Днепр. На прямой вопрос князя Вячеслава Владимировича, зачем он приехал и кто его звал, черниговский князь отвечал, что он приехал оплакивать умершего, ибо не присутствовал на его похоронах: «Аче есмь тогды не был над братом своим, а повели ми ныне, ать оплачю гроб его». Но Вячеслав в словах князя заподозрил недоброе. Он очень боялся, что одно только появление Изяслава Давыдовича в Киеве — даже без войска — приведет к мятежу и перевороту и он не сумеет удержать власть в своих руках. Кажется, эти опасения были напрасными, ибо Давыдович не имел в Киеве сторонников. Но слишком уж памятны были Вячеславу минуты унижения от киевлян во время его недолгого пребывания в Киеве летом 1150 года. И Вячеслав, посоветовавшись с дружиной и с молодым князем Мстиславом (тогда еще находившимся в Киеве), отказал черниговскому князю. Тому пришлось возвращаться обратно в Чернигов.

Оставшись же без Мстислава, Вячеслав не нашел ничего лучшего, как прибегнуть к помощи еще одного представителя черниговских князей, князя Святослава Всеволодовича. (Напомним, что тот приходился по матери племянником Изяславу и Ростиславу Мстиславичам.) «Ты еси Ростиславу сын любимый, тако же и мне, — с такими словами обратился старый Вячеслав к полному сил Святославу. — А поеди семо ко мне, перебуди же у мене Киеве, доколе же придет Ростислав. А тогда ряд вси учиним». И Святослав Всеволодович не подвел старика. Не сказавшись ни Изяславу Давидовичу, ни своему дяде Святославу Ольговичу, он приехал в Киев и «перебыл» в нем до самого приезда Ростислава Мстиславича. И надо сказать, что не прогадал: в благодарность за оказанную услугу Ростислав передал своему «сестричичу» города Туров и Пинск.

Точное время вступления Ростислава Мстиславича в Киев неизвестно; вероятно, это произошло уже в декабре[113]. «Кияне

же вси изидоша с радостью великою противу своему князю, и тако быша ему ради вси, и вся Руская земля, и вси чернии клобуци обрадовашася». Ростислав немедленно заключил «ряд» со своим дядей Вячеславом, подтвердив все те условия, на которых прежде заключал «ряд» его брат Изяслав. «Се уже в старости есмь, — объявил Вячеслав племяннику, — а рядов всих не могу рядити, а, сыну, даю тобе, якоже брат твои держал и рядил, такоже и тобе даю. А ты мя имей отцемь и честь на мне держи, якоже и брат твои Изяслав честь на мне держал и отцемь имел. А се полк мои и дружина моя, ты ряди». Ростислав поклонился дяде: «Велми рад, господине отче, имею тя отцемь [и] господином, якоже и брат мои Изяслав имел тя и в твоей воли был». Так образовался второй киевский «дуумвират», в точности повторивший первый, с единственной заменой — Изяслава на Ростислава. Условия «ряда» приняли и киевляне, признавшие Ростислава — при формальном «старейшинстве» Вячеслава — своим князем: «Якоже и брат твои Изяслав честил Вячеслава, тако же и ты чести. А до твоего живота (то есть до самой смерти. — *А.К.)* Киев твои».

* * *

О случившемся Юрию стало известно от черниговских князей — Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича. Смерть киевского князя, как всегда, повлекла за собой изменения в расстановке политических сил. Черниговские князья, возмущенные предательством Святослава Всеволодовича, обратились к Юрию с предложением о заключении союза{305}. Юрий, естественно, согласился. Новый политический блок был направлен против князей «Мстиславова племени».

К тому времени на Русь возвратился сын Юрия Долгорукого Глеб. Будучи, как и другие старшие Юрьевичи, наполовину половцем, он сумел найти общий язык с «дикими» кочевниками и привел в помощь отцу значительные половецкие отряды. Юрий поручил Глебу самостоятельно действовать в Южной Руси. И в те самые дни, когда Ростислав праздновал свое вокняжение в Киеве, Глеб «с множеством половець» подступил к Переяславлю, в котором пребывал Мстислав Изяславич.

Юрий и прежде более всего отстаивал свои «отчие» права именно на этот город. Глебу уже приходилось княжить здесь, и потому он считал Переяславль в полном смысле слова своим городом. Но и Мстислав Изяславич бездействовать не собирался. Он заблаговременно послал весть о сосредоточении половцев у границ своего княжества Ростиславу Мстиславичу, и тот направил

ему в помощь своего сына Святослава. Сам же Ростислав двинулся к Пересечену (городу в Киевской земле), где принялся «скупливати дружину».

Под Переяславлем завязалось ожесточенное сражение: дружины Мстислава Изяславича и Святослава Ростиславича «начата битися с ними (с половцами Глеба Юрьевича. — *А.К.),* выездяче из города, бьяхутся с ними крепко». Половцы к такому повороту событий не были готовы и предпочли отступить: «поидоша прочь от города… бояху бо ся Ростислава и Святослава». Вместе с ними, «не успев же… ничто же», отступил и Глеб. Нигде не задерживаясь, они отошли за реку Сулу, служившую границей между Степью и Переяславской землей. По дороге половцы разорили город Пирятин на реке Удай (притоке Сулы): «овех избиша, а иных в плен поведоша». За Сулой они и остановились, готовясь к новому нападению на Русь.

Победа над Глебом вдохновила нового киевского князя. «Ростислав же то слышав, нача гадати с братьею своею пойти Чернигову на Изяслава на Давыдовича». Целью похода было не допустить объединения черниговских князей с Юрием Долгоруким. О последнем к тому времени стало достоверно известно, что он собирает свои войска в Суздальской земле и готовится выступить к Киеву в союзе с черниговским Изяславом. «Абы ны упередити Дюргя, — рассуждал Ростислав перед дружиной. — Любо и проженем (изгоним. — *А.К.),* любо примирим к собе». Князь даже не стал заезжать в Киев. Соединившись с племянниками — «сестричичем» Святославом Всеволодовичем и «братаничем» Мстиславом Изяславичем, — а также с торками (которых, правда, пришло немного), он переправился через Днепр у Вышгорода и остановился здесь, «скупливая дружину свою». Была середина зимы 1154/55 года — самый конец декабря или, скорее, начало января. И вот на следующее утро после перехода Днепра в лагерь к князю прибыл гонец из Клева с сокрушительным известием: ночью, под утро, в Киеве умер князь Вячеслав Владимирович. Еще накануне он был «добр и здоров», вечером пировал с дружиной, «и шел спать здоров; якоже легл, тако боле того не въстал, ту и Бог поял».

Ростислав покинул дружину и отправился в Киев. «И тако плакася по отци своем, и проводи его до гроба с честью великою с множьством народа, и положиша у Святыя Софья, идеже лежить Ярослав, прадед его, и Володимир, отець его». На княжеском, «Ярославлем», дворе Ростислав созвал дружину почившего князя, а также его тиунов и ключников. Были принесены сокровища покойного — «порты, и золото, и серебро». Ростислав приказал раздать все по монастырям, и по церквам, «и по затвором, и

нищим»; себе же оставил один только крестик, «на благословление». После этого, захватив «прок дружины Вячеславли», князь отправился на ту сторону Днепра, к ожидавшему его войску.

Предстояло решить, что делать дальше. Смерть Вячеслава Владимировича сильно осложнила положение Ростислава в Киеве. Система «дуумвирата», при которой «старейшинство» дяди служило надежным прикрытием реальной власти племянника, была разрушена. Теперь Ростиславу для отстаивания своих прав приходилось опираться исключительно на военную силу. Между тем, в отличие от старшего брата, он не был прирожденным полководцем. («Яз люблю, брате, мир», — как мы помним, говорил он Изяславу.) Но ситуация сложилась парадоксальная — поставленный в непривычные для себя условия, Ростислав выбрал неверную линию поведения, отдав предпочтение нелюбимой войне перед привычным и любимым миром.

Созвав на совет племянников Святослава Всеволодовича и Мстислава Изяславича, а также сына Святослава и своих «мужей», Ростислав Мстиславич «нача думати… хотя пойти Чернигову». Бояре принялись отговаривать князя, предлагая ему сначала заключить новый «ряд» с киевлянами — уже в качестве полновластного князя: «Ты ся еси еще с людми [в] Киеве не утвердил. А поеди лепле в Киев же, с людми утвердися. Да аче стрыи придеть на тя Дюрги, поне ты ся с людми утвердил будеши, годно ти ся с ним умирити, умиришися; пакы ли, а рать зачнеши с ним». Однако князь не внял этому вполне разумному совету. Понимая неизбежность войны с Юрием, он решил все же исполнить намеченное: опередить дядю и вывести из игры его черниговского союзника.

Войска двинулись к Чернигову. Остановились на реке Белоус (Боловес), откуда Ростислав послал к Изяславу Давидовичу с предложением мира. «Целуй нама хрест, — потребовал он от черниговского князя. — Ты в отцине своей Чернигове седи, а мы у Киеве будем». Но Изяслав Давыдович уже изготовился к войне, а потому отверг мирные предложения Ростислава. Он надеялся на союз с Юрием, а конкретнее — на половцев князя Глеба Юрьевича, к которому заблаговременно обратился с просьбой о помощи. «Оже есте на мя пришли, — отвечал он князьям, — а како ми с вами Бог дасть». И действительно, заключать мир с противником, вторгшимся в пределы его княжества, было бы унижением для князя.

Тем временем Глеб Юрьевич со своими половцами подоспел к Чернигову. Объединенная черниговско-половецкая рать выступила из города и также подошла к Белоусу. Здесь и должно

было разыграться сражение, в котором решалась судьба Киева. Войска разделяло замерзшее русло реки. Передовые части обеих ратей, «стрельцы», начали перестреливаться через реку, что всегда предшествовало самой битве. Но оказалось, что Ростислав привел слишком мало войск. Князь дрогнул в самый неподходящий момент, когда от его выдержки и хладнокровия зависел успех всего дела. Напуганный численным превосходством половцев, он стал просить у Изяслава Давыдовича мир, причем на этот раз выразил готовность не только уступить ему Киев, но и отказаться от «отчего» Переяславля в пользу Глеба Юрьевича.

Это походило на капитуляцию. Известие об условиях, предложенных Ростиславом, возмутило прежде всего переяславского князя Мстислава Изяславича: ведь дядя беззастенчиво распоряжался городом, переданным ему отцом! «Да ни мне будет Переяславля, ни тобе Киева!» — с такими словами Мстислав покинул поле сражения: «повороти конь… под собою с дружиною своею от стрыя своего». За переяславцами последовала и часть войска Ростислава.

Замешательством в стане противника немедленно воспользовались половцы. Всякие переговоры между князьями были прекращены. Половцы обрушились на отступающих, «объехали» и полк Ростислава, и полк Мстислава, двинувшийся со своих позиций. Дезорганизованные войска союзников выдержать этот натиск уже не могли. Побоище продолжалось два дня. «И побегоша вси Ростиславли вой, и многи избиша, а других многое множьство изоимаша, и разбегошася князи и дружина Ростиславля, и Святославля, и Мьстиславля…»

Князь Ростислав Мстиславич едва не оказался в плену: под ним убили коня, самого его окружили ратные. Выручил князя сын Святослав: «заступи отца своего, и поча ся бити и за ним, и ту скупися дружины неколико около его». Ростиславу подвели коня; он сумел выбраться невредимым, переправился через Днепр ниже Любеча и убежал в Смоленск. Его самостоятельное княжение в Киеве продолжалось всего неделю. Святослав Ростиславич спасся вместе со своим двоюродным братом Мстиславом Изяславичем: оба бежали к Киеву. Затем Мстислав спешно отправился в Переяславль, схватил жену и детей и, чудом избежав половцев, устремился в Луцк, где встретился с братом Ярославом.

Еще одному князю, участвовавшему в сражении, Святославу Всеволодовичу, повезло меньше. Он все-таки попал в плен к половцам — между прочим, первым из русских князей. По рассказу позднейшей Никоновской летописи, вместе с ним в плену оказались его бояре Роман Судиславич и Добрыня Федорович (их имена из других источников неизвестны); «и иных

бояр его яша, а иных многих избиша над ним, егда имаху его половци». Старые половецкие связи князю не помогли: половцы согласились отпустить его только за большой выкуп. Необходимую сумму уплатил князь Изяслав Давыдович вместе с супругой. Они вообще проявили в те дни немалую щедрость: на собственные средства выкупили из половецкого плена многих других русских, захваченных в том бою. Надо полагать, таким способом черниговский князь попытался хоть как-то загладить свою вину за наведение «поганых» на Русскую землю и пролитую христианскую кровь.

Побоище на Белоусе имело тяжелейшие последствия для южнорусских земель. Особенно пострадали Переяславль и округа: половцы сожгли и разграбили все села близ города «и много зла створиша». Была сожжена даже Альтинская «божница» Святых Бориса и Глеба, построенная Владимиром Мономахом. Половецкое нашествие затронуло и Киев, и другие города Южной Руси.

Автор Никоновской летописи рисует поистине ужасающие картины всеобщего разгрома и разорения: «…И везде и повсюду мертвии лежаху, и многа кровь течяше, и бе страшно и ужасно видети, и тогда бысть тяжко христианству зело, и мног плачь бысть в Киеве, и в Переаславли, и в прочих их градех… И се уже великое и славное княжение Киевское пусто…» По сведениям московского книжника, половцы дважды подвергли опустошению окрестности Переяславля, причем во второй раз сожгли не только Альтинскую церковь с монастырем, но и монастыри Рождества Пресвятой Богородицы и Святого Саввы: «все разграбиша, и пожгоша, а люди в плен поведоша»{306}.[114]

Поражение Ростислава Мстиславича полностью изменило расстановку сил в Южной Руси. И если прежде Изяслав Давыдович признавал «старейшинство» Юрия Долгорукого и не вел речи о киевском престоле (во всяком случае открыто), то теперь его амбиции резко возросли. Он напрямую обратился к киевлянам: «Хочу к вам поехати!» И те, «боячеся половець», не решились отказать ему. «Зане тогды тяжко бяше кияном, не остал бо ся бяше у них ни един князь у Киеве», — замечает летописец. И хотя в Киеве черниговских князей не любили и боялись, считая их чужаками, Изяславу Давыдовичу было передано официальное приглашение занять киевский стол. С этим к князю отправился Каневский епископ Дамиан*. «Поеди Киеву, ать не возмуть нас половци, — обратился он к Давыдовичу от имени всех киевлян. — Ты еси наш князь!.».

Так во второй раз за прошедшие десятилетия Киев ушел из рук князей «Мономахова племени». Изяслав Давыдович вступил в

город и был посажен на «златой» киевский стол. Князь Глеб Юрьевич — уже из его рук — получил разоренный половцами Переяславль, а другому своему союзнику, князю Святославу Ольговичу, Изяслав передал Чернигов. Ольгович принял город. Однако он очень хорошо понимал, что Изяслав не сможет удержать Киев «перед Юрием», а потому не слишком обольщался и на свой счет. И действительно, княжение Изяслава Давыдовича в Киеве, а Святослава Ольговича в Чернигове продлится едва ли более двух месяцев.

…Когда в декабре 1154-го — январе 1155 года князь Юрий Владимирович во главе своих войск выступил из Суздальской земли, он еще не знал ни о смерти брата Вячеслава, ни о поражении Ростислава, ни о том, что ставший его союзником Изяслав Черниговский «мимо него» занял стольный город Руси. Но все эти известия не застали суздальского князя врасплох. Опыт непрерывной борьбы за Киев в течение последних десяти лет приготовил его к любому развитию событий. И надо признать, что на пути к Киеву Юрий действовал безошибочно, точно выверяя каждый свой шаг.

Часть пятая.
КИЕВСКИЙ РАЙ.
1155-1157

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Снег, снег, белый саван России… Без малого на полгода жизнь здесь почти замирает. Всё — поля, леса, реки — окутано толстым снежным покровом, всё погружено в дремоту, в тайну. Снег сияет такой ослепительной, искрящейся белизной, что с непривычки режет глаза — нам, живущим в городской суете и сутолоке, среди нами же загаженной природы, трудно даже представить себе настоящее величие первозданной русской зимы. Это время отдохновения от трудов, время покоя, задумчивости.

Но зима — так уж сложилось в русской истории — это еще и то время, когда особенно любили начинать войны, выступать в походы. И это тоже объяснимо. Без малого на полгода непроходимые лесные дебри и бескрайние болота, раскисшие от дождей дороги и разлившиеся в половодье реки делали невозможным или крайне затруднительным продвижение значительных масс людей и конницы. Зимой же лед сковывал течение рек, превращал их в отличные пути сообщения, а по снежному насту прокладывались удобные прямые маршруты. И забота любого полководца сводилась главным образом к тому, чтобы успеть вернуться домой до начала таяния снегов и вскрытия рек. И тогда снег и вправду превращался в саван, укутывая тела павших на поле брани и сохраняя их до весны. А алая кровь так резко выделялась на фоне снежного покрова, словно бы нарочно оттеняя его белизну. Но проходила неделя, другая, выпадал новый снег, заметая следы минувшего побоища, как будто и не было его никогда на этом месте. И вновь наступала гармония всеобщего покоя, всеобщей дремоты, примирения, тишины…

…Длинная вереница всадников, крытых саней, повозок, отряды вооруженных людей продвигались по скованному льдом руслу реки Волги. То была рать, собранная князем Юрием Владимировичем Долгоруким. Здесь были его сыновья — старший Андрей, Борис, Мстислав, Василько, — каждый со своей дружиной; здесь были суздальцы, ростовцы, владимирцы, переяславцы, ратники из других залесских городов. Князь Изяслав Мстиславич словно нарочно подгадал со своей кончиной: зима только началась, и у его возможных преемников, претендентов на высвободившийся киевский стол, оставалось довольно времени, чтобы свести счеты друг с другом.

На этот раз князь Юрий Владимирович выбрал не прямой путь на юг — через «Вятичи», а кружной — по Волге и далее по Днепру, мимо Смоленска. На то имелись свои причины. Юрий

двигался не спеша, с полным сознанием своей силы. «Златой» киевский стол принадлежал ему по праву «старейшинства», по «отчине» и «дедине». Юрий был уверен в собственной правоте и потому мог не торопить события, В конце декабря 1154-го — начале января 1155 года (возможно, после Рождества, 25 декабря, или после Крещения, 7 января) он выступил в путь и в середине января был уже на Волге.

В Суздале же осталась его супруга с двумя младшими сыновьями — младенцами Михалком и Всеволодом. Судя по рассказу летописи, перед самым уходом на юг князь Юрий Владимирович привел жителей Суздаля, Ростова, Переяславля и других городов к крестному целованию в том, что после его смерти именно их примут они на княжение[115]. Старшим Юрьевичам отец уготовил куда более достойные, с его точки зрения, уделы в Киевской земле.

* * *

Выбор волжского пути имел и еще одну — чисто политическую — причину. Юрия очень волновала ситуация в Новгороде. Через своих доброхотов он знал о настроениях в городе, знал о недовольстве уходом Ростислава Мстиславича на киевский стол, а также о том, что набирают силу сторонники союза с ним, Юрием. Медлительность князя и направление движения, по-видимому, и объяснялись начавшимися как раз в это время переговорами с новгородцами.

Покидая Новгород, Ростислав Мстиславич оставил там тринадцатилетнего сына Давыда. Это пришлось не по нраву новгородцам, В городе вновь начались раздоры и смута. «И възнегодоваша новгородци, зане не створи им (Ростислав. — *А.К.)* ряду, — сообщает новгородский летописец, — нъ боле разъдра, и показаша путь по немь сынови его»{307}. Можно думать, что изгнание юного Давыда Ростиславича было согласовано с Юрием. Во всяком случае, сразу же вслед за этим новгородцы отправили к Юрию представительное посольство. Возглавлял его давний союзник Юрия епископ Нифонт. Вместе с ним ехали «передние мужи» — знатнейшие новгородские бояре. Показательно, что новгородцы знали, где искать князя, а потому направились не в Суздаль, а прямо к Смоленску, куда держал путь суздальский князь со своими полками.

Отсутствие Ростислава в Смоленске, казалось, благоприятствовало ему. Миновав волоки, связывающие реку Вазузу, приток Волги, с Днепром, он вышел на Днепр и вскоре

приблизился к Смоленску, где сидел на княжении оставленный отцом старший Ростиславич Роман и куда, очевидно, бежал его младший брат Давыд. Здесь, вблизи Смоленска, и встретило Юрия новгородское посольство. Все условия «ряда» (договора) были согласованы заранее и приняты князем. Новгородцы не стали звать его самого на княжение в свой город, но ограничились тем, что предложили престол его сыну. Юрий назвал имя Мстислава, бывшего тогда вместе с ним. Он и стал новым новгородским князем. Новгородский летописец приводит точную дату вступления Мстислава Юрьевича в Новгород — 30 января. Надо полагать, что с отцом Мстислав расстался примерно неделей раньше.

Так в Новгороде произошел очередной переворот, на этот раз не сопровождавшийся ни мятежами, ни изгнанием несогласных, ни даже переменой посадника. Город добровольно перешел на сторону суздальского князя, и это стало огромным успехом для Юрия, во многом предопределив его будущую победу в борьбе за Киев.

Здесь же, под Смоленском, и примерно в те самые дни, когда шли переговоры с новгородскими послами, Юрия настигло известие о череде драматических событий, произошедших на юге. «И бысть противу Смоленьску, — свидетельствует киевский летописец, — и бысть ему весть: “Брат ти умер Вячеслав, а Ростислав побежен, а Изяслав Давыдовичь седить Киеве, а Глеб, сын твои, седить в Переяславли»[308].

На этот раз в решающую минуту Юрий оказался именно там, где нужно. Судьба киевского престола по существу решалась под Смоленском. Находясь здесь, «противу» самого города, на перекрестке путей с севера на юг и с запада на восток, Юрий мог контролировать как Смоленск, так и Новгород. А следовательно, в его силах было воспрепятствовать образованию коалиции, направленной против него, и наоборот, заручиться союзом с важнейшими городами Северо-Западной Руси.

Получив столь важные сведения, Юрий круто изменил маршрут. Если раньше он обходил владения черниговских князей (очевидно, рассчитывая соединиться с черниговскими полками уже на подступах к Киеву), то теперь направился от Смоленска на юг, к Десне и Ипути (притоку Сожа), то есть именно в черниговские земли. Становилось ясно, что его главным противником в настоящий момент является не потерпевший сокрушительное поражение Ростислав Мстиславич, а захвативший Киев Изяслав Давыдович.

Как мы помним, с поля битвы на Белоусе Ростислав бежал в Смоленск. Но, по-видимому, не в сам город, близ которого уже

стояла рать его врага Юрия, а в принадлежавшие лично ему города к югу от Смоленска, в свою «волость», то есть в свой княжеский домен, где, по-видимому, он намеревался собрать войско{309}. Силы продолжать борьбу у него все же оставались.

Юрий со своими войсками также двинулся во владения смоленского князя, «В то же время Гюрги поиде к волости Ростиславли, — продолжает рассказ киевский летописец. — Ростислав же слышав то и тако скупя воя своя многое множьство, исполца полкы своя, и поиде противу ему к Зарою, ту же и ста…»

Зарой — это, скорее всего, Заруб, княжеское село или замок на Десне{310}. (Именно здесь весной 1167 года скончается князь Ростислав Мстиславич, возвращавшийся из Новгорода через Смоленск в Киев.) Принадлежал он лично Ростиславу (позднее князь передаст Заруб своей сестре Рогнеде). У этого села и сошлись две враждебные рати.

Однако до сражения, к счастью, не дошло. Ростислав предпочел уступить дяде, признавая его старейшинство и выражая готовность подчиниться. Войско было нужно смоленскому князю главным образом для того, чтобы добиться почетного мира. «Ростислав же, ту стоя, послася к Дюргеви, прося у него мира», — сообщает киевский летописец и далее приводит слова, с которыми смоленский князь обратился к дяде: «Отце, кланяю ти ся. Ты переди (прежде. — *А.К.)* до мене добр был еси, и аз до тебе. А ныне кланяю ти ся, стрыи ми еси, яко отець». Когда успел Юрий проявить «доброту» по отношению к племяннику и насколько Ростислав, особенно при жизни брата, благоволил дяде, нам неведомо — летописи никакими сведениями на этот счет не располагают. Но Юрий на мир согласился: «не помяна (не припомнив. — *А.К.)* злобы брата его, отда ему гнев», как пишет все тот же летописец, благожелательно настроенный к Юрию. «Право, сыну, с Изяславом есмь не могл быти, а ты ми еси свои брат и сын» — так отвечал Юрий племяннику. Князья целовали друг другу крест «на всей любви». Это означало заключение мира, и по условиям этого мира Юрий признавался старшим («в отца место») для Ростислава, а тот обязывался во всем быть послушным его воле. Показательно, что Юрий именовал племянника «братом и сыном» — как некогда именовал его брата Изяслава: этой формулой и были определены взаимоотношения между князьями.

Этим известием завершается летописная статья 6662 года в Ипатьевской летописи; о далыиейших событиях здесь говорится уже под следующим 6663 годом. Надо думать, что все происходило в самом конце мартовского года, то есть в феврале 1155 года по нашей эре.

После заключения мира Юрий двинулся далее по Десне и вскоре вторгся во владения черниговских князей. Ростислав же вернулся в Смоленск. В последующих событиях он участия не принимал.

* * *

Направляясь в Черниговскую землю, Юрий, очевидно, рассчитывал на содействие своего свата Святослава Ольговича, занимавшего в то время черниговский стол. И расчеты его вновь оправдались. Святослав поспешил присоединиться к своему давнему союзнику.

У Синина моста близ города Радогощa (ныне Погар, райцентр Брянской области) князья встретились. Летописец употребляет термин «снястася», означающий не просто встречу, но «съезд», «совещание», на котором принимаются совместные решения. Итогом встречи и стало решение о совместных действиях обоих князей. Кроме того, Святослав Ольгович настоял на том, чтобы Юрий примирился с его племянником, князем Святославом Всеволодовичем, который столь некстати оказался на стороне Ростислава Смоленского в недавней войне. Юрий согласился и на это.

Святослав Всеволодович встретил князей недалеко от Стародуба. Потерпевший поражение вместе с Ростиславом на Белоусе, он, как мы помним, успел побывать в половецком плену. Теперь Святослав спешил отречься уже от Изяслава Давыдовича (который и выкупил его из половецкого плена) и перейти на сторону сильнейшего, каковым на тот момент, безусловно, являлся Юрий. «Избезумился есмь» — с такими словами обратился Всеволодович к Юрию, и слова эти свидетельствовали не только о полном его раскаянии в прежних прегрешениях, но и о том, что перед Юрием предстал как бы совсем другой, новый человек, вернувший себе утраченный на время разум. Юрий дал мир своему недавнему противнику. Святослав целовал ему крест «на всей воле его». «И повеле ему Дюрги с собою пойти Киеву».

Так Юрий еще больше укрепил свои позиции. Изяслав Давыдович оказался в полной изоляции, лишившись поддержки даже ближайших родственников.

Вместе с обоими Святославами Юрий вошел в Стародуб, оттуда двинулся к Чернигову. Из Чернигова Святослав Ольгович обратился к своему двоюродному брату с предложением добровольно отказаться от Киева в пользу Юрия Долгорукого, чьи права на стольный город Руси они оба совсем недавно признали:

«Поеди, брате, ис Киева. Идеть ти Юрги, а позвали [его] есве оба». Больше того, ради прекращения войны Святослав Ольгович готов был уступить двоюродному брату Чернигов: «А яз ти Чернигова съступлю хрестьяных деля душь, [д]а быш[а] не погинули». Однако Изяслав Давыдович уступить Киев не пожелал и на двукратное предложение брата не ответил: «не хотяше ис Киева пойти, — объясняет летописец, — зане улюбил бы Киев ему».

Святослав Ольгович остался в Чернигове, а Юрий со Святославом Всеволодовичем и сыновьями двинулся дальше к Киеву. С середины пути, от Моровийска, он уже сам обратился к Изяславу Давыдовичу с грозным требованием убраться из Киева подобру-поздорову: «Мне отцина Киев, а не тобе!» Этого окрика оказалось достаточно. «Отчиной» для Изяслава Давидовича Киев действительно не был. Убедившись в твердом намерении Юрия отстоять принадлежащее ему по праву, Изяслав пошел на попятную: «приела к Дюргеви, моляся и кланялся, река: “Ци сам еемь ехал Клеве? (То есть: разве сам я поехал к Киеву? — *А.К.)* Посадили мя кияне. А не створи ми пакости, а се твои Киев”. Дюрги же, милостив сыи, отда ему гнев, и тако выиде Изяслав ис Киева». До «пакости», то есть до военных действий, дело не дошло и здесь.

* * *

20 марта 1155 года, «на Вербницу», то есть в Вербное воскресенье, князь Юрий Владимирович Долгорукий в третий раз победителем вступил в Киев. Перед тем как войти в город, он возблагодарил Бога, даровавшего ему «златой» киевский стол без войны и кровопролития. На этот раз ничто не могло помешать его торжеству. Его противники были разобщены и не имели сил противостоять ему.

Это понимали и в Киеве. Вступление в город Юрия означало предотвращение войны, мир и тишину. А потому князя встречали с ликованием, забыв на время о стойкой неприязни к нему, о том, что еще недавно готовы были убить его, попадись он им на поле боя. «И выиде противу ему множьство народа, — свидетельствует киевский летописец, — и седе на столе отець своих и дед, и прия [его] с радостью вся земля Руская».

Должно быть, Юрию казалось особенно знаменательным то, что его вступление в город состоялось «на Вербницу», в последнее воскресенье перед Пасхой. В этот день, предшествующий Страстной седмице — неделе самого строгого поста, Церковь празднует Вход Господень в Иерусалим, один из двунадесятых

Господских праздников. Некогда жители Иерусалима встречали Спасителя пальмовыми ветвями *(Ин. 12: 13)* — последние в суровых условиях русской действительности были заменены ветвями вербы. И теперь ветки вербы с едва набухшими почками виднелись повсюду — и в церквях, и в домах, и на улицах, — и Юрий, верхом на коне, въезжал в город, своим убранством напоминавший ему Святой град.

Для князя Юрия Киев стал даже чем-то большим, нежели земной град Иерусалим. Этот город с надвратной церковью Благовещения Пресвятой Богородицы, с величественным собором Святой Софии — Премудрости Божией, с златоверхим монастырем Архангела Михаила — Архистратига Небесных сил — представлялся ему Небесным Иерусалимом, настоящим воплощением земного рая, в котором реки текут млеком и медом и в котором нет места никаким невзгодам и напастям. И, вероятно, именно по этой причине он так и назвал один из своих загородных дворцов — Раем. Причем, как подчеркивает летописец, это необычное название дал своей резиденции сам князь[116] — а значит, в нем не было и тени насмешки. Этот рукотворный *«рай»* (или *«само-рай»,* как в некоторых списках летописи) находился на противоположной от Киева стороне Днепра. Здесь Юрий надеялся обрести отдохновение от своих княжеских трудов, блаженство покоя. Но надежды его не оправдались. Слишком недолгим и слишком хлопотным оказалось его пребывание в киевском «раю». С кончиной же князя жестокосердная толпа подвергла безжалостному разграблению и саму его «райскую» обитель.

«И БЫСТЬ ТИШИНА В РУСЬСТЕИ ЗЕМЛИ»

А начиналось третье киевское княжение Юрия Долгорукого как нельзя лучше.

Заняв киевский стол, он наделил ближними к Киеву городами своих сыновей, воссоздав таким образом защитный пояс вокруг Киева. Старший Андрей, как и шесть лет назад, получил Вышгород; Борис был посажен в Турове, Глеб — в Переяславле, Василько — в Поросье (вероятно, в Юрьеве на реке Роси или Каневе — главном городе на границе со Степью). Еще один сын Юрия Мстислав, напомним, княжил в Новгороде; младшие, Михалко и Всеволод, остались с матерью в Суздале. Новый киевский князь был связан союзническими договорами с Ростиславом Смоленским, Ярославом Галицким, а также обоими Святославами, Ольговичем и Всеволодовичем. Таким образом, из всех русских князей его противниками могли считаться лишь Изяслав Давыдович Черниговский, не потерявший надежды вернуть себе Киев, и братья Изяславичи, Мстислав и Ярослав, обосновавшиеся в Волынской земле. Старший из братьев, Мстислав Изяславич, воспользовался неразберихой на киевском престоле и, отступая, захватил Пересопницу на Горыни, традиционно входившую в состав Киевского княжества. Но позиции Изяславичей были уязвимы. Главный город Волынской земли Владимир занял по старшинству их дядя Владимир Мстиславич (Владимир «Матешич»), и Юрий имел все основания надеяться на то, что между князьями «Мстиславова племени» возникнут серьезные противоречия.

Но сначала Юрию пришлось столкнуться с очередным нашествием половцев на русские земли. Как случалось почти всегда, причиной нашествия стала смена правителя в Киеве.

Внешне ситуация выглядит неожиданной: Юрий, столько лет действовавший в союзе с «дикими» кочевниками, лишь с огромным трудом сумеет установить с ними мир, став киевским князем. Однако объясняется это просто. В межкняжеских конфликтах половцы всегда выступали разрушительной силой, Юрий пользовался их помощью именно тогда, когда стремился дестабилизировать ситуацию, нанести поражение своему сопернику в борьбе за киевский стол. Но у него хватило мудрости, выступая в свой последний поход к Киеву, не прибегать прямо к их услугам (половцы находились в войске его сына Глеба, действовавшего самостоятельно). Заняв же киевский стол, Юрий должен был позаботиться о сохранении существующего порядка, о стабильности и успокоении в своих владениях. А потому

половцы превращались для него не в союзников, а в противников.

Но Юрий выберет иной, в сравнении со своими предшественниками, путь отражения половецкой угрозы. В отличие от отца Владимира Мономаха, брата Мстислава и племянника Изяслава Мстиславича, он не станет предпринимать активных наступательных действий, откажется от практики походов в Степь, но ограничится в основном мирными переговорами с кочевниками. Причем эти мирные переговоры будут сопровождаться демонстрацией силы. Само присутствие русских войск вблизи места переговоров отрезвляюще подействует на половцев и в конце концов вынудит их к принятию условий, выгодных русскому князю. Правда, поначалу события будут развиваться не совсем так, как хотелось бы Юрию Долгорукому.

Первый удар половецкой рати «тое же весны»[117] пришелся по землям «черных клобуков» на реке Роси. Соответственно, отражать его пришлось одному из младших сыновей Юрия, Васильку. Князь во главе войска из берендеев — самой боеспособной части «черных клобуков» — настиг половцев на обратном пути и наголову разбил: «изби е, а другыи изоимаша, и приеха к отцю с славою и честью». Берендеи не только отобрали у половцев захваченную добычу, но и сами сумели взять большой полон. (Некоторые подробности битвы сообщает автор поздней Никоновской летописи: «Того же лета приидоша половци, и много пленивше, возвратишася во своя; и уже бывше имь в поле, и оплошившимся, сугнаша их берендеи, и приидоша на них на ранней заре, спящим им, и нападше на них на сонных, многих избиша, а иных руками яша».)

Эта история имела продолжение. Спустя немного времени половецкие послы явились к Каневу. Туда же для переговоров с ними («на снем») прибыл Юрий. Половцы просили отпустить своих пленников, захваченных берендеями. В принципе, Юрий был не против. Однако берендеи ответили категорическим отказом. «Мы умираем за Рускую землю с твоим сыном и головы своя съкладаем за твою честь», — приводит летописец их слова, обращенные к Юрию. И Юрий предпочел поддержать не своих прежних союзников, а новых подданных — берендеев. «Дюрги же не створи им насилья, — сообщает летописец, — но половцы одарив дары, отпусти я, а сам иде Киеву». Половцы дары, конечно, приняли, но мира с Юрием не заключили. На обратном пути в Степь они подвергли разграблению окрестности Переяславля: «много пакости створиша», по выражению летописца. По свидетельству Никоновской летописи, тогда же был разорен какой-то город Деменеск (в Переяславской земле?):

«и много зла сотвориша, овех избиша, а других живых плениша, и возвратишася въсвоаси».

В конце лета того же года, когда положение Юрия в Киеве еще более упрочилось, половцы вновь появились в русских пределах — *«для* мира». Они расположились по реке Супою, левому притоку Днепра. К тому времени Юрий заключил мир с князьями Изяславичами. В Киеве по его приглашению находились его племянники Ростислав и Владимир Мстиславичи и внучатый племянник Ярослав Изяславич — все с дружинами, а также «галицкая помощь», присланная его зятем Ярославом Владимировичем Осмомыслом. Со всеми этими силами Юрий выступил «на снем» к Каневу. Туда же явились и половецкие послы. Однако приехали они в очень небольшом числе и исключительно с разведывательными целями — «яко на розглядания», по выражению летописца. Намерения половцев были весьма туманными, и как бы обернулось дело, если бы Юрий проявил меньше осмотрительности, сказать трудно. Увидев же многочисленную рать киевского князя, половцы испугались. Они пообещали князю прийти «заутра вси» для заключения мира, но в ту же ночь бежали. Юрий возвратился обратно в Киев. Однако едва ли он испытывал облегчение от того, что так легко отделался от степняков. Мира с ними опять не получилось, и это обещало в будущем крупные неприятности.

* * *

В первые же месяцы пребывания в Киеве Юрий начал войну и со своими внучатыми племянниками Мстиславом и Ярославом Изяславичами, сыновьями прежнего киевского князя Изяслава Мстиславича. Правда, сам Юрий в поход не выступил, поручив военные действия своим подручным. Его войска возглавили князь Юрий Ярославич (вновь, как только Юрий Долгорукий занял киевский стол, выдвинувшийся на заметные для летописца роли) и опытный воевода Жиро-слав. Кроме того, в походе на Волынь участвовали какие-то не названные по именам «Вячеславли внуки» — вероятно, сыновья умершего еще в 1130 году князя Михаила Вячеславича, единственного сына великого князя Киевского Вячеслава Владимировича.

Князья без труда сумели изгнать Мстислава Изяславича из Пересопницы. Узнав о приближении вражеской рати, тот бежал в Луцк, к своему младшему брату Ярославу. Однако наступать на Луцк Юрьевы воеводы самостоятельно не решились.

И тогда Юрий, как и в прежние годы, обратился за помощью в

Галич. Молодой князь Ярослав Владимирович имел свои счеты с покойным Изяславом Мстиславичем, а потому охотно согласился принять участие в войне против его сыновей. Главное же, Юрию удалось привлечь к войне с Изяславичами их дядю, князя Владимира «Матешича», незадолго до этого вернувшегося из Венгрии. По возрасту он был младше своего старшего племянника{311} и уж тем более уступал ему доблестью и воинскими дарованиями, а потому справедливо опасался его как конкурента в борьбе за владимиро-волынский стол.

Войска Ярослава Галицкого и Владимира «Матешича» подступили к Луцку. Мстислав оставил в городе своего брата Ярослава, а сам отправился «в Ляхи», то есть в Польшу{312}.[118] (Напомним, что правивший в Польше князь Болеслав IV Кудрявый приходился ему шурином, а брат Болеслава Метко — еще и зятем.)

Началась осада города. Однако продолжалась она недолго: Ярослав и Владимир, «не въспевше ничто же, воротишася опять». Почему так произошло, достоверно неизвестно. Но можно думать, что неуспеху всего предприятия способствовали не только стойкость оставленного в Луцке Ярослава Изяславича и нерасторопность союзников Юрия Долгорукого, но и поддержка, оказанная Мстиславу в Польше.

Сведения об этом содержатся в польских источниках, правда, довольно поздних. «Киевский князь Георгий… — читаем в «Истории» польского хрониста XV века Яна Длугоша, — собрав и выстроив войска… посылает их против князя Мстислава, пребывавшего в Пересопнице. Тот, объятый страхом перед врагом и видя, что сражение ему не по силам, из Пересопницы бежит в Луцк. Оставив крепость Луцк заботам и защите родного брата Ярослава, он бежит к польским князьям Болеславу, Мечиславу (Мешко. — *А.К.)* и Генриху, понимая и зная наверное, что Георгий Киевский собирается выгнать его и из Луцка и собирает для этого войска. Польские же князья, а именно Болеслав Краковский, Мечислав Познанский, Генрих Сандомирский, благосклонно приняв изгнанника Мстислава и снабдив его у себя всем необходимым, собрали силы из своих владений и врагами выступили на Русь, намереваясь восстановить князя Мстислава не только на переяславском (здесь, напомним, Мстислав княжил ранее. — *А.К.),* но и на киевском столе. Киевский князь Георгий, опасаясь силы польских князей, через посредничество перемышльского (явная путаница. — *А.К.)* князя Ростислава заключает мир с князем Мстиславом и его родными братьями… (далее опять путаница. — *А.К.)* и возвращает им… все, что им принадлежало, клятвенно обязуясь никогда не домогаться их

владений. После того как между ними было заключено такое соглашение, князь Мстислав с великой славой возвратился на Русь, причем многие польские воины сопровождали его вплоть до Владимира, а многие и остались у него»{313}.

В основном этот рассказ восходит к русским летописям. Однако известие об участии в военных действиях польских войск уникально и в русских источниках соответствия не находит[119]. Явные несообразности, содержащиеся в тексте Длугоша, казалось бы, дают основания исследователям с недоверием отнестись к приведенной им информации. Но факт остается фактом: Юрию действительно пришлось заключить мир с Мстиславом, а его союзникам — ни с чем возвратиться от Луцка. Причем для заключения мира Юрий и в самом деле воспользовался посредничеством князя Ростислава — но конечно же не мифического перемышльского князя, а вполне реального Ростислава Мстиславича Смоленского, признанного главы князей «Мстиславова племени».

Летопись излагает дело так, что инициатива примирения исходила всецело от Ростислава Мстиславича. Однако приглашал смоленского князя в Киев именно Юрий, причем в Ипатьевской летописи сообщение об этом непосредственно примыкает к рассказу о неудачном завершении похода на Луцк. «Сыну, мне с ким Рускую землю удержати? С тобою, а поеди семо» — с такими словами Юрий обратился к племяннику. И Ростислав — очевидно, выполняя условия договоренности, достигнутой в Зарубе, — не мешкая отправился к Киеву — «удерживати» для Юрия «Русскую землю», то есть киевское княжение.

Ростислава в Киеве любили, как любили прежде его брата Изяслава и отца Мстислава. Само его присутствие здесь, а также поддержка, оказанная им Юрию, должны были благотворно сказаться на авторитете нового киевского князя. (Именно так понимал дело В. Н. Татищев. По его версии, киевляне сами убедили Юрия обратиться за посредничеством к племяннику, «надеяся чрез Ростислава и сыновцам его Изяславичам покой от Юриа получить… помня многие добродеяния и милости, паче же доброе правление отца их… Юрий же, по многом и противном других разсуждении, принял совет сей…»)

Любопытно, что в поездке в Киев Ростислава сопровождала супруга Юрия. Она вместе с младшими сыновьями отправилась к мужу вскоре после того, как тот утвердился на киевском престоле. Причем выбрала для себя тот же маршрут, что и незадолго до этого сам Юрий, — через Смоленск. (Возвращаться через владения черниговских князей «Гюргевая», вероятно, посчитала для себя опасным[120].) Ростислав встретил «стрыиню»

(тетку) со всеми подобающими почестями и уже вместе с ней и «с всим полком своим» отправился в Киев. «И приде к строеви своему Дюргеви в Киев, и тако обуястася с великою любовью и с великою честью, и тако пребыша у весельи».

Тогда-то, по летописи, Ростислав и обратился к Юрию с просьбой о прощении племянников. И Юрий ответил на нее с очевидной готовностью[121]: «послушав его, посла по нь — по Володимера, и по Мстислава, и по Ярослава». (Так в Лаврентьевской летописи; согласно же Ипатьевской, посылал к брату и племянникам именно Ростислав.)

Владимир Мстиславич и Ярослав Изяславич откликнулись на зов князя и поспешили в Киев. Они также явились сюда со своими полками — дабы по первому требованию Юрия выступить против его недругов. Мстислав же отправиться в Киев не решился и остался в Луцке (или, по другим сведениям, во Владимире-Волынском): как он сам говорил, он опасался того, что Юрий «иметь», то есть попросту схватит, его.

Юрий немедленно заключил мир с Владимиром и Ярославом («прииm» их «в любовь», по выражению летописца). Для примирения же с Мстиславом понадобились особые гарантии. Юрию пришлось отправить к нему еще одно посольство с крестным целованием, и только после этого Мстислав согласился целовать ему крест. По условиям заключенного соглашения, Изяславичи отказывались от претензий на Киев и Переяславль, а Юрий сохранял за ними Волынь. Но во Владимире-Волынском должен был княжить старший из трех князей, Владимир «Матешич»; Мстиславу же и Ярославу оставался на двоих один Луцк. Стоит ли говорить о том, что это решение никак не могло устроить братьев, особенно Мстислава?!

…Подводя итог первым месяцам пребывания Юрия Долгорукого на киевском престоле, новгородский летописец, автор статьи 1155/56 года, не сдержал вырвавшийся у него очевидный вздох облечения. «…И прия Гюрги сыновьць (племянников. — *А.К.)* в мир с любовью, — писал он, — и волости им раздал достоиныя; и бысть тишина в Русьстеи земли»{314}.

Но волости эти были все же не слишком «достойными» для энергичных и честолюбивых сыновей Изяслава Мстиславича. А потому и «тишина» в Русской земле продлилась недолго. Уже год спустя союзники Юрия сделаются его врагами, а сам он, увы, окажется в политической изоляции.

* * *

Далеко не сразу Юрию удалось примириться и со своим основным соперником в борьбе за главенство в Русской земле, Изяславом Давидовичем.

Межкняжеские отношения того времени усложнились настолько, что определить династическое, так сказать генеалогическое, «старейшинство» Юрия перед Изяславом Давидовичем или, скажем, Святославом Ольговичем не представлялось возможным. Не случайно, изгоняя Изяслава из Киева, Юрий ссылался уже не на свое «старейшинство», а на «отчинные» права, на то, что Киев прежде принадлежал его отцу, Мономаху, и деду, Всеволоду («Мне отцина Киев, а не тобе»). Это было справедливо, ибо отец Изяслава Давыд Киевом, как мы уже говорили, никогда не владел. Однако для того, чтобы отстаивать свои «отчинные» права, Юрий нуждался в союзе с князьями «Мстиславова племени», в первую очередь с Ростиславом Мстиславичем, который также являлся «отчичем» прежних киевских князей. В этом смысле мир с Изяславичами являлся необходимым условием для обоснования нового политического курса киевского князя.

Изяслав Давыдович начал злоумышлять против Юрия сразу же после того, как вынужденно покинул Киев. Приехав в Чернигов, он обратился к своему двоюродному брату Святославу Ольговичу: по словам летописца, «нача понуживати» его «зачати рать на Гюргя», Святослав, однако, решительно отказался. В результате произошедших событий он хотя и не смог сохранить за собой Чернигов, но значительно округлил свои владения. Помимо Северской земли, Святослав удержал за собой Сновск — второй по значению город в собственно Черниговском княжестве, а также Корачев и Воротынск в земле вятичей. На этот счет им была достигнута особая договоренность с племянником Святославом Всеволодовичем, которому, по всей вероятности, должны были отойти эти города в случае, если бы Изяслав Давыдович удержался в Киеве. Взамен Ольгович передал племяннику какие-то три города — настолько незначительные, что летописец даже не стал называть их. Сам Святослав Ольгович ушел в Сновск. Святослав Всеволодович остался, конечно, недоволен продиктованными ему условиями, но все же принял их и целовал крест дяде. Это значило, что он тоже не готов был войти в число союзников Изяслава Давыдовича.

Тем не менее Изяслав не оставлял мысли вернуть себе Киев и с этой целью стал собирать в Чернигове войско. Именно исходившая от него угроза заставила Юрия призвать в Киев племянников Ростислава и Владимира Мстиславичей, Ярослава Изяславича, а также «галицкую помощь».

Сначала, правда, Юрию пришлось использовать собранные в Киеве силы для того, чтобы усмирить половцев, возможно, готовых поддержать черниговского князя. После же того как половцы покинули пределы Руси, настала очередь Изяслава. Однако Юрий не спешил начинать военные действия. Мир с Черниговом казался ему выгоднее войны. Вернувшись в Киев, он от имени всех бывших при нем князей («сдумав с сыновци своими») обратился к Давыдовичу с ультимативным требованием отказаться от всяких притязаний на Киев, в противном случае угрожая войной. «Хощеши ли к нам прити у мир? — дословно передает текст его послания летописец. — Или, а се мы к тобе». И черниговский князь вновь вынужден был подчиниться: «видив Гюргя с сыновци своими съвкупившася, целова к ним хрест».

Новой черниговской войны удалось избежать. Юрий принял крестное целование Изяслава. Возможно, с чисто военной точки зрения, это можно расценивать как ошибку — ведь, как покажет уже ближайшее будущее, именно Изяслав Черниговский станет центром притяжения всех враждебных Юрию Долгорукому сил. Но непролитие крови — всегда благо. Юрий стремился в полной мере проявить себя миротворцем, добивающимся своего не силой оружия, а именно силой авторитета. Да и перспектив возобновить борьбу у Изяслава Давидовича, казалось, не было.

Так временное единство князей «Мономахова племени» сразу же принесло свои плоды. Лишний раз это доказывает, сколь многого могли добиться они, если бы с самого начала действовали согласованно друг с другом.

Получив крестные грамоты от Давидовича, Юрий отпустил из Киева всех своих племянников. Уходя, те еще раз подтвердили «старейшинство» киевского князя: «Ростислав же поклонися строеви своему Гюргеви и поиде в свои Смол-неск, а брат его Володимер — Володимирю (во Владимир-Волынский. — *А.К.),* а Ярослав — Лучьску». Сам же Юрий отправился из Киева в Лутаву — город на Десне, в пределах Черниговского княжества (ныне село Лутавы в шести километрах от Остра). Здесь и состоялся «снем» (съезд) трех старших князей Южной Руси: Юрия Долгорукого, Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича. По условиям заключенного мира Юрий дополнительно передал черниговским князьям еще два города на западе своей земли: Изяславу Давидовичу — Коречск, а Святославу Ольговичу — Мозырь на Припяти (ныне райцентр Гомельской области Белоруссии). «И ту уладився с нима, иде в свои Киев».

Оба названных города черниговским князьям ранее не принадлежали. А потому решение Юрия должно было вызвать законное недовольство его племянников: Юрий самовольно

распоряжался владениями, входившими в состав волости Мономаха. Получался замкнутый круг: для того, чтобы добиться мира с черниговскими князьями, Юрий должен был опираться на поддержку ближайших родственников, князей «Мстиславова племени», но одновременно он должен был идти на уступки черниговским князьям за счет интересов тех же Мстиславичей, и уже для того, чтобы обуздать их возможное недовольство, нуждался в союзе с Ольговичами и Давыдовичами. Это был тот же замкнутый круг, в котором пребывали предшественники Юрия на киевском княжении, причем принадлежавшие к обоим княжеским кланам, — и Ольгович Всеволод, и Мстиславич Изяслав. И ни вырваться из этого замкнутого круга, ни удержать равновесие, находясь внутри него, Юрию так и не удастся. Более того, он поведет дело так, что и Ольговичи, и Мстиславичи объединятся и уже совместно выступят против самого Юрия…

Пока же мир, установившийся на Руси, выглядел вполне прочным. Зимой 1155/56 года Юрий Долгорукий и Изяслав Давыдович скрепили свой союз династическим браком: сын

Юрия князь Глеб Переяславский (как мы помним, в 1154 году овдовевший) женился на дочери Изяслава. Свадьбу отпраздновали в Киеве. Казалось, она должна была положить конец вражде двух князей, ставших с этого времени сватьями.

* * *

Той же зимой женился еще один сын Юрия Долгорукого, новгородский князь Мстислав: он взял за себя дочь видного новгородского боярина Петра Михалковича[122]. Не исключено, что договоренность на этот счет была достигнута годом ранее, еще в Смоленске, во время переговоров Юрия с новгородцами. Таким способом — в общем-то вполне традиционным — Юрий пытался укрепить положение сына в Новгороде, а новгородцы, в свою очередь, — найти способ воздействия на Юрьева сына, удержания его в сфере собственных интересов.

Между прочим, тесть князя Мстислава Юрьевича был личностью во многих отношениях выдающейся. Как выясняется из текста берестяных грамот, найденных в самые последние годы в Новгороде на так называемой «усадьбе Е», бывшей, по всей вероятности, местом «сместного» (совместного) суда князя и посадника, боярин Петр занимал ключевую в администрации города должность княжеского представителя, ведающего от имени князя всеми административными, финансовыми и судебными вопросами. Причем должность эту он занимал в

течение длительного времени, при разных князьях (в одной из грамот он упоминается в связи с князем Святополком Мстиславичем, сидевшим в Новгороде в 1142—1148 годах{315}). Если учесть, что новгородские князья жили не в самом городе, а в отдалении от него, на Городище, и далеко не всегда лично вмешивались в ход городских дел, то роль княжеского представителя трудно переоценить. В указанное время она, по-видимому, значительно превосходила даже роль новгородского посадника.

Далеко не простой женщиной была и теща новгородского князя, супруга Петра Михалковича Марена (Мария). Ее имя также неоднократно встречается в берестяных грамотах: Петр поручал ей важные финансовые дела и полностью доверял во всем. По всей вероятности, это была женщина крутого и решительного нрава. В отсутствие мужа она по его просьбе вела самостоятельные переговоры даже с князем и вместе с ним принимала решения по злободневным вопросам жизни Новгорода[123].

Как предположил современный исследователь древнего Новгорода А. А. Гиппиус, брак Мстислава Юрьевича и дочери Петра Михалковича оставил заметный след в новгородском искусстве. Вероятно, именно в связи с ним был изготовлен один из двух больших серебряных кратиров (чаш для причастия), хранившихся в ризнице новгородского Софийского собора, — так называемый кратир мастера Косты. Согласно имеющейся на нем надписи («Се сосуд Петров и жены его Марье»), это был вклад в Новгородскую Софию самого Петра и его супруги, а изображение на чаше рядом с Христом, Его Матерью и апостолом Петром святой мученицы Анастасии позволяет предположительно назвать имя супруги князя Мстислава Юрьевича, дочери Петра, — Анастасия. Более того, согласно той же гипотезе А. А. Гиппиуса, вкладом боярина Петра в новгородский Софийский собор, сделанным в связи с княжеским бракосочетанием его дочери, можно признать и знаменитую новгородскую икону Бо-жией Матери Знамения — в будущем одну из главных святынь средневекового Новгорода[124].

Однако надежды на новгородский брак Мстислава Юрьевича не оправдались — ни с той, ни с другой стороны. Юрьеву сыну удастся продержаться на новгородском столе немногим больше года; впрочем, подробнее об этом мы поговорим позже.

ВЛАДИМИРСКАЯ ИКОНА: ПУТЬ НА СЕВЕР

Среди событий 1155 года — в целом триумфального в жизни Юрия Долгорукого — одно лишь должно было вызвать у него чувство по-настоящему глубокого разочарования или даже самой жестокой обиды. Речь идет об очередной его размолвке со старшим сыном Андреем. На этот раз все оказалось более чем серьезно. Пути отца и сына разошлись — и, как выяснилось, бесповоротно.

Княжение в Вышгороде совершенно не устраивало Андрея. Он по-прежнему добивался передачи ему удела в Северо-Восточной Руси, в исконных отцовских владениях, где он мог чувствовать себя полновластным хозяином, не отвлекаясь на постоянную изнурительную борьбу с другими князьями за сохранение за собой той или иной волости. Однако отец считал по-другому. И осенью 1155 года князь Андрей Юрьевич самовольно, «без отча повеления», покинул Вышгород и отправился на родной север{316}.

В последующей русской истории это событие приобрело совершенно особое звучание. Позднейший московский книжник, автор Никоновской летописи, так живописал причины, побудившие Юрьева сына покинуть Южную Русь: «Того же лета иде князь Андрей Боголюбивый, Юрьев сын Долгорукаго, с вышегородцкаго своего княжениа великого ко отцу своему Юрью Долгорукому в Киев, и пришед в Киев радостне бысть приат от отца своего. И пребыв у него в Киеве неколико время, и смущашеся о нестроении братии своея, и братаничев (двоюродных братьев. — *А.К.),* и сродников, и всего племяни своего, яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху, и многи крови лиашеся, вси желающе и хо-тяще великого княжениа Киевскаго, и несть никому ни с кем мира, и от сего все княжениа опустеша, и по Дунаю, и по Мети (надо полагать, по Мэотиде, то есть Азовскому морю? — *А.К.),* и по Астри (Истру, то есть тому же Дунаю? — *А.К.)* чюжии облодаша и населиша, а от Поля половци выпленишa и пусто сотвориша, и скорбяше много о сем, и болезноваше душею и сердцемь. И мышляше себе в тайне сердца своего, никако же поведая сего отцу своему великому князю Киевскому Юрью Долгорукому, и восхоте ити на великое княжение в Суждаль и Ростов, яко тамо, рече, покойнее есть…»{317}

Конечно же эти сентенции принадлежат книжнику XVI, но отнюдь не XII века. Упоминания же Мэотиды и Дуная — легендарных областей расселения древних русов — придают им

эпический и отчасти мифологический характер. И все же общий смысл переживаний Андрея Боголюбского — особенно в свете будущего расцвета Владимиро-Суздальской Руси, предшественницы Московского государства, — передан здесь верно. Андрей во многом оказался проницательнее отца и гораздо глубже, чем тот, понял суть происходящих на Руси изменений.

Владение Киевом сулило внешний блеск и великолепие, но было сопряжено с огромными трудностями, экономическими и политическими потерями, далеко не всегда оправданными. Для того чтобы удерживать этот город, требовались колоссальные средства, постоянная готовность к компромиссу, к отражению внезапного нападения того или иного князя, к удовлетворению чужих притязаний на тот или иной город. Причем с точки зрения традиционного княжеского права — на котором и основывал свои права на Киев Юрий Долгорукий, — притязания эти были зачастую вполне обоснованными: слишком уж усложнились межкняжеские отношения за прошедшие десятилетия. Прежде всего это явилось следствием естественных причин — разрастания самого княжеского семейства, увеличения числа дееспособных князей, не желавших прозябать в бедности и бесчестии. Уже в силу этого киевский князь физически не мог играть роль беспристрастного верховного судьи в межкняжеских конфликтах, к которой — в подражание отцу и деду — так стремился Юрий Долгорукий. Удовлетворяя притязания одних князей, он неизбежно должен был нарушать законные права других.

Еще важнее другое. За прошедшие десятилетия произошло значительное усиление новых княжеских центров — таких, как Смоленск, Галич, Волынь, Рязань или Суздаль. В отличие от Киева они развивались последовательно и динамично, не испытывая (или испытывая в меньшей степени) столь резкой смены князей и проводимого ими политического курса, не становясь ареной борьбы противоборствующих княжеских династий. «Киевский центр… стал жертвой своего исключительного исторического положения, жертвой традиции старейшинства, — писал по этому поводу А. Е. Пресняков. — В то время как другие земли перестраивали в своем обособлении местный быт на новых началах, Киевщине не было дано сложиться в особое политическое целое и выработать себе прочную внутреннюю организацию под управлением своей местной династии»{318}. И князь, поставивший на карту все ради одного только княжения в Киеве, оказывался заложником этой ситуации, проигрывал соперникам в возможности совершения маневра, в возможности свободно распоряжаться ресурсами

своего собственного княжества. Взамен же он получал непосильный груз ответственности, которую по традиции нес киевский князь за все, что происходило в других русских землях.

Андрей, очевидно, хорошо понимал это — и тогда, когда звал отца уйти в Суздаль после поражения от Изяслава Мстиславича летом 1151 года, и позднее. Его отказ от владения в Киевской земле не был спонтанным решением, но был обусловлен всем ходом предшествующей борьбы за Киев его отца и характером его взаимоотношений с отцом в последние годы. Теперь, после триумфа Юрия Долгорукого, после его примирения со всеми своими противниками, Андрей лишь получил *моральное* право оставить отца, который, казалось, уже не нуждался в его военной помощи. Да и то так казалось только ему самому. О том, как воспринял уход сына сам Юрий, вполне определенно сообщает автор поздней Тверской летописи: «Отец же его (Андрея. — *А.К.)* негодоваша на него велми о том»{319}. И этому известию вполне можно верить.

Уход князя Андрея Юрьевича на север нельзя не поставить в связь с еще одним событием, произошедшим чуть раньше, о котором мы уже говорили. Летом того же года Суздаль покинула княгиня «Гюргевая» (вторая жена князя) с двумя сыновьями-младенцами — Михалком и Всеволодом. Но ведь именно им Юрий формально оставил после себя суздальское княжение! Получалось, что Суздальская земля фактически осталась без князя. Конечно, подобное не было чем-то из ряда вон выходящим: князья нередко оставляли принадлежавшие им земли на попечение своих доверенных лиц, особо приближенных бояр. Так, например, некогда Ростовской (Суздальской) землей от имени Юрия Долгорукого правил ростовский тысяцкий Георгий Шимонович; еще раньше киевский князь Изяслав Ярославич поручил Новгород «близоку» (то есть свойственнику) своему Остромиру. Несомненно, реальное управление Суздалем после ухода Юрия в Киев также находилось в руках доверенных лиц Юрия, возможно, кого-то из сыновей или внуков того же Георгия Шимоновича.

И все же отъезд в Киев малолетних Михалка и Всеволода мог быть воспринят суздальским боярством как некое ущемление их прав. И не этим ли воспользовался Андрей, смотревший на Суздаль и Ростов как на потенциально свои города?

Подоплеку произошедших событий несколько проясняет краткое известие новгородской статьи «А се князи русьстии» (XV век). Здесь об уходе Андрея Юрьевича из Киевской земли сообщается с рядом дополнительных по сравнению с древнейшими летописями подробностей. Князь покинул

Вышгород «нощию», «без отчя повеления», «с своею княгинею и с своим двором»{320}. Но, главное, его, оказывается, «лестию подъяша», то есть обманом призвали к себе, Кучковичи — его шурья, братья его жены. Мы уже говорили о том, что сыновья боярина Кучки принадлежали к родовитому местному боярству, но не суздальскому и не ростовскому, а, так сказать, провинциальному, ибо имели свои земельные владения на крайнем юго-западе Суздальской земли. Родство (или, точнее, свойство) с Юрием Долгоруким — даже с учетом гибели от руки Юрия их отца — очевидно, способствовало упрочению их позиций. Естественно, что Кучковичи должны были делать ставку на своего зятя Андрея и его сыновей, своих племянников. (Слова о «лести» в тексте статьи конечно же имеют в виду последующие события: спустя двадцать лет именно «окаянные Кучковичи» примут участие в убийстве князя Андрея Юрьевича; это, по всей вероятности, станет следствием их неприятия той политики, которую будет проводить князь. Ко времени же приглашения Андрея в Суздальскую землю Кучковичи были его искренними сторонниками — об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в течение почти всего времени княжения Андрея они входили в его ближайшее окружение.)

Андрей легко нашел общий язык и с собственно суздальским и ростовским боярством. Утверждение Юрия Долгорукого в Киеве грозило восстановлением экономической и политической зависимости Северо-Восточной Руси от Киева, которую в свое время уничтожил сам Юрий. Если бы осуществился план Юрия Долгорукого и в Суздале сели на княжение его младшие сыновья, а в Киеве — кто-то из старших, поток «залесской» дани неизбежно вновь устремился бы на юг. Андрей же изначально был решительным противником любой зависимости Суздаля от Киева. Это, между прочим, объясняет нам ту поддержку, которую он получит в Суздальской земле после смерти отца, когда суздальцы, ростовцы и жители других «залесских» городов единодушно провозгласят его своим князем, забыв об обещании, данном когда-то Юрию.

И еще одно. Хотя самовольный уход из Вышгорода, несомненно, был вызовом отцу, Андрей, по-видимому, постарался избежать прямой конфронтации с ним. Он не стал выдвигать претензии на главные города княжества — Суздаль или Ростов, в которых находились княжеские столы, но обосновался во Владимире на Клязьме. Этот город к числу «стольных» никак не относился. Но даже в нем Андрей едва ли мог чувствовать себя полным хозяином. С формальной точки зрения, Владимир, как и другие города княжества, оставался во владении Юрия

Долгорукого. Ситуация оказывалась двусмысленной: Андрей, будучи дееспособным и весьма деятельным князем, находясь в самом расцвете сил, пребывал в Суздальской земле — но не на положении князя. И только после смерти отца он формально вступит в княжеские права, воссядет на княжеский стол, при этом совершенно не посчитавшись с правами своих младших братьев. Последние вместе со своей матерью, мачехой Андрея, будут вынуждены отправиться в изгнание в Греческую землю.

* * *

Символическое значение уход Андрея Юрьевича на север приобрел прежде всего в связи с тем, что, уезжая, он взял с собой почитаемую в Вышгороде икону Божьей Матери. Впоследствии она получит название Владимирской и станет главной святыней Владимиро-Суздальской, а затем и Московской Руси.

Эта икона хранилась в вышгородском женском («Девичьем») монастыре. По преданию, она была написана самим евангелистом Лукой — с подлинного лика Девы Марии, еще при Ее жизни. Икону привезли на Русь из Константинополя (но конечно же не сам древний подлинник, а список с него) — на одном корабле с другой почитаемой иконой Божьей Матери, получившей на Руси название «Пирогощей». Это случилось еще при князе Мстиславе Владимировиче, около 1131 года[125].

Андрей, дважды княживший в Вышгороде, с особым почтением отнесся к византийской святыне. По свидетельству киевского летописца, он украсил ее драгоценным окладом: «въскова на ню боле 30 гривен золота, проче (кроме. — *А.К.)* серебра, проче камени дорогого и великого жемчюга».

Если учесть, что, по представлениям людей того времени, список с иконы полностью повторял оригинал, вбирая в себя и все его сакральное содержание, то можно сказать, что вышгородская икона была едва ли не самым древним и авторитетным памятником Православия на территории Руси. Ее перенесение из Киева в Северо-Восточную Русь должно было свидетельствовать о перенесении в новые владения Андрея Боголюбского святости и сакральной истории не только стольного Киева, но и самого Царствующего града, в котором икона хранилась ранее. Более того, в глазах современников Андрея путешествие совершал не просто список чтимой иконы, но сам образ Пречистой, или, лучше сказать, сама Пречистая Богородица. Именно к Ней с мольбой о помощи и небесном предстательстве за свою землю и своих людей будет обращаться князь Андрей Юрьевич. И, подобно

Киеву, новым городом, находящимся под особым покровительством Божьей Матери, — подлинным новым Домом Пречистой — суждено будет стать сначала Владимиру, а затем и Москве.

Уже вскоре после перенесения иконы, в 1163—1164 годах, владимирскими книжниками из окружения князя Андрея Боголюбского будет составлено особое Сказание «О чудесах Пресвятыя Богородица Владимирской иконы», повествующее о пути чудотворного образа из Вышгорода во Владимир. Помимо рассказа о чудесах, совершившихся на этом пути и в первые годы пребывания иконы во владимирском Успенском соборе, наш интерес привлекают подробности самого путешествия, описанного в Сказании вполне реалистично.

«Князю же Андрею хотящю княжити на Ростовьскую землю», — рассказывает владимирский книжник. Тогда-то князю и поведали о чудесах, происходящих в церкви вышгородского монастыря: привезенная из Царьграда икона сама собою трижды сходила со своего места. В первый раз ее нашли посреди церкви и вновь поставили на место; в другой — увидели ее обратившейся ликом к алтарю и перенесли «за тряпезою», то есть в алтарь; в третий — икона стала вне алтаря. «Се слышав, князь рад бысть и приде в церковь». Он упал на колени и с мольбой обратился к образу Пречистой: «О Пресвятая Богородице, Мати Христа Бога нашего, аще хощеши ми заступница быти на Ростовьскую землю, посети новопросвещены люди, да в твоей вся си воли будуть»[{321}].

В качестве «блюстителей» чудотворной иконы князь взял с собой двух клириков вышгородской церкви — священника Микулу (Николая) и его зятя диакона Нестора с их женами. Между прочим, и того и другого называют возможными авторами «Сказания о чудесах».

Андрей, подобно своему отцу, воспользовался кружным «смоленским» маршрутом — по Днепру и далее волоком к Вазузе, притоку Волги. Достигнув Вазузы, он нанял проводника, ибо река «наводнилась», то есть сильно разлилась (очевидно, из-за продолжительных осенних дождей). Послали человека искать брод, но когда тот въехал на коне в реку, то начал тонуть. Князь обратился к иконе, и, по его молитвам, всадник вместе с конем выбрался из пучины реки на берег. «Си же бысть первое чюдо Пресвятеи Богородици» — так посчитали и сам Андрей, и бывшие с ним люди. Первое не вообще, но из совершенных на землях Северо-Восточной Руси. История чудотворного образа как бы начиналась заново.

От Вазузы двинулись сухим путем к Клязьме, мимо Москвы. На Рогожских полях — обширной безлесной местности вокруг

древнего села Рогож (позднее город Богородск, ныне Ногинск, в Московской области) — случилось новое происшествие. Внезапно взбесившийся конь напал на беременную жену священника Микулы — начал топтать ее копытами, а затем, запутавшись в ее одеждах, сильно покусал. Думали, что попадья уже мертва, и возвестили о том Микуле. Тот же, воззрев на образ Святой Богородицы, взмолился: «Госпоже Пречистая Владычице! Аще Ты не избавиши ея от смерти, се уже мертва есть». И попадья его поднялась, цела и невредима.

Так добрались до Владимира. Вблизи города, на месте будущей княжеской резиденции Боголюбово, по легенде, кони остановились, так что сдвинуть их нельзя было никакой силой. Город Владимир и был выбран Андреем для жительства; здесь должна была покоиться и принесенная им и украшенная драгоценным окладом икона. Позднее князь построит для нее великолепный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Саму же икону он будет брать с собой в походы и ее небесному покровительству припишет все свои победы на поле брани.

Еще в XII веке, в память о победе, одержанной князем Андреем Боголюбским над волжскими болгарами 1 августа 1164 года (а победа эта была одержана под сенью двух взятых в поход икон, в том числе и Владимирской), был установлен новый для Руси праздник — Всемилостивому Спасу и Божией Матери, 1 августа. В 1395 году, когда Русская земля оказалась под угрозой нашествия жесточайшего воителя Средневековья Тамерлана (Тимура), чудотворный образ был перенесен из Владимира в Москву. И совершилось чудо: Тамерлан отступил из русских пределов, так и не решившись подступить к Москве. С того времени Владимирская икона стала почитаться как главная святыня Московского государства, защитница и хранительница Москвы. Ныне Русская Церковь совершает празднование чудотворной Владимирской иконе три раза в год: 21 мая — в память об избавлении Москвы от нашествия крымского хана Махмет-Гирея в 1521 году; 23 июня — в память об избавлении Москвы от ордынского царя Ахмата в 1480 году (знаменитое «стояние на Угре»); и 26 августа — в память Сретения иконы, перенесенной из Владимира в Москву в 1395 году.

* * *

Путь иконы из Вышгорода во Владимир предвосхитил дальнейшие пути развития русской государственности. Точно так же с юга на север, из Киева во Владимир, а впоследствии и в

Москву, смещался центр политической и духовной жизни Руси. Во времена Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского об этом едва ли задумывались: «Залесская» Русь воспринималась тогда как глухая провинция, во всяком случае в культурном отношении. Но времена меняются. Тяжкие испытания, обрушившиеся на русские земли столетие спустя, изменят и расстановку сил. Огонь пожарищ и меч жестоких завоевателей не пощадят ни южнорусских, ни «залесских» градов. Но Северо-Восточная Русь все же сумеет выстоять и отстоять свою независимость и самобытность, сохранить духовное наследие Киевской Руси.

Трудно отделаться и еще от одной мысли. С уходом из Киевской земли чудотворной иконы дела Юрия Долгорукого приняли крайне неблагоприятный оборот. Казалось, что Высшая сила и в самом деле покинула его. Конечно, это можно признать совпадением — но совпадением по меньшей мере знаменательным. Ибо если в течение всего 1155 года Юрию сопутствовала удача и он добился не только желанного киевского престола, но и временной консолидации всех политических сил в Русской земле, то уже следующий год принес ему тяжкие разочарования и крушение почти всех его замыслов и надежд.

ПРОКЛЯТИЕ МИТРОПОЛИТА КОНСТАНТИНА

Заняв киевский стол, Юрий приступил к решению еще одной неотложной задачи — преодолению глубокого кризиса, поразившего церковную иерархию Киевской Руси. Как мы помним, он никогда не признавал законным избрание на митрополичью кафедру Климента Смолятича — ставленника его политического противника Изяслава Мстиславича. В соответствии с его собственными представлениями и представлениями многих других русских людей того времени, киевская кафедра оставалась вакантной с 1145 года, когда последний законный митрополит, грек Михаил, покинул Русь и уехал в Константинополь.

Климент Смолятич оставался на кафедре до тех пор, пока был жив его покровитель. После же смерти Изяслава Мстиславича ему пришлось покинуть Киев. Когда точно это произошло — сразу ли после прихода в город князя Ростислава Мстиславича, после смерти его соправителя Вячеслава Владимировича или, может быть, после скорого поражения Ростислава на Белоусе — сказать трудно. Во всяком случае, переговоры с победителем Ростислава князем Изяславом Давыдовичем вел от имени киевлян каневский епископ Дамиан — а это свидетельствует об отсутствии к тому времени митрополита в Киеве. Климент нашел пристанище на Волыни, у Изяславова сына Мстислава — одного из тех немногих князей, которые по-прежнему готовы были признавать его главой Русской Церкви.

Преодолеть церковный кризис можно было только в Константинополе, В столицу Византийской империи Юрий и направил посольство. Помимо известия о вокняжении его на Руси, посольство везло просьбу к императору Мануилу Комнину и константинопольскому патриарху Константину IV Хлиарену о назначении на русскую кафедру нового иерарха.

Князя Юрия Владимировича и прежде воспринимали в Константинополе как союзника — в отличие от давнего врага Империи Изяслава Мстиславича. Весть о его вокняжении вызвала здесь неподдельную радость. Император Мануил немедленно признал Юрия в качестве законного киевского князя. Младший современник Юрия и Мануила, византийский историк Иоанн Киннам (ум. после 1185), занимавший должность секретаря при императоре Мануиле Комнине и составивший официальную историю его царствования, впоследствии специально будет подчеркивать, что Юрий (Георгий) «занимал первое место» (в

другом переводе: «обладал старшинством») «между филархами (правителями. — *А.К.)* Тавроскифии (Руси. — *А.К.)*»[322].

На константинопольском престоле в это время также ощущалась явная нестабильность. За прошедшие четыре года здесь сменился уже третий предстоятель, причем до сих пор никому не удавалось продержаться более года (Константину IV это удастся: он будет занимать кафедру до 1157 года). Но просьба Юрия конечно же была уважена. Восстановление традиционной зависимости Киевской митрополии от Константинопольского патриархата отвечало интересам церковных властей Константинополя в еще большей мере, чем интересам самого Юрия. Русская епархия была самой большой из всех, подчинявшихся Константинополю, и одной из самых богатых. Из русских земель в столицу Империи шел заметный поток церковных сборов и денежных пожертвований, прервавшийся в годы святительства Климента Смолятича.

Известно, что император Мануил направил русскому князю собственное ответное послание[323]. Как полагают, оно касалось в том числе и вопросов, связанных с поставлением на русскую кафедру нового митрополита-грека. Выбор патриарха и императора пал на владыку Константина — человека весьма образованного и сведущего в сложных богословских вопросах, хорошо известного в церковных кругах. По его собственным словам, он еще раньше был знаком с Русью и, видимо, посещал ее.

Рукоположение Константина в сан киевского митрополита состоялось в константинопольском соборе Святой Софии не позднее конца 1155 года. 26 января следующего, 1156 года — уже в новом качестве — митрополит Константин выступал на заседании патриаршего синода с речью о жертвоприношении нераздельной Троице во время евхаристии (приготовления и преосуществления Святых Даров); эта речь легла в основу соборного постановления. Можно думать, что избрание на русскую кафедру столь авторитетного и опытного богослова свидетельствовало о серьезной озабоченности в Константинополе возможностью раскола в Русской Церкви[324].

Вскоре о поставлении митрополита стало известно на Руси. И сам Юрий, и люди, близкие к нему по взглядам, восприняли это с очевидным облегчением. Казалось, открывается путь к преодолению церковного раскола.

В марте 1156 года в Киев из Новгорода выехал архиепископ Нифонт. По словам киевского летописца, он отправился в путь для встречи с митрополитом — «бяшеть бо ему весть, яко уже пошел есть митрополит». В Новгороде, однако, ходили и другие

слухи: будто владыка сам собирается в Константинополь. С собой он увез казну, хранившуюся в новгородском Софийском соборе и, очевидно, предназначенную для передачи греческому иерарху в качестве традиционной дани Новгорода за несколько лет. Надо полагать, это и стало причиной появления слухов. «Инии же мнози глаголаху, яко полупив (ограбив. — *А.К.)* Святую Софию, пошьл Цесарюграду; и много глаголаху на нь», — свидетельствует новгородский летописец. Впрочем, сам он, ученик и ставленник Нифонта, с негодованием отвергал подобные наветы: по его словам, новгородцы «глаголаху» на владыку «собе на грех». «О сем бо разумети комуждо нас, — с пафосом восклицал он, — который епископ тако украси Святую Софию, притворы испьса (расписал. — *А.К.),* кивот створи и всю извъну (снаружи. — *А.К.)* украси!»{325},[126] (Между прочим, имя этого летописца, а также некоторые биографические сведения о нем — редкий случай в истории русского летописания — нам достоверно известны. Похвала Нифонту, равно как и весь текст новгородской летописи за эти годы, принадлежат Герману Вояте, священнику новгородской церкви Святого Иакова. Он был рукоположен в сан епископом Нифонтом в 1144 году, в течение сорока пяти лет служил при этой церкви и скончался в 1188 году в Пскове, приняв перед кончиной пострижение в схиму.)

В Киев новгородский владыка прибыл в самом начале апреля. Он остановился в киевском Печерском монастыре — месте своего пострижения. Однако либо весть о том, что «уже пошел есть митрополит», оказалась преждевременной, либо Константин, выступив в путь, двигался очень медленно, но дождаться его новгородскому владыке было не суждено. 9 апреля он заболел и спустя тринадцать дней, 21 апреля, в субботу Светлой седмицы, скончался[127]. По сказанию летописи, за несколько дней до болезни блаженный Нифонт имел видение и духовное общение с преподобным Феодосием — одним из основателей Печерской обители. Явившись владыке в тонком сне, Феодосии и предсказал ему скорую кончину, а также то, что он будет погребен в монастырских пещерах{326}.[128] Так и случилось.

Киевский книжник дал исключительно высокую оценку новгородскому владыке: «То бо Нифонт епископ бысть поборник всей Рускои земли, бысть бо ревнив по божественем…» Его еще при жизни именовали святым, ставя ему в заслугу прежде всего непреклонность в «деле» Климента Смолятича[129]. Новгородцы хотели перевезти тело почившего святителя в свой город, однако воля усопшего была объявлена, подтверждена его собственным предсмертным видением и, надо полагать, утверждена князем Юрием Долгоруким.

В лице новгородского владыки киевский князь потерял человека, близкого ему по взглядам и политическим пристрастиям. Это была действительно тяжелая утрата. Помимо прочего, она грозила осложнить положение Юрьева сына в Новгороде, ибо Нифонт был одним из наиболее влиятельных сторонников Юрия в этом городе.

* * *

Митрополит Константин прибыл в Киев летом или осенью 1156 года. Князь Юрий принял его со всеми возможными почестями: «срете его сам и з детми своими и з бояры честне, и в той день пирование светло бысть, и честь велиа святителю, и от всех радостне учествовася», — писал позднейший московский летописец. Для встречи греческого иерарха в Киев приехали и те епископы, которые в свое время отказались признавать права Климента Смолятича, Таковых, после кончины Нифонта, осталось всего двое — грек Мануил Смоленский и Косьма Полоцкий.

По прибытии в Киев Константин немедленно начал наводить порядок в делах вверенной ему Русской епархии. Однако меры, принятые им, оказались не вполне адекватными ситуации — не просто жесткими, но жесткими до крайности, можно сказать, исключительными. Прежде всего он подверг церковному отлучению — анафеме — самого Климента Смолятича как незаконного узурпатора митрополичьего престола. Его имя было изъято из списков русских митрополитов; все его деяния, в том числе рукоположения в священнический и диаконский сан, признаны незаконными. Константин «испровергъши Климову службу и ставления, — сообщает киевский летописец, — и створивше божественую службу и благословиша князя Дюргя Володимирича, а попом (в оригинале: потом. — *А.К.)* и дьяконом ставление отда, иже бе Клим ставил митрополит, писаша бо к нему рукописание на Клима»{327}.[130] Иными словами, рукоположенные при Клименте священнослужители должны были письменно осудить прежнего митрополита, и только после этого новый глава Русской Церкви мог подтвердить их духовный сан или рукоположить их заново. Со своих кафедр были смещены те епископы, которые участвовали в церковном соборе, избравшем Климента в митрополиты. От них «рукописания» даже не требовали, ибо их преступление казалось несовместимым с их высоким духовным саном.

Больше того, митрополит Константин посмертно предал церковному отлучению и проклял покровителя Климента

Смолятича, киевского князя Изяслава Мстиславича. Для Руси это было делом неслыханным. Церковному проклятию подвергался не просто усопший князь, в течение нескольких лет занимавший киевский стол, но князь, любимый народом, погребенный с почестями в киевском монастыре, принадлежавший к самой прославленной ветви киевских Рюриковичей, сын Мстислава Великого и внук Владимира Мономаха. Даже с чисто церковной точки зрения, решение киевского митрополита выглядело более чем сомнительным, если не сказать больше. Ведь оно входило в прямое противоречие со словами апостола Павла: «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте» *(Рим. 12: 14)*. В одном из поучений, приписываемых святому Иоанну Златоусту, говорилось даже, что лучше быть самому проклинаемым, нежели проклясть умершего в грехе{328}.

Этого деяния митрополиту Константину в Киеве так и не простят. В конечном счете оно сыграет роковую роль в его собственной судьбе и будет стоить ему киевской кафедры.

Можно сказать с уверенностью, что посмертное проклятие Изяслава Мстиславича было совершено с одобрения князя Юрия Долгорукого, если не по прямой его подсказке. Столько натерпевшийся от племянника при его жизни, Юрий таким изощренным способом попытался отомстить ему теперь, когда тот умер. Но это не прошло даром и для самого Юрия. Его и прежде не любили в Киеве. Теперь же на него стали смотреть как на одного из виновников посмертной расправы над Изяславом, и неприязнь к нему киевлян еще более усилилась.

Митрополиту Константину так и не удалось положить конец церковной смуте. Не сумел он восстановить и тот высокий духовный авторитет, которым пользовались киевские первосвятители. В схватке русских князей друг с другом он безоговорочно принял лишь одну сторону — Юрия Долгорукого. И это сделало его точно таким же заложником политической ситуации, каким был его соперник в борьбе за киевскую митрополию Климент Смолятич. Подобно Клименту, Константин сможет осуществлять свои функции главы Русской Церкви только тогда, когда киевский стол будут занимать лояльно настроенные по отношению к нему князья — сначала Юрий Долгорукий, а затем, после его смерти, Изяслав Давыдович. Но как только киевский стол перейдет к сыну проклятого им Изяслава Мстиславу, Константину придется спешно покинуть Киев.

Новому киевскому митрополиту не удастся создать опору даже в церковных кругах, хотя он и попытался сделать это — прежде всего за счет новых епископов, поставленных им на место смещенных со своих кафедр участников киевского собора 1147

года. Но далеко не все из новопоставленных епископов будут пользоваться авторитетом на Руси. Среди тех, чьи имена нам известны, — переяславский епископ Василий (которого русские летописцы именуют несколько пренебрежительно — Васильцем) и галицкий Косьма (оба получили кафедры уже после смерти Юрия Долгорукого, в 1157 году). Вместе с ними или раньше был рукоположен новый черниговский епископ — Антоний, родом грек. Русские летописцы дают ему самую нелестную характеристику, изображая его обманщиком, интриганом и лицемером. Однако Константин, кажется, полностью доверял ему.

Среди епископов, смещенных новым митрополитом, оказался и ростовский епископ Нестор. В течение многих лет он был верным помощником князю Юрию Владимировичу, никогда Климента Смолятича не поддерживал, но теперь, когда Юрий занял киевский стол, почему-то оказался не нужен ему. Зимой 1156/57 года Нестор был вызван в Киев. «И лишиша и епископьи», — кратко сообщает суздальский летописец.

В чем была провинность Нестора, неизвестно. Автор позднейшей Никоновской летописи полагал, что епископ отправился «поклонитися и благословитися» к новому киевскому митрополиту, но «от своих домашних оклеветан бысть… и в запрещении бысть (то есть подвергся церковному наказанию, епитимье. — *А.* АГ.)»[{329}]. Но в любом случае отстранение ростовского епископа от кафедры могло произойти лишь с ведома и согласия князя Юрия Владимировича. А если так, то отстранение это уместнее всего связать с важнейшим событием, произошедшим в то время в Суздальской земле, — появлением здесь князя Андрея Боголюбского. Возможно, Нестор неосмотрительно поддержал Юрьева сына, и именно это вызвало гнев князя.

В Суздальской земле смещение владыки восприняли как нарушение канонического права. Здесь Нестора по-прежнему считали законным главой епархии. Когда год спустя, уже после смерти Юрия Долгорукого, митрополит Константин поставит на ростовскую кафедру нового епископа Леона, суздальский летописец сообщит об этом с явным осуждением: «Леон епископ не по правде поставися Суждалю… перехватив Нестеров стол». Впоследствии Нестор еще раз займет ростовскую кафедру, но вновь будет изгнан с нее. Память о нем сохранится в Ростовской земле и позднее. Так, автор летописной статьи 1231 года назовет его в числе «святых епископ, преже бывших Ростове», наряду со святыми Леонтием и Исайей[{330}].

* * *

Судьба самого митрополита Константина сложилась трагически. Когда в конце декабря 1158 года Киев был завоеван войсками князя Мстислава Изяславича, ему пришлось бежать в Чернигов. Его готов был признать в качестве главы Русской Церкви князь Ростислав Мстиславич, старший среди князей «Мстиславова племени» (ему, собственно говоря, и предназначался киевский стол), однако против этого категорически возражал Мстислав, в чьих руках Киев фактически находился. Сам Мстислав пытался настаивать на кандидатуре Климента Смолятича, но это вызвало возражения уже у его дяди. Князья долго препирались друг с другом и в конце концов сошлись на том, что ни Клименту, ни Константину «не сести… на столе митрополитьстемь», но «иного митрополита привести им ис Царягорода». Этим новым митрополитом станет грек Феодор, прибывший в Киев в августе 1160 года, уже после смерти своего предшественника. Между прочим, обстоятельства борьбы между различными претендентами на киевскую митрополичью кафедру оставят след в официальном титуле, который примут киевские митрополиты, начиная с Феодора или, возможно, его преемника Иоанна IV, — в отличие от своих предшественников, чьи права признавались лишь в отдельных русских землях, они будут именоваться митрополитами «всех росов», или «всея Руси». Как известно, последняя формула будет позднее усвоена и великими князьями владимирскими, а затем и московскими.

Митрополит Константин скончался в Чернигове в 1159 году. Летопись рассказывает о необычной просьбе, высказанной им перед самой кончиной: призвав к себе черниговского епископа Антония, митрополит «заклят и», то есть взял с него клятву, в том, что тот не похоронит его тела, но бросит его вне города: «Яко по умерьтвии моем не погребешь тела моего, но ужем (веревкой. — *А.К.)* поверзше за нозе мои, извлечете мя из града и поверзете мя псом на расхытанье».

Что стояло за этой чудовищной клятвой? Какое-то исключительное самоуничижение? Или, наоборот, неумеренная гордыня, смирение «паче гордости»? Или же доведенное до абсурда представление о ничтожности человеческой жизни и малоценности бренных останков любого из смертных? Но ведь погребение в земле было не просто в обычае христиан, но обязательно по христианскому закону. «Ослиным погребением» называл библейский пророк Иеремия то, что предлагал сделать с собой митрополит Константин (таково было предсказанное Иеремией погребение одного из иудейских царей: «Ослиным погребением будет он погребен; вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима» — *Мер. 22: 19)*. Теперь о том же просил

лишенный сана киевский митрополит. Так кому же уподоблял себя он?! Законопреступнику и самоубийце? (Ибо земле не предавали лишь тела величайших преступников и самоубийц.) Или человеку, вообще извергшему себя из христианского рода?

Конечно, разгадать эту загадку мы не в состоянии. Но все же, наверное, можно предположить, что причиной неслыханной просьбы митрополита было его душевное смятение, раскаяние в том, что он совершил. А единственное, что по-настоящему могло быть воспринято им как преступление, не поддающееся искуплению, — по крайней мере, из того, о чем нам известно, — было его посмертное проклятие князя Изяслава Мстиславича. Он, призванный преодолеть раскол в Русской Церкви, своими действиями лишь усугубил его. Лишенный кафедры и умирающий в Чернигове, вдали от родины, митрополит-грек, наверное, хорошо понимал это…

Епископ Антоний сдержал данную им клятву. Тело грешного Константина было брошено на съедение псам и воронам. Это вызвало в городе оцепенение и ужас: «народи же вси дивишася о смерти его», — сообщает летописец. Но оцепенение продолжалось недолго. На следующий день черниговский князь Святослав Ольгович, «здумав с мужи своими и с епископом», приказал взять тело почившего митрополита и с подобающими почестями похоронить его в соборной церкви Святого Спаса.

Необычные обстоятельства кончины и погребения митрополита Константина потрясли воображение не только современников, но и потомков, и дали повод к церковному прославлению святителя[131]. И, пожалуй, можно сказать, что обстоятельства эти падают отраженным светом и на князя Юрия Владимировича Долгорукого, который стал вольным или невольным виновником его душевных страданий.

КРЕПОСТЬ НА БОРОВИЦКОМ ХОЛМЕ

Опала ростовского епископа Нестора, случившаяся зимой 1156/57 года, отражает какие-то неведомые нам процессы, происходившие в Суздальской земле. Выше мы предположительно связали ее с конфликтом между Юрием и его сыном Андреем. Однако надо признать, что в источниках никаких следов этого конфликта, помимо самого известия об уходе Андрея во Владимир, не обнаруживается. Юрий не пытался выгнать сына из Суздальской земли. Именно в эти годы он ведет во Владимире на Клязьме церковное строительство, как бы демонстрируя свое присутствие здесь и мирясь с присутствием здесь же Андрея. В свою очередь, Андрей, кажется, не выказывал по этому поводу ни малейшего беспокойства.

В последние годы жизни Юрий продолжал заниматься внутренними делами своего княжества. Оборонительные укрепления возводятся им еще как минимум в двух «залесских» городах — Дмитрове и Москве. О Дмитрове речь шла выше. Уникальное же известие о строительстве первого московского кремля содержится в Тверской летописи XVI века. В самом конце летописной статьи 6664 (1156/57) года читаем: «Того же лета князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москьву, на устни (устье. — *А.К.)* же Неглинны, выше рекы Аузы (Яузы. — *А.К.)»*{331}.

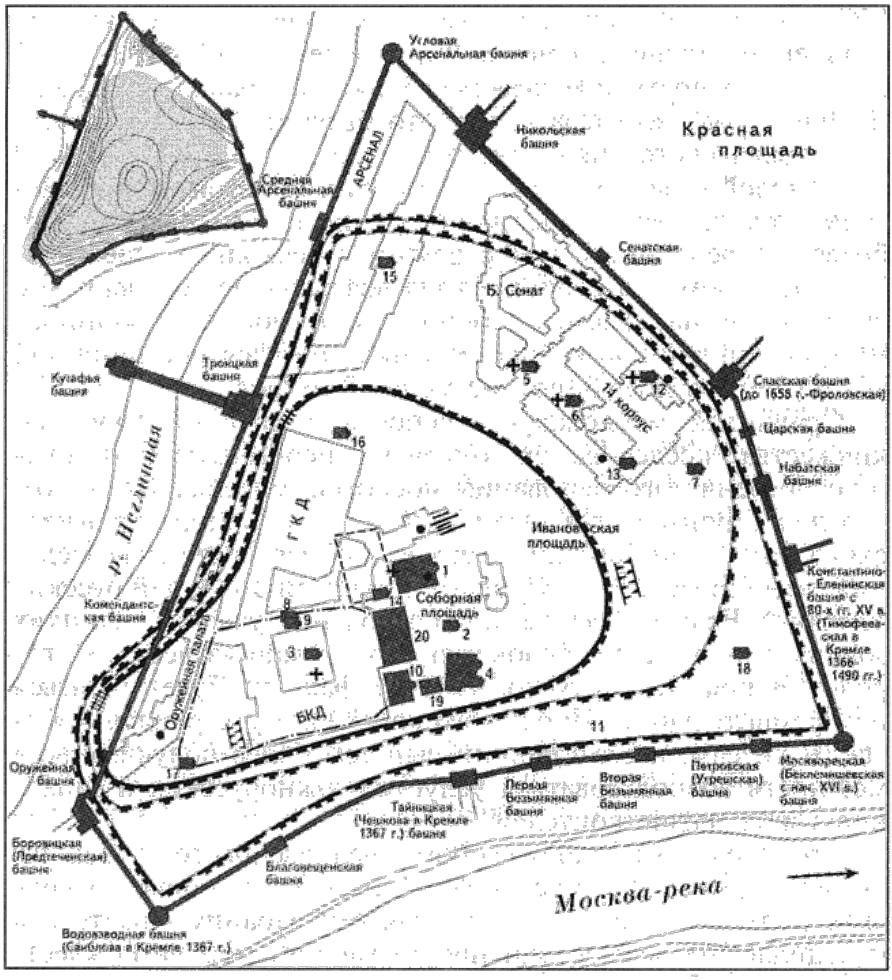
Известие это давно уже стало предметом самого тщательного разбора исследователей. Ему то отказывали в достоверности, то, наоборот, принимали полностью. Между тем определенное противоречие в нем все же имеется.

После того как зимой 1154/55 года Юрий покинул Суздальскую землю, он сюда более не возвращался[132]. Следовательно, в 1156 году или, тем более, в начале 1157 года сам он никак не мог закладывать город в устье Неглинной. Соответственно, исследователи признают ошибочными либо названную в летописи дату, либо имя строителя Москвы. Во втором случае подразумевается, что Москву строил сын Юрия Андрей{332}.[133] Но и такой вывод, по-видимому, нельзя признать бесспорным.

Юрий действительно не мог лично присутствовать при возведении московской крепости. Но отдать повеление о ее возведении, руководить работами в целом, из Киева, было вполне в его воле. Во всяком случае, строительство это — точно так же, как строительство в Дмитрове или Владимире, — полностью соответствовало его стратегическим замыслам. И здесь его

интересы и интересы его старшего сына совпадали.

Юрий давно уже должен был оценить все выгоды расположения Москвы. Этот город находился у самых границ княжества, на пути из Чернигова к Суздалю и Ростову. Здесь сходились границы четырех княжеств — помимо Суздальского и Черниговского, еще и Смоленского и Рязанского. От владений черниговских и новгород-северских князей по рекам Оке и Лопасне Москву отделяли всего 60 с небольшим километров, от смоленских и рязанских пределов — чуть более ста. Совсем недалеко был и Волок Ламский, принадлежавший Новгороду. К началу 1156 года правители всех названных земель были союзниками Юрия Долгорукого. Но в течение года ситуация изменилась кардинально. Строительство московской крепости — это еще и свидетельство растущей напряженности в отношениях Юрия и с Изяславом Черниговским, и с Ростиславом Смоленским, и с рязанскими князьями. Москва стала в прямом смысле слова форпостом Суздаля на юго-западном — самом опасном — направлении. В случае начала военных действий именно она должна была принять первый удар вражеских ратей.

Карта 5. Схема московского Кремля.

Знаком

[redacted]

обозначены укрепления XII—XIII веков; цифрами: 1 — Успенский собор; 17 — церковь Иоанна Предтечи на Бору.

Фрагменты построенных в 1156 году укреплений обнаружены археологами. Это дает нам возможность в общих чертах представить себе их внешний облик{333}. Первый московский кремль занимал юго-западную оконечность Боровицкого холма — возвышенности на левом берегу реки Москвы при впадении в нее Неглинной, то есть лишь небольшую часть нынешнего Кремля. Он был не слишком велик по размерам: общая длина стен составляла

около 850 метров; площадь немногим превышала 3 гектара (для сравнения: площадь современного Кремля — 27,5 гектара); в плане крепость представляла собой неправильный овал. В общем, можно сказать, что это была типичная крепость для Суздальского княжества той поры.

Основой вала шириной 14,5 метра и высотой около 7 метров служили деревянные конструкции из мощных дубовых бревен, скрепленных друг с другом в несколько слоев особым способом. На вершине вала возвышались бревенчатые срубы — так называемые заборолы, или забрала, с бойницами для защитников крепости. Снизу тянулся ров шириной 16—18 метров и глубиной не менее 5 метров.

Сравнивая московскую крепость с другими городами княжества, исследователи отмечают необычную конструкцию бревенчатого основания московских валов. Полагают, что для строительства были привлечены мастера из Киевского или Галицкого княжеств (подобная система возведения стен применялась в Польше и ближайших к ней русских землях)[{334}]. Если мы вспомним о вероятном участии галицких зодчих в возведении белокаменных храмов «залесских» городов Юрия Долгорукого, то этот факт не будет казаться нам удивительным. После того как Юрий утвердился в Киеве, и он сам, и его старший сын тем более получили возможность воспользоваться услугами южнорусских и западнорусских градостроителей.

Средоточием и душой любого средневекового города являлась церковь. По преданию, первая деревянная московская церковь была посвящена святому Иоанну Предтече и находилась на месте позднейшей каменной церкви Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. «Глаголють же, яко то пръвая церковь на Москве: на том месте бор был, и церковь та в том лесе срублена была тогды», — записывал в XV веке московский летописец[{335}]. Здесь же, около церкви, располагался древнейший княжеский двор.

Первая московская крепость просуществовала почти два века. В первый раз она была сожжена осенью 1176 года рязанским князем Глебом Ростиславичем, но вскоре отстроена вновь. Когда зимой 1238 года полчища монголо-татар обрушатся на Северо-Восточную Русь, Москва будет представлять собой значительный и хорошо укрепленный город: для его взятия монголам потребуются несколько дней. Из летописного повествования известно, что в Москве к тому времени насчитывалось уже несколько церквей и монастырей — все они были сожжены завоевателями, а люди истреблены — «от старца и до сущаго младенца». Однако и после этого страшного разорения Москва

возродится: спустя несколько лет те, кто уцелел во время нашествия или пришел на эти земли позднее, сумеют заново отстроить город, повторив очертания первой крепости Юрия Долгорукого. Новый же дубовый кремль будет возведен московским князем Иваном Даниловичем Калитой зимой 1340 года.

СНОВА ВОЙНА

«Тишина» в Русской земле была взорвана весной—летом 1156 года двумя междоусобными войнами, начавшимися почти одновременно в Черниговском княжестве и на Волыни.

Первым нарушил мир обделенный дядьями князь Святослав Всеволодович. Он не решился бросить открытый вызов Изяславу Черниговскому, но предпочел напасть на его племянника Святослава Владимировича (сына Владимира Давыдовича), который княжил в небольшом черниговском городке Березом. Кажется, именно так следует понимать не вполне ясный текст летописи. Впрочем, не исключено, что Святославу Всеволодовичу удалось договориться со своим младшим тезкой и оба Святослава с самого начала действовали заодно. Святослав Владимирович ушел во Вщиж — город у границ Вятичской земли; Всеволодович же занял не только Березый, но и все земли по верхнему течению Десны.

Еще один черниговский Святослав, Ольгович, не поддержал авантюру младших князей. Не был заинтересован в серьезном ослаблении Изяслава Давыдовича и Юрий Долгорукий. Понимая это, хитроумный Святослав Всеволодович нашел себе покровителя в лице смоленского князя Ростислава Мстиславича. «Не створив извета хрестьному целованию к стрыеви своему (Изяславу. — *А.К.)»,* Всеволодович «яся по Ростислава по смоленьскаго князя, а от строя отступив», — свидетельствует киевский летописец. И Ростислав поддержал мятежного князя{336}.[134]

В этой войне Юрий занял позицию стороннего наблюдателя. Можно предположить, что он не хотел ссориться ни с Ростиславом Смоленским, ни с Изяславом Черниговским, но еще вернее — что он был заинтересован в том, чтобы два этих князя, его недавние конкуренты в борьбе за киевский стол, напрямую столкнулись друг с другом. Ибо их возможный союз, направленный против него, Юрия, был главной опасностью для него во все время его третьего киевского княжения.

Однако расчеты Юрия не оправдались. Довольно скоро черниговский и смоленский князья сумели примириться друг с другом. Причем произошло это без всякого участия Юрия. И это обстоятельство имело для него самые печальные последствия.

Изяслав Давыдович, по-видимому, обратился к Юрию с просьбой о помощи. Юрий, однако, помощь не предоставил. В это время на Русь явились очередные половецкие послы с предложением мира. Юрий договорился о совместных действиях

с тем же Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем и вместе с ними, во главе объединенного войска, подошел к Зарубу (в Киевской земле), где его ждали половцы. Предосторожность оказалась не лишней: половцев было «многое множество».

На этот раз демонстрация силы принесла плоды: мир был заключен на условиях, удовлетворяющих обе стороны. После этого Юрий и Святослав Ольгович вместе вернулись в Киев. Изяслав же воспользовался случаем и заключил отдельный союз с половецкой ордой: половцы, вполне готовые к участию в боевых действиях, вошли в состав его войска. С ними Изяслав Давыдович и направился к Березому, еде пребывал тогда Святослав Всеволодович.

О том, как развивались события дальше, летопись не сообщает. Однако осенью того же года мы застаем Изяслава Давыдовича в пределах Смоленского княжества, у города Мстиславля. Надо полагать, что Изяславу удалось вернуть себе все Подесенье, а его противники, оба младших Святослава, отступили на территорию своего союзника, смоленского князя.

Сюда же, к Мстиславлю, пришел и Святослав Ольгович, Младшие Святославы продолжать войну не решились и вступили в переговоры с дядьями. Так в пределах Смоленской земли все четыре черниговских князя — два дяди и два племянника — заключили мир. Очень похоже, что Ростислав Мстиславич выступал при этом в роли посредника и гаранта мирного договора.

Для Юрия это был плохой знак. То, чего он опасался более всего, свершилось — возникли предпосылки для образования союза двух враждовавших прежде князей — Ростислава Смоленского, старшего среди князей «Мстиславова племени», и Изяслава Давыдовича, старшего среди черниговских князей. Пока что союз этот не был направлен против киевского князя. Но ход событий с неизбежностью должен был привести именно к такому результату. Ибо и Ростислав, и Изяслав вынужденно признали власть Юрия. Оба пошли на мир с ним только потому, что в данных конкретных обстоятельствах оказались слабее Юрия и не имели возможности противиться его силе. Теперь же, после примирения друг с другом, они оказывались уже сильнее Юрия — и это грозило кардинально изменить расстановку политических сил.

За Изяславом Давыдовичем после Мстиславльского мира стояла сила всех черниговских князей, а также половцы — его бывшие и нынешние союзники. За Ростиславом — роль признанного главы князей «Мстиславова племени», а также высокий авторитет во всем русском обществе. И этот авторитет

смоленский князь подтверждал реальными делами.

Ростислав не в первый раз брал на себя функции, не вполне соответствующие его статусу удельного князя. Еще зимой 1155/56 года он заключил отдельный договор с рязанскими князьями — наследниками недавно умершего Ростислава Ярославича. Киевский летописец пишет об этом в конце летописной статьи 6663 (1155/56) года: князь Ростислав Мстиславич «целова хрест с братьею своею с рязаньскими князи на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имеяхути и отцемь собе»{337}.

Трудно сомневаться в том, что этот договор был уже прямо направлен против Юрия Долгорукого. Рязанские князья слишком натерпелись от близкого соседства с Суздалем. Теперь, когда Юрий ушел в Южную Русь, они поспешили выйти из-под его жесткой опеки. А для этого необходимо было найти нового покровителя, менее опасного (хотя бы из-за отсутствия общей границы), но в то же время способного в случае необходимости защитить их от того же Юрия. И это при том, что один из рязанских князей, Глеб Ростиславич, приходился Юрию Долгорукому внучатым зятем!

Так стали проступать контуры будущей коалиции князей, направленной против Юрия. Пока что и Ростислав Мстиславич, и Изяслав Давыдович — по крайней мере, на словах — оставались его союзниками. Но Юрий сам сделал шаг к тому, чтобы поссориться с Изяславом Давыдовичем, наиболее опасным своим противником. Эта ссора явилась следствием той линии поведения, которую он выбрал в конфликте, начавшемся на Волыни.

* * *

Летом 1156 года князь Мстислав Изяславич внезапно («изъездом») напал на своего дядю Владимира Мстиславича. Последний бежал из Владимира-Волынского в Перемышль, а оттуда — в Венгрию, к своему зятю королю Гезе. Мстислав же захватил жену Владимира, «бановну», а также его мать со всем добром, которое та незадолго до этого привезла из Венгрии: «и всадив я (их. — *А.К.)* на возы, везе я Лучьску… а дружину его (Владимира. — *А.К.)* изограби и товар весь отъя».

В Венгрии Владимира приняли, однако военной помощи — во всяком случае, достаточной для того, чтобы вернуть Волынь, — не оказали. Возможно, это объяснялось тем, что Мстислав Изяславич пользовался особым благорасположением своей

родной тетки, королевы Евфросинии, для которой Владимир был всего лишь сводным братом, «Матешичем». Кроме того, еще в 1153 году, после непродолжительного перерыва, возобновилась венгерско-византийская война, отвлекшая все внимание короля Гезы. И тогда Владимир обратился за поддержкой к Юрию Киевскому, с которым был связан недавно заключенным мирным договором.

Юрий охотно вмешался в конфликт дяди и племянника. Случившееся в Волынской земле он воспринял как открытый вызов. Во-первых, Мстислав нарушил крестное целование ему, Юрию; во-вторых, посягнул на тот самый принцип «старейшинства», который он так рьяно отстаивал. Но, главное, у Юрия, оказывается, имелись собственные виды на Владимир-Волынский. Он намеревался посадить сюда на княжение своего племянника Владимира Андреевича, сына князя Андрея Владимировича Доброго. На этот счет, как мы помним, у него существовала договоренность с братом: в свое время Юрий «целовал бяшеть хрест к брату своему Андрееви… яко по животе его волость удержати сынови его». После смерти Андрея Юрий целовал крест уже племяннику — «яко искати ему Володимеря (Волынского. — *А.К.)*». Нарушение мирного договора Мстиславом Изяславичем позволило Юрию приступить к реализации этого замысла. Владимир Мстиславич в планы киевского князя посвящен не был, а потому должен был полагать, что Юрий начал войну ради возвращения Владимира-Волынского ему.

На исходе осени или в начале зимы 1156 года Юрий вместе с сыновьями и племянником выступил из Киева[135]. Основу войска составляли княжеские дружины (его самого и сыновей), а также «черные клобуки» — берендеи. Как и прежде, союзником Юрия в этой войне стал галицкий князь Ярослав Осмомысл.

Первоначально Юрий намеревался позвать в поход также своих черниговских союзников, Святослава Ольговича и Изяслава Давидовича. Однако затем отказался от этой мысли. Летописец объяснял все происками Ярослава Осмомысла: оба черниговских князя «хотяшета пойти с Дюргем; Гюргии же не поя ею (их. — *А.К.),* послушав зятя своего Га-личкаго, има ему веры…».

Каким образом Ярославу удалось уговорить Юрия, неизвестно. Но Юрий послушался его. Эта доверчивость дорого обошлась киевскому князю. Помимо прочего, она продемонстрировала чрезвычайную хрупкость мира, заключенного им с черниговскими князьями, прежде всего с Изяславом Давыдовичем. Можно сказать с уверенностью, что столь явное неуважение к союзникам стало одной из причин скорого разрыва между ними. Да и на ходе военных действий

отсутствие черниговских дружин не могло не сказаться.

У села Свинухи, недалеко от Владимира-Волынского, Юрий встретился с Ярославом Галицким. Отсюда князья двинулись к Владимиру. Близ самого города, в селе Хвалимичи, их встретил князь Владимир Мстиславич, вернувшийся из Венгрии. Его отряды Юрий и направил «на вороп», то есть в набег, к городу.

Мстислав Изяславич с братом Ярославом затворились во Владимире. На следующий день, в воскресенье, к городу подступили основные силы союзников — отряды Юрия и Осмомысла: «…поидоша к городу и с товары (с обозами. — *А.К.),* и пришедше, и сташа около города». Юрий обошел владимирские укрепления и занял позиции у «Гридшиных ворот»; Ярослав же расположился на главном направлении — у Киевских ворот, «подле луга». Как видим, на этот раз праздничный, воскресный день не стал препятствием для начала военных действий.

Осада продолжалась десять дней. Жители защищались отчаянно, совершали вылазки и поражали нападавших с городских стен. По всему было видно, что они готовы умереть за Изяславичей, не желая принимать на княжение ни Владимира Мстиславича, ни Владимира Андреевича, ни любого другого ставленника киевского князя. Юрий и его союзники неоднократно приступали к городу, но всякий раз неудачно. Обе стороны несли значительные потери. «И многы крови проливахутся межи ими, друзии же уязвляеми умираху», — пишет киевский летописец.

(По свидетельству поздних польских источников, в войске Мстислава Изяславича находились поляки, проявлявшие будто бы чудеса храбрости{338}. Другую подробность приводит В.Н.Татищев. По его словам, однажды ночью Мстислав Изяславич совершил вылазку из города и напал на галицкий обоз. «И так оной разбил, что если бы от Юрия помосчь не поспела, то б всех побил. Но Мстислав, видя помочь Юрьеву, с честию во град возвратился. А Ярослав, потеряв близ половины людей, забыв свою похвальбу, прижался обозом к Юрию»{339}.)

Самостоятельную роль в событиях попытался сыграть князь Владимир Андреевич. Он отпросился у Юрия к Червену — старому центру Волынской земли. Однако и жители Червена не приняли его на княжение, но затворились в городе. Владимир попробовал лестью и уговорами добиться их расположения. «Яз есмь не ратью пришел к вам, зане есте людие милии (милые, то есть любезные. — *А.К.)* отцю моему, — с такой речью обратился он к горожанам. — А яз вам свои княжичь, а отворитеся». Но эта попытка едва не стоила ему жизни: один из защитников города выстрелил из лука и поразил его в шею. К счастью, рана оказалась неопасной, князя выручила броня: «мало бо захвати, но

и то по доспеху». Разгневанный Андреевич повелел немилосердно разорять окрестности города — «и повоеваша много».

Юрий готов был уже заключить мир с Мстиславом Изяславичем, оставить за ним Волынь. Но Мстислав на мир не пошел и целовать крест киевскому князю не согласился. Пришлось отступить, «не створя мира», что было равносильно поражению. Киевский летописец, составлявший свой труд при самом князе и явно в угоду ему, постарался изобразить отступление Юрия как проявление им христианского смирения и милосердия. Но даже он не смог скрыть всей горечи разочарования и всей тяжести положения, в которое попал князь: «Дюрдии же видя непо[ко]рьство его (Мстислава. — *А.К.)* к собе, и съжалиси о погыбели людьсте, и нача молвити детем своим и бояром своим: “Не можем стояти еде, зане он, мнии буда (то есть будучи младше. — *А.К.),* не покорить ми ся. А яз не радуюся о погыбели его, ни прогнанью его… он же не въехоте того, но паче радуется о пролитьи крови”». «Сдумав с детми своими и с мужи своими», Юрий повернул к Киеву. Его зять Ярослав поспешил в Галич. Куда подался князь Владимир Мстиславич, в точности неизвестно. Скорее всего, снова ушел в Венгрию[136].

Отступление Юрия с Волыни оказалось очень тяжелым и походило скорее на бегство. Всякие иллюзии относительно того, что же в действительности произошло и на чьей стороне сила, рассеялись окончательно. Мстислав Изяславич преследовал отступающего противника по пятам: «иде по нем до Дорогобужа, воюя и жга села, и много зла створи». (Так в Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской текст сокращен и сообщается лишь о том, что Юрий, «сжалиси о погыбели людьстеи», «възвратися в Кыев».)

В Дорогобуже, городе на Горыни, на границе Киевской и Волынской земель, Юрий остановился. Мстислав не стал далее преследовать его. Юрий же посадил на княжение в Дорогобуже своего племянника Владимира Андреевича. Летописец приводит его речь, обращенную к племяннику: «Сыну, яз есмь с твоим отцемь, а с своим братом Андреем хрест целовал на том, яко кто ся наю останеть, то тыи будет обоим детем отець и волость удержати. А потом к тобе хрест целовал есмь имети тя сыном собе и Володимиря искати. Ныне же, сыну, аче ти есмь Володимиря не добыл, а се ти волость». Помимо собственно Дорогобужа, Владимир Андреевич получил от дяди Пересопницу и «все Погориньские», то есть расположенные по Горыни, города.

Несомненно, Юрий вел себя благородно по отношению к племяннику. Он все сделал для того, чтобы исполнить обещание, данное брату. Но, сажая Владимира Андреевича в Дорогобуже,

Юрий преследовал и чисто политическую цель. Речь шла о воссоздании буферного княжества между Волынью и Киевской землей. Оно должно было послужить плацдармом для будущего наступления Юрия на Волынь и в то же время защищало Киев от внезапного нападения Мстислава Изяславича. Другое дело, что возможности племянника Юрий переоценил. Никакой реальной помощи дяде тот оказать не сможет.

* * *

Тогда же, по летописи, Юрий вновь наделил своего сына Бориса Туровом. Факт этот важен для нас. Получается, что ранее Юрий выводил Бориса из Турова (куда, напомним, он посадил его на княжение еще весной 1155 года). Летопись ничего не сообщает об этом, но по-другому трактовать ее текст, по-видимому, невозможно. Скорее всего, перемена стола явилась следствием ухода в Суздальскую землю из Вышгорода князя Андрея Юрьевича. Борис оказался старшим среди оставшихся при Юрии сыновей и, по мысли Юрия, мог претендовать на то, чтобы наследовать за ним киевский стол. А для этого ему необходимо было находиться в непосредственной близости от Киева, то есть в Вышгороде — городе, который при Юрии превратился во второй по значимости княжеский стол Киевской земли.

Новое наделение Бориса Туровом означало отказ Юрия от прежнего замысла. В таком случае кого же он мог видеть своим возможным преемником на киевском княжении? Своего следующего сына Глеба, сидевшего в Переяславле?

Но, положа руку на сердце, можно ли утверждать, что Глеб — даже в случае возобновления им союза с половцами — был в состоянии удержать за собой Киев? Конечно же нет. Точно так же, как не был в состоянии сделать это Борис или, скажем, Василько, также оставшийся при отце. Ни у кого из них не было ни малейших шансов реализовать свои «отчинные» права на стольный город Руси. Юрий слишком много сделал для того, чтобы утвердить принцип «старейшинства» в политической жизни Русского государства, но после его смерти этот принцип начинал работать уже против него и против его сыновей. В соответствии с ним любой из Юрьевичей имел намного меньше прав на Киев, чем Изяслав Давыдович, Святослав Ольгович или Ростислав Мстиславич. Удержать Киев Юрьевичи могли только силой и только в случае полнейшего единодушия и согласованности в действиях.

Пожалуй, единственным из Юрьевичей, кто обладал хотя бы

мало-мальским авторитетом на юге, был Андрей. Так может, возвращая Бориса в Туров, Юрий рассчитывал на примирение со старшим сыном, на его возвращение на юг, в Вышгород?

Конечно, любые рассуждения на этот счет беспочвенны, поскольку никакими показаниями источников мы не располагаем. И все же одно можно сказать наверняка: двукратное наделение Бориса Туровом (всего за полтора года!) свидетельствует о явных колебаниях в политике Юрия Долгорукого. Похоже, что он все менее уверенно чувствовал себя на юге.

И еще одно замечание. Вторично сажая сына в Турове, Юрий, очевидно, нарушал права того князя, который владел этим городом во время отсутствия там Бориса. Летописец ничего не говорит о том, кого сменил Борис. Но мы можем назвать имя предыдущего туровского князя с большей или меньшей уверенностью — по всей вероятности, им был недавний союзник и подручный Юрия Долгорукого князь Юрий Ярославич. Туров считался его «дединой», ибо некогда принадлежал его деду князю Святополку Изяславичу. И отказываться от своих прав на этот город Юрий Ярославич, кажется, не собирался. А значит, и у него появлялись причины для недовольства киевским князем. Во всяком случае, сразу же после смерти Юрия Долгорукого именно Юрий Ярославич будет княжить в Турове и Пинске — причем при очевидной поддержке жителей обоих городов и всей волости. Борис же Юрьевич скончается год спустя после своего отца, в мае 1158 года, в Суздальской земле. Собственного удела к тому времени он иметь уже не будет.

«БЫСТЬ КОТОРА ЗЛА В ЛЮДЯХ…»

Неудача волынского похода серьезно осложнила положение Юрия. Большинство из тех князей, которые целовали ему крест как киевскому князю, ныне, почувствовав его слабость, готовы были отступить от союза с ним. Проигравшим вообще редко сочувствуют, особенно если проигравший силен и еще недавно обладал властью. В таком случае ему припоминают все прежние обиды и унижения. А таких обид и унижений у князей, современников Юрия, накопилось с избытком.

Главным врагом Юрия оставался князь Изяслав Давыдович Черниговский. Он так и не простил Юрию изгнания из Киева и ждал подходящего случая для того, чтобы возобновить войну. И такой случай вскоре представился.

Мы уже называли одним из виновников начавшегося разлада между Юрием и Изяславом галицкого князя Ярослава Осмомысла. Юрий очень дорожил союзом с Галичем: только опираясь на мощь этого самого западного из русских княжеств, он мог более или менее уверенно чувствовать себя в Киеве. А потому Юрий старался по возможности идти навстречу зятю. И зимой 1156/57 года — вероятно, вскоре после возвращения из волынского похода — он решился исполнить еще одну его просьбу. На этот раз она касалась несчастного князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника. Напомним, что в течение нескольких лет он томился в заточении в Суздале, куда был брошен Юрием — очевидно, по договоренности с тогдашним галицким князем Владимирком Володаревичем, отцом Ярослава. Теперь же Ярослав потребовал передать Берладника ему. Ибо этот князь продолжал считаться претендентом на галицкий стол, а значит, до тех пор, пока он был жив, Ярослав не мог быть спокоен за судьбу собственного княжества. Больше того, Берладник приходился Ярославу старшим двоюродным братом и, по представлениям того времени, имел даже преимущественные, по сравнению с ним, права на галицкии стол.

Надо полагать, что решение выдать Берладника далось киевскому князю совсем не просто. Ибо для этого ему пришлось переступить через определенные нравственные запреты и нарушить крестное целование, то есть совершить поступок, противный как его собственным убеждениям, так и наставлениям отца и общепринятым христианским нормам.

Из Галича в Киев за Берладником прибыло представительное посольство во главе с князем Святополком Юрьевичем (сыном Юрия Ярославича) и галицким воеводой Константином

Серославичем; их сопровождала «многая дружина». Из Суздаля привезли закованного в железа Ивана Берладника.

Что могло ждать его в Галиче? Заточение в поруб? Навряд ли. Иван был надежно спрятан и в Суздале. Пребывание же его в самом Галиче, пускай и в качестве пленника, таило в себе смертельную опасность для Ярослава Осмомысла. Ибо к Берладнику в Галиче питали искреннюю симпатию. Мы помним, что в начале 1145 года галичане в течение трех недель бились за него с князем Владимирком, отцом Ярослава. То же повторится и несколько лет спустя — когда в 1158 году Берладник вместе с половцами (!) подступит к южным галицким городам, «смерды» сотнями начнут переходить на его сторону, а галичане — «поущивать» его к себе{340}.

Князь Ярослав Владимирович, при всех его несомненных достоинствах, не пользовался в Галиче должным уважением. «Аще князь беспорочен будет всем норовом, тогда может с великою волостью (властью — *А.К.)* мучити и пращати», — говорилось в «Пчеле» — знаменитом древнерусском сборнике назидательных афоризмов{341}. К Ярославу слова эти не относились ни в коей мере. Он отнюдь не отличался «беспорочным норовом». Скорее, наоборот. Само его прозвище «Осмомысл» звучало не слишком благозвучно для древней Руси и, по-видимому, означало не что иное, как «многогрешный», имеющий «восемь греховных помыслов»{342}. Ярослав, например, всячески третировал свою законную супругу Ольгу, дочь Юрия Долгорукого, и открыто сожительствовал с наложницей, некой Настаськой, влияние которой на дела княжества вызывало возмущение горожан. (В начале 1170-х годов дело дойдет до того, что законная княгиня вместе с сыном Владимиром и рядом видных бояр покинет Галич и убежит в Польшу; это приведет к настоящему восстанию: князя Ярослава на время даже посадят в темницу, а ненавистная Настаська будет сожжена на костре.) К середине 50-х годов ситуация еще не стала настолько острой. Но можно сказать с уверенностью: если бы галичане узнали, что Берладник находится в их городе или хотя бы в пределах их княжества, судьба Ярослава была бы решена и престола бы он лишился. Не то чтобы Берладник был так уж хорош для галичан. Своим «норовом» он, по большому счету, вряд ли отличался от Ярослава — и мы уже говорили об этом, когда вспоминали обстоятельства, предшествовавшие его появлению у Юрия. Но он уже давно находился вне Галича, а потому должен был казаться галичанам воплощением именно тех качеств, которые они хотели бы видеть в своем князе.

Все это Ярослав конечно же прекрасно понимал. Не

приходится сомневаться: Берладник был нужен ему только затем, чтобы умертвить его.

Наверное, понимал это и Юрий. Передавая Берладника в руки его заклятого врага, он обрекал его на верную смерть. А ведь Берладник был князем, то есть приходился Юрию «братом», если пользоваться терминологией того времени. И значит, выполняя просьбу зятя, Юрий становился сознательным соучастником братоубийства.

В Киеве решение Юрия вызвало негодование. С просьбой о помиловании несчастного к князю обратились митрополит Константин и игумены киевских монастырей, то есть те, кому по должности положено было ходатайствовать за осужденных, тем более за пострадавших невинно. Церковные иерархи прямо обвинили Юрия в нарушении крестного целования: «Грех ти есть. Целовавши к нему хрест, держиши в толице нужи, а и еще хощеши выдати на убиство»{343}.

И Юрий не решился доводить до конца начатое им злое дело. Послушавшись митрополита и игуменов, он отказался от обещания Ярославу. Но и пленника не освободил. Берладника, все так же в оковах, повезли обратно в Суздальскую землю.

Это половинчатое решение не устроило никого — ни Ярослава Галицкого, ни самого Берладника, ни киевлян. Зато противники Юрия смогли воспользоваться его непоследовательностью. И случилось то, чего Юрий никак не предвидел.

Суздальские послы выбрали короткий и, как казалось, безопасный «черниговский» путь. Однако по дороге на них напали люди Изяслава Давидовича. Они отбили Берладника и доставили его в Чернигов, к своему князю. Изяслав немедленно освободил пленника. Летописец, настроенный в целом благожелательно к Юрию Долгорукому, в данном случае оказался не на его стороне. Он расценил случившееся как проявление Божьей воли и несомненное благо: «…тако же избави Бог Ивана от великия тоя нужа».

В сложившихся условиях действия Изяслава Давыдовича означали открытый разрыв с Юрием Долгоруким, фактически — объявление войны. Черниговский князь посчитал, что час его пробил и теперь он в состоянии справиться со своим противником в борьбе за киевский стол. Тем более что на этот раз он действительно поступал благородно. Освобождение Берладника возвышало Изяслава в глазах общества и, напротив, делало Юрия виновником начавшейся междоусобной распри.

К этому времени Изяслав заручился поддержкой большинства русских князей. Прочные нити заговора протянулись от

Чернигова к Смоленску, Владимиру-Волынскому, Луцку, Рязани и другим городам. И даже в Киеве нашлось немало людей, сочувствующих черниговскому князю.

Прежде враждовавшие между собой князья — Изяслав Давыдович, Ростислав Мстиславич и братья Мстислав и Ярослав Изяславичи — были едины в главном: их не устраивало княжение в Киеве Юрия Долгорукого. Причины у каждого были свои. Изяслав жаждал вернуть столь «улюбившийся» ему Киев; Ростислав тяготился зависимостью от дяди и как глава князей «Мстиславова племени» не мог равнодушно смотреть на попытки выдавить Изяславичей с Волыни; Мстислав Изяславич вообще пылал ненавистью к Юрию и мечтал о том, чтобы отомстить ему — и за себя, и, главное, за отца. При этом Ростислав Смоленский, кажется, не торопился занять киевский престол. Тем более не могли выказывать свои «киевские» амбиции младшие князья «Мстиславова племени» — Мстислав и Ярослав Изяславичи. Это открывало отличные перспективы для Изяслава Давыдовича.

Соглашение между всеми названными князьями было достигнуто к весне 1157 года. Киевский летописец пишет об этом уже в следующей летописной статье, датированной им (по ультрамартовскому стилю) зловещим 6666 годом: «Нача рать замышляти Изяслав Давыдовичь на Дюргя и примири… к собе Ростислава Мстиславича и Мьстислава Изяславича…»{344}

К союзу против Юрия Изяслав Давыдович попытался привлечь и своего двоюродного брата Святослава Ольговича — «подъмолвивашеть» его «въстати на Гюргя». Однако Ольгович и на этот раз отказался нарушать крестное целование своему свату и давнему союзнику. «Хресть есмь целовал к нему, — объявил он Изяславу, — а не могу без вины на нь въстати», «И не яся ему», то есть не стал действовать заодно с двоюродным братом. Но и на помощь Юрию Святослав Ольгович так и не выступит.

Фактически Юрий оказался в политической изоляции. Даже самый верный и надежный его союзник, Ярослав Галицкий, был выведен из игры. Многоопытный Изяслав Давыдович недаром делал ставку на Ивана Берладника. Имея столь сильный козырь в своей колоде, он сумел поссорить тестя и зятя. Ярослав, кажется, так и не простил Юрию отказ от выдачи Берладника. В том, что этот князь оказался в Чернигове, да еще на свободе и под защитой столь сильного покровителя, виноват в конечном счете был именно Юрий — по крайней мере, в глазах самого Ярослава…

* * *

Весна 1157 года принесла Юрию еще одно горькое разочарование. Изменение политической конъюнктуры очень чутко уловили в Новгороде. И как только пошатнулось положение в Киеве самого Юрия, новгородцы «показали путь» из города его сыну Мстиславу.

К этому времени в Новгороде произошли серьезные изменения. Еще весной 1156 года один за другим ушли из жизни инициаторы приглашения Юрьева сына на новгородский стол — сначала новгородский посадник Судило Иванович, а затем архиепископ Нифонт. Первый по неизвестной причине был силой отстранен от посадничества и спустя пять дней умер. Второй, как мы помним, скончался в Киеве, но в Новгороде его смерть вызвала слухи, больше похожие на клевету. Мстиславу Юрьевичу приходилось искать общий язык с новыми властями города.

Сменивший Судилу Ивановича посадник Якун Мирославич был хорошо знаком Юрию (однажды, напомним, суздальский князь даже спас его от лютой смерти). Но Якун никогда не считался сторонником Юрия. Он не в первый раз занимал должность посадника и не скрывал своих симпатий сначала к Ольговичам, а затем и к князьям «Мстиславова племени».

Преемником Нифонта на владычной кафедре стал урожденный новгородец, основатель и первый игумен Богородицкого Успенского монастыря Аркадий. Князь Мстислав Юрьевич вместе со всеми участвовал в избрании нового владыки. Впервые оно было совершено в самом Новгороде, а не в Киеве, и киевский митрополит должен был лишь утвердить решение новгородцев. Со временем такой способ избрания новгородских владык сделается традиционным. Однако Константин, по-видимому, крайне болезненно отнесся к новшеству, увидев в нем прежде всего ущемление своих канонических прав. Во всяком случае, он не спешил утверждать новгородского владыку в его сане. Аркадию придется ждать рукоположения целых два года, и только в августе 1158 года он наконец будет посвящен в сан. Надо думать, что демонстративная медлительность киевского митрополита, ставленника и единомышленника князя Юрия Владимировича, также не способствовала укреплению авторитета Юрьева сына в Новгороде.

В марте или апреле 1157 года новгородцы открыто выступили против Мстислава Юрьевича. Очевидно, поводом к этому стало известие о разрыве между Юрием и Ростиславом Смоленским. Теперь именно Ростислава или кого-то из его сыновей новгородцы хотели видеть своим князем.

События в Новгороде приняли бурный оборот и едва не привели к кровопролитию. Летописец так рассказывает об этом:

«Бысть котора зла в людьх, и въсташа на князя Мьстислава на Гюргевиця, и начяша изгонити из Новагорода…» Город разделился надвое. Жители Торговой стороны (на правом берегу Волхова) приняли сторону князя; на противоположной же Софийской стороне восторжествовали его противники. «И съвадишася (перессорились. — *А.К.)* братья, и мост переимаша на Вълхове, и сташа сторожи у го-родьных ворот, а друзии на ономь полу (на Торговой стороне. — *А.К.)*, малы же и кръви не прольяша межи собою».

Противники Мстислава, очевидно, заранее договорились с князем Ростиславом Смоленским. Тот направил в город своих сыновей, Святослава и Давыда. Их появление и решило исход противостояния. Мстислав не решился оставаться в городе и в ту же ночь бежал к Суздалю. Спустя еще три дня в Новгород вступил сам Ростислав Мстиславич. Ему и удалось утихомирить людей и навести порядок. «И сънидошася братья, и не бысть зла ничто же»[{345}].

Так Юрий лишился Новгорода. Ростислав же мог торжествовать. Он сумел посадить на новгородское княжение сына Давыда, и теперь новгородцы должны были согласиться с этим. Как и в те дни, когда Киевом владел его старший брат Изяслав, Ростислав распространил свое влияние на большую часть Северо-Западной и Восточной Руси — не только на Смоленск и Новгород, но и на Рязань.

Сам Ростислав пока что задержался в Новгороде. Однако дружина его находилась в Смоленске вместе с его старшим сыном Романом. Ему Ростислав и поручил действовать против Юрия в союзе с Изяславом Давыдовичем.

* * *

К маю 1157 года противники Юрия были готовы начать военные действия. Все было согласовано, роли распределены, сроки обозначены. «И сложи Изяслав путь с Ростиславом и со Мьстиславом на Гюргя, — пишет киевский летописец, — и пусти Ростислав Романа, сына своего, с полком своим, а Мьстислав поиде из Володимиря…»

Показательно, что на этот раз Ярослав Галицкий не воспрепятствовал наступлению волынских дружин на Киев. Ничего не слышно и о каком-либо участии в событиях князя Владимира Андреевича, сидевшего в Дорогобуже, или Юрия Ярославича. Юрию Долгорукому приходилось надеяться только на себя и на своих взрослых сыновей. А их возле отца осталось

всего трое — Борис, Глеб и Василько. Но Борис, наверное, еще не успел как следует утвердиться в недавно возвращенном ему Турове. Глеб был силен союзом с половцами, но за годы киевского княжения Юрия Долгорукого его связи со Степью, кажется, ослабли. Василько же княжил в землях «черных клобуков», берендеев, — но о том, как поведут себя берендеи, встретившись с сыновьями и племянниками столь любезного им Изяслава Мстиславича, гадать не приходилось. Вероятность их перехода на сторону противников Юрия была очень велика. Может быть, именно поэтому мы увидим Василька в последние дни жизни Юрия не в Каневе или Юрьеве, но в Киеве, рядом с отцом.

Андрей же, самый опытный, самый энергичный и самый талантливый из сыновей Юрия Долгорукого, оставался во Владимире на Клязьме. И даже узнав о том непростом положении, в котором оказался отец, не поспешил на выручку…

…Когда-то Изяслав Мстиславич говорил Юрьеву сыну Ростиславу: «Всех нас старей отец твой, но с нами не умеет жить». Ныне «старейшинство» Юрия еще более упрочилось. Но «умения жить» с южнорусскими князьями, то есть умения принимать чужие правила игры, приноравливаться к обстоятельствам, кажется, не прибавилось. Юрий готов был идти на компромисс — но лишь при условии признания его верховной власти. В противном же случае он действовал бескомпромиссно и слишком прямолинейно, уповая только на силу и не считаясь с ситуацией в целом, — как, например, в случае с Мстиславом Изяславичем, которого он намеревался вообще лишить волости и изгнать из Руси. Но такой путь вряд ли можно назвать перспективным.

По большому счету власть Юрия распространялась лишь на Киев и ближние к Киеву города да еще на Суздальское «залесье». Утвердить же свою волю в других областях Руси Юрий мог только в союзе с другими князьями — в первую очередь с Ростиславом Смоленским и Изяславом Давыдовичем. («Сыну, мне с ким Рускую землю удержати, с тобою?» — обращался он из Киева к Ростиславу.) Так, опираясь на союз с Ростиславом и другими князьями «Мстиславова племени», Юрий добился примирения с Изяславом Давыдовичем; опираясь на союз уже с черниговскими князьями, смог заключить долгожданный мир с половцами. Но интересы всех трех княжеских кланов — Юрия и его сыновей, князей «Мстиславова племени» и черниговских — были слишком различны, чтобы согласие между ними могло продолжаться долго. К тому же и сам Юрий ничего не сделал для того, чтобы упрочить этот союз или по крайней мере сохранить его. Напротив, окончательно утвердившись в Киеве, почувствовав себя

победителем, он начал действовать так, будто союзных ему князей не существует вовсе. Выступая в поход на Волынь в конце 1156 года, он, кажется, даже не поставил Ростислава в известность. Тогда же он неосмотрительно отверг помощь черниговских князей. А ведь дело было не только в том, что Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович затаили на него обиду. Участие черниговских князей в войне с Мстиславом Изяславичем придало бы всему предприятию Юрия совершенно иной вид. Поход на Волынь мог стать совместным деянием всех южнорусских князей, а вероятный результат его — наказание зарвавшегося Мстислава — был бы воспринят как торжество Юрия и торжество проводимой им политики консолидации Руси. Вместо этого поход обернулся частным делом Юрия, обеспокоенного лишь тем, чтобы посадить на владимиро-волынский стол своего племянника. И вполне закономерно, что поход этот закончился неудачей. Князь Мстислав Изяславич оказался слишком силен для того, чтобы Юрий смог справиться с ним. То, что получилось у Владимира Мономаха, некогда присоединившего Волынь к своим владениям, не вышло у его сына. Не только потому, что Юрий был обделен воинскими дарованиями отца. Прежде всего времена изменились.

Не «умел» Юрий «ужиться» и с киевлянами. И здесь он не извлек уроков из неудачи своих прежних киевских княжений. Юрий изо всех сил старался сделаться именно *киевским* князем. Но для самих киевлян — повторимся еще раз — он до самой смерти оставался чужаком. Причем чужаком, не принимавшим сложившихся на юге норм во взаимоотношениях князя и подданных, открыто попиравшим те права, которых киевляне и жители других южнорусских городов добились за прошедшие годы.

Ко времени княжения Юрия киевляне успели привыкнуть к тому, что князь, вступавший на «златой» киевский стол, заключал с ними отдельный «ряд» (договор), где оговаривал и их, и, главное, свои права и обязанности. Юрий стал первым киевским князем — по меньшей мере за четверть века — который не сделал этого. Вступив в Киев, он попытался восстановить старый порядок, по которому стольный город Руси принадлежал «старейшему» князю как его неотъемлемое владение, как «отчина» и «дедина». Права других князей Юрий не принимал в расчет, а потому считал ненужным для себя заключение какого-либо особого «ряда» с городским вече.

Однажды киевляне уже выразили свое отношение к подобному способу передачи престола. «Не хоцем быти, акы в задници», — говорили они в 1146 году, имея в виду переход

киевского княжения по наследству от князя Всеволода Ольговича к его брату Игорю. Тогда дело дошло до открытого выступления против Игоря, а затем — и до его убийства восставшей толпой. Юрий, будучи Мономашичем, пользовался в Киеве все же большим авторитетом, нежели Ольгович. Но не приходится сомневаться в том, что при случае киевляне готовы были отвергнуть его, как раньше они отвергли Игоря. И если до этого не дошло, то только потому, что Юрий умер раньше, чем события приняли критический для него оборот.

ПОСЛЕДНИЙ ПИР ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

В киевском летописании середины XII века, повествующем о перипетиях борьбы за киевский стол, исследователи обнаруживают фрагменты летописи, составлявшейся при дворе князя Юрия Владимировича Долгорукого{346}. Отчасти мы уже говорили об этом: целый ряд событий освещен явно с позиций Юрия; автор летописных записей симпатизирует князю и стремится представить его в наиболее выигрышном свете. Причем в сохранившемся тексте летописи эти записи чередуются с фрагментами других летописцев, отражающих интересы других представителей княжеской династии — например, Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава, черниговских Ольговичей, галицких князей и т. д.

Наиболее ярко летописец Юрия Долгорукого проявляет себя в рассказе о событиях, предшествовавших появлению Юрия в Киеве. Завершающий же этап его биографии, можно сказать, ее апофеоз — последнее киевское княжение — освещен, напротив, очень скупо. Складывается впечатление, что автору придворной летописи Юрия попросту не удалось завершить свой труд.

Наверное, так оно и было. Но ведь и само киевское княжение Юрия закончилось внезапно, неожиданно для его современников. Во всяком случае, для приближенных и сторонников князя. Его противники, кажется, оказались лучше подготовлены к тому, что произошло с ним.

Удивительно, например, но в Киевской летописи отсутствует отдельное, самостоятельное известие о смерти князя Юрия Владимировича Долгорукого. Нет ни обширного панегирика — подобного тому, которым отмечена кончина его отца и племянника, ни даже приличествующей случаю краткой похвалы. О кончине Юрия, конечно, сообщается — но само это известие дано как бы глазами его главного политического противника Изяслава Давыдовича. В тот самый день, когда черниговский князь намеревался выступить в поход на Киев, в Чернигове стало известно о смерти Юрия. «Изяславу же хотящю пойти ко Киеву, — рассказывает летописец, — и во ть день приехаша к Изяславу кияне, рекуче: “Поеди, княже, Киеву. Гюрги ти умерл”. Он же прослезивъся, и руце въздев к Богу, и рече: “Благословен еси, Господи, оже мя еси росудил с ним смерть[ю], а не кровопролитьем”»{347}.

А далее приведены подробности того, что случилось в Киеве. И выясняется еще одна удивительная вещь; Юрий как будто совершенно не был готов к войне.

Ситуация во многом напоминает ту, что сложилась в конце зимы — начале весны 1151 года, когда Юрий во второй раз покинул киевский стол: он и тогда оказался в неведении относительно планов своих врагов, в отличие от киевлян, осведомленных лучше него. Скорее всего, киевляне и теперь поддерживали тесные связи с главными противниками Юрия. Во всяком случае, сразу же после его смерти их послы направились прямо в Чернигов, к князю Изяславу Давыдовичу, уже готовому к выступлению на Киев.

О том, что Юрий все-таки не бездействовал, сообщается лишь в поздней Никоновской летописи: по версии ее авторов, Юрий, узнав о намерениях своих врагов, «розосла гонцы, по всем своемь великом княжении собирая воинство»{348}. Но очень похоже, что мы имеем дело здесь не с извлечением из какой-то древней, не дошедшей до нас летописи, а с логическим допущением московского летописца XVI века. В Киевской же летописи ход событий изложен иначе и акценты расставлены по-другому. Оказывается, что в те самые дни, когда враги Юрия уже объединили свои усилия и выступили или готовились выступить в поход на Киев, князь вовсе не находился рядом со своим войском, но предавался пирам и развлечениям. Один из таких пиров — у «осмянника» (то есть сборщика княжеской подати) Петрилы — и стал для него последним.

Киевский летописец так пишет об этом: «Пив бо Гюрги в осменика у Петрила: в ть день на ночь разболеся, и бысть болести его 5 днии…»{349}

Пировали 10 мая, в пятницу. Этот день не отмечен никаким праздником, так что можно полагать, что событие было вполне заурядным — по-видимому, именно так Юрий по большей части проводил свои дни в Киеве.

Что случилось на самом пиру, неизвестно. Впоследствии исследователи не раз выказывали уверенность в том, что Юрий был отравлен{350}. Может быть, и так. Но, говоря строго, у нас нет достаточных оснований для столь категоричного суждения. Киевский князь был уже далеко не молод; чрезмерные же возлияния и обильная пища, тем более на ночь, вполне могли спровоцировать болезнь — например, острый сердечный приступ, гипертонический криз или инсульт. (Именно так полагал киевский книжник XVII века, автор Густынской летописи: «… Юрий Киевский, утешаяся со своими, упивъся без меры и от сего пития разболеся…»{351}) Юрий был не первым из киевских князей, кто умер после пиршества, — напомним, что так же, после «веселия» с дружиной, ушел из жизни и его старший брат Вячеслав. К тому же в летописи мы не найдем ни малейших

намеков на то, что Юрия отравили. Когда спустя четырнадцать лет, в январе 1171 года, в Киеве скончается сын Юрия Глеб, слухи о его насильственной смерти попадут на страницы летописи: брат Глеба Андрей потребует выдать ему на расправу трех киевлян, «яко те суть уморили брата моего Глеба, а то суть ворозе всим нам»{352}. Если бы Юрий действительно был отравлен, Андрей, наверное, не преминул бы вспомнить об этом.

Так или иначе, но болезнь князя оказалась смертельной. Вечером 15 мая («в среду на ночь») Юрий Долгорукий скончался. Наутро следующего дня, 16 мая, его похоронили в Спасо-Преображенской церкви пригородного монастыря Святого Спаса на Берестовом.

Этот храм прежде уже служил усыпальницей для представителей семейства Владимира Мономаха — только не мужской, а женской его части: в 1138 году здесь была похоронена сестра Юрия княгиня Евфимия Владимировна, бывшая недолгое время венгерской королевой. Теперь «в церкви у Спаса Святаго на Берестовемь»[137] нашел свое последнее пристанище правящий киевский князь.

«…Заутра в четверток собравшеся архиереи со свещенники и диаконы и со множеством народа со благохвальными песньми, яко же лепо князем, честне положиша тело его в церкви Святого Спаса на Берестовом в монастыри» — такие слова читаем в княжеском помяннике, входящем в состав особой редакции Киево-Печерского патерика, составленной печерским архимандритом Иосифом Тризной в середине XVII века{353}. Так представляли себе церемонию княжеского погребения спустя несколько столетий. Но едва ли это описание соответствует действительности. Сделать все так, «яко же лепо князем», кажется, не удалось. Судя по летописи, Юрия хоронили с явной, можно даже сказать неприличной, поспешностью. В ночь на четверг он скончался, а уже «заутра» только-только остывшее тело опускали в каменный саркофаг.

Погребение на следующий день было в обычае древней Руси. Но в данном случае для спешки имелись особые причины. Смерть князя вскрыла то глубокое противоречие между ним и киевским обществом, о котором мы только что говорили. Не имевший поддержки в среде киевского боярства, Юрий опирался в своей политике исключительно на представителей собственной администрации, прежде всего на тех людей, которые вместе с ним пришли из Суздальской земли. Даже его предсмертное «пирование» можно рассматривать как свидетельство — пускай и косвенное — его социальных предпочтений. Он устраивает пир — но пирует не у воеводы, не у киевского тысяцкого, а у

«осмянника» Петрилы. Как явствует из названия должности, этот человек занимался сбором в пользу князя особой торговой пошлины — «осмничего»[138]. И вряд ли мы ошибемся, если предположим, что именно эта сторона деятельности княжеской администрации — сбор податей и налогов — более всего интересовала князя, нуждавшегося в огромных денежных средствах для того, чтобы сохранить за собой киевский стол и нейтрализовать агрессивные намерения своих противников.

Выходцы из Суздальской земли не имели корней в Киеве, не были связаны родственными узами с представителями местного общества, а потому могли более решительно соблюдать интересы своего князя. Разумеется, не забывая при этом и о собственных корыстных интересах. Из рассказа о событиях, последовавших за смертью Юрия, можно сделать вывод о том, что суздальцы обосновались не только в самом Киеве, но и в ближней округе, в том числе и в селах — может быть, розданных им киевским князем. И здесь, как и в самом городе, их деятельность вызывала всеобщее озлобление местного населения.

…Тема ответственности князя за действия своих приближенных относится к числу наиболее обсуждаемых в древней Руси. С одной стороны, во всех ошибках и промахах князя чаще всего винили его корыстолюбивых советников, бояр. («Не огнь творит ражежение железу, но надымание мешное (то есть мехи. — *А.К.),* — как всегда образно выражался Даниил Заточник. — Такоже и князь не сам впадает в вещь (в грех. — *А.К.),* но думци вводят»{354}.) Но с другой стороны, имелась и обратная зависимость: князь отвечал за все, что совершалось его слугами и вельможами, и принимал на себя любое их прегрешение. Причем отвечал не только перед людьми, но и перед Богом. Живший во второй половине XIII века полоцкий князь Константин Безрукий спросил однажды своего епископа Симеона, желая укорить за что-то собственного тиуна: «Владыко, где быти тиуну на оном свете?» — «Где и князю» — прозвучал ответ. А видя недоумение князя, епископ пояснил: «Аже будет князь добр, богобоин (богобоязнен. — *А.К.),* жалует людий, правду любит, — исбирает тиуна… мужа добра и богобоина, страха Божия полна, разумна, праведна, по закону Божию все творяща и суд ведуща. И князь в рай, и тиун в рай. Будет ли князь без Божия страха… — поставляет… человека зла, Бога не боящася и закона Божия не ведуще и суда не разумеюще, толико того деля, абы князю товара добывал, а людий не щадит… Князь во ад и тиун с ним во ад»{355}.

Кажется, Юрий мало задумывался об этом. Его тиунов никак нельзя было отнести к «добрым и богобоязненным», «по закону

Божию все творящим и суд ведущим». По словам В.Н. Татищева, киевляне, избивая суздальцев, приговаривали так: «Вы нас грабили и разоряли, жен и дочерей наших насиловали, и несть нам братия, но неприятели»[139]. (Правда, насколько можно доверять этим обвинениям, неизвестно; не исключено, что и здесь мы имеем дело с домыслами и догадками историка XVIII века.) Может быть, князь и не принимал личного участия в творимых беззакониях. Но тот же епископ Симеон сравнивал правителя, дающего волю своим слугам «губити люди», с тем, кто «бешена человека пустил на люди, дав ему меч».

Природа социальных взрывов всегда одинакова. Сильнее всего людей возбуждает ясно очерченный образ врага, желательно находящегося в пределах досягаемости, — и чем яснее и определеннее обозначен враг, тем выше градус всеобщего возбуждения и тем страшнее и, увы, предсказуемее последствия. Как и шесть с лишним лет назад, враг был обозначен очень ясно и отчетливо — чужаки, суздальцы, пришедшие в Киев вместе с князем Юрием. И потому ненависть киевлян обрела очень четкую направленность. «И много зла створися в ть день, — рассказывает киевский летописец о событиях, разыгравшихся в самый день похорон князя, — розграбиша двор его Красный, и другыи двор его за Днепром разъграбиша, его же звашеть сам Раем, и Василков двор, сына его, разграбиша в городе, [и] избивахуть суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче».

В литературе уже писалось о том, что в посмертном разграблении имущества Юрия Долгорукого и его дружины, равно как и в других подобных эксцессах, сопровождавших смерть отдельных киевских князей (в частности, Святополка Изяславича или Всеволода и Игоря Ольговичей), проявились «традиционные нравы, уходящие корнями в архаику» и имеющие во многом ритуальную основу. По словам И. Я. Фроянова, речь может идти о неком «легитимном (в рамках обычного права) способе изъятия индивидуального богатства и перераспределения его на коллективных началах»{356}. Говоря по-другому, киевляне считали свои действия законными — в глубокой древности смерть правителя, князя или вождя, превращала накопленное им богатство в достояние всей общины или всего рода, и теперь, грабя княжеские дворы, киевляне как бы восстанавливали древний обычай.

В социальных конфликтах так бывает почти всегда: их участники стремятся найти оправдание любому своему действию, порой реанимируя отживающие древние ритуалы. В данном случае главным, несомненно, был социальный и политический аспект конфликта между киевлянами и князем, а также

киевлянами и «пришлецами» из Киева[140]. Но так же несомненно и то, что Юрий и его приспешники воспринимались в Киеве и киевской округе именно как «пришлецы», чужаки, на которых мог быть распространен жестокий обычай (в отношении «своих» князей он, по-видимому, уже не действовал). И это придавало киевскому восстанию не вполне привычные для нас формы.

…Изяслав Давыдович вступил в Киев на третий день после похорон, 19 мая, «в неделю пянтикостьную», то есть в день Святой Троицы, или Пятидесятницы{357}.[141] Произнесенные им накануне во всеуслышание слова молитвы («Благословен еси, Господи, оже мя еси росудил с ним смертью, а не кровопролитьем») были искренними и отражали общий взгляд на произошедшее: Изяслав становился киевским князем не в результате войны со своим «братом», не в результате кровопролития, но в результате несомненного вмешательства Высшей силы, по-своему рассудившей спор между князьями. А потому киевляне встречали его с воодушевлением, забыв о прежней неприязни к представителям черниговской ветви князей Рюриковичей, — точно так же, как два года назад они встречали Юрия, забыв о вражде, которую питали к нему.

По свидетельству Никоновской летописи, Изяслав успел принять участие в расправе с оставшимися в городе приверженцами Юрия: «вся имениа его взят, и дружину его пойма: овех оковы железными связа, а других в темницы всади, и сяде на столе на великом княжении в Киеве»[142]. Как всегда, имущество побежденных служило своего рода залогом лояльности местного населения к победителям…

* * *

Так бесславно закончилось последнее киевское княжение Юрия Долгорукого. Из его сыновей в Южной Руси сумеет удержаться один лишь Глеб, княживший в Переяславле. Этот город и впоследствии останется во владении суздальских Юрьевичей, превратится в форпост их влияния на юге. Остальные князья «Мономахова племени» вынуждены будут признать это как свершившийся факт. (Таков один из ощутимых результатов «южной» политики Юрия Долгорукого.) Борису же и Васильку Юрьевичам придется бежать в Суздальскую землю, к старшему брату Андрею. Здесь же окажется и супруга Юрия с малолетними Михалком и Всеволодом.

В том же 1157 году — вероятно, по истечении сорокадневного траура по Юрию[143] — Андрей официально будет

провозглашен князем — причем не только суздальским и ростовским, но и владимирским. (Владимир станет при нем не просто вровень со старыми центрами Северо-Восточной Руси, но сделается новой столицей княжества.) «Том же лете сдумавши ростовци и суждальци и володимирци вси, — рассказывает киевский летописец, — пояша Андрея, сына Дюргева стареишаго, и посадиша и на отни столе Ростове, и Суждали, и Володимири, зане бе прилюбим всим за премногую его добродетель, юже имеяше преже к Богу и к всим сущим под ним. Тем же и по смерти отца своего велику память створи: церкви украси, и монастыри постави, и церковь сконца (завершил. — *А.К.),* иже бе заложил переже отець,.».{358}

Андрею и суждено было стать продолжателем дела отца — прежде всего в том, что касалось дальнейшего экономического, политического и духовного развития Северо-Восточной Руси, становления государственности, строительства церквей, украшения градов. Но, в отличие от отца, Андрей питал неприязнь к Киеву. Весной 1169 года посланное им войско одиннадцати князей во главе с его сыном Мстиславом и воеводой Борисом Жидиславичем подвергнет Киев страшному разорению. Это событие ознаменует окончательное падение роли Киева как общепризнанной столицы Русского государства. Андрей даже и не подумает о том, чтобы самому воссесть на «златой» киевский стол, но передаст его своему младшему брату Глебу. Так, по выражению В. О. Ключевского, «старейшинство» окончательно отделится от «места»{359}: «старейшим» в роде князей Рюриковичей будет теперь совсем не обязательно киевский князь, а киевский престол займет заведомо младший.

Андрея Боголюбского и Юрия Долгорукого обыкновенно противопоставляют друг другу. Но если говорить о их политике в целом, то нельзя не увидеть и то, что, несомненно, объединяло отца и сына, — стремление утвердить свою власть, свое «старейшинство» в Русской земле, предотвратить превращение Киева в наследственное владение старшей ветви князей «Мономахова племени». При единстве целей различны были методы: Юрий стремился сам утвердиться в Киеве, на «старейшем» русском престоле; Андрей же еще при жизни отца решительно отказался от этой политики и в конце концов добился того, что уже суздальский стол стал восприниматься как один из «старейших» среди прочих княжеских престолов. Но это стало возможным лишь благодаря той неутомимой борьбе за Киев, которую в течение четверти века вел его отец. Ценой величайшего напряжения сил, можно даже сказать ценой собственной жизни, Юрий доказал историческую

бесперспективность избранного им пути. И только опираясь на его опыт, на достигнутый им результат, только заплатив ту цену, которую заплатил он, можно было отказаться и от избранного им пути, и от достигнутого им результата. «Опыт Юрия, — писал по этому поводу А. Е. Пресняков, — показал, что киевское старейшинство разбито, что вместо всей Русской земли оно имеет некоторое значение лишь для Киевщины, что оттуда нельзя уже ждать подъема силы, действительно грозной для обособившихся княжений. Значительное влияние в среде княжеской не требовало владения Киевом: напротив, и то, и другое являлось результатом действия сил, накопленных в своем княжении князьями, которые имели такую опору… Так была подготовлена и обусловлена политика Андрея»{360}.

Но при этом нельзя забывать о том, что умер Юрий именно киевским князем. Тем самым он значительно повысил в глазах всего русского общества статус и своего старшего сына Андрея, и прочих своих сыновей и внуков, обеспечил им право на «старейшинство» в Русской земле. Киев, от которого Андрей добровольно откажется ради княжения в своей земле, будет все равно восприниматься как «отчина» и «дедина» и его самого, и его младшего брата Всеволода, и других Юрьевичей: об этом будут помнить и в конце XII века, и позже[144]. Ну и, конечно, нельзя забывать о том, что само превращение Андрея, а затем его младшего брата Всеволода в сильнейших русских князей своего времени стало возможным только благодаря тому, что они в своей политике смогли опереться на экономический и людской потенциал Северо-Восточной Руси, накопленный в княжение их отца. И в этом они явились уже прямыми продолжателями его дела.

* * *

Бедный Юрий… Если бы он только мог знать, *что* именно прославит его имя в веках! Не победы на поле брани (которых, правда, было меньше, чем поражений), не то, что он достиг-таки киевского престола и умер киевским князем, не мирный договор с половцами и не союз с Царырадом. Нет, «обед силен», данный им когда-то на берегах реки Москвы своему союзнику Святославу Ольговичу, — вот что сделало его имя известным каждому школьнику. Величественный памятник на Тверской, возведенный к 800-летию Москвы (между прочим, первый в советские годы памятник князю и «феодалу»!), чеканный профиль на юбилейных медалях и монетах, атомная подводная лодка, названная его

именем… С конца 40-х годов XX века князь Юрий Долгорукий — основатель Москвы — вошел в некий, строго очерченный пантеон великих русских государственных деятелей и полководцев, в котором он пребывает и по сей день.

Не раз приходилось слышать, что слава князя незаслуженна: и основателем Москвы он будто бы не был, и как политический деятель ничем особенным себя не проявил. Что ответить на это? Разве что пожать плечами. Ну, во-первых, основателем Москвы — с известными оговорками, правда, — Юрия Долгорукого назвать можно: во всяком случае, первая московская крепость, как мы видели, была построена в годы его княжения и, скорее всего, по его распоряжению; а ведь это и делает город городом. Да и первое упоминание Москвы в летописи — причем именно в связи с его политической деятельностью — факт далеко не случайный и многого стоит. А во-вторых… Думаю, не нам решать, что справедливо, а что нет, особенно когда речь идет об исторической памяти. Даже в тех случаях, когда память эта искусственно смоделирована кем-то и мы имеем дело с мифотворчеством — причем не важно, какого времени.

В том, что у большинства людей имя Юрия Долгорукого прочно ассоциируется с первым упоминанием Москвы в летописи, есть некая глубокая закономерность. Больше того, в этом, можно сказать, главный урок его биографии.

Юрий до конца своих дней оставался прежде всего политиком. И его биография — это биография политика, политика до мозга костей. Всю жизнь он посвятил достижению одной-единственной, четко поставленной цели и в конце концов осуществил мечту своей жизни, став киевским князем. Его биография — это биография политика целеустремленного, последовательного и, главное, удачливого в плане достижения своей цели.

Но в истории — повторимся еще раз — так бывает почти всегда. Не та цель, которую мы ставим перед собой, и даже не та, которой мы в конце концов добиваемся, остается после нас — но то, *как* именно мы добиваемся ее, на что готовы пойти и на что идем ради ее осуществления, чем готовы пожертвовать и что, напротив, останавливает нас в ее достижении.

Княжение в Суздале было для Юрия делом побочным, особенно поначалу, когда он вообще готов был отказаться от него ради княжения в ближнем к Киеву Переяславле. Суздальская земля представлялась ему окраиной, захолустьем — да она и была такой, когда он начал княжить здесь! Он нуждался в ней лишь постольку, поскольку нуждался в базе, необходимой для продолжения войны за Киев. А потому он и заботился о

доставшемся ему уделе, возводил здесь города, строил укрепления, организовывал более четкую систему управления, взимания податей и налогов. Но «побочный» результат его политической деятельности обернулся главным его историческим завоеванием. И в историю он вошел прежде всего как создатель самостоятельного Суздальского княжества, предтечи будущей Великороссии. И то, что одному из множества городов, основанных им или впервые упомянутых при нем в источниках, со временем выпало стать столицей всего объединенного Русского государства, явилось прямым результатом последующего развития Северо-Восточной Руси.

«…И почему было Москве царством быть, и кто то знал, что Москве государством слыть?» — таким вопросом задавался московский книжник XVII века, автор «Повести о за-чале царствующего града Москвы». А никто, конечно, и не знал и не мог знать. Стольным городом Русского царства, «Третьим Римом», могли оказаться и Тверь, и, скажем, Переяславль-Залесский или какой-нибудь Дмитров. При определенных обстоятельствах, разумеется. Но вот ведь парадокс: все три названных города также основаны князем Юрием Долгоруким. (В отношении Твери об этом можно говорить предположительно; о Переяславле же и Дмитрове известно точно.)

Наверное, можно сказать, что по масштабу своей личности Юрий Долгорукий уступал и своему отцу Владимиру Мономаху, и своему сыну Андрею Боголюбскому. Возможно, его биография менее интересна, более однообразна, скучна, однопланова — военные походы и подготовка к ним составляют ее преимущественное содержание и почти все сводится к борьбе за Киев. Но масштаб личности не всегда напрямую определяет значимость той или иной фигуры, ее место в истории.

Юрию Долгорукому довелось княжить на переломе эпох. При том, что прожил он долгую жизнь, его политическая биография — во всяком случае, известная нам ее часть — продолжалась ровно четверть века — с 1132 года, когда он впервые вмешался в борьбу южнорусских князей, по 1157 год. А эти годы — особые в истории Руси. Именно 1132 годом — хотя, конечно, и условно — историки завершают эпоху Киевской Руси и начинают новый — удельный — период нашей истории. И первые четверть века — несомненно, наиболее темный, наиболее запутанный и непонятный его отрезок. Большинству людей, даже искушенных в знании событий русской истории, эти годы представляются сплошной чередой бесконечных и по большей части бессмысленных войн, когда каждый воевал с каждым, с легкостью преступал крестное целование, нарушал мир, наводил на Русскую землю половцев и,

не задумываясь, предавал огню и мечу собственные города и села. Но в истории нет ничего бессмысленного. Все имеет свои причины, равно как и свои последствия и свою цену. И личность Юрия Долгорукого — одного из главных героев этого исторического промежутка — позволяет лучше понять, что двигало тогда русскими людьми и что вообще переживала Русь в этот переломный момент своей истории.

Как и большинство князей того времени, Юрий не был ни бездумным искателем приключений, ни беспринципным властолюбцем, готовым на все ради завоевания киевского престола. Его войны за Киев отнюдь не бессмысленны. Как мы видели, стремясь к «златому» киевскому престолу, он отстаивал те принципы, которые считал справедливыми, которые делали законными его права на первенство среди прочих русских князей. От большинства других претендентов на киевский стол его отличала, пожалуй, лишь бо́льшая целеустремленность.

Войны Юрия — это яркая страница нашей ранней истории. Они показывают, насколько сложно и болезненно совершался переход к новому удельному строю. Его княжение в Киеве, в особенности третье, — одна из последних попыток восстановить значение киевского престола, сохранить целостность Киевской державы, вернуть традиционные взаимоотношения между князьями на основе строго определенного места, занимаемого каждым в некой идеальной княжеской семье. Но именно в его княжение обнаружились и полная исчерпанность тех принципов, на которые опирались князья — и в первую очередь сам Юрий! — в борьбе за киевский стол, и несоответствие старого государственного порядка реалиям новой жизни. Именно в его княжение — и во многом в результате его усилий! — окончательно вызрели условия для становления и развития новых самостоятельных княжеств, а значит, и для последующего экономического, политического и культурного расцвета, который мы наблюдаем в большинстве русских земель — и в Галиче, и на Волыни, и в Новгороде, Пскове, Смоленске, Рязани, Турове, Полоцке, Чернигове, Новгороде-Северском, и, конечно же, в Суздале, Ростове, Владимире-Залесском, Переяславле, Юрьеве. Наверное, можно сказать и так: без энергии, целеустремленности и политического напора Юрия этот процесс грозил затянуться, принять иные — возможно, еще более болезненные — формы, а развитие русских земель, и прежде всего Северо-Восточной Руси, — пойти совсем по другому пути. И это заставляет нас с полным основанием поставить Юрия Долгорукого в один ряд с теми выдающимися деятелями нашей истории, которые, собственно говоря, и определили ее главное, магистральное направление.

P. S. О СУДЬБЕ ОСТАНКОВ

Судьба останков Юрия Долгорукого заслуживает отдельного разговора. Попытки их обнаружения предпринимались неоднократно, уже в советское время. Так, в преддверии 800-летия Москвы, широко отмечавшегося в 1947 году, по личному распоряжению Сталина в Киев были отправлены археологи и антропологи (в том числе выдающийся антрополог, автор скульптурных реконструкций многих деятелей русского Средневековья М. М. Герасимов) с целью выявить костные останки основателя Москвы и восстановить по ним его внешний облик. Эта затея не увенчалась успехом — останки Юрия найдены не были. Тем не менее тогда же на предполагаемом месте погребения князя, в центре храма, было установлено надгробие из полированного темно-серого камня с двумя надписями: «Здесь похоронен Юрий Владимирович Долгорукий, основатель Москвы. 1090—1157»; и, на цоколе: «Сооружено в ознаменование 800-летия Москвы трудящимися Киева 7 сентября 1947 года»{361}.

Ныне, однако, этот саркофаг признается фикцией. Но где же тогда похоронен Юрий?

Казалось, решение вопроса было найдено в самое недавнее время.

В 1989 году в ходе археологических изысканий в культурно-историческом заповеднике «Киево-Печерская лавра», у стен церкви Спаса на Берестовом, на расстоянии 3,5 метра от центральной апсиды храма, киевский археолог В. А. Харламов обнаружил саркофаг из пирофилитового сланца (овручского шифера), в котором находился скелет очень плохой сохранности{362}. От проникновения в саркофаг воды череп и отдельные кости верхней части скелета превратились в труху. Антропологическая и судебно-медицинская экспертиза показала, что кости принадлежат мужчине ростом около 160 сантиметров (что немного ниже среднего роста для XII века), умершему в возрасте 65—70 лет. Возраст соответствует тому, в котором умер Юрий Долгорукий. Сразу же было высказано предположение, вскоре превратившееся в уверенность, что останки принадлежат именно ему.

Но это открытие оказалось не последним. В 1990 году в 14,5 метра от первого саркофага был обнаружен еще один, в котором находились два скелета, расположенные в анатомическом порядке; рост обоих — около 170 сантиметров. Черепа обоих скелетов рассыпались на мелкие обломки, большинство костей нижнего скелета также превратились в труху. В отношении этих

находок экспертиза не проводилась.

Судьба тех останков, которые связывают с именем Юрия Долгорукого, остается плачевной. Что делать с ними, никто толком не знает. До настоящего времени они хранятся в помещении Института археологии Национальной академии наук Украины на территории Киево-Печерской лавры в простом картонном ящике из-под посылок. Надпись на ящике гласит: «Саркофаг № 1. Кости захоронения Юрия Долгорукого».

Но действительно ли эти кости принадлежат киевскому князю? На этот счет, увы, могут быть высказаны обоснованные сомнения.

Прежде всего, в Берестовской церкви ранее уже находили древние саркофаги. Так, еще во время первых раскопок в 60-е годы XIX века у северной и южной стен храма были обнаружены как минимум два погребения{363}. В 1909—1914 годах внутри самой церкви, в северной части нартекса (притвора) было найдено еще одно, полностью разграбленное погребение, предположительно принадлежавшее князю. Именно тогда проводивший изыскания известный археолог и архитектор П. П. Покрышкин пришел к выводу, что левое помещение нартекса представляет собой княжескую усыпальницу{364}. Из летописи известно о трех захоронениях в Спасоберестовском монастыре. О двух — княгини Евфимии Владимировны и Юрия Долгорукого — мы уже говорили[145]. В 1171 году рядом с отцом был похоронен сын Юрия Глеб, князь киевский. Вполне возможно, что какие-то из перечисленных выше погребений принадлежат названным лицам. Но какие именно и каким лицам, сказать, к сожалению, невозможно, тем более что материалы раскопок XIX — начала XX века не сохранились. Кроме того, погребения, обнаруженные в конце 1980-х годов, находятся вне стен древнего здания. Это также свидетельствует против принадлежности хотя бы одного из них Юрию, поскольку большинство летописей вполне определенно сообщают о том, что он был похоронен внутри церкви[146].

Итак, найденные в 1989 году останки совсем не обязательно являются останками Юрия Долгорукого. Но и исключать такую возможность полностью тоже нельзя!

Может ли быть внесена ясность в этот вопрос? Наверное, может. Не исключены новые находки — как в самой церкви, так и вне ее; к каким-то более или менее определенным результатам может привести новое всестороннее исследование всего доступного материала с привлечением российских и зарубежных специалистов. И тогда — если вдруг, паче чаяния, вывод о принадлежности одного из погребений Юрию Долгорукому

подтвердится — мы сможем наконец сделать то, что является нашей прямой обязанностью и нашим христианским долгом по отношению к великому предку, — предать останки земле. Ибо уж что-что, а быть похороненным по-христиански князь Юрий Долгорукий, несомненно, заслужил.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КНЯЗЯ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ДОЛГОРУКОГО

Ок. 1096? — рождение Юрия (Георгия), шестого сына князя Владимира Всеволодовича Мономаха.

1107, 7 мая — смерть матери.

1108, 12 января — вступление в брак с половецкой княжной, дочерью хана Аепы и внучкой хана Осеня (Асиня).

Зима — поездка с отцом и женой в Ростовскую землю.

1120— поход на Волжскую Болгарию.

1125, 19 мая — смерть Владимира Мономаха. Юрий присутствует при погребении отца в Софийском соборе в Киеве.

1128— строительство церкви Святого Георгия во Влади мире-Залесском (?).

1129/30— на средства тысяцкого Георгия Шимоновича в киевском Печерском монастыре окована рака преп. Феодосия Печерского. По всей вероятности, Юрий Долгорукий присутствует при этом событии.

1132, 14 (15) апреля — смерть князя Мстислава Владимировича.

Ранее 15 августа — Юрий вместе с братом Андреем изгоняет из Переяславля своего племянника Всеволода Мстиславича. Восьмидневное княжение Юрия в Переяславле.

Зима — участие в съезде братьев Мономашичей, созванном Ярополком для разрешения переяславского кризиса.

1134 — Юрий заключает договор с Ярополком, по которому получает Переяславль, а взамен отдает брату Ростов и Суздаль и «прочую волость свою, но не всю».

Лето — поход вместе с братьями Ярополком и Андреем к Чернигову против князя Всеволода Ольговича.

1134/35, зима — по условиям мира, заключенного Ярополком Владимировичем и Всеволодом Ольговичем, Юрий оставляет Переяславль своему брату Андрею и возвращает себе Суздальскую землю.

1135, 26 января — битва новгородцев и суздальцев на Ждане-горе.

8 августа — поражение Ярополка, Юрия и Андрея Владимировичей от Всеволода Ольговича на Супое, близ Переяславля.

После 1135 — основание города Кснятина в устье Нерли

Волжской и строительство там церкви[147]. Строительство других городов на Волге.

1135/36, зима — Юрий вместе с братом Андреем помогает Ярополку отразить нашествие Ольговичей на Киев.

1136, 12 января — заключение мира между Ярополком Владимировичем и Всеволодом Ольговичем.

Не позднее 1136/37 — второй брак Юрия.

1138, 10 мая — новгородцы принимают на княжение сына Юрия Ростислава.

1139, 18 февраля — смерть князя Ярополка Владимировича.

22 февраля — киевский стол занимает князь Вячеслав Владимирович. 5 *марта* — киевский стол занимает князь Всеволод Ольгович.

Лето — Юрий едет в Смоленск и вместе с племянником Ростиславом Мстиславичем готовится к походу на Киев.

7 *сентября* — Ростислав Юрьевич бежит из Новгорода к отцу в Смоленск. Юрий возвращается в Суздаль и по дороге занимает Новый Торг.

1141, 26 ноября — Ростислав Юрьевич вторично занимает новгородский стол.

Зима — князь Всеволод Ольгович захватывает Городец Остерский и другие «Юрьевы города» в Южной Руси.

1142, январь — Ростислав Юрьевич схвачен новгородцами и посажен на «епископском дворе».

22 января — смерть князя Андрея Владимировича Доброго.

19 апреля — в Новгород вступает князь Святополк Мстиславич; Ростислав отпущен к отцу в Суздаль.

1143, 1 января — в Переяславле садится на княжение Изяслав Мстиславич.

1143/44, зима — Юрий принимает в Суздале своего племянника Изяслава Мстиславича, однако мирный договор между ними так и не заключен.

1146, 30 июля (или 1 августа) — смерть князя Всеволода Ольговича. Киевское княжение получает его брат Игорь.

13 августа — победа Изяслава Мстиславича над Игорем; Изяслав занимает киевский стол.

Осень — князь Святослав Ольгович обращается к Юрию с просьбой о помощи.

Ноябрь или декабрь (ранее 25 декабря) — Юрий выступает в поход на помощь Святославу Ольговичу, но, дойдя до Козельска, получает известие о том, что его собственные земли разоряет рязанский князь Ростислав Ярославич. Юрий поворачивает обратно, а к Святославу Ольговичу направляет своего сына Ивана с частью войска. Иван Юрьевич получает от Святослава

(номинально) город Курск и Посемье.

1147, январь-февраль — Юрий посылает своих сыновей Ростислава и Андрея к Рязани против князя Ростислава Ярославича.

24 февраля — смерть сына Юрия Долгорукого Ивана. Юрий посылает за его телом своих сыновей Бориса и Глеба.

Начало весны — Юрий захватывает Новый Торг и Помостье (земли по реке Мете) в Новгородской земле. Святослав Ольгович по его приказанию разоряет смоленские волости.

3—5 апреля — Юрий принимает в Москве Святослава Ольговича, его сына Олега и племянника Владимира Святославича. (Первое упоминание Москвы в летописи.)

Лето (?) — Юрий направляет на помощь Святославу Ольговичу своего сына Глеба.

Конец лета — начало осени — Юрий заключает мир с черниговскими князьями, ставшими теперь союзниками Святослава Ольговича, — Владимиром и Изяславом Давыдовичами и Святославом Всеволодовичем — о совместных действиях против Изяслава Мстиславича.

19 сентября — убийство в Киеве князя-инока Игоря Ольговича.

Конец лета — осень — сын Юрия Глеб при поддержке Святослава Ольговича занимает Курск и некоторые другие города в Посемье; позднее — Городец Остерский. Князь Святополк Мстиславич с новгородцами выступает против Юрия, но из-за распутицы возвращается от Нового Торга.

Конец осени — зима — Глеб Юрьевич предпринимает неудачную попытку захватить Переяславль.

1148— посольство к Юрию черниговских князей: они угрожают разрывом в случае, если Юрий не окажет им помощь. Юрий посылает на юг своего сына Ростислава, однако тот переходит на сторону киевского князя Изяслава Мстиславича. Изяслав передает ему Бужск, Межи божье и другие города, а также Городец Остерский, откуда выгоняет Глеба Юрьевича.

Конец августа — начало сентября — переговоры Юрия с новгородским архиепископом Нифонтом о мире. Юрий оказывает Нифонту почести, но заключить мир отказывается.

Осень (14 сентября?) — Изяслав Мстиславич принимает на съезде в Городце Остерском решение о начале войны с Юрием.

1149, февраль-март — поход объединенной рати Изяслава и Ростислава Мстиславичей вместе с новгородцами против Юрия. Противники захватывают Кснятин, Углич и другие города, доходят до Ярославля, но из-за распутицы возвращаются назад

(27 марта). Конец весны — лето — Изяслав Мстиславич

изгоняет из Киева сына Юрия Долгорукого Ростислава. Тот возвращается к отцу в Суздаль.

24 июля — Юрий выступает в поход против Изяслава Мстиславича.

6 августа — встреча Юрия со Святославом Ольговичем в Ярышеве (в Вятичской земле). Юрий занимает Вьяхань, подходит к Белой Веже Остерской и затем направляется к Переяславлю.

23 августа — победа Юрия у Переяславля над полками Изяслава Мстиславича и его союзников.

28 августа (?) — вступление Юрия в Киев. Первое киевское княжение Юрия.

1150, первая половина января — Юрий вместе с сыновьями и «дикими» половцами выступает в поход на Волынь, против Изяслава Мстиславича и союзных ему венгров и поляков.

Январь — переговоры с Изяславом Мстиславичем в Пересопнице.

8 февраля — битва у Луцка. Начало осады города.

Около 20 марта — князья заключают в Пересопнице мирный договор, по которому Юрий сохраняет Киев, но отказывается от «новгородских даней».

Весна — Юрий выдает одну из своих дочерей замуж за князя Олега, сына Святослава Ольговича, а другую, Ольгу, — за князя Ярослава, сына Владимирка Галицкого.

Конец весны — начало лета — наступление Изяслава Мстиславича на Киев.

Около 5 июня (?) — Юрий вместе с сыновьями бежит в Городец Остерский. Оттуда он обращается за помощью к черниговским князьям, Владимирку Галицкому и половцам.

Конец августа — начало сентября — Юрий вместе с черниговскими князьями подступает к Киеву и, соединившись у Ольговой могилы с князем Владимирком Галицким, вступает в город и во второй раз садится на киевский стол.

Около 14 сентября — сын Юрия Андрей заключает мир с половцами около Переяславля.

1151, конец февраля (?) — Изяслав Мстиславич начинает военные действия против Юрия.

Конец марта (ранее 2 апреля) — Юрий вторично бежит из Киева. Киевский престол занимает Изяслав Мстиславич.

6 апреля — смерть в Переяславле старшего сына Юрия Ростислава.

Около 23 апреля — Юрий встречается в Городце Остерском со своими союзниками Святославом Ольговичем и Владимиром Давидовичем.

Конец апреля — первая половина мая — битва на Днепре:

Юрий со своими союзниками и «дикими» половцами форсирует Днепр у Заруба и подступает к Киеву. Сражение на Лыбеди заканчивается поражением Юрия; он отступает к Белгороду и далее к Перепетому полю.

Вторая половина мая — начало июня — битва на Руте, завершившаяся тяжелым поражением Юрия и его союзников. Юрий с сыновьями отступает в Переяславль.

17 июля — сражение у Переяславля, завершившееся поражением Юрия. Начало переговоров Юрия с Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем.

24 июля — заключение договора с Изяславом и Вячеславом, по которому Юрий обязался покинуть Южную Русь, сохранив за своими сыновьями Переяславль. Юрий уходит в Городец Остерский.

Конец августа — сентябрь (?) — осада Городца. Юрий терпит очередное поражение и покидает Южную Русь. Изяслав Мстиславич отбирает у его сына Глеба Переяславль. Юрий направляется в Новгород-Северский, а оттуда — в Суздаль.

1152, начало весны — Изяслав Мстиславич вместе с черниговскими князьями сжигает Городец Остерский и «разводит» (уводит в плен) все его население.

Конец весны — лето (?) — нападение волжских болгар на Ярославль.

Осень — Юрий вместе с рязанскими князьями и «дикими» половцами выступает в поход к Чернигову. По пути заключает союз с князем Святославом Ольговичем и в течение 12 дней осаждает Чернигов. По получении известия о приближении войск Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича отступает от Чернигова в Суздальскую землю, оставив в Новгороде северском сына Василька.

Около 1152 — строительство церквей в Суздальской земле: Святых Бориса и Глеба в Кидекше, Святого Спаса в Суздале, Святого Георгия во Владимире, Святого Спаса в Переяславле-Залесском, Святого Георгия в Юрьеве. Перенесение на новое место города Переяславля «от Клещина»; основание Юрьева-Польского[148].

1153, зима (февраль?) — смерть князя Владимирка Володаревича Галицкого.

Февраль — Изяслав Мстиславич с союзниками осаждает Новгород-Северский и вынуждает Святослава Ольговича к миру. Князь Василько Юрьевич возвращается к отцу в Суздаль.

1154, лето — поход Юрия вместе с сыновьями в Вятичскую землю; из-

за начавшегося конского мора войско останавливается, не

доходя Козельска, и поворачивает обратно. Юрий посылает сына Глеба за помощью к половцам.

Юрий изгоняет рязанского князя Ростислава Ярославича и сажает на княжение в Рязань сына Андрея; однако Ростислав с половецкой помощью прогоняет его обратно в Суздаль и избивает суздальскую дружину.

19 октября — рождение у Юрия младшего сына Всеволода, в крещении Дмитрия. Основание города Дмитрова.

13 ноября — смерть князя Изяслава Мстиславича.

Начало декабря — киевский престол занимает Ростислав Мстиславич.

1154/55, конец декабря — начало января — смерть князя Вячеслава Владимировича. Юрий во главе своих полков выступает по направлению к Смоленску.

1155, январь — битва на реке Белоус; Ростислав Мстиславич терпит поражение от князей Изяслава Давидовича и Глеба Юрьевича и бежит в Смоленск. Изяслав Давыдович занимает киевский престол, а Глеб — переяславский.

30 января — сын Юрия Мстислав занимает новгородский престол. *Февраль (?)* — Юрий заключает мир с Ростиславом Мстиславичем у Зароя (Заруба?); по условиям этого мира Ростислав признает старейшинство дяди. Вскоре Юрий заключает мир с князьями Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодовичем. *Март (ранее 20-го)* — переговоры с Изяславом Давыдовичем завершаются тем, что последний покидает Киев.

20 марта — Юрий в третий раз занимает киевский стол. Его старший сын Андрей получает от него Вышгород, Борис — Туров, Глеб — Переяславль, Василько — Поросье.

Весна — Василько Юрьевич во главе войска берендеев отражает нападение половцев на Поросье. Однако мира с половцами Юрию достичь не удается.

Лето — осень — в Киев приезжает супруга Юрия с младшими сыновьями.

Юрий при посредничестве Ростислава Мстиславича заключает мир со своими внучатыми племянниками Мстиславом и Ярославом Изяславичами и оставляет им на двоих город Луцк. Юрий заключает мир у Лутавы с князем Изяславом Давыдовичем Черниговским и передает ему дополнительно город Коречск, а Святославу Ольговичу — Мозырь.

Осень — сын Юрия Андрей покидает отца и без его позволения уходит из Вышгорода во Владимир. С собой он увозит икону Божией Матери, получившую впоследствии название Владимирской.

1155/56, зима — сын Юрия Глеб женится (вторым браком) на

дочери князя Изяслава Давыдовича.

Сын Юрия Мстислав женится в Новгороде на дочери новгородского боярина Петра Михалковича (Анастасии?).

1156 — строительство крепости в Москве.

21 апреля — смерть новгородского архиепископа Нифонта.

Лето — осень — приезд в Киев митрополита Константина. Юрий заключает мир с половцами у Заруба, после чего возвращается в Киев.

Конец осени — начало зимы — поход Юрия в союзе с Ярославом Галицким на Волынь против князя Мстислава Изяславича. Попытка захватить Владимир-Волынский завершается неудачей: Юрий, «не створя мира», возвращается в Киев, а своего племянника Владимира Андреевича сажает на княжение в Дорогобуже.

1156/57, зима — смещение с кафедры ростовского епископа Нестора. Юрий переводит в Киев из Суздаля находящегося в заточении князя Ивана Ростиславича Берладника для передачи его Ярославу Галицкому, однако по ходатайству митрополита Константина и киевских игуменов возвращает его обратно в Суздаль. По дороге Берладника перехватывает князь Изяслав Черниговский.

1157, весна — новгородцы изгоняют из города сына Юрия Мстислава. Образование коалиции князей во главе с Изяславом Давыдовичем, направленной против Юрия.

Начало мая — князь Ростислав Мстиславич направляет на помощь Изяславу Давыдовичу своего сына Романа с дружиной; Мстислав Изяславич выступает к Киеву из Владимира-Волынского.

10 мая — пир у осмянника Петрилы, после которого Юрий тяжело заболевает.

15 мая — смерть Юрия Долгорукого в Киеве.

16 мая — погребение Юрия в киевском Спасском на Берестовом монастыре. В Киеве вспыхивает мятеж: разграблены дворы Юрия и его сына; киевляне избивают суздальцев в городе и округе и грабят их имущество.

19 мая — киевский престол занимает князь Изяслав Давыдович. Ростовцы и суэдальцы провозглашают своим князем сына Юрия Долгорукого Андрея Боголюбского.

СПИСОК КАРТ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ

Карта 1. Общая схема русских княжеств XII века (по И. А. Голубцову) — с. *13.*

Карта 2. Киевская и Переяславская земли (по А. Н. Насонову) — *с. 71.*

Карта 3. Черниговскосеверская земля, включая земли вятичей (по А. К. Зайцеву) — с. *131.*

Карта 4. Ростово-Суздальское княжество (по А. Н. Насонову) — с. *265.*

Карта 5. Схема московского Кремля — *с. 341.*

Карты 1—4 воспроизведены по изданию: *Рыбаков Б. Л.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М, 1982; карта 5 — по изданию: История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1997.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Святой великомученик Георгий. Икона второй половины XII в. (около 1170). Новгород.

Князь Владимир Всеволодович Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Князь Мстислав Владимирович. Мономах. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Обряд крестоцелования перед епископом. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

Святые князья-мученики Борис и Глеб. Икона середины XIV в., Москва.

Князь Ярополк Владимирович, брат Мстиславов. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

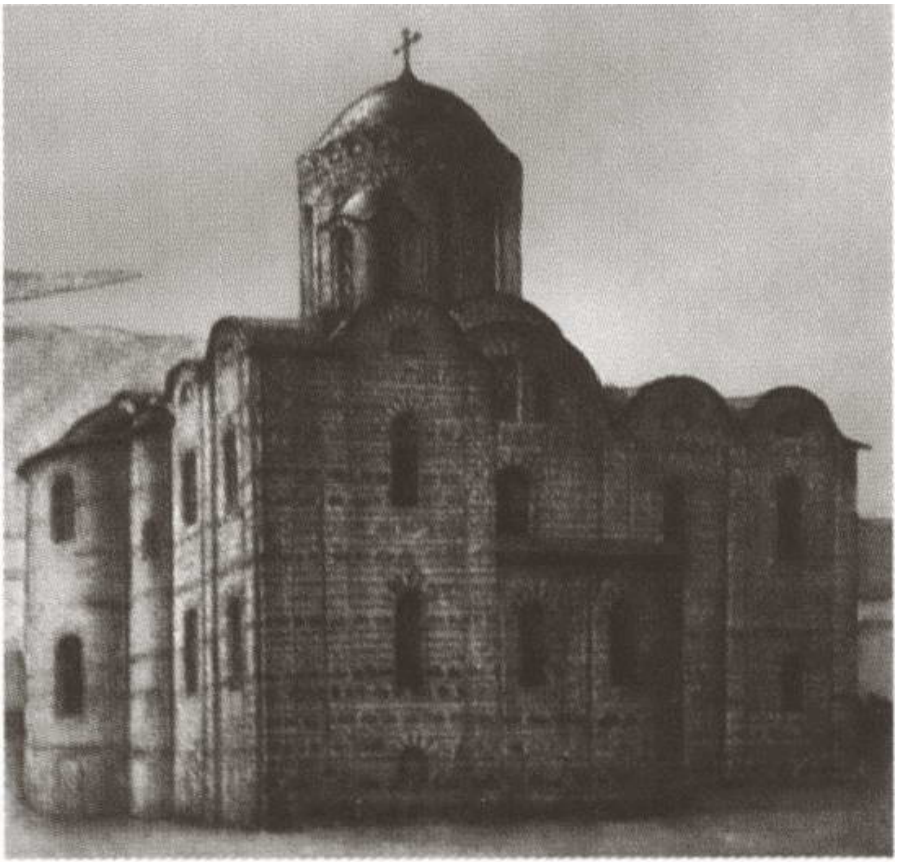
Князь Всеволод Ольгович. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

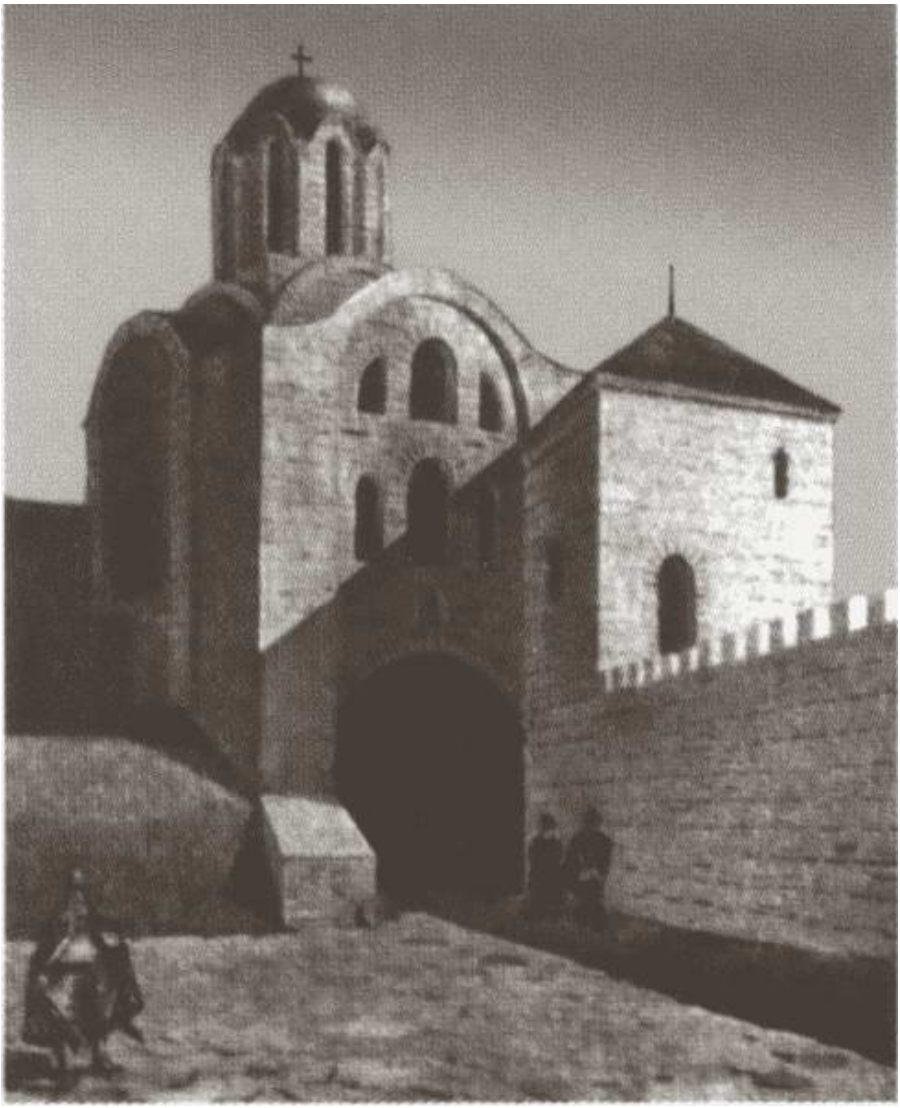
Князь Изяслав Мстиславич изгоняет Юрия Долгорукого из Переяславля. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в. Слева изображен лев — предполагаемый символ Юрия Долгорукого.

Серебряная чаша князя Владимира Давыдовича Черниговского с круговой надписью: «А се чара кня[жа] Володимирова Давыдовича. Кто из нее пьет, тому на здоровье, а хваля Бога [и] своего осподаря великого кня[зя]».

Собор Архангела Михаила в Переяславле Южном. Конец XI в. Реконструкция Ю.С. Асеева и В.А. Харламова.

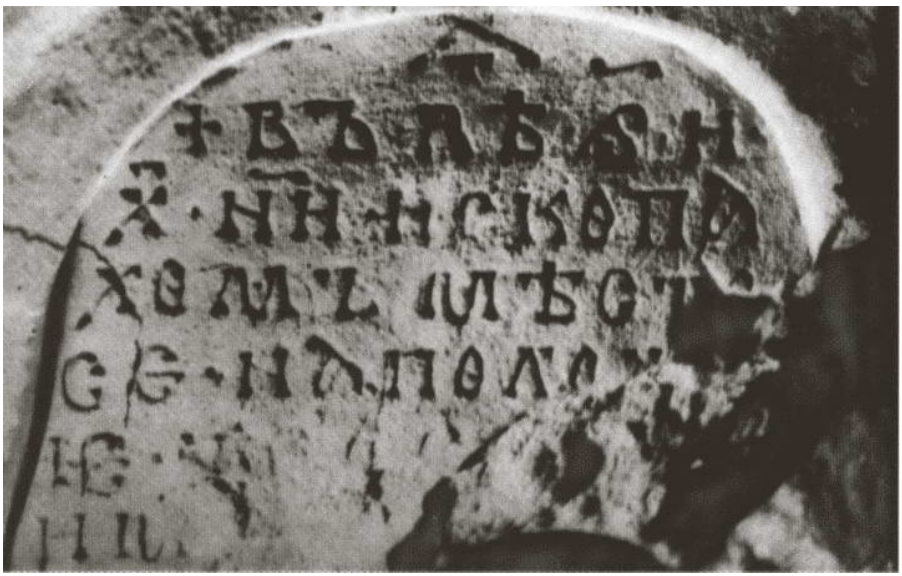
Надвратная церковь Святого Феодора в Переяславле Южном. Конец XI в. Реконструкция Ю. С. Асеева.

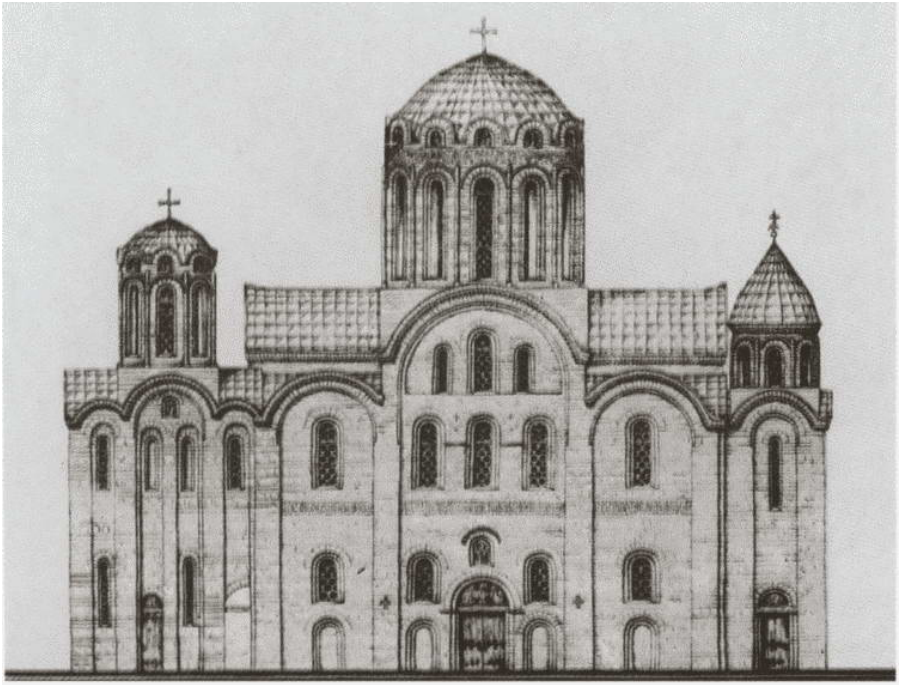
Белгородский епископ (предположительно епископ Максим). Антропологическая реконструкция М.М. Герасимова.

Киевский Выдубицкий Михайловский монастырь. Литография 1862 г.

Надпись 1150 года из Ближних пещер Киево-Печерской лавры над погребением неизвестного инока (предположительно бывшего игумена Тимофея): «Въ лето 6658 (1150) ископахом место се на положение] [тела] [Т]им[офея] (?)».

Церковь Успения Пресвятой Богородицы Киево-Печерского монастыря. Реконструкция И. В. Холостенко.

Князь Юрий Владимирович Долгорукий. Портрет из «Титулярника» 1672 г. (Российский государственный архив древних актов).

Святые воины Георгий и Феодор Стратилат (?). Стеатитовая иконка XII в. (?) Византия.

Война между Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем. Сражение за Днепр. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

Печать с изображением святых Василия и Георгия. Найдена в Каневе. Предположительно принадлежала князю Васильку Юрьевичу, сыну Юрия Долгорукого.

Вокняжение Юрия Долгорукого в Киеве. Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.

Юрий Долгорукий вместе с союзными князьями осаждает город Владимир-Волынский. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Серебряный кратир мастера Косты из ризницы новгородского Софийского собора. Вклад боярина Петра и его супруги Марии — предположительно родителей супруги князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого.

«Битва новгородцев с суздальцами». Фрагмент иконы «Чудо от иконы Божьей Матери Знамения в Новгороде». 60-е гг. XV в. Ярославль.

Свадебный пир князя Мстислава Юрьевича в Новгороде. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Печать с изображением святых Феодора и Георгия. Найдена в Новгороде. Предположительно принадлежала новгородскому князю Мстиславу Юрьевичу.

Чудотворная икона Божьей Матери Знамения. Середина XII в. (около 1155/56?). Новгород

Надпись-граффити из церкви Святого Спаса на Берестовом: «Се писалъ Глебъ». Возможный автограф князя Глеба Юрьевича, сына Юрия Долгорукого.

Церковь Святого Спаса на Берестовом. Современный вид.

Погребение Юрия Долгорукого. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. Фрагмент.

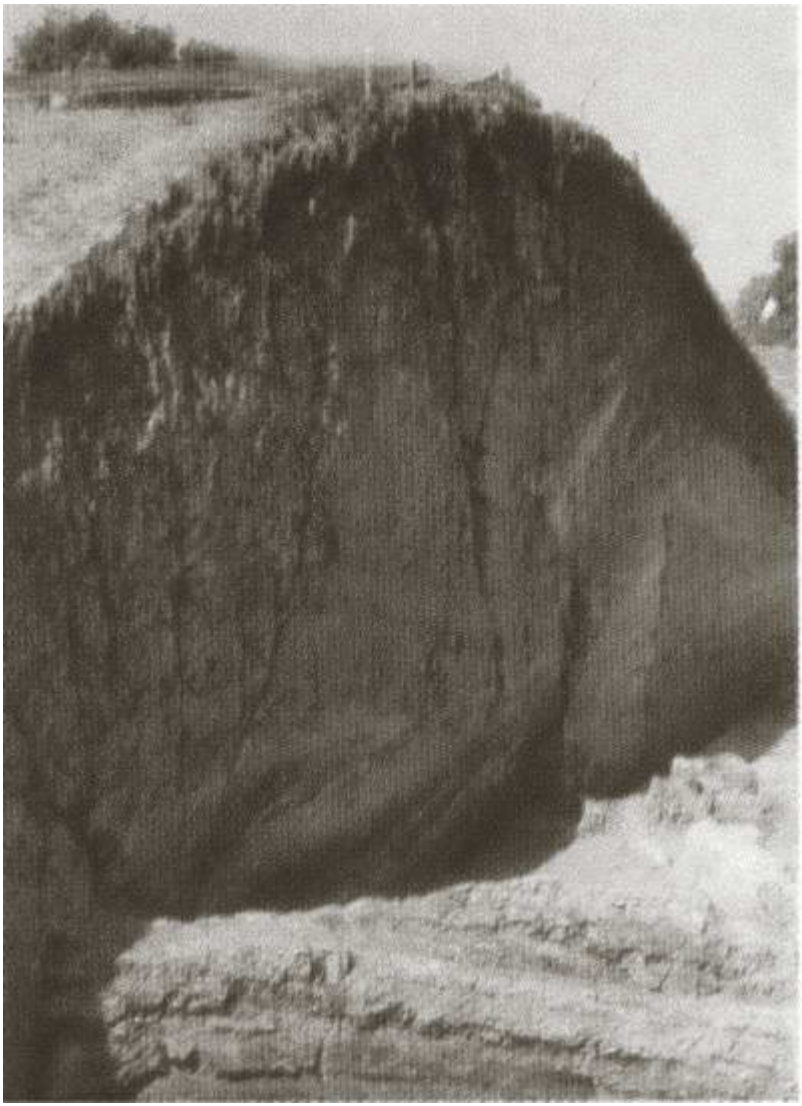
Интерьер церкви Святого Спаса на Берестовом. Общий вид княжеской усыпальницы.

Князь Юрий Владимирович Долгорукий. Портрет из «Титулярника» 1672 г. (Российская национальная библиотека, Эрмитажное собрание).

Стерженский крест. Поставлен новгородцем Иваном Павловичем, будущим посадником, в верховьях Волги 14 июня 1133 года, незадолго до выступления новгородцев на Суздаль.

Разрез вала Суздальской крепости. XII в.

Амулет-«змеевик» суздальских князей с именами Георгия, Марии и Христины. XII или XIII в. Предположительно изготовлен по заказу княгини Марии, супруги князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо.

Спасо-Преображенский собор в городе Переяславле-Залесском. 1152-1157 гг.

Серебряный потир из Переяславского собора — вклад Юрия Долгорукого.

Переяславль-Залесский. Спасо-Преображенский собор с окружающей застройкой в XII веке. Реконструкция Г. В. Борисевича.

Фреска из церкви Святых Бориса и Глеба в Кидекше. Вторая половина XII в. Предположительно изображена супруга (?) или внучка (?) князя Юрия Долгорукого.

Лежащие львы. Рельеф Дмитровского собора города Владимира.

Церковь Святых Бориса и Глеба в Кидекше. 1152 г.

Фреска из церкви Святых Бориса и Глеба в Кидекше. Вторая половина XII в. Предположительно изображена невестка князя Юрия Долгорукого Мария, супруга князя Бориса Юрьевича.

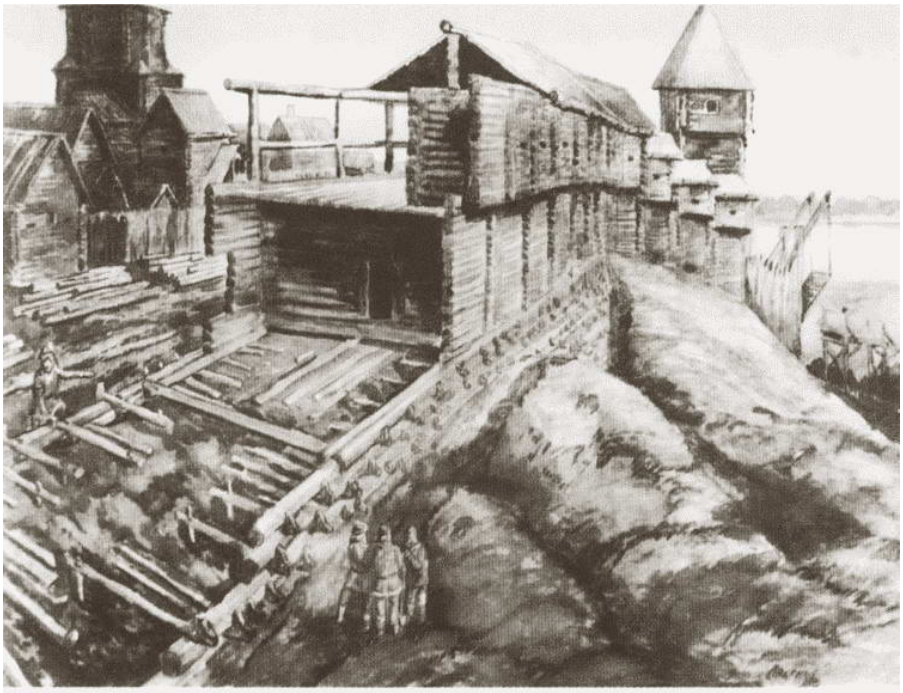
Встреча четырех князей в Москве 3—5 апреля 1147 года (первое упоминание

Москвы в летописи). Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Новгородская берестяная грамота с упоминанием Москвы (Кучкова): «Поклоняние ото Душилы ко Нясте. Шьль ти есьм Кучькъву…» 70-80-е гг. XII в.

Вислая свинцовая печать Киевской митрополии, найденная на территории Московского Кремля. 1091-1096 гг.

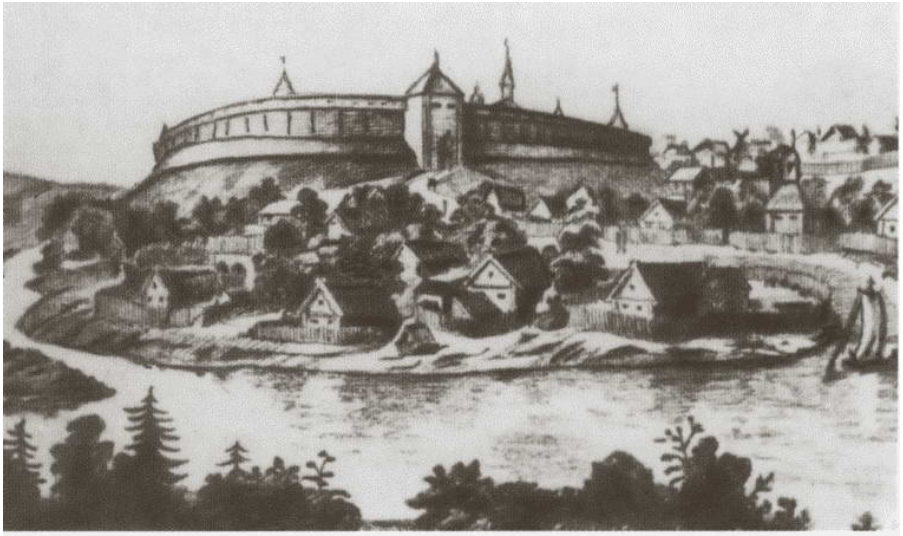
Строительство крепости на Боровицком холме при Юрии Долгоруком. 1156 год. Реконструкция Г. В. Борисевина, А. Г. Векслера, И. С. Владимирской. Акварель Г. В. Борисевина.

Декоративный топорик, покрытый листовым серебром с гравировкой, позолотой и чернью. XII в.

Шлем князя Ярослава Всеволодовича с изображениями святых Феодора, Георгия и Василия. Предположительно первоначально принадлежал князю Мстиславу Юрьевичу, сыну Юрия Долгорукого.

Москва. Кремль и посад в XII—XIII веках. Реконструкция М.Г. Рабиновича и Ю. Бржевской.

Рельефы Георгиевского собора Слева — святой Георгий; справа — клиновидная маска.

Собор Святого Георгия в Юрьеве-Польском. 1230-1234 гг.

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Антропологическая реконструкция М. М. Герасимова.

Князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Предполагаемое изображение князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо с сыновьями. Скульптура Дмитровского собора во Владимире. Фрагменты.

Чудотворная икона Владимирской Божьей Матери. XII в. Византия.

Святой Димитрий Солунский. Икона из Успенского собора города Дмитрова. Начало XIII в.

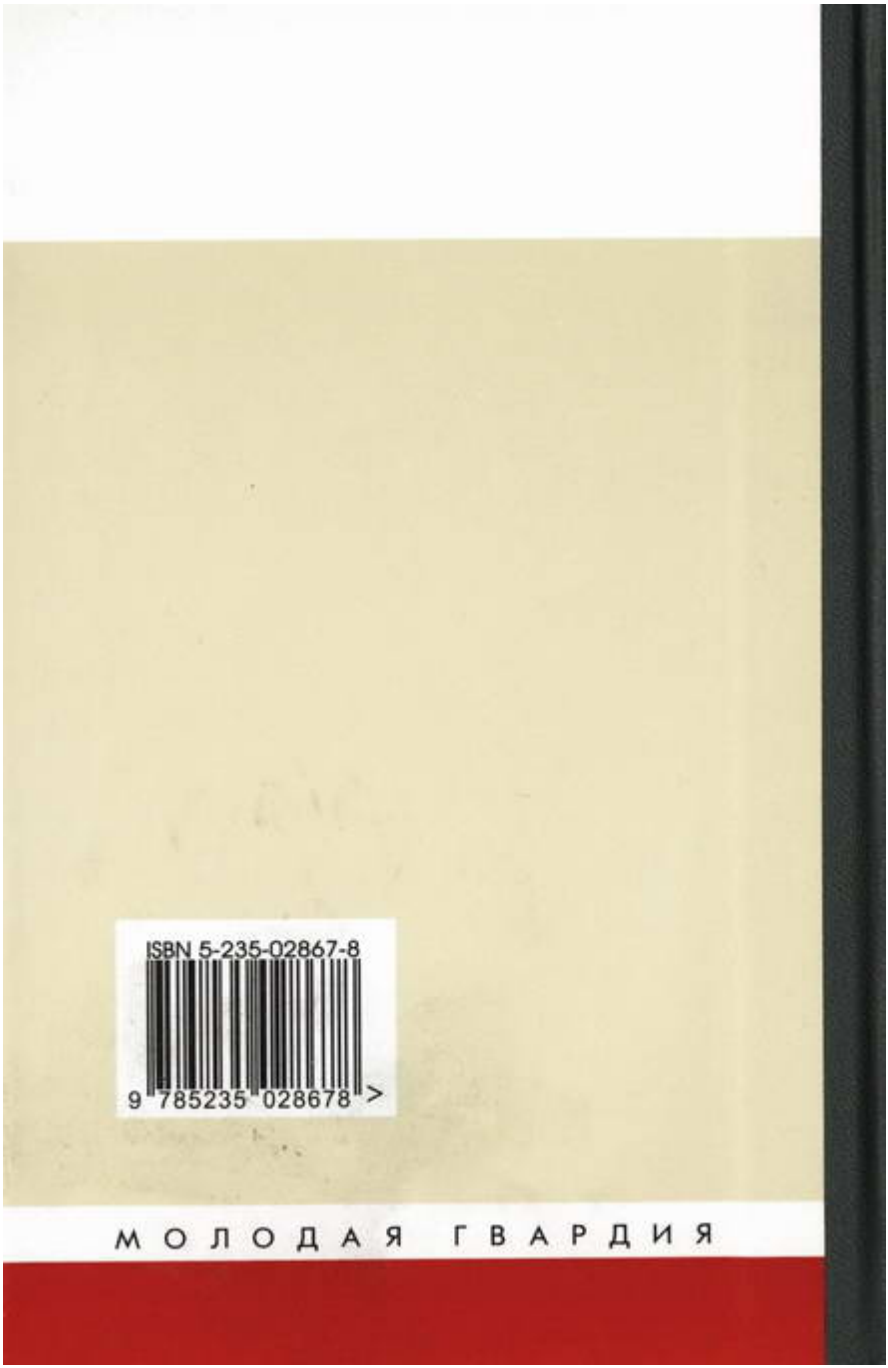
Изображение Юрия Долгорукого на лицевой стороне медали в память 800-летия Москвы. 1947 г.

Памятник Юрию Долгорукому в городе Костроме. Скульптор В. Церковников. 2003 г.

Памятник Юрию Долгорукому в Москве. Скульпторы С. М. Орлов, А. П. Антропов, И. Л. Штамм; архитектор В. С. Андреев. 1954 г.

notes

Примечания

1

Здесь и далее «Поучение» Владимира Мономаха для облегчения восприятия цитируется в переводе на современный русский язык.

2

Бирич — представитель княжеской администрации, глашатай, объявлявший княжеские уставы.

3

Если мы не имеем дело с ошибкой позднейшего переписчика и вместо «Олег, Святослав…» не следует читать: «Олег Святославич…»

4

Надо полагать, от названия одного из северных народов, данников Новгорода, — печоры.

5

Месяц — ноябрь — назван в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 303). Согласно Никоновской, князья простояли около Чернигова 20 дней (ПСРЛ. Т. 9. с. 158).

6

Так в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской цифра варьируется: 50 дней в Ипатьевском списке, 20 дней в Хлебниковском, 30 в Погодинском. Очевидно, что эти варианты появились в результате смешения буквенных обозначений кириллических цифр.

7

Известие об этом читается в Ипатьевской летописи под 1136/37 г.: «В то же время иде Юрьи Ростову» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300). Однако в той же летописной статье, непосредственно перед данным известием, сообщается о битве новгородцев и суздальцев на Ждане-горе, которая состоялась 26 января 1135 г. Ср. об этом: *Бережков. с. 1*36—137.

8

Подробности этой битвы — но, кажется, совершенно недостоверные — сообщает В. Н. Татищев. По его версии, суздальскими войсками руководил лично Юрий Долгорукий (что представляется невозможным), и именно его воинское искусство принесло победу. «Юрий, видя новогородцев много больше, нежели его войско, и что они высокие места захватили, не смел прямо на них идти и, отдалясь, стал под лесом, хотя ожидать, чтоб они с высоких мест к нему сошли, и об реку намерен был их держать. Междо тем посылал к ним говорить о примирении. Но новгородцы Юрьевых к миру предложений совсем принять не хотели, а требовали от него, чего Юрий учинить не хотел. И тако они на своих местах остались неподвижно. И умысли Юрий хитростию их победить, ночью послал воеводу своего Короба Я куна лесом с 500 человеку велел с правой стороны на разсвете на войско новогородское незапно нападение учинить, а сам со всем войском пошел противо им. Что новогородцы видя, с великою к бою охотою устроясь, выступили противо Юрия. И как стрельцы начали перестреливаться, тогда направе стоял Всеволод, подле него посадник Иванок, а налеве тысяцкой Петрила. И крепко на Юрия наступивши, почали полки Юриевы мять и стяг (чело) его сбили. Тогда Короб наступил на Всеволода с тылу, и Всеволод, мня быть силе великой, тотчас оборотись, побежал. Короб же, видя его бегусча, не гнався за ним, пришел сзади на главной полк и оной привел в смятение. А Юрий, увидя, со всем войском, исправясь, крепко наступил и совершенно новогородцов победил… Сия победа была генваря 26 числа. По котором Юрий возвратился в Суздаль с великою честию, а новогородцы с великою горестию во своя домы». (*Татищев.* Т. 2. с. 146—147. Ср. также Т. 4. с. 192.)

9

В.Л. Янин, обратив внимание на формулировку обвинения, предъявленного тогда Всеволоду («а целовав крест к новгородцем, яко “хоцю у вас умерети”»), предположил существование особого договора, заключенного между Новгородом и новгородским князем Всеволодом в 1117 г., после ухода его отца, Мстислава Великого, на юг. Следовательно, уже к этому времени новгородцы добились существенного ограничения власти князя: выражаясь языком более поздних новгородских грамот, стали «вольны в князьях» и «в случае нарушения князем договора имели возможность прогнать его вне зависимости от воли Киева» *(Янин В.Л.* Новгородские посадники. с. 89—90 и далее). Это право и было реализовано в 1136 г.

10

Автор позднейшей Никоновской летописи дополняет перечень княжеских преступлений: «…почто въсхоте идти на суждалци и ростовци, и пошед почто не крепко бися… и почто възлюби ифати и утеша-тися, а людей не управляти; и почто ястребов и собак собра, а людей не судяше и не управляаше… и другия многи вины събраша на нь». Здесь же сообщается о том, что князь Всеволод «умысли бежати в Немци», однако новгородцы «поимаша его». Все эти сведения вошли и в Житие князя Всеволода, читающееся в Степенной книге царского родословия (также XVI век).

11

Более в источниках князь Владимир Всеволодович не упоминается. Закрадывается подозрение: не идет ли речь о младшем брате Всеволода, шестилетнем князе Владимире Мстиславиче?

12

Относительно места первоначального погребения князя источники явно противоречат друг другу. В наиболее ранних и авторитетных летописях (Лаврентьевской, Ипатьевской, а также Псковских Первой и Второй) сообщается о его погребении сразу в церкви Святой Троицы, «юже бе сам создал», и этому свидетельству нельзя не верить. Житие же святого и Псковская Третья летопись называют местом погребения церковь Святого Димитрия Солунского, откуда мощи князя в 1192 г. были перенесены в Троицкий собор. Возможно, они оказались в Дмитриевской церкви временно в связи с перестройкой или закладкой нового Троицкого собора (см.: Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. с. 545).

13

Не исключено, что софийский протопоп Полюд — одно лицо с Полюдом Городшиничем, вдова которого Полюжая была основательницей монастыря Св. Евфимия (см.: НПЛ. с. 43). В таком случае кончина Полюда имела место ок. 1197/98 г. (год основания монастыря).

14

Всего летописи упоминают 11 сыновей Юрия Долгорукого. Даты их рождения (кроме младшего, Всеволода) в летописях не обозначены. Старшим был Ростислав, упоминаемый в источниках с 1138 г. (летопись прямо называет его «старейшим»: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366). Следующим, очевидно, шел Иван, который впервые упоминается в летописи осенью 1146 г., когда отец послал его к своему союзнику Святославу Ольговичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332); он умер 24 февраля 1147 г. Скорее всего, Иван был старше Андрея, который впервые упоминается под январем-февралем 1147 г. как младший участник похода на Рязань, совершенного им совместно со старшим братом Ростиславом (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338—339) (вопреки позднейшим перечням сыновей Юрия Долгорукого, в которых Андрей значится старше Ивана: ПСРЛ. Т. 7. с. 233; Т. 9. с. 208).

По версии В.Н. Татищева, Андрей родился ок. 1112 г., так как прожил 63 года *(Татищев.* Т. 3. с. 105; кончину, Андрея историк датирует 1175 г.). Однако эта дата, ориентированная на рождение Юрия в 1090/91 г., представляется заведомо неверной, ибо сам Юрий родился позднее (см. выше, в части 1). То же можно сказать и о традиционной дате рождения Андрея — ок. 1110 г. (очевидно, ориентированной на дату брака Юрия с «Аепиной дщерью» в 1108 г. с учетом того, что Андрей был вторым сыном Юрия) (ср., напр.: Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1990 (репринт изд. 1862 г.). с. 17; *Чижев Гр., прот.* Жития святых благоверных князей Андрея, Георгия и Глеба Владимирских. Владимир, 1882. с. 3; и др.). Между тем антропологические данные свидетельствуют о том, что Андрей был значительно младше: он умер в 1174 г. в возрасте 45—50 лет *(Рохлин Д.Л., Майкова-Строганова В.С.* Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10. с. 158; *Гинзбург В. В., Герасимов М.М.* Андрей Боголюбский // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. 11. М.; Л., 1945. с. 88); следовательно, родился в середине — второй половине 20-х гг. XII в. Между прочим, наречение вероятного старшего брата Андрея, Ивана, можно было бы предположительно связать с перенесением на Русь перста св. Иоанна Предтечи ок. 1121/22 г.; соответственно, Андрей должен был появиться на свет несколько позже.

Следующие по старшинству сыновья Юрия Долгорукого, Борис и Глеб, впервые упоминаются вместе в феврале 1147 г., когда они перевозят тело умершего брата Ивана из Колтеска в Суздаль. Учитывая их имена, можно было бы предположить, что они были близнецами. Но во всяком случае, Борис считался старше (ср. перечень сыновей Юрия, получивших уделы: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384, 478—479).

Что касается Ярослава и Святослава, то об их возрасте никаких суждений из летописи вынести нельзя. Позднейшие перечни называют их в числе младших Юрьевичей: соответственно, на восьмом и десятом местах (ПСРЛ. Т. 7. с. 233; Т. 9. с. 208), однако насколько они точны, сказать трудно. Во всяком случае, Андрей после своего утверждения во Владимире оставил обоих в Суздальской земле, что косвенно могло бы свидетельствовать в пользу того, что они появились на свет в первом браке Юрия. Ярослав Юрьевич впервые упоминается как участник похода брата Андрея на волжских болгар в 1164 г.; он умер 28 октября 1165 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352, 353). Святослав умер в болезни 11 января 1174 г. (см. далее). В «Родословии князей русских» (в той же рукописи XV в., что и Новгородская Первая летопись младшего извода) Ярослав — ошибочно — назван старшим сыном Юрия, а Святослав не упоминается вовсе (НПЛ. с. 466).

Мстислав, Василий (Василько), Михаил (Михалко) и Всеволод определенно родились во втором браке Юрия (ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 521, где сообщается об уходе Мстислава и Василько «с матерью» в Греческую землю; «и Всеволода молодого пояша со собою третьего брата»). Михалко был предпоследним сыном Юрия (см. ПСРЛ. Т. I. Стб. 372). Между прочим, есть основания для того, чтобы определить более или менее точную дату его рождения. Накануне битвы на Лыбеди (конец апреля — первая половина мая 1151 г.) князь Вячеслав Владимирович называл точное число сыновей Юрия — семь (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 430). Ростислав и Иван к тому времени уже умерли, Всеволод и, очевидно, Михалко еще не родились. Соответственно, появление Михалка на свет должно быть датировано временем между маем 1151 г. и, очевидно, самым началом 1154 г. (19 октября 1154 г. у Юрия родился младший сын Всеволод).

15

Дата определяется следующим образом. Сын Юрия Долгорукого от второго брака Василий (Василько) в конце лета — осенью 1149 г. был посажен отцом на княжение в Суздаль (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384). Еще один сын от второго брака, Мстислав, в феврале 1150 г. вместе со своими старшими братьями Ростиславом, Андреем и Борисом принимал участие в сражении при Луцке (ПСРЛ. Т. I. Стб. 324; Т. 2. Стб. 389; Т. 7. с. 47). И то и другое едва ли могло иметь место, если бы княжичи не достигли совершеннолетия, т.е. возраста хотя бы 12—13 лет. (О появлении на свет обоих князей именно во втором браке см. выше, прим. 38.) Соответственно, и Мстислав, и Василько Юрьевичи должны были появиться на свет не позднее 1137—1138 гг., а сам брак заключен не позднее 1136— 1137 гг.

16

См.: *Татищев.* Т. 1. с. 375. Впрочем, Татищев говорит об этом сугубо предположительно: «По сему видится, что вторая супруга греческая принцесса была и, по изгнании от пасынка, с детьми в Грецию по ехала и, чаятельно, тамо скончалась, ибо детей токмо возвращение положено» (там же. Т. 3. с. 246). Историки XVIII в. называют имя второй супруги Юрия — Ольга (см.: Записки касательно российской истории (Екатерины II). Ч. 5. с. 96; *Мальгин Т.С.* Зерцало российских государей. СПб., 1794. с. 183—184). Но это ошибка, имеющая своим источником смешение супруги Юрия и его дочери Ольги, в иночестве Евфросинии, и восходящая еще к Никоновской летописи, где Ольга (Евфросиния) Юрьевна, умершая в 1182 г. и погребенная во владимирском Успенском соборе, неверно названа «княгиней великого князя Юрья Долгорукаго», т. е. его супругой (ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. с. 8). Эта ошибка нередко повторяется и современными исследователями. Мнение же о греческом происхождении супруги Юрия Долгорукого вообще сделалось общепринятым. Еще одно называемое в литературе возможное имя второй супруги Юрия — Елена (см.: *Карамзин И.М.* История государства Российского. Т. 2—3. М., 1991. с. 345, прим. 405), однако его источник неизвестен.

17

Сведения русского летописца подтверждает византийский хронист Иоанн Киннам, сообщивший, что император Мануил отдал «придунайскую страну» «пришедшему в Византию Васильку, сыну Георгия, занимавшему первое место между филархами Тавроскифии (Руси. — *А. К.)» (Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. *Георгий Акрополит.* Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. с. 187).

18

Ее имя — Мария — приведено только в «Записках касательно российской истории» Екатерины II (Записки… Ч. 5. с. 82, 97).

В этой связи можно привести суждение М.А. Салминой, которая рассматривала вопрос о времени происхождение «Повести о начале Москвы». «…Такое обращение с историческими фактами… такое внимание к теме личной жизни видного исторического деятеля и замена исторической мотивировки событий интимно-психологическими объяснениями» совершенно не характерны даже для литературы XVI в. (не говоря о более раннем времени), но появляются только в XVII в. (Повести о начале Москвы / Подг. текстов М.А. Салминой. М.; Л., 1964. с. 74—76). Это суждение применимо и к оценке татищевского сюжета.

По мнению В.Н. Топорова, имя Кучки является балтским по своему происхождению *(Топоров В.Н.* «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. с. 275). Но, кажется, увидеть в этом имени славянскую основу гораздо проще.

21

Автор позднейшего Тверского летописца XVI в. прямо сообщает о том, что супруга Андрея стояла во главе заговора: «… убиен бысть благоверный великий князь Андрей Юриевичь Боголюбский от своих бояр, от Кучковичевь, по научению своеа ему княгини». Правда, сама княгиня названа здесь болгаркой, якобы мстящей мужу за разорение Болгарской земли (ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 250-251).

22

Антропологической и судебно-медицинской экспертизе были подвергнуты костные останки, обнаруженные в 1989 г. в шиферном саркофаге, найденном близ стен церкви Спаса на Берестовом, где был погребен Юрий Долгорукий. Эти останки, предположительно атрибутированные Юрию, показали признаки остеохондроза, причем тогда же было высказано довольно странное предположение: не с этим ли недугом могли быть связаны изменения в руке, ставшие причиной по явления прозвища князя? (См., напр.: Огонек. 1996. № 42. с. 4—5; здесь же мнение антрополога Т.И. Алексеевой: «К прозвищу Долгорукого это не имеет никакого отношения».) Но прежде всего надо сказать о другом: у нас нет уверенности в том, что найденные в 1989 г. останки действительно принадлежат Юрию Долгорукому (см. об этом ниже, в части 5).

23

Греческий географ и историк Страбон, объединяя в один образ персидских царей Дария и Артаксеркса, писал, что «Дарий Долгорукий» был «красивейший из людей, за исключением длины рук, которые у не го доходили до колен» *(Страбон,* География. М., 1994. с. 682).

Последние слова, конечно, имеют в виду князей Долгоруких, не имеющих к нашему герою никакого отношения. Что же касается основной мысли автора «Повести» — об исключительном милосердии и беспримерном нищелюбии князя, отразившихся в его прозвище, — то очень похоже, что она имеет своим источником объяснение прозвища другого знаменитого московского правителя, так же фигурирующего в повестях и сказаниях о начале Москвы, — Ивана Даниловича Калиты. Сего князя, рассказывал своим ученикам преподобный Пафнутий Боровский (XVI в.), «нарицаху… Калитою сего ради: бе бо милостив зело и ношаше при поясе калиту всегда насыпану сребряниць, и куда шествуя даяше нищим сколка вымется» (цит. по: *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. с. 29; из Жития преп. Пафнутия Боровского).

25

Автор Воскресенской летописи по-другому приводит слова Вячеслава: «Аз, брате, приидох зде по братии своей Мстиславе и Ярополце, по отець наших завещанию; аще ли ты восхотел еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, аз есмь мний тебе буду; но отьиде ныне Вышегороду, а аз иду в переднюю свою власть, а Киев тебе» (ПСРЛ. Т. 7. с. 32).

26

О том, что супруга князя Владимира, «Андреева сноха», была сестрой князей Олега, Игоря и Всеволода Святославичей, сообщается в граффити киевского Софийского собора. См.: *Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI-XVII вв. Киев, 1985. с. 25-31 (№ 307), табл. IX, X. О чтении граффити см.: *Янин В.Л.* Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. 1992. № 2. с. 30.

27

По летописи, новгородцы сидели без князя девять месяцев (НПЛ. с. 26). Ростислав Юрьевич вошел в город 26 ноября 1141 г.; следовательно, Святослав покинул город в феврале.

Менее вероятно, что речь идет о Берестовом, близ Киева.

29

Всеволод Ольгович «обрекл» Киев Игорю (по выражению летописца) еще до первого похода на Владимирка Володаревича (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 316; Т. 1. Стб. 312); очевидно, на этом условии Игорь и согласился принять участие в походе. Во время самого похода Владимирко также обещал Игорю «по Всеволожи животе» помочь ему «про Киев».

30

30 июля — в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. I. Стб. 313); дату 1 августа называет Ипатьевская (Т. 2. Стб. 321). См. также: *Бережков. с.* 60, 312, прим. 44.

31

Вот как характеризует его В. Н. Татищев: «Сей великий князь муж был ростом велик и вельми толст, власов мало на главе имел, брада широкая, очи немалые, нос долгий. Мудр был в советех и в судех, для того, кого хотел, того мог оправдать или обвинить. Много наложниц имел и более в веселиах, нежели расправах, упражднялся. Чрез сие киевляном тягость от него была великая. И как умер, то едва кто по нем, кроме баб любимых, заплакал, а более были ради. Но при том более есче тягости от Игоря, ведая его нрав свирепый и гордый, опасались».(*Татищев.* Т. 2. с. 162.)

32

Именно так можно понять текст поздней Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 9. с. 172.

33

Патерик. с. 84—85. Показательно, что в том же рассказе сообщается о военных действиях Юрия Долгорукого против князя Изяслава Мстиславича Киевского, т. е. речь идет о событиях конца 40-х — начала 50-х гг. XII в. Ср. прим. 60 к части 1.

Об этом свидетельствуют Книга Большому Чертежу (1627 г.), описание путешествия по России архидиакона Павла Алеппского (середина XVII в.) и Атлас Калужского наместничества (XVIII в.). См.: *Никольская Т.В.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981. с. 281.

35

В Никоновской летописи путь князя описывается совершенно по- другому: Святослав «иде к Козелску, и из Козелска иде к Дедославлю, и тамо разболеся у него князь Иванко, сын княжь Юрьев Владимерича Маномашь. Князь же Святослав Олговичь иде в Рязань, и быв во Мченске, и в Туле, и в Дубке на Дону, и в Елце, и в Пронске, и прииде в Резань на Оку, и поиде вверх по Оке, и пребыв в граде Осетре, и… иде вверх по Оке реце, и пришел ста на усть Поротвы реки в Любинце Омосове, и пребыв ту мысляше ити к Полотску (Колотску? — *А. К)».* Имен но здесь, «на усть Поротвы реки в Любинце Амосове», по версии летописи, и умер князь Иван Юрьевич (см. далее), причем его кончина датирована 29 марта (вместо 24 февраля). Ниже, говоря о взятии Святославом «града Голеди», автор Никоновской летописи вновь сообщает о том, что князь затем ушел в Рязань. В Москву по приглашению Юрия Святослав явился «с Резани из Тешилова» (ПСРЛ. Т. 9. с. 171—172).

Эти сведения Никоновской летописи были подробно рассмотрены А.Н. Насоновым, который показал их полную недостоверность. Названные города принадлежали Рязани или являлись объектом притязаний со стороны рязанских князей в XV в.; ко времени описываемых событий большинство из них либо не существовали, либо не входили в состав Рязанской земли *(Насонов А.Н.* «Русская земля»… с. 209—211; см. также: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. с. 84—88).

36

Дату пострижения — 5 января — называет Лаврентьевская летопись, где иначе объясняются причины принятия Игорем монашеского пострига: «Игорь же слышав в порубе сыи, оже идет Иэяслав на брата его, домолися послав к Изяславу, глаголя: “Еда бystъ ся постригл”, и повеле Изяслав пострищи и…» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 314). Новгородская Первая летопись сообщает о пострижении Игоря осе нью: «А на осень вы мол и ся постричься, и пострижеся» (НПЛ. с. 27).

37

Любечский синодик черниговских князей упоминает «великаго князя Георгия Киевскаго во иноцех Гавриила»; в Елецком синодике, известном черниговскому митрополиту Филарету (Гумилевскому), к словам «Георгия» имелось добавление: «убиенного в Киеве». См.: *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. с. 24, 34—35. Правда, сам Р.В. Зотов, исходя из следующего далее имени «Всеволода», полагал, что речь идет о князе Всеволоде Ольговиче (о предсмертном пострижении которого источники не сообщают).

38

Историк О. М. Рапов обратил внимание на то, что древнейшая московская церковь, по преданию, была посвящена святому Иоанну Предтече — небесному покровителю князя Ивана Юрьевича(О.М. Рапов (Москва родилась в понедельник // Родина. 1997. № 8. с. 30—35; *он же.* Кто срубил град Москву? М., 1997). Не исключено, что она была возведена в память об умершем князе.

39

Некоторые явно апокрифические подробности сообщает В. Н. Татищев. По его словам, «Игорь, видя, что его хотят убить, просил, чтоб дали ему свясченника изповедоваться. Но народ кричал на Игоря: “Когда вы с братом Всеволодом жен и дочерей наших брали на постели и домы грабили, тогда попа не спрашивали, и ныне поп не надобен”». Здесь же дана портретная характеристика князя, причем составленная будто бы человеком, лично хорошо знавшим Игоря: «Сей Игорь Ольгович был муж храбрый и великий охотник к ловле зверей и птиц, читатель книг и в пении церковном учен. Часто мне с ним случалось в церкви петь, когда был он во Владимире (о пребывании Игоря во Владимире-Волынском, если не считать его участия в походе на князя Владимирка Володаревича в 1144 году, ничего не известно. — *А. К.)*. Чин свясченнический мало почитал и постов не хранил, того ради у народа мало любим был. Ростом был средний и сух, смугл лицем, власы над обычай, как поп, носил долги, брада же уска и мала. Егда же в монастыри был под стражею, тогда прилежно уставы иноческие хранил, но притворно ли себя показуя или совершенно в покаяние пришед, сего не вем…» (*Татищев*. Т. 2. с. 176.)

Основываясь на этом известии, можно предположить, что Глеб на время уезжал в Суздаль к отцу. По сведениям Никоновской летописи, Глеб во время наступления Мстиславичей на Черниговские земли отступил «к Резани, и быв во градех Черленаго Яру и на Велицей Вороне, и паки возвратися к черниговским княземь на помощь» (ПСРЛ. Т. 9. с. 177). О степени достоверности «рязанских известий» Никоновской летописи см. выше, прим. 8.

41

Никоновская летопись содержит рассказ о трех подряд нападениях Глеба Юрьевича на Переяславль. Во всех трех случаях решающую роль в победе переяславцев сыграл некий «человек Божий» богатырь Демьян Куденевич (по-видимому, персонаж какой-то исторической песни или былины, записанной в XVI веке), который каждый раз едва ли не в одиночку или со своим верным слугой Тарасом и пятью отроками, «зело младыми», одолевал ратных: «…Демьян же Куденевич скоро тече с своим слугою на конех, и сретаеть князя Глеба Юрьевича на поле близь посада, и нападает яро на воинство его, и убивает многих нещадно. Князь же Глеб Юрьевич ужасеся зело и скоро побеже назад, а к Демьяну Куденевичю посла, глаголя: “На любовь и на мир приидох, а не на рать”. Демьян же Куденевич с слугою своим Тарасом возвратися в Переаславль и многу честь приа от господина своего великого князя Мстислава Изяславичя». Или в другой раз: «Демьян же Куденевич един выеде из града, не имеа ничтоже одеаниа доспешняго на себе, паче же помощи Божиа, и много бив ратных, настрелен быв от половець, и изнемог возвратися во град; ратнии же вси страхом обдержими бежаша спешно, кождо въсвоаси. Демьян же до конца изнеможе от ран, и… усну вечным сном, и бысть по нем от всех плачь велий во граде». (ПСРЛ. Т. 9. с. 177-178.)

42

В письме черниговским князьям, о котором пишет В. Н.Татищев в своей «Истории», Юрий будто бы сообщал о полученном им известии, «что болгоры со многим войском готовятся к войне» *(Татищев.* Т. 2. с. 183). Татищев приводит также подробный рассказ о встрече Юрия с послами черниговских князей, которые прямо признали права Юрия на Киев, а также о совещании Юрия со своими «вельможами» и воеводами, «как бы ему великое княжение получить» (С. 181—183). На этом совещании выступил некий советник князя Громила, «весьма искусный и мудрейший паче других», служивший еще его отцу Владимиру Мономаху. Речь Громилы, убеждавшего князя заботиться более о своей земле, а не о Киеве, давно уже утратившем то значение, которое он имел при Ярославе Мудром или Владимире Мономахе, приведена полностью, но она представляет собой не что иное, как изложение позднейшего (очевидно, принадлежащего самому Татищеву) взгляда на историю Руси; вряд ли исторична и личность «доброго советника» Громила. Именно под влиянием этой речи, по версии Татищева, и было решено «самому Юрию остаться в доме, а для исполнения обесчания послать Ольговичам в помочь сына или дву с приличным войском, выбрав людей молодых, чтоб оные тамо войне обучались».

43

Из речи Изяслава к черниговским князьям, приведенной у Татищева, следует, что между киевским князем и Юрием Суздальским состоялись какие-то переговоры: «…Стрый мой Юрий Владимирович область мою Новград, непрестанно нападая, разоряет и дани берет, на путех едусчих купцов грабит. И хотя я к нему посылал говорить, дабы взятое возвратил и более обидеть и области наши разорять престал, но ничего от него полезнаго в ответ не получил».

Буквы, составляющие год, к настоящему времени полностью выцвели и не видны. Но они были прочитаны первыми исследователями, обнаружившими драгоценную святыню в ризнице новгородской церкви Святого Николы на Ярославле дворе (когда и при каких обстоятельствах антиминс попал в Новгород, неизвестно). И оказалось, что освящение Георгиевского храма происходило во время посещения Нифонтом Суздальской земли в августе-сентябре 1148 г. (Иногда полагают, что Нифонтом был освящен «жертвенник», то есть алтарь, Георгиевской церкви во Владимире или Юрьеве-Польском, основанном Юрием Долгоруким; иногда — что некий не известный нам из других источников придел суздальского кафедрального Богородицкого собора. Но нельзя исключать и того, что речь в надписи идет о какой-то неизвестной нам церкви, не названной летописцем, — ведь очевидно, что храмы во имя своего небесного покровителя — святого Георгия Победоносца — князь Юрий Владимирович основывал в раз личных городах своего княжества.)

45

Если это не он, уже отошедший от дел, упоминается под именем Μιχαήλ ‘Ρωσίας. 'Ρωσίας в синодальном постановлении константинопольского патриарха Михаила III от 24 марта 1171 г. (ср.: *Поппэ А.В.* Митрополиты киевские и всея Руси // *Щапов Я.И.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. с. 199—200; по мнению польского исследователя, в данном постановлении упомянут киевский митрополит Михаил II, неизвестный русским источникам).

Среди константинопольских святынь Антоний отметил и руку константинопольского патриарха Германа, которая, по его мнению, использовалась в обряде интронизации патриарха: «ею же ставятся патриарси» (там же. с. 71, 2).

47

Дата названа только в Лаврентъевской летописи: ПСРЛ. Т. I. Стб. 315.

48

Текст грамоты патриарха Николая IV Музалона епископу Нифонту приведен в Житии св. Нифонта, составленном в середине XVI в. известным псковским агиографом Василием-Варлаамом (см.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб., 1862. с. 1—9 (публ. Н.И. Костомарова); *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. М, 1995. с. 581). Однако насколько достоверен этот текст, сказать трудно.

49

Иногда полагают, что живым свидетельством участия новгородцев в этом походе является берестяная грамота, найденная в 1952 г. в Нов городе, на Неревском раскопе, — письмо некоего Терентия некоему Михалю, в котором Терентий просит прислать ему «лошака» с неким Яковцем, который отправится вместе с дружиной — «Саввиной чадью». О себе же Терентий сообщает так: «Я на Ярославли, добр-здоров и с Григорем. Углицане (углицкие корабли? — *А. К.)* замерьзьли (вмерзли в лед? — *А. К.)* на Ярославли. И ты до Углеца (посылай. — *А. К.),* и ту пак (в первоначальном прочтении: «полк». — *А. К.)* дружина» (грамота № 69; *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. с. 72—73; ср.: *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. с. 381—383). Однако с точки зрения палеографии и особенно стратиграфии (глубины залегания), эта грамота должна относиться к гораздо более позднему времени, а именно к 80—90-м гг. XIII в. (см.: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. с. 416—421).

50

В свое время В.Н. Татищев предположил, что Ростислав мог быть специально послан отцом к Изяславу Мстиславичу «для ухищрения» (Т. 2. с. 272, прим. 428), т. е., надо полагать, для того, чтобы втереться к нему в доверие и поднять против него мятеж. Такая точка зрения распространена и в современной литературе (см., напр.: *Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. с. 222—223). Однако едва ли разрыв Юрия с сыном был простой инсценировкой или военной хитростью. Скорее можно согласиться с А.Е. Пресняковым, который писал, что в контактах и переговорах с Изяславом Мстиславичем сыновей Юрия (и не только Ростислава, но и, например, Глеба) «есть нечто большее, чем простая дипломатия с ее уловками: своеобразие отношений, в которых семейные воззрения и навыки так неожиданно подчас окрашивают детали кровавых усобиц и политической борьбы» (*Пресняков А.Е.* Княжое право… с. 87). Впрочем, он же отмечал, что, независимо ни от чего, «похождения Юрьевичей на юге постепенно выясняют Юрию положение дел и втягивают его в киево-переяславские отношения» (там же. с. 87, прим. 212).

51

В Ипатьевской летописи слова Юрия переданы чуть иначе: «Тако ли мне части нету в Рускои земли и моим детем?!»

52

Львовская летопись называет другую дату — 24 июня (ПСРЛ. Т. 20. М., 2005. с. 111). Ее иногда считают более точной, чем та, что названа авторами Лаврентьевской и Ипатьевской летописей; ср.: *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. с. 36, прим. 8.

53

Во всех списках Ипатьевской летописи, а также в Лаврентьевской, Радзивиловской и Академической в связи с этими событиями называется брат Изяслава Ярополк Мстиславич. Однако более такой сын Мстислава Великого в источниках не упоминается. Я склоняюсь к тому, чтобы принять поправку А. Ф. Бычкова, предлагавшего читать (в тексте издаваемой им Лаврентьевской летописи) вместо «Ярополк»: «Святополк». (Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. подг. А.Ф. Бычков. СПб., 1897. с. 305; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 321, прим. г.)

Так в Лаврентьевской летописи: «яко солнцю заходяшю». В Ипатьевской (вероятно, ошибочно?) наоборот: «яко солнцю въсходящю».

55

По сведениям В.Н. Татищева, это случилось 2 сентября, «назавтрее отъезда Изяславля» *(Татищев.* Т. 3. с. 9).

56

Об этом сообщает Киево-Печерский патерик: «По летех же мнозех седе Георгий Владимеровичь во Киеве, тысяцъкому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть область Суждальскую» (Патерик. с. 5). В редакции Патерика Иосифа Тризны добавлено: «в лето 6658 (1150)» (там же. с. 212, прим. 5). (Правда, в читающемся далее «Помяннике» Иосифа Тризны датой смерти Георгия Шимоновича (ошибочно?) обозначен 6630 (1122?) г.; см.: *Кункин В.А.* Княжеский помянник… с. 223.)

Впрочем, предположение это покоится на очень шатком основании. Известно, что дочь Изяслава Мстиславича вышла замуж за польского князя Мешка III (см. ниже); между тем в Великопольской хронике (рубеж XIII—XIV вв.) о второй супруге этого князя, матери троих его младших сыновей, говорится как о «родственнице императора Фридриха, римского короля», т. е. императора Фридриха I Барбароссы («Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / Пер. Л.М. Поповой; коммент. Н.И. Щавелевой. М., 1987. с. 115). Это известие польского хрониста рассматривается либо как ошибка (там же. С. 223; коммент. Н.И. Щавелевой), либо как свидетельство того, что дочь Изяслава приходилась по матери родственницей будущему королю Конраду III, а значит, и императору Фридриху (см.: *Иазаренко Л.В.* Первые контакты Штауфенов с Русью (К истории русско-немецких отношений в 30-е гг. XII в.) // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. с. 167—179).

58

По летописи, этот брак был заключен в 1136/37 году, в реальности же, вероятно, годом или двумя ранее. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300, последнее сообщение статьи 6645 г. (ультрамартовской). Предшествующие сообщения той же статьи (о битве на Ждане-горе и о возвращении Юрия в Ростов) относятся к более раннему времени. Ср.: *Бережков. с. 1*37, 326, прим. 34.

59

НПЛ. с. 27: «…оженися Святопълк Новегороде, приведе жену из Моравы»; брак был заключен «межи Рожествомь и Крещениемь». Согласно правдоподобному предположению К.Я. Грота, супругой Святополка была Евфимия, сестра оломоуцкого князя Отгона III, двоюродного брата Владислава II *(Грот К.Я.* Из истории Угрии… с. 78). Этот Отгон, ребенком изгнанный из Чехии, нашел убежище на Руси, где, по свидетельству чешского хрониста Винцентия Пражского, пребывал до 1141 г.

Об этом сообщает Винцентий Пражский (там же). На родину Владислав вернулся в июле 1148 г.

Правда, об этом сообщает только В.Н. Татищев, называвший венгерского короля тестем Владимирка *(Татищев.* Т. 2. с. 138).

62

Вскоре после Рождества Христова 1149 г. король Геза, отправляя Изяславу войска для войны с Юрием, сообщал, что сам собирается выступить «под горы галичьскаго князя, не дати же ся ему двигнути» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385).

63

Об этих браках летопись сообщает в начале статьи 6658 (1150) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 394), но еще раньше Владимирко назван «сватом» Юрия (там же. Стб. 391).

Коновалова И. Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. с. 72. Здесь же (С. 70—86) приведены аргументы, свидетельствующие о подложности т. н. грамоты Ивана Берладника 1134 г., а также об отсутствии в низовьях Дуная некоего русского «Берладского княжества».

65

С начала 50-х гг. XII в. Ростислав Ярославич упоминается уже как рязанский князь.

Впрочем, в литературе было высказано предположение, что Послание св. Феодосия князю Изяславу «о вере христианской и о латынской» (равно как и соседствующее с ним в рукописях Послание князю Изяславу «о неделе») принадлежит печерскому игумену Феодосию II Греку и адресовано князю Изяславу Мстиславичу. Если принять это предположение, то Послание можно было бы прямо связать с активной польской и венгерской политикой Изяслава Мстиславича, его «заигрываниями» с латинским миром (см., напр.: *Висковатый К.* К вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о Латынех» // Slavia. Praha, 1939. Roč. 16. Seč. 4. S. 535—567). Однако в тексте Послания Феодосии прямо называется «святым», а предшествующее ему Послание «о неделе» именует его адресата Изяслава Ярославичем *(Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДР Л.Т. 5. М.; Л., 1947. с. 168-173).

Это замечание показалось невозможным уже позднейшим переписчикам «Истории», которые исправляли слово «прикасается» на «не прикасается» (там же, прим. 39 и э).

68

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 — 1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971 (перевод О.Г. Большакова). В данном издании «город страны славян» (название которого в источнике приведено дефектно: «Гуркуман») отождествлен с Киевом. Однако это едва ли правомерно. Скорее, можно предположить, что речь идет об одном из торкских городов (возможно, следует читать: «Гуэ-керман», «город гуэов») — вероятно, о главном из них — Торческе (см.: *Добродомов И. Г., Кучкин В.А.* [Рец. на:] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… // Вопросы истории. 1972. № 10, с. 142-145).

69

«В то же лето приде Изяслав вмале из Володимеря Кыеву, хотящим его кыяном», — сообщает Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 326).

70

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408. Эта запись (в статье 6558/1150 г.) поставлена явно не на место; она разрывает связный рассказ о переговорах князя Изяслава Мстиславича с венграми. Фраза «в то же веремя» свидетельствует о приблизительности датировки события.

71

В Минеях четьих священника Иоанна Милютина (1646—1654) названа другая дата памяти св. Игоря Ольговича — 5 января; возможно, ошибочно (там же. Т. 1. с. 266). О дате 11 июля, присут ствующей в Служебной минее XI11 (!) в. (там же. Т. 2. Ч. 1. с. 168), см. ниже.

72

Не исключено, что дата 11 июля, сохраненная месяцесловом Служебной минеи XIII в. (см. пред. прим.), имеет отношение к торжествам положения святых мощей в Чернигове, в то время как традиционная, 5 июня, — к их перенесению из Киева.

73

В. Н. Татищев называет дату 28 августа, но откуда она извлечена, неизвестно(*Татищев*. Т. 3. с. 20.).

Любопытные подробности сообщает в связи с этим В. Н. Татищев, Юрий, «возгордяся», якобы так отвечал присланному от Изяслава послу, когда тот стал просить волости по Горыни: «Когда Изяслав не уляжется во Владимире, то я ему дам такую же область, какову он дал Игорю (то есть лишу его волости вообще или убью. — *А. К.)*». Это вызвало крайнее озлобление киевлян. «Сие слышав киевляне, что Юрий намерен Изяслава погубить, многие о том плакали и все как знатные, так подлые Юрия наипаче не взлюбили и тайно стали стараться, чтоб Изяслава паки на Киеве иметь. Но явно учинить ничего не могли, токмо тайно некоторые устрояли для Юрия различные увеселения и пиры со многим питием, чтоб его от намерения к войне тем отвратить и его войска праздностию в слабость привести».

75

О посылке «по ляхи» сообщается в Лаврентьевской летописи. Об участии же польских войск в походе Изяслава Мстиславича на Киев — в Типографской (ПСРЛ. Т. 24. с. 76). Автор Никоновской летописи пишет о том, что Изяслав «совокупи» не только «угры» и «ляхи», но и «чяхи», «и бысть много воинства зело» (ПСРЛ. Т. 9. с. 185, 186).

В.Н. Татищев называет 6 апреля *(Татищев.* Т. 3. с. 25), но эта да та заведомо неверна. 6 апреля 1151 г., в пятницу Страстной недели, в Переяславле скончался князь Ростислав Юрьевич (см. ниже); Татищев же ошибочно датирует его смерть 17 апреля (там же. с. 26).

77

По сведениям авторов Никоновской летописи, Юрий послал за помощью также в Рязань, однако «не бе ему оттуду ничтоже».

78

Вот что пишет о кончине князя Ростислава Юрьевича В. Н. Татищев: «Сей князь Ростислав желал всею Русью един обладать, для того, отца своего на братию и сыновцы возмусчая, многи беды и разорения Руской земле нанес и более хотел учинить, но Бог смертию пресек хотение его, которым многие обрадовались, токмо един отец его по нем плакал».

79

В. Н.Татищев называет дату «введения» Вячеслава в Киев — 20 апреля (Т. 3. с. 26), однако надо учитывать, что почти все даты Татищева, приводимые при описании событий этого времени, неточны.

Как всегда, дополнительные сведения на этот счет приводит В. Н.Татищев: Изяслав Мстиславич якобы тайно посылал в Чернигов, к Давыдовичам, и сумел склонить их обоих на свою сторону; Изяслав Давыдович присоединился к нему, а его брат Владимир хотя и выступил вместе со Святославом Ольговичем на помощь Юрию, но сделал это неохотно, «опасаяся силы Юриевы и Святославли». Здесь же приведена пространная речь тысяцкого Владимира Давыдовича, некоего Азарии Чудина (из других источников не известного), который призывал князей отказаться от поддержки Юрия (*Татищев.* Т. 3. с. 28.), однако содержание этой речи, скорее всего, отражает собственные взгляды Татищева.

81

Единственный родной сын Вячеслава Владимировича Михаил умер в 1129 году.

82

В Лаврентьевской летописи рассказ сокращен, и не всегда удачно (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 333—334).

83

Точная дата битвы на Руте неизвестна. Она случилась в субботу, во второй половине мая или июне. По расчетам Н.Г. Бережкова, с наибольшей вероятностью это могло быть 26 мая *(Бережков. с. 1*53—154). М.С. Грушевский называет пятницу (этим днем недели битва датирована в Лаврентьеве кой и Воскресенской летописях) 6 июля или во вся ком случае первую половину июля (Історія України-Руси. Т. 2. с. 171, прим. 1).

По рассказу В. Н. Татищева, упомянутый выше тысяцкий князя Владимира Давидовича Азарий Чудин, «видя князя своего Владимира убита и уведав, что Святослав с бою ушел, взяв несколько своих воинов, погнал за ним, хотя кровь господина своего отмстить; и гнав до Днепра, не постиг, зане Святослав, не ожидая своих, ушел. Азарий, видя дву главных Святославлих советников, оных побил и головы их к Святославу послал, тем свою обиду отметя, а Святославу большую досаду учиня, сам возвратился к Киеву» (*Татищев.* Т. 3. с. 33.). Источник и этого рассказа также неизвестен.

85

Там же: «Андреи же… иде в свою волость Володимерю». Отметим, однако, что в Ралзивиловской и Московско-Академической летописях этих слов нет (там же, прим. 16).

86

И вновь приведем уникальное известие из «Истории Российской» В. Н. Татищева, согласно которому инициатором сожжения Городца был не столько Изяслав Мстиславич, сколько черниговский князь Изяслав Давыдович. «Хотя Юрий ныне возвратился в Белую Русь и крест на том целовал, что впредь ни под каким видом войны в Руси не вчи-нать, — говорил он князьям на съезде, созванном в Киеве Изяславом Мстиславичем, — сына же своего оставил в Городце, а ныне его позвал он к себе, и кто может знать его намерение и какой у них совет со Ольговичем, которым никакой роте их верить неможно и опасно, не советуют ли они паки к войне. Нам же, доколе сын Юриев междо нами сидеть будет, никак безопасным быть неможно, понеже они стыда своего отмстить никогда не оставят… Того ради, не лучше ли Юрьев Городец разорить и сжечь, чтоб Юрию тут пристанисча не было» (*Татищев.* Т. 3. с. 36.).

87

В Галицкой земле из белого камня начали строить церкви еще при князе Володаре Ростиславиче (ум. 1124) (церковь Св. Иоанна Предтечи в городе Перемышле). См.: *Иоаннисян О.М.* О раннем этапе развития галицкого зодчества // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 164. с. 35—43; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников (Свод археологических источников. Вып. Е1—47). Л., 1982. с. 112. В свою очередь, строительная традиция в самом Галиче имеет польские корни *(Иоаннисян О.М.* Указ. соч.).

Ключевский особо обратил внимание на слова, произнесенные князем Святославом Ольговичем, получившим от своего двоюродного брата Изяслава Давидовича город Чернигов с семью другими городами: «…взял я город Чернигов с семью другими городами, да и то пустыми: живут в них псари да половцы» (там же. с. 285; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 500, под 1159 г.).

89

Кидекша как город упомянута в т. н. Супрасльской летописи (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 2).

90

В 2004 году в церкви Святых Бориса и Глеба в Кидекше начаты реставрационные работы, в ходе которых в юго-западной части храма были обнаружены новые значительные фрагменты фресковой росписи XII века.

91

Автор летописи называет по именам главных предводителей половцев в этом походе: Темирь, «великий князь половецкий», а также «князья» Дулеп и Бердаша (ПСРЛ. Т. 9. с. 195. В этом рассказе, помимо имен половецких князей, заметны некоторые другие несообразности. Так, неверно названо имя рязанского князя Ростислава Ярославича — Ростислав Мстиславич; Святослав Ольгович упомянут среди князей, затворившихся в Чернигове. Явно искусственна речь черниговских князей, сокрушающихся о бесконечных междоусобных войнах: «Когда можем избытиволнениа суетнаго и браней кровопролитных и греховных? когда можем избавитися от лукавства и пронырства людей сих?..» и т. д.).

Однако насколько достоверны эти имена, сказать трудно, равно как и трудно с доверием отнестись к сообщению московского летописца о том. что уже во время первого приступа к Чернигову был ранен князь Андрей Юрьевич: «…и збиша его с коня, и едва утече ко отцу… и бысть ранен велми».

Сычев И. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого // Сообщения Института истории искусств. Вып. 1. М.; Л., 1951. с. 51 — 62. Автор полагает, что ею была византийская принцесса из рода Комнинов и называет ее имя, «Ольга, в пострижении Евфросиния», ссылаясь при этом на «Новое ядро российской истории» (1790 г.) (там же. с. 57, прим. 25). Однако мы уже говорили о происхождении этого имени: оно основано на явном недоразумении — смешении супруги и дочери князя Юрия Владимировича (см. прим. 42 к главе 2).

93

О погребении княгини Евфросинии Борисовны сообщается в Лаврентьевской летописи под 6710 (1201/02) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417). Имя ее матери, Мария (как и дата ее кончины — 15 апреля 1161 г.), известно из поздней надписи над ее погребением в Борисоглебской церкви (*Достоевский М.Ф.* Суздаль. М., б. г. (Культурные сокровища России. Вып. 14). с. 20; Летопись Борисоглебской церкви… с. 6). От метим также, что на правой фреске остались следы надписи «агиос Мария», т. е. «святая Мария»; от надписи на правом изображении уцелели лишь буквы «о а», т.е. «о агиос», «святая» (*Сычев* Н. Указ. соч. С, 56, 59, прим. 32). Однако изображение на правой фреске, как справедливо отметил исследователь, совершенно не подходит для св. Евфросинии. Более всего, пожалуй, оно напоминает известное изображение св. царицы Елены, матери св. Константина, на фреске Софийского собора в Новгороде. Так может быть, Еленой была наречена внучка Юрия Долгорукого при пострижении в иноческий чин перед кон чиной?

94

Автор Львовской летописи сообщает под 1157 г. о том, что князь Андрей Юрьевич Боголюбский «церковь сканча, юже бе заложил преже отец его, Святаго Спаса в Суздале камену» (ПСРЛ. Т. 20. с. 119; то же под 1160 г. в Тверской летописи: Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 233). Однако другие летописи, сообщая о завершении Андреем Юрьевичем строительства отцовской церкви Святого Спаса, называют другие города — Переяславль-Залесский (Радзивиловская, Московско-Академическая, Летописец Переяславля-Суздальского) или Владимир (Московский летописный свод конца XV в., Воскресенская).

Так в Радзивиловской и Московско-Академической летописях; в Лаврентьевской текст уже поправлен: вместо «святаго Бориса» читается: «святою мученику Бориса и Глеба»; дата смерти исправлена: вместо 12 мая — 2 мая (день памяти святых князей-мучеников). В Степенной книге царского родословия (XVI в.) об этой церкви говорится так: «…идеже бысть совокупное святых мученик становище, егда в Киев хожаху Борис от Ростова, Глеб же от Мурома» (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. с. 192).

Дата основания Переяславля по-разному приведена в летописях. Если в Типографской, Новгородской Четвертой, Новгородской Карамзинской, Никоновской и др. назван 1152 г. (см. выше, прим. 7), то в т. н. Владимирском летописце (XVI в.) -1153 г. (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. с. 66).

97

В Лаврентьевской летописи указание на город отсутствует (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348). В других летописях речь идет о церкви Святого Спаса в других городах: Суздале (Львовская и Тверская летописи) или Владимире (Московский летописный свод конца XV в., Воскресенская).

Так полагают Н. Н, Воронин (Зодчество.,. Т. 1. С, 87—89) и вслед за ним другие исследователи. А. Чиняков, напротив, считал Спасо-Преображенский собор более ранним по сравнению даже с церковью на Кидекше (Указ. соч. с. 61).

99

В Тверском летописце уточняется: «…а стояла та церковь 80 лет без лета (т. е. 79 лет. — *А. К.)»* (ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2). Стб. 355). Этот расчет, согласно «включенному» счету лет, принятому в древней Руси, сориентирован на тот же 1152 (6660) г., под которым здесь сообщается о строительстве храма (там же. Стб. 219—220).

100

В.Н. Татищев приводит гораздо более внушительный, но явно недостоверный, список городов, построенных Юрием: помимо уже названных, это Владимир на Клязьме, Кострома, Ярославль, Вышград («давно запустел»), Галич, Городец, Дебрянск («запустел»), Дорогобуж, Ростиславль, Стародуб («ныне село Городище Троицкаго монастыря на реке Клязьме и волость Стародубская»), Углич, Юрьевец и пр. (*Татищев.* Т. 3. с. 44, 241, прим. 458).

101

В других летописях это событие датируется иначе: 6663 (1155) г. (Никоновская: ПСРЛ. Т. 9. с. 198; Тверская: ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 221; но в обоих случаях ранее кончины князя Изяслава Мстиславича, а следовательно, все же в 1154 г.) или даже 6665 (1157) г. (Софийская Первая: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 229—230). О дате см. также: *Кучкин В.А.* Формирование… с. 84-85.

102

Впервые Городец упоминается под 1172 г. По весьма туманному сообщению Супрасльской летописи, этот город был основан тогда же, когда и Кидекша, причем определенно до вокняжения во Владимире Андрея Боголюбского (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 2); правда, основателем Кидекоцкой церкви здесь назван некий князь Борис Михалкович, другим источникам неизвестный (внук Юрия Долгорукого?). По-другому, считают, что Радилов Городец был построен между 1164 и 1172 гг. в связи с походами владимиро-суздальских князей против волжских болгар *(Кучкин В.А.* Формирование… с. 91—92).

103

Об этом мы узнаем из Лаврентьевской летописи, в которой князья Мстислав и Ярополк Ростиславичи названы шурьями рязанского князя Глеба Ростиславича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372).

104

Дополнительные подробности штурма и осады Новгорода-Северского приводит В. Н. Татищев. По его сведениям, князья подступили к городу 11 февраля и в тот же день «стали биться; устроили же ворох (возвышенное место. — *А. К.),* с котораго во град стреляли и камение бросали. Та же пороки приставя, тотчас стену выломали и острог взяли и, выжегши, отступили в обоз». 16 февраля «послали по всей области Северской коней и скот отбирать, а гумна и дворы Святославли, чего не могли брать, пожгли, сел же и крестьян не разоряли». Мир между князьями был заключен 1 марта, причем Татищев называет и условия мира: Изяслав «соизволил на том», чтобы Святослав Ольгович «учиненные убытки Черниговской области заплатил или 2 города Изяславу Давидовичу дал, о чем им междо собою договориться, от Юрия отстать и никакими меры с ним не сообсчаться» (*Татищев.* Т. 3. с. 42.). Источник всех этих сведений, как всегда, неизвестен.

105

В «Истории Российской» В. Н. Татищева находим такое описание князя: «Сей князь великий был честен и благоверен, славен в храбрости; возрастом (ростом. — *А. К.)* мал, но лицем леп, власы краткие кудрявы и брада малая круглая; милостив ко всем, не сребролюбец и служасчих ему верно пребогато награждал; о добром правлении и правосудии прилежал; был же любочестен и не мог обиды чести своей терпеть» (*Татищев.* Т. 3. с. 48.). Как и другие «татищевские» портреты, этот портрет едва ли восходит к летописному источнику.

106

Об этом сообщает венгерский хронист XV в. Янош Туроци (*Грот К.Я.* Из истории Угрии… с. 173—174).

107

Рассказ об этом завершает летописную статью 6660 г. в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 461—465). В Лаврентьевской летописи кратко сообщается о том, что Владимирко преставился «тое же зимы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340).

По свидетельству того же летописца, мор случился не только «в конех», но и во всем «воинстве их».

109

Время начала болезни точно указано в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи: князь разболелся «на Ставров день», т. е. 14 сентября, в праздник Воздвижения Креста; «и тако бе велми болен» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 469, прим. 1).

110

Точная дата названа в Лаврентьевской летописи: «Преставися… месяца ноября в 13 день, и на утрия на Филипов день, положиша и…» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 341—342). В Ипатьевской: «в неделю на ночь… на Филипов день» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 469); в Новгородской Первой: 14 ноября (НПЛ. с. 29).

111

По Татищеву, 8 декабря.

112

Еще в 1151 г. жители Белгорода заявляли Юрию, что «князь нашь Вячьслав, Изяслав и Ростислав» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 433; ср. также: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 2. с. 175).

113

На рубеже 1140—1150-х годов центр Юрьевской епархии — очевидно, в связи с возросшей половецкой угрозой — был перенесен в Канев, город на правом берегу Днепра, ниже Псреяславля.

В Никоновской же летописи названы по именам некоторые из половецких «князей», приведенных на Русь князем Глебом и участвовавших в сражении: «князи Чемгура, и Бердебек, и Темир, и прочий князи половецкие». Все эти имена скорее всего восходят к именам позднейших татарских воевод.

115

ПСРЛ. Т. I. Стб. 372 («…целовавше к Юргю князю на менших детех на Михалце и на брате его», припоминание под 6683/1174 г.).

116

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489 («…и другыи двор его за Днепром… его же звашеть сам Раем»),

117

Правильная датировка в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 345, в конце статьи 6662 г.). В Ипатьевской явная ошибка: «Той же осени» (Т. 2. Стб. 479, под 6663 г.).

118

В Ипатьевской летописи пропуск, восстанавливаемый по Хлебниковскому и Погодинскому спискам (там же, прим. 28). См. также в Лаврентьевской: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 345.

119

Если не считать известия В. Н. Татищева, который, впрочем, иначе излагает события. По его версии, поляки, договорившись с Мстиславом и «взяв от него мзду, войско с ним отправили. Но оные, пришед, более его области вреда, а никакой пользы ему учиня, возвратились» (*Татищев.* Т. 3. с. 53.).

120

Ряд более поздних летописей сообщает иначе: по сведениям их авторов «княгиня Юрьева» явилась в Киев из Новосиля — города на реке Зуше (в нынешней Орловской области), т. е. совершала путь именно через «Вятичи»; см.: ПСРЛ. Т. 25. с. 391 (Эрмитажный список Московского летописного свода конца XV в.); Т. 7. с. 63 (Воскресенская летопись); Т. 9. с. 203 (Никоновская). Но это известие явно противоречит указанию Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480), а потому должно быть признано недостоверным.

121

По Татищеву, против мира с Изяславичами выступал «главнейший его (Юрия. — *А. К.)* советник, а Изяславичев злодей» князь Юрий Ярославич. Окончательно же убедить Юрия Долгорукого в необходимости примирения с Изяславичами удалось лишь его сыну Андрею Боголюбскому.

122

Летописи по-разному излагают обстоятельства этого брака. Согласно Ипатьевской, Юрий «повеле… Мьстиславу сынови своему Новегороде женитися Петровною Михалковича, и оженися» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482). В Лаврентьевской же инициатива заключения брака приписана самим новгородцам: «Тое же зимы ожениша новгородци Мстислава Гюргевича и пояша за нь Петровну Михалковича» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 346). Удивительно, но в Новгородской летописи известие о браке отсутствует.

123

«От Петра к Марене. Ци ти пъцьне (почнет. — *А. К.)* князь купьце наделивати… а ты ему мълъви: “Ты, княже, ведаешь, цьть (что. — *А. К.)* мужь мъре (мор. — *А. К.)* зиму си възяле…”» (там же. с. 25, грамота № 794).

124

Изображения на оборотной стороне этой иконы святых Петра и Анастасии (позднее замененной святой Натальей), предстоящих Христу, обнаруживают явную иконографическую параллель к изображениям на кратире мастера Косты. См.: *Гиппиус А.А.* Петр и Якша. К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. с. 18—31; *он же.* О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Там же. с. 32—47; *он же.* О нескольких персонажах нов городских берестяных грамот XII в. 1. Петр и Якша (Троицкая усадьба Е) // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте… с. 164—174. Гипотезу А.А. Гиппиуса полностью принимает В.Л.Янин (Новгородские посадники. Изд. 2-е, с. 174—182).

125

В 1131 г. князь Мстислав Владимирович заложил в Киеве каменную церковь «Святыя Богородица Пирогощюю» — очевидно, во имя привезенной из Константинополя иконы (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301; Т. 2. Стб. 294). Можно предположить, что обе иконы были привезены митрополитом Михаилом, прибывшим на Русь весной или летом ИЗО г. Позднейшие московские книжники XVI в. ошибочно считали, будто Владимирскую икону Божьей Матери привезли в Киев самому Юрию Долгорукому, во время одного из его киевских княжений. См. об этом в летописях Львовской (ПСРЛ. Т. 20. с. 118), Никоновской (Т. 9. с. 204), Тверской (Т. 15. [Вып. 2). Стб. 223) и др. Автор Степенной книги царского родословия (также XVI в.) полагал, будто икона была привезена Юрию неким купцом Пирогощею, приняв название второй из царьградских икон за личное имя (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. с. 192—193: «Сему убо великому князю Георгию от Царя града принесен бысть в Киев Пирогощею купьцем чюдотворный образ Пречистыя Богоматери, иже зватися обыче икона Владимерская…»); также и у Татищева *(Татищев.* Т. 3. с. 55). Мнение о том, что название иконы Пирогощей следует производить от личного имени (Пирогост), принимают и современные исследователи (см.: *Кучкин В. А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. с. 476—477, со ссылкой на М. Фасмера). Традиционное объяснение названия иконы — от греческого πύργος, башня, т. е. «Башенная».

Современные исследователи с бо́льшим доверием от носятся к бытовавшим в Новгороде слухам. Так, по предположению Я.Н. Щапова, экстраординарный сбор Нифонтом денежных средств в Новгороде может свидетельствовать о его намерениях самому претендовать на киевскую митрополию, для чего «действительно были нужны очень большие средства» *(Щапов Я.И.* Государство и церковь… с. 167— 168). Однако, на мой взгляд, для такого предположения оснований нет: попытка Нифонта утвердиться на митрополичьей кафедре едва ли могла способствовать урегулированию церковного конфликта, к чему тогда должны были стремиться и Юрий Долгорукий, и другие грекофильствующие круги в Руси. Скорее, можно согласиться с М.Д. П рисе л ковы м, который полагал, что речь шла о дани митрополиту, не выплачивавшейся в течение нескольких лет *(Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси… с. 343—344).

127

Точная дата кончины епископа Нифонта приведена в Новгородской Первой летописи. В Ипатьевской летописи правильно сообщается, что владыка преставился «порозное (праздничной. — *А. К.)* неделе в суботу», но в дате ошибка — 15 апреля (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 483). В Лаврентьевской — ошибочно 18 апреля (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 347); в списках Киево-Печерского патерика — 8 апреля (Патерик. с. 98).

Именно так трактовали видение блаженного Нифонта составители Печерского патерика, включив этот рассказ в число чудес и откровений преп. Феодосия Печерского. Между тем в рассказе о видении Нифонта Ипатьевской летописи Феодосии не назван святым. А потому нельзя исключать, что речь идет о печерском игумене Феодосии Греке, преставившемся в том же году, что и Нифонт, но немного раньше (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 346—347): не духовного ли общения с ним сподобился новгородский владыка незадолго до собственной кончины?

129

Святитель Нифонт был причтен к лику святых на Макарьевском соборе 1549 года. Вскоре, в 1558 году, псковский агиограф Василий (в иночестве Варлаам) составил его Житие. Церковная память святителя Нифонта Новгородского празднуется 8 апреля, а также 28 сентября — в Соборе преподобных отцов, в Ближних пещерах почивающих, и во 2-ю неделю Великого поста — в Соборе всех преподобных отцов Киево-Печерского монастыря и всех святых, в Малой России просиявших.

130

Чтение: «попом и дьяконом» содержится в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. 25. с. 61), Воскресенской (ПСРЛ. Т. 7. с. 65) и др. летописях.

131

В летописях XV—XVJ веков рассказывается о грозных знамениях, происходивших в дни погребения митрополита Константина и с несомненностью свидетельствующих о его святости. Ныне память святителя празднуется 5 июня.

132

Вопреки мнению В.А. Кучкина. Исследователь, ссылаясь как раз на показания Тверской летописи, утверждает, что Юрий в 1156 г. ездил из Киева в Суздальскую землю с целью приведения населения к крест ному целованию своим младшим сыновьям Михаилу и Всеволоду *(Кучкин В.А.* Формирование… с. 86—87; *он же.* Москва в XII — первой половине XIII в. // Отечественная история. 1996. № 1. с. 4—5; История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1: XII—XVIII вв. М., 1997. с. 17—18). Однако еще в 1155 г. малолетние Михаил и Всеволод Юрьевичи вместе с матерью покинули Северо-Восточную Русь, о чем летописец упомянул особо (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480). Следовательно, крестоцелование им было принесено ранее — очевидно, еще до отъезда Юрия из Суздаля зимой 1154/55 г.

По-другому разрешал возникшее противоречие Ю.А. Лимонов: по его мнению, ошибочна дата, указанная Тверской летописью. Исследователь датирует строительство московской крепости апрелем — ноябрем 1153 г. (*Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. с. 22—24).

134

Не вполне ясна фраза летописи: «…и приде к нему (к Святославу Всеволодовичу. — *А. К.)* Мьстиславичь и[з] Стародуба в засаду». Если речь идет о Ростиславе Мстиславиче, то по чему он находился в Стародубе — черниговском городе? И что значит, что он пришел «в засаду»? Так можно было бы выразиться о ком-то из младших князей.

135

Там же. Стб. 485—488 (под 6665 ультрамартовским годом). Начиная с этой статьи, Ипатьевская летопись переходит на ультрамартовский стиль (*Бережков. с. 1*57, 168), чем и объясняются различия в датах между Ипатьевской и Лаврентьевской, придерживающейся по-прежнему мартовского стиля. В Лаврентьевской летописи рассказ сильно сокращен, но зато приведена относительная датировка, отсутствующая в Ипатьевской: «Тое же зимы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 347). Некоторые дополнительные подробности — в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. 25. с. 61-62).

136

В 1157 г., уже после смерти Юрия Долгорукого, князь Изяслав Давыдович начнет войну за Туров с князем Юрием Ярославичем, намереваясь посадить на княжение в этот город Владимира Мстиславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491—492). Очевидно, Владимир к этому времени не имел своего княжеского стола.

137

Так в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348). В Радзивиловской, Московско-Академической и Летописце Переяславля-Суздальского: «в церкви Святаго Спаса на Берестовом» (ПСРЛ. Т. 38. с. 129; Т. 41. с. 88); в Ипатьевской: «у манастыри Святаго Спаса» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489); в Хлебниковском и Погодинском списках: «в манастыри у Святаго Спаса» (там же, прим. 33).

138

Суть этой должности и взимаемой пошлины («осмничего») выясняется из более поздних княжеских договоров XIV—XV вв. В частнос ти, в Уставной грамоте великого князя Литовского Александра киевским мещанам 1494 г. читаем: «Которыя перекупники на ряду седят и хлебы продают… тыи вси мають давати осмънику воеводину в каждую субботу от товару по дензе» (цит. по: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. с. 96). Должность «осменика» упоминается и в новгородском «Уставе князя Ярослава о мостех» (XIII в.).

139

Татищев. Т. 3. с. 60; ср. Т. 4. с. 250 («Иж нас грабяху и разоряху, жены и дщери наша насиловаху»).

А потому итоговый вывод И.Я. Фроянова («В майских событиях 1157 года… нельзя, конечно, отрицать присутствия элементов социального протеста и политической борьбы. Но, если воспользоваться сравнением, то были узоры на языческой событийной канве»; там же. с. 305) представляется несколько утрированным. Сводить все произошедшее почти исключительно к воспроизведению древнего языческого обряда, на мой взгляд, совершенно неправомерно.

141

В Ипатьевской летописи в дате неточность: 15 мая, что, очевидно, связано со сходством в написании кириллических цифр 5 («е») и 9 («фита»). Правильная дата в Хлебниковском и Погодинском списках.

142

ПСРЛ. Т. 9. с. 208 (дата вступления Изяслава Давыдовича на стол обозначена неверно: 18 мая).

143

По В. Н. Татищеву, 1 июля.

144

О Юрии как о князе Киевском упоминается в «Слове о погибели Русской земли» (Памятники литературы Древней Руси. XIII в. с. 130); «отним златым столом» называл киевский стол для сына Юрия Всеволода Большое Гнездо автор «Слова о полку Игореве» (Слово о полку Игореве. Л., 1952 (Библиотека поэта. Большая серия) / Подг. текста Л.А. Дмитриева. с. 60).

145

В позднейшей надписи на стене Берестовского храма сообщается о погребении здесь двух дочерей Владимира Мономаха — Евфимии, в иночестве Евпраксии, и Софии, «бывшей супругою венгерского короля Белы II» (там же. с. 28—29). Однако это ошибка, характерная для историков XVIII в. (см. «Историю» Татищева, «Родословник князей великих и удельных» Екатерины II и др.), которые относили сведения о Евфимии к двум разным женщинам, дочерям Мономаха. В исторической литературе высказывалось также предположение о том, что в этой же церкви могла быть погребена последняя жена Владимира Мономаха (*Каргер М.К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 2: Памятники киевского зодчества X—XIII вв. М.; Л., 1961. с. 378), однако никакими источниками это предположение не подтверждается.

146

См. выше, прим. 60. Чтение Ипатьевской летописи («у манастыри Святаго Спаса») вряд ли противоречит этому суждению, так как представляет собой индивидуальную особенность ее автора, который постоянно использует предлог «у» вместо «в». Неоднократно он пишет о погребении князей «у церкви» в тех случаях, когда мы можем с уверенностью говорить о погребении именно «в церкви». Ср., напр., о погребении князя Всеволода Ярославича «у гробе у велицеи церкви Святыя Софья» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 207); или Владимира Мономаха «у Святей Софье» (Стб. 289).

147

По сведениям Никоновской летописи, 1133 год.

148

Сообщение летописей о масштабном строительстве Юрия Долгорукого в Суздальской земле под 1152 годом, очевидно, носит обобщенный характер.

comments

Ссылки

1

Абрамович Д.И. Киево-Печерський патерик. Киев, 1930 (далее: Патерик). с. 5.

2

Рассказ об этой войне читается в «Повести временных лет»: Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 236-240.

3

Текст письма Владимира Мономаха Олегу цитируется по изданию Лаврентьеве кой летописи: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252—255.

См.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. с. 69, прим. 107.

5

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. подг. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950 (далее: НПЛ). с. 469, 160.

6

Патерик. с. 102. Житие святого Леонтия ничего не знает об этом и сообщает о преставлении святителя «с миром» (Сказание о Леонтии Ростовском // Древнерусские предания (XI—XVI вв.) / Сост. В.В. Кусков. М., 1982. с. 125—129; подг. текста и пер. Г.Ю. Филипповского).

7

Повесть о водворении христианства в Ростове // Древнерусские предания. с. 130—141 (подг. текста и пер. В.В. Кускова).

8

См., напр.: *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 1913. с. 309-310, 324.

9

См.: Патерик. с. 103; ПСРЛ. Т. I. Стб. 238, 445. (Обыкновенно считают, что в летописи идет речь о переяславском митрополите Ефреме, в ведении которого находилась Ростовская епархия и который и занимался здесь церковным строительством. Но епископ Симон определенно знает обоих владык, и едва ли он, постриженник Печерского монастыря, мог их перепутать.) В позднейших списках ростовских владык XV—XVI вв. (см.: ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. XXII) Ефрем занимает место между Исайей (ум. после августа 1089) и Нестором (поставлен ранее сентября 1148).

10

Здесь и далее «Поучение» Владимира Мономаха цитируется по изданию Лаврентьеве кой летописи: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 240—252.

11

О времени составления «Поучения» и о дошедшем до нас его списке я писал отдельно; см.: Великий князь Владимир Мономах / Подг. А.Ю. Карпов (серия «Русский мир в лицах») (в печати).

12

Понырко И.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. с. 68—69 (Послание митрополита Никифора о посте; древнерусский текст). Перевод мой.

13

Татищев В.И. История Российская // Собр. соч. (далее: *Татищев)*. Т. 2. М., 1995. с. 96; Т. 4. М., 1995. с. 161. Известие помещено под 6598 (1090) г., однако в самом конце летописной статьи, так что, скорее, можно было бы говорить о следующем, 1091 г. Именно так в «Родословии государей русских», включенном В. Н.Татищевым в 1-й том «Истории»: здесь дата рождения Юрия обозначена как 1091 г. (Т. 1. М., 1994. с. 375). Говоря о смерти Юрия (под 1157 г.), Татищев называет его возраст: 66 лет (Т. 3. С, 58) — это известие также сориентировано на рождение Юрия в 1091 г.

14

См.: *Кучкин В.А.* Формирование… с. 68—69; *он же.* Юрий Долгорукий // Вопросы истории. 1996. № 10. с. 35—36; *он же.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. Сб. статей к 70-летию В.В. Милова. М., 1999. с. 61-63.

15

Наиболее выверенный перечень сыновей Владимира Мономаха приведен В.А. Кучкиным: Чудо св. Пантелеймона… с. 58—60.

16

См.: *Назаренко Л.В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. с. 65—78; *он же.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. с. 596— 597. Из западноевропейских источников известно о том, что Гида поддерживала самые тесные связи с кёльнской обителью (см. далее).

17

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281-282.

ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 430.

19

Старший Мономашич Мстислав, как уже было сказано, родился в 1076 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 190); второй, Изяслав, судя по тому, что был крестником Олега Черниговского, — не позднее 10 апреля 1078 г., и, скорее всего, около этого времени и был крещен Олегом в Чернигове *(Кучкин В.А.* Чудо св. Пантелеймона… с. 58); время рождения третьего и четвертого сыновей Мономаха, Святослава и Ярополка, точно неизвестно, В.А. Кучкин как самую раннюю дату рождения Вячеслава называет первую половину 1081 г. (там же. с. 61); однако нельзя исключать, что Святослав и Ярополк были близнецами, и тогда крайняя дата сдвигается на год — не ранее первой половины 1080 г. Самое позднее время рождения Вячеслава — 1084 г., поскольку в 1096 г. он был послан отцом во главе войска на помощь Мстиславу к Суздалю.

Назаренко А.В. Древняя Русь… с. 588—589 (перевод А.В. Назаренко). Точное время, когда случилось это чудо, неизвестно (по В.А. Кучкину — конец 80-х — начало 90-х гг. XI в. *(Кучкин В.А.* Чудо св. Пантелеймона… с. 73—74); по А.В. Назаренко — 90-е гг., «за некоторое время до 1099 (1098) г». *(Назаренко А.Д.* Древняя Русь… с. 606—607); оба автора исходят в датировке из того, что это событие предшествовало второй женитьбе Владимира Мономаха). Известно, что имя Пантелеймон получил в крещении князь Изяслав Мстиславич, второй сын Мстислава, — очевидно, в память о совершенном с его отцом чуде. Если учесть это и принять наиболее естественное предположение, что исцеление князя Мстислава Владимировича имело место после рождения его старшего сына Всеволода (нареченного в крещении Гавриилом), но до появления на свет второго, Изяслава *(Назаренко А.В.* Древняя Русь… с. 599), то появляются некоторые основания для датировки чуда более поздним временем — заведомо после появления на свет Юрия во втором браке его отца. Даты рождения старших Мстиславичей в летописи не обозначены. Но очень похоже, что Всеволод родился только ок. 1103 г., в связи с чем в этом году его отец заложил в своей резиденции Городище под Новгородом церковь Благовещения Пресв. Богородицы (НПЛ. с. 19; ср.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. с. 88). В таком случае и чудо с Мстиславом могло произойти не ранее 1103 г.

21

См., напр., в Церковном уставе Ярослава Мудрого (Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976. с. 87— 88; ст. 18); в Кормчей книге *(Бенешевич В.Н.* Древнеславянская Корм чая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1907. с. 792; глава 80 из Собрания в 93 главы Иоанна Схоластика).

22

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 290 (под 6635 ультрамартовским годом); ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296 (под 6634 г.). В.Н. Татищев называет имя второй супруги князя Владимира Мономаха, умершей II июня 1126 г., т.е., по нашим подсчетам, очевидно, третьей, — Анна (Т. 2. с. 138), но откуда оно извлечено, неизвестно. По-другому в «Записках касательно российской истории» императрицы Екатерины II — Евфимия («чья дочь, доныне не отыскано») (см.: Записки касательно российской истории. Ч. 5. СПб., 1793. с. 55—56). По сведениям августейшей любительницы истории, Евфимия была матерью князей Глеба и Бориса и княгини Анастасии, впоследствии супруги польского князя Болеслава IV; все эти мифические потомки Владимира Мономаха летописям неизвестны. Все прочие дети Мономаха приписаны здесь первой супруге князя, но ею Екатерина ошибочно считала Христину, дочь шведского короля Ингоря IV (Инге Стейнкельссона), — т. е., очевидно, первую супругу сына Мономаха князя Мстислава Великого.

23

Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси… с. 56. Здесь же (с. 49—55) обоснование того, что адресатом послания является Владимир Мономах.

Серегина И.С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI—XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. с. 328-330.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. с. 52, 57.

26

ПСРЛ. Т. 1. Сгб. 282-283; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 259. В Ипатьевском списке половецкие имена искажены до полной неузнаваемости: «…и поя Володимер за Гергия Епиопину дщерь Асену внука, а Олег поя Акаепиду дщерь Яневу внуку».

27

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 250. По мнению В.А. Кучкина, здесь идет речь о том самом путешествии, которое упоминается в Патерике Киево-Печерского монастыря (в рассказе о Георгии Шимоновиче) и о котором мы говорили в самом начале книги (см.: *Кучкин В.А.* Юрий Долгорукий. с. 36; *он же.* Чудо св. Пантелеймона… с. 61—62). Однако, как мне представляется, источники сообщают о двух разных событиях: по Патерику, Георгий с княжичем «бысть послан от Владимера Мономаха в Сужьдальскую землю»; по «Поучению» же Владимир сам «идох Ростову» вместе с сыном и невесткой.

28

ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1924. с. 72—73.

29

НПЛ. с. 467.

Этому известию, безусловно, следует отдать предпочтение перед сообщением новгородско-софийских летописей об основании Владимира на Клязьме князем Владимиром Святославичем, Крестителем Руси, ок. 988—990 гг. См.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. с. 182; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. М., 1987. с. 20—21; и др.

Под 1108 г. об основании Владимира на Клязьме князем Владимиром Мономахом прямо сообщается в Львовской летописи (ПСРЛ. Т. 20. М., 2005. с. 103; здесь же, правда, имеется известие и об основании города Владимира князем Владимиром Святым). Автор т. н. Летописи Авраамки (конец XV в.) датирует те же события 6625 (1117?) г.: «Прииде князь Володимер Мономах ис Киева в Володимерь град, и постави церковь камену Святого Спаса, и поиде в свой град Киев» (ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 43). Впрочем, в этом памятнике 6625 г. помечено и начало киевского княжения Владимира Мономаха (там же, прим. 1), а его кончина датируется 6627 (1119?) г., хотя и сообщается, что он «княжив лет 13».

31

Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Ключаря тамошнего Собора Анании Федорова / Изд. Я.А. Соловьев // Временник Имп. Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 22. М., 1855. С 3-4.

32

Патерик. с. 11—12. Впрочем, в этом патериковом известии немало путаницы. Так, известно, что деревянный ростовский Успенский собор был построен задолго до Владимира Мономаха, еще в первые годы христианской истории Ростова, и простоял до 1160 г., когда, после по жара, был заменен новым, каменным. Ср. об этом: *Воронин Н.Н.* Политическая легенда в Киево-Печерском патерике // Труды Отдела древ нерусской литературы Института русской литературы (далее: ТОДРЛ). Т. 11. М.; Л., 1955. с. 96-102.

33

См.: *Варганов А.Д.* К архитектурной истории Суздальского собора (XI—XVII вв.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. 11. М.; Л., 1945. с. 99—102; *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. XII—XV вв. Т. 1: XII столетие. М., 1961. с. 28-32.

Седова М.В. Суздаль в X-XV вв. М., 1997. с. 14, 57-59.

Так, именно *суздальским* епископом назван Ефрем (см. выше). Еще более показательно известие Ипатьевской летописи. Ок. 1161 г. сын Юрия Андрей Боголюбский выгнал ростовского епископа Леона «ис Суждаля», а затем, вынужденно примирившись с ним, вернул его, «но в Ростов, а в Суждали не да ему седети» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 520). Из этих слов следует, что именно Суздаль воспринимался тогда как обычное местопребывание иерарха.

36

Патерик. с. 84—86: Слово «о поковании раки преподобного отца нашего Феодосия Печерского». В Ипатьевской летописи это событие датируется 6638 г. по ультрамартовскому стилю, т. е. 1129/30 г. (ср.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963 (далее: *Бережков). с. 1*34).

См.: *Воронцов-Вельяминов Б.А.* К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977. с. 124—139. В Житии преп. Евфросинии Суздальской (составлено во второй четверти XVI в.) упоминается еще об одном легендарном потомке Шимона, умершем в первой трети XIII в., — некоем суздальском «князе» Мине Ивановиче, несостоявшемся женихе княгини Феодулии Михайловны, впоследствии знаменитой суздальской подвижницы Евфросинии (ср.: Избранные жития русских святых. X—XV вв. М., 1992. с. 184).

38

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492-493.

39

Древнерусские княжеские уставы. с. 143. Ср.: *Насонов А.Н.* «Русская земля»… с. 169—170.

Гаряев Р.М. Суздаль. Символика русского средневекового города // История СССР. 1990. № 3. с. 55-70.

41

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285—286. См. также сокращенное известие об этом походе в Лаврентьеве кой летописи: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292 (показательно отсутствие здесь уточнения «по Волзе»: очевидно, для суздальского книжника оно было излишним, ибо не требовалось уточнять, против каких именно болгар — волжских или дунайских — был направлен поход).

42

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. Стб. 193.

43

Татищев, Т. 2. с. 134. В Первой редакции «Истории Российской» имя Глеба не названо: «Князь великий Владимир посылал детей своих, Георгия з братом, на болгоры по Волге…» (Т. 4. с. 183).

ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. с. 117.

45

ПСРЛ. Т. 38: Радзивиловская летопись. Л., 1989. с. 104. В Лаврентьевской летописи вместо Ярополка ошибочно: Ярослав (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284, 286; ПСРЛ. Т. I. Стб. 292.

47

Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 1. Рязань, 2003. с. 27—30. Ср. также: *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1998. с. 39—40; *он же.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. с. 199-228.

НПЛ. с. 21.

49

Библиотека литературы Древней Руси (далее: БЛДР). Т. 4: XII век. СПб., 1997. с. 225—227 (подг. текста Т.В. Рождественской) («Слово о князьях», один из памятников, входящих в Борисоглебский цикл).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289.

51

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293-295.

52

Ср.: *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. I: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. с. 180.

Татищев. Т. 2. с. 143.

Правда, в новгородско-софийских летописях читаем: «Князь великыи Мьстислав ходил *с низовци* на Литву и плени их» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 221; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская Четвертая летопись. М., 2000. с. 145). В Новгороде под «низовцами» обычно понимали суздальцев. Но наиболее подробный рассказ о походе, читающийся в Ипатьевской летописи, суздальцев среди участников похода не называет: «Ходи Мьстислав на Литву с сынъми своими, и с [О]лговичи, и с Всеволодом Городеньским…» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294, под 6640 ультрамартовским годом).

55

ПСРЛ, Т. 1. Стб. 301. Формально Мстислав и Ярополк считались совладельцами Переяславля.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293 (под 6638 ультрамартовским годом).

Патерик. с. 4.

Там же. с. 86.

59

См.: *Кучкин В.А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997. с. 223.

60

Патерик. с. 84—86. Правда, следует учесть, что данное «Слово» Патерика изобилует анахронизмами и, по-видимому, объединяет разно временные события. Так, в нем Георгий Шимонович упоминает о сво ем участии в военных действиях против князя Изяслава Мстиславича, имея в виду события, происходившие в 1149—1150 гг. Путь боярина Василия из Суздаля в Киев через Чернигов, кажется, тоже соответствует более позднему времени, чем 1129/30 г. Не названо в Патерике и имя игумена, при котором произошло «окование» раки; по летописи же, этим игуменом был Тимофей.

61

См.: *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси… с. 339—341.

62

НПЛ. с. 467 (статья «А се князи русьстии», XV в.). Здесь идет речь о возведении именно каменной церкви. Правда, и в этой заметке, воз можно, имеется и анахронизм: «…Потом приде из Киева в Володимерь сын Мономашь Юрьи Долгая Рука и постави другую церковь, каменну, Святого Георгия, за 30 лет до Богородичина ставлениа». О поездке Юрия в Киев в 1128 г. («за 30 лет до Богородичина ставлениа») ничего не известно. Каменная же церковь Святого Георгия на княжеском дворе во Владимире, существовавшая до XVII в., по археологическим данным, должна датироваться последними годами княжения Юрия (см. ниже). Возможно, названная новгородским книжником дата имеет отношение к построению деревянной церкви — предшественницы будущей каменной.

63

Сведения содержатся в Проложном житии князя Мстислава *(Серебрянский Н. И,* Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты.) М., 1915. Тексты. с. 48).

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301.

ПСРЛ. Т. 9. с. 157.

66

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301-302; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294-295. Лаврентьевская летопись рассказывает о событиях в Переяславле значительно подробнее, чем Ипатьевская, текст которой явно сокращен.

ПСРЛ. Т. 7: Воскресенская летопись. М., 2001, с. 29.

68

ПСРЛ. Т. 9. с. 157. В Никоновской летописи упоминается о при ходе Юрия в Переяславль «с Святополком», т. е. со своим племянником Святополком Мстиславичем, однако это ошибка — как явствует из дальнейших событий, Святополк действовал заодно со своим братом Изяславом, но автор летописи ошибочно смешал Изяслава с Юрием: Ярополк «брата своего Юрья Володимерича приведе с клятвою в Полтеск. Он же оставив брата своего Святополка в Полотске, и приде к Переаславлю на Госпожин день на Изяслава Мстиславича…». Здесь имена Юрия и Изяслава следует поменять местами. Особого комментария требует указание на день недели (воскресенье), в который Юрий прибыл в Переяславль. Думаю, что автор летописи высчитал его самостоятельно исходя из восьмидневного пребывания Юрия в городе и из того, что Изяслав вступил в город на «Госпожин день», т. е. 15 августа. 15 августа 1132 г. — понедельник. Отсчитав восемь дней назад, получаем 7 августа, воскресенье. Однако у нас нет уверенности в том, что отъезд Юрия из города и прибытие туда Изяслава происходили в один день. Источник еще одного дополнительного известия Никоновской летописи — об убийствах в Переяславле — неизвестен.

НПЛ. с. 22.

70

ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1: Степенная книга царского родословия. СПб., 1908. с. 195.

71

Цит. по Лаврентьевской летописи, но с исправлениями по Радзи-виловской (ПСРЛ. Т. 38. с. 107-108).

72

Ср. у Татищева: «…Вечеслав Владимирович туровский вознегодовал на Ярополка и, согласяся с Юрием, требовал себе Переяславль» (Т. 2. с. 144).

ПСРЛ. Т. 9. с. 157-158.

74

Татищев. Т. 2. с. 144. Туров, по сведениям Татищева, остался за Вячеславом, а Изяславу Ярополк из его волости передал лишь Дрогичин и Пинск.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.

ПСРЛ. Т. 9. с. 158.

77

О дате см.: *Бережков. с. 5*0, 135. Здесь, как и в следующем известии, и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской летописях год проставлен по ультрамартовскому стилю.

Кучкин В.А., Юрий Долгорукий. с. 38—39.

Древнерусские княжеские уставы. с. 143; ср.: *Кучкин В.Л.* Формирование… с. 75—76.

80

Цит. по Радзивиловской летописи (ПСРЛ. Т. 38. с. 108). Здесь более исправно, чем в Лаврентьевской.

ПСРЛ. Т. 2. с. 296-297.

НПЛ. С 23. См. также: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.

ПСРЛ. Т. 9. с. 158-159.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295—297.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 297-300; ср. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 303-304.

Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М, 1975. с. 139.

Греков Б.Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. // Ученые записки Института истории РАНИОН. 1929. Т. 4. с. 13—21.

НПЛ. с. 24.

ПСРЛ. Т. 9. с. 159; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. с. 196-197.

ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. с. 200 (Житие св. Всеволода).

См.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С, 120.

ПСРЛ. Т. 9. с. 158.

Насонов А.Н. «Русская земля»… с. 185; *Кучкин В.А.* Формирование… с. 80.

Кучкин В.А. Формирование… с. 80—82.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 366.

Гинзбург В. В., Герасимов М.М. Андрей Боголюбский. с. 88, 90.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 521.

См.: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г* Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 3. М., 1998. с. 44.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658.

100

См.: *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. с. 358—382; *он же.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. В данных работах уверенно называется автор этого летописного свода — киевский боярин Петр Бориславич, являющийся, по мнению Б.А. Рыбакова, и возможным автором «Слова о полку Игореве». Резкую и, как представляется, в основном справедливую критику этих построений см.: *Данилевский И.Я.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2000. с. 332—333; *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. с. 329—381.

101

Татищев. Т. 3. с. 60.

102

Там же. с. 280, прим. 69. Так было написано, а затем зачеркнуто в Воронцовском списке второй редакции «Истории Российской».

103

См.: Портреты, гербы и печати «Большой государственной книги» 1672 г. СПб., 1903.

104

Цит. по изданию Н.И. Новикова: Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 16. М., 1791. с. 89.

105

Относительно этого слова и его объяснения Татищевым см. наблюдения А Толочко: «История Российская»… с. 501—502.

106

Татищев. Т. 2. с. 170—171; ср. более краткое изложение этой истории в 1-й редакции «Истории Российской»: Т. 4. с. 207.

107

Патерик. с. 5.

Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких. с. 129; *Седова М.В.* Суздаль в X—XV вв. с. 13.

109

Цит. по: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. с. 47, прим. 1. См. также: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. с. 651-652.

110

Цитируются статьи «Русской Правды» т. н. Пространной редакции по изданию М.Б. Свердлова: БЛД Р.Т. 4. с. 496—517.

111

Цит. по: Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. с. 464 (подг. текста и пер. Д.С. Лихачева). «Наставление тверского епископа Симеона» князю Константину Безрукому входит в состав «Мерила праведного» — сборника назидательно-дидактических и юридических сочинений.

112

Цит. по: БЛД Р.Т. 4. с. 276 (подг. текста Л.В. Соколовой).

113

ПСРЛ. Т. 24. с. 77 (Типографская летопись); и др. См. также прим. 41 к части 4.

114

См.: Повести о начале Москвы. с. 173—198. Здесь и далее «Повесть» цитируется по изданию М.Н.Тихомирова *(Тихомиров М.И.* Древняя Москва. М., 1947. с. 210—214).

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. с. 300.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 600 (под 6684 г.).

117

Там же. Стб. 585, 586.

118

Радзивиловская летопись. СПб.; М., 1994. Ч. 1 (факсимильное воспроизведение рукописи). Л. 215.

119

ПСРЛ. Т. I. Стб. 436.

НПЛ. с. 465, 466, 467.

121

Как полагает, например, В, А. Кучкин (Юрий Долгорукий. с. 55, прим. 4).

122

Ср.: *Пчелов Е.В.* Великий князь Юрий Долгорукий, основатель Москвы. М., 1997. с. 34.

123

В Хронике Георгия Амартола, Новгородской Кормчей 1280 г., «Летописце вскоре» константинопольского патриарха Никифора, «Летописце Еллинском и Римском» и др. Ср.: Словарь древнерусского языка (XI-X1V вв.). Т. 3. М., 1990. с. 119; *Пиотровская Е.К.* Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) // Православный палестинский сборник. Вып. 97 (34). СПб., 1998. с. 122 и др.; Летописец Еллинский и Римский / Подг. О.В. Творогов. Т. 1.СП6., 1999. с. 73.

124

См.: *Карамзин И.М.* История государства Российского. Т. 2—3. с. 336, прим. 375.

125

Русский биографический словарь. Т. 6: Добелов—Дядьковский. СПб., 1905 (репринт: М., 1996). с. 493.

126

Повести о начале Москвы. с. 197 (четвертый вид «Повести», по классификации М.А. Салминой).

127

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302—303 (под 6647—6648 ультрамартовскими годами); ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 306—307 (под 6646 г.).

128

ПСРЛ. Т. 9. с. 163.

129

Татищев. Т. 2. с. 151.

130

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 303.

Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. с. 76.

132

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 307-308; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 304-306.

133

БЛД Р.Т. 4. с. 270.

134

НПЛ. с. 25.

135

О дате см.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. с. 141.

136

НПЛ. с. 26.

137

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 307—308.

138

НПЛ. с. 26; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 309; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308.

139

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308, 309; Т. 1. Стб. 309.

140

ПСРЛ. Т. 9. с. 166.

141

Татищев. Т. 2. с. 156.

142

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 487-488.

Там же. Стб. 310-313; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 309-310.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 310; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313-314.

145

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 317—318 (в летописи лакуна, текст дошел не полностью).

Там же. Стб. 323.

147

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 320-328.

Там же. Стб. 429.

149

Там же. Стб. 418.

150

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 314.

151

См.: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 2: XI—XIII вік. Київ, 1992. с. 150.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329.

153

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332. Рассказ о дальнейших событиях приводится также по Ипатьевской летописи (Стб. 329—339); пропуски могут быть восстановлены по Воскресенской (ПСРЛ. Т. 7. с. 36—38).

154

ПСРЛ. Т. 7. с. 242 (сведения особого «родословца» «великих князей рязанских» из Воскресенской летописи).

155

См.: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. с. 83—84.

156

Патерик. с. 110—111. См. о нем: *Карпов А.Ю.* Преподобный Кукша — просветитель вятичей. М., 2001.

157

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 337—338.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339-340.

159

На это обратил внимание О.М. Рапов (Москва родилась в понедельник // Родина. 1997. № 8. с. 30—35; *он же.* Кто срубил град Москву? М., 1997).

160

О локализации городов, упоминаемых летописью при описании этой войны, см.: *Зайцев А.К.* Домагощ и границы «Вятичей» XII в. // Историческая география России XII — начала XX в. Сб. статей к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного. М., 1975. с. 21—30. Там же, на с. 26, по дробная карта.

161

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 344.

162

Там же. Стб. 347-354; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 316-318. См. также: ПСРЛ. Т. 7. С 41-42.

163

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408.

См.: *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. с. 78-79.

165

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 355-359.

НПЛ. с. 27.

167

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 367.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 319.

169

Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 359-360, 363-364.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 319-320.

171

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 367.

См.: *Пресняков А.Е.* Княжое право… с. 89.

Кучкин В.А. Княжеский помянник… с. 232.

Татищев. Т. 2. с. 185; Т. 4. с. 215.

175

НПЛ. с. 28.

Татищев. Т. 2. с. 180-181.

177

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964. с. 28—32. № 25. Табл. XLII.

ПСРЛ. Т. I. Стб. 312; ПСРЛ. Т. 9. с. 205.

179

ПСРЛ. Т. 2. Приложения. с. 27.

180

См.: *Гранстрем Е.Э.* Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» // ТОДР Л.Т. 25. Л., 1970. с. 20—28.

181

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340-341.

182

Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 г. / Изд. Хр. М. Лопарев // Православный палестинский сборник. Вып. 51 (Т. 17. Вып. 3). СПб., 1899. с. 80, 19.

Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. с. 263—267.

Карпов А.Ю. «Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М.А. Оболенского // Архив русской истории. Вып. 1. М,, 1992. с. 109—111 (русская похвала св. Клименту, составляющая заключительную часть т. н. «Слова на обновление Десятинной церкви»).

185

Никольский И.К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892. Попытку реконструировать первоначальный авторский текст Послания Климента предприняла Н.В. Понырко: Эпистолярное наследие… с. 94—148 (здесь же и перевод памятника на современный русский язык). См. также: Златоструй. Древняя Русь. X—XIII вв. / Сост. А.Г. Кузьмин, А.Ю. Карпов. М., 1990. с. 180—190 (перевод мой). Ниже Послание Климента цитируется в переводе на современный русский язык. Послание написано между июлем 1147 г. (поставление Климента на кафедру) и 1154 г. (год смерти князя Изяслава Мстиславича, упомянутого в тексте).

НПЛ. с. 28; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484.

187

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484.

188

Русская историческая библиотека. Т. 6. Изд. 2-е. СПб., 1908: Памятники древнерусского канонического права. Ч. I / Подг. А.С. Павлов. СПб., 1908. Стб. 29, 31-33, 52.

189

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 368-372. См. также: ПСРЛ. Т. 25. с. 45-46.

190

НПЛ. с. 28.

191

ПСРЛ. Т. 1. Стр. 320.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 372-374; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 320-321.

193

Патерик. с. 86.

Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII в. Киев, 1903. с. 131.

195

ПСРЛ. Т. 9. с. 180.

196

ПСРЛ. Т. 2. Сто. 374-384; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 321-323; НПЛ. с. 28.

197

Свидетельство Магдебургских анналов; см.: *Головко Л.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев, 1988. с. 78.

198

О дате этого брака см.: *Грот К.Я.* Из истории Угрии и славянства в XII в. (1141-1173). Варшава, 1889. с. 94-97.

199

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384-385.

200

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 250-251 (Тверской летописец); ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. СПб., 1907. Стб 1—2 (Супрасльская летопись).

201

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315, 391.

202

Так в Житии св. Отгона Бамбергского, написанном Гербордом (цит. в переводе Н.И. Щавелевой по: *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. с. 119).

203

ПСРЛ. Т. 2, Стб, 316-317,

Щавелева Н. И, Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. с. 304, 305. Из русских источников об этих войнах сообщает только украинская Густынская летопись XVII в., испытавшая сильное влияние польской историографии (ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. с. 77, под 1126 г.).

205

Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. с. 102. Дату разрушения Вислицы (9 февраля) называют польские анналы (там же. с. 148, 156). Ср. также: «Великая хроника»… с. 102—103.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 450.

207

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 311.

Бибиков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам… с. 62, ср. с. 117. *(Иоанн Киннам.* Краткое обозрение… с. 95—96.)

209

Ср., напр.: *Оболенский Д.Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. с. 246.

210

Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 454.

211

НПЛ. с. 28.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 488.

213

ПСРЛ. Т. 9. с. 182.

См.: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. с. 83—84.

215

Здесь и далее ход событий излагается в основном по Ипатьевской летописи: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384—394. См. также Лаврентьевскую, по которой можно восстановить некоторые пропуски Ипатьевской: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 323-326.

Если не считать не вполне определенного упоминания Хлебниковского списка Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 388, прим. 76).

217

Цит. по: *Головко Л.Б.* Древняя Русь и Польша… с. 78—79. См. так же: *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. [Вып. 2]. Германия. Середина XII — середина XIII в. М.; Л., 1990. с. 355.

Щавелева Н.И. Послание епископа Краковского Матвея Бернарду Клервоскому об «обращении русских» // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976. с. 113-121.

Мещерский Н.А. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. с. 233.

220

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667-668.

221

См.: *Флоря Б.* //. У истоков конфессионального раскола славянского мира (Древняя Русь и ее западные соседи в XIII в,) // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. с. 717—724.

См.: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М, 1968. С 157-158.

223

Татищев. Т. 3. с. 14.

ПСРЛ. Т. 9. с. 182-183.

225

Татищев. Т. 3. с. 15, 16.

Например, статьи 35, 38 Пространной редакции «Русской Правды» (БЛД Р.Т. 4. с. 500, 502).

227

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 429-430.

Там же. Стб. 394-398.

229

ПСРЛ. Т. 9. с. 183.

Ср.: *Бережков. с. 1*50.

Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 2. Ч. 1. с. 168.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 398-418; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 326-330.

233

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 442.

Ср.: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика… с. 335, прим. 29.

См.: *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. с. 201-202.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 330.

237

ПСРЛ. Т. 9. с. 185.

Татищев. Т. 3. с. 239, прим. 445. Так же считают и другие исследователи, например, М.С. Грушевский (Історія України-Руси. Т. 2. с. 169).

239

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 418—423.

Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. с. 161; и др.

241

См.: *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. с. 49—50.

242

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 431.

Там же. Стб. 423-433; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 330-333.

Толочко П.П. Древний Киев. с. 90.

*Бережков. с. 1*51.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 433—441.

247

НПЛ. с. 28.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 442-446.

249

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 335.

ПСРЛ. Т. 9. с. 190-191.

251

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 219.

252

См. прежде всего фундаментальное исследование Н.Н. Воронина: Зодчество Северо-Восточной Руси… Т. 1. Строительству Юрия Долгорукого здесь посвящен отдельный раздел: с. 53—110.

Заграевский С.В. Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. М., 2001, глава 1, приложение. (Я пользовался электронной версией этой книги: http://www.zagraevsky.ru/dolgoruky.)

БЛД Р.Т. 4. с. 280. Ср.: *Воронин И.Н.* Зодчество… Т. 1. с. 328.

255

Ср.: 3 Цар. 5: 17; 6: 7.

Воронин Н.Н. Зодчество… Т. 1. с. 107—110.

Заграевский С.В. Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. Заключение.

258

ПСРЛ. Т. 24. с. 77. См. также в Новгородской Четвертой (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. с. 153), Новгородской Карамзинской (ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. с. 102), Никоновской (ПСРЛ. Т. 9. с. 196-197) и др. летописях.

259

ПСРЛ. Т. 9. с. 158.

Татищев. Т. 3. с. 44.

261

Цит. по: Памятники литературы Древней Руси. XIII век. с. 130 (подг. текста Л.А. Дмитриева).

См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. с. 275—294.

Воронин Н.Н. Зодчество… Т. 1. с. 67—76.

Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. с. 90—91. См. также схожую легенду, приведенную в сочинении крестьянина села Кидекша Ф.И. Воробьева, представленном в Императорскую публичную библиотеку (Летопись Борисоглебской церкви, что при селе Кидекша Суздальского уезда Владимирской губернии. Б. м., 1911. с. 1).

Воронин Н.Н. Владимир. Боголюбове Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1967. с. 240.

ПСРЛ. Т. 38. с. 129.

267

ПСРЛ. Т. I. Стб. 369.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 580.

269

Цит. по: *Воронин Н.И.* Владимир. Боголюбове.. с. 247.

См.: *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (Историко-археологические очерки). Л., 1982. с. 88—103; *он же.* Города, величеством сияющие. Л., 1985. с. 102—117.

Цит. по: *Дубов И.В.* Города… с. 102—103.

Воронин Н.Н. Зодчество… Т. 1. с. 101; *он же.* Переяславль-Залесский. М., 1948; *он же.* Переяславль-Новый // Летописи и хроники. М., 1974. С 141-142; *Дубов И.В.* Города… с. 116.

НПЛ. с. 477.

См.: *Воронин Н.Н.* Зодчество… Т. 1. с. 101—102; *Дубов И. В.* Города… с. 112.

См.: *Чиняков А.* Архитектурный памятник времен Юрия Долгорукого // Архитектурное наследство. Вып. 2. М., 1952. с. 43—66; *Воронин Н.Н.* Зодчество… Т. 1. с. 77—90.

Воронин Н.Н. Зодчество… Т. 1. с. 104-105.

277

ПСРЛ. Т. 38. с. 129; ПСРЛ. Т. 41: Летописец Переславля-Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. с. 88.

ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. с. 192.

Вздорнов Г.И. Фрески Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // Советская археология. 1968. № 4. с. 217—223.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. с. 413.

Воронин И.Н. Владимир. Боголюбово… с. 258.

282

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 455.

283

ПСРЛ. Т. 16. с. 45.

Воронин Н.Н. Зодчество… Т. 1. с. 91 — 100.

285

Там же. с. 92.

Там же. С, 55—56; и др.

287

Цит. по Московскому летописному своду конца XV в.: ПСРЛ. Т. 25. с. 58. См. также ПСРЛ. Т. 4. с. 153 (Новгородская Четвертая); Т. 7. с. 60 (Воскресенская); Т. 24. с. 77 (Типографская); Т. 42. с. 102 (Новгородская Карамзинская); Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. М., 2000. Стб. 21 (только об основании города).

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 221.

Ср.: *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. с. 410—412.

290

ПСРЛ. Т. 24. с. 77.

291

См.: *Медведев А.Ф.* Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге // Культура древней Руси. М., 1966. с. 158—167.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455.

Татищев. Т. 3. с. 40.

294

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455-460; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338-339. См. также: ПСРЛ. Т. 25. с. 56-58.

295

Иоанн Киннам. Краткое обозрение… с. 95—96; *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам… с. 62—63 (исследователь датирует этот поход 1151 г.). См. также об этих событиях у Никиты Хониата *(Никита Хониат.* История… Т. 1. с. 104—105).

См.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. с. 230—241; *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игоревен. с. 277—392; *он же.* Петр Бориславич. (См. также прим. 47 к части 2.)

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 341; см. также: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 468.

ПСРЛ. Т. 9. с. 198.

299

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… с. 44 (о дате см.: с. 79, прим. 153).

См., напр.: *Пайчадзе Г.Г.* Политические аспекты русско-грузинских связей в XII в. // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, поев. 70-летию… В.Т. Пашуто. М., 1988. с. 64—68 (со ссылкой на Я. З. Цинцадзе); *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. с. 326—332.

301

ПСРЛ. Т. 20. с. 117.

См.: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. с. 98.

303

НПЛ. с. 29 (здесь же точные даты). Ср. также в перечне новгородских князей XV в. («А се князи Великого Новагорода»: НПЛ. с. 470).

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 341; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 468.

305

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 470.

ПСРЛ. Т. 9. с. 200—201.

307

НПЛ. с. 29.

ПСРЛ. Т. *2.* Стб. 476 и след.; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 344 и след.

309

См.: *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. с. 127—128, 208.

310

Там же. с. 127.

311

Ср.: *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 1. Т. 1—2. М., 1988. с. 691 — 692, прим. 280.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 479.

313

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. с. 323-324.

314

НПЛ. с. 29.

315

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). Т. 11. М., 2004, с. 63 (грамота № 850). Здесь и далее принята атрибуция персонажей берестяных грамот, предложенная А.А. Гиппиусом и принятая другими исследователями.

316

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482 («Том же лете иде Андреи от отца своего из Вышегорода в Суждаль без отне воле…»); ПСРЛ. Т. 1, Стб. 346 («Того же лета иде Андьрей от отца своего Суждалю…»).

317

ПСРЛ. Т. 9. с. 204.

Пресняков А.Е. Княжое право… с. 92.

319

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 223.

320

НПЛ. с. 467.

321

Кучкин В. А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция Сказания… с. 503-505. См. также: БЛД Р.Т. 4. с. 218—221 (подг. текста, пер. и коммент. В.П. Гребенюка).

Иоанн Киннам. Краткое обозрение… с. 187; ср.: *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам… с. 67.

323

См.: *Dolger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches. München; Berlin, 1924. Bd. 2. № 1406; *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. с. 148.

Patrologiae cursus completus / Ed. J.-P. Migne. Series graeca. T. 140. Paris, 1860. Col. 148—153. Ср.: *Поппэ А.В.* Митрополиты киевские и всея Руси. с. 197.

325

НПЛ. с. 29.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 483-484; Патерик. с. 97-98.

327

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485.

Ср.: *Татищев.* Т. 3. с. 242, прим. 465.

329

ПСРЛ. Т. 9. Стб. 207.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351-352, 457.

331

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 225.

См., напр: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. с. 56; *Насонов А.Н.* «Русская земля»… с. 186—187; и др.

См.: *Рабинович М.Г.* О древней Москве. Очерки материальной куль туры и быта горожан в XI—XVI вв. М., 1964. с. 18—22; *Латышева Г. П., Рабинович М, Г,* Москва и Московский край в прошлом. М., 1973. с. 55— 64. О датировке крепости: *Панова Т.Д.* Культурный слой Московского Кремля // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1990. № 3. с. 64—78. Здесь и далее изложено, в основном, по новому обобщающему труду: История Москвы с древнейших времен… Т. 1. с. 16—19.

Ср.: *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. М.; Л., 1961. с. 109 и др.

335

ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913. с. 214.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484, 485.

Там же. Стб. 482.

Щавелева И.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. с. 324.

Татищев. Т. 3. с. 57-58.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 497-499.

341

Цит. по: Мудрое слово Древней Руси (XI—XVII вв.) / Подг. В. В. Колесов. М., 1989. с. 270.

342

См.: *Булычев П.В.* Что значит эпитет «осмомысл» в Слове о полку Игореве // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. с. 1—7.

343

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 488.

Там же. Стб. 488-489.

345

НПЛ. с. 30.

Лимонов Ю.А. Ростово-Суздальское летописание середины XII в. (Летописец Юрия Долгорукого) // Исторические записки. 1962. Т. 72. С. 184—216; *он же.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. с. 34-61.

347

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489.

ПСРЛ. Т. 9. с. 207-208.

349

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489.

350

См., напр.: *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. с. 142-148.

351

ПСРЛ. Т. 40. с. 88.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 569.

Кучкин В.Л. Княжеский помянник… с. 221.

354

БЛД Р.Т. 4. с. 278.

355

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. с. 464.

Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. с. 296-305, 281.

357

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 490.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 490-491; ср. ПСРЛ. Т. I. Стб. 348.

Ср.: *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. с. 322.

Пресняков Л.Е. Княжое право… с. 127.

361

См.: *Красицкий Д. Ф., Федоренко П.К.* Усыпальница Юрия Долгорукого. М.; Л., 1948. с. 33.

362

Здесь и далее изложено в основном по: *Толочко П. П.* Дворцовые интриги на Руси. с. 148—149. См. также: Огонек. 1996. № 42, октябрь. с. 4—5; Труд. 2003. № 161, от 2 сентября; http:// www.rg.ru/Anons/arc_ 1999/1204/44.htm.

Лебединцев П. Спас на Берестове // Киевская старина. 1888, июль. См. также: *Красицкий Д.* Ф., *Федоренко* 77. *К.* Указ. соч. с. 22—23.

Красицкий Д. Ф., Федоренко П.К. Указ. соч. с. 25.